

В
ВГ

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

КРАЙ
СВЕТА

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

КРАЙ СВЕТА

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

ЭКСМО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК БЕСА
БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ
ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ
ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ЧЕРНАЯ СИЛА. ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ
ДРЕВО ВРЕМЕН
ВЛАДЫКИ РЕАЛЬНОСТИ
ПРОВУЖДЕНИЕ ДЖИННА
ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНОГО
ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РЕЛИКТ: ДЕТИ ВЕЧНОСТИ
РЕЛИКТ: АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК
КРАЙ СВЕТА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

КРАЙ СВЕТА

Отклонение к совершенству

Консервный нож

Приключения Дениса Молодцова

Рассказы

Москва

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Головачев В. В.
Г 61 **Край света: Фантастические произведения / В. В. Головачев. — М.: Эксмо, 2006. — 672 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).**

ISBN 5-699-18252-7

Полет фантазии Василия Головачева поистине неудержим. Вместе с героями его повестей и рассказов мы путешествуем во времени и пространстве, переносимся в глубины Космоса и в отдаленные уголки нашей родной планеты, участвуем в схватках с чужим разумом и исследуем параллельные миры... На страницах этой книги можно встретить неутомимых исследователей и искателей приключений, отважных воинов и коварных инопланетных монстров, нет места лишь для скуки и однообразия!

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 5-699-18252-7

© Головачев В. В., 2006
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2006

ПОВЕСТИ

ОТКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ

Часть первая

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ СТРАЖ

Глава 1

Что-то заставило его насторожиться, сон исчез.

Неверов открыл глаза, полежал, глядя в голубое струение потолка, и покосился на постоянно включенную видеополосу. В одном из окон дальновидения ближайший к Зоне страж топтался на своем странном насесте, озираясь по сторонам блюдцеобразными белыми глазами. Ветер донес далекий полуклекот-полувож, и страж заволновался, захлопал крыльями, тяжелыми и уродливыми на вид, заорал. Судя по крику, горло он имел, по крайней мере, железное.

Дежуривший у пульта связи Диего Вирт оглянулся и уменьшил громкость внешнего звукоприема.

— Опять передача? — вздохнул Неверов, вставая. — По-спать не дадут...

В спокойных светлых глазах Диего мелькнула улыбка.

— Пора бы привыкнуть, ворчун. Мне они тоже покоя не дают в твоё дежурство, однако я не ворчу.

— Тебе хорошо, ты вон какой здоровый!.. А я слабый и хилый... И вообще человек без чувства юмора выносливей.

— Спасибо.

— На здоровье.

По пультам беззвучно метнулись желтые огни, складываясь в знакомую комбинацию, и тотчас же отозвался динамик дешифратора:

«Внимание, вызов! Сто один дробь три, пятое февраля, семнадцать часов сорок минут относительного, аппаратура готова».

Диего ответил стандартным: «Вызов принят» — и приготовился к приему информации.

Прошлепав босыми ногами до бокового крыла пульта, Неверов включил блок дубль-связи с Базой и поприветствовал проявившуюся в виоме сонную физиономию дежурного Базы. Это был Гунн.

— Привет, Эдвин. Спишь? Не проспи смену.

— Что у вас там? — не принял шутливого тона Гунн, который обладал редким даром не реагировать на шутки в свой адрес. — Опять запрос на энергоснабжение вне графика?

— Мы же не виноваты, что автоматы защиты Зоны срабатывают так часто. Включай запись. Поступил словосигнал, очередная передача.

Особый плоский экран над пультом связи, окруженный тройным кольцом датчиков выбора программ, загорелся серым дрожащим светом, то убыстряя ход, то замирая, и стало ясно, что на этот раз ничего путного он не покажет. До сих пор специалисты земных институтов не могли разобраться в логике видеопередач коренных обитателей планеты — энифиан. Передачи не поддавались расшифровке, и ведущие математики Базы считали, что в данном случае необходим принципиально иной подход к проблеме видеосвязи с энифианами. Парадокс состоял в том, что энифиане и люди уже понемногу общались через обычную радиосвязь, то есть расшифровывали язык друг друга, но видеопередачи — наиболее наглядный и простой способ коммуникации — принимать не могли. А может быть, этого не хотели сами хозяева планеты, неведомые энифиане, до сих пор остававшиеся анонимами...

— Да-а, парадокс, — сказал вслух Неверов, глядя на экран, подумал и добавил: — Парадокс — это когда у человека голова пустая, но тяжелая.

— Ты мне? — осведомился Гунн, помаргивая пушистыми ресницами — предметом зависти красивейшей половины Базы.

— Они сегодня не в духе, — заметил вскользь Диего Вирт. — Они не выспавшись.

— Заметно, — сказал Гунн, которого никогда не покидало ровное флегматическое настроение.

Экран все еще показывал серебристую пустоту с плывущими нечеткими силуэтами, волны мутной желтизны по-

шли по нему, как круги по воде, ничего осмысленного, а дешифратор вдруг выдал длинную фразу перевода.

Энифиане интересовались сравнительными характеристиками нервных систем человека и высших животных Земли.

Массивный бритоголовый Вирт с брезгливой гримасой отщелкнул индекс запроса на Базу, встрепенувшийся Гунн покачал головой и показал пятерню — ответа надо было ждать пять минут.

— Вот так, — сказал Диего, оттопырив губу, взглянул на стоящего босиком Неверова.

Диего Вирт представлял собой натуру сдержанную, решительную, наделенную недюжинной силой воли и выдержкой. Вместе с тем был он склонен к иронии, что не раз помогало ему в трудных ситуациях.

Лен Неверов был, наоборот, разговорчив, общителен, любил пошутить, но болезненно воспринимал шутки в свой адрес, хотя обиды при этом старался не выказывать и смеялся над собой вместе со всеми.

Они и внешне отличались друг от друга. Диего был широк, мускулист, казался медлительным из-за точно выверенных и скупых движений, но обладал при этом отлично развитой реакцией на опасность. На круглом его лице выделялись светлые внимательные глаза, в которых ничего нельзя было прочесть, кроме безмятежного спокойствия.

У Неверова было скуластое лицо с карими глазами и крупными, нечеткого рисунка губами. Был он худощав, с нормально развитой мускулатурой, но узок в талии. Движения его всегда были стремительными и резкими. Впрочем, это касалось и речи.

Диего Вирт был старше Неверова примерно вдвое.

— Похудел ты, — участливо произнес Диего. — Девушки любить перестанут. Ложись-ка спать, сон улучшает цвет лица. Я и один справлюсь.

— В такой обстановке улучшить цвет лица — проблема. И что я в тебе нашел, соглашаясь на дежурство?

— Наверное, то, что я красивый.

Неверов не выдержал и засмеялся.

Гунн молча взирал на него из виома, ни один мускул не

дрогнул на его философски спокойном лице, напоминающем циферблат прибора.

В это время пришел ответ из информария Базы. Гунн передал информацию по запросу и с разрешения руководства Базы предложил контрвопрос разумным обитателям планеты о состоянии и потенциалах космической техники.

Диего, почти не глядя на клавиатуру пульта, с молниеносной быстротой закодировал ответ и свой вопрос, передал в эфир и сгорбился над пультом. В последнее время с ним явно что-то происходило.

— Все же непонятно мне, — сказал Неверов с легкой завистью (так работать с пультом контакта он еще не умел). — Энифиане еще ни разу не поинтересовались нашей техникой, достижениями науки... Почему-то их интересуют лишь биология, обществоведение, культура и искусство. Ни одного технического вопроса! Даже обидно, ей-богу! Неужели мы настолько отстаем от них технически? К тому же сами они не отвечают на наши вопросы. Я, например, до сих пор не знаю, кто они: люди, гуманоиды или какие-нибудь разумные муравьи. Может быть, ты знаешь? Нет. А почему? Ни разу не слышал, чтобы контакт устанавливался с анонимом! Может, страж на скале и есть энифианин, наш неизвестный собеседник? — Неверов встал и подошел к окну дальновидения. — В романах хорошо описывается встреча землян с инопланетянами: прекрасный юноша даже влюбляется в не менее прекрасную девушку с альфы Сириуса... А кто способен влюбиться в эту образину?

Диего поднял голову и оценивающе посмотрел на уродливую фигуру стража.

— Может быть, Эдвин Гунн?

— Я серьезно, а ты смеешься. Об энифианах мы знаем так мало, что начинают зарождаться сомнения в целесообразности контакта. Почему они не говорят, как выглядит рядовой абориген? С какой целью от нас скрывают устройство общества на планете? Это же, по крайней мере, странно, согласись.

— Не отрицаю. Видимо, у них свои цели контакта.

— Какие? Эх, Диего, не будь инструкций, включил бы я одностороннюю связь и спросил бы у них напрямик...

— Какие мы сегодня воинственные, — с иронией сказал Диего и грузно встал. — Тебе вредно просыпаться среди ночи два раза подряд. Ложись и досыпай, у тебя еще два с лишним часа.

— Ну вот, — грустно произнес Неверов. — Убил мою инициативу в зародыше. Скучный человек, киллджой¹, как говорит Эдвин, поговорить невозможно. И почему ты всегда поступаешь правильно?

Диего Вирт, не отвечая, как-то странно повернулся вполоборота к пульту и наклонил голову, будто прислушиваясь. И почти сразу же вслед за этим закричал страж, резко, переливчато, словно предупреждая о чем-то...

Когда Неверов улегся в постель и уснул, Диего вызвал Базу по ОЭЛ — особо экранированной линии, делавшей невозможным для энифиан любой перехват передач, и соединился с кабинетом директора. В виоме появилось лицо Доброгнева.

— Ждан, я, кажется, начинаю понимать причину происходящих в организме изменений: энифиане используют излучение, которое не только перестраивает геномы клеток, но и воздействует на кору головного мозга, высвобождая скрытые его резервы. Передо мной открываются грандиозные перспективы! Я, например, начинаю слышать крики стражей задолго до того, как их начинает регистрировать аппаратура Зоны, и, по-видимому, это еще не все. Я чувствую в себе изменения, которые сбивают меня с толку.

Властное, с тяжелым подбородком лицо Доброгнева помрачнело.

— О том, что это направленный мутагенез, было известно и раньше. Непонятно другое — цель этого «эксперимента». До каких пределов могут пойти энифиане в запале своих «изысканий»? Меня это тревожит в первую очередь, потому что, по некоторым соображениям, мы не можем спросить у энифиан об этом прямо.

— Только что оной нашей нерешительности удивлялся мой напарник.

¹К и л л д ж о й (англ.) — буквально: убийца радости, то есть неинтересный человек.

— Он воспринимает все чересчур непосредственно, но он прав. А ты... ты становишься мутантом, Диего. И хотя в твоих «открытиях» пока нет ничего плохого, но и хорошего мало. Во всяком случае, ты — находка для пандологов¹ и генных инженеров, пусть хоть это тебя утешает. Я поговорю с Нагорным. Кстати, ты подготовил результаты штатного анализа?

— Отправлю по обычному каналу после смены.

— Добро. А может быть, прервать твоё дежурство, пока не поздно? Очень уж неуютно ждать сюрпризов.

— Прервать можно в любой момент, но кто тогда ответит на все ваши вопросы? Нельзя же, как этот юноша, произнести риторические «зачем» и «почему» и не ждать ответа.

— Тогда держись, разведчик.

Виом опустел, и Диего выключил канал связи. Синий полумрак стусился в зале центра связи Зоны, уплотнил тени в углах. Тихий отчетливый шелест доносился из динамиков над пультом: сквозь стены стучалась к людям электрическая жизнь планеты Эниф.

В постели у дальней стены зала посапывал, уткнувшись носом в подушку, Лен Неверов.

Дым не струился пеленой или клубами, а рассыпался крупными хлопьями, неслышно появляясь из широких трещин, разорвавших полотно дороги на отдельные рваные плиты. Ветер гнал быстро тающие светящиеся хлопья прозрачной метелью к низкому, запятнанному облаками небу; небо флуоресцировало тусклой зеленью.

— О-оррр! О-о-у-уррр! — заорал вдруг совсем близко невидимый страж, так что Неверов шарахнулся в сторону и едва не свалился с дороги в темную яму, напоминавшую колодец.

— Чтоб тебя!..

— Отличное горло! — заметил Диего, облитый поблескивающим стеклом скафандра.

¹Пандология — наука, изучающая резервы человеческого организма и возможности их использования (*фант.*).

Страж снова заорал, и ему отозвались другие стражи; вскрик удалился в темноту.

— Сидят и наблюдают, — буркнул Неверов. — Вот уж действительно стражи! Нас сторожат или за себя боятся?

— Поменьше эмоций, — отозвался философски настроенный Диего. — Странно, двенадцатый час ночи, а стражи еще не спят. По моим наблюдениям, сон у них начинается сразу после наступления ночи. Кстати, как ты думаешь, кто построил дорогу? Не сами же энифиане? Все орбитальные наблюдения доказывают, что дорог на Энифе нет, только вот этот аппендикс возле Зоны. Напрашивается вывод, что дорогу строили какие-то гости вроде нас. Соображаешь?

— Ты хочешь сказать, что не мы первые устанавливаем контакт с энифианами?

— Именно.

Неверов пожал плечами и отошел от здания Зоны на несколько шагов. Скафандр его засветился ровным оранжевым светом — заработал светомаяк. словно в ответ на движение человека ближайший страж загремел камнями, сорвался со скалы-насеста и тенью метнулся к дороге, мерцая огненными блюдцами глаз.

Диего инстинктивно положил руку на рукоять «универсала», но страж, не долетев до них десятка метров, сделал немыслимый пируэт и темным пятном вознесся к небесам — только ветром повеяло.

— Урод глазастый! — громко сказал Неверов, продолжая идти в сторону дороги. — Чудовище, и мерзкое притом! Чего он на нас кидается? Не узнал? Знаешь, тревожит меня скверное предчувствие — не все у них благополучно на планете. Не потому ли и не отвечают на наши вопросы? Особенно касающиеся их общественного строя.

— Ах, Лен, — в тон ему проговорил Диего. — Мы могли бы получать информацию о деятельности энифиан не только посредством официальных запросов, возможностей для этого у нас хватает. Ты пойми, надо, чтобы они *добровольно* не утаивали от нас ничего, чтобы поняли — мы тоже обладаем той дисциплиной мысли и действия, которая необходима для настоящего плодотворного контакта. Что, если энифиане проверяют нас именно в этом направлении?

Неверов невольно замедлил шаг. «Неужели знает?! — подумал он с испугом. — Не может он знать. Знал бы — давно сказал бы...»

— Это их условия контакта, — продолжал Диего, словно рассуждая вслух, — а условия надо соблюдать, даже если они оговорены анонимом.

— Почему же энифиане тогда так осторожны в ответах? Будто оценивают — пойдет это им во вред или не пойдет?

— Ты сам ответил на этот вопрос. Кстати, ты куда, собственно, направился?

— Сейчас... хочу проверить одно обстоятельство. Вчера вечером я пытался дойти до «кустиков», но дальше дороги не смог...

— Не испытывай судьбу. — Диего нехотя пошел вслед за товарищем.

— Любопытное явление... сейчас то же самое... Непохоже, чтобы меня кто-нибудь задерживал... какой-то психологический феномен. Просто не могу заставить себя шагнуть дальше. И не боюсь, и не могу! Ф-фу. Даже жарко стало!

Неверов вернулся к дороге.

— Не хочешь испытать на себе?

— Не желаю, — сказал Диего, глядя на близкую скалу стража, перечеркнувшую небосвод изогнутой тенью.

Неверов тоже посмотрел на стража, который не переставал возиться и иногда яростно чесал чешуйчатую шкуру когтями — мерзкий звук, напоминавший скрежет напильника по стеклу. Дальше, за столбом, шла ворочающаяся тень, не смягчаемая даже текучим фосфором неба, и было там жутко и неприятно. Кто-то безглазый смотрел оттуда, смотрел изучающе и неодобрительно. Неверову внезапно захотелось выпалить в темноту из пистолета, поэтому он повернулся и быстро пошел к сплошному белому параллелепипеду Зоны. Трещины и колдобины в дороге приходилось угадывать почти на ощупь: стены Зоны светились так слабо, что не рассеивали мрак даже на расстоянии полуметра.

Диего уже исчез в стене, оставив ясно видимый прямоугольник проницаемости. Неверов шагнул за ним и не выдержал, оглянулся.

Где-то далеко-далеко на горизонте он увидел плывущие

огоньки, цепочкой охватывающие Зону. Ветер с той стороны донес глухой рокот, мелко-мелко задрожала почва. Неверов, затаив дыхание, несколько минут с жадным интересом наблюдал за мигающими огоньками, но рядом дико закричал страж, и очарование ночной тайны исчезло, уступив место негодованию. Неверов сплюнул в гнев, тут же убедившись, что он в скафандре. «Что это со мной? — с удивлением подумал он. — С чего я так нервничаю? Вот узнал бы Диего, какие у меня слабые нервы! стыдно, коммуникатор, специалист, так сказать, по контактам... Надо держать себя в руках!»

Неверов не предполагал, что Диего Вирт знает о нем все, даже то, чего он сам о себе знать не мог.

Глава 2

Ночь на Энифе на широте Зоны длится тридцать один час с минутами, почти столько же, сколько и день. Ночь для энифиан священна: никаких вопросов в это время суток они не задавали и вообще прекращали деловую связь. Поэтому через каждые тридцать часов энифианского дня для двух коммуникаторов — специалистов по контактам в коробке Зоны контакта наступало время решения личных вопросов. Было известно, что все дежурившие в Зоне занимались в это время делом полезным и перспективным. Степаниук и Генри Лаирн, например, создавали оптимальную программу расшифровки видеопередач энифиан, оба имели дипломы математиков. Юревич за смену до них пытался нарисовать меняющийся пейзаж вокруг Зоны. Его работы экспонировались потом в залах Института внеземных культур в Ленинграде. А его напарник Виктор Зубавин проанализировал крики стражей, без особого успеха доказывая связь криков с передаваемой энифианами информацией.

Что делал Диего, Неверов в точности не знал. Во-первых, потому что сам в это время бывал до предела занят, во-вторых, застав однажды товарища на ложе кибердиагноста, он увидел совсем другого Диего — сурового и далекого от

всего происходящего вокруг, и это обстоятельство удержало его от расспросов.

Сам Неверов занимался тем, что монтировал мини-роботов из богатого набора универсальных узлов дубль-систем Зоны. Внутренности роботов он начинал видеозаписывающими устройствами и посылал за пределы здания, нарушая тем самым не только инструкцию поведения в Зоне, но и приказ директора Базы Доброгнева, категорически запретившего любые эксперименты с познавательной целью на территории Зоны и вне ее. Была, конечно, у Неверова тень опасения, что его «деятельность» не так уж и безобидна, как ему кажется с первого взгляда, но ни один мини-робот из вылазок не вернулся, энифиане протеста не заявляли, к инструкциям Неверов относился скептически, и заинтересованность его не убывала.

Рассветало, когда напрасно ожидавший очередного робота Неверов, злой и невыспавшийся, пнул ногой самодельное программное устройство, с помощью которого надеялся управлять роботами дистанционно, и неожиданно для себя заметил скромно пристроившегося в углу зала Диего.

— Ничего? — спокойно спросил тот, отпивая глоток сока из дымчатого бокала.

— Ага... — заикаясь, ответил Неверов. — Молчит, кретин кибернетический! А ты, собственно... о чем ты?

— Пойдем, — коротко и грустно сказал Диего и аккуратно поставил пустой бокал на футляр передатчика.

Они вышли из отсека силовых агрегатов Зоны, приспособленного Неверовым под мастерскую, спустились на последний этаж, прошли коридором в конец здания и остановились перед белым прямоугольником запертой двери, назначение которой Неверов, как ни силился, вспомнить не мог.

Диего, насвистывая популярное попури из репертуара ансамбля «Василек», открыл контур проницаемости двери и вошел. Неверов, недоумевая, шагнул следом, и взору его открылось кубическое помещение, заставленное аппаратами и антеннами экранирующих устройств. Диего отступил в сторону, и Неверов увидел роботов, которых он творил и ждал с неиссякаемым долготерпением. Тихие и нелепые ма-

ленькие уродцы с торчащими соплами реактивных двигателей выглядели до слез одинокими и неживыми, словно приговоренные к казни, и Неверов даже протянул руку, собираясь погладить синеватый глянцевого бок последнего робота, но передумал и спрятал руку за спину.

— Шесть? — спросил Диего совсем грустно.

— Шесть. Как ты это делаешь?

— Не я — защита от... скажем, от случайностей. К сожалению, не ты один сторонник активных методов изучения энифианской цивилизации. Но если ты пока под защитой своего никакого опыта, то остальные... Помнишь Быстрова, бортинженера Базы? Он использовал геологические автоматы серии «Л» с обратной связью, вон от него логический блок, остальное я демонтировал и отправил на Базу еще в прошлую смену. Туд пытался запустить на дороге робота-планеторазведчика с гамма-излучателем. А Резванов решил поймать стража силовой ловушкой с целью его дальнейшего анатомирования. Хорошо, что строители еще до монтажа Зоны предусмотрели подобные ситуации.

Неверов изменился в лице, постоял немного, глядя на роботов, и быстрыми шагами поднялся наверх. Диего проводил его задумчивым взглядом, покачал головой и, осторожно ворочаясь в тесном помещении, вынул из последнего неверовского робота неиспользованную видеокассету. Потом открыл большой металлический ящик в углу комнаты, положил туда кассету, с минуту разглядывал содержимое ящика и со вздохом закрыл крышку.

«Любопытство — не порок, — подумал он, выходя из комнаты. — Чего добиваются мои нетерпеливые друзья, я знаю, но вот чего хотят от нас энифиане, хотел бы я знать? Не забыть бы очистить сейф от хлама, и можно выключить защиту: теперь никто не станет пытаться тайком проникнуть за пределы Зоны...»

Новый день ничего особенного не принес. Диего вел себя как и прежде, так что в конце концов Неверов перестал дуться неизвестно на кого. Поразмыслив, он понял, что еще легко отделался. Диего никому не расскажет об инциденте, а вот как отреагировали бы сами энифиане, узрев нарушение «подписанного контракта», поди отгадай! Все могло

кончиться весьма плачевно, и прости-прощай тогда Комиссия по контактам, и Институт внеземных культур, и аспирантура, и, может быть, слава... Что ж, учись размышлять вовремя, коммуникатор...

В первой утренней смене дежурил всегда Диего, более опытный. Неверов сначала наблюдал за его работой с пульта, прислушиваясь к переводу со стороны энифиан, но интересного для него было мало — энифиан интересовали стереотипы поведения человека в экстремальных условиях, — и он решил выйти наружу.

— Только, пожалуйста, без экспериментов, — попросил Диего, не оглядываясь. Неверов мог поклясться, что тот подслушал его мысли.

— Постараюсь, — кротко ответил он.

То ли потому, что выход человека из Зоны в дневное время был явлением чрезвычайным, то ли этот страж питал к Неверову расположение, но при его появлении он молча снялся с насеста, спикировал чуть ли не на макушку коммуникатора, сделал круг над его головой и взвился на скалу. Кричать при этом он не стал, меланхолический сегодня был страж.

Неверов подождал некоторое время, глядя на жуткую апокалипсическую фигуру, подумал, что природе, наверное, немало пришлось пофантазировать, создавая подобное существо, потом отошел от здания Зоны и осмотрелся.

Его окружал чужой, знакомый только внешне, по высотной видеосъемке, и полностью загадочный мир: высокое, какое-то очень легкое небо, часто зеленеющее от приближающихся грозových фронтов до изумрудного свечения; большое, с земную Луну, сплющенное рефракцией светило Эниф, словно жестяной поднос проглядывающее в небе; всхолмленная, поросшая пушистым и безлистным кустарником равнина Контакта, окружавшая Зону со всех сторон; далеко на западе — силуэты гор; цепочка игольчатых скал с площадками стражей, пересекающая равнину с востока на запад; небольшое озерцо тяжелой синей воды, видневшееся за близкими холмами, поросшими чем-то вроде спутанных черных канатов...

Тишину и запустение этого мира можно оценить по

стражам, изредка шевелящимся на скалах, как большие угрюмые вороны, да по ветру, волнующему ворсистый ковер высокого мха...

Минут десять Неверов стоял на месте и ждал.

Интуиция его не подвела. Из-за горизонта вдруг началась странная черная метель. Ветер резко усилился, и вскоре черная волна закрыла видимость; стемнело. Неверов подставил под черный «снегопад» руку, и на ладонь упала ажурная «конструкция» — не снежинка, конечно, — сrostок сажи.

Сажепад прошел, ветер развеял по земле черную пыль, и краски энифианской природы засияли вновь.

Но зато начала вздыхать земля, вдох — заметный сдвиг почвы вверх, выдох — вниз, и так в течение получаса. В Зоне этого не замечаешь, автоматика гасит «дыхание» полностью. И как всегда после почвенных «вздохов», в зарослях кустарника принялись вдруг бродить странные шипастые тени, слышались оттуда необычные звуки, отдаленно напоминающие человеческие голоса, смех, долгое эхо с отголосками.

Неверов оглянулся на белое, геометрически правильное и простое и тем самым резко выделяющееся на фоне чужой природы здание Зоны, поколебался немного, но для проверки слов Диего надо было отойти от Зоны шагов на сто. Так он и сделал, спокойно перейдя невидимую границу, которую еще ночью не мог преодолеть.

В кустарнике за холмами мгновенно смолкли все звуки, движение вокруг Зоны в пределах километра замерло. Ближайший «меланхолический» страж перестал чистить на скале шкуру и уставился сверху круглыми пустыми глазами.

— Так я и думал, — пробормотал Неверов, отходя от здания еще на полсотни шагов. Диего в Зоне усмехнулся на его слова — Неверов забыл про включенный передатчик скафандра.

Сделать это раньше — то есть отойти от Зоны — Неверов не мог, потому что ночью работала все та же «защита от случайностей», дело рук земных инженеров, а не аборигенов, как он считал. Днем, как всегда, защита была не нужна, и выключал ее, конечно, Диего Вирт.

Неверов с любопытством прислушался к наступившей настороженной тишине, потом почувствовал на себе знакомый тяжелый взгляд, передернул плечами и повернулся спиной к холмам. Было бы глупо считать, что энифиане со своей стороны не предприняли меры безопасности против любопытства человека. «Взгляд» со стороны — это уже их работа.

Цивилизация энифиан по всем прямым и косвенным признакам не была технической, «голая биология плюс психология» — по словам Гунна. «И, может быть, плюс к этому всякие штучки вроде телепатии и телекинеза, — подумал Неверов. — Тысячи лет биологической цивилизации! Кто знает, каких вершин знания достигли энифиане!..»

Вернувшись к зданию, он уселся посреди дороги на твердую подушку сухого мха и стал смотреть на удивительно скособоченный холм в полукилометре, голый и потрескавшийся. Дорога из серого бетона, материала древнего, на Земле давно не применявшегося, утыкалась прямо в холм. Кто мог построить ее здесь, столь похожую на земные дороги двадцатого века? «Странно, что мы с Диего не говорили на эту тему, — подумал Неверов. — А он должен бы знать, сколько лет дороге, хотя в инструкции и запрещены активные эксперименты. Почему бы здесь не приземлиться звездолету с Земли двадцатого века?»

Ничто не предвещало ни малейшей опасности, пейзаж вокруг Зоны был спокоен, но все же Неверов стал замечать некоторые изменения в этом пейзаже: кустарник словно бы начал уходить под землю, уменьшаться в высоте, одновременно сжимаясь и пряча ветви и шипы.

Цвет мха стал серым, как у рыхлого весеннего снега. Страж на столбе тоже претерпевал изменения, превращаясь в кожистое одеяло, обнимающее шпиль своего наместа...

Неверов не первый раз видел метаморфозы энифианской природы, приготовления животного и растительного мира планеты перед ураганом, но каждый раз его захватывало это поразительное зрелище.

Лишь через полчаса проявились наконец физические признаки приближавшей бури: небосвод позеленел, засветился, первый порыв ветра сдул с дороги подушку мха. Неверов с сожалением оглядел изменившийся до неузнаваемости ландшафт и поспешил ко входу в Зону.

Диего Вирт оглянулся на чмокнувшую дверь и ухмыльнулся. Неверов вошел с необычным для себя виноватым видом. После «открытия» барьера против обоснованного, но неразрешенного любопытства он должен был призадуматься, а это всегда на пользу увлекающимся натурам. Прежде чем что-нибудь сделать, он теперь кое-что вспомнит и сравнит...

— Ну? — напомнил о себе Тоидзе, вернее, голова Тоидзе, торчавшая в виоме, как голова профессора Доуэля из одноименного романа Беляева, писателя далекого двадцатого столетия.

— Мальчик не знал, что существует защита...

— ... от дурака.

Диего исподлобья посмотрел на инженера связи, и тот отвел виноватый взгляд.

— От случайностей, Ваню, от случайностей.

— Ну от случайностей, смысл тот же.

— По-моему, ты сегодня расстроен, Ваню. Никто из нас не терпит бездеятельности, особенно в таких условиях. Когда-нибудь мы научимся управлять своим любопытством, чтобы оно не оборачивалось злом. Может, человек не стал бы человеком, не будь он любопытен? А Лен молод, выдержки не хватает, но у него неплохие качества: искренность и восприимчивость к толковым объяснениям.

— Спасибо, я понял, — криво усмехнулся Тоидзе. — Я и вправду сегодня расстроен, мою кандидатуру снова отклонили.

Он, очевидно, имел в виду то, что давно хотел попасть в число дежурных на Эниф, но по каким-то причинам научный совет Базы уже в третий раз вежливо советовал ему подождать. Впрочем, эти причины Диего знал как никто другой. «Едва ли теперь вообще кто-нибудь попадет в Зону, — подумал он. — Наша смена скорее всего последняя». Вслух, однако, он этого не сказал.

— Ну, до смены еще полмесяца, многое может измениться, — успокоил он связиста. — Так что не унывай. Кстати, ты не в курсе, что ответили энифиане на наш вопрос относительно их космотехники? Помнишь, мы задавали им вопрос два дня назад?

Тоидзе пригладил свои знаменитые усы, не менее знаменитые, чем ресницы Гунна.

— Ничего они не ответили конкретно. Космической техники, как мы это понимаем, у них нет, как нет вообще никакой техники. В космос они выходят редко и не с познавательными целями.

— И это все?

— Не ты первый удивляешься. Тебе не кажется, что энифиане мудрее нас? Ведь главная ценность цивилизации — информация, а обмен пока далеко не равноценен, мы снабжаем их информацией чуть ли не в десять раз больше, чем они нас! Где справедливость?

— А ты спроси у Доброгнева, — усмехнулся Диего. — Он любит отвечать на такие вопросы. Что еще ты имеешь мне сообщить?

— Еще наши планетологи от безделья провели радиолокационный зондаж материка и обнаружили любопытное образование — нечто вроде наших областей со стоячими туманами. Они назвали эти туманные области — гаруа. Представляешь, километров по пятьдесят в диаметре круглые шапки туманов, а в центре россыпь странных столбообразных скал... Погоди-ка, тебя спрашивает шеф. Переключи связь на ОЭЛ.

Виом мигнул и воспроизвел кабинет директора Базы, больше похожий на кусок морского пляжа. Доброгнев заметил взгляд Диего и выключил видеопласт, комната приобрела нормальный вид.

Суровое лицо Доброгнева казалось необычно напряженным, словно он ожидал плохих известий, а может быть, то сказывался эффект освещения — директор любил рассеянный голубой свет.

— Доброе утро. Что нового?

— Как будто ничего особенного. С Неверовым, очевидно, происходит то же самое, что и с остальными: прирост нервной массы, выхода энергии никакого, отсюда — нервная возбудимость и жажда деятельности.

— Но у тебя же сие не наблюдалось?

— Выдержка. Тренировка. К тому же мне не двадцать пять...

Доброгнев подумал и подключил канал связи с кабинетом Нагорина, главного врача Базы. Нагорин был не один, у передней панели медицинского комбайна, занимающего всю левую сторону комнаты, сидел заместитель директора по безопасности дежурств Руденко и разговаривал с одним из ученых-биологов, которого Диего знал только в лицо. Нагорин, оценив ситуацию, на минуту отключил связь, и, когда снова включился, ученого в кабинете уже не было.

— Слушаю, — глуховатым голосом сказал он, ни к кому в особенности не обращаясь. Говорил он, почти не разжимая губ, и тем, кто не знал его близко, мог показаться высокомерным или равнодушным. Но таковым в действительности он не был. Диего знал это достаточно хорошо.

— Что дало обследование дежурных? — спросил Доброгнев.

Нагорин покосился на медлительного Руденко и вздохнул.

— Увеличение общей нервной массы, естественно, прекращается сразу же после их возвращения на Базу, то есть вне комплекса Зоны. Нежелательных последствий, в общем-то, никаких. Конечно, за время обследования. А что случилось?

— За месяц изменения в организме почти незаметны, — сказал Диего. — Идет как бы накопление средств для...

— Скачкообразной мутации, — закончил Нагорин. — Я думал об этом. Да, риск велик. Как далеко зашло у тебя?

— Он уже может заменить компьютер, — невесело усмехнулся Доброгнев. — Что он еще будет уметь, я не знаю. Факт остается фактом — все ваши методы защиты от энифианских способов воздействия на людей в Зоне не годятся, даже пакетная силовая защита.

— Характеристики этого излучения уже известны, — произнес Руденко. — Теперь все зависит от физиков, насколько быстро они от теории перейдут к практике и изготовят нам необходимую аппаратуру.

Нагорин долго молчал, рассматривая свои руки, как чужие: такая у него была привычка. Потом тихо произнес:

— Мы все отлично понимаем, что можем найти в случае удачи и что потерять. Конечно, пандологи поставят тебе па-

мятник, Диего, но... не пора ли заканчивать эксперимент? Ведь мы не знаем, для чего энифиане воздействуют на дежурных в Зоне излучением или целым набором излучений, влияющих на генную память. Я понимаю, соображения руководителей УАСС¹ и виднейших специалистов ИВК, направленные на выяснение мотивов поведения энифиан, заслуживают внимания, но я уверен, что наши методы (он так и сказал *метóды*, с ударением на слоге «то») выяснения этих мотивов, по крайней мере, некорректны.

— Это соображения безопасности для всей нашей цивилизации, — медленно сказал Руденко. — В УАСС работают опытейшие прогнозисты, способные предвидеть события на годы вперед...

— Дело не в компетентности работников аварийно-спасательной службы, — поморщился Нагорин. — И даже не в том — зачем энифианам экспериментировать над нами, какую цель они преследуют. Простите меня, но любой эксперимент над человеком бесчеловечен, даже если он направлен на выяснение опасности для остальных людей. Мы же видим: цивилизация энифиан явно нездорова, негуманна в самом прямом смысле этого слова. В связи с чем встает вопрос: не станет ли Диего когда-нибудь опасен для этих самых людей, ради которых он сегодня подвергается риску?

— Вывел! — крикнул Доброгнев, избегая смотреть на Диего прямо.

— То же самое имели в виду и эксперты управления, — пробормотал Руденко, с сочувствием рассматривая спокойную физиономию Вирта. — Не в этом ли и состоит цель энифиан — глобальная биоразведка земной цивилизации?

— Вы правы, — сказал Диего, погладив бритую голову. — Подстраховка мне не помешала бы. Но я на планете уже четвертый месяц и... ничего. Едва ли их излучение способно резко изменить человеческое в человеке, слишком долго лепила нас природа, миллионы лет.

— Прости, Диего, — тяжело сказал Нагорин. — Я не хотел обидеть.

— Чего уж там, ты-то мог бы и не извиняться. Но закан-

¹Управление аварийно-спасательной службы.

чивать эксперимент с нашей стороны преждевременно, материала для определенных выводов мало. Ну и потом... я же сам согласился на продолжение.

Нагорин сардонически усмехнулся.

— Если ты об ответственности, то я ее не боюсь, это пройденный этап. — Он снова усмехнулся. — Что же касается дальнейшего участия в эксперименте... меня волнуют не столько заботы цивилизации в целом, сколько судьбы отдельных личностей вроде тебя. Потому что на острие любого устремления общества всегда стоят конкретные и чаще всего дорогие сердцу люди.

— Спасибо, — серьезно сказал Диего.

— Ладно, — пробурчал Доброгнев. — У тебя больше ничего нет?

Диего замялся: вопрос был к нему.

— Есть одно наблюдение... Требуется проверки, но все же думаю, что не ошибся. Видите холм в конце дороги? — Диего повернулся к станционному виому, показывающему пейзаж за стенами Зоны. — Так вот, по всему — это чужой космический корабль.

В помещениях Базы наступила тишина. Все молча смотрели на громаду холма. Наконец опомнился Руденко:

— Ничего не вижу. Не разыгрываешь?

— Оттуда ничего и не увидишь. Я сам долго сомневался, пока не проверил.

Доброгнев нахмурился.

— Каким же образом?

Диего хитро прищурился.

— Абсолютно легальным способом, не нарушая инструкции. Не забывай, я ведь мутант.

— Темнишь ты что-то, мутант. Но если твои наблюдения подтвердятся... Не пробовал определить возраст дороги?

— Каким же образом? — передразнил Доброгнева Диего. — Конечно, пробовал, получается сто пятьдесят плюс-минус десять лет. Возраст холма тот же.

— Серьезное открытие, — сказал Руденко. — И достаточно тревожное. С вашего позволения, я дам депешу в управление.

Все четверо переглянулись.

— Ладно, — еще раз сказал Доброгнев. — На Земле сумеют оценить эту информацию. До связи, разведчик. Ничего не предпринимай самостоятельно... без особых на то причин.

Виом спецсвязи угас. Диего скорректировал записи на стационарном блоке фиксации событий и задумался, глядя на стража, превратившегося в тонкое черное покрывало под порывами начинающейся бури.

На пульте тонко запищал сигнал метеопатруля.

— Вижу, вижу, — пробормотал Диего. — Зона к урагану готова.

Вскоре в зал ввалился Неверов, стал раздеваться, рассматривая в окно дальновидения. Диего ободряюще подмигнул ему, и молодой человек ответил нерешительной улыбкой.

Глава 3

К ночи ураган за стенами Зоны немного утих, порывы ветра утратили свою былую мощь, рев и грохот сменился гулом и воем; ураган постепенно терял силу.

В центральном зале Зоны было тихо и уютно. Тишина и уют особенно подчеркивались черной круговертью за окнами дальновидения, пронизанной зигзагами и полосами электрических разрядов.

У пульта сидел Неверов, только начавший шестичасовую вахту, последнюю перед энифианской ночью. Он был полон сил и энергии, отчего сначала пытался петь, а потом читать вслух стихи, судя по рифмам, вернее, по их отсутствию, — свои.

Диего, наоборот, был неразговорчив и угрюм, что еще более разделяло столь непохожих друг на друга людей. Определенно с ним что-то происходило. Неверов как-то даже решил спросить его об этом напрямик, но передумал.

Иногда Диего словно резко просыпался и оглядывался вокруг с растущим изумлением, потом спохватывался и продолжал заниматься делом. Или с застывшим лицом начинал вдруг к чему-то прислушиваться, напрягался так с

минуту, затем поворачивался к напарнику, лицо его смягчалось, и слабая улыбка трогала жесткие губы.

В такие моменты Неверов старался ничего не замечать и думать лишь о связи с Базой, но поведение товарища начинало его тревожить, Диего явно скрывал что-то от него, что-то существенное, пребывая при этом в неуверенности — сообщать об этом или нет...

Несколько минут Неверов просматривал записи прежних сообщений, нерешительно поглядывая на товарища, молча лежавшего на диване в спальном отделении, потом сказал:

— Знаешь, Диего, я все думаю над твоими словами о дороге. Тот холм, в который она упирается...

Диего повернул голову.

— Ну и?..

— Понимаешь, подозрительный он какой-то. Форма у него странная, а со стороны дороги он и вообще напоминает...

— Смелее.

— Ракету времен Королева!

— Ракету, — задумчиво повторил Диего. — Что ж, в наблюдательности тебе не откажешь. Не тебе одному кажется, что холм похож на ракету.

Неверов подозрительно посмотрел на Диего — не смеется ли?

— А вдруг это и в самом деле чей-то звездолет? — загорелся он. — Представляешь, какое открытие?! Давай сходим к нему, посмотрим вблизи... Если разрешат.

— Посмотрим, — спокойно проговорил Диего. — Только позже, лучше всего ночью. База разрешение даст, но риск слишком велик.

— Ну где тут риск? Пройти всего-то полкилометра.

— А ты не задавал себе вопроса: почему этот звездолет, если он звездолет, конечно, так занесен почвой? Почему он мертв столько времени, мертв, несмотря на присутствие энифиан, существ разумных? Я понимаю твои стремления, но до холма мы можем не дойти.

— Энифиане нас?.. — прошептал Неверов.

Диего посмотрел на его покрасневшее лицо и засмеялся.

— Воображение заработало? Сделать нам плохое энифиане, наверное, не смогут, но помешать — помешают. К тому же нарушать свое слово, пусть и данное неизвестно кому, неэтично.

Неверов потускнел.

— Интересно же!.. Чужой звездолет!.. Так близко...

— Интересно, спору нет. Но интересен не сам факт открытия чужого корабля, а то, в каких обстоятельствах состоялось это открытие. Вот и думай.

Диего вдруг упруго вскочил с дивана и подсел к пульта. Виом послушно «выдал» вечно сонное лицо Гунна и обесцветился защитой подключенного канала ОЭЛ.

— Привет, Эдвин. Я вчера дал запрос в информарий об экспедициях конца двадцатого — начала двадцать первого века, пропавших без вести.

— Есть ответ. Передать в кристалле или на машину?

— Проще на машину, секретов в этом нет.

Гунн проделал необходимые манипуляции, и в окошке координатора связи появились строки записей и фотографии космонавтов первых межзвездных экспедиций, не вернувшихся на Землю.

Диего быстро просмотрел сообщение с Базы и разочарованно откинулся в кресле.

— Не то? А что ты ожидал увидеть?

— Ни один корабль не подходит по форме. Понимаешь, о чем речь?

— Ты об этом холме-«звездолете»? А вдруг ты ошибаешься? И, кажется, ошибся. Но тогда перед нами чужой звездолет. Кто-то до нас контактировал с энифианами. А может, и не контактировал, а погиб при посадке. Не задать ли им по этому поводу вопрос?

Гунн помолчал, помаргивая своими длинными пушистыми ресницами.

— Одобрит начальство — спросишь, — сказал он наконец.

Диего хмыкнул и переключил видеоканал в медцентр. Нагорин был там, он вопросительно посмотрел на Вирта и кивнул.

— Ты просмотрел мой последний отчет? — спросил Диего.

— Это моя обязанность.

— Заметил? Они увеличили дозу облучения. То ли форсируют события, то ли конец эксперимента близок. Боюсь, Лену придется сократить срок дежурств. Скажем, до двух недель вместо месяца, иначе у него начнется то же самое.

— Процесс продолжается?

— Ты же читал отчет. — Диего покосился на внешне невозмутимого Неверова. — Более того, он ускоряется, я начинаю теряться в этой лавине изменений.

— Плохо. — Нагорин помрачнел. — Трудно анализировать собственное состояние? В таком случае без помощи тебе не обойтись. Не пора ли все рассказать ему? — Нагорин кивнул в сторону молодого коммуникатора. — Помочь тебе сможет только он один. Пока. Кстати, я вышел в секториат УАСС с предложением прекратить разведку независимо от вашего на то согласия. Опыт перерос рамки безопасности для его участников. Впрочем, он с самого начала был небезопасен.

— Не казни себя, — тихо проговорил Диего. — В таких вопросах трудно разобраться без проверки, а прогнозисты мы еще слабые.

Нагорин несколько мгновений смотрел на Вирта оценивающе, какое-то острое сожаление мелькнуло в его мрачных серых глазах, он кивнул и отключился.

У Неверова, очевидно, кончился заряд терпения, потому что он вдруг повернулся к сгорбившемуся Диего и произнес:

— Не ожидал от тебя такого свинства, уважаемый. Целых полторы недели я живу с тобой под крышей Зоны, будь она трижды благословенна, и ничего не знаю!

— Потихе, Лен, я слышу тебя хорошо. Один из древних мыслителей говорил, что долго живет тот, кто меньше знает. Шутка. Об излучении ты уже слышан, наши милые невидимые и неуловимые энифиане нашли вид излучения, вызывающий у нас изменения организма на молекулярном уровне. У всех дежурных до меня и у тебя тоже оно вызыва-

ло только увеличение объема нервной массы. Но вы дежурите всего по месяцу, а я уже четвертую смену...

— Но почему именно ты?

— Потому что я, кроме всего прочего, являюсь еще работником спецотдела УАСС. Теперь понятно?

Неверов криво усмехнулся.

— Понятно. Ну и денек сегодня, новость за новостью!

— Ты не интересовался, вот для тебя и новость. Но проблема перед нами стоит трудная. Энифиане перекрыли все источники информации, кроме официального канала; это не насторожило бы нас, если бы не их излучение, проникающее в Зону через все слои изоляции и силовую защиту. Вот что, Лен, отрегулируй-ка медкомбайн, мне необходимо в течение нескольких дней контролировать твое состояние. Не волнуйся, для сравнения. Я сейчас лягу, а ты буди, если что случится.

— Хорошо, — кивнул торопливо Неверов.

— Я в бассейн. — Диего кивнул и вышел из зала.

Неверов проводил его взглядом и погасил свет в зале. За стенами Зоны бушевала гроза, и всполохи электрических разрядов освещали зал дивными переливами холодного света.

Внезапно вспыхнул виом связи с Базой, показав обстановку одного из лабораторных отсеков, у виома стоял озабоченный Доброгнев. Из-за помех виден он был плохо, но Неверову показалось, что директор Базы нервничает.

— Как буря? — спросил Доброгнев, пробежав глазами по темному залу. Голос его был едва слышен. — Впервые длится так долго. Держитесь?

— Все нормально. Что нам сделается? Стены прочные плюс защита...

— Да и в метеорологическом отношении нам повезло: Зона расположена в довольно спокойной области материка, ураганы здесь гости редкие... А где Диего? Спит?

— Пошел в бассейн, сейчас придет.

— Он в последнее время ни на что не жалуется?

— В каком смысле? — растерялся Неверов.

— Ну как тебе сказать... — Доброгнев понизил голос и прищелкнул пальцами, подбирая выражение. — Жалобы на здоровье, эмоциональные вспышки, на головную боль...

— Нет, — с облегчением сказал Неверов. — Ничего такого не было. Правда, иногда он словно прислушивается к себе, чего-то ждет...

— Ждет, значит, — пробормотал Доброгнев, уходя в свои мысли. — Ну, это в порядке вещей. Ладно, спокойного дежурства.

Виом опустел.

Вернулся Диего с яблоками и кувшином шипучего сока, налил бокал Неверову, остальное поставил рядом с диваном. Сок и яблоки были его слабостью.

Если бы Неверов пригляделся, он бы заметил, что Диего движется с закрытыми глазами, причем безошибочно. Но Лен не приглядывался. За окном дальновидения ураганные порывы ветра яростно хлестали стены здания ручьями дождя и цветного пламени. Гроза, вопреки прогнозу метеопатруля, усиливалась вновь.

...К шуршанию и скрипам затухающей вечерней жизни за стенами прибавился вдруг иной звук — долгое басовитое гудение.

Диего насторожился, прислушиваясь. Он находился в абсолютной темноте и все же ощущал явное присутствие каких-то огромных твердых предметов вокруг себя. Внезапно без всякого перехода он очутился в дневном лесу Энифа: светило замерло в зените, густой перистый кустарник был почти полностью золотистым.

Тела своего разведчик не чувствовал, ощущение было такое, будто он смотрит на мир чужими глазами, причем с внушительной высоты.

Басовитое гудение, не смолкавшее ни на миг, перешло в гул, потом в рев, и наконец под аккомпанемент адского грохота в нескольких сотнях метров от Диего с небес рухнула раскаленная добела масса. Жара, однако, он не ощутил, а масса, перестав двигаться, начала быстро гасить сияние, и вскоре Вирт понял, что видит перед собой космический корабль.

Пошевелиться он все еще не мог, оставаясь как бы бесстрастным наблюдателем, зато подмечал все детали необычного прилета космических гостей.

Долгое время (Диего показалось, что прошло много дней) чужой корабль стоял неподвижной скалой, окруженный со всех сторон «толпами» стражей. Потом в фиолетовой обшивке корабля появилась щель, и на почву лесной поляны выползли странные существа, похожие на свежескорчеванные пни. Существа эти с помощью своих многочисленных корневидных рук-щупалец смонтировали какие-то механизмы и, не обращая внимания на вопящих стражей, принялись строить... дорогу!

Это продолжалось долго, Диего не чувствовал течения времени, но все же почему-то знал — долго. Стражи унялись, основная их масса улетела, осталось трое, наблюдавших за чужим звездолетом с вершин откуда-то взявшихся шестов. Ничего похожего на их теперешние насесты Диего не заметил, видимо, они появились недавно, когда на Эниф пришли люди.

И вот Диего, с интересом следивший за действиями стражей и существ-пней, увидел, что дорога длиной в полтора километра построена. Тотчас же «пни» прекратили деятельность, многорукие, похожие на хозяев механизмы выволокли из звездолета какие-то конструкции и принялись за сборку. А когда новая машина была построена, Диего понял, что «пни» строили не дорогу, они строили взлетную полосу, потому что собранный аппарат был самолетом.

Самолет загрузили, несколько «пней» залезли внутрь, и после разбега по «дороге» он исчез в пустом небе. Стражи не мешали полетам, хотя устроили подозрительную возню возле громады чужого корабля. И еще Диего отметил, что за все долгое время работы прилетевшей экспедиции в окрестностях корабля царило поразительное спокойствие: не пронесся ни один ураган, ничего похожего на сильную грозу или черную бурю.

Самолет совершил несколько полетов — Диего мог только догадываться, что «пни» изучали Эниф. А потом он вдруг заметил некоторые изменения в облике «пней»: из ярко-желтых они превратились в грязно-зеленые, тела их стали деформироваться, раздуваться, «головы» уменьшаться. Они все реже появлялись возле корабля, пока совсем не прекратили выходы.

Самолет их с очередной группой исследователей улетел

и больше не вернулся... Долго, очень долго корабль стоял неподвижный, угрюмый, словно покинутый, но в один из дней вдруг загрохотал, вспыхнул ослепительным пламенем, клубы дыма и пыли полетели из-под него во все стороны, скрывая перспективу.

Поднимался он величаво, напомнив Диего старты первых космических кораблей — «Союзов» и «Аполлонов», — но как-то уж очень неуверенно и слишком медленно. Поэтому улететь не успел: налетели тучи стражей, облепили поднимавшийся корабль, и разом все изменилось — рев стих, и чужой корабль плюхнулся на прежнее место. Пыль осела, стражи улетели, наступила тишина и неподвижность...

Лишь спустя «много дней» в корпусе звездолета открылся шелевидный люк, и на серую полосу взлетной полосы выползло какое-то существо. Диего взгляделся и с ужасом понял, что это страж! В корабле не должно было быть стражей, выполз, конечно, последний повелитель звездолета, но уж очень он походил на стража!

Мир сузился для Диего до размеров собственных глаз, потемнело. Тут он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

— Что? Кто это? Зачем? — забормотал он, силясь открыть глаза и удивляясь вернувшейся способности говорить, и увидел над собой встревоженного Неверова. — Что такое? — спросил он, поднимая голову от подушки.

— Ты спал и стонал, вот я и... Плохо себя чувствуешь?

— Да-а... собственно, нет, все нормально.

Диего откинулся на подушку и с удовольствием оглядел знакомую обстановку зала связи.

— Все нормально, малыш, просто я видел любопытный сон. Долго еще до конца смены?

— Два часа. Ты спи, энифиане молчат — ночь у них. Страж тоже молчит. Полетал немного над Зоной, пока ты спал, и снова сел, до утра теперь. Ураган уполз к Синим Горам.

— Уговорил. — Диего потер глаза и повернулся на бок. — Ну и сон!

— Расскажешь?

— Обязательно, позже. Лен, будь другом, принеси сока, лучше всего березового, а?

Неверов улыбнулся и кивнул.

Окно дальновидения казалось толстой плитой из черного непрозрачного стекла — ни огонька, ни отблеска света не мелькало в его глубине.

Темнота за стенами Зоны была такой всеобъемлющей и глубокой, что казалось — Зона погребена под километровой толщей скал или вод океана.

Неверов, налюбовавшись энифианской ночью, принес из стандартного синтезатора гору фруктов и с удовольствием смотрел, как Диего ест.

— Итак, у нас осталось пять часов личного времени, — крихтя произнес Диего, нагибаясь за упавшим яблоком. — Кстати, поздравляю тебя с полной адаптацией в условиях Зоны. Не тянет на Базу? Восторженные взгляды операторш и все такое прочее...

— Не тянет, — смутился Неверов и с хрустом откусил сразу пол-яблока, хотя есть не собирался. — К дежурствам я действительно привык, как-никак две недели здесь, опыт, понимаешь... Сегодня прилетал какой-то незнакомый страж, орал на нашего меланхолического. Я только что вспомнил.

— Вот как? — пробормотал Диего. — Кричал? Начальник, наверное. За лень ругался.

Они улыбнулись друг другу. Неверов привык к тому, что Диего постоянно к чему-то прислушивался, поэтому ни о чем его не спрашивал, справедливо полагая, что ему все будет рассказано, когда придет время.

— Между прочим, — сказал он, доев яблоко, — ты обещал мне рассказать свой сон, помнишь?

— Сон? — пробормотал Диего. — На сон, брат, тот «сон» не похож...

Со времени своего странного «сна» Диего не раз размышлял над поразительным совпадением увиденного во сне с тем, что он знал о холме в конце дороги, и пришел к выводу, что сон — это скорее всего наведенная гипноиндукционная передача и он стал ее реципиентом. Ибо чем мог быть наваян такой сон? Откуда такая ошеломляющая правдивость и жизненность? И главное — почему он так подробен? Сны, как правило, забываются почти сразу, а в этом помнится каждая мелочь. Но тогда возникает вопрос: кому и зачем понадобилось проводить сеанс гипноиндукции?

Причем избирательной, Неверов ведь ничего не видел и не слышал. Получается, что он, Диего Вирт, землянин, приобрел информацию, прямо отвечающую на вопрос, какова цель эксперимента энифиан. Сами ли энифиане решили сообщить об этом или у людей появился неизвестный союзник, рискнувший предупредить их о замыслах хозяев планеты?

О «сне» Диего сразу же сообщил на Базу, но с тех пор по этому вопросу База молчала — очевидно, дело вращалось в институтах Земли.

И еще одним соображением поделился Диего с Доброгневом: звездолет «пней» из его «сна» был настолько неуклюжим и древним, судя по работе двигателей — ракетно-ядерным, что межзвездным кораблем его трудно представить. В связи с чем стоило поискать родину «пней» как в системе Энифа, так и у ближайших звезд. Открытие цивилизации «пней» послужило бы отличным доказательством того, что «сон» Диего — утечка информации из стана энифиан, происшедшая без их участия.

Не дождавшись продолжения, Неверов переменял тему разговора.

— Не могу понять истинных функций стражей. — Он кивнул в сторону окна дальновидения. — Разумными они не выглядят, делать ничего не делают. Сидят и орут время от времени. Глядя на них, я всегда вспоминаю гарпий из древнегреческого эпоса.

Диего прищурился.

— Похоже. А насчет их разумности... Может, с их точки зрения мы тоже выглядим крестинами?

Он вспомнил, как год назад был установлен контакт с энифианами.

Линейный разведчик класса 200¹ «Искра», последний из серии ненацеленных² кораблей Даль-разведки, задачей которого был поиск разумной жизни в созвездии Пегаса, изучая систему звезды Эниф, эпсилон Пегаса, обнаружил, что

¹ Радиус разведки до двухсот световых лет.

² То есть изучающих определенную область пространства со многими звездами, в отличие от кораблей, изучающих определенную звезду.

вторая планета системы, с мощной, насыщенной электричеством атмосферой, населена странными существами, названными впоследствии стражами. Биологическое исследование планет не входит в обязанности линейного разведчика первого класса, поэтому «Искра» спустя сутки стартовала с поверхности планеты и... была буквально атакована стражами.

Старт пришлось отменить, разведчик попытался перейти на облетную кривую, но это ему не удалось: стражи свободно перемещались в пределах атмосферы (и даже за ее пределами, как выяснилось позднее), и лишь включение рейсового режима позволило кораблю вырваться из неожиданных объятий планетарной биомассы. Поведение стражей было столь недвусмысленным, что разведчик, покружив на десятитысячекилометровой высоте, вынужден был отказаться даже от картографирования и фотометрии планеты. Однако энифиане первыми просигнализировали о своем желании вступить в контакт, хотя сигналы были расшифрованы только на Земле. В то время никто не предвидел последствий этого контакта. Земля ликовала по поводу обретения братьев по разуму...

Неверов прав, роль стражей в этой истории не ясна, но название им выбрано удачно. Стражи, сторожа, охранители тайн энифианской цивилизации... А сами энифиане конспирировались так хорошо, что невольно начинаешь предполагать разум у этих «симпатичных» тварей. И все же почти полное совпадение «сна» с действительностью — и там и тут вмешиваются стражи и задерживают космические корабли. Нет, это не сон, это правдивая история, рассказанная тем самым последним «пнем», который превратился в стража... Больше некому... и незачем. Что же молчит Земля?

Диего перестал есть и с сожалением посмотрел на фрукты, рассыпанные по столу.

— Знаешь, в последнее время я никак не могу насытиться, хожу голодный, как бронтозавр. К чему бы это?

За стенами Зоны вдруг странно закричал страж, сорвался с насеста и долго летал над зданием, словно высматривая в нем что-то громадными белыми глазами без зрачков. Дие-

го при этом напрягся и замер, прислушиваясь, потом ослабился и смахнул выступивший на лбу пот.

— Я почему-то чувствую к этому уроду симпатию.

— Родство душ, — пошутил Неверов, у которого мурашки поползли по спине от слов товарища. — Кстати, что ты все время сидишь с закрытыми глазами? Спать хочешь?

Диего на мгновение открыл глаза — Неверов похолодел! У Вирта были совершенно черные, словно целиком занятые зрачками глаза!

— Понимаешь, Лен, — глухо сказал Диего. — Я, понимаешь, вижу сквозь веки... и не только сквозь веки. Вот, понимаешь, какой коленкор.

Неверов сглотнул.

— Надо сообщить об этом на Базу, Нагорину.

— Он знает. Не пугайся, старик. Хотя... мне тоже, честно говоря, страшно. Не такой уж я и герой, а?

— Что же делать? — Неверов улыбнулся неуверенно, растерянный и встревоженный.

— Пока ничего. Чувствую я себя неплохо, разве что есть хочу все время, так это не беда, как ты думаешь? — Диего явно пытался поддержать коммуникатора. — Кстати, какими ты представляешь энифиан? Ради любопытства?

Это «кстати» Вирта было как нельзя кстати — слишком богатое воображение Неверова рисовало ему такие картины, от которых он, по собственному выражению, мог «прослезиться алмазами».

— Какими? — переспросил он, всплывая к яви. — Ты же прекрасно знаешь, что энифиане ничего не ответили на прямой вопрос, а по косвенным данным можно только предположить, что они не млекопитающие, не рыбы и не насекомые. Рептилии? Биологи, кажется, открыли здесь нечто подобное. В разумную плесень я не верю, в то, что энифиане — гуманоиды, тоже. Что еще? Если хочешь знать, я в последнее время вообще сомневаюсь в наличии на Энифе цивилизации. Где следы ее деятельности? Где сеть коммуникаций, опутывающая планету? Где, наконец, радиационный фон связи? Ничего этого нет...

Диего рассеянно взял со стола апельсин, взвесил его в руке, вздохнул и положил обратно.

— А как ты думаешь, к какому классу живых существ относятся стражи?

— Я не специалист по химерам, — буркнул Неверов. — По-моему, ответ на этот вопрос ты можешь получить у биологов Базы, они давно расклассифицировали всю живность Энифа.

Диего улыбнулся. Улыбка на его лице с закрытыми глазами выглядела по меньшей мере странной.

— Ладно, давай заниматься делами. Чем собираешься заняться ты?

— Не роботами, не волнуйся... сбил ты меня своими вопросами с толку. Может, пойдем поборемся? Я намерен выстоять целых две минуты. А потом поработаем с эфиром.

Вирт легко подхватился с места и напряг мышцы.

— Идет. Переодевайся.

Неверов не знал, не мог даже представить, с каким трудом давалась Диего эта легкость движений и спокойная улыбка на лице.

Глава 4

Уже перед рассветом Диего решил погулять вокруг Зоны.

— Не заблудись, — крикнул ему вслед Неверов, занятый настройкой координатора.

Диего неторопливо обошел здание Зоны, посматривая на уснувшего стража. Лес стоял тих и темен — ни одного движения, ни звука не доносилось из его таинственных зарослей. Мир стражей и неведомых энифиан еще спал.

Диего ощущал в себе такие изменения, столько возможностей, что боялся верить даже своей способности видеть сквозь любые предметы, даже сквозь стены Зоны. Слышал он также отчетливо и отлично и причем избирательно: мог слышать, например, как Неверов шагает по залу Зоны и напевает песенку или как «переговариваются» свистами автоматы в энергетическом сердце Зоны; стены при этом ему не мешали.

Воровато оглянувшись по сторонам и погрозив неподвижному стражу пальцем, Диего развел руки и подпрыгнул.

Результат был такой, будто его выбросило вверх катапульты! Он взлетел выше здания Зоны, перекувырнулся через голову и приземлился в кустах в ста метрах от дороги...

В наушниках раздалось восклицание Неверова, заметившего последний акт разыгравшейся драмы — падение Вирта на спружинившую массу кустарника.

— Что с тобой, Диего?! Помочь?

— Не суетись, — хрипло отозвался Диего, переворачиваясь на живот и вставая на колени. — Это просто не совсем удачный эксперимент. Я сам... виноват... не беспокойся.

Неверов все же выскочил наружу, но Диего отправил его назад, не желая разъяснять причин своего неожиданного падения.

Полчаса он отдыхал. «Полет» вызвал такой расход энергии, что все тело казалось рыхлым и ватным, и сердце никак не хотело успокаиваться. Повторить опыт он не решался, сил на второй полет могло просто не хватить.

Страж на столбе не двигался, безучастный ко всему, что происходило вокруг него. Диего наблюдал за ним несколько минут и удовлетворенно кивнул. Под утро у стражей, очевидно, кончались запасы энергии, и они «засыпали». «Странно! — подумал вдруг Диего. — Странно, что я не могу разглядеть строение стража. Ведь даже стены Зоны для меня «прозрачны», почему же непрозрачна шкура стража? Помоему, мы здесь сталкиваемся с чем-то абсолютным. Абсолютным отражением, например. Надо будет посоветоваться с физиками».

Диего прошел к дороге, вернее — взлетной полосе, построенной существами-«пнями», в этом он уже не сомневался. Еще раз успокоил Неверова, мол, все нормально, и решил пойти к холму, вырисовывающемуся на фоне побледневшего небосвода четкой громадой.

Тишина не нарушалась ни одним звуком — уже ставшая привычной обстановка, но все же он старался ступать бесшумно, хотя знал, что стражи слышат звуки ничуть не хуже, чем он сам с его новым суперслухом. Одно успокаивало — он чувствовал, когда стражи начинали просыпаться. Это новое чувство было проверено неоднократно, и еще ни разу он не ошибся. К тому же ближайший к Зоне страж в самом

деле отличался от остальных не только меланхолическим поведением, но и еще чем-то неуловимо тонким, чему Вирт пока не подобрал названия. Возможно, страж был очень и очень стар, а может быть, он не всегда был стражем.

Холм, в котором Диего давно распознал очертания космического корабля, предстал перед ним исполинской горой, вершиной уходящей в розовеющее небо. Бока его, разорванные у основания метровыми трещинами, обнажавшими днем желтые, сейчас почти черные слои почвы, были слишком круты для холма естественного происхождения, хотя это впечатление появилось лишь вблизи: издали холм выглядел не таким уж крутым.

Диего обошел его кругом, всматриваясь в провалы трещин, и ему показалось, что в одной из трещин сверкнул металл. Он напрягся, пытаясь разглядеть глубину трещины, не включая фонаря, и перед ним внезапно открылось смутно видимое пространство, какие-то пересекающиеся плоскости, уходящие вдаль туннели, застывшие тени незнакомых предметов. Новое зрение позволило ему заглянуть внутрь холма... нет, конечно, не холма. Перед ним стоял покрытый полуторавековым слоем почвы чужой космолет! Форма, обводы, детализация корпуса — все говорило об этом. Если раньше Диего мог сомневаться в своих предположениях, то теперь он видел, что это космолет. Не глазами, но видел!

Одного он не знал, хотя и всплывали в памяти детали «сна», — почему корабль мертв, почему он стоит недвижимо столько лет. Впрочем, «сон» уже можно считать достоверной информацией. Таким образом, причина неподвижности звездолета ясна — энифиане воздействовали на прилетевших существ так, что те не поняли, что с ними происходит, и не успели улететь. А теперь энифиане пытаются проделать то же самое с людьми, тайно, ради своих, наверно, не очень чистых целей... «И мы делаем вид, что ни о чем не догадываемся... тоже ради своих целей, но целей, ведущих к благу всего человечества, ради безопасности других людей, своих товарищей. Ради безопасности других...»

В задумчивости Диего вернулся к Зоне, и вовремя: где-то далеко за обширной горной страной (две тысячи километров, машинально отметил разведчик) раздался вдруг дол-

гий сигнал, не звук — всплеск радиоизлучения, и страж на скале шевельнулся, словно его включили, поднял голову и посмотрел на человека. Диего даже показалось, что в странных глазах стража мелькнула ирония: мол, я-то знаю, куда и зачем ты ходил...

Но страж тут же отвернулся, и Диего, покачав головой, пошел в Зону, где Неверов, облегченно переводя дух, бормотал:

— Сначала ты говоришь, что ходить туда небезопасно, а потом на практике доказываешь обратное... Вот так хорошие манеры!.. Расскажешь, как тебе удалось прыгнуть так высоко?

— Дай мне самому разобраться, — устало сказал Диего.

— Снова не ответ, а уклончивое бормотание, — с усмешкой проговорил Зубавин, снимая с головы контактор. — Помните, мы запрашивали энифиан об их теоретическом представлении о строении материи? Знаете, что они ответили? «Наши представления не отличаются от ваших!» — почти дословно. Каково?! И в остальном ничего конкретного, в лучшем случае общие рассуждения на уровне детского лепета, не дающие пищи ни уму, ни сердцу.

— Существует мнение, что... — начал Тоидзе.

— Знаю, знаю, по одной теории, энифиане испытывают нашу дисциплину, по второй, они опять же изучают наши интеллектуальные возможности, по третьей, все наоборот — мы их исследуем. Не слишком ли много теорий?

Зал исследовательского центра Базы был невелик, чуть больше ходовой рубки типового трансгала. Сюда сходились информационные каналы всевозможного рода приборов и установок и линии управления этими установками. Стены зала представляли собой терминалы компьютеров, оконечные устройства приема информации и командные аппараты: почти вся исследовательская аппаратура Базы была автоматической.

Сейчас в зале находились всего четверо: Зубавин, Нагорин, хмурый Тоидзе и о чем-то задумавшийся Руденко.

Почти вся аппаратура не работала, и в зале было непривычно тихо.

— Теперь уже не секрет, что энифиане ставят в ход контакта какой-то эксперимент, — сказал Тоидзе. — При чем без оповещения другой контактирующей стороны, то есть нас. А мы почему-то относимся к этому совершенно спокойно. Кто-нибудь из присутствующих может мне объяснить почему?

Нагорин, прищурясь, взглянул на говорившего.

— Интересно, кто же, по-вашему, относится спокойно?

Тоидзе с опаской посмотрел на Руденко.

— Не надо делать преждевременных выводов, — продолжал Нагорин. — Да, цивилизация энифиан необычна, нетехнологического типа, но именно поэтому контакт с ней чрезвычайно ценен. Что касается своеобразия контакта с энифианами, то этот вопрос находится в компетенции коммуникаторов, а не инженеров технического обеспечения. Вы ведь, кажется, инженер бортовых систем?

Тоидзе криво улыбнулся.

— Разве суждения о контакте — прерогатива коммуникаторов?

— Нет, но мнения малоинформированных людей...

— Спасибо, я понял. — Тоидзе прикусил губу. — Вы совершенно правы. Почему-то с недавних пор мне от всех достается.

Посидев с минуту, он встал и, ни на кого не глядя, вышел.

— Что ты на него напал? — пробормотал Руденко, очнувшись от раздумий. — При существующем положении дел у людей не могут не возникать недоуменные вопросы.

Нагорин досадливо поморщился.

— Положение слишком неопределенно, чтобы делать какие-нибудь выводы. Разве ты сам не видишь, что равновесие контакта в высшей степени зыбко? — Врач Базы помолчал, снова поморщился. — А вообще-то ты прав, зря я на него накричал. Я только что говорил о ценности контакта с энифианами, а на самом деле ценность-то этого контакта — величина отвлеченная и зависит больше не от информативности цивилизации Энифа, а от конкретных лич-

ностей — Диего, Неверова... того же Ваню Тоидзе, тебя и меня. — Он прервал речь и посмотрел на Зубавина.

Тот выключил вычислитель и сделал движение к двери.

— Останься, Виктор, — невозмутимо произнес Руденко, не оборачиваясь.

Зубавин пожал плечами и сел у пульта.

— До сих пор мы были пассивными наблюдателями, — продолжал Руденко, — не потому, что бессильны перед энифианами, а потому, что такова была наша воля. Хотя нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что против нас, горстки коммуникаторов, вся планета. Планета! Понимаешь? До сих пор энифиане не противились смене дежурств в Зоне, которую мы установили по их желанию, но вчера...

Нагорин нахмурился.

— И я об этом не знаю?

— Не сердись, Игорь. Многие вопросы контакта находятся в ведении УАСС, и отчитываться за свои действия я буду там. Директор Базы, кстати, в курсе событий. Так вот, до сих пор мы посылали к Зоне шлюп со сменой и возвращали дежурных. Вчера шлюп не смог опуститься на планету ниже пятидесяти километров. Предвижу твой вопрос: да, месяц дежурства Неверова еще не закончился, но управление, исходя из твоего же рапорта, решило не подвергать риску еще одного человека. Вот мы и попробовали, не афишируя своих намерений, вернуть Неверова на Базу. Не удалось. А ведь надо будет скоро возвращать их обоих...

Нагорин встал, прошелся по залу и остановился у темного экрана телескопа.

— Что же ты предлагаешь?

Руденко тоже встал.

— Я предлагаю испросить у энифиан разрешения на посадку спасательного модуля и незаметно установить в Зоне ТФ-лифт.

Нагорин, опустив голову, снова прошелся по залу.

— Я ведь не работник управления, для чего ты мне все это рассказал?

— Просто ввел в курс дела, — усмехнулся Руденко. — Ты тоже член Совета безопасности Базы. Не иронизируй. Проблемой Энифа заинтересовался Высший координаци-

онный совет, а это значит, дело гораздо серьезней, чем мы думали до сих пор. Сыграла роль, конечно, и твоя докладная записка, где ты предлагаешь прекратить контакт.

Нагорин несколько мгновений смотрел в светлые глаза Руденко, потом резко повернулся и вышел.

— Ты меня ставишь в неловкое положение, — сказал недовольный Зубавин, глядя вслед главврачу Базы.

— Что? — вздохнул Руденко. — Просто ты мне нужен. Тебе придется повторить полет к Зоне. И, может, не один раз.

— Я готов. — Зубавин повертел в руках контактор. — Но ты, наверное, хотел сказать не только это?

Руденко тяжело сел в кресло, разглаживая лицо ладонями, и сказал глухо, через силу:

— Психолог... В полете ты испробуешь новую систему защиты... Но это опасно.

Зубавин недоуменно смотрел на руководителя группы.

— Ты меня удивляешь, Юра.

Руденко отнял руки от лица, и Зубавин увидел в его глазах угрюмую и жестокую решительность.

— Это опасно прежде всего для тех, кто в Зоне, вот в чем дело. Но рисковать необходимо. Диего я предупредил. На Земле разобрались с его информацией, его «сон» — наведенная гипноиндукционная передача с головокрульным психиндексом, нечто невероятное по способу обработки. Выходит, нас кто-то пытался предупредить об опасности контакта. Отсюда и второй вывод: цивилизация дендроидов, как ученые называли существа-«пни», — реальность.

— Допустим. Интересно, но не ново.

— Это не только интересно. Звездолет дендроидов не смог покинуть Эниф, его просто-напросто не отпустили. Теперь понятно?

Конус модуля оторвался от диска Базы и, плавно ускоряя ход, устремился к жемчужной дымке освещенной стороны планеты. Затерялся в блеске надвигающегося дня...

Сначала Зубавин проверил автоматику модуля на скорость подчинения мысленным приказам, выписав в пространстве сложнейшую фигуру, называемую пилотами «школь-

ным проклятием» — на курсах высшего пилотажа она обычно венчала экзамен.

Связь с Базой держалась постоянно, и в окне виома мерцали от помех напряженные лица товарищей.

В ходовой рубке модуля, кроме Зубавина, находился еще инженер энергетических установок Малахов. Сам Зубавин занимал кресло инженер-пилота.

Когда они опустились на двести пятьдесят километров над уровнем океана, Зубавин притормозил бег кораблика и, повернув голову к коренастому, раздетому по пояс — в рубке было жарковато — Малахову, сказал:

— Капсулирование.

— Действуй строго по программе, — быстро отозвался волнующийся Руденко. — Следи за временем, если через час не выйдешь на связь...

— Выйду, — пообещал Зубавин без улыбки. — Давай, — кивнул он Малахову.

Тот склонился над своим крылом пульта, и через мгновение короткое содрогание рубки показало, что модуль окутался защитным силовым полем. Теперь со стороны обнаружить его было почти невозможно: энергосфера поглощала все виды электромагнитного излучения. Определить местонахождение модуля можно было только с помощью гравитационных детекторов. Локаторов у энифиан не было, это люди знали почти со стопроцентной уверенностью, но рисковать не стали.

Связь с Базой прервалась, но это было в порядке вещей, и Зубавин, бросив короткое: «Поехали», направил модуль к границе плотных слоев атмосферы Энифа, намереваясь войти в коридор входа на посадку точно над Зоной.

Огромный диск планеты летел навстречу, кренясь и увеличиваясь в размерах. Вскоре он занял все боковые экраны, и Зубавин вдруг отчетливо почувствовал всю огромность слова «планета»! Не камень, не скала, не горный хребет, но — планета! Миллионы квадратных километров поверхности! Триллионы тонн массы! Чужой, незнакомый и, судя по всему, враждебный мир, населенный странной расой разумных существ, мощь которой еще не измерена, но ощу-

шается во всех их действиях. Что против этой мощи группка землян? Пятикилометровый диск Базы?..

Зубавин мельком взглянул на красное от волнения лицо товарища и, встретив ответный взгляд, понял, что мысли их во многом совпадают.

— Ничего! — с веселой злостью сказал Малахов, пытаюсь, видимо, поддержать товарища. — Ничтожный вирус валит с ног огромного слона.

Аналогия инженера не понравилась Зубавину, но отвлекаться на разговоры было некогда, начиналась самая ответственная часть полета.

Корабль медленно пронизал радиационные пояса планеты, затем опустился под слой сверхвысоких облаков и пересек невидимую границу в пятьдесят километров, за которую его не пустили в первом пробном полете.

Примерно в сорока километрах от поверхности Зубавин запустил съемочную аппаратуру и автоматический комплекс экспресс-анализа. В тридцати километрах координатор визуально поймал Зону и дал изображение на окно дальновидения. С этой высоты Зону видели только автоматы.

В двадцати километрах модуль вонзился в толщу слоистых светящихся облаков, похожих на кисейные полотнища. При этом его броня отозвалась вибрацией, возбуждавшей неприятные для слуха обертоны звука.

— Странные какие-то облака, — сквозь зубы процедил Зубавин.

Модуль опускался теперь совсем медленно, примерно двадцать метров в секунду. Планета превратилась в гигантскую чашу с тающими в дымке краями. Небосвод уже не казался бездонно черным, в его черном отливе появились фиолетовые оттенки.

Зубавин приготовился мгновенным прыжком к поверхности закончить медленный финиш корабля, и в это время они словно со всего размаха налетели на каменную стену! Из глубины темного провала между холмами, куда нацеливался модуль, выметнулась вдруг трасса ярких, пронзительно голубых огоньков и воткнулась в защитное поле корабля. Энергия этого неожиданного и почти невидимого выпада

была так велика, что пятисоттонный модуль подбросило вверх, как шарик для пинг-понга!

Не успел Зубавин опомниться, как второй удар громом отозвался в его внезапно отяжелевшем теле.

Все же сознания он не потерял, хотя кровавый туман в глазах рассеялся не сразу.

Управление перехватил координатор и уводил теперь корабль по пологой глассаде в фиолетовое небо.

Зубавин тяжело мотнул головой, подтянул слетевший с него контактор МУ и тут заметил, что корабль, идущий уже со скоростью километр в секунду, догоняют стражи. В первое мгновение Зубавин не поверил глазам, но стражи приближались быстро, и вскоре модуль оказался со всех сторон окруженным жуткими фигурами, от одного вида которых мороз драл по коже и хотелось поскорее открыть глаза и проснуться. Каким образом эти монстры поддерживали космические скорости при абсолютно необтекаемом корпусе — нельзя было даже представить! А ведь они должны были преодолевать контактор.

Зубавин опомнился и натянул контактор.

Скорость подскочила до десяти, пятнадцати, двадцати пяти километров в секунду, стражи не отставали, будто составляли с кораблем одно целое. Не помогало и сверхскоростное маневрирование, которое Зубавин провел на голых нервах, без координатора — мешало защитное поле. Зубавин уже махнул рукой, собираясь дать команду потному от сопереживания Малахову на снятие поля, но вовремя спохватился.

Модуль вырвался за пределы атмосферы, и в следующее мгновение стражи исчезли, сгнули, будто их и не было. Будто выполнили свою миссию — отогнали непрошенных гостей. То ли они затормозили все разом, то ли непостижимым образом «вывернулись» в пространстве...

Зубавин выругался и сбросил шлем контактора.

— Снимаем поле, — проговорил он хрипло. — Возвращаемся.

Глава 5

Озабоченный Доброгнев пробежал глазами индикаторную панель и побарабанил пальцами по канту пульта, что служило у него признаком озабоченности и раздражения.

— Они не пропустили модуль. Мало того, они вообще не отвечают на наши вопросы. И я склонен полагать, что они не позволят прервать контакт, ибо двое наших товарищей полностью в их власти. Вернуть их без применения силы мы не сможем.

— Сомневаюсь, сможем ли и с применением силы, — пробормотал Нагорин. — Следует быть точными в формулировках. Возникает инцидент, а поскольку инцидентов подобного рода не знала история, то, следовательно, и решать сейчас мы не вправе. Надо запросить Землю.

— Уже запросили, — сказал Руденко. — Но в лучшем случае корабли с Земли придут через шесть-семь дней. А Вирт и Неверов? Что будет с ними? Что предпримем мы или будем сидеть и ждать?

— Предложи что-нибудь, — взорвался Доброгнев, вскочил с места и прошелся по комнате, успокаиваясь. — Извини. Руденко понимающе кивнул.

— Давай думать, что делать дальше, думать не только нам троим, но и всем работникам Базы. Голова — это пока единственное наше оружие.

— Неужели мы не сможем взломать скорлупу их противодействия? — с неожиданной тоской произнес Нагорин. — Неужели человечество не обладает достаточной мощью?

Доброгнев изумленно вскинул взгляд на главврача Базы.

— А ты, однако, воин!

— Аника-воин, — буркнул Руденко. — Энерговооруженность человечества на порядок выше энерговооруженности цивилизации энифиан, но перед нами иное качество, неведомый противник, которому, к счастью и к сожалению, многое о нас известно. И все же конфликт с применением оружия...

— При чем тут оружие, — махнул рукой Нагорин. — Рассуждать мы умеем, а что дальше?

— Это называется: посоветовались, посоветовались и решили, — усмехнулся Доброгнев. — Один ум — хорошо, а

три — куда лучше! — Он повернулся к Руденко. — Кстати, что же ты выяснил, рискуя людьми, когда посылал модуль в этот ненужный, как мне кажется, разведывательный полет?

— К сожалению, нужный, — сказал Руденко. — Земля вслед за нашей информацией о «сне» Диего сразу же посоветовала попытаться доставить Неверова на Базу, минуя все официальные каналы. Поэтому я действовал без вашего ведома... Ну а второй раз нужно было спровоцировать энифиан на активную акцию с целью разведки их военно-технического потенциала, чего мы и добились, хотя сами энифиане так и остались в тени, исполняли все стражи. Специалисты техсектора УАСС уже разобрались в нападении на модуль — это мезонный разряд огромной энергетической «массы».

— Спецслужба, спецотдел... спецканал, — буркнул Доброгнев, включая обзорный виом. — Тайны какие-то... К чему все это? Как дети, в прятки играем. Опять соображения высшего порядка насчет безопасности космического человечества?

— Напрасно иронизируешь, Ждан, — мягко сказал Руденко. — Мы обязаны предусмотреть все до мелочей, потому что в разведке мелочей не бывает. Известно ли вам, что линейный разведчик второго класса «Одинокый охотник» обнаружил у гаммы Пегаса планету, населенную, вернее — некогда населенную существами, похожими на дендроидов из «сна» Диего?

— Шутишь! — вполголоса сказал Доброгнев. — Что значит — некогда населенную?

— Это значит, что планета представляет собой лишь памятник исчезнувшей культуры. Коммуникаторы там уже не нужны, контакт устанавливать не с кем.

— Опоздали? — очень спокойно сказал Нагорин, переводя взгляд на виом, в черноте которого засиял опаловым светом бледный диск Энифа. Его слова могли относиться и к сообщению Руденко, но товарищи поняли: Нагорин говорил о дежурных в Зоне.

Где-то около трех часов ночи, не энифианской тридцатичасовой, а порядковой — для отдыха одного из дежурств в Зоне, Неверов проснулся от крика.

В зале царил мрак, не нарушаемый несколькими цветными огнями пульта. Окна дальновидения не работали, постель Диего была пуста, в зале его не было.

Неверов лежал с открытыми глазами, привыкая к мраку и гадая, отчего он проснулся. И почти явственно услышал медленный нечеловеческий голос, струящийся откуда-то из-за стены. По телу прошла жаркая волна, сердце отозвалось колокольным звоном... Снова послышался голос, медленный, какой-то «картонный», совершенно не похожий на живую человеческую речь.

Неверов вскочил, сдерживая желание закричать, и включил дальновидение. Виомы прозрели, и он увидел чудовищную по своему неправдоподобию картину: на дороге напротив Зоны расхаживал страж, а рядом стоял Диего Вирт без скафандра (!) и смотрел на Зону, смотрел пристально и ожидающе. Неверов невольно взмахнул рукой, и Диего, словно мог видеть его жест сквозь стены, кивнул в ответ и отвернулся.

Лен сильно сдвинул виски пальцами, зажмурился, но, открыв глаза, увидел ту же сцену: расхаживающего стража и спокойно стоящего в смертельной для человека атмосфере Диего. Тогда он подошел к пульта и сухо спросил координатора, что тот видит на дороге.

— Стража и существо, похожее на человека, — так же сухо ответил координатор.

— Существо?! — Неверов осторожно, на ощупь сел в кресло оператора связи.

Пока он ломал голову, сообщать ли о случившемся на Базу или выйти к Диего, к Зоне подлетели еще пять стражей. Они уселись вокруг человека, и тут Диего снова оглянулся на Зону. Неверов похолодел, но не от взгляда, а от голоса, раздавшегося, как и минуту назад, внутри его. Он понял, что все это означает: Диего просил помощи, звал к себе.

Неверов больше не размышлял. Он подхватился с кресла, крикнул что-то вроде: «Держись, Диего!» — и бросился в бокс за скафандром. Облачась, увидел, что стражи как по команде снялись с места и медленно полетели в долину между холмами. Диего Вирт, волоча ноги, останавливаясь и

оглядываясь, побрел за ними. Было заметно, что идет он против воли и все-таки ничего не может сделать.

Неверов еще раз крикнул, теперь уже от ярости, кое-как зарастил скафандр и бросился из зала, доставая на ходу пистолет. Вирта он увидел уже в сотне метров от Зоны, все еще пытавшегося сопротивляться. Рука у Неверова дрожала, и первый разряд «универсала» пришелся на последнего стража, прикрывающего спину Диего. Страж кувырком полетел на дорогу, а его собратья разом оглянулись, и глаза их с непередаваемым выражением впились в Неверова, гипнотизируя, парализуя волю и желания. Спасло его то, что Диего на мгновение вышел из-под контроля и вмешался в схватку.

Он взлетел в воздух, вычертил крутую петлю и спикировал на стражей сверху, словно решил пойти на таран. Стражи бросились врассыпную, ловя Диего в «перекрестья глаз», и Неверов, усилием воли освободившись от дурмана чужого влияния, успел еще два раза разрядить пистолет...

Диего пришел в себя уже в зале связи, куда притащил его Неверов, не чувствуя от возбуждения тяжести тела.

— Вызови Базу, — глухо сказал Вирт, почти не разжимая губ. — Плохо мне, Лен...

— К-как плохо?! — испуганно забормотал Неверов, то-ропливо стягивая скафандр. — Почему плохо? Очень плохо? Сейчас, подожди чуть-чуть, вызываю...

Диего попытался привстать, повел головой и повалился на бок.

Неверов кинулся к нему, потом к пульту, снова к нему и наконец, обругав себя вслух, вызвал Базу.

Сообщение о случившемся, не слишком вразумительно переданное им дежурному, вызвало на Базе настоящий переполох. Пока искали Доброгнева и его заместителей, Неверов включил медицинский комбайн, подсоединил к нему рецепторные «усы» и со связкой проводов устремился к Диего. Но подключить к нему датчики не смог.

То, что он принял за странную одежду на коммуникаторе, оказалось телом Диего, деформированным, покрытым не то чешуей, не то потрескавшейся кожей. Руки Диего тоже изменились, стали длиннее и тоньше. Да и все его тело,

уже почти не человеческое, на глазах продолжало изменяться, перерождаться, деформироваться...

Неверов сделал неуверенный шаг вперед, но Диего снова зашевелился, подогнул под себя руки и сел, и Неверов, задохнувшись, отскочил назад и выронил датчики.

— Что там у вас? — послышался от пульта встревоженный голос Нагорина.

Неверов оглянулся и показал рукой.

В виоме показался Доброгнев, потеснив главврача.

— Что? — повторил он вопрос Нагорина, но в это время Диего встал и пошел к пулту, странно переваливаясь своим необыкновенным телом. Чем-то он стал похож на стража — неуклюжестью, что ли? — и это сравнение доконало Неверова.

— Пусть все выйдут, — сдавленным голосом произнес Диего.

Доброгнев побледнел. Повернувшись к замершей в немом удивлении группе людей, набившихся в центр связи Базы, сделал короткий и понятный всем жест.

Зал опустел, остались Доброгнев, Нагорин и Руденко.

— Организм перерождается внезапно и почти полностью, — хрипло сказал Диего, цепляясь руками за пульт. — Видите?... Не только... нервная система... перестраивается все — энергетика тела, химизм и метаболизм... — говорил разведчик с паузами, словно с трудом подбирая слова. — Скачкообразно, я не успел... сообразить... и предупредить... Я пытаюсь бороться, но они, очевидно, кроме всего прочего, встроили «механизм подчинения» радиоприказу — воля подавляется до потери сознания, как только я начинаю сопротивляться... Но для людей я не опасен (Нагорин поморщился, переглянувшись с Руденко), просто я получил такие способности, о которых и не смеют мечтать пандологи...

— Какие? — вырвалось у Доброгнева, хотя он тут же пожалел об этом.

— Я вижу в любом диапазоне волн. — Диего, тяжело дыша, с трудом уселся в кресло в нелепой позе. — Правда, мне сейчас мудрено разобраться, все так смешалось... Еще я могу летать, дышать в любой атмосфере и даже совсем не ды-

шать... А также я могу сказать, о чем в данный момент думает мой сосед.

С ужасом и каким-то суеверным восторгом смотрел на Диего Неверов, чувствуя себя совсем плохо.

— Мы можем помочь? — спросил Нагорин.

Выразительная гримаса исказила лицо Диего.

— Можете. Первым делом — не паникуйте, не спешите с решениями.

Доброгнев мгновение вглядывался в Вирта, потом обратился к Неверову:

— Как вели себя стражи?

Неверов бессмысленно посмотрел на него, помотал головой, избавляясь от оцепенения, и перевел взгляд на виомы дальновидения. Все было как и прежде: сонная тишина, струйки испарений над дорогой, вернее, взлетной полосой дендроидов, неподвижный страж на скале, застывший как изваяние. Неверов вспомнил, что только этот страж, запомнившийся своим меланхолическим поведением с давних пор, не вмешивался в историю с Диего. Симпатизировал людям? Или у него была иная роль?..

— Их было много, — сипло отвечал Неверов и прочистил горло. — Они хотели увести Диего с собой. Я отогнал...

— Я не мог сопротивляться, — тихо пробормотал Диего, бесцельно поводя уродливыми руками; он заметно слабел. — Сначала было интересно, а потом — как удар по голове... — Он замолчал, вдруг дико посмотрел вокруг и завалился на пульт.

Неверов подбежал к нему, приподнял голову, коснулся лоснящегося плеча и дернулся, как от электрического удара.

— Что мне делать? — с отчаянием сказал он, оглядываясь на застывших в тысячах километрах от него людей.

— Их надо возвращать немедленно, — скороговоркой произнес Нагорин.

— Как? — возразил Руденко. — Я не знаю, какой будет реакция энифиан, если мы попытаемся забрать дежурных силой. Еще хорошо, что они не прервали связи с Зоной.

— Но делать-то что-то надо...

— Обычные модули слишком хрупки, — тяжело сказал

Доброгнев. — И даже если бы мы имели ДМ или крейс-роботы...

Они одновременно посмотрели на Неверова и замолчали.

— Что делать с Диего?! — закричал тот, уже не владея собой. — Ему же плохо!

— Не кричите! — тихо проговорил Нагорин. — Подключите к нему киб-диагност и дайте воды, это ему не повредит. Данные диагноста передайте в медцентр, параметры линии я укажу. А ты, — он повернулся к директору Базы, — запроси энифиан непосредственно с Базы и продублируй через Зону, может быть, они все же откликнутся.

Доброгнев кивнул, быстро пересек зал и открыл дверь.

— Где видеоники? Гунна ко мне!

Вскоре в центральный зал Базы вошли трое: Тоидзе, Назаров и Гунн — старший из специалистов по видеосвязи.

— Нужна прямая связь с Землей. Как скоро вы ее дадите?

— Через час, — подумав, сказал Гунн. — Если, конечно, не лимитировать расход энергии.

— Связь экстренная, приступайте. Вано, попробуй связаться с энифианами напрямую, минуя Зону. Вы, Евгений, передадите ту же информацию через аппаратуру Зоны.

Назаров молча кивнул.

Директор Базы повернулся к Неверову: связь с Зоной не выключали ни на минуту.

— Лен, вам придется поухаживать за Диего. Возвращать вас... в общем, рискованно, а в Зоне вам ничто не угрожает, только включите дополнительные защитные контуры, и экономить энергию не нужно.

— Ох, да не объясняйте вы мне ничего, — возмутился Неверов, слегка оживший в работе. — Конечно, я помогу Диего. Только я не врач...

— Врач ему пока не нужен, — хмуро сказал Нагорин.

— Эх, давно надо было потихоньку установить в Зоне ТФ-лифт! — вздохнул Руденко. — Под видом ремонтных работ. Не знали бы никаких забот! Генераторы ТФ-поля установили, а сам лифт — не успели.

Доброгнев с досадой поморщился.

— До чего верно подмечено, вовремя... — Он снова обратился к Неверову: — На вызовы энифиан не отвечайте, но

поступающую информацию дублируйте нам. И еще... — Он поколебался немного. — Слева на пульте есть стеклопанель, под ней кнопка — это кнопка запуска генератора ТФ-поля. Пользуйтесь ею лишь в случае прямой угрозы жизни, при нападении стражей на Зону... ну и тому подобное. Потому что удар скалярного ТФ-поля превратит местность вокруг Зоны в обугленную пустыню. Хорошо, если вы перед пуском генераторов предупредите нас, но коль уж не успеете...

— Сделаю, — пообещал Неверов, слушая с пятого на десятое.

Он взял бокал, стиснул зубы, все еще не решаясь дотрагиваться до горячего, безобразно изменившегося тела Диего, и попытался влить ему в рот воды.

Глава 6

Огромный диск Базы вышел из конуса тени планеты, и огненное крыло света разогнало тьму в главном зале. В зал стремительно вошел Доброгнев, высокий, не по возрасту гибкий и подвижный.

— Крейсер приближается, — сказал он, подходя к висящей в воздухе подкове пульта, у которой сидели инженеры связи, Нагорин, Руденко и два врача из медперсонала Базы. — Виден в бинокль. Как там у них? — Кивок на виом связи с Зоной.

— Без изменений, — ответил Нагорин. — Диего, очевидно, потерял много энергии, получил деадаптационный дистрессовый шок и все еще спит. Неверов держится молодцом... насколько можно выглядеть молодцом в его положении.

— Энифиане только что пытались задать вопрос, будто ничего не случилось, — сообщил Тоидзе. — Их, видите ли, заинтересовала причина возникновения земной машинной технологии. Это их первый вопрос по данной теме. Мы не ответили, и они успокоились. На наши запросы из Зоны и с Базы — молчание.

Доброгнев сел напротив виома связи с Зоной.

— На Земле полностью разобрались в их излучении, —

негромко сказал он. — Я только что подумал, что мы теперь сможем вернуть Диего «первозданный» облик... после его возвращения.

В зале Зоны показался Неверов. Бледный, с лихорадочно блестящими глазами, то и дело порывающийся оглянуться.

— Я все время слышу зовущий меня голос, — сосредоточенно произнес он. — Может быть, я заболел?

Доброгнев переглянулся с Нагориним.

— Вы проверяли себя на диагностере?

— Слегка повышенная температура... диагноз: перевозбуждение нервной системы.

Нагорин успокаивающе кивнул, хотя внутри у него все сжалось.

— Так и должно быть после той встряски. Больше лежите и ни о чем не беспокойтесь. Скоро мы заберем вас с планеты.

Неверов сгорбился, пугливо оглянулся через плечо и отошел от пульта.

Нагорин поманил директора из зала. В коридоре сказал:

— У него начинается то же самое, что и у Диего. Это заметно сильнее, потому что самообладания у него поменьше. Очевидно, из-за увеличения энифианами дозы облучения ускорился и процесс трансформации организма.

— Сам вижу. — Доброгнев помрачнел. — Сколько времени в нашем распоряжении до полной трансформации?

— Думаю, дня четыре. После этого процесс будет продолжаться даже при снятии облучения, это мы установили в лаборатории, в медцентре, смоделировав процесс. И хотя я только что успокаивал Неверова, уверенности в том, что процесс обратим, у меня нет. Да-да, несмотря на то, что на Земле разобрались с излучением. Так что я не понял твоей уверенности насчет возвращения Диего «первозданного облика». Повторяешь чужие слова? К тому же меня беспокоит состояние Диего, он до сих пор не может прийти в себя. Видимо, просчитались энифиане в чем-то...

— В чем же?

— Точно ответить трудно, но мне кажется, что челове-

ское тело просто не в состоянии снабжать энергией раскрывшиеся возможности Диего.

— Он же говорил, что изменился и химизм тела, и метаболизм...

— Все равно главным генератором энергии осталась печень, а генератором давления — сердце, а они в потенциале не приспособлены к такому расходу энергии, какой требует, например, полет человека в поле тяготения.

— Диего летал.

— Боюсь, он перегрузил сердце... если не «загнал» его совсем. Или мы не все о нем знаем.

— С Неверовым скверно. — Доброгнев потер усталые глаза. — Он-то ни о чем до сих пор не догадывался. Как же их вернуть? Объявить войну? Кому? Планете?.. Что молчишь?

Нагорин хмуро смотрел в стену.

Мимо пробежал по коридору Тоидзе, заметил их в нише и вернулся.

— Приняли передачу с планеты, причем не через Зону, а прямо по обычному каналу!

Доброгнев мрачно усмехнулся.

— Наконец-то! Они ведь не могли не заметить нашей реакции, но вызывать по обычному каналу... Пошли.

Все трое поспешили в центр управления.

— Запись обычным разговорным кодом, — сообщил Гунн, колдуя над сенсорной клавиатурой связи. — То есть код этот обычной автоматической связи, используемый нами на внутренних линиях. С энифианами у нас был до этого специальный код, и только через автоматику Зоны.

— Похоже, нас просто водили за нос, — буркнул Руденко, — если они могли разговаривать с нами без переводящей аппаратуры. А может, энифиане вообще прослушивали все наши передачи?

— Передачи по ОЭЛ прослушать невозможно, — обиделся Гунн, с которого на миг слетела вся его флегматичность, — была затронута честь специалиста по связи. — Это исключено. Энифиане могли поймать наши переговоры на орбите.

— Не шуми, давай запись.

Гунн включил воспроизведение, и все услышали ровный голос дешифратора:

«Разумные, называющие себя людьми. Мы, те, кого вы именуете энифианами, в целях исключения дальнейших недоразумений поясняем: во-первых, мы отличны от вас не только внешне, но и способами переработки информации; во-вторых, наша цивилизация принадлежит к одной из самых древних в окружающем звездном мире. Однако, несмотря на «детский» возраст вашей цивилизации, мы заинтересовались вами не случайно. Вы, белковая органическая форма жизни, — явление чрезвычайно редкое! В сопредельном звездном окружении таких форм жизни всего две! Но самым примечательным для нас оказался тот факт, что в процессе эволюции вы, кроме известной нам способности мыслить и инстинкта самосохранения, приобрели абсолютно непонятное нам свойство эмоциональных выражений жизнедеятельности. В настоящий момент мы выяснили: выражение чувств, эмоций представляет собой своеобразную приспособленную реакцию ваших организмов, применяющуюся при недостатке информации. Но оказалось, что эмоциональные переживания присущи людям даже там, где, по существу, никаких к этому причин не существует.

В ходе дальнейшего изучения выяснился еще один факт: в противоположность нам вы, люди, преобразуете среду обитания, подчиняя ее своим особенностям, в то время как гораздо проще и эффективней преобразовывать себя, соотносясь со свойствами природы. А накопление измененных факторов ведет к отчуждению от экологической среды и невозвратимому изменению ее свойств. Эта особенность вашей цивилизации опасна, и мы обеспокоены.

Теперь о главном.

Для выяснения механизма эмоций мы пошли на перестройку организмов людей в Зоне контакта, имеющую большой познавательный интерес. К сожалению, мы поздно поняли, что чересчур хрупкие организмы людей не подготовлены к ускоренному преобразованию и не могут выдерживать длительного взаимодействия с общим функциональным полем разума планеты. Несмотря на это, мы предлагаем не прерывать контакта, потому что результат эксперимента в

равной степени важен и для вас, вами же он может быть использован для физического совершенствования человеческой расы. Вынуждены предупредить: люди — посредники контакта в Зоне контакта — могут иметь значительные поломки жизненно важных цепей при попытке их резкого изъятия из функционального поля разума в период адаптации к условиям Энифа. Надеемся, что и для вас значение эксперимента превышает значение существования двух разумных единиц сообщества.

Связь можем держать непосредственно с центром контакта, установка Зоны контакта на планете была необходима нам только для глубокого изучения феномена человека — его эмоционального бытия».

Конец.

Голос автомата умолк.

В зале стояла тишина. Люди были изумлены тем равнодушием, с которым в послании говорилось об участии дежурных в Зоне, являвшихся для них только «биологическими системами» и «разумными единицами сообщества».

— Наглецы! — взорвался Тоидзе и добавил несколько слов по-грузински, яростно при этом жестикулируя.

Стоящий к нему спиной Доброгнев криво усмехнулся.

— Не надо оценивать их действия столь прямолинейно. Ты же слышал, они не знают, что такое чувство. Не знают, что значит ждать и беспокоиться, что такое страх и отчаяние, боль и гнев. Они просто констатируют факт, стоит ли упрекать их в бесчувственности?

Взоры присутствующих невольно обратились к Доброгневу, на лице которого смешались гнев, сожаление и горечь. Думал он в это время о том, что у Диего на Земле жена и ребенок, что у Неверова отец получил травму и сын об этом еще не знает, плюс к этому — его ждет невеста; что никто, конечно, не упрекнет его самого в случившемся, ибо риск — неотъемлемая часть жизни коммуникатора, но сможет ли он сам себя уважать, если не сделает всего, чтобы Вирт и Неверов вернулись? И не просто вернулись, а вернулись людьми со всеми их способностями мыслить и чувствовать!

— Странная цивилизация, — тихо сказал Нагорин, при-

стально глядя на пушистый шар Энифа, укатывающийся в ночь. — Перепутались понятия добра и зла, есть и открытый расчет, и рациональные зерна рассуждений... Едва ли мы способны доказать энифианам силой, что и мы гордимся на большее, несмотря на наш «детский» возраст. Все наши попытки проникнуть к Зоне, например, они пресекли без труда.

В набившейся в зал толпе послышался ропот и стих.

— Но вы слышали — они предлагают продолжить контакт, не учитывая, что в Зоне двое наших товарищей, которые нам дороже, чем результаты обмена информацией. И вот это надо доказать энифианам любым разумным способом. Разумным — понимаете?

В зале Зоны усталый от пережитого Неверов сел возле Диего и взял его за «руку»...

— Итак, перед нами выбор, — сказал Доброгнев, наблюдая, как, мерцая сигнализацией, к Базе подходит корабль с Земли.

— У нас нет выбора, — угрюмо возразил Нагорин. — Жизнь людей важнее любых проблем, даже если людей всего двое и они согласны рискнуть.

— Но энифиане говорили что-то об адаптации. — Доброгнев покосился на Гунна у пульта связи. — Я не меньше твоего хочу вернуть парней из Зоны, вернуть им человеческий облик. А ну как энифиане правы и, убрав коммуникаторов с Энифа, мы тем самым их убьем?

— Скорее всего энифиане блефуют. Они уже доказали, что не знают в своем словаре таких слов, как «честность», «совесть» и «гуманность».

— Согласен. Но ты учти и то, что Диего и Лен единственные посредники между человечеством и цивилизацией Энифа, единственные, кто может дать нам знание, которое мы не можем приобрести в любом другом уголке космоса!

— Может быть. Но что ты скажешь дочери Диего или отцу Неверова? Или его девушке?

— Скажу, — с горечью проговорил Доброгнев после долгого молчания. — Я скажу им правду. Да разве дело во мне?

— И в тебе, — твердо сказал Нагорин. — Во всех нас.

Я не верю, что рационалистический подход к подобного рода проблемам делает людей людьми.

— Я не о том. — Доброгнев поморщился. — Каждый из нас уже сделал выбор, но разум протестует, так сказать — логика чистой выгоды. И не для себя — для нас же всех. Когда-то рисковали жизнями во имя гораздо менее значимых целей.

— Удобный тезис. И главное — правдивый...

— Может, стоит предоставить слово самим дежурным? — осторожно проговорил Гунн. — Хотя они, конечно, в таком состоянии...

— Да? — иронически поднял бровь Нагорин. — Здесь и гадать не стоит. Диего останется потому, что он работник УАСС и обязан идти до конца. А Неверов мальчишка, у него все имеет романтический ореол, он тоже останется... не столько, конечно, из-за романтики, сколько под влиянием характера Диего. Но вы-то, вы, зная, что посылаете их на заведомую гибель, что будете чувствовать вы?! Утешать себя мыслями о всеобщем благе?

— Я никуда их не посылаю, — пробормотал Гунн хмуро.

Доброгнев молчал. Он прекрасно понимал Нагорина, выдвигающего не только доводы разума, но и доводы сердца. Да, человек ради спасения друга способен на любое самопожертвование, но именно в этом его преимущество перед каким угодно существом «холодного разума». Разве он сам, Ждан Доброгнев, не согласен спасти Диего и Неверова любой ценой, даже ценой собственной жизни?! Только главное ведь в том, что как руководитель он должен был предвидеть результат эксперимента, пусть и чужого, должен был оценить степень риска и свести его к минимуму, прервав контакт в нужный момент, не спрашивая согласия у Диего. Конечно, участие Вирта в операции санкционировано многими руководителями УАСС, но разве это снимает ответственность с него, с директора Базы?

— Бросок в Неизвестность... — произнес вслух Доброгнев. — Не потому ли мы люди, что плакать умеем и не казаться при этом смешными?...¹

¹Гийом Аполлинер.

Звезды перемещались над их головами: База меняла орбиту, подходя ближе к Энифу. Корабль с Земли приблизился, затмив собою светило, и медленно разворачивался. Вблизи он казался могучим и непобедимым, вселяя в людей уверенность и тайную гордость за земную технику.

«Ждем, как панацеею от всех бед, — подумал Нагорин. — Все же это долгий путь — через субъективное мнение каждого к объективному знанию всех. Мы еще не научились преодолевать собственные противоречия, а уже решаем проблемы чужих цивилизаций... Или так и надо? Ошибаться, чтобы выбрать правильное решение? Ибо, перестав ошибаться, кем станет человек?»

Корабль замер...

А далеко от Базы, под толщей атмосферы Энифа, в зале Зоны очнулся от долгого беспамятства Диего и улыбнулся востепенувшемуся Неверову.

— Живем, коммуникатор? — Он перевел взгляд на окно дальновидения, в котором был виден страж на скале. — Как там наш знакомый меланхолический страж? Жив, курилка? Он единственный, кто перенес трансформацию организма и остался в живых из всего экипажа звездолета дендроидов. Надеюсь, я не слабее?

Диего снова улыбнулся и с трудом сел, стиснув руку Неверова своей непривычно горячей рукой.

— Этот дендроид мало что дал энифианам, вот они и решили продолжить опыт на нас, случай сам шел к ним в руки... не знаю, есть ли у них руки. Конечно, им повезло: два посещения планеты и оба — эмоциональными существами! К сожалению, дендроиды поздно поняли, что с ними происходит, поэтому и стоит их звездолет мертвым уже сто пятьдесят лет. А помочь им было некому.

— Я уже знаю, — тихо ответил Неверов, хотел добавить, что они-то как раз не одни и помощь придет наверняка, но промолчал.

Диего без труда прочитал его мысли.

Часть вторая

ПРАКТИЧЕСКИ БЕССМЕРТЕН

Глава 1

Зал был тих и темен. Руденко прошел к висящей на невидимых силовых опорах подкове пульта, задумчиво склонился над ней, потом протянул руку и нащупал шлем связи. Шлем был холодным, шершавым и упругим, как шкура акулы. Звякнув, упала на пол вилка включения. Руденко потянул за шнур, усмехнулся своей заторможенности и надел шлем.

Палец коснулся сенсора, и шлемофоны заполнили характерные шумы эфира: тихий плач ребенка... невнятные голоса, шорохи, скрипы, вздохи... будто огромный невидимый таинственный человек задышал над ухом... и снова шум прибоя, шорохи, и пiski, и бульканье... И вот сквозь этот тихий мерный шум пробилось тонкое звенящее стаккато маяка Энифа, длинная очередь точек и тире — все спокойно! И снова вечные вздохи эфира, порожденные излучением близкой звезды и далекого Млечного Пути...

Руденко снял шлем, несколько раз обошел комнату, касаясь приборных панелей руками, посмотрел на часы — было без восьми минут девять утра по времени Базы, наконец выбрал кресло и сел лицом к пульту, ожидая, когда соберутся остальные участники совещания.

Вторым после него вошел Нагорин, озабоченный вид которого всегда будил у Руденко тревогу и неуверенность в правильности своих решений.

— Доброе утро. Нравится сидеть в темноте?

Вспыхнул потолок. Нагорин подрегулировал освещение под розовое утро и сел рядом.

— Как спалось?

— Как всегда, — буркнул Руденко.

Нагорин, хмыкнув, покосился на обманчиво добродушное лицо руководителя группы безопасности...

— Ну, я думаю, пора авралов и тревог прошла. Контакт наконец-то вошел в русло рабочего порядка. Энифиане даже разрешили исследовать планетарные особенности Энифа, чего же еще делать?

— Вот я и думаю: с чего бы это? Еще два месяца назад все было наоборот. Помнишь, как мы бились за возвращение Диего и Неверова на Базу? И вдруг полный поворот в политике — допуск во все области планеты... за редким исключением. Мол, смотрите, мы ничего не скрываем, ищите, что вам нужно. А на вопросы по-прежнему осторожные полуответы, ничего конкретного. И до сих пор загадка — где же хозяева планеты? Кто командует парадом? Нет, не знаю, как ты, а я предчувствую еще немало авралов, по твоему выражению.

— Типун тебе на язык! Но ситуация, конечно, — нарочно не придумаешь! Кстати, сколько групп сейчас на планете?

— Ты же замдиректора, должен знать.

— Я не организатор исследований. Что у тебя за привычка отвечать вопросом на вопрос? У энифиан научился?

Руденко улыбнулся.

— Точно. Групп на Энифе десять, в каждой по десять-пятнадцать человек. А что?

— Капля в море, вот что. Чтобы изучить планету в отпущенные сроки, требуется как минимум две тысячи высококвалифицированных специалистов плюс тридцать-сорок кибер-комплексов.

— Ну, это ты выскажи на совещании, я лично против увеличения численности исследовательского персонала на поверхности. Хотя энифиане и разрешили нам проводить исследования своими методами, отношение их к нам я не назову доброжелательным. Да и информация Диего настораживает. Лучше скажи как врач: здоровью Диего ничто не угрожает? Сам-то он не скажет...

— Как ни странно, его новые способности позволяют ему чувствовать себя прекрасно.

— Давно?

— Пока проходил период адаптации, ему было тяжело. А сейчас он создал для себя двухкамерный желудок и экст-

разонарное сердце. Летать долго ему все равно трудно, но энергетически он в сто раз мощнее любого человека.

— Суперхомо, — без выражения сказал Руденко. — А не отразится все это как-нибудь на психике? Иные возможности — иной смысл жизни...

— Брось ты свои гадания, — сказал Нагорин неприветливо. — Он человек! Ясно? Несмотря ни на что, он человек. Возможно, остаться человеком в таких условиях чертовски трудно, не знаю... но Диего...

— Не надо считать меня машиной, обладающей лишь холодной логикой расчета. Я думал не о самом Диего, а о его родных. У него, кажется, есть жена и дочь...

— Кажется. — Нагорин сгорбился и замолчал.

Стали сходиться остальные участники совещания, руководители лабораторий и исследовательских групп.

Подошел Доброгнев.

— Что это вы молчите, как секунданты дуэлянтов?

— Очень остроумно, — буркнул Нагорин.

— Решаем этические проблемы. — В глазах Руденко мелькнул и пропал насмешливый огонек.

Доброгнев оценивающе посмотрел на хмурого Нагорина.

— Какие? Впрочем, потом поговорим. Пора начинать.

Он поднялся на возвышение у пульта и включил аппаратуру.

Рядом с Руденко сели Торанц, руководитель второго сектора УАСС, и Шелгунов, начальник спецотдела. Оба прилетели всего сутки назад, и совещание, собственно, собиралось из-за них, чтобы сразу ввести их в курс дела.

— Коллеги, — сказал Доброгнев негромко. — Давайте начнем. Общую информацию по Энифу сообщу я сам. Вопросы после сообщения.

Итак, положение на сегодняшний день, пятое февраля сто восемьдесят восьмого года, таково. Центр исследований на планете располагается в бывшей Зоне контакта, или, как мы привыкли говорить, — просто Зоне. Это удобнее, я имею в виду расположение, чем иметь центром Базу на орбите. Руководителем исследований являюсь я. Мои заместители: на Базе — Нагорин, в Зоне — Руденко. Исследовательских групп десять, по десять-одиннадцать человек в каждой. Все-

го на Энифе в настоящий момент находится сто пять человек, включая Диего Вирта и Лена Неверова. Основные направления исследований: планетографические — пять групп, две из них изучают океаны Энифа, биологические — две, экологическая — одна, ксенопсихологическая — тоже одна. В последнюю группу входит также группа специалистов из Комиссии по контактам.

С материалами многие из вас уже знакомы, повторяться не буду, но остановлюсь на некоторых событиях и фактах, поставивших нас в тупик.

За два месяца, конечно, невозможно составить полной и правильной картины жизни целой планеты, тем более что сами энифиане ни в чем помогать нам не хотят. Более того, стражи иногда прямо препятствуют работе наших поисковых групп. Главный вопрос: кто же является разумным повелителем планеты? — остается открытым до сих пор, как это ни печально. Ни одно из уже известных нам живых существ Энифа не подходит под определение «живое существо». В том числе и стражи, хотя мнения по этому вопросу разделились.

Известно, что Эниф, как и Земля, на две трети покрыт водой, но имеет всего один материк — Панэниф — и два архипелага островов: Северный и Южный. Орбитальное картографирование помогло нам отыскать интересные образования на теле планеты — гаруа, так называемые стоячие туманы. Это действительно места, где вечно стоят туманы, скрывающие в белой мгле группы странных столбообразных, с плоскими вершинами, скал. Площадь их колеблется от двухсот до трехсот квадратных километров, высота около трехсот метров. Мы успели сделать всего одну вылазку к гаруа, но вмешались стражи, и экспедиция едва не закончилась плачевно: один из быстролетов был сбит на скалы, экипаж получил ожоги и травмы. Все наши гневные «почему» остались без ответа. Ну, это вам известно тоже.

А вот что стало известно только теперь. Эниф — планета знаменитых шквальных ливней, гроз и ураганов. Не проходит и двух дней, чтобы над Зоной не пронеслась шести-, семибальная буря или сухая гроза. Совсем недавно метеорологи закончили разработку карты циклонов и центров раз-

вития ураганов, и оказалось, что в местах, где расположены гаруа, гроз и ураганов не бывает совсем. В то же время появление наших групп вне Зоны тут же вызывает изменения погоды, перераспределение воздушных масс таким образом, что стоит нам только заняться оборудованием метеопостов или автоматических биостанций, как налетает ураган и работы приходится свертывать.

Доброгнев посмотрел на Торанца и продолжал:

— Может быть, это и случайность, но в таком случае природа Энифа обладает «встроенным детерминизмом действия», как выразился руководитель группы безопасности Юрий Руденко.

— Что имелось в виду? — спросил внимательный Шелгунов, переглядываясь с Торанцем.

— Что человек для биосферы Энифа является фактором ее загрязнения, — ответил сам Руденко. — И все эти ураганы, бури и прочее — реакция биосферы на наши действия. Однако не следует придавать моей гипотезе слишком много значения, она... — Руденко пошевелил пальцами, подбирая выражение. — Все это игра ума, не более. Ждан не хочет формулировать тот вывод, о котором мы все, безусловно, догадываемся: энифиане продолжают свою политику закрытых дверей на ином уровне, на уровне якобы явлений природы. С одной стороны, они не препятствуют изучению Энифа, с другой — частые ураганы в тех местах, где начинают работать исследовательские группы, заставляют нас самих прекращать работу. Плюс к этому откровенное отпугивание от наиболее интересных с познавательной точки зрения объектов, например, гаруа. Кстати, и ураганы в месте установки Зоны — тоже вещь любопытная. Раньше-то они были у Зоны гости редкие...

— Я понял. — Шелгунов задумчиво сощурил глаза. — Энифиане не отказались от попыток изучения человека, его эмоциональной сферы и вообще цивилизации в целом, просто сменили методы изучения. Так?

— По-видимому, так.

— А по-моему, — сказал Доброгнев, — делать выводы рано. Конечно, нельзя сказать, что информации мы нако-

пили мало, но вот обрабатывать ее нам зачастую не хватает времени.

— С обработкой поможет Земля, — глуховатым голосом произнес Торанц. — Десятки институтов ждут информации, только давайте. Нас же как представителей УАСС интересуют в первую очередь конфликтные ситуации. Столкновение со стражами, с другими существами и тому подобное. Как часто это случается?

— Сие вот его прерогатива, — кивнул Доброгнев на Руденко. — Он ухитряется знать даже то, чего я не знаю, я, непосредственный руководитель научного центра.

В зале вспыхнул смех.

— Чего доброго, — проворчал Руденко, — он скоро обвинит меня в скрытых связях с энифианами.

— УАСС за него ручается, — серьезно сказал Торанц. — Так, ситуация понятна. А о стражах известно что-нибудь, кроме того, что они выполняют функции сторожевой службы энифианской цивилизации?

— У Диего есть на этот счет любопытная идея, — усмехнулся Нагорин. — Будете внизу, спросите у него ради интереса. Я же, отвечая на ваш вопрос, начну издалека.

Основой множественности форм живых существ не только на Земле, но и вообще в космосе является принцип целесообразности. Человек, кроме того, «создан» природой еще и по принципу универсальности. Азбучные истины. Но вернемся к стражам. К сожалению, ни один из ученых-биологов не имел возможности изучать анатомию стража материально, с инструментами в руках. Мы можем изучать их лишь издали, на известном расстоянии, а наблюдения без активных методов познания не слишком информативны.

— Позвольте, — перебил Нагорина Торанц. — Разве вы не можете применить технику, работающую на расстоянии? Интравизаторы, например?

— Пробовали, и не один раз. Стражи непроницаемы для радиоизлучения и ультразвука, а рентген применять опасно, да и санкции на это энифиане не дадут. Тем не менее группа пандологов под руководством Денисова провела сравнительный функциональный анализ строения тел стражей по тем данным, которыми мы располагаем; кстати, многое нам

сообщил Диего. Выводы, мягко говоря, озадачили как самих пандологов, так и остальных ученых. Масса тела любого стража равна восьмидесяти килограммам, отклонения незначительны, порядка десятков граммов. Но крылья их не способны поддерживать в полете даже тела массой в сорок килограммов, не то что в восемьдесят. И все же они летают! Могут возразить — Диего вообще не имеет крыльев, но тоже летает. Верно, но это означает одно — и стражи, и Диего имеют одинаковые функциональные особенности: способность управлять энергетикой тела в широких пределах, управлять силовыми полями и так далее. Денисов задал вопрос: почему стражи сохраняют такую нелепую со всех точек зрения геометрию тела — все эти ненужные крылья, лапы, перья, гребни, если самая выгодная по энергетическим и динамическим соображениям форма тела — шар? Ведь, по информации Диего, стражи сами себе заводы и фабрики любых необходимых материалов, строят тело любым мысленным образом, то есть могут строить и перестраивать: все мы не раз наблюдали трансформацию их тел перед ураганом. Вопрос и по сей день остается открытым. Словно кто-то извне задал стражам форму тела и запретил менять ее до возникновения опасности для их жизни. Получается, что тело стража не имеет доминанты: ни тебе универсальности разума, ни целесообразности живого существа.

— Так что же, по-твоему, стражи — машины? — скептически заметил Доброгнев.

— Почему бы и нет? — спокойно ответил Нагорин. — Биологический кибернетический механизм. Разве на Земле не создавали таких же в экспериментах? Многое говорит в пользу последней гипотезы, особенно поведение стражей.

— По мнению физиков, — негромко произнес начальник физической лаборатории, — форма тела стража близка к форме ТФ-антенны третьего порядка сложности. Да так оно, собственно, и должно быть, иначе стражи не могли бы летать. Все их крылья и лапы — суть антенны. Но есть и лишние «детали».

— Ну хорошо, — сказал Торанц, стряхивая задумчивость. — Загадки стражей и другие тоже будем решать вместе. Теперь поговорим о Диего и Неверове, об их судьбе.

Расскажите, только коротко, что они могут, каковы особенности в их поведении?

— Особенности в поведении нет никаких, — с видимой неохотой сказал Доброгнев. — А возможности... Диего способен аккумулировать электромагнитное излучение от ультрафиолетового до инфракрасного диапазона, может подзаряжаться от электросети и батарей, кроме того, вырастил себе почти двухкамерный желудок...

— Что это ему дает?

— В отсутствие чисто энергетической «подкормки» он может для пополнения энергии переваривать целлюлозу и даже каменный уголь.

— Ест древесину и уголь?! М-да-а... Что еще?

— Экстраординарное сердце позволяет ему летать, не так хорошо, как птицы, но все же... Слух абсолютный, физической силой не уступит грузовому роботу. Способен ощущать колебания электромагнитных полей за тысячи километров, может читать мысли, вернее, ощущает эйдетические образы, возникающие в мозгу собеседника. Это, пожалуй, главное.

— Идеал физической эволюции человека, — тихо, с расстановкой сказал Торанц. — Но мышление остается человеческим?

— Да, — угрюмо кивнул Нагорин, хотел что-то добавить, но передумал и лишь тверже сжал губы.

— Я бы не рассматривал эту проблему под таким углом, — произнес Шелгунов. — Диего скорее не суперчеловек, а химера. Что будет с ним дальше? Природа неспроста предотвратила разрушение видовой индивидуальности на Земле, а Диего в настоящее время не представляет вид хомо сапиенс, он полуфункционален. И тут надо во что бы то ни стало дознаться, чего хотели добиться энифиане, изменяя не только генотип, но и фенотип человека. Какая у них была цель? То, что они сообщили два месяца назад, не может быть главной причиной.

— Вот наиболее правильная постановка вопроса, — сказал с уважением Нагорин. — Кое-что у нас уже есть. Разработка методов целенаправленного изменения генотипов любого живого существа подходит к концу. Разобравшись в

спектре мутационного излучения, которым энифиане «пичкали» дежурных в Зоне, мы можем уже сейчас начать потихоньку разматывать процесс изменения в обратную сторону, но пока что мешают два фактора: первый — пандологи не до конца изучили свойство иммунологической толерантности клеточных популяций тела Диего — «старого» и «вновь созданного». Ну, это сугубо профессионально, и распространяться я не буду, скажу только, что, решив проблему этого блокировочного супрессора, ученые навсегда закроют проблему смертности человечества при пересадке любых органов. А второй фактор... — Нагорин искоса посмотрел на Доброгнева.

— Второй фактор — это желание самого Диего, — сказал тот сердито. — И с ним приходится считаться больше, нежели с остальными факторами. Диего наотрез отказался покинуть Эниф и вернуть себе прежний человеческий облик.

— Мотивы?

— Он сказал, что, пока все загадки энифской цивилизации не будут разрешены, говорить об отступлении не только неправомерно, но и позорно. Да... и едва ли «нечеловеческие» способности мешают ему жить.

— Тоже верно. — Торанц встал. — Мне понятны все ваши тревоги и опасения, раздумья и надежды. Но у меня есть свои тревоги. Вы почему-то умалчиваете о том, что, по данным самого же Диего, энифиане «встроили» в него некий таинственный механизм подчинения своей воле. Пусть он себя пока никак не проявляет, ну а вдруг?.. И еще: почему вы уверены, что энифиане не «встроили» в Диего еще что-нибудь посерьезнее?

В зале стало тихо. Потом Доброгнев пробормотал:

— Пандологи его исследовали... Вы что — серьезно?

Торанц хмыкнул, прошелся между кресел.

— А вас это удивляет? Странно. Мне казалось, что вы должны были подумать об этом в первую очередь. Личные симпатии здесь абсолютно не нужны. Я тоже уважаю Диего, даже больше чем уважаю, но... Предусмотреть мы обязаны все.

Начальник сектора остановился у виома.

— Ну хорошо, оставим на время этот разговор. Как дела у второго «кролика» — Неверова? Он тоже «сверхчеловек»?

— Он может почти все, что и Диего, — сказал Нагорин после минутного молчания. — Хотя возможности его поскромней. Летать, например, он не умеет.

— Извините, — вмешался Руденко. — У меня вопрос: есть ли новая информация о причинах гибели цивилизации дендроидов? Тех, чей звездолет стоит перед Зоной? Не вмешались ли и там энифиане? Мы давали запрос управлению месяц назад, но ответа не получили.

— Информация есть, — промолвил Шелгунов. — Причина гибели головногих разумных, то есть дендроидов, достаточно тривиальна: никто их не уничтожал. Звезда их — барстер¹, последняя ее пульсация была настолько мощной, что дендроидов не спасла ни атмосфера, ни миллионы лет приспособленчества к вспышкам.

Руководители УАСС покинули зал, остались Доброгнев и Руденко. Нагорин, поколебавшись, тоже вышел, пообещав подготовить к полету в Зону один из десантных модулей.

— Что ты мне хотел сказать? — спросил Доброгнев, оглянувшись на закрывающуюся дверь. — Не мог раньше, до совещания? Кстати, ты продумал, как установить в Зоне ТФ-лифт, не беспокоя энифиан?

— Это невозможно. Энифиане остро реагируют на прибытие в Зону любых грузов и тут же запрашивают, что за грузы и для чего они предназначаются. К тому же Диего...

— Договаривай. Что-то заметил?

— Он говорил со мной рано утром. У него появилась идея настолько безумная, что она, по его выражению, и отражает истину... Но если она истинна, то жизнь исследователей на планете в опасности. Да что там в опасности — они как на пороховой бочке!

Доброгнев с шумом выдохнул воздух.

— Ну вы и даете! Что же ты Торанцу не сказал?

— Диего посоветовал молчать до тех пор, пока не будут получены твердые доказательства. Вполне вероятно, что он ошибается.

¹Барстер — вспыхивающая рентгеновская звезда.

Доброгнев посмотрел на часы, решительно сел в кресло и указал на соседнее:

— Рассказывай.

Глава 2

Неверов выкатил из ангара быстролет и откинул фонарь кабины, поглядывая то на удивительно чистое утреннее темно-зеленое небо Энифа, напоминающее металлическую полусферу, то на серое полотно взлетной полосы, упирающейся в буро-желтый конус звездолета дендроидов: стараниями исследователей звездолет был почти полностью очищен от почвы.

Неверов был без скафандра, и Шелгунов несколько мгновений ошеломленно смотрел на него, пока не вспомнил, что он «мутант».

— Не угодите в тайфун, — проворчал, стоя у входа в Зону, Доброгнев. — Служба метеопатруля у нас поставлена хорошо, так что постоянно слушайте сводку, мы передаем о зарождении ураганов и их движении каждые полчаса.

— Не беспокойтесь, Ждан, — сказал, оборачиваясь, Неверов, невольно краснея: получилось, что он подслушал радиоразговор. — Я чувствую приближение урагана не хуже метеопатруля.

— Кхм... — Доброгнев помолчал. Лица его не было видно из-за зеркального шлема-капюшона, но Шелгунов догадывался, что на нем сейчас написано.

— Тогда до связи. — Начальник центра махнул рукой и вошел в Зону.

— Поехали? — спросил Шелгунов, устраиваясь на заднем сиденье.

Неверов захлопнул фонарь, и быстролет серии «Г», похожий на наконечник копья с прозрачным острием, взмыл над белым параллелепипедом Зоны.

— Куда теперь?

— Покажите сначала одну из «зон недоступности» на побережье океана, а потом знаменитые гаруа.

— Гаруа ближе примерно вдвое.

— Тогда сначала к ним.

Неверов кивнул, и в оперении машины засвистел тугой ветер.

Шелгунов с интересом принялся рассматривать проплывающий под ними пейзаж.

Поросшая удивительно пушистым разноцветным мхом и колючим кустарником холмистая равнина уходила за горизонт. Иногда между холмами прятались похожие на малахитовые зеркала озера тяжелой зеленой воды. Пунктиром пересекала равнину цепочка высоких игольчатых скал, на которых сидели стражи, провожающие быстролет холодным блеском внимательных желтых глаз. Потом вспыхивающий разноцветными бликами кустарник поредел и вскоре исчез вовсе. Местность постепенно повышалась, появились низкие, изъеденные эрозией скалы, выпиравшие из-под слоя серой почвы, как сломанные кости из-под кожи.

— Плато Неожиданное, — показал Неверов, не снижая скорости. — Здесь биологи впервые повстречали клювокрылов... Да вот они, видите? Внизу, слева, у скал.

Шелгунов достал биноклар и возле группы белых скал заметил две изогнутые тени. Одна из них внезапно прыгнула вверх, наперерез быстролету, мелькнули пять растопыренных когтистых лап, мембрана крыла и страшный, длинный — около двух метров — разинутый клюв, усеянный треугольными зубами.

Быстролет сделал вираж, Неверов, смеясь, выравнивал полет и покосился на Шелгунова.

— Ну как? Эти птички далеко не безобидны, верно? Единственные враги бронированных скалогрызов.

— А что, есть и такие? — осторожно поинтересовался Шелгунов.

— Имеются. Функционально те же кроты, только роют ходы внутри скал. Покрываются чешуйчатой броней и, по-видимому, не летают, крылья у них рудиментарны. Но они встречаются довольно часто, а вот клювокрылы — редкие твари, ходят только парами, причем всегда парагонально: самец с самцом — самка с самкой.

— У него пять лап? — помолчав, спросил Шелгунов. — Я почему-то заметил пять.

— Вы не ошиблись, у клювокрылов по пять лап — пентагональная симметрия. Вообще животный мир Энифа задает загадку за загадкой. Все виды живых существ очень резко отличаются друг от друга по филогенетическим признакам. У клювокрылов пять лап и одно крыло; у стражей две лапы, но три крыла; скалогрызы имеют три лапы и два крыла, хотя и неразвитые... Понимаете? Такое впечатление, что природа «экспериментировала», создавая животный мир планеты, не зная, какой вид выживет или какому отдать предпочтение. И поэтому каждый вид остался «недоделанным».

Под бысролетом пошла удивительная ярко-красная страна — сплошные валы, натеки, складки и языки старой лавы, некогда вышедшей из недр планеты сквозь трещины и поры в коре и вулканические разломы. Трещины избороздили это гигантское плато черным узором. С высоты оно казалось еще не остывшей, пышущей жаром коркой. Но нет, температура пород под аппаратом не превышала температуры человеческого тела.

— Ты хорошо разбираешься в биологических терминах, — пробормотал Шелгунов, продолжая всматриваться в кроваво-красный ландшафт.

— Я хорошо разбираюсь в биологии, — подчеркнул последнее слово Неверов. — В Зоне я увлекся работами корифеев биологии, и... понимаете, мозг, как губка, впитал всю информацию. Я бы сейчас без труда защитил минимальную ученую степень в области биологических наук. Да и в некоторых других науках тоже.

Шелгунов покашлял, слова не шли на язык, и он промолчал.

— Сейчас будет гаруа, — произнес Неверов, с непосредственностью молодости наслаждаясь в душе произведенным эффектом. — А красный пенеплен¹ под нами — это в основном магнезиально-железистые пироксены. — Он встре-

¹Пенеплен — почти равнина, участок суши, образованный в результате длительного выветривания, разрушения и сноса горных пород.

тил взгляд начальника спецотдела УАСС и засмеялся. Отвернувшись, замялся: — Извините.

Засмеялся и Шелгунов. Подумал: «Ничего, поделом мне».

Последние минуты до гаруа пролетели в молчании. Сначала Шелгунов заметил на горизонте странное белое вкрапление в буро-красной плоскости плато. Потом вкрапление разрослось в стороны, превратилось в бесконечное снежно-белое поле.

Подлетев ближе, Шелгунов понял, что перед ними действительно на удивление плоское туманное облако, из которого проглядывали утопающие в белой мгле группы столбообразных, с поразительно плоскими вершинами скал.

Неверов замедлил полет, замер, к чему-то прислушиваясь.

— Странно, — пробормотал он через минуту.

— Что-нибудь случилось? — спросил Шелгунов, поднося к глазам свой биноктар.

— Гудит... броня быстрого гудит, слышите?

Шелгунов опустил биноктар и прислушался, на лице его отразилось недоумение.

— Писк какой-то слышу, а гудение нет...

— Ах, ну да. — Неверов с досадой поморщился. — Частота колебаний около пятнадцати килогерц.

Он остановил быстрый в воздухе и некоторое время прислушивался к тишине, поворачивая голову то вправо, то влево, как антенна локатора; Шелгунов при этом лишь иногда «хватал» своим нормальным человеческим слухом тихий свист. Потом коммуникатор снова тронул с места аппарат.

— Частота понижается, — сообщил он чуть погодя. — Одиннадцать килогерц... десять... девять...

Теперь и Шелгунов отчетливо слышал странное дребезжание — полусвист-полушипение стенок кабины быстрого. Когда частота колебаний опустилась до шести килогерц, внезапно «запели» сиденья, дрожь машины передалась и телам людей.

— Вот оно что! — сказал наконец Неверов. — Облучение! Попросту говоря, нас лоцируют, и локаторы эти где-то в черте гаруа.

— Это опасно?

— Не знаю, ничего подобного не встречал со времени дежурства в Зоне. Сейчас спрошу Диего, может, он знает.

Неверов напрягся, лицо его окаменело, резче выступили скулы и жилы на лбу. Шелгунов с невольным страхом наблюдал за этой демонстрацией феноменальных способностей молодого коммуникатора.

— Нет, к сожалению, и он не знает. — Неверов расслабился. — Посоветовал держаться подальше от гаруа и стражей, хотя их здесь, кажется, нет. Да, еще с юго-востока к нам идет черный тайфун, он еще далеко, да и зацепит нас чуть-чуть, но, может, вернемся?

«Бойтся за меня, — догадался Шелгунов. — Ему самому не страшен ни тайфун, ни черт, ни дьявол! Но ведь рисковать собой — не то что рисковать другими? К тому же у гаруа тайфун наверняка свернет. Вперед!»

— Понял, — улыбнулся Неверов, хотя начальник спецотдела еще не успел произнести ни слова. — Посмотрим сверху, а потом рискнем нырнуть в туман, если не помешают стражи. Никто из наших еще не бродил по гаруа.

Быстролет воспарил над странным неподвижным слоем тумана. Правда, не совсем неподвижным: если взглядеться, верхняя кромка белесых испарений, очень медленно колыхаясь, истекала струйками в небо.

Приблизилась совершенно плоская вершина одной из скал. Неверов сделал петлю и с ходу, без подготовки посадил аппарат на гладкую темно-синюю вершину скалы.

— Подождем немного, — пробормотал он, снова напрягся, как при биосвязи с Диего.

Ждали минут пять, но все было спокойно, тишина не нарушалась ни одним звуком. Стражи не появлялись.

— Видимо, энифиане сменили способ контроля, — пробормотал Неверов, снимая контактор мыслеуправления. — Стражей не видно, но я чувствую, что мы не одни. Пойдемте посмотрим.

Они вылезли из кабины, разминаясь, обошли почти идеально круглую площадку диаметром в полсотни метров.

— Интересное образование, — сказал молодой человек. — Мои интравизорные способности весьма скромны, но все же не настолько, чтобы не видеть в глубине этих скал

металлические стержни. Вероятно, скалы — искусственные сооружения, как и все гаруа. Но меня все же тревожит, что стражи сегодня вежливы, я бы сказал — тактичны. Обычно они к гаруа никого близко не подпускают.

— Видимо, узнали, что я начальник спецотдела, — пошутил Шелгунов.

— А может быть, я их просто не вижу и они где-то рядом? — Неверов несколько раз повернулся вокруг оси. — Эх, сюда бы Диего! Он-то уж наверняка разобрался бы что к чему!

Шелгунов хмыкнул, подошел к краю площадки и осторожно заглянул вниз, но увидел лишь постепенно исчезающий в белой мути ствол скалы и рядом смутно видимые еще несколько таких же каменных столбов со срезанными верхушками.

— Действительно заметно, что скалы обработаны, — пробормотал он. — Да и форма необычная... Вершины — как отполированы.

— Я же говорю, что до Диего мне далеко, — сердито ответил Неверов, восприняв слова начальника спецотдела как упрек. — Он бы наверняка ответил на все ваши вопросы. — И такая убежденность была в его голосе, что Шелгунов невольно оглянулся на коммуникатора, удивляясь его вере в безграничную способность Диего Вирта видеть скрытую суть вещей.

— Насмотрелись? — Неверов полез в кабину. — Вниз не расхотелось?

Шелгунов поймал его косой взгляд, и ему показалось, что во взгляде этом промелькнула усмешка.

«Мальчишка! — с веселой злостью подумал он. — Грубить безнаказанно может только обезьяна в вольере, но никак не человек, даже обладающий такими данными. Умение, приобретенное без усердия, в подарок, далеко еще не определяет цену человеку».

По тому, как по щекам коммуникатора разлился румянец, Шелгунов понял, что его мысль расшифрована. Он рассмеялся и дружески стукнул Неверова по плечу.

— Не журись, разведчик. Не может быть, чтобы перед

ними спасовали. Вспомни историю. Стражи — не боги, но мы — люди! Понял?

«Черт бы меня побрал со своими нотациями! — подумал он, тщательно блокируя мысли. — Еще неизвестно, во что выльется этот спланированный энифианами эксперимент с усилением интеллекта. Мальчишке не так сладко, как думают ученые на Базе...»

— А локация все еще продолжается, — пробормотал Неверов в кабине, закрыв фонарь. — Кто-то держит нас на прицеле. Не потому ли стражей не видать?..

— Меня это тоже тревожит, — признался Шелгунов. — Сделаем так: нырнем в туман, пощупаем дно — и сразу назад. Не возражаешь?

Неверов кивнул, нахлобучил контактор, похожий на цветочный бутон в бронзовой оправе.

Белая пелена поглотила свет, съела все цвета и звуки. Только рядом, в десятке метров, проплывала тень одной из скал. Больше ничего Шелгунов не видел, как ни напрягал зрение.

Чем глубже в туманную невидь погружался быстролет, тем острее нависало над людьми ощущение чьего-то тяжелого присутствия, словно откуда-то сверху все ближе опускалась на земную машину гигантская лапа неведомого великана, и лишь движение вниз спасало пока людей от удара.

«Интересно, Лен же должен видеть лучше, чем я», — подумал Шелгунов.

— Вижу только скалы, — отозвался тот, не обладая достаточным тактом, чтобы не напоминать товарищу о своем экстрасенсорном восприятии чужих мыслей. — А вот под нами что-то интересное... соты. — Неверов вдруг присвистнул. — Ну и ну! Очень интересно! Вот это да!..

— Что там такое?

Шелгунов схватился за свой бинокль, но по-прежнему видел лишь белую кипень за прозрачным стеклом фонаря.

— Стражи! — шепотом произнес Неверов. — Нечто вроде пчелиных сот, и в каждой ячейке по стражу! Что будем делать?

— Они нас видят?

— Н-нет... по-моему, нет, сидят неподвижно, да и глаза у них не светятся. Забавно, уж не инкубатор ли это? Вот обрадуем ученую братию!

— Там есть место, где можно приземлиться?

Неверов покрутил головой и утвердительно кивнул.

— Чуть подальше, за границей сот.

— Тогда на посадку.

Быстролет скользнул влево и вниз. Приблизилась неясно видимая темная масса, распалась на частокोल черных шипов. Промелькнула мимо колонна скалы, и наконец показалось дно гаруа — серо-голубое, с чередующимися пятнами круглых ям.

Нет, не круглых — шестиугольных... Действительно, соты! И в каждой яме...

— Посветить нельзя? — спросил Шелгунов, понижая голос.

— Не хотелось бы. — Неверов наморщил лоб, напрягая свою экстрасенсорную нервную систему в попытках оценить степень опасности. — Если хотите посмотреть, лучше выйти и подойти поближе. По-моему, нам пока ничто не угрожает.

Шелгунов думал мгновение, потом решительно зарастил «молнию» скафандра, автоматически проверил указатель герметичности и первым вылез в серые сумерки. На блестящий балахон скафандра тут же начал оседать беловатый налет.

Шелгунов подошел к ближайшей яме — идти было легко, как по бетону, — и заглянул. Метрах в двух от уровня ямы он разглядел жуткую фигуру стража, распластавшегося по едва заметно светящейся фиолетовой полусфере. Сначала он просто рассматривал чудовище, не различая деталей, потом понял, что этому стражу чего-то не хватает.

— Нет лап, — поймав его мысль, сказал Неверов, оставившись за спиной. — У него нет лап, да и по размерам он меньше летающих раз в полтора.

— Похоже, ты прав, это инкубатор, — сказал, разгибаясь, Шелгунов, и снова тревожное предчувствие кольнуло сердце. — Инкубатор. Однако мне их молчание начинает

действовать на нервы. Энифианам зачем-то потребовалось показать нам инкубатор стражей — так это выглядит. Зачем?

Он еще раз посмотрел на неподвижного стража с мертвым взглядом несветящихся, как бельмо, глаз, подбежал к соседней ячейке, заглянул.

— То же самое...

Внезапно где-то родился странный шум — будто захлопали тяжелые крылья, и все стихло.

Шелгунов замер с поднятой ногой, Неверов напрягся, обращаясь в слух.

— Нет, не вижу, — глухо проговорил он. — Туман какой-то странный, липкий, плотный... хуже, чем скалы.

— Пошли назад, — заторопился Шелгунов. — Увлечлись, как мальчишки. Праздное любопытство не доводит до добра.

Они залезли в кабину, с облегчением ощущая привычную обстановку. Шелгунов брезгливо стер с рукава белый налет и не стал снимать скафандр. «Черт его знает, — подумал он, — чем это пахнет. Неверов себя обезвредит, а я сам себе, к сожалению, не медцентр».

— Что случилось? — спросил он, заметив, как напарник замер в позе немого удивления.

— Контактор... — сказал тот растерянно. — Пропал контактور!

— Как пропал? — нахмурился Шелгунов.

— Так — нет его на месте, и все... И запасной в нише исчез...

— Не может быть.

— Да не шучу же я!

Они посмотрели друг на друга, и у обоих мелькнула одна и та же мысль.

— Не может быть! — сказал теперь уже Неверов.

Мысль была: «Заманили! Не выпустят!»

Несколько минут они искали пропавшие контакторы мыслеуправления, причем Неверов даже выходил из быстрого полета, но найти шлемы не удалось.

— Ладно, попробуем на ручном, — сказал наконец Не-

веров, откидывая небольшую панель ручного управления. В голосе его прозвучала неуверенность.

— Не приходилось без контактора? — спросил Шелгунов.

— Не приходилось... ручное управление я знаю чисто теоретически. Не дает покоя мысль — зачем это им?

— Кому?

— Энифианам, конечно, кому же еще? И самое интересное, чувствую — наблюдают за нами, но никого не вижу... А ведь в «нормальном» тумане вижу так же хорошо, как при свете...

Шелгунову на мгновение стало не по себе. В душе шевельнулся страх, но он тут же подавил его злостью.

— Ничего, проскочим. Тут всего две сотни метров. Рванем по вертикали... Я, конечно, тоже не ахти какой пилот, но все же попробую. Садись рядом.

Они поменялись местами.

Фонарь с громким шелчком вошел в паз, зашипели насосы, выгоняя чужеродную атмосферу из кабины. Быстролет оторвал медленно нос от скалы и пошел вверх. И в это мгновение Шелгунову показалось, что прямо перед глазами в кабине произошел бесшумный взрыв! Ярчайшая вспышка ударила по глазам! И наступила темнота...

Вскрикнул Неверов:

— Гоните! Вверх, вверх, быстрее! Излучение!

И только тогда Шелгунов понял, что ослеп. Он толкнул от себя рулевую колонку.

Рывок быстролета, не смягченный защитным полем, бросил его на спинку сиденья, боль в грудной клетке рикошетом ударила в голову, а потом он уже ничего не чувствовал...

Глава 3

Доброгнев сухо сказал:

— Может быть, все же не стоит рисковать? Не было бы прецедента... Начальник сектора УАСС позволяет себе рисковать, как...

— Как это? — так же сухо спросил Торанц и, не дождав-

шись ответа, продолжал: — Я хочу убедиться сам, составить полную картину событий на планете. К тому же с нами Диего. А что это вы вдруг так всполошились? — Он подозрительно посмотрел на руководителей исследовательского центра. — Или дела обстоят хуже, чем мне докладывали? И риск превышает норму безопасности для неосвоенных планет?

— Не превышает, — пожал плечами Доброгнев. — Но инцидент с Шелгуновым...

— Шелгунов виноват в этом сам.

— Ему ничто не грозит, — вмешался Диего. — У него обожжена сетчатка глаза, временная потеря зрения, это излечимо. Но, я думаю, с нами ничего подобного не случится.

Торанц подождал немного — все молчали — и шагнул к выходу.

— Держите связь, — сказал вдогонку Тоидзе и добавил полушутливо: — Я на дежурстве, и мне вредно волноваться.

В кабине разместились быстро: впереди в кресле пилота Диего Вирт, на задних сиденьях Торанц и Руденко. Аппараты этого типа не имели видеоприемников, и Торанц высказал недовольство, вызвав улыбку понимания у Диего: начальник сектора думал вовсе не о видеосвязи.

Здание Зоны превратилось в белую точку и затерялось среди разноцветных холмов равнины Контакта.

— Вообще-то если бы не Лен, — сказал Диего через плечо, — плохо пришлось бы Шелгунову.

— Почему? — пробурчал Торанц, продолжая разглядывать природу Энифа, которую раньше видел только на экранах и фотоснимках.

— Неверов прикрывал его собой, собственным биосиловым «зонтиком», и потерял энергии больше, чем если бы работал физически весь день. Когда они сели и я открыл фонарь, он был мокрый как мышь. Странно только, что он не заметил похитителей контакторов. Как могли энифиане незаметно прошмыгнуть мимо — ума не приложу!

— И снова молчание в ответ на наши запросы, — пробормотал Руденко. — Словно не слышат.

Несколько минут прошло в тишине. Торанц достал из-под сиденья бинокль и водил окулярами по наиболее интересным местам на поверхности равнины. Руденко что-то

еле слышно напевал. Диего сидел как изваяние, и никто не видел улыбки в его глазах: он знал, о чем думает каждый из пассажиров, и это забавляло его с той стороны, что и они знали о его знании. Но вели себя внешне совершенно спокойно, непринужденно.

— Я смотрел у видеоинженеров странные картинки, — сказал Торанц, опуская биноктар. — Видеосвязи у энифиан, очевидно, нет?

— Нет, — согласился Диего. — То, что принимают наши антенны, скорее всего не видеопередачи энифиан, а эффект мыслеобщения стражей, эффект направленного биорадиоэха.

— Ты что же — можешь читать их мысли? — заинтересовался Торанц.

— Вопрос нуждается в уточнении, — улыбнулся Диего. — Во-первых, нет никаких доказательств, что стражи мыслят... у меня, правда, имеются кое-какие подозрения, но их еще нужно проверить. Во-вторых, я ощущаю разговоры стражей между собой чисто качественно, эдакий беззвучный толчок по нервам. Но о чем они говорят... — он развел руками, — не ведаю.

Торанц вдруг схватился за бинокль, и Диего без всякого перехода пояснил:

— Скалогрызы. Вылезли понежиться на солнышке. У всей здешней живности, кроме биоплазменного сердца-генератора, есть еще и фотоэлементные преобразователи. Вот они и блаженствуют, аккумулируя даровую манну небесную. А ночью вся жизнь на неосвещенной половине планеты замирает... по неизвестным причинам. Ведь не зависят же они в самом деле полностью от светила?

— Любопытно...

Через полчаса полета аппарат пролетел недалеко от одного из гаруа. Торанц сворачивать к нему не стал, проводил долгим взглядом, и все. Наверное, ему было достаточно случая с Шелгуновым. Вскоре кроваво-красные базальты, излившиеся миллиарды лет назад в эпоху горообразования, сменились темно-коричневой мешаниной хребтов. Здесь летающей фауны почти не встречалось, лишь на склоне гор

кое-где горели ровные желто-оранжевые свечи — глаза скалогрызов.

Быстролет вдруг клюнул носом и чуть ли не отвесно пошел вниз.

— В чем дело? — буркнул Торанц, роняя бинокль.

— Сейчас я вам кое-что покажу, не зря же летели в эту-кую даль.

Мелькнул рядом блестящий, словно лакированный, бок скалы, небо и земля поменялись местами, и движение оборвалось.

Быстролет стоял на небольшой наклонной площадке, окруженный странным каменным частоколом, напоминающим челюсть какого-то грандиозного хищника. Рядом козырьком навис уступ угрюмой черной скалы, сзади громоздились валуны, скрывавшие под собой весь склон горы. Вершина горы пряталась за удивительно ровной плоской стеной высотой в несколько десятков метров.

— Ну и что? — нарушил молчание Руденко, с недоумением посмотрев на Диего.

— Выйдем, — решил тот. — Не беспокойтесь, потеряем пару минут, но это необходимо.

Они вылезли из кабины на коричневую осыпь. Торанц, утопая по шиколотку в щебне, обошел площадку и остановился напротив круглого черного пятна в боку скалы.

— Что это?

— След скалогрыза, — пояснил наблюдавший за начальством Руденко. — Прогрызая в скалах ходы, они цементируют их за собой. Толщина такой пробки около метра, прочность не уступает прочности основной породы.

— Зачем это им?

— Видимо, защита от извечных врагов — клювокрылов.

Торанц стукнул кулаком в перчатке скафандра по бугристой поверхности черного круга и приблизился к нависающему каменному карнизу.

— Смотри-ка, пещера!

— Заметили наконец, — с едва уловимой иронией отозвался Диего. Он одним прыжком преодолел десятиметровый подъем и окунулся в тень под карнизом. — Юра, посвети.

Руденко прошел вперед и включил фонарь, вмонтиро-

ванный в конус шлема. Луч света выхватил из тьмы сводчатый туннель, усеянный кристалликами кварца. Туннель уходил куда-то вбок и вниз, совершенно не увязываясь с понятием «естественная пещера».

Руденко углубился под своды туннеля, дошел до поворота и остановился.

— Так!

Торанц быстро спустился за ним и увидел у своих ног... ступеньки, упирающиеся в сплошную скалу!

— Лестница, — тупо сказал он, еще не поняв смысла сказанного. — Лестница?!

— Это еще не все, — сказал Диего. Нагнулся и подобрал с серого пола бледно-розовый сrostок камня, нечто вроде сломанного человеческого пальца. — Это кристалл кальцита, тут их несколько штук. Я проверил, когда-то они содержали в себе информационные записи, но сейчас — просто камни, и неудивительно: со времени их отделки прошло, по крайней мере, десять тысяч лет.

— Ты хочешь сказать... — начал Руденко.

— Совершенно верно. Я хочу сказать, что на Энифе когда-то существовала технологическая цивилизация. Перед нами ее следы. Этот туннель завален совсем недавно, примерно с полгода назад, и за перекрывшей его скалой находится хранилище подобных кристаллов.

Диего швырнул розовый цилиндр в перегородку, и тот разлетелся стеклянными брызгами.

— Понятно, — сказал Торанц, собираясь с мыслями. — Технологическая цивилизация... а существующая, по всем данным, биологическая... Но зачем энифианам скрывать от нас это обстоятельство? Разве что... геноцид?

— Не обязательно. Вернее, — поправился Диего, — я так не думаю, а разгадка там. — Он кивнул на массивный выступ горной породы, вклинившийся в коридор. — Но пробиться туда я не в силах, нужны деформаторы как минимум на тысячу-две гравитуд. Ладно, пошли отсюда, я еще не все показал.

Они вышли из туннеля в энифианский зеленый день. Диего взобрался на поваленный каменный останец и про-

шел по нему к серой, в зеленоватых потеках, плоской стене, накренившейся над площадкой.

— Лезьте сюда.

Торанц, не говоря ни слова, поднялся на скалу и подошел к стене.

— Что это, по-вашему?

Начальник сектора дотронулся до стены, стирая перчаткой зеленовато-рыжее пятно, и под рукой тускло блеснул металл.

— Так! Металл?

— Молибденовая сталь, вся стена. Полтора миллиона тонн стали! Возраст тот же, что и у кристаллов, — около десяти тысяч лет.

— Странно все это, — сказал уже в кабине Торанц, с любопытством разглядывая невозмутимое лицо Диего, будто впервые с ним познакомился.

— Ты давно знал о пещере? — спросил Руденко.

— Мне ее показал старый знакомый — меланхолический страж, — не отвечая прямо на вопрос, сказал Диего. — Сей факт пока не укладывается в стройную систему моих умозаключений, но для всех нас он крайне важен, вот я и решил сообщить вам... каюсь, поздновато. Но я надеялся все загадки размотать сам. Кстати, помните разведывательный полет Вити Зубавина, когда по его модулю был нанесен мезонный удар? Я нашел то место между холмами, откуда стреляли. Там когда-то очень и очень давно был город, сохранились только кладка фундамента да несколько плит вроде этой, из такой же молибденовой стали. К некоторым до сих пор подходят под землей питающие волноводы, но энергии в них нет, хотя я догадываюсь, откуда она поступает в нужную минуту.

Быстролет поднялся в воздух, обогнул стену и взял курс на дрожащее изумрудное море на горизонте: океан был рядом, в ста километрах, за древним разломом планетарной коры, похожим на шрам.

До побережья они долететь не успели, дорогу перекрыл узкий, но чрезвычайно активный грозовой фронт.

— Энифианский хауб, — сказал Диего, бросая быстро-

лет в крутой вираж. — Идет полосой почти на полторы тысячи километров. Но мы обойдем его справа, я вижу просвет. Между прочим, не хотите посмотреть, как прячутся скалогрызы? Берите бинокли, впереди по курсу три закорючки... Видите? Сейчас подойдем ближе.

Быстролет нырнул вниз к самой вершине скалистого пика и резко затормозил.

Торанц поискал глазами «закорючки», навел окуляры и на расстоянии вытянутой руки увидел трех скалогрызов. Закованные в гладкую до зеркального блеска броню, звери напоминали свернувшиеся кольцом металлические трубы: две лапы под брюхом и одна сзади цеплялись за камни, недоразвитые крылья так крепко были прижаты к телу, что почти не выделялись. Морды и рыла как такового у скалогрызов не было, была какая-то чудовищная мешанина серых и бурых гребней, шипов, желваков и воронок, от которой возникали нехорошие ассоциации и в мозг стучался слабый протест желудка. Торанц невольно сглотнул слюну и, вздохнув, стал рассматривать тускло мерцающее в грибообразном наросте «головы» скалогрыза пламя его глаз.

— Внимание! Смотрите!

Под быстролетом внезапно словно раздался взрыв — свернутые тела бронированных ящеров разогнулись, как пружины, впились в склон горы: во все стороны брызнул щебень, каменная крошка, вспыхнули и расплылись три облака сизого дыма и пыли. Когда дым рассеялся, на светло-сиреновом боку скалы открылись взору круглые черные пятна пробок.

— Ну и силища! — пробормотал Торанц.

— Не задело бы нас крылом бури, — сдержанно проговорил Руденко, кивая на быстро приближавшуюся иссиня-фиолетовую стену туч, внутри которой клубилось и играло электрическое сияние.

Диего круто взял вверх, машина перевалила хребет и с ходу влетела в узкое ущелье, проделанное в каменном щите древним водным потоком.

— Какова же тогда мощь клювокрыла? — продолжал развивать мысль Торанц. — Ведь скалогрыз — это живой металл!

— Скорее, живой плазменный резак, — заметил Диего, ведя быстролет с прежней скоростью.

Резко стемнело, небо над ущельем затянула фиолетовая мгла, которую вскоре оплела пульсирующая сетка электрических разрядов.

— Переждем здесь от греха, — решил Диего и мягко опустил быстролет в глубокую сухую яму.

— Глядите-ка — дождь! — удивился Руденко, показывая на сползающие по прозрачному колпаку кабины редкие капли. — Хабуб не часто приносит дожди, — пояснил в ответ на жест Торанца. — Зато часто — черную угольную и графитовую пыль: на Энифе уйма открытых угольно-графитовых месторождений, прикрывающих, кстати, колоссальные гнезда алмазов.

Некоторое время просидели молча, дивясь на красивые всполохи электрического сияния в прорези ущелья; обычного для земных гроз грома не было, лишь иногда доносилось длинное ядовитое шипение да частый треск.

— Не люблю бесшумных гроз, — поежился Торанц. — Неестественно как-то... и тревожно... — Он вдруг вспомнил ровное оранжевое пламя глаз скалогрыза. — Глаза у них в самом деле светятся?

— Светятся, — подтвердил Диего. — Да и не глаза это вовсе, а рентгеновские локаторы, оранжевое свечение — побочный эффект их работы.

— М-да... Наверное, никогда не устану поражаться изобретательности природы.

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Кем придуман огневой
Соразмерный образ твой? —

тихо, но четко прочитал четверостишие Блейка задумавшийся Руденко.

— Серьезный вопрос, — вздохнул Диего. — Особенно если применить его к стражам.

Торанц подозрительно посмотрел на лицо разведчика, хранившее серьезное выражение.

— При чем здесь стражи?

— Стихи Юры подходят к ним больше чем к кому-либо. Кем придуман огневой, соразмерный образ твой, страж? Ну, может быть, и не совсем соразмерный, но вопрос поставлен не в бровь, а в глаз.

— О чем ты? Не разговаривай полунамеками.

— Иначе он не может, — с внезапным раздражением бросил Руденко. — Своими умозаключениями он толкает нас к пропасти, просто голова кругом идет.

— Так поделись со мной.

Диего искося посмотрел на насупленного начальника сектора и медленно проговорил:

— Может быть, это и в самом деле только мои фантазии, сам не знаю. Нужна проверка, я уже говорил. Отправной точкой моих умозаклучений была мысль: откуда у энифиан столь крайний «социал-биологизм», редуцирующий человека до уровня биологического существа? Почему они относятся к нам как к биологическим машинам, а не как к существам разумным? Плюс к этому их признание в отсутствии эмоциональной сферы. Теперь понятно?

— Если бы, — хрипло ответил Торанц. — А доказательства?

— Я только ими и занимаюсь. Ну, кажется, уже можно отправляться. — Диего удобнее уселся на сиденье, взвесил в руке контактор, потом вдруг обернулся и в упор посмотрел на Торанца. — Единственная просьба, Джордж. Не делись своими сомнениями и догадками в Зоне и тем более не докладывай о них на Базу. У меня есть факты, что все наши разговоры в Зоне и переговоры с Базой прослушивают энифиане.

Быстролет вынырнул из мгlistой тени ущелья, и в его оперении заиграли крохотные радуги дождевых брызг. Хабуб умчался на юг, волоча за собой опадающий хвост тумана и водяной пыли.

Они стояли на берегу, утопая по шиколотку в крупном жемчужном песке, и у ног лежал дымящийся после дождя океан, прозрачный до того, что даже в полукилометре от берега можно было разглядеть его дно.

Диего нагнулся и плеснул себе в лицо водой.

— Благодать, скажу я вам, отцы. Жаль, что вы этого не ощущаете.

Видимо, одна и та же мысль: «А на Земле?» — мелькнула у обоих — у Торанца и Руденко, потому что Диего фыркнул и поднял обе руки над головой:

— Сдаюсь и прошу прощения. А теперь пройдем во-он до того бугорочка. Идти по песку одно удовольствие, вот и прогуляемся.

До бугорочка было около четырехсот метров. Шли медленно. Руденко забрел по пояс в абсолютно спокойное зеркало воды и шел вдоль кромки берега, поднимая сказочно прозрачную воду. Ему вдруг захотелось, как Диего, идти по берегу без скафандра, брызгать на шею водой и дышать йодистой свежестью древней колыбели жизни.

«Сорок недель без Земли — это много, — подумал он. — К сожалению, это не Земля, а Эниф, и дышать смесью угарного и углекислого газов я еще не научился...»

— Что касается запахов, — словно невзначай обронил Диего, — то йодом здесь не пахнет. Океан перенасыщен углекислотой и солями бария, есть и бромистые соединения, и соли урана и тория. Согласен, это химия, а не поэзия, просто даю справку. А вот и то, ради чего я вас сюда притащил.

Странный голый бугор, к которому они подошли, оказался мощной ржавой плитой, утопающей под многометровым слоем песка. Чуть поодаль из песка выступали углы еще нескольких плит, чередой уходящих в океан.

— Тот же молибденовый сплав, тот же возраст. Здесь тоже когда-то стоял город, но сейчас он под водой, почти полностью занесен илом. Из плит предки энифиан... ну, может, не предки, а другая разумная раса, не выдержавшая конкуренции с настоящей, построила убежища, но те не вынесли испытания временем.

— Десять тысяч лет и ураганы... — сказал Руденко. — Никакая сталь не выдержит.

— Другая раса... — повторил Торанц, пробуя на язык новое слово. — Две расы на планете: технологическая и биологическая, одна из которых не смогла себя защитить...

Так? Но реально ли это? Что, если эволюция просто сделала крутой поворот? Такое могло произойти?

— Примеров сколько угодно, даже на Земле, — сказал Руденко с непонятной интонацией.

— Скорее всего вы оба ошибаетесь, — грустно сказал Диего. — Самый крутой поворот эволюции длится не менее нескольких десятков миллионов лет, но никак не десятки тысяч. Столь круто могут повернуть свою историю только разумные существа. А теперь посмотрите сюда, вдоль берега. Видите?

Километрах в восьми на берегу океана виднелась туманная желтая полоса, из которой вырастал частокол тонких из-за расстояния шпилей.

— Что это? — нарушил молчание Торанц.

— Одна из зон недоступности, куда нас не пускают стражи. Прелюбопытнейшее место, скажу я вам! Ребята с Базы провели локацию здешних районов, по-видимому, это действующий завод, оставшийся со времен оных... — Диего не договорил. Над урезом воды появилась черная точка, приблизилась, и люди увидели стража. Он летел чуть в сторону, но сделал крюк и пролетел над ними, внимательно разглядывая их белыми, без всякого выражения, глазищами. Два метровых крыла он распростер в стороны, третье стояло парусом, и казалось, что он плывет по воздуху, подгоняемый попутным ветром.

— Разведчик, — бросил сквозь зубы Диего, глядя вслед пролетевшему уроду из-под козырька руки. — Кому-то не понравилось наше появление на берегу вблизи зоны недоступности. А ну-ка быстренько в машину, не по душе мне их сигнализация. — И первым направился к быстролету.

— Куда теперь? — спросил его Торанц в кабине.

— В океан. Покажу город, сквозь толщу воды он виден хорошо. Потом пройдем возле зоны недоступности, у которой повышен радиационный фон. Пристегнитесь, пойдем на форсаже.

Океан распахнулся перед ними во всю ширь.

Глава 4

Диего поколдовал над замком, и дверь, к удивлению Нагорина, рассыпалась белым порошком.

— Смотри-ка, перестал держать магнитный каркас, — сказал Диего, переступая порог. — Последний раз я был здесь два месяца назад.

Комната была маленькой, два на три метра. Стены ее были увешаны в три ряда разнокалиберной сеткой защитных устройств, потолок и пол металлические, в углу стоял большой металлический ящик, и над ним панель пульта с мертвыми глазками индикатора ламп.

Нагорин похмыкал, включил механизм запираения, но дверь полностью не восстановилась, сквозь нее была видна противоположная стена коридора.

Диего жестом попросил отойти, тронул пальцем клавишу-сенсор — на пульте зажегся розовый огонек, потом открыл ящик и достал из захвата «универсал». Взвесив в руке, положил пистолет обратно, покопавшись, извлек из глубины ящика странный кружевной крест на массивной рукояти.

— Что это? — заинтересовался Нагорин.

— Болеизлучатель, вернее, излучатель звука. Диапазон от одного до двух тысяч герц. На частоте трехсот герц мощность максимальна, около двухсот децибел.

— Ага... болевой порог?

— Для человека — да, но, к сожалению, а может, к счастью, не для живности Энифа. Все эти игрушки загружались еще при сооружении Зоны, когда мы ничего не знали об энифианах, кроме того, что они существуют.

— Сейчас знаем не больше.

— Ну не говори. Кое-что мы знаем наверняка.

— Ради чего ты меня потащил сюда? И почему именно в эту каморку?

— Потому что объем этой комнатки — единственное место, недоступное ощущалам стражей. Я включил защиту.

Нагорин с опаской посмотрел на металлический потолок.

— Вот как? Интересно.

— Ладно, к делу. О том, что до энифианской биологической на Энифе существовала технологическая цивилиза-

ция, ты уже знаешь. Но не знаешь, что без техники нынешняя тоже не может существовать.

— Это еще надо доказать.

— Доказательства есть, но их надо уметь видеть. Резкие различия между отрядами животного мира планеты — раз.

На лице Нагорина отразилось разочарование.

— При чем тут фауна Энифа?

— погоди, не спеши. Итак: отличия, эксперимент над нами, признание энифиан и, наконец, последнее — одна из зон недоступности у океана является заводом по производству... скал.

Нагорин засмеялся.

— Вот это открытие! Каких скал?

— Тех самых плосковершинных скал, которые стоят в гаруа. На самом деле это вовсе не скалы, а генераторы биосинтеза.

Диего замолчал. Нагорин задумался.

— Ты хочешь сказать, что все химеры Энифа созданы все той же технологической цивилизацией тысячи лет назад? Но кто тогда в настоящее время стоит за всем этим? Кто на Энифе разумен?

— По-видимому, стражи.

— Стражи?!

— Не укладывается в голове? Да, стражи. Не исполнители чужой воли, защитники, ассенизаторы, сторожа и так далее, как мы думали, а разумные существа, управляющие миром. Чего я не могу пока понять, разобраться — в их социальной организации. И знаешь, — Диего понизил голос, — я не специалист-историк и не социолог, но... может быть, социума на Энифе нет совсем?

— Как это — нет социальной организации? Любая цивилизация имеет иерархию порядка и управления... Тьфу! Заговорил. А факты? Где доказательства, что стражи и есть те самые энифиане, с которыми мы так сложно контактируем? Наши с тобой подозрения ничего не стоят без фактов.

— Кое-какие факты у меня есть. — Диего постучал пальцем себя по лбу. — Остальные будут даже скорее, чем ты думаешь. А о том, что я тебе сообщил, подумай.

Нагорин постоял молча, повздыхал.

— Как дела у Лена? Ты с ним больше возишься.

— Что — Лен... Лен молод, даже юн, а юность — это старость без сомнений, будущее для нее — прямая линия. Он верит, что все будет хорошо, верит мне... а я верю вам.

Нагорин встретил всепонимающий светлый взгляд Вирта и заставил себя не отвести глаз.

— Диего, — сказал он, — вот я стою перед тобой, какой есть... Ты ведь читаешь мысли, загляни в мои... Я ничего ни от кого не утаивал... Ты мне дорог не как великолепный инструмент познания, а как человек... веришь?

— Не верю, — качнул головой Диего. — Знаю. Спасибо, Игорь, в тебе я никогда не сомневался. Впрочем, я ни в ком не сомневаюсь, это пройденный этап.

— Зато я читать мысли не умею и не имею понятия, что у тебя на уме. Не знаю даже, как ты себя чувствуешь, не в курсе твоих неприятностей.

По губам Диего скользнула грустная усмешка.

— Неправда, Игорь, все-то ты знаешь. Со мной все в порядке, да и что может со мной произойти, если я практически бессмертен? Помнишь, у Хайяма?

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если не совершенны — то кто бракодел?

— Ну ты-то явно не бракодел, — пробормотал Нагорин. — Но учти, даже твои сверхспособности — не более чем отклонение к совершенству. Да и что есть совершенство? Только не бессмертие тела, это я знаю точно.

— Я тоже. Может быть, для всего человечества совершенство — это умение учиться на ошибках?

Нагорин нехотя улыбнулся и неопределенно махнул рукой.

— Закрывай свой арсенал, надеюсь, он никогда никому не понадобится. Значит, энифиане прослушивают разговоры в Зоне? Но в таком случае они в курсе всех наших действий?

— Положим, не всех, иначе они перестали бы задавать вопросы через официальный канал связи. Но дальнейшая

информация должна оставаться для них тайной. В том числе и наши догадки, и сомнения, и замыслы, и решения, и даже решенные проблемы. Надо потихоньку свертывать исследования, но так, чтобы энифиане не пронюхали ни о чем. Иначе...

— Что иначе? — Нагорин, собравшийся выйти из комнаты, остановился.

— Пустив наши отряды на планету, энифиане и мысли не допускали, что мы можем проникнуть в их тайны. И если мы хотя бы намекнем, будто нам что-то известно, живых нас отсюда не выпустят. Точно так же, как не выпустили дендроидов. И будет стоять наша Зона пустой сотни лет, пока ее не откроет корабль-разведчик какой-нибудь другой цивилизации.

— Весьма драматично, даже жутко! Ты сам-то веришь в то, о чем говоришь? Как это нас не выпустят? Разве энифианская цивилизация — фашистская диктатура? Разве высокоорганизованный разум не гуманен в самой своей основе?

— Помнится, ты когда-то стоял на иных позициях... — Диего вздохнул и выключил защиту комнаты. — Гуманен, негуманен... человек — пуп Вселенной, так? Старо и неправильно... Ладно, я понял, тронут твоим сочувствием, хотя и не нуждаюсь в нем. Договорим потом, когда я буду готов. Там тебя, кажется, ищет Юра Руденко.

— А ты куда?

— Я подойду к вам позже, попробую починить дверь.

Нагорин, глядя в пол, задумчиво потрогал металлическую стенку ящика и вышел, чувствуя на спине изучающий взгляд Диего.

Быстролет Диего оставил в двух минутах лета от Осиного Гнезда — так он с иронией назвал одну из зон недоступности на планете, к которой, по его наблюдениям, стягивались все нити управления беспокойной жизнью Энифа. Началось его знание об этом районе давно, еще с той поры, когда он только учился владеть своими новыми способностями. В один из выходов из Зоны он неожиданно уловил сигнал, пришедший отсюда, из Осиного Гнезда, после чего

застывшие на скалах стражи ожили, будто их внезапно включили. Потом были еще сигналы и еще, на разных частотах и всевозможных видов, и все они исходили из этого места, из Осиного Гнезда. Два раза Диего пытался проникнуть в Гнездо, и оба раза появлялись стражи, и приходилось уходить несолоно хлебавши. Все же Диего сделал рекогносцировку местности и знал, что ищет. Это если и не облегчало задачу, то все же давало повод не отвлекаться на запоминание второстепенных деталей пейзажа. Знал Диего и то, что с орбиты Осиное Гнездо обнаружить было нельзя: стражи ухитрились накрыть Гнездо оболочкой, поглощающей все виды излучений.

«Так, осталось километров десять, — прикинул Диего расстояние. — Машину придется оставить здесь, может пригодиться при отступлении».

Он заблокировал управление, открыл дверцу багажника и вытащил пистолет. Погладив его матово-черный ствол, прицепил к поясу, подумал и добавил к НЗ в заплочном ранце еще две обоймы капсюль-патронов и два ядерных аккумулятора.

Захлопнув прозрачный колпак кабины, он разогнулся, с недоумением глядя в небо, — стало вдруг темно. Потом понял.

«Очень кстати. Видимо, где-то неподалеку угольно-графитовые залежи...»

Над скалами низко пронеслась странная плотная черная туча, из которой пошел черный «снег». Диего терпеливо переждал этот «снегопад», вернее, сажепад, стряхнул с головы и с плеч черные хлопья, полюбовался на небольшой бугорок, ничем не выделяющийся среди черных валунов и каменных глыб, — засыпанный пеплом и сажей быстролет и направился к спуску в древнюю рифтовую трещину, по которой собирался пробраться к Осиному Гнезду. Вокруг на сотни километров простиралась дикая горная страна, полная мрачной красоты и тишины; грелись на солнцепеке скалогрызы; спал в тени под скалой сытый клювокрыл; два стража немо вглядывались в пейзаж с вершины самой высокой горы, застыв как изваяния; и ждал неизвестно чего в десяти километрах от Диего гигантский провал в теле плане-

ты, то ли древний след упавшего метеорита, то ли не менее древний кратер вулкана — маар Осиное Гнездо.

Спуск на дно трещины длился несколько минут, кое-где приходилось пользоваться умением летать, но Диего был готов ко всему. Мозг его как бы разделился на несколько участков: один из них следил за стражами, второй выбирал дорогу, третий вслушивался в разнообразные звуки, четвертый перебирал диапазоны электромагнитных волн и так далее.

На дне тень сгустилась до плотности киселя, Диего перешел на инфразвуковое зрение и одновременно на радарную локацию — для обнаружения ям и пещер: поди знай, вдруг какому-нибудь скалогрызу вздумается вынырнуть из-под камня именно в ущелье.

В одном месте Диего почуял запах металла. Он остановился, повертел головой, устанавливая точное направление запаха, напряг ультразвуковое видение и чуть выше, на узком и длинном уступе, увидел бесформенный сгусток пыли и щебня, из-под которого проглядывал желтый металл. Пришлось вскарабкаться на несколько метров выше по крутому склону трещины, стараясь не вызвать обвала.

Вблизи продолговатый вал с запахом металла оказался пустой сигаровидной оболочкой из желтого материала. Примерно посередине сигары торчали в разные стороны два плоских отростка, погнутых и неровных, еще один треугольный лист вырос на другом конце сигары.

Диего осторожно потрогал шершавый корпус сигары, обошел странное сооружение, и в памяти вдруг всплыл звездолет дендроидов и взлетная полоса возле Зоны.

«Самолет! — догадался он. — Самолет дендроидов! Вот где, оказывается, закончился его последний полет!»

Он еще раз внимательно осмотрел разбитый остов самолета, но тот был совершенно пуст, внутри лежал слой песка и пыли и больше ничего. Что ж, сто с лишним лет лежит эта машина в трещине, и ничто не вечно под луной, как говорил поэт. Хотя... кое-что из аппаратуры должно было сохраниться, особенно металлические корпуса приборов, сиденья, багажники, двигатели... Скорее всего и здесь побывали стражи.

Диего спрыгнул на дно ущелья и вжался в неглубокую нишу как раз вовремя: над трещиной пролетел страж, сосредоточенно вглядываясь в ее глубину фосфорно-белыми глазами. Диего заблокировал мозг и сердце — наиболее излучающие свои органы — и превратился в камень; во всяком случае, он был холоден и мертв, почти как камень.

Лишь после того как страж удалился на свою гору, Диего разрешил себе думать:

«Неужели учуял? Чучело! Вот уж поистине цивилизация сторожей!»

Через три с лишним километра стены рифтовой трещины стали сближаться, нависая козырьком с обеих сторон. А потом трещина превратилась в мрачную сводчатую пещеру с фиолетово-красными стенами, уводившую в неведомые бездны материкового щита. Правда, не совсем неведомые: по просьбе Диего физики с Базы прозондировали местность вокруг Осиного Гнезда, и эта пещера, по всей видимости, вела прямо к кратеру. «А если нет, не велика беда, вернусь и попробую пройти верхом в другом месте, разве что ночью».

Пещера, вернее, туннель, пробитый когда-то в породах не то потоком лавы, не то воды, был просторный и сухой, и, хотя в нем было темно, как и везде под землей, Диего свободно ориентировался в стиснутом камнем пространстве. Не торопясь, он достиг очередного поворота: по расчетам, до кратера оставалось около двух километров, — как вдруг почувствовал, что впереди есть кто-то живой. Он остановился и затаил дыхание.

Электрозрение не давало четкой и ясной картины, сквозь толщу скал Диего мог определить лишь примерные размеры существа, излучающего «импульсы жизни»: тепловое излучение тела, электропульсацию сердца и биоритм мозга, — остальное тонуло в хаосе отражений и шуме природных процессов. Несколько минут Диего потратил на анализ ситуации, до предела концентрируя энергию своих биолокаторов и «включив» все органы чувств. Местоположение существа, вернее, нескольких существ, на что указывало дробление сигналов, он определил довольно точно: чуть выше туннеля и не далее полукилометра. Существа почти не

двигались, лишь ритмично пульсировало их биополе: Диего «видел» это как дрожащее черное пятно на сером фоне.

В ногах вдруг отдалась вибрация пола, и вслед за тем из чрева туннеля донесся скрежещущий вопль. Снова дрожь пола, а потом грохот и стон камня. «Понятно, — с облегчением вздохнул Диего. — Всего-навсего скалогрызы. Сколько же их? Два? Три?»

Грохот и вой слышались совсем близко, с потолка туннеля посыпались мелкие камни. Диего несколько секунд раздумывал, отступить ли назад или броситься вперед, затем, вспомнив русское «авось», метнулся навстречу приближавшемуся скалогрызу. Он миновал поворот, второй, и в тот же миг сзади, метрах в десяти, лопнула стена туннеля, брызнул ослепительный огонь, и длинное черное тело скалогрыза прошило туннель насквозь. Проход заволокло едким дымом, пол дрожал так сильно, что пришлось воспарить в воздух в центре туннеля. Тонко закололо в уголках глаз: Диего попал под поток рентгеновских лучей.

Грохот и гул ушли вниз, в толщу горных пород, дым рассеялся, и взору представилась глухая черная стена, перекрывавшая туннель в том месте, где прошел скалогрыз.

«Занятно! — сказал сам себе Диего, приблизившись к стене. — Пробка! Случайность? Или чей-то расчет? Надо же так точно попасть в трехметровую червоточину в недрах планеты, да еще и перекрыть ее пробкой! Нет, случайность исключается, кто-то управлял скалогрызом, кто-то управлял... Значит, меня вели, за мной наблюдали, а я ничего не заметил? Занятно!»

Диего замер. Новая волна дрожи проникла в ноги, со стороны открытого конца туннеля раздался приглушенный рык. Словно где-то далеко заворочался громадный ящер, распахнул пасть и огласил окрестности зычным рычанием.

«Еще один! Если он пройдет впереди — я закупорен! Такие пробки мне, пожалуй, не преодолеть!»

Диего оттолкнулся от еще горячего бока сотворенной скалогрызом пробки и ринулся в быстро приближавшийся рев, пыхтение и удары второго зверя. Он едва успел проскочить трещину в полу туннеля, как в нее с силой ударил огненный фонтан и из-под пола показалась жуткая голова

скалогрыза, методично прогрызавшего сплошную скалу: туннель на своем пути он, наверное, и не заметил.

Оглушенный грохотом и опаленный огненным дыханием исполина, Диего не стал останавливаться и убеждаться, что и в этом месте туннель перекрыт пробкой. Дорога назад все равно была отрезана, и останавливаться не стоило, потому что в недрах горы прятался, по крайней мере, еще один скалогрыз, и он мог успеть завершить то, что не сделали его собраты, — закупорить выход. «Если выход есть», — подумал вдруг Диего на лету, ощущая мгновенный укол страха. Но тут же увидел, что опасения напрасны. Туннель стал расширяться, раздался ввысь и превратился в довольно большую пещеру, стены которой были продырявлены множеством круглых отверстий.

«Убежище скалогрыза? Или естественная полость? Никого не видно... Впрочем, это к лучшему. Передохну чуть-чуть. Да и подзаправиться не мешало бы...»

Он пролетел в дальний конец пещеры, где намечалось продолжение туннеля, и опустился у стены, на выступ белой кристаллической породы, похожей на известняк. Поныхав воздух, Диего ковырнул пальцем белую глыбу, растер отколотый кусок в ладонях и кивнул, узнавая. Это была окаменевшая слюна скалогрыза. Отколов еще кусок, Диего положил его в карман ранца. Достал оттуда ториевый аккумулятор, расстегнул куртку, обнажил живот, подождал, пока под кожей выступит матово-белый кружок контактора, и приложил к нему оголенную клемму аккумулятора. Через минуту он был бодр и свеж, словно только что искупался в родоновом душе, а не мчался сквозь туннель сломя голову полтора километра.

«А теперь по-человечески».

Диего усмехнулся и достал яблоко.

Он уже отчетливо видел выход — светло-серое пятно на фоне утрюмого коричневого свечения горных пород, слагающих гору. Эхо переговоров стражей доносилось сквозь толщу скал тихим шелестящим прибоем, над которым иногда зримо вставал вскрик какого-то близкого стража. Диего чутким телом, как антенной, ловил этот мерный шум, прикидывая, какую неожиданность он может встретить на вы-

ходе, прислушивался к своим ощущениям в надежде на то, что тело само определит источник опасности. Вокруг ничего особенного не происходило, а что творится на выходе из туннеля, он не видел. Лишь доносился из утробы горы настоящий звук — не то радиокрик стражей — далекий гул, не то рычание скалогрыза, не то следствие работы еще неведомой людям твари.

Диего взвесил в руке пистолет и быстро преодолел последние полсотни метров. Всего две секунды смотрел он на развернувшуюся перед ним панораму Осиного Гнезда, в следующее мгновение его буквально «взорвал» всплеск неистовых криков в радиоспектре. Удар по нервам, по всей тонкой сенсорной системе был так силен, что на некоторое время мозг отключился, но шоковое состояние продолжалось недолго; его спасло то, что инстинкт бросил тело в глубь горы, и тотчас же вопли, кромсающие мозг и душу, стихли: каменные стены пещеры ослабляли электромагнитное поле в десятки раз. Не доверяя рассудку, Диего отполз от края пропасти, в которую обрывался туннель, и прислонился к стене. Однако шум радиопереговоров стражей был еще силен, отдельные всплески излучения отзывались головной болью, и Диего отодвинулся еще дальше, за поворот, где было почти тихо и темнота расцветивалась лишь тусклым фиолетово-коричневым инфракрасным свечением каменных стен.

Отдышавшись, он попытался воспроизвести в памяти увиденную картину. Она была настолько же поразительна, насколько и невероятна!

Во-первых, объем. Осиное Гнездо представляло собой гигантский кратер диаметром около десяти километров и глубиной километра три, кратер, светящийся и накрытый сверху какой-то полупрозрачной крышей! Особенно сильное свечение падало на ультрафиолет: светились стены кратера, усеянные отверстиями пещер и ходов, как и тот, в котором находился разведчик; светилась крыша, светился сам воздух. Во-вторых, количество стражей! Весь этот кратерный объем, сотворенный когда-то взрывом вулканического конуса, был заполнен мириадами стражей! Стражи висели в воздухе, создавая сложный геометрический узор, ярус за

ярусом — стражи, стражи, стражи!.. Словно увеличенная до гротеска модель атомной решетки кристалла! Словно колоссальная геометрически-структурная развертка какой-то невероятно сложной математической формулы!

В центре кратера Диего заметил странное сгущение, нечто вроде корявой колонны, также состоящей из соединенных между собой странным образом стражей. Но уверен в последнем он не был, слишком мало времени было в его распоряжении, чтобы разглядеть все подробности. И все же он понял, что это такое. Вернее, прежняя догадка перешла в уверенность. Осиное Гнездо представляло собой центр управления всей деятельностью своеобразной цивилизации Энифа, ее центральный мозг, а точнее — колоссальный вычислительный центр! Полупрозрачная крыша была эффективным силовым полем, не позволяющим локаторам земных кораблей разглядеть с орбиты, что это такое.

Слабая улыбка тронула губы Диего.

«Теперь надо все заснять на кристалл, — подумал он, — и убраться восвояси. Во что бы то ни стало! Теперь от того, как я доставлю свои знания в Зону, будет зависеть судьба всей экспедиции!»

Он достал еще один аккумулятор, зарядил свое человеческое лишь чисто внешне тело новой порцией энергии и приготовил к съемке автоматические видеокамеры, встроенные в браслеты на руках и отвороты куртки. Потом заставил отключиться все органы чувств, кроме теплового зрения, сосредоточил внимание на дороге и в несколько прыжков-полетов достиг выходного проема.

На этот раз он продержался около десяти секунд, жадно разглядывая удивительное творение энифиан-стражей, но плотность электромагнитного излучения в «горячей» зоне кратера все же была слишком велика, и, когда полученная телом доза превысила критическую, защитные рефлексy отключили уставший мозг и заставили тело отступить от выхода в глубину туннеля.

Беспамятство длилось дольше, чем раньше, а очнувшись, Диего понял, что его заметили. Почти рядом, в десятке шагов за отверстием, реял страж и сосредоточенно всматривался в лежавшего человека.

Диего сел, поморщился от боли в голове и первым делом очистил организм от радиоактивной грязи. Страж отпрянул от входа в туннель и закричал. Его крик повторился и стих где-то наверху. Вслед прилетел другой звук — глухой шум, словно за стеной загремели тысячи деревянных колотушек.

Диего не стал дожидаться развязки событий, вскочил и бросился в темноту туннеля. Вихрем промчавшись по залу пещеры, где недавно отдыхал, он поколебался немного, выбирая, в какой ход направиться дальше, но в зал ворвались стражи — более десятка, и колебаниям пришел конец. Он едва успел нырнуть в радиоактивную дыру, сделанную скалогрызами, как в спинушибануло горячим воздухом и осколками камня: стражи с ходу начали силовой обстрел.

На некоторое время удалось опередить погоню: ход для стражей был узковат. Но Диего не обольщался, зная, как они умеют трансформировать тело, и продолжал продвигаться вперед с максимальной быстротой, стараясь одновременно следить за направлением лаза и вероятными препятствиями. И все же он не рассчитал выхода: труба коридора загнулась вверх, расширяясь пузырем гладкой полости, пахнуло горячим металлом и тяжелым смрадом радиации, и Диего вылетел прямо на хвост дремлющего скалогрыза.

Бронированный зверь быстро приподнял переднюю часть туловища и вывернул свою отвратительную голову к замершему в воздухе человеку.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Диего знал: скалогрыз почти не видит его, плотность человеческого тела для рентгеновских лучей глаз-локаторов скалогрыза — все равно что воздух. Но было такое ощущение, будто зверь видит его и понимает ситуацию ничуть не хуже, чем он сам.

Диего рванулся в сторону вовремя: скалогрыз шумно метнул струю пламени и... уронил голову на пол и застыл. Диего успокоил бешеный бой сердца, оглядел каменный мешок. Выхода, как он уже догадался, не было, кроме того, по которому он пробрался сюда. Тогда он опустился на пол подальше от хвоста скалогрыза и направил ствол «универсала» на черный зев хода.

Первый страж появился из отверстия через две минуты:

он походил на крокодила с птичьим клювом — иначе не пролез бы по узкому ходу.

Диего вздохнул, понимая, что шансов выбраться из западни целым и невредимым нет, вскинул руку с оружием и... опустил, уловив дружественный психоимпульс.

— Здравствуй, дружище! — пробормотал он сдавленным голосом. — А я чуть тебя не пришиб! Как же ты меня нашел?

Меланхолический страж — это был он — наклонил голову над отверстием хода и крикнул. «Предупреждение, чтобы никто не входил», — понял Диего. Подождав ответного крика, страж проковылял к скалогрызу, снова поднявшему морду, несколько секунд смотрел на него ничего не выражающим со стороны взглядом и отошел к человеку. Скалогрыз шумно фыркнул дымным клубком, ударил хвостом в скалу так, что дрогнули стены, и с лязгом и воем вошел в противоположную стену своего убежища.

Страж слабо каркнул — в прежнее время этот звук умилил бы Диего, так он был похож на крик земного ворона, — и хлопнул по ноге человека тяжелым крылом.

— Спасибо! — сказал Диего, нагибаясь к уроду. — Спасибо, друг! Надеюсь, и я смогу когда-нибудь отплатить тебе тем же.

Он почти с нежностью погладил жесткую шею стража и полез в еще горячий круглый туннель, проделанный скалогрызом. Страж смотрел ему вслед.

Все время, пока Диего выбирался из-под горного массива вдогонку за скалогрызом, и когда отпугивал стражей выстрелами, добираясь к быстролету, и когда маневрировал на скорости, уворачиваясь от клювокрылов, он помнил этот взгляд. В этом странном существе ничего не осталось от прежнего дендроида, сухопутного головного моллюска, как называли его ученые Земли, и все же Диего всей душой чувствовал, насколько тот ему близок. Не только как «брат по несчастью», подвергшийся антигуманному эксперименту энифиан, но и чисто эмоционально, ибо Диего никогда не ощущал себя одиноким, а меланхолический дендроид-страж был по-настоящему одинок и нуждался если не в дружбе — такого понятия он, вероятно, давно не помнил, — то хотя

бы в простой привязанности и сочувствии, ибо этические нормы, присущие всем эмоциональным существам, стражи убить в нем до конца не смогли.

На высоте километра на машину напали клювокрылы, и Диего потратил остаток сил на сверхскоростное маневрирование, пока не обогнал летающих бронированных ящеров. Потом он дважды «прорывал» багровую пелену забвения — срабатывал какой-то скрытый механизм защитных реакций, — чтобы направить полет в нужную сторону, к Зоне, ответить дежурному Базы и отбиться от назойливых стражей.

Модуль, стартовавший с Базы по пеленгу бысролета, не успел минуты на две: уже далеко от Зоны машину настиг мезонный разряд, ударивший из-под холма, в котором никто никогда не видел никакой опасности.

Глава 5

Служащие Базы с удивлением глядели вслед бегущему: никто еще со времени постройки спутника не бегал по коридорам, когда существовали пронзающие «гуляющие» лифты и эскалаторы.

Но Руденко просто забыл про них. Он опустил на жилой горизонт, ворвался в комнату Торанца и остановился на пороге, успокаивая дыхание.

— Ну? — спросил начальник сектора спокойно, поднимая голову от стола. На столе стоял переносной проектор, лежали белые диски видеоконтактора, прозрачные «карандаши» кристаллов, ультразвуковая насадка, пинцеты и пакетики с электронной позитурой.

— Нашелся Диего, — почти спокойно сказал Руденко в ответ и прошел на середину комнаты. — Я не мог дозвониться, думал, ты спишь.

— Как видишь, решил отремонтировать виом, цветовариатор барахлит. Где он?

— В медотсеке Зоны. Бысролет сожжен мезонным лучом. Диего чудом остался цел, хотя и сильно обгорел. Буквально минуту назад он пришел в себя и велел врачам удалиться за пределы видимости. «Буду лечиться сам, а зрели-

ше это не из аппетитных», — как он выразился. Велел также принести энергоемкости и яблок. Да-да, попросил два килограмма яблок. А мне передал вот это, Лаирн специально модуль прислал.

Руденко полез в карман и вытащил голубоватый ромбик звукозаписи и кассету от ручного видео. Торанц взял кристалл, повертел в пальцах и поднял холодные глаза на руководителя группы безопасности.

— Что-то сногшибательное?

— Суди сам. Гаруа ты уже видел, хотя бы издали, так вот — это инкубаторы стражей. Анализ тумана, окутывающего гаруа, показал, что он представляет собой металлоорганическую взвесь, из которой стражи и выращивают свои тела. Далее записан тебе уже известный факт, что когда-то на Энифе существовала технологическая цивилизация. А потом Диего сделал вывод, что существующая в данный момент биомеханическая цивилизация стражей, этих таинственных энифиан, не что иное, как результат эксперимента исчезнувшей в веках технологической! И это еще не все: стражи, по данным Диего, всего-навсего биологические машины, биокибернетические системы, отсюда их абсолютное незнание об эмоциональных проявлениях и психике «настоящих» живых разумных существ вроде нас с тобой. Но и это не конец! Диего проследил линии передач сигналов и волноводы, питающие излучатели мезонных импульсов — те самые молибдено-стальные плиты, и обнаружил центр управления всей здешней кибержизнью: он назвал его Осиным Гнездом.

— Так, — сказал чуть охрипшим голосом Торанц. — Кое о чем я уже имел некоторое представление из отчетов Доброгнева, но все же оставалось сомнение, что кто-нибудь из нас ошибается.

— Только не Диего. Он едва не погиб, доставляя эти сведения. Об ошибке не может быть и речи.

Торанц покачал головой.

— Уж очень все просто получается...

— Где же просто? Разве на все наши вопросы даны ответы? Проблем еще целый воз, и хорошо запутанных проблем.

Кстати, у меня есть и видеозапись Осинового Гнезда изнутри, давай посмотрим, я не успел его толком разглядеть.

Руденко достал еще один кристаллик, отсвечивающий чистым смарагдовым светом, вставил в гнездо инфора.

На стене замерцало радужное пятно, скачком приобрело объем и глубину, и сквозь искристый туман проступило изображение: кратер с почти отвесными стенами, заполненный сотнями тысяч, если не миллионами, стражей в строгом гармоническом порядке! Из дна кратера вырастала неровная колонна, вокруг которой концентрация стражей достигала максимума.

— Отдай запись математикам, — сказал Торанц, насмотревшись. — Пусть поломают головы над структурным анализом.

Руденко убрал изображение, выключил инфор.

— Именно это я и собираюсь сделать. Теперь поговорим о свертывании исследований планеты. Диего предупреждал об опасности разглашения имеющихся у нас сведений. Резко уменьшить численность групп и даже количество людей в каждой группе мы не можем, стражи наверняка разгадают наш маневр; они и так уже отметили нашу чрезмерную любознательность, особенно к местам, куда нет доступа, — к туманам гаруа, запретным районам...

— Что ты предлагаешь? Какой-то план у тебя уже есть?

— Есть, — после некоторых колебаний сказал Руденко. — Но он связан с риском.

Торанц поднял брови.

— С риском для исполнителей, — заторопился Руденко, — и не только исполнителей, но и для Диего с Неверовым. Эвакуировав их с планеты, мы тем самым отдаем их в руки земной, подчеркиваю — земной медицины, еще не решившей многих вопросов жизни и смерти. К тому же для этой операции требуется неслыханная координация действий. С Диего я уже советовался, он рекомендовал поторопиться.

— Что называется — влипли! — в раздумье разглядывая развороченный на столе прибор, произнес Торанц. — По старой пословице: «Коготок увяз — всей птичке пропасть»! Так? Ладно, давай свой план, обсудим втроем с Шелгуно-

вым. Доброгневу и Нагорину сообщим позже, когда они придут на Базу.

От Торанца Руденко вышел через час. В зале связи его ждало известие о прибытии к Энифу крейсера УАСС «Витязь». Космолеты этого класса редко использовались как корабли разведки и научного поиска, их появление обычно означало какую-то беду, происшедшую в галактической сети человеческих поселений. Так как в системе Энифа беды никакой не произошло («Пока», — поправил себя Руденко), то причиной появления «Витязя» мог быть либо профилактический рейд крейсера, либо прибытие высокого начальства Земли.

Истина, как всегда, оказалась посередине. На «Витязе» действительно прибыли руководители УАСС Земли Доминик Джаваир и заместитель председателя Высшего координационного совета Молчанов, а сам корабль придавался в помощь техническому арсеналу Базы.

Встречая гостей, Руденко не знал, радоваться ему или огорчаться, а увидев среди прилетевших жену Диего, понял — огорчаться.

Анна, узнав его, подошла первой и протянула руку.

— Здравствуй, Юра. Вот не выдержала, прилетела... Не одобряешь?

— Наоборот, — не очень искренне возразил Руденко. — Хотя, честно говоря, время ты выбрала не совсем удачное.

Анна помрачнела, помолчав, спросила:

— Диего нет здесь, на спутнике?

— Нет, — ответил Руденко с усилием.

В глазах Анны зажегся огонек тревоги. Она была невысокая, по грудь Руденко. Слегка полноватая фигура, мягкие руки, круглое доброе лицо с яркими губами, прическа «клен на ветру» и изумительные васильковые глаза, способные быть и грустными, и веселыми, и холодно-изучающими...

Руденко отвел взгляд. Спohватившись, снова посмотрел на женщину.

— Он в Зоне... м-м-м... внизу, на планете. Он был не очень серьезно болен... сейчас все в порядке. Он тебе не писал? Если хочешь, пойдем в зал связи и закажем видеосеанс...

Анна покачала головой.

— Ты чего-то не договариваешь, Юра, как и твое начальство на Земле. Я хочу к нему, хочу разобраться сама, почему вы... Диего не писал ничего более двух месяцев... Он попал в аварию?

У Руденко сжалось сердце. «Не знает! — ужаснулся он. — Как же так? Никто ей не сказал?.. Ну, Диего не сообщил о своей «болезни» понятно почему, но Ждан или Игорь?..»

— Видеосвязь эфемерна, — продолжала Анна, — и не заменит его объятий... Кстати, со мной Эвелина, невеста Неверова. Нас пустили к Энифу только потому, что Диего и Лен стали героями Даль-разведки. Тень славы разведчиков пала и на их подруг... Эви, — позвала она.

В группе молодежи, смешавшей старожиллов Базы и прибывших гостей, оглянулась на зов высокая блондинка в свитере под цвет кожи и в юбке «косой дождь» по последней моде сезона.

— Эви, подойди, пожалуйста, познакомься. Это Юрий Руденко, начальник моего Диего, я тебе о нем рассказывала.

— Эвелина Барт, — представилась блондинка, изучающим взглядом пробежав по фигуре начальника спасателей Базы. Тот сразу почувствовал себя неудобно и скованно, признав в душе, что в свои шестьдесят два не выглядит спортсменом и что нынешняя молодежь безошибочно узнает возраст собеседника. Однако лицо девушки ему не понравилось. Безусловно, красивое, оно было одновременно каким-то неуловимо фальшивым, как яблочко с червоточинкой. Руденко даже не смог сразу сказать, что же именно ему не понравилось, пока Эвелина не сделала легкую нетерпеливую гримаску. Тогда он понял: надменность. «О таких говорят — холеная», — подумал Руденко и огорчился неизвестно за кого: за Неверова ли, за себя или за девушку и тут же перестроил поведение — в шутливой форме стал рассказывать о встречах со стражами. «Анна поймет, — думал он. — Все обойдется, лишь бы не подвели молодые «крокодилы» здесь, на Базе, и там внизу, в Зоне. Ребята любят пугать красивых девиц... пошутить... Ох как может подвести чья-нибудь неосторожная шутка! Но еще надо решить вопрос — разрешать ли женщинам посещение Зоны...»

— Пойдемте со мной, — сказал он, беря обеих женщин под руки. — Сначала я покажу вам Базу, а потом решим проблему контакта с вашими возлюбленными. — И он почти весело рассмеялся.

— Ты с ума сошел! — сказал Торанц. — А если бы стражам вздумалось в этот момент продемонстрировать какую-нибудь из своих шуточек, типа мезонного обстрела?! Ах, Юра, Юра!.. И я отвлекся с начальством... Как же ты так быстро решил?

— Ничего страшного не произошло, — спокойно пожал плечами Руденко. — Да и не помогло бы ваше вмешательство, ни твое, ни Джаваира, мы бы только напугали женщин. Это их право... Да что рассуждать, видел бы ты встречу Диего с женой!

— Можно подумать, что ты видел.

— Фрагмент, — нехотя пробормотал Руденко. — И сказали-то они каждый всего по одному слову, он: «Аня!», она: «Любимый!» — а столько друг другу сказали! Ей-богу, от всей души позавидовал. Всем бы таких встреч!

— Ты бы еще сказал — таких жен! — хмыкнул Торанц, побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. — А дальше что? Как ты думаешь возвращать их обратно и когда?

— Вероятно, завтра, тем же путем — на модуле. А рассуждал я примерно так: прибытие женщин в Зону отвлечет стражей, и мы сможем спокойно подготовить операцию по эвакуации людей. Кстати, стражи тут же пронюхали, что в Зоне представители другого пола, раньше-то женщины не прилетали. Последовало такое столпотворение стражей вокруг Зоны, что ребята подняли тревогу! Дежурные приняли сотню вопросов через официальный пункт связи о половых различиях людей, особенностях их размножения и так далее. Сами-то стражи однополы, бесполы, как... как роботы.

— Во помощнички! — Торанц выпростал худое длинное тело свое из кресла и пошел к двери. — Во наградил господь! Хоть стой, хоть падай! Пошли, чего сел? К Джавайру пошли, пусть он тоже послушает твою информацию. А Не-

веров-то хоть как? Рад? Невеста у него больно красивая... Кем работает, не узнавал?

— Работает она модельером на фабрике одежды. — Руденко смешно пошевелил выгоревшими бровями. — А как они встретились, не ведаю. Не нравится она мне...

— Эх-хе, — вздохнул Торанц, вызывая лифт. — Нравилась бы Неверову, а ты со своими мерками годишься разве что в зрители кунсткамеры.

Серый прямоугольник двери лифта растаял, в проеме показался такой же серый круг «кабины». Прошумел сверху вниз теплый ветер, мигнула лампа пятого яруса, и они вышли в коридор командного поста Базы.

В помещении поста царил зеленая темь: потолка и стен не было, вместо них вокруг зала простиралась колючая бездна пространства и висел над головой узкий зеленый серпик Энифа. Звезда пряталась за ним и освещала край атмосферы слева от наблюдателей. В правом углу панорамного виома мигнула крупная голубая звезда — лазерсвязь крейсера «Витязь».

— Зона в центре урагана, — раздался голос автомата-дешифратора. — Связи пока нет.

— Подойдите ближе, к пределу убегания, — сказал кто-то в зале; Руденко узнал Джаваира.

Снова блеснул синий огонь лазера.

— Есть связь! Передают — все нормально, происшествий никаких. Ураган движется из области недоступности номер три, уровень помех и напряженность электромагнитных полей вокруг Зоны аномально высоки! Метеообстановка создана искусственно, есть факты, что генерацией вихревого ядра урагана занимаются стражи.

Руденко быстро взглянул на Торанца.

— Диего оказался прав.

— Прав-то он прав, но ураган — следствие своеволия с женщинами. Стражи бросили на Зону все средства исследований, которых мы не знаем. А может, что и похуже...

— Не теряйте связи. Конец.

Джаваир взмахнул рукой, и в зале вспыхнул свет. Изображение съежилось до размеров дверцы шкафа, стены сно-

ва стали плотными и осязаемыми, потолок оказался расчерченным концентрическими кругами специальных антенн.

— Вы кстати, — сказал Джаваир, заметив подошедших работников спасательной службы. — Надо сообща решить одну проблемку, садитесь ближе.

Руденко сел рядом с Нагориным, пожал ему руку.

— Я думал, ты еще в Зоне.

— Привез новые материалы, а тут ураган...

— Потом, потом. — Джаваир, похожий на бронзового монгольского божка, повел сухонькой ручкой. — Проблема заключалась в следующем: каким образом быстро и эффективно эвакуировать людей с планеты на Базу? Положение, судя по мнениям всех ученых, далеко от оптимизма, надо избавить людей от бессмысленного риска. После того, что мы узнали от Диего, считаю, что контакт с энифианами следует прекратить.

— У нас уже есть разработка этой проблемы, — сказал Торанц. — Идея смелая, неожиданная... и связанная с риском.

— Спасатели, по-видимому, не могут обойтись без риска, — сказал совершенно седой Молчанов, и нельзя было понять, одобряет он или осуждает любителей риска.

— Не могут, — сдержанно подтвердил Торанц. — Обстоятельства, к сожалению, не позволяют нам обходиться без рискованных операций. Специфика работы.

— Хорошо. — Джаваир слегка поморщился. — Полемика о риске несвоевременна, тем более что в работе спасателей он часто целесообразен. Доложите свой план эвакуации. Насколько мне известно, все исследовательские группы работают автономно. То есть имеют свои базовые лагеря в разных районах континента? Как же их забрать, не вызывая панику у стражей? Честно говоря, мы тут поломали головы над этим вопросом, но выхода не нашли. Куда ни кинь, всюду клин. С какой стороны ни начни операцию, рано или поздно стражи разгадают наши маневры, а чем они ответят, никто не знает.

От пульта к сидящим подошел Тоидзе.

— Извините, — сказал он. — Юра, вызывает директор.

Прямой связи с Зоной все еще нет, он просил передать, что как только кончится ураган — ждет тебя там.

— Что-то случилось?

— По-моему, нет, иначе прошел бы сигнал тревоги.

Руденко, извинившись в свою очередь, оставил Торанца разяснять план освобождения людей «из плена», пообещав скоро сообщить все новости из Зоны. Отойдя к пультам, он взял Тоидзе за отворот куртки.

— Ну а теперь договаривай.

— Что договаривать? — опешил инженер связи. — Я все передал. Доброгнев сказал: «Пусть Юра не задерживается, в Зоне есть для него *забота*». Вот и все.

— Забота? Ты не ошибся? Может быть, работа?

— Во время дежурства я не ошибаюсь, — обиделся Тоидзе.

— Хорошо, спасибо. Чей модуль дежурит?

— Денисова, второй причальный. Подожди хоть, пока пройдет ураган.

Руденко кивнул и покинул зал.

Модуль опустился на полотно бывшей взлетной полосы в трехстах метрах от белого параллелепипеда Зоны. Ураган только что промчался, но природа вокруг Зоны еще не успела отреагировать на это: обычно пушистые шапки цветного мха, заменяющего на Энифе траву, походили на каучуковые желваки, а страж на скале представлял собой кожистое одеяло, намертво приклеившееся к каменному пальцу насеста.

Руденко кинул взгляд на уползающую за горизонт черно-сизую тучу и пошлепал по мокрому бетону взлетной полосы дендроидов к зданию Зоны, перепрыгивая трещины и размышляя, что имел в виду Доброгнев, говоря о заботе.

В коридоре его встретил иронично-вежливый начальник центра.

— Твоя идея была привезти сюда лихо? — сказал он, глядя поверх головы руководителя спецгруппы.

Руденко почувствовал недоброе.

— Женщины? Что-нибудь натворили?

— Женщины, мой милый, женщины. Недаром моряки в старину говорили: женщина на корабле — к несчастью.

— Да говори ты толком, что случилось.

— Собственно, ничего особенного не произошло. Эвелина устроила некрасивую сцену... накричала на врачей, на меня... на Диего. Да-да, и на него тоже... «Верните мне того Неверова, которого я знала, а этот — монстр, чудовище!»

— Сильно! Так и сказала?

— Так и сказала — чудовище! Видимо, Лен прочитал кое-какие мысли, которые она хотела сохранить от него в тайне... Веришь, я с трудом удержался, чтобы не дать ей пощечину! Сам понимаешь, какое настроение было потом у Неверова. Хорошо, что Диего каким-то образом ее успокоил...

Руденко сглотнул горькую слюну, покачал головой.

— Не предполагал, что она до такой степени... все-таки интуиция у меня есть. А как Анна?

— Что Анна? Жена Диего — это почти сам Диего. Удивительное самообладание у женщины! Кстати, она с характером: я попытался было обвинить руководство во всем, взять вину на себя, объяснить, что Диего подчинялся моему приказу... так она зыркнула на меня ледяной синью и сказала с самой доброжелательной улыбкой: «Если не знаешь, что сказать, — говори правду, Ждан».

— Почти Козьма Прутков. А ты?

— Я стал рассказывать, как Диего помог нам освоиться на Энифе и какой он вообще молодец.

— Будто она этого раньше не знала.

Доброгнев горестно махнул рукой.

— Что делать, если я просто обалдел. Не останавливайся, нас ждут в защитной камере.

Они спустились на самый нижний этаж Зоны, располагавшийся на десять метров ниже уровня почвы. Здесь коридор в сечении был треугольным, двери встречались только с одной стороны — в той стене, которая составляла с полом прямой угол. Доброгнев задержался у предпоследней двери.

В знакомой кубической комнатке со специальными экранирующими устройствами находились Нагорин, Шелгунов и начальник группы технического обеспечения Генри Лаирн.

— Фью! — удивился Руденко. — Как ты меня опередил? Ты же остался на Базе!

— Может, я умею раздваиваться, — сказал Нагорин простодушно.

— Надо же! — Руденко пожал руку Шелгунову и Лаирну. — Над тобой тоже энифиане экспериментировали?

— Пора начинать нашу жесткую программу, — сказал Шелгунов, улыбнувшись глазами. — Мне кажется, события начинают разворачиваться по сценарию стражей. Сегодня Лен обнаружил под Зоной систему ходов, причем уверяет, что слышал вибрацию какого-то работающего механизма.

— Механизма? Может быть, скалогрыза? Чем не землеройная машина! Да и откуда на Энифе механизмы? Последние машины на планете обратились в прах сто веков назад. Ты же знаком с данными Диего...

— Да я не возражаю, Лен мог ошибиться. Мы просветили район под Зоной интравизорами, но ничего не обнаружили, кроме ходов. Три хода тянутся параллельно друг другу, и два сходятся углом, диаметр каждого около полутора метров.

— На работу скалогрызов действительно не похоже, диаметр их тел не превышает восьмидесяти сантиметров. Что еще?

— Стражи зачем-то обследовали звездолет дендроидов. Перед этим там работали специалисты из группы Генри, интересная штучка этот звездолет, скажу я вам! Ну а потом налетели стражи, копошились в нем часа два, еще с час просидели молча рядом. Закончилось тем, что прилетел еще один урод, закричал, они устроили хоровод вокруг Зоны и утихомирились.

— Не поинтересовался у них, что они там делали?

— Официально нет, — развел руками Доброгнев и кивнул на Лаирна. — Мы хотели послать ребят Генри, но решили не начинать работу без твоего ведома.

— Правильно, сначала обсудим все «за» и «против». Кстати, хорошо бы переговорить с Диего. Мне кажется, право решающего голоса принадлежит ему.

— Он же... — Нагорин не договорил.

Над дверью мигнул желтый огонек — кто-то просил разрешения войти.

Лаирн, стоящий у пульта, открыл дверь. В комнату вошел энергичный, улыбающийся Диего Вирт.

— Не ждали? Знал, что понадобится, вот и пришел. Юра, ты извини, но я от твоего имени отправил женскую половину на Базу, модуль уже ушел. Вместе с ними улетели инженеры технической бригады и математики. Итого на планете сейчас восемьдесят семь человек, из них шестнадцать в Зоне. Как решился вопрос с операцией под кодовым названием «Вознесение на небо»?

— Оперативно!.. — пробормотал опомнившийся Руденко и покрутил головой. — Оперативно действуешь!

Доброгнев засмеялся, за ним остальные. Диего остался невозмутим.

— Времени у нас до обидного мало, — сказал он, прищелкнув пальцами. — Хотелось бы, прежде чем уйти, кое-что узнать... Но это моя забота. Меня тревожит возня наших милых пташек у звездолета дендроидов. С вашего разрешения, вечером я его обследую вместе с Леном.

— Почему вечером? — спросил Шелгунов.

— Потому что к ночи жизнь здесь замирает, — густым басом ответил Лаирн вместо Диего. — Стражи ночью спят, вернее, отключаются.

— Спасибо, Генри, — серьезно сказал Диего. — Так какие же вопросы мы будем решать сегодня?

— Отправка намечена на двадцать первое, — сообщил Руденко.

— Через два дня? Неплохо бы пораньше...

Диего вдруг насторожился. В тот же миг тяжкий гул обрушился на здание Зоны, закачались стены, крупная дрожь потрясла пол. Со стены упал баллон кислородного НЗ.

Диего выключил защиту комнаты, все выбежали в коридор. Где-то рывкнула сирена тревоги, простучали по эскалатору шаги дежурной смены энергетиков. Диего первым добежал к окну виома в стене коридора. Виом прозрел и показал хмурый день с надоевшим всем пейзажем и плотный бурый столб дыма в конце бетонной полосы. Столб оседал

фиолетово-черным облаком. С неба редким дождем падали мелкие камни и серо-черный пепел.

— Вот оно в чем дело! — раздельно проговорил Диего. — Стражи взорвали звездолет дендроидов!..

Глава 6

Глубокой ночью Неверов проснулся оттого, что кто-то позвал его по имени. Он открыл глаза и прислушался. В комнате было темно и тихо, слабо светились теплые панели пола — там, где проходили полосы отопления и электрические провода в стенах, а также подводы питания к виому окна дальновидения и аппаратура водо-воздушного обмена.

Снова слышался чей-то голос, но это был не звук — радиовывоз.

Неверов привычно сориентировался в пространстве — он уже не пугался, как раньше, радиопередач, которые принимал не хуже радиостанции, и пси-импульсов, излучаемых людьми, — и определил направление вызова. Это был Диего.

«Вставай и поднимайся на третий горизонт, в машинный зал. Постарайся пройти незамеченным».

«Понял, сейчас приду».

Неверов быстро оделся и бесшумно пробежал по коридору мимо зала связи, где дежурили видеоинженеры, терпеливо дожидаясь утра и новых сеансов связи с энифианами.

Диего возился с укладкой ранца возле ребристых кожухов энергогенераторов. Он был одет в обтягивающий тело черный костюм и казался худощавее, чем был на самом деле. Критически оглядев Неверова, он покачал головой и подвинул ногой черный ворох на полу.

— Надевай комбинезон, это тургорный костюм — с противодавлением и температурной регуляцией, специально для горячих работ. Нам в УАСС часто приходится пользоваться такими.

Неверов с трудом затянул на себе шов застежки-«молнии», пошевелил плечами и изумленно посмотрел на Диего. Сначала казалось, что упругая ткань будет стеснять движе-

ния и сдавливать тело, но случилось обратное — костюма не чувствовалось совсем, будто его не было!

— То-то! — пробормотал Диего. — Теперь инграв. — Он подал скрещенные ремни индивидуального летательного аппарата. — Сегодня бысролет отменяется, пойдем на малой тяге. Попробуй, как работает... хорошо. Надевай ранец с НЗ, «универсал» цепляй на пояс.

Он проверил снаряжение на товарище и быстро оделся сам.

— Все-таки до чего живуч рефлекс, — сказал он вдруг со смешком. — Ведь можем общаться мысленно, а все равно разговариваем вслух. Уж очень много веков совершенствовала природа наш звуковой способ общения.

— Привычка, — согласился Неверов. — А к чему вся эта амуниция? Куда мы собрались?

— В поход. — Диего еще раз внимательно осмотрел свои доспехи, остался доволен и, мягко ступая, пошел к двери. — В поход за разгадкой «роковой» тайны стражей. Днем нам туда не пройти, ночь — лучшее время для разведчика, запомни, юноша.

— И для злодея...

— Что? А-а... — Диего понял, что Неверов вспомнил старинные приключенческие романы. — Ты помнишь заваленную пещеру?

— Это там, где ты нашел «пустые» кристаллы?

— Совершенно верно, на юге Неожиданного плато, в двухстах километрах от побережья океана и от ближайшей зоны недоступности. А еще мы устроим небольшую диверсию. Звездолет дендроидов стражи взорвали неспроста: здесь и угроза, и предостережение, и сокрытие какой-то тайны.

— Эдак они, чего доброго, взорвут и Зону!

— Гарантировать не могу, — уклонился от прямого ответа Диего; они уже спустились на первый горизонт, где находился выход из Зоны. — Но вот туннели под Зоной навели меня на очень неприятную мысль: по ним очень легко подвести любой энергоноситель и...

— Продолжить облучение персонала Зоны, как нас с тобой! — закончил Неверов.

Диего остановился перед тамбуром и предостерегающе поднял руку. Он молчал так долго, к чему-то прислушиваясь с закрытыми глазами, что Неверов не выдержал.

— Ты что? — с недоумением спросил он, ничего не слыша и не видя ни в коридоре, ни за пределами Зоны. — Все спокойно, они же все спят.

— Да? — сказал Диего, открывая глаза. — Как ты думаешь, какова доминанта аварийщика-спасателя?

Озадаченный Неверов наморщил лоб, попытался прочитать мысль Диего, но тот заблокировал мозг.

— Ну... сила, реакция на опасность... еще уверенность...

— Все это второстепенное, мой друг, доминанта спасателя — терпение. Понял? Спешить надо медленно, потому что спят ночью на Энифе, к сожалению, не все. Спят только стражи, клювокрылы да мелкие зверьки, но бодрствуют скалогрызы, и один из них минуту назад прошел в трех километрах от Зоны. Но сейчас он на глубине двадцати пяти метров, поэтому нам можно быстренько выскользнуть и исчезнуть.

Он открыл дверь тамбура, потом наружную и осторожно выглянул.

— Давай первым, только не шуми. Не надо, чтобы нас заметили дежурные.

Они теньями перескочили бетонную полосу, включили ингравы и понеслись низко над холмами, следуя изгибам рельефа. «Теперь — ни звука! — передал пси-импульс Диего. — Переходим на мыслеобмен».

«А почему мы покинули Зону тайком? — спросил Неверов, когда они удалились от своего дома на два десятка километров. — Разве это противозаконно — что мы собираемся делать?»

«Законно, но едва ли Доброгнев и его заместители согласились бы на такой шаг... сразу. На уговоры, доказательства и согласование ушел бы не один день, и... время было бы упущено. Не волнуйся, малыш, все будет нормально. Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе, как говорил древний мудрец».

Через полчаса полета в крошечной тьме, если не считать теплового излучения почвы и высотных флуктуаций возду-

ха, они достигли отрогов плато Неожиданного. Диего замедлил скорость, некоторое время регистрировал своей сверхчуткой нервной системой колебания электрических и гравитационных полей, но подозрительного ничего не заметил; далеко от этого места Осиное Гнездо — мозг и энергоцентр энифианской цивилизации — излучало волны обычного рабочего состояния, и, подчиняясь приказам этого мозга, где-то на другой, освещенной половине планеты стерегли свои кибернетические тайны стражи, дырявили планетарную кору скалогрызы, сотрясали атмосферу грохотом электрических сражений фронты ураганов...

«Все в порядке, — передал мысль Диего. — Ты тоже следи за воздухом, а то тишина здесь ненадежная. И не отставай».

Они снизились так, что ноги иногда цеплялись за камни, и продвигались вперед почти на ощупь, пустив в ход свои ультразвуковые локаторы. Наконец Диего послал предупреждение и мягко опустился у громадной вертикальной стены, экранирующей почти все виды излучений, из-за чего Неверов не мог проникнуть за нее взором. «Что за стена? — просигналил он, опускаясь рядом. — Металл?»

«Молибденовая сталь, — ответил Диего, направляясь к черному на фоне коричневого свечения скал пятну пещеры. — Здесь был когда-то один из информационных центров исчезнувшей цивилизации, эта плита — останки его защиты. Останься снаружи, я сейчас».

Он спустился в пробитый лаз в скале, пропадал там несколько минут и вернулся.

«Не пройти. Будь у нас время, вибраторы и уверенность в безопасности, мы прошли бы скалу за полдня. Но увы... Там за скалой я четко различаю полость и контуры какой-то установки. А раз прошло столько времени и она цела, то стражи ее зачем-то берегут. Улавливаешь?»

Неверов честно признался, что не улавливает.

«Это значит, что они должны ее стеречь днем и ночью и, может статься, в данный момент наблюдают за нами издали... вблизи я бы их почуял. Поэтому будем соблюдать осторожность и не шуметь. Во-вторых, должен быть еще один вход в пещеру. Поищем вокруг в расщелинах, разломах, под

нависшими пластами. Только не забывай оглядываться, а дырку ищи не меньше этой, остальные проделаны скалогрызами».

Они затратили полтора часа на поиски второго прохода к запрятанному в недрах горы древнему информарию, но безрезультатно. То ли туннель начинался дальше от района поисков, то ли был искусно замаскирован.

«Что, если попробовать проверить узкие дыры? — предложил Неверов, несколько утомленный повышенным расходом нервной энергии. — Я встретил их около десятка, половина без пробок».

«Давай, — неуверенно согласился Диего. — Только вряд ли это что-нибудь даст».

Снова потянулись минуты. Мелькали под ногами крутые и пологие склоны гор, натеки лавовых языков, песчаные плечи и щебнистые осыпи. Чтобы проследить ход скалогрыза в каменной породе, приходилось до предела напрягать радиозрение, и у Неверова вскоре в затылке появилась неприятная ноющая боль. Он постеснялся сказать об этом Диего, но тот сам заметил его состояние.

«Хватит, — сказал он, жестом предлагая посидеть на холодном обломке скалы. — Надо было взять с собой интравизорную технику, понадеялся на себя... Ты вот что, отдохни, а я попробую начать с центра: пощупаю полость и пощупаю входящие в нее туннели».

Неверов смутился, но подзаряжаться от аккумуляторов, как Диего, он еще не научился, да и боль в голове мешала сосредоточиться, и он лишь неопределенно пожал плечами, соглашаясь с решением разведчика.

Диего умчался в коричневую, постепенно густеющую тьму: скалы остывали все больше, интенсивность инфракрасного свечения падала.

Голова прояснилась через полчаса, ноющая боль растворялась в тревоге за товарища. Два раза Неверов ловил слабые успокаивающие мыслиемпульсы Диего, потом установилась полная тишина, которую хотелось взломать криком и движением. Медленно тянулось время, капля по капле, минута за минутой. Беспокойство Неверова перешло в тревогу. Он сначала несколько раз послал мысленный запрос —

никакого эффекта. Тогда он решил поискать Диего в том направлении, которое тот выбрал перед тем, как исчезнуть.

Через несколько минут Неверов неожиданно увидел узкую трещину в базальтовом склоне. Трещина заканчивалась черным, не просматривающимся даже ультразвуком провалом. Из провала не доносилось ни звука, и сочился оттуда едкий запах окислов металла, от которого першило в горле.

Оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, Неверов завис над дырой, проследил с помощью своих биодатчиков за извилистым ходом, тонувшим в тумане радиоактивного фона — глубже чем на несколько сот метров ультразвука не хватало, — и плавно скользнул в провал.

Через двести метров петлистый подземный лаз, то сужающийся до толщины человеческого тела, то расширяющийся до многометрового грота, привел разведчика к ровному на удивление и флюоресцирующему туннелю. В сечении туннель был прямоугольной формы, и Неверов понял, что вырублен он в толще скал неведомыми существами, может быть, и предками современных энифиан.

Неверов снова мысленно позвал Диего, и хотя тот не откликнулся, все же он неизвестно каким чутьем определил, что Диего здесь был, и был совсем недавно.

С трудом продравшись сквозь выступы жил каких-то минералов в туннель, Неверов отдохнул несколько минут, подкрепился яблоками из ранца НЗ. Потом проверил, куда ведет туннель. Влево коридор уходил, постепенно снижаясь, в неведомые глубины плато и терялся на фоне слабого радиоактивного излучения горных пород; в другой стороне он упирался в какую-то стену, за которой смутно угадывалась целая анфилада пустот. В каждой из этих пещер-пустот находились какие-то конструкции, но разобрать на таком расстоянии детали Неверов уже не мог.

И тут он почувствовал, что за ним наблюдают. Он замер, настороженно обшаривая каменный лабиринт и туннель ультразвуковым зрением, но ничего и никого не обнаружил. Тем не менее чувство постороннего наблюдателя не исчезло, хотя и заметно ослабело. Где-то далеко задрожала гора, подземный скрежет докатился до туннеля слабой вибрацией стен.

«Скалогрыз? — мелькнула мысль. — Наверное, скалогрыз. Отсюда и «взгляд»...»

Неверов включил инграв, уравнивал себя у оси туннеля (три метра — высота, четыре — ширина) и бесшумной торпедой понесся к замеченным пещерам.

Вскоре он достиг тупика.

Туннель в этом месте перегораживала толстая металлическая плита со следами термического воздействия, плита была пробита в центре и оплавлена. Потрогав гладкие натеки металла, Неверов нервно оглянулся — снова придвинулось ощущение скрытого наблюдения — и протиснулся в пробитую дыру. Пахло неостывшим жаром металла и острым запахом окалины — дыру пробили буквально полчаса назад.

«Диего! Это он здесь прошел!...»

Помещение, в которое проник Неверов, было занято решетчатой конструкцией, напоминающей стеллаж. У стен высились груды цилиндров величиной с толстый человеческий палец. На полу лежал едва ли не метровый слой пыли.

«Откуда пыль? — подумал Неверов. — Ведь в подполье ей скопиться неоткуда».

Он на лету тронул носком ботинка ближний холм пыли, и тот осел, раскатился клубами и волнами, открывая взору кучу странного светящегося тряпья.

«Останки оборудования, — догадался Неверов. — Все, что осталось от содержимого комнаты. Прах!»

Внезапно что-то блеснуло в пыли. Он не поверил глазам — это был «универсал»! Медленно, словно боясь, что видение растает, Неверов поднял с кучи цилиндров тяжелый пистолет, сжал в руке, бессмысленно глядя на счетчик разрядов — магазин был пуст. Так же медленно положил его в ранец на спине, машинально высыпал туда же горсть цилиндров — сам в это время ничего не думал, за него «думал» инстинкт разведчика, и вдруг закричал во весь голос:

— Диего!.. Диего, отзовись!

И услышал мысленный зов:

«Уходи, Лен! Опасность! Уходи... Передай нашим, что меня включили в...»

Мысленное сообщение Диего прервалось, и тогда Неверов

ров увидел, как сзади него в одной из пещер зашевелился мрак и потек к нему беззвучным и страшным в своем безмолвии и целеустремленности потоком. Лен крикнул еще раз:

— Диего, дай пеленг!..

Ухнуло гулким эхом, одна из стен покрылась трещинами, выпятилась, словно Неверов криком нарушил прочность стен. Снова ухнуло, где-то родилась и покатила на человека лавина грохота, стена лопнула окончательно, и в образовавшийся пролом вылезла кошмарная голова скалогрыза.

Неверов вскрикнул от неожиданности — левую руку обожгло мгновенным холодом, — метнулся к выходу и выстрелил в яростный дымный гейзер, оживший в дальнем конце пещеры...

Руденко посмотрел на часы: было четыре часа утра по энифианскому времени на широте Зоны и час дня по времени Базы.

— Их нигде нет, — сказал Нагорин. — Дежурные клянутся, что никто из Зоны не выходил, мол, сработала бы сигнализация, но ты же знаешь Диего...

— Черт! Материалов ему не хватало, что ли? К чему этот тайный рейд, если мы все равно собираемся...

— Тише, стражи уже начинают просыпаться.

— Что делать? Искать? Где?

— Мне кажется, он что-то говорил насчет библиотеки... вернее, информационного центра.

— Того, что показывал нам? Оставшегося от прежней цивилизации? Может быть, может быть... Вопросы наши обращены в пространство. Дай сигнал готовности моей группе, я сейчас приду. Да, и разбуди Ждана.

Спустя несколько минут Руденко входил в зал связи, встретив в коридоре одевавшегося на ходу Доброгнева. В зале уже собрались спасатели из группы безопасности, выглядевшие так, будто ждали вызова. У пульта оперативной связи с лагерями исследовательских групп стояли Нагорин, Шелгунов и Генри Лаирн.

— Базу, — сказал Руденко, подходя к пульту.

Тоидзе, разминавший до этого кисти рук, кивнул и вызвал спутник. Виом открыл им вход в командный пост Базы, еще пустой по причине обеденного перерыва. Дежурный инженер поста встрепенулся и вопросительно посмотрел на Тоидзе.

— Джаваира, — так же коротко бросил Руденко.

Несколько минут ожидания прошли в молчании. Наконец в помещении поста Базы появились Торанц и Джаваир.

— Начинаем, — спокойным тоном произнес Руденко. — Откладывать операцию нельзя, только что стало известно: Диего и Неверов отправились ночью в самостоятельный поиск... нет, разрешения, естественно, им никто не давал, это личная инициатива Диего. Из поиска они до сих пор не вернулись, поэтому пускаю в ход сразу экстремальный вариант.

Джаваир молча перевел взгляд на Торанца.

— Твое мнение? — спросил тот начальника спецотдела.

— В консультанты я не гожусь, — ответил Шелгунов, носивший темные очки после лечения, — но, по-моему, Юра прав. Тем более что в обстановке он разбирается лучше нас всех вместе взятых.

— Ясно. Что ж, начинаем. С нашей стороны главным прикрытием будет «Витязь», а с вашей?

— Группа прикрытия на ДМ. Два из них я выпускаю немедленно на поиски Диего, остальные будут барражировать над Зоной. С этого момента конец открытой связи, переходим на код ОЭЛ.

— Конец открытой связи, — повторил Торанц, и виом погас.

— Ко мне есть вопросы? — Руденко посмотрел на собравшихся. — Все теперь будет зависеть от слаженности групп Базы и нас с вами. Группа прикрытия — на старт! Два ДМ — на поиски Диего и Неверова, пилоты — Денисов и Миклашевич; экипажи стандартные, экипировка аварийная. Вылет через три минуты! Провожатым пойдет Шелгунов. Остальным ДМ — старт через десять минут, барражирование вокруг Зоны лесенкой на высотах двести, триста и километр.

Толпа в зале рассеялась, остались начальник исследова-

тельского центра и три спасателя — «резерв главного командования», как назвал их Нагорин.

— Дай мне связь со всеми лагерями, — повернулся к Тоидзе Руденко, подогнал себе кресло по фигуре и уселся у пульта ручного управления всеми системами Зоны.

— Кто из ученых и инженеров сейчас работает в Зоне? — спросил он Доброгнева.

— Механики и энергетики, — вмешался Лаирн. — Всего пять человек.

— Вызвать всех по тревоге, пусть готовятся к операции вместе со всеми. Перейти на дистанционное обслуживание. Всем присутствующим надеть скафандры, всем без исключения. А вы подсаживайтесь ближе. — Руденко оглянулся на Доброгнева и Нагорина. — Будете помогать.

— База на связи, — доложил Тоидзе. — Что передавать?

— Код ОЭЛ. Транспорт прибудет через контрольный срок. Не забыл?

— На память не жалуюсь, — рассердился Тоидзе.

Руденко не обратил внимания на его реакцию.

— База, время тринадцать сорок две, пуск программы! Как поняли?

— Тринадцать сорок две, пуск программы, — отозвалась База голосом робота. — Районов посадки — шесть, модулей — шесть, резерв — шесть.

— Принял. Готов. — Руденко повернул голову к Нагорину. — Ну, братцы, сейчас мы, кажется, узнаем настоящую цену уверениям стражей в миролюбии.

Шесть ДМ — десантных модулей типа «Мастифф», шесть блестящих игл — оторвались одновременно от гигантского цилиндра Базы и стали медленно падать в атмосферу Энифа, выбирая определенные районы финиша, где их уже ждали к эвакуации исследовательские группы. На высоте двухсот метров они притормозили падение и оделись в защитные поля, сразу исчезнув из поля зрения. А потом шесть коротких молний пробили атмосферу планеты в разных местах, и шесть громовых ударов сверхзвукового тарана атмосферы известили стражей о том, как люди умеют производить форсированные финиши своих спасательных кораблей. Центральный мозг энифианской цивилизации только

решал предложенную ему задачу о вторжении шести независимых друг от друга тел, как снова шесть громов потрясли воздух, и в небе сверкнули шесть молний, ударившись на этот раз с поверхности в небо.

Эвакуация исследователей с Энифа заняла всего три минуты двадцать секунд, и лишь спустя еще несколько минут поняли энифиане, что означают внезапные громы и молнии, созданные людьми.

Зал связи тонул в темноте, виом окна дальновидения казался дверью, открытой в желто-оранжевое утро Энифа.

Люди пристально всматривались в окружающие Зону холмы и гряды, на которых накапливались полчища стражей. Пять конусов земных десантных модулей, круживших вокруг и над Зоной, нисколько не пугали уродливых летающих химер.

— Обнаружил человека, — донесся из динамика сквозь хрипы эфира голос командира поискового патруля. — Похоже, что это Лен Неверов. Координаты: восемь градусов сорок минут северной широты, сто градусов десять минут восточной долготы. Что делать?

— Где это? — быстро спросил Нагорин.

— Граница террасы Неожданного плато, — сказал Доброгнев, развернув на экране карту планеты. — Триста с лишним километров.

— Высылаю два «панциря», — сообщил Руденко. — На одном отправьте Неверова на Базу, с другим продолжайте поиски Диего, он должен находиться поблизости. В контакт со стражами вступать, но действия согласовывать со мной.

— Пока что стражи только наблюдают за нами, не вмешиваются. На прямые вопросы о Диего — молчок.

— Разреши, я пойду на одном из модулей, — скороговоркой произнес Нагорин, облизнув пересохшие губы.

Руденко отрицательно мотнул головой.

— Ты ничем не поможешь. Zubавин, бери Младена и к Денисову, быстро!

— Принял, — отозвался Zubавин.

Два модуля на переднем плане пейзажа скачком вознеслись на километровую высоту и растаяли в желтом мареве неба. Оставшиеся три продолжали облёт.

— Пора и нам. — Руденко посмотрел через плечо на товарищей. — Вам здесь делать нечего, остаюсь я и... — Он заметил умоляющее лицо Тоидзе и закончил: — И Вано. Остальные — на Базу.

— Я подожду, пока найдется Диего, — угрюмо сказал Нагорин.

— Нет. — Руденко снова повернулся к пульту. — Герои, от которых нет толку, мне не нужны. Извини за резкость. Григ, сажай свой «панцирь» ближе к Зоне, забереешь всех на Базу. Как понял?

— Сажусь, — коротко отозвался пилот ближайшего модуля, кружившего над Зоной. — С запада под землей к Зоне идут скалогрызы, штук десять, учтите.

— Учтем, не беспокойся.

Модуль спикировал к Зоне и сел вплитирку к главному входу в здание.

— Ждем на Базе, — высказал общее настроение Шелгунов, задержался в зале, хотел что-то добавить, но лишь сжал плечо Руденко, затянутое в гибкий металл скафандра.

— Не задерживайся, — буркнул Доброгнев.

Нагорин промолчал, но Руденко и так знал, что мог сказать главный врач экспедиции.

— Найду Диего и прилечу, — сказал он. — Готовьте шампанское.

Через минуту десантолет принял последнюю партию людей из Зоны и стартовал. В полукилометре над Зоной он окутался в непроницаемое облако силового поля, исчез с экранов. Откуда-то из-за холмов ярко-лиловым пунктиром стеганул воздух мезонный разряд, но время было уже упущено, модуль ушел.

— Поздно спохватились, — с удовлетворением сказал Руденко и подмигнул Тоидзе. — Странно, что энифиане у нас ни о чем не спрашивают. Сбили мы их с толку... Лишь бы Диего нашелся... Душа в пятки не уходит? Все-таки против нас целая планета!

— Против вас, — возразил хитрый Тоидзе. — Я тут ни при чем, я только инженер связи.

Руденко посерьезнел, посмотрел на часы: прошло уже двадцать минут с момента ухода модулей в помощь поиско-

вой группе. Аппаратура на них стояла ультрасовременная, и уж если с ее помощью не удавалось отыскать Диего, то он или находился совершенно в другом районе, или был утащен стражами в глубины горных пород.

— Прикрытие, — позвал Руденко два оставшихся модуля, поглядывая на стаю стражей, окружившую здание. — Скалогрызов видите?

— Наблюдаем, — отозвался чей-то хриловатый баритон. — Обходят Зону по периметру на глубине сорока метров, расстояние до стен Зоны триста метров. Идут как по линейке, ходы описали четкий прямоугольник. Вы должны чувствовать вибрацию...

Руденко прислушался.

— Все тихо. Не будь сейсмодатчиков — не поверил бы, что рядом кто-то ведет подземные работы. Сколько их?

— Семь. Три вылезли на поверхность у самой прорвы стражей. Но тут кое-что новое... Примерно на глубине в сто двадцать метров обнаружился странный конус — не то громадный скалогрыз, не то машина. Во всяком случае, этот конус движется, хотя и очень медленно. Направление — на Зону. Мощности наших интравизоров не хватает, чтобы рассмотреть детально, что это такое. Может, позвать на помощь крейсер? У них аппаратура помощней.

— Поздно. — Руденко вдруг всем телом ощутил дрожь здания, скалогрызы заработали на всю мощь, руководимые вездесущими стражами. — Смотри-ка, теперь аж все здание трясется! Того и гляди развалимся. Что же они готовят?

— Наверняка какую-нибудь пакость, — сказал Тоидзе. — База на приеме.

В квадрате виома дежурный инженер связи что-то говорил, но голоса его не было слышно. Тоидзе надел наушники.

— Передают, что идет магнитная буря. Кажется, наши переговоры с Базой начинают глушить. Торанц передает, что Неверов поражен электрическим током, доза чудовищная — до некроза тканей, но благодаря своим особенностям будет жить. В сознание пока не пришел, так что о Диего информации нет. Понимаешь, — Тоидзе снял наушники, — у Лена такая саморегуляция организма, что он и без помощи врачей...

— Дальше передавай, — оборвал Руденко неуместные объяснения инженера, видя, как шевелятся губы связиста Базы. — Что еще?

Тоидзе виновато крикнул и снова натянул дугу с наушниками ОЭЛ.

— В ранце Неверова обнаружили «универсал» Диего и цилиндрические кристаллы. Торанц говорит, ты в курсе...

— В курсе, дальше.

— Коммуникаторы-лингвисты взялись за расшифровку записей на кристаллах, вот пока все. Когда ждать вас?

— Скоро.

Руденко прищурился, посмотрел на замершие против громадной стаи стражей два земных корабля, и ему вдруг стало холодно и неуютно, словно он голым оказался в ледяной пещере, а вокруг — только пронзительный блеск сталактитов и нависший ледяной потолок. Думал в это время он о Диего...

Глава 7

Диего отыскать не удалось ни через час, ни через два, ни к концу дня.

Руденко отправил к Базе десантолеты, приказав им не отвечать на атаки стражей, пытавшихся остановить уход землян с планеты, а сам покинул Зону и упорно продолжал поиски исчезнувшего без вести разведчика, будучи уверенным, что тот не даст безнаказанно убить себя, что он жив или, по крайней мере, где-то оставил условный знак. Сами энифиане на запросы людей относительно судьбы Диего Вирты не отвечали, хотя и повторяли все время вопрос: «Почему прерываете контакт?»

За это время специалисты Базы сумели частично расшифровать записи в найденных у Неверова кристаллах, и обретенная таким образом информация взбудоражила умы всего увеличившегося населения Базы.

Доброгнев собрал экстренный научный совет, который перерос в дискуссию о моральном праве разумного существа проводить эксперименты над себе подобными. Заклю-

ние сделал заместитель председателя Высшего координационного совета Земли Молчанов. Он сказал:

— Позволю вам напомнить, что два века назад, когда на Земле существовали государства, в одном из них была такая организация — Центральное разведывательное управление. Оно занималось сбором данных о техническом, экономическом и культурном потенциале своих политических противников, дабы применить эти знания во вред другой стороне, а также готовило и выполняло убийства прогрессивных деятелей других государств, устраивало перевороты, организовывало диверсии и тому подобное. Так вот, в лабораториях этой организации велись эксперименты над людьми с целью подавления их психики, воли, чтобы потом результаты экспериментов помогли кучке негодяев «завладеть миром». Программы этих опытов назывались по-разному: «Синяя птица», «Артишок», «МК-дельта», «МК-ультра» и так далее. Бесчеловечность подобных опытов очевидна, тем более что проводили их такие же люди, как и мы с вами.

К стражам подобная оценка неприменима. Теперь мы знаем, кто они на самом деле — самоорганизующиеся, самопрограммирующиеся биокibernетические системы, нечто вроде конечного продукта синтеза наших универсальных вычислительных машин четвертого поколения с биологическими организмами. Когда-то, сотни веков назад, на Энифе цвела жизнь сродни земной. Единственное ее отличие, наложившее отпечаток на форму симбиоза экологической среды и разумных существ, — более жесткие природные условия. Разум планеты пошел на создание биологических интеллектуальных автоматов и исчез: кстати, необязательно в результате войн со своим детищем, может быть, он даже вообще покинул планету для чистоты эксперимента. А эволюция этих автоматов привела к расе стражей и их центральному мозгу — Осиному Гнезду.

Уродливость техногенной эволюции стражей также очевидна. У этой машинно-биологической цивилизации нет цели, нет будущего, она бесплодна и обречена, ибо что такое ее главный мозг? — колоссальный по объему, но весьма скромный по возможностям вычислитель с зачатками интеллекта! Он может лишь сохранять, да и то с грехом пополам, уже накопленные знания, а не накапливать и не обра-

батывать новые. Отсюда и кажущиеся странными при всей их энергетической мощи ошибки стражей, их отношение к человеку и многое другое. Как может быть человеческой машина, если в ее памяти не заложены понятия добра и зла, морали и этики, совести и гуманизма?..

К сожалению, пресловутый «разум» Энифа — всего-навсего гигантская машина, зашедшая в тупик в попытках самосовершенствования. Одно только отсутствие культуры у стражей говорит само за себя — машине культура ни к чему.

Но есть все же маленькая надежда на то, что энифианская цивилизация не совсем мертворожденное дитя исчезнувших предков. Все попытки стражей вникнуть в сущность эмоциональной стороны деятельности человека указывают на зарождающиеся в них сомнения в том, что они венцы творения, на то, что они понемногу стали осознавать ущербность своего развития, вернее, регресса. И не следует ли считать контакт стражей с нами их *криком о помощи*?! Да-да, криком о помощи, несмотря на жестокость эксперимента над Диего и Неверовым, на неразборчивость в средствах и холодный расчет типа «цель оправдывает средства». Понимаете?

Никто из ученых не смог ответить на этот вопрос: ни историки, ни социологи, ни ксенопсихологи; люди не были готовы к ответу, потому что многих в этот момент занимала мысль о судьбе их товарища, принявшего основной удар энифианского расчета на себя. Только Шелгунов пробормотал про себя четверостишие, странно соответствующее настроению собравшихся в зале спутника и ситуации на планете:

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца?¹

Спустя сутки вернулся с планеты Руденко, буквально перерывший все плато Неожиданное и ближайшие отроги Синих и Красных Гор.

По-прежнему ни на один запрос через аппаратуру Зоны

¹А. Блок.

и непосредственно с Базы энифиане не отвечали, на всех диапазонах царило удивительное безмолвие, удивительное уже потому, что атмосфера Энифа была насыщена электричеством и рождала спонтанные магнитные бури и вихри, отрывающиеся всегда в динамиках шумом прибора.

Всегда, но не в этот раз.

Руденко, появившись в командном зале спутника, молча выслушал сообщение Торанца и тут же отдал распоряжение патрульным кораблям понаблюдать за Осиным Гнездом. Торанц согласился с его решением и добавил:

— Надо бы запустить несколько зондов к Зоне, на всякий случай. Стражи не зря копались под ней.

Руденко равнодушно пожал плечами и повернулся, чтобы уйти, и в этот момент случилось неожиданное. Ожил вдруг виом связи с Зоной, и онемевшие связисты увидели в зале Зоны Диего Вирта. Только на человека он не походил. Человеческим у него было только лицо.

— Игорь... — позвал он, обвисая бесформенно-чешуйчатым телом в кресле перед пультом и запрокидывая голову, чтобы не удариться лицом о панель.

— Диего! — закричал Тоидзе, отчаянно жестикулируя товарищам, чтобы они дали сигнал общего сбора. — Диего, смотрите!.. Ты меня слышишь, Диего?!

— Игорь, — повторил Диего, не слыша инженера. — Кажется, мне конец... Они таки «встроили» в меня... какую-то штуку... чтобы я подчинялся их приказам... Я выдержал, и тогда они стали облучать меня такой дрянью, что больно... вспомнить... доза была слишком велика... но я все же сбежал... сообщить... Игорь, они готовят удар по Зоне и по Базе... Уходите с планеты... на другую орбиту. Они — ошибка создателей... По их машинной мифологии, то, чего они не в состоянии объяснить и понять, — не существует. То есть мы для них — нежить, фантомы, созданные флуктуациями силовых полей, возникающих при работе Осиного Гнезда... их «мозга»... Они так ничего и не поняли в нашей жизни, поэтому решили уничтожить свой затянувшийся «сон». Уходите...

Диего совсем обвис, и запрокинутое его лицо так и осталось смотреть в потолок остановившимся взглядом. Потом раздался шелчок, и виом погас.

Руденко прыгнул к пульту, рванул Тоидзе за плечо:

— Связь, Ваню, ну же — связь!

— Не работает, Юра, — беспомощно пожал плечами тот, пытаясь восстановить прием. — В Зоне вырубило передатчик.

— К Зоне подходит ураганный фронт, — вмешался в разговор голос командира крейсера «Витязь», курсирующего у границ атмосферы Энифа. — Мощность до пятнадцати баллов по шкале 22.

Руденко думал несколько секунд, не сводя яростного взгляда с ругавшегося вполголоса Тоидзе. В зал ворвался бледный Нагорин, подбежал к пульту:

— Нашелся?!

Руденко очнулся от своего короткого раздумья и наклонился к панели экстренных распоряжений, нажал ярко-красную кнопку.

— Внимание, База! Объявляю минутную готовность к старту на параболу три мегаметра в периастрii! «Витязь», будь готов к ТФ-старту и усиль наблюдение за Зоной! Дежурные обслуживания ДМ: освободите шахту номер один к аварийному запуску! Все!

В коридорах Базы коротко провыли ревуны: пилоты предупреждали пассажиров спутника о необходимости соблюдать осторожность при старте с орбиты. В зале все схватились кто за что мог, многие просто сели на пол. Один Руденко не стал искать опоры, только прочнее уперся ногами в пол.

Толчок! Другой! Эниф пошел влево и вниз, уменьшаясь в размерах. База уходила с планеты.

В зал набилось много сотрудников Базы, среди которых уже распространился слух, будто Диего Вирт только что разговаривал из Зоны. Среди них были и Анна Вирт, и невеста Лена Неверова, потерявшая свой самоуверенный лоск.

Руденко подошел к этой молчаливой стенке и остановился, встретив слепой от боли взгляд Анны.

— Я не имею права требовать, — глухо сказал он, опуская голову и бледнея от усилия сдерживать себя. — Я прошу... Кто из вас пойдет со мной вниз за Диего?

Он подождал, глядя в пол и вызывая в памяти то насмешливо-ироничное, то буднично-спокойное, то камен-

но-бесстрастное лицо Диего, того Диего Вирта, какого он знал.

— Нужен опытный пилот... Риск смертелен... может быть, даже уже поздно. Но там остался Диего, и мы должны, обязаны его... — Руденко нечаянно взглянул в сторону Анны и поразился перемене выражения ее глаз: в них был вопрос, отчаянное страдание и надежда.

Люди молчали, каждый взвешивал свое решение, поторопиться и переоценить свои силы — означало обречь на поражение спасательную операцию в самом начале. Потом из тесной группы спасателей вышел невысокий худощавый и незагорелый юноша, почти мальчик.

— Разрешите, я пойду?

Руденко криво усмехнулся.

— Спасибо, но я же сказал — опытный... — Он встретился с бездонно-черными глазами юноши и не закончил.

— Меня зовут Святослав, я из бригады обеспечения спец-отдела. Диего — друг моего отца, это все равно что отец. У меня сертификат пилота первого класса. Идемте...

Руденко беспомощно оглянулся.

— Это сын Грехова, — буркнул почерневший от тревоги и забот Нагорин и отвернулся.

Руденко снова посмотрел на хрупкого с виду молодого человека, оглядел с ног до головы, словно оценивая его возможности, и отчаянно махнул рукой:

— Поехали!

Они нашли его в коридоре на втором этаже Зоны. Повидимому, Диего на короткое время пришел в себя и пытался ползти к выходу, прежде чем снова впасть в беспамятство.

Руденко с содроганием осмотрел его жуткое, исковерканное неведомой пыткой и борьбой с самим собой тело и, не найдя рук, подхватил под спину ближе к голове.

— Берись, — кивнул он Грехову.

— Робот, — дрогнувшим голосом произнес тот.

— Что?!

— С нами робот-универсал, дайте ему команду...

— Справимся сами, берись.

Святослав взял Диего за наросты, отдаленно напоми-

навшие ноги, и поднял. От толчков Диего открыл рот, сказал: «Уходите... от планеты...» — и снова замолчал.

Они с трудом втащили разведчика в рубку модуля, не обращая внимания на яростные атаки стражей: робот-универсал исправно нес службу охранителя, прикрывая их сверху.

— Скоро здесь будет буря, — пробормотал Руденко, глядя на приближавшуюся к Зоне черную стену, окаймленную короной электрических разрядов. — Мы опередили ее на полчаса. Ну, отдохнул? Давай положим его в кресло.

Они снова взялись за тело Диего, тяжелое и необычно горячее.

— Уходите, — четко выговорил тот, заставив их вздрогнуть и посмотреть друг на друга, а потом на застывшее спокойное лицо.

Модуль вдруг сотрясся: по его защитному полю ширкнул огненный язык и ушел в стену Зоны, проделав в ней оплавленный черный шрам.

Руденко скрипнул зубами и бросился из рубки, крикнув на бегу:

— Привяжи его и последи за воздухом.

Грехов бережно опустил голову Диего на спинной валик кресла и закрепил ремни безопасности. Потом подсел к пульта и навел координатную планку стационарного излучателя антиметеоритной защиты чуть выше здания Зоны, с тем чтобы накрыть всю стаю стражей, если та вознамерится напасть на человека.

Время от времени то один, то другой из двух сотен стражей пикировал ко входу в Зону и отлетал в сторону, встречая защитное поле робота.

Руденко выскочил из Зоны через двадцать минут и нырнул в люк модуля, как пловец в воду. В рубке он бегло оглядел почти полностью потемневший небосвод, недобро усмехнулся:

— Приостановили ураганчик-то? Это потому, что мы прилетели, надеются на что-то... Ничего, пташечки, я вам тоже сюрприз приготовил! Слава, давай поднимайся. Поспокойней только, время у нас есть.

На пульте мигнул зеленый квадрат, раздался голос автомата-дешифратора:

— ДМ, вы в створе моих антенн, помощь нужна?

— Спасибо, «Витязь», — отозвался Руденко, нажимая сенсор. — Через час выползаем на орбиту, готовьте врачей. И уберитесь, пожалуйста, с трассы. Диего прав, стражи подготовили удар по Базе, причем хотят использовать для этого Зону, у них под Зоной сделано нечто вроде фокусирующего многовиткового отражателя, к которому подходят шесть энергопроводов.

— Базу им теперь не достать, а крейсер вообще орешек не по их зубам. Почему медлите? Уходите быстрее, на такой дальности мы не сможем прикрыть вас надежно.

— Терпение, «Витязь», терпение, дайте мне несколько минут...

Грехов осторожно поднял модуль над Зоной, и тотчас же несколько сильных ударов, сопровождаемых яркими вспышками, потрясли корабль.

Руденко ничего не предпринимал, положив руки на панель управления противометеоритной защитой, только один раз оглянулся на застывшего Диего и снова стал смотреть на уменьшавшуюся в размерах Зону.

— Останови-ка, — сказал он негромко, когда они достигли километровой высоты. — У нас еще есть две минуты...

Грехов, не задавая вопросов, остановил в воздухе модуль. Туча стражей, сопровождавшая корабль, немедленно поднялась над ними и построилась в правильную вертикальную колонну.

На пульте мигнул тревожный оранжевый сигнал, и автомат сообщил:

— Тангенциальное увеличение массы, даю отбой старту!

— Отстрел автоматики! — среагировал Грехов. — Перехожу на ручное!

— Стражи. — Руденко поднял взгляд. — Хотят посадить обратно. Сделай вид, что подчиняешься, иди вниз ровно десять секунд, а потом сделай так, чтобы мы оказались над стражами.

Грехов кивнул и застыл над пультом, положив руки на двурогий штурвал ручного управления.

Руденко с уважением посмотрел на его напряженно-сосредоточенное лицо, напоминавшее ему чем-то лицо Диего. Этот мальчик для своих двадцати с небольшим лет имел самообладание взрослого опытного спасателя, в нем угады-

вался стержень воли и самоконтроля — то же владение собой и чувство собственного достоинства, что отличало и Диего Вирта.

Модуль медленно, рывками дополз до намеченного рубежа, притормозил.

Стражи над ним завозились, сдвинули строй плотнее, и в это время Грехов сделал стремительно-сложное движение, на которое модуль отозвался немыслимым пируэтом в воздухе, сделал двойной скачок из горизонтали в вертикаль и обратно, и вся стая стражей оказалась под ним.

— Уводи шлюп, Слава, догоняй Базу. Нас ждут врачи.

Грехов кивнул, отворачиваясь, и в это время модуль на полном ходу словно воткнулся в каменную стену! Инерционный удар был страшен. Носовые локаторы, энергокамеры и двигатели были сплющены и разрушены, ходовая часть кормы превратилась во вспышку света, все силовые и сигнальные цепи автоматического «скелета» корабля порвались и замкнулись, и только рубка управления, представлявшая собой капсулу высшей защиты и снабженная поглотителями инерции, уцелела.

Экраны ослепли, координатор выбросил на пульт красные огни, сухо отрапортовал:

«Нуль энергоресурса! Все системы корабля не работают!» — и замолк.

— «Витязь», слышишь меня? — позвал Руденко.

Ответа не последовало.

В рубке разливалась шуршащая тишина, прерываемая изредка зуммерами аварийных автоматов.

— Что случилось?! — Грехов повернул к Руденко недоумевающее лицо.

Руденко прислушался.

Где-то далеко за стенками рубки зародился странный шум, словно захлопали крылья лебединой стаи, вызывая в памяти образы земных птиц — образы стражей. Стены рубки вспенились, стали таять с отчетливым стеклянным хрустом. В глаза ударил чистый голубой свет, превратился в голубой туман, сгустившийся над головой в пелену ровного неяркого свечения. Даль раздвинулась, взору представилось убранство гигантского зала, поразившего своей неземной геометричностью.

Руденко встретился взглядом с Греховым и пожал плечами: он ничего не понимал, хотя подсознательно все время ждал необычных событий.

Перед ними, сидящими в креслах, на месте растаявшего пульта вдруг сгустилась темнота, приняла очертания странного двуногого существа, облик которого в течение нескольких секунд претерпел множественную трансформацию, пока не остановился на человеческом теле.

На коммуникаторов смотрел суровый молодой человек, в котором Руденко не сразу признал себя.

— Берегитесь! — сказал вдруг Диего так, что Руденко вздрогнул, посмотрел на разведчика, но тот был без сознания, за него сейчас говорило великое чувство долга, не измеримое никакой мерой, кроме силы духа.

Двойник начальника отряда безопасности неслышно подошел ближе и остановился в двух шагах, глядя на беспомощного Диего Вирта, потом перевел взгляд на Руденко:

— Кажется, мы несколько опоздали...

«Витязь» подходил к Базе, когда с возвращающимся модулем, преодолевшим притяжение Энифа, вдруг произошло необъяснимое: на скорости в два километра в секунду он... сплюснулся буквально в лист и взорвался! Впечатление было такое, будто он воткнулся в толстую прозрачную стену, хотя локаторы крейсера никаких стен в этом месте не видели.

А потом между Базой и горящим модулем сформировалась — не возникла мгновенно, а именно «выкристаллизовалась» из вакуума — стокилометровая фигура, напоминающая ракетку для бадминтона с четырьмя ручками.

Крейсер ощутимо кинуло вперед.

— «Витязь», что там произошло? — донесся голос Нагорина, не отходившего от экранов.

— ДМ-два взорван, — доложил Ненароков, в то время как готовые к аварийным ситуациям экипажи и автоматы отрабатывали стандартную вводную внезапно возникшей угрозы. — Базе тревога по форме «экстра»! Между ДМ и крейсером появились непрошенные гости. Пытаюсь спасти экипаж модуля.

В течение последующих минут экипажи Базы и крейсера действовали в соответствии с обстановкой.

Координатор крейсера рассчитал маневр, характеристики хода и защиты, способ захвата горящего модуля, оптимальный выход из-под колоссальной «ракетки» чужого корабля и начал маневр. Кибинтеллект Базы отделил от основного спасаемого блока секции, затрудняющие маневр и защиту, и приготовился к режиму «спасайся и беги», упрятав людей в капсулу-отсек высшей защиты.

«Витязь» вышел точно под «ракеткой» пришельца, но модуля Руденко там уже не было.

Вместо догорающего разведшлюпа на его месте вырос переливающийся всеми цветами радуги километровый «мыльный пузырь», заполненный роем ослепительных звезд.

— Щуп! — скомандовал командир крейсера.

«Витязь» выстрелил десятиметровой стрелой пробоотборной ракеты и тут же получил весомую «оплеуху» массой в полторы тысячи тонн.

Ракета успела пройти половину расстояния до «мыльного пузыря» и превратилась в язык оранжевого пламени.

— Панцирь! — невозмутимо сказал Ненароков, на экране которого сходились сейчас все исполнительные цепи крейсера.

«Витязь» выплюнул горбатый диск панцирного модуля, способного противостоять ядерным взрывам, и снова тяжелый силовой шлепок настиг крейсер, погасил защитным полем. Модуль достиг границ «мыльного пузыря» и исчез, связь с ним оборвалась. «Пузырь» скачком сжегился и вознеся к близкой решетчатой плоскости «ракеты», метнулся в одну из ручек в семьдесят километров, пропал.

— Они забрали ДМ, — сообразил инженер защиты.

— Сила последнего удара? — жестко отрезал Ненароков.

— Две сто.

— Запас на отражение?

— Стократный плюс столько же на поглощение, характеристики поля в машине.

— База, иду на «абордаж»! — тяжело проговорил Ненароков. — Уходите на параболу, как и рассчитывали, энергозапас гостей выше, чем у вас.

— Принято, — сказал Нагорин; из-за его спины выгля-

дывали Торанц и Доброгнев. — Только кажется мне, что это не гости, а хозяева, больно смело себя ведут.

— Что ты хочешь сказать? — буркнул Доброгнев.

— То, что сказал. Это настоящие хозяева Энифа. Не знаю только, почему они объявились так поздно. Боюсь, «абордаж» не получится, уводи крейсер, Миша.

— Я все же попробую, — без улыбки сказал Ненароков. — Мы с ними на равных, пусть поздороваются и скажут, чего хотят. Вежливость — слава сильных.

«Витязь» начал разгон.

У Руденко внезапно сильно закололо в висках. Боль сняла нервный тик и успокоила: он не грезил и не спал.

Псевдо-Руденко прошелся перед замершими людьми, прислушался к чему-то в себе или в пространстве, усмехнулся.

— Вас пытаются отбить. Неоправданный риск. Вы всегда так поступаете? Эниф — наш дом, пусть старый и полузабытый, брошенный предками много тысяч лет назад, но дом. Той информации, которой мы располагаем к настоящему времени, — она передана теми, кого вы называете стражами, — вполне достаточно, чтобы уничтожить вашу экспедицию.

Но мы решили выслушать вас ради исключения ошибки. Стражи — дети давнего эксперимента, а значит, наши дети, незаслуженно забытые, может быть, брошенные на произвол судьбы, не имеющие возможности выбраться из тупика механоэволюции. И вот приходите вы и, не разобравшись в ситуации, вместо того чтобы помочь...

Руденко покачал головой, переборол спазм горла и желание выругаться, боль Диего стала и его болью, и это было главным сейчас.

— Мы не боги, — хрипло сказал он. — Мы далеко не всемогущи и не всегда способны предвидеть последствия своих действий, бываем жестокими и беспощадными, часто не правы и несправедливы... Мы веками грабили и убивали, лгали и предавали друзей! Было... Было! Но это мы создали шедевры музыки и живописи, сражались за свободу и независимость, отдавали жизнь за друга и ради истины, ради

правды и справедливости. Это мы способны на прекрасные порывы!

Пусть мы до сих пор несовершенны, противоречивы и способны ошибаться жестоко и больно, но не потому же мы люди, что имеем руки, и ноги, и голову, а потому, что находим в себе силы на доброту и любовь, на заботу о ближнем, на вдохновение, и поиск счастья, и стремление к совершенству, которое ничего не стоит, если только оно не от сердца!..

Пришелец, задумавшись, молчал.

— Разберитесь в себе, — продолжал Руденко шепотом, борясь с болью в затылке. — Может быть, вы более жестоки, потому что мы своих детей не бросаем. Вы можете нас уничтожить, но едва ли это будет мудрым решением, достойным истинных творцов.

— Вы только что уничтожили около тысячи существ, виноватых лишь в том, что они не поняли вас. Или месть вы считаете достаточно мудрым решением?

— Тогда убейте меня! — Руденко медленно, с трудом встал. — Но отпустите с миром моих друзей, тех, кто умнее и гуманнее меня и кто испытал на себе жестокое любопытство ваших детей. Я не знаю, способны ли вы читать в душах, но вот я стою перед вами, защищенный только броней совести, умея ошибаться и падать, слепо и жестоко. И подниматься. И идти дальше.

Прочтите меня, проникните во все тайники памяти, убедитесь во всем, что я уже сказал, и поймете, что не только мы, но и вы далеки от совершенства...

Пришелец отступил на шаг, не сводя задумчивого взгляда с лица Руденко, посмотрел на Диего Вирта, и в глазах его родилась неуверенность. Руденко ободряюще кивнул пилоту, закрыл глаза и вспомнил:

Блеснет в глаза зеркальный свет,
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...¹

¹А. Блок.

КОНСЕРВНЫЙ НОЖ

НОРМАН ХАМФРИ

Архипелаг был невелик — семь островов общей площадью шестьсот десять квадратных километров.

Норман нашел самый большой остров, напоминавший полумесяц, покружил над ним, всматриваясь в глубины мрачного вудволлового леса, любовался мечетью в деревне дайсов, ничего подозрительного не заметил и посадил пинасс на северном роге острова у древнего разлома шириной в двести метров.

До назначенной встречи еще оставалось время, и Норман решил пройти к побережью через крыло вудволловой роши, похожей — что вблизи, что издали — на развалины города или крепости.

Постояв у разлома, оплывшие стены которого поросли перьями оранжевой гриботравы, Норман направился по густой желто-сизой траве к лесу и окунулся в тень первого вудволла. Пахнуло теплом: в лесу всегда было теплее, чем на открытом пространстве. Касаясь рукой теплой, обросшей пухом стены растительного великана, Норман обошел его кругом и по белым шрамам старых семязавязей определил возраст вудволла: около тысячи лет. Вдруг пришло ощущение скрытого наблюдения, неясная тревога шевельнулась в душе инспектора. Тот, кто назначил ему встречу, ни словом не обмолвился, что на острове есть деревня дайсов. Экспедиции здесь не работали, так что выбор места встречи был не случаен, но откуда этот щекочущий спину взгляд извне? Или незнакомец, назвавшийся Альфредом, прилетел раньше и теперь ради страховки наблюдает за ним издали?

Норман поднял голову. Над лесом кружил виброкрыл — живая фотоэлементная батарея размером с земного кондора. К побережью идти расхотелось. Тщетно стараясь изба-

виться от чувства постороннего присутствия, Норман вернулся к машине. Перевалило за полдень, в белом небе в зените изливала ослепительный свет голубоватая дыра с четко очерченными краями — Дайя.

Назначенный час прошел.

Норман понял, что ошибкой было лететь сюда одному, не предупредив группу страховки. Правда, Альфред или кто-то, назвавшийся этим именем, не дал времени на размышления и к тому же знал, кем и где работает инспектор Хамфри.

Внезапно издалека, с другого конца острова, долетел тонкий жалобный крик. Так кричат дети и умирающие олени. Крик смолк, затем повторился, но глуше, и тишина завладела островом, чтобы через минуту прорезаться новым криком.

Хамфри нырнул в кабину пинасса и дал форсаж. Ему понадобилось всего полминуты, чтобы покрыть шесть километров до южной оконечности острова. С высоты открылась панорама деревни дайсов: двенадцать конусовидных яранг, кольцом окружающих лобное место — утопанную, без травы, площадь с ажурной колонной святилища в центре. Колонна горела чистым зеленым пламенем, совершенно бездымно, в ее глубине корчился бхихор, которому поклонялись дайсы, а вокруг валялись трупы аборигенов, лохматых, большеглазых, похожих на лемуру-долгопятов с кузнечикообразными ножками, кротких даже в смерти.

Норман зажмурился, потряс головой, но это был не мираж и не галлюцинация. Перед ним, как в кошмарном сне, вызванном историческим фильмом о преступлениях фашизма на Земле, лежала расстрелянная деревня иного мира!..

Он не забыл об осторожности, но в его практике это был первый случай массового убийства, причин которому не было и не могло быть, и Норман открылся. Он вышел из пинасса, метнулся по площади, отыскивая живых, не нашел, бросился к хижинам. Реакция у него была хорошая, он успел выстрелить в шарообразную массу, выпрыгнувшую из яранги ему навстречу, но второй раз выстрелить не успел. Укол в шею свалил его на землю, все поплыло перед глазами. Из яранг вышли люди в обычных рабочих комбинезо-

нах Даль-разведки, окружили упавшего. Четверо. Усилием воли Норман на несколько секунд преодолел подкрадывающееся забытие, шевельнул рукой. Один из подошедших принял его движение за угрозу и поднял пистолет, но другой жестом остановил его.

— Не торопись. Норман, вы слышите меня?

— Аль...фред? — прошептал Норман, слабей.

Человек засмеялся странным взлаивающим смехом.

— О нет, Альфред — это мыльный пузырь, которым мы заманили вас на остров.

— За...чем?

— Теперь виновник этой бойни — вы! Временное умопомешательство, такое бывает при укусе виброкрыла. Но для хозяев Сферы и всех трех Дайсонов этого будет достаточно, чтобы убедиться в агрессивности и жестокости людей, и они вас вышвырнут из Сферы.

— Кто... вы?

Человек снова засмеялся, нагнулся.

— Не узнаете?

Норман широко раскрытыми глазами вгляделся в надвинувшееся лицо и вдруг стал приподниматься. Он узнал!

— Кас... Кас...

— Узнал, молодец.

— Странно, — сказал второй член группы. — Он давно должен был отключиться, я же всадил ему две иглы.

— Пора кончать, — вмешался третий. — У них такая система страховки, что скоро здесь появится весь их погранотряд.

Норман обмяк.

Говоривший перевернул его на живот и пинцетом выдернул из шеи две черные иголки.

— Шприц!

Парень с пистолетом и сумкой подал странной формы шприц. Первый воткнул иглу, похожую на клюв, в места уколов иглами с парализующим ядом, выдавил кубик белой жидкости.

— Порядок. Вот теперь его и в самом деле укусил виброкрыл. Пистолет!

— Здесь еще есть заряды.

— Оставь один, остальные в дело.

Пока обыскивали инспектора, парень в несколько выстрелов поджег оставшиеся яранги и вложил рукоять пистолета в ладонь Нормана.

— У него рация работает и две видеокамеры.

— Камеры обезвредить, рация пусть работает. Уходим.

Начальник группы убийц достал из сумки самого молчаливого напарника аппарат с раструбом, приставил к голове Нормана, покрутил лимбы настройки, глядя на мерцающий экран, и нажал на красный квадратик единственной кнопки.

— Мы гуманны, — пробормотал он, — мы не убиваем представителей высшей расы без особой нужды, просто человек забудет, что он делал.

Из-за стены вудволла вышел еще один член группы.

— Все спокойно, ни один не ушел.

— Хорошо, Коршун, твой манок сработал. Парень, видно, забыл, что ни одно живое существо Дайсонов не кричит.

— Люди всегда бросаются на помощь кричащему, это инстинкт.

— Уточняю, инстинкт сохранения вида, и это очень опасный инстинкт, основанный на их морали, а не на разуме. Нам еще придется повозиться, чтобы добиться желаемых результатов. Всем в шлюп.

Пятеро неизвестных скрылись в лесу. Спустя минуту над «развалинами» вудволлов показался серый диск шлюпа и тут же превратился в цепочку «призраков», растаявших в небе, — в таком режиме взлетают обычно автоматические десантные модули.

ИЗ ОТЧЕТА ПЕРВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ДАЛЬ-РАЗВЕДКИ У 101-ГО ЩИТА

В созвездии Щита на расстоянии тридцати двух парсеков от Солнца экспедицией Ларичева обнаружена звезда с действующим астроинженерным сооружением под названием «сфера Дайсона».

Для справки: термин «сфера Дайсона» возник в середине двадцатого столетия при анализе ряда проектов возможной астроинженерной деятельности высокоразвитых цивили-

лизаций американским физиком-теоретиком Ф. Д. Дайсоном. «Сфера Дайсона» представляет собой оболочку вокруг звезды, поглощающую ее энергию с целью максимальной утилизации разумными существами.

«Сфера Дайсона» (в дальнейшем именуемая просто Сферой) у 101-го Щита построена около десяти тысяч лет назад. Диаметр — две астрономические единицы. Внутри Сферы на круговой орбите вращаются три однотипные планеты, названные соответственно Дайсон-1-2 и -3, близкие по параметрам к Земле, обладающие своеобразной флорой и фауной.

Разумных существ, построивших Сферу, в системе не обнаружено. В Сфере также найден искусственный объект в рабочем состоянии, названный Дайсон-комплексом (в дальнейшем Д-комплекс), способный произвольно (автоматически) менять орбиту движения вокруг центрального светила...

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Его встречал плотный молодой человек в форме служащего компании космосервиса, назвавшийся администратором. Был он немногословен и сдержан до равнодушия. Вместе с тем Никита отметил у администратора цепкий взгляд и какую-то странность поведения, которую он не смог объяснить сразу, с первых минут знакомства.

«Буфтаар Джумаа», — сообщил «Вася», персональный интелмат, имеющий прямой выход на аксон слухового нерва; датчики и рецепторы «Васи» были встроены в комбинезон, вернее, составляли с ним одно целое. По сути, «Вася» был «альтер эго» — «вторым я» инспектора. Никита мог советоваться с ним, как с помощником, и сам решать любые математические и этические задачи со скоростью компьютера.

«Квартирьер похода, — продолжал шелестеть «Вася», — непалец, двадцать восемь лет, участник двух экспедиций БП, хобби — шахматы».

Они вышли из-под козырька приемной камеры метро, практически мгновенно перенесшего Никиту с Земли на

Дайсон-станцию, и оказались в зале под прозрачным куполом. Никита впервые не через виомы, а своими глазами увидел Сферу...

Дайсон-станция, или, как ее называли старожилы, Д-комплекс, представляла собой искусственную планету-диск диаметром около двадцати пяти километров. Это был не единственный, но один из наиболее сохранных объектов древних дайсониа, строителей Сферы, не только уцелевший со времени постройки, но и продолжавший таинственную службу в полностью автоматическом режиме. Его орбита проходила так близко от орбиты планет Сферы, что с Д-комплекса можно было разглядеть на их поверхности даже отдельные острова, а скорость его движения была такова, что за время одного оборота вокруг светила он успевал трижды пройти мимо каждой из трех планет мира Дайи. Одна сторона его диска всегда смотрела на центральную звезду, а другая — на оболочку Сферы.

Чтобы не тратить средства и время на строительство исследовательского центра, люди решили использовать Д-комплекс, не вмешиваясь в работу чужих механизмов и продолжая осторожные исследования. На одной из сторон диска и был установлен купол стационарного метро, связавшего Сферу с Землей и Д-комплекс с базами на планетах и стандартными модуль-станциями внутри Сферы, а ряд пустых помещений в его ободе оборудовали под лабораторий и жилой сектор исследователей.

Никита прибыл на станцию как агент сектора освоения планет Даль-разведки, и лишь несколько человек на Земле знали, кем он был на самом деле...

Первым впечатлением Никиты было ощущение невероятной глубины: казалось, он заглянул в бездну, причем бездну светлую, потом упал в нее и стал погружаться все глубже и глубже...

Вторым было впечатление гармонии цвета.

Оболочка Сферы состоит из трех слоев планетоидов со средним диаметром в полсотни километров, соединенных невидимыми связями в удивительную сеть. Д-комплекс вращается вокруг Дайи на расстоянии в сто тысяч километров от ближайшей точки Сферы, поэтому планетоиды вид-

ны без биноклей и сияют ярче, чем несколько земных Лун. Но главный эффект вносит спектральное распределение цвета: в зените пятнышки планетоидов источают голубоватый свет, потом идут кольца белого, зеленоватого, желтоватого, снова голубоватого цвета — перламутровые переливы, как у земных раковин или жемчуга, ни одного яркого, контрастного, спектрального чистого цвета! У горизонта небосвод багров и тускл, и, как потом оказалось, это цветовое распределение не зависит от положения наблюдателя внутри Сферы. Сфера есть сфера, и угол зрения, под которым видны планетоиды, на орбите Д-комплекса везде одинаков...

Долго на Сферу смотреть было невозможно — глаза уставали от световой ряби, — и Никита отвел взгляд.

— Зрелище совершенно необычное, — сказал администратор, наблюдавший за ним.

— Весьма! — искренне ответил инспектор.

— То ли еще увидите. Идемте, отведу вас в «гостиницу».

По обыкновенной лестнице в четыре пролета они спустились «с крыши» на этаж ниже, под поверхность внешнего корпуса станции. Никита обратил внимание, что лестница слишком «земная», и гид пояснил:

— Сделана нашими инженерами. Здешние лестницы и лифты не предназначались для прохождения и транспортировки людей, хотя использовать их можно.

Выбрались в коридор, один конец которого заканчивался тупиком, другой, казалось, уходил в бесконечность. Пол коридора был покрыт губчатой упругой ворсистой массой зеленовато-серого цвета, ходить по нему было неудобно, хотя сила тяжести на станции приближалась к земной.

Остановились у одной из снежно-белых дверей, явно сработанных человеческими руками. Администратор посторонился.

— Открывайте, это ваша каюта, дверь не заперта. Кодон распознавания подберете сами.

Пересвет кивнул, погладил дверь рукой и мысленно приказал открыться.

Белый прямоугольник превратился в дымную пелену, потеряв плотность и цвет. Никита первым шагнул в каюту.

Помещение было невелико, геометрически просто —

параллелепипед со сторонами четыре на шесть метров и высотой в два человеческих роста — и безлико, как пустой бокс. Стены отливали серебром, словно на них налипла паутина.

В углу стояла стандартная приставка автокровати, разворачивающаяся при желании в диван, кресло или стол. Рядом пульт «домового» — домашнего координатора, похожий на бутон какого-то экзотического цветка на стебельке, столик, два стула, шкаф, в дальнем углу — кабинка душа. Посередине комнаты в полу торчал круглый выступ высотой сантиметров пятнадцать, точно такой же выступ располагался на потолке. Эти бугры были единственным напоминанием о чужеродности помещения. А в общем, подумал Никита, напоминает стандартную обстановку кают рейсовиков на трассах средней протяженности.

Он поставил свою сумку на стул, огляделся и с недоумением посмотрел на провожатого.

— Больше дверей нет?

— В этих помещениях вообще не было дверей, пришлось прорезать со стороны коридора. Для чего они предназначались, известно только строителям.

— Я буду один?

— Рядом каюты ученых и дирекции, а всего в жилом секторе «гостиницы» живут семьдесят человек. Со всеми каютами есть связь. Располагайтесь. Будут вопросы, звоните мне или моему помощнику Гонсалесу, номера найдете в памяти «домового».

Джумаа направился к двери, у порога оглянулся.

— Хочу дать совет. Д-комплекс изучен едва на одну сотую, никто не знает, для чего он предназначен и как работает. Ходить по нему в одиночку опасно.

— Учту, — вежливо пообещал Никита.

Дверь заколебалась и снова восстановилась, агент Дальразведки остался один. С минуту прислушивался к тишине, обволакивающей комнату глухой болотной ряской. Молчал и «Вася», анализируя поступающую через датчики информацию.

Никита медленно обошел помещение, касаясь рукой серебристых шершавых и теплых на ощупь стен. Посидел на

стуле, с удивлением обнаружил, что ему не хочется думать о задании, предстоящем расследовании, разведке и странных случаях, происшедших на планетах Сферы и в самом Д-комплексе. Организм сопротивлялся включению в особый ритм жизни с постоянной готовностью к тревоге и к бою, ожиданием схватки с неведомой силой, проявившей себя жестоко и беспощадно, что и заставило отдел безопасности ввести в действие экстремальный вариант.

Итак, начали?..

Он открыл шкаф и разложил по полкам содержимое сумки: белье, запасные комплекты верхней одежды, туалетные принадлежности. Потом достал «универсал» в плоской кобуре с набором обойм, вогнал одну в рукоять и поставил пистолет на предохранитель. Фауна Сферы как будто не имела хищников, и применять оружие не было нужды, но агент по освоению имел право носить пистолет в не полностью исследованных мирах. Никита потрогал вшитые под кожу за ухом генератор психозащиты и мыслепередатчик «Васи», проверил, как держится на указательном пальце искусственный ноготь — дубль-рация, и вышел из каюты. Кодом распознавания для двери он выбрал образ брата, ушедшего в глубокий поиск на корабле Даль-разведки.

Диск Д-комплекса был толщиной в два километра и делился на слои-горизонты: пятьсот горизонтов высотой от трех до шести метров. Планировка горизонтов была очень сложной и, главное, изменялась со временем. Лишь один из десяти горизонтов сохранял свое оборудование и геометрию, был стационарен во времени, остальные жили динамической жизнью: коридоры в них появлялись и исчезали, помещения изменяли форму и содержимое, наполнялись таинственными «призраками» и автоматами непонятного назначения или пустели, превращаясь в «мертвые», заполненные тишиной этажи.

Все это Никита знал по описаниям станции, но одно дело — выслушивать рассказ и совсем другое — увидеть собственными глазами. К тому же у него была иная цель. По времени «гостиницы» шел всего восьмой час вечера, и он решил побродить по чужому спутнику, поддавшись одному из

самых необъяснимых и прекрасных чувств — ощущению тайны.

Стена тупика коридора, куда вышел Пересвет, была вогнутой, а в конце выпячивался пузырь из молочно-белого стекла. Утопая по шиколотку в зеленой «пене» пола, Никита подошел и почувствовал щекочущее дуновение в шею: «Вася» предупреждал, что «пузырь» находится под напряжением.

Хмыкнув, инспектор приблизился к «пузырю» и тут же отпрянул: «пузырь» вспыхнул переливчатым голубым светом и стал расти, надуваться, словно воздушный шарик, пока не превратился в грушевидную фигуру высотой в два метра; в ее туманной глубине зажглась зеленая звезда.

Сзади кто-то рассмеялся.

Никита оглянулся. К нему, улыбаясь, подходил тонкий в талии, седоголовый мужчина в костюме планетарной службы.

— Новенький? Сегодня прибыли? — Он протянул руку. — Уве Хоон, археонавт.

«Уве Хоон, член-корреспондент Академии наук, — отозвался в ухе шепоток «Васи». — Пятьдесят девять лет, участник экспедиций, из них три — Даль-поиск. Хороший скрипач».

Никита назвал себя и пожал руку ученому, которого знал по отчету бригады подготовки.

— Я ваш сосед, решил прогуляться. Мне столько рассказывали... Правда, меня предупредили, что это не безопасно.

— Гулять по Д-комплексу можно, просто надо быть внимательным. Заходите вечером, после девяти, у меня собирается интересная компания, вам тоже будет полезно. Моя каюта напротив.

— Спасибо, приду. А что это за «груша»?

— Это? — Хоон улыбнулся. — Техника дайсониян очень своеобразна, неантропна, если вам понятен этот термин. Кто вы по специальности?

— Эколог, агент по освоению планет, — сказал Никита.

— Квартирьер, я сразу понял по реакции. А этот «мыльный пузырь» — выходной тамбур наружу, за пределы станции. Так сказать, дверь с тамбуром.

Археонавт дотронулся рукой до «пузыря», и тот бесшумно лопнул, превращаясь в белую стеклянную выпуклость.

— Чтобы воспользоваться этим выходом, надо иметь с собой электрогенератор, иначе тамбур не открывается. До вечера, коллега.

Хоон ушел к себе в каюту.

Никита постоял в одиночестве минуту и побрел по коридору, уходящему в бесконечность.

Через полсотни шагов двери по обеим сторонам коридора перестали встречаться, часть горизонта, приспособленная исследователями под «гостиницу» и освещенная светопанелями, осталась позади. Дальше коридор освещался только голубовато-фиолетовыми прожилками в толще потолка, бессильными рассеять угрюмый полумрак.

Дважды Никите встретились люди: трое молодых парней в форме технического персонала, не обратившие на него никакого внимания, и странная пара — мужчина и женщина в комбинезонах спасателей, замолчавшие при его приближении и долго смотревшие вслед.

Еще через полкилометра Пересвет вышел к перекрестку, освещенному пронзительным зеленым светом.

Второй коридор тоже уходил в обе стороны на неопределенное расстояние, но был совершенно иным. Пол его не был устлан толстым слоем зеленой упругой массы и блестел, как металлический. В пятнистых его стенах через неравные промежутки шли знакомые «стеклянные» выпуклости дверей и ниши с «живым», ворочающимся и наблюдающим за человеком мраком.

Никита поразмыслил и свернул направо. Едва он ступил на металлический квадрат пола, как все вокруг пришло в движение. Воздух словно затвердел, сжав инспектора так, что он почти не мог двигаться, стены коридора побежали мимо, от скорости зарябило в глазах. Никита напрягся, стараясь освободиться от невидимых пут и соображая, что делать, и в этот момент коридор изогнулся как живой, вильнул в сторону и выбросил человека в глухой тупик, освещенный бледным светящимся пятном не то плесени, не то жидкости на полу.

Никита шагнул к стене и застыл на мгновение, готовый

к новым метаморфозам чужой техники, однако ниша казалась устойчивой, стены ее были сухими и теплыми, гладкими на ощупь. Из тупиковой стены выдавался нарост, походивший на ветвистые оленины рога с черными шарами на концах. И рога, и пятно плесени на полу тоже были заряжены электричеством.

Никита обошел нишу, с опаской оглядел нарост, и ему показалось, что в глубине черных шаров мелькают искры. Осторожно приблизив лицо к шару, он словно заглянул в глубокий колодец с мириадами светлых точек-звезд. Перископ — вот что это такое! В глубине шара была видна часть оболочки Сферы.

Выглянув в коридор, Никита обнаружил, что тот совсем не похож на взбесившийся металлический. Пол в губчатой заленой массе, стены не вертикальны — в сечении коридор напоминал перевернутую трапецию. Потолок был фиолетовым, и в его глубине, меняя узоры, бродили светящиеся пятна.

Пересвет понял, что выбраться к «гостинице» самостоятельно будет сложно, он понятия не имел, куда забросил его дайсониа́нский транспортный «мешок». Он мог оказаться всего в сотне метров от своей каюты или же на другом конце двадцатипятикилометрового диска. Конечно, инспектор знал особенности техники Д-комплекса, тщательно изучив отчеты бригады подготовки, но на себе испытал ее действие впервые.

Коридор повернул и вывел его к провалу неизвестных размеров, заполненному текучим багровым полумраком и странными звуками: сериями тихих щелчков, похрустыванием, шепотом. Из глубины провала волнами наплывали удушливые запахи, горькие и кислые одновременно — корица пополам с квашеной капустой.

Черт возьми, какой же фантазией и мощью надо обладать, пришла внезапно мысль, чтобы построить такую машину, как Д-комплекс! Сотни квадратных километров поверхности. Коридоры, помещения, машины, силовые конструкции, и при всем при этом — строгие геометрические формы и беспрецедентная точность стыковки узлов! Какие титаны строили Д-комплекс и Сферу? И где они сейчас?..

Никита вспомнил рассказы начальника группы подготовки и включил рацию в режиме автовызова.

Техника древних дайсоновцев отреагировала быстро: из провала со звуком пробки, вылетающей из бутылки шампанского, выскользнул «мыльный пузырь» и подплыл к обрыву коридора. Внутри его загорелась звездочка.

Никита шутливо развел руками:

— Извини, проверка.

«Пузырь» подождал немного и провалился вниз, в багровый полумрак, напоминающий жерло вулкана во время извержения.

Выключив рацию, Пересвет не спеша зашагал по коридору обратно и вскоре вышел на еще один перекресток, где пересекались по меньшей мере четыре коридора, включая «нормальный», с зеленым упругим полом. Один из коридоров был круглым и освещался ослепительным желтым светом. Казалось, он заполнен раскаленным жидким стеклом, готовым вот-вот вылиться на перекресток. Второй, наоборот, давился темнотой, живой и текучей, как и все конструкции этого космического левиафана. Третий был почти земным, квадратным в сечении, с черным полом и голубыми стенами с рядом белых выступов. Недолго думая, Никита свернул в этот коридор, который через полкилометра вывел его на круглую площадку, на метр покрытую прозрачной жидкостью, напоминающей воду. Но это была не вода. Едва Никита приблизился к низкому барьеру, превратившему площадку в бассейн, как вода бесшумно вспучилась, шевеля мышцами мелких волн, вылепилась в полусферу, потом в граненую колонну и наконец превратилась в стеклянное дерево, подрагивающее ветвями. В потолке над бассейном загорелся зеленый светлячок.

Заинтригованный, Никита подошел ближе. Дерево мгновенно сломалось и трансформировалось в конструкцию, отдаленно напоминающую кресло.

Спасибо за приглашение, подумал Пересвет. Он уже понял, что это такое: дайсоновский мгновенный транспорт, модификация метро, использующая тот же «струнный» принцип, но с совершенно иными параметрами и конструкциями.

— Не вздумайте сесть, — раздался сзади тихий голос.

Никита обернулся. Из коридора, заполненного мраком, вышел скупой улыбающийся молодой человек в серо-голубом костюме инженера похода¹. Волосы черные, блестящие, лицо узкое, с хищным носом и дерзкими, хитрыми глазами.

— Это дайсоонианский вариант метро, мы называем его «прыг-скок», — продолжал незнакомец. — Во-первых, он бьет током, как и вся действующая техника Д-комплекса, а во-вторых, может забросить вас куда угодно в пределах Сферы, даже на любой астероид оболочки. А вы без скафандра.

Аппаратура, встроенная в комбинезон и подчиненная «Васе», дала понять, что это живой человек, а не «призрак» динго², но автоответчик, настроенный на строго фиксированную комбинацию частот, молчал. Никита узнал парня без подсказки «Васи»: Мухаммед бин Салих, пограничник из группы Пинаева. Но он Пересвета знать не мог.

Никита вежливо улыбнулся.

— Меня предупреждали. Правда, здесь я оказался вопреки своей воле.

Салих кивнул, сдерживая ответную насмешливую улыбку, только глаза блеснули иронией.

— Вероятно, вам повезло воспользоваться внутростанционным лифтом, который срабатывает совершенно неожиданно и почти не заряжен электричеством.

Никита вспомнил лихой полет в силовом коконе сквозь сплетения конструкций Д-комплекса. Что ж, ничего особенного, всего-навсего дайсоновский лифт. Интересно, как его называли инженеры, склонные к юмору?

Собеседник понял его мысли.

— Лифт есть лифт, хотя дайсоновский лифт своенравен, как дикий кабан. Мы так его и называли — «вепрь».

— Как же далеко меня забросило от «гостиницы»?

— Двадцать семь километров по прямой. Вы прибыли недавно, надо полагать?

— Только что, решил прогуляться. Одно дело — знать хитрости станции по отчетам экспертов, другое — убедиться

¹Инженер похода — инженер по обслуживанию земной техники в условиях внеземных экспедиций.

²Динго — динамическая голография.

на собственном опыте. Никита Пересвет, агент по освоению, — представился инспектор.

— Мухаммед бин Салих, — подал крепкую руку черно-волосый. — Инженер похода. Здесь уже больше недели, но не скажу, что освоился полностью. Да это, наверное, и невозможно, станция набита тайнами, как пещера Сезама сокровищами.

Никита не знал, имеет ли право Салих открыто выходить на контакты с интересующими пограничную службу людьми, но ему показалась неоправданной та поспешность, с которой Пинаев санкционировал прошупывание его личности: встреча была явно не случайной, хотя Салих и пытался представить ее именно так.

— Я покажу, как удобнее выбраться к «гостинице», — предложил пограничник.

— Спасибо, выберусь сам, — отклонил предложение Никита. — Время у меня есть, да и любопытство не иссякло.

Он все время чувствовал присутствие еще одного наблюдателя, но никого не видел и не слышал.

— Тогда до встречи на «малом ученом совете». Знаете о таком?

— Кажется, догадываюсь. Меня встретил Уве Хоон...

— У него. На всякий случай запомните: наши земные транспортные линии установлены на первом и десятом горизонтах, найдете их по указателям.

Салих вскинул руку и растворился в сумраке темного коридора.

Никита проводил его взглядом. Со стороны встреча казалась естественной и случайной, однако что-то подсказывало инспектору, что это не так. Но поживем — увидим...

Полупрозрачное дерево-кресло в центре «бассейна» все еще предлагало свои услуги, мигая зеленым глазом готовности.

— Извини, — серьезно сказал Никита, — в другой раз.

Обойдя площадку, он вернулся в квадратный коридор с черным полом. Через несколько сот метров коридор уперся в прозрачную перегородку толщиной в метр. Но стоило инспектору приблизиться вплотную, как сработала дайсон-анская автоматика: перегородка наполнилась жидким сия-

нием, вспенилась и бесшумно лопнула, образовав треугольное отверстие, в которое Никита мог протиснуться лишь с трудом, согнувшись в три погибели. Вероятно, это был проход для автоматов, обслуживающих станцию. С появлением отверстия в коридоре явно обозначился ток воздуха.

Пересвет колебался недолго, его еще не удовлетворила часовая прогулка по колоссальной машине Д-комплекса. Он нырнул в отверстие и почувствовал, что... падает! Конечно, никуда он не упал, просто дальше в коридоре царил невесомость, установки искусственной тяжести за перегородкой не работали.

К невесомости Никите было не привыкать, он оттолкнулся от перегородки, снова ставшей прозрачной, и углубился в слабо освещенный коридор.

Около двух километров он плыл по воздуху, стараясь не касаться стен тоннеля, металлических, с неприятными штырями, находящимися под напряжением. А потом коридор уткнулся в сочленение еще пяти таких коридоров, и Никита понял, что это шпангоуты Д-комплекса, силовой его каркас, вокруг которого нарастили плоть всех остальных конструкций.

Возвращаться не хотелось, ибо вместе с легким разочарованием пришел охотничий азарт. Никита почувствовал себя первооткрывателем чудес механической, а может быть, и не только механической жизни, хотя в душе и посмеивался над своей мальчишеской жадой тайны. Поразмыслив, он пришел к выводу, что коридоры-шпангоуты должны не только служить скелетом Д-комплекса, но и выполнять другие полезные функции, аналогичные функциям земной техники: коммуникаций связи и пожарной системы, транспортных артерий для автоматов и ремонтных киберов, а также убежищ в аварийных ситуациях. Отсюда вывод: сеть этих коридоров должна иметь собственный транспорт, иначе для обхода даже небольшого участка сети потребуется слишком много времени.

Никита развернулся на месте, собираясь возвращаться, и нечаянно задел один из верхних штырей. Мышцы рук неприятно свело, и тут же из соседнего тоннеля выскользнула к сочленению шарообразная капсула, утыканная иглами,

словно еж. Несколько игл вытянулось внутрь шара, и часть его оболочки в этом месте разошлась лепестками диафрагмы. Из недр капсулы выскользнул фиолетовый омерзительного вида желвак, живой и неживой одновременно, развернулся в зонт с десятком клейких фиолетовых щупалец и поплыл к человеку.

Никита с трудом избежал объятий квазиживого монстра, скорее всего автомата обслуживания здешнего оборудования, и поспешно вернулся в «нормальный» коридор. Прозрачная перегородка послушно выпустила его, наградив легким электрическим укусом пониже спины.

Еще дважды он попадал в странные, жаркие, наполненные ярким текучим светом помещения, снова подвергся атаке «вепря» — автоматического транспорта Д-комплекса, который выбросил его на этот раз в башенку, торчавшую из днища диска станции на добрую сотню километров. Таких башенок было несколько, они венчали отливающие серебром купола, идущие через равные промежутки по ободу станции.

Стенки башенки были прозрачными. Никита долго и с невольным благоговением любовался сиянием Сферы, вспоминая ее описание и сравнивая с тем впечатлением, какое дает прямое наблюдение.

— Представь себе колоссальную оболочку, — говорил ему Калашников, знакомя с заданием. — Оболочку, вращающуюся вокруг звезды. Ближайшая аналогия — маковое зерно в центре надутого воздушного шарика. Теперь вместо сплошной пленки воздушного шара представь три слоя из миллиона песчинок, соединенных между собой хитроумным способом — гибкими невидимыми нитями. А теперь увеличь маковое зерно до размеров Солнца — оболочка, таким образом, превратится в сферу диаметром в две астрономические единицы, а песчинки станут планетоидами, размер которых колеблется от десятка до полусотни километров...

Никита прищурил глаза, вглядываясь в мерцание бесконечной зернистой оболочки Сферы. Очевидно, конструкторы системы 101-го Щита использовали в качестве строительного материала астероиды из внутреннего астероидного кольца, а также разломали для этого три-четыре мертвые

планеты. Никита ни разу не видел Сферу со стороны, но знал, что из космоса она почти не видна: механизмы, скрепляющие оболочку, продолжали действовать, и все излучение Дайи поглощалось ею с КПД, близким к единице.

Прямо в зените, над головой Никиты, засияла вдруг более крупная звездочка, постепенно усиливающая блеск. Это была одна из планет Сферы, Д-комплекс догонял ее с относительной скоростью сто километров в секунду. Вскоре звездочка превратилась в туманное пятнышко света с перламутровым отливом, потом в пятнистый шар, окрашенный во все мыслимые оттенки желтого, и наконец — в громадину планеты. С тяжеловесной медлительностью она прошла слева по борту — прохождение длилось почти две минуты, несмотря на скорость станции. В момент наибольшего сближения в толще молочно-белой граненой колонны, занимающей центр башенки обзора, всплыли алые светящиеся кольца, складываясь в правильный геометрический узор, верх колонны вскипел белой шипучей пеной, как сбегавшее молоко, и пена рассосалась облаком искр. В воздухе запахло озоном.

Никита переждал, пока сработавший неведомый прибор успокоится, и шагнул на металлический квадрат «вепря».

Его вынесло в широкий коридор с сиреневым светом, где работали земные транспортные средства, и спустя четверть часа он отыскал свой номер «гостиницы».

Он вошел и сразу почувствовал, что в комнате кто-то был: интуиция сработала раньше, чем встроенная в комбинезон аппаратура.

Никита, не сходя с места, внимательно осмотрел апартаменты, включив свой микрокомпьютерный комплекс экспресс-анализа. Туалетная и душевая, сверкающие «мрамором», металлокерамикой и зеркалами, были чисты, но в кровати и приставке виома связи обнаруживались «глаза» — видеокамеры размером с шип акации. Искать их пришлось незаметно, делая вид, что занят другими делами.

Никита не удивился камерам, он удивился тому, как мог тот, кто их поставил, проникнуть в запертое помещение, не

зная кодона распознавания замка. Не мог же он выследить агента Даль-разведки, прочитать его мысли, что было невозможно при включенной пси-защите, а потом вернуться и выключить замок...

Пересвет открыл шкаф и насторожился: ему показалось, что на него в упор взглянул кто-то холодно-презрительный, жестокий и опасный. Ощущение тут же прошло, но инспектор слишком хорошо знал возможности своей нервной системы, усиленной «Васей», чтобы отнести это ощущение к разряду галлюцинаций.

Через десять минут осторожного, законспирированного поиска он обнаружил, что в кнопку шкафа, открывавшую нишу с бельем, встроена неметаллическая спиралька диаметром в миллиметр и толщиной в человеческий волос. Но как только Никита вознамерился выковырнуть кнопку с чужим аппаратом, раздался щелчок и кнопка превратилась в облако дыма. «Шпион» был запрограммирован на самоуничтожение при обнаружении. Предназначение его не оставляло сомнений, но в памяти «Васи» не было сведений о фирме — разработчике таких приборов, лаборатории Земли не изготавливали невидимых наблюдателей подобного типа.

Никита хмыкнул. Версия Калашникова, высказанная при расставании, подтверждалась: похоже, на Д-комплексе действуют не только сумасшедшие роботы охраны, но и некто, использующий, кроме аппаратуры спецназначения, разработанной для Даль-разведки, еще и микротехнику, не поддающуюся идентификации, что наводило на мысль о возможном контакте с инопланетной разведкой.

Пересвет переоделся, чувствуя себя голым: тот, кто устанавливал микрошпионов, знал свое дело, и надо было до конца играть роль ничего не подозревающего человека. Пусть смотрят.

Освежитель действовал прекрасно, озоновый душ — тоже.

Никита причесался, посмотрел на часы: без пяти десять по местному. Не поздно ли идти к Хоону? Впрочем, не может быть, чтобы малые ученые советы заканчивались через час, а знакомиться с населением гостиницы лучше в неслучебной обстановке. Вперед, инспектор!

Дверь открылась.

— Проходите, — раздался мягкий мужской голос.

Никита повиновался.

В комнате, истинные размеры которой терялись в полумраке, разместилось человек восемь, двое из них — женщины. Хозяин стоял у стены и колдовал над светящейся нитью неразвернутого виома.

— Проходите, садитесь, на что найдете, — кивнул Пересвету молодой человек в стандартном костюме планетарной разведки.

Никита искал глазами стул и сел рядом с одной из женщин, лицо которой скрывалось в тени.

Уве Хоон, хозяин комнаты, пригласивший инспектора на «уик-энд» три часа назад, справился наконец со своими таинственными приготовлениями и тоже сел. Световая нить виома развернулась в трехметровое световое полотнище, обрела глубину и цвет, превратившись в изображение Сферы. В группе зрителей послышались ропот, возгласы и смех.

— Это не доказательство, Уве, — укоризненно произнес парень, пригласивший Никиту сесть. — Одну тайну вы пытаетесь объяснить другой. Я не верю, что современные дайсы-аборигены — одичавшие и регрессировавшие потомки строителей Сферы: уж очень значительно их облик отличается от предполагаемого облика древних дайсониян. И, главное, вы не ответили на вопрос: куда ушли сами строители?

— По расчетам, Сфера построена примерно десять-двенадцать тысяч лет назад, — проговорил курчавый бородатый великан, время от времени поглядывающий на соседку Никиты. — Но механизмы, удерживающие ее от распада, как известно, продолжают работать. Неужели вы будете утверждать, что систему охраняют автоматы?

— Это невозможно, — поддержала бородатого женщина, сидевшая в одном из кресел. — Сто лет — допускаю, ну двести, но не десять же тысяч! К тому же характер изменения экосистем на планетах Сферы линеен, а это говорит о непрерывном контроле среды.

— Чисто антропоморфное суждение, — мягко заметил Уве Хоон. — Древние дайсонияне вплотную подошли к пределу совершенствования технических устройств, вы же

знаете выводы экспертов, а нам этот предел пока только снится, хотя его контуры уже вырисовываются. Но учтите: Сфера не изучена и на миллионную долю. Кто знает, какие открытия ожидают нас впереди. Что касается чудес, то их в Сфере хватает. Скажем, вудволлы — теплокровные растения всех трех Дайсонов. Кто не бродил по вудволловому лесу, тот не может по видео оценить его неземного величия и необычности и, главное, ощущения живого! На Земле теплокровные растения не возникли только потому, что раньше по капризу эволюции природой были продуцированы теплокровные животные. Да что я об этом вещаю вам, специалистам!..

Никита вспомнил старинную картину Мэри Оппенгейм «Мех на завтрак»: чашка, блюдо, ложка — и все из меха, как живые! Люди с тонкой нервной организацией долго не могли есть после созерцания картины — настолько поразительно «живое» изображение того, что мы привыкли видеть неживым. А «живые» деревья, кстати, совсем не похожие на деревья, способные, наверное, даже ощущать боль, еще более эффектны.

— Или бхихоры, — продолжал хозяин комнаты. — Разве они не чудо природы! Я, к сожалению, не биолог...

Поднявшийся шум прервал речь Хоона. Снова слышались смех, веселые реплики и шутки.

— Кажется, археонавт Хоон решил поменять профессию, — засмеялся молодой человек, сидящий перед Пересветом.

— На моей родине говорят: пора переквалифицироваться в управдомы, — басом прогудел добродушный толстяк, с трудом умещавшийся в кресле.

— Управдом — это, кажется, у Ильфа и Петрова? — впервые заговорила соседка Никиты. Голос у нее был глубокий, грудной, великолепного бархатного тембра.

Никита окинул ее внимательным взглядом и встретил ответный взгляд, загадочный и томный. Ему показалось, что в глазах незнакомки прячется иронический вызов.

Разговор в комнате стихийно разбился на несколько дружеских пикировок. Молодой человек в форме планетар-

ной службы придвинулся к Никите, но заговорил с его соседкой.

Пересвет вежливо пересел на край дивана и стал смотреть на мерцающий узор Сферы, чувствуя себя лишним.

С расстояния в тридцать миллионов километров Сфера выглядела идеальной твердью с перламутровыми переливами, но Никита знал, что вблизи «твердь» превращается в мелкаячеистую сеть и не выглядит «с иголки»: кое-где на ее боках зияют бреши, над полюсами скопились облака пыли, некоторые участки иногда начинают вибрировать так, что планетоиды не выдерживают напряжения из-за приливных сил, разлетаются на осколки или срываются со своих гнезд в трехслойной оболочке и улетают в космос. Никто не знал, как они удерживаются в строго геометрической сфере, удивительной сетчатой кольчуге, сплетенной вокруг центральной звезды, на расстоянии около десяти километров друг от друга.

Конечно, проектор не давал возможности прочувствовать масштаб Сферы, для этого надо было видеть ее воочию, без технических приспособлений, но психологическое давление чужой мощи уже не покидало тех, кто однажды увидел Сферу и, потрясенный, уловил грандиозность замысла...

Никита почувствовал перемену в настроении компании и прислушался.

Речь шла о других чудесах в системе Дайи, и Пересвет заинтересовался.

Кто-то выключил виом, изображение Сферы исчезло, вспыхнул свет. Никита уловил на себе беглые любопытные взгляды и, в свою очередь, оглядел компанию. Мухаммеда бин Салиха среди них не было.

Уве Хоона он уже видел, а оппонентом ученого оказался великан, лицо которого почти полностью пряталось под мощным волосяным покровом. Рядом на диване — любопытная парочка: молодой человек с нежным лицом и румянцем во всю щеку и пергаментная старуха с живыми умными глазами. Еще одна пара — на пеностульях в углу: седой старик с брезгливо оттопыренными губами и юнец с нашивками суперкарго космофлота на рукаве.

Только теперь Никита смог рассмотреть и оценить свою соседку по дивану.

Девушка была безусловно красива, гибка, грациозна в каждом движении и даже в легком жесте и очень не проста, если судить по ее ответному оценивающему взгляду с глубоко упрятанными ироническими огоньками.

— Друзья, знакомьтесь, — прервал разговоры Уве Хон. — У нас в гостях Никита Пересвет, инспектор по освоению. На Д-комплексе он впервые.

— Константин Мальцев, — первым представился молодой человек с дивана, — эксперт-кибернетик и хороший парень.

По комнате пробежал смех.

— Костя не может без саморекламы, — прогудел, подходя, бородач и сунул Никите широкую ладонь. — Ираклий Валаштаян, инженер похода.

Юноша с нежным лицом оказался работником спасательной службы Михаем Морицем, а старуха — его начальником, то есть начальником группы спасателей, Стефаной Калчевой.

Дошла очередь до красавицы, с которой не сводил глаз ревнивый Мальцев.

— Флоренс. — Девушка встала и оказалась почти одного роста с Никитой. — Психозтик. Можно просто Фло.

Пересвет осторожно взял протянутую с хищной грацией узкую ладонь. На безымянном пальце девушки красовался ажурный перстень из голубого металла со светящимся камнем; казалось, внутри камня запрятан мерцающий огонь — переливы чистых спектральных тонов чередовались в самых причудливых сочетаниях, от чего камень «мурлыкал» светом.

— А меня можно просто Никита, — в тон девушке сказал инспектор. — Очень удачно, что нас познакомили, ведь мне придется работать с вами на всех трех Дайсонах.

— Меня предупредили.

Глаза Флоренс были карие, теплые, с золотистыми точечками — не озера, скорее родники. Если бы не настороженный интерес в них, скрытый иронической полуусмеш-

кой, и не вызов, тоже, кстати, тщательно упрятанный на дне «родников»...

Никита выдержал рукопожатия остальных мужчин и вдруг сквозь общий доброжелательный фон почувствовал, что его пытаются прозондировать в пси-диапазоне. «Вася» отреагировал мгновенно, включив защиту и форсаж своей анализирующей системы. «Нас пытаются прошупать». — «Кто?» — «Не пеленгуется. Излучение узкоспектральное, но не поляризованное».

Гипноизлучение было избирательным, действовало только на Никиту и, судя по реакции защитной аппаратуры, отличалось по спектру от всего того, что предусмотрели инженеры техсектора УАСС. На инспектора повеяло чем-то неземным, нечеловеческим. Впечатление было, конечно, сугубо эмоциональным, но Пересвет доверял как «Васе», так и своей интуиции. Продолжая разговор, он незаметно проанализировал поведение каждого из присутствующих, но все были увлечены беседой, и с точностью сказать, кто из них пытается подслушать его мысли, было нельзя. К тому же приходилось напрягаться, прятаться за барьер воли и пси-защиты и при этом казаться естественно спокойным.

— У вас интересный перстень, — заметил Никита непринужденно.

Флоренс посмотрела на свою руку.

— Найден на втором Дайсоне. Ему около десяти тысяч лет.

— Но, судя по виду, сохранился он великолепно, словно его только что сработали. Или, может быть, его сделали современные дайсы?

Мальцев, ревниво следивший за Флоренс, засмеялся.

— Вы плохо знаете аборигенов, об их разуме спорят до сих пор. Они, по-моему, просто смышленные животные, вроде земных дельфинов, и не более. Для того чтобы сделать такие перстни, нужны развитая промышленность, высокая культура производства и глубокие знания эстетики.

— Перстни — вообще загадка, — пробасил Валаштаян. — Их наверняка сделали древние дайсонииане, строители Сферы. Но, по всем данным, облик дайсонииан одинаково далек как от человеческого, так и от облика дайсов-остро-

витян. Зачем перстень был нужен дайсониянам? В качестве украшения? Но тогда они люди, что противоречит всем гипотезам.

— Это для нас он перстень, — сказал Уве Хоон. — А дайсониянам он мог служить чем угодно: от витаминных добавок к рациону до искусственных зубов. Но Ираклий прав, перстень — загадка, как и наша очаровательная Фло.

Никита с любопытством ожидал ответа девушки, но она только улыбнулась и со вздохом разочарования развела руками.

— Прошу извинить, друзья, мне пора идти, встретимся на очередном «светском рауте». Приятно было познакомиться. — Она бросила взгляд на Пересвета.

Инспектор вежливо поклонился.

— Взаимно. Завтра я навещу вас.

Фон внешнего пси-давления внезапно исчез. Флоренс вышла. Компания зашевелилась и стала расходиться, словно до этого ее сдерживало именно присутствие девушки.

— Вы поздно зашли, — подошел к Никите Хоон. — Мы успели наспориться и выговориться. Кстати, в качестве гида Флоренс будет незаменима, она старожил Д-комплекса, одна из первых облетела все три Дайсона. Заходите по вечерам, бывает интересно.

Никита поблагодарил хозяина каюты и вышел вслед за Мальцевым, который явно потерял настроение. В коридоре кибернетик остановился.

— Как вам наше... общество? — Видимо, он хотел спросить о Флоренс, но передумал.

Инспектор улыбнулся.

— Вполне. Только я не понял, чем занимаются в Сфере спасатели. Ведь эта женщина, Калчева, кажется, начальник группы спасателей?

— Они здесь недавно, всего три дня. На Базе-два произошла серьезная авария, вот УАСС и направило сюда группу для расследования. Где вы устроились?

— Напротив, вот моя дверь.

— А я через три каюты слева, номер одиннадцать. Заходите в любое время.

Константин пожал руку Пересвету и, неловко повернувшись, упал.

— Ходить здесь удобно только босиком, — сказал Никита, скрывая улыбку. — Интересно, как дайсоониане передвигались по таким коридорам?

Мальцев вскочил со смущенным видом.

— Вы еще больше удивитесь, если узнаете, каким был пол коридора десять тысяч лет назад, когда Д-комплекс только что построили. Эта зеленая губчатая масса имела полметра в толщину и была рыхлой, как чернозем! Представляете? Просто за сто веков чернозем высох и превратился в каучук.

Они разошлись по каютам.

Никита еще раз обошел свои апартаменты, настроил микроаппаратуру защиты на появление человека в пределах двадцати метров и уснул, не успев опустить голову на подушку. На вопрос, кто пытался зондировать разведчика и могла ли это быть Флоренс Дженнифер, «Вася» не ответил.

Д-КОМПЛЕКС

Неподслушанный разговор

— Прибыл некто Никита Пересвет, агент Даль-разведки, инспектор по освоению планет. Займитесь им.

— Уже занялся, как и всеми, кто прибывает в Сферу в последнее время. С виду обыкновенный работник, стандартно мужественный и ограниченный рамками уставов и служебных инструкций.

— Не торопитесь с выводами, в этом человеке дремлет сила. Необходимо проверить его по вашим каналам.

— Я его не знаю, ни разу не встречал в погранслужбе и вообще в управлении.

— Это не аргумент. Он может оказаться законспирированным агентом, работающим по спецзаданиям. Даю два дня на документальную проверку.

— Легче провести пси-зондирование.

— Только в том случае, если не помогут обычные сред-

ства. Но для подстраховки реактивируйте двух наблюдателей типа «тень».

— Три наблюдателя типа «волос» уже находятся в его каюте, хотя... один из них почему-то не отвечает на вызовы.

— Проверьте, но не рискуйте. Отдел безопасности УАСС не пошлет сюда любителя, а экзопрофессионал способен на многое, о чем мы еще не догадываемся. Что у вас еще, помимо рутин-информации?

— В систему скоро должна прибыть группа риска степени «АА». Это особая группа, укомплектованная специалистами из сектора контактов-конфликтов отдела безопасности.

Молчание. Собеседники одновременно получили сигнал предупреждения, но сигнала тревоги не последовало. Тишина длилась несколько минут, полная абсолютная тишина безвоздушного пространства: собеседникам воздух для разговора был не нужен, потому что один из них не был человеком, а второй находился в скафандре.

— Это тревожный факт, я доложу о нем Продавцу. Теперь о главном. Операцию необходимо форсировать, люди должны уйти из системы в крайнем случае через месяц, больше Клиент ждать не станет. Готовьте акцию «природа».

— Коэффициент самостоятельности?

— Ноль девять. Количество жертв — до десяти.

— Не мало? Форсированный вариант не ограничивает количественные характеристики терактов.

— Тем не менее делайте то, что я сказал. О появлении и передвижении вашей группы риска «АА» докладывайте каждые шесть часов, о действиях Пересвета — раз в сутки. Сомнения относительно вашего реноме?

— Нет. Иначе мне перестали бы давать задания как офицеру погранслужбы. Но о передвижении группы «АА» я докладывать не смогу: никаких подробностей о функциях этой группы, а также о составе и координатах каждого ее члена не знаю.

— Узнайте. По возможности меньше показывайтесь на глаза Пинаеву, он не экстрасенс, но обладает богатой интуицией. Что ему известно из того, что известно мне?

— Не имею информации.

— Плохо! Это минус вашей оперативности, землянин, что равносильно вычету из гонорара. Я вынужден опираться на данные суточной давности, а за истекшие сутки отдел безопасности мог поменять установки своим агентам.

— Калашников не Продавец. — Ирония ответа была очевидна. — Люди в подобных ситуациях не принимают решений, не опирающихся на проверенные сведения, тем более руководители такой фирмы, как контрразведка отдела безопасности. Можете не беспокоиться, они считают, что на Д-комплексе проснулась его кибохрана, в программе которой произошли необратимые изменения.

Полуминутное молчание.

— Хорошо. Учтите мои замечания. Отбой связи.

Разговор закончился.

САВВА КАЛАШНИКОВ

В кабинете было свежо.

Калашников поехал и наугад набрал на столе-пульте шифр видеопласта — кабинет превратился в салон крейсера Даль-разведки.

— Контроль вечерних распоряжений.

— Пинаев вызван на девять ноль-ноль, — лаконично доложил киб-секретарь. — Отдел кадров предупрежден о подборе кандидатур и готовит ответ к десяти. Симушир вызван на одиннадцать. Австралия — на половину двенадцатого. Экспертная медкомиссия готова к работе в Сфере. Вылет в пять часов вечера. Представитель Даль-разведки ждет вызова. Оперативное совещание у директора отменяется, но он просил вас позвонить в четверть одиннадцатого.

— Где Рудаков?

— Он на американском материке, ведет дело «Невада-девяносто».

Хозяин кабинета бегло просмотрел строки бланк-сообщений, ползущие по матово-черной доске стола, и прошелся по кабинету, сцепив руки за спиной.

Был он коренаст, с виду медлителен; лицо тяжелое, с крупным носом и светло-серыми глазами; пристальный взгляд,

твердый, властный и жесткий, выдавал в нем натуру сильную и незаурядную. Выгоревшие волосы Калашников зачесывал налево, скрывая шрам за ухом. Одевался он почти всегда в серо-синий комби — официальную форму работников управления — и не снимал его, по слухам, даже дома.

Дважды обойдя «салон крейсера» по периметру, начальник отдела снова сел за стол и, преодолевая внутреннее сопротивление — чисто психологический эффект включения в новое расследование, — принялся за анализ данных.

Сфера Дайсона была открыта полтора года назад. Спустя полгода в ней начала работу первая экспедиция, базирующаяся на крейсере Даль-разведки «Сахалин». Еще через три месяца базу переместили на Д-комплекс — станцию древних строителей Сферы, установили на ней метро, связавшее систему с Землей. Странные происшествия в Сфере начались спустя год и два месяца после открытия колоссального сооружения и образования разветвленной сети баз и лагерей экспедиции возле всех объектов системы.

Сначала исчез без вести один из физиков, исследовавших внешнюю оболочку Сферы. Затем заболели странной болезнью два археонавта на Дайсоне-3 — оба утратили память вплоть до эмпатического уровня, то есть перестали осознавать себя как личности.

Сошел с ума заместитель директора научного центра по хозяйственной части: им овладел страх закрытого пространства, переросший в жуткую форму мании преследования.

Заболел инженер по обслуживанию таймфага — кровь у него стала белой как молоко! Вывод медиков: внезапное исчезновение фермента липопропротеидлипазы. Еще один случай потери памяти у биолога на Дайсоне-2. За дело взялась медицинская комиссия погранслужбы Даль-разведки, но странные события продолжались, множились, росли как снежный ком: заболели хиломикронезией еще двое исследователей, инженер-виомист выбросился из модуля в космос без скафандра, начальник группы биологов сбежал на Землю, где его с трудом нашли и уговорили лечь в клинику.

Отдел безопасности УАСС подключился к работе, когда медики погранслужбы констатировали свою беспомощность в постановке общего диагноза происшествий. А странные

события, озадачив медицину, перекочевали в другие области науки и человеческих отношений.

Взрыв на Д-комплексе с использованием электрофакельного разрядника. Пропажа десантного модуля. Исчезновение оборудования экспертов, исследующих узлы оболочки Сферы. Отказ от работы автоматических исследовательских комплексов типа АРТ на Дайсоне-2. Варварское уничтожение вудволлового леса на одном из архипелагов Дайсона-3. Авария на топливно-ресурсной базе БРБ-2. И, наконец, случай с Норманом Хамфри, взявшимся за расследование дела.

Калашников с минуту сидел, вспоминая, при каких обстоятельствах был обнаружен Хамфри, потом вызвал Дориашвили.

Заместитель начальника отдела по науке и технике явился через две минуты, подтянутый, внимательный, аккуратный. Вежливость его не имела пределов, хотя между ее оттенками он умел и пошутить, и поставить человека на место, и выразить уважение.

— Пора включать «спрут»¹, — сказал Калашников. — С сегодняшнего дня начинаем развивать операцию «Сфера» всеми секторами. Пограничники не справляются с анализом ситуации, нужен компьютерный анализ на больших машинах.

— Мы готовы, — сказал Дориашвили. — Наверное, на начальном этапе операции нужен информирующий «спрут».

— Координирующий тоже, но с ограничением подуровней — не ниже начальников отделов. Садись, начнем разбираться.

Оба недели эмканы связи с компьютером и с его помощью разбили происшествия в Сфере на три группы: относящиеся к медицине, «уголовно-процессуальные»: «воровство» модуля, оборудования, личного имущества исследователей — и «диверсионно-террористические». К девяти часам отпали первые версии дела и родились новые. Калашников зафиксировал свои размышления и замечания Дориашвили в памяти машины, отпустил зама и снова пошел кругами по кабинету.

¹«Спрут» — единая система компьютерной связи.

Пинаев пришел ровно в девять ноль-ноль, но не один, а с Германом Косачевским, директором УАСС.

— Я его перехватил по дороге, — сказал Косачевский, здороваясь. — Хочу познакомиться и получить сведения из первоисточника.

Калашников указал гостям на кресла.

Ждан Пинаев работал в пограничной службе Даль-разведки уже три года. Был он невысок, но широкоплеч, плотен, стремителен. Хороший спортсмен, владеющий приемами рукопашного боя, предпочитающий, однако, футбол всем остальным играм и видам спорта. За три года он успел зарекомендовать себя умелым и решительным работником, знающим цену риску. Может быть, он бывал слишком азартным и напористым, что иногда отталкивало от него людей, но за последний год он научился владеть собой в достаточной мере, изменил манеру поведения до мягкой, деликатной и в то же время по-особому решительной и снискал славу человека слова, умеющего ценить юмор и скрывать взрывную азартность натуры.

Лицо у Пинаева было скуластое, смуглое, голубоглазое, живое, хотя он все время старался придать ему невозмутимое выражение.

— Донесения погранслужбы я читал, — сказал Калашников, покосившись на Косачевского. — Но Совет безопасности счел нужным подчинить операцию нашему отделу. Вы будете работать непосредственно со мной. Что нового появилось за последние сутки?

— Все тихо, если не считать протестов ученых против сокращения программы исследований.

— Мне пришла целая петиция из научного совета Даль-разведки, — проговорил Косачевский без улыбки. — Десять подписей, академики и доктора наук. Просят объяснить решение Совета безопасности о сокращении научного десанта.

— Речь идет только о человеческом контингенте.

— Они правы, одной автоматикой, комплексами ИКО и АРТ¹ в Сфере не обойтись. Тем более что планетарная АРТ

¹ИКО — исследовательский орбитальный комплекс; АРТ — автономная система адаптивной робототехники.

по неизвестным причинам отказывается работать. Какова численность отряда в настоящее время?

— Тысяча сто восемь человек. На Дайсонах около семисот, сто двадцать на орбитальных базах, двести исследуют оболочку Сферы, а остальные — Д-комплекс.

— Вчера вечером прибыли еще четверо, — сказал Пинаев. — Агент по освоению планет из квартирнерского сектора Даль-разведки и трое врачей. Прошу разобраться, кто дал санкции на пропуск в Сферу агента по освоению, если еще не решили вопрос проведения исследований в полном объеме.

Калашников встретил взгляд Косачевского.

— Разберемся. Новости по ТРБ-два?

— Расследованиями аварии занимаются Калчева и Мориц, объем поступившей информации невелик. Через сутки доложу о результатах собственного поиска.

— Подключите к спасателям своего работника.

— Уже работает.

— Как продвигается расследование дела Хамфри?

Пинаев помолчал, перенимая манеру поведения собеседников.

— Опрос его друзей и всех, кто имел с ним дело, не выявил никаких проявлений или предрасположения к патологии. Его помешательство внезапно.

— Как и вся эта чехарда в системе, — пробурчал Косачевский.

Калашников вопросительно посмотрел на него.

— Когда началась цепь событий в Сфере? — спросил в ответ директор Управления спасателей. — Сразу после появления в ней человека или нет?

— Год спустя.

— Причем внезапно, так? Не говорит ли это о какой-то эпидемии?

— Может быть. — Калашников прошелся по кабинету. — Но не думаю. Кроме случаев, относящихся к компетенции медицины, есть и другие.

— Но тогда ваша версия об охранной автоматике Сферы отпадает. Она должна была сработать сразу после появления человека, а не год спустя.

— Эта версия пущена в ход для дезинформации тех, кто

работает под охранную автоматику. Тем не менее охрана жизненно важных центров Сферы существует. Я провел анализ происшествий и вот к чему пришел. Все странные случаи делятся на три группы: медицинскую, или эпидемическую, «уголовно-процессуальную» и «диверсионно-террористическую». — Калашников хмуро усмехнулся. — Не думал, что когда-нибудь придется прибегнуть к терминологии прошлого века: диверсия, террор, провокация, воровство... Каждая из групп происшествий обособлена, но не настолько, чтобы не иметь общего знаменателя. Согласен, в одних случаях мы были свидетелями работы сторожей Сферы, в других — жертвами собственной неосторожности, в третьих — что касается «краж со взломом и без» — нельзя исключить любопытства дайсов, братьев наших меньших, которым забрезжила заря цивилизации. Но случай с Норманом Хамфри нельзя объяснить никаким помешательством, в этом деле все странно: внезапность, эта дикая, бессмысленная бойня, которую он учинил, затем последующая потеря памяти... Вирус неизвестной болезни? Не исключено. Но у меня другое мнение.

— Медэксперты считают, что вирус здесь ни при чем, — тихо сказал Пинаев. — На шее Нормана найден след укуса виброкрыла, но в ранке, кроме слюны виброкрыла, действующей как наркотик, обнаружен препарат, не поддающийся идентификации.

— Интересно, — медленно проговорил Косачевский.

— Препарат может оказаться фикцией. — Калашников остался спокойным. — То есть, я хотел сказать, компонент слюны. Нужны дополнительные исследования в этом направлении. А в остальном... напрашивается тревожный вывод.

— Я догадываюсь, — сказал Косачевский. — В Сфере действуют чужие разумные существа.

Калашников кивнул.

— Вирус? Не исключено. Охранная автоматика — тоже. Кто-то из людей внезапно сошел с ума? Не исключено и это. Но все же ближе к истине — негативное вмешательство чужих носителей разума. Единственное, что непонятно, — цель этого вмешательства.

— А что, если вернулись хозяева Сферы? — вырвалось у Пинаева. — Ее конструкторы и строители?

Калашников и Косачевский одновременно посмотрели на него и переглянулись.

— Надо подумать, — сказал Калашников спустя минуту. — Мысль неожиданная. Весьма. Надо подумать.

Пинаев переменял позу, порозовел под взглядами.

— В последнее время мне почему-то кажется, что деятельность моей группы... м-м... находится под контролем.

Калашников молча ждал продолжения.

— Может быть, это чисто субъективное ощущение, — заторопился Пинаев, — но избавиться от него я не могу.

— Факты?

— Их нет. Экстрасенсорное восприятие... мысленное эхо типа «взгляд в спину»...

Директор УАСС, в свою очередь, нахмурился, хотел что-то сказать, но передумал.

— Примем к сведению, — сказал Калашников. — Если подозрения подтвердятся, поговорим об этом подробнее. Попробуйте проанализировать свои ощущения: в каких ситуациях они возникают чаще всего, кто при этом находится рядом с вами, особенности окружающей обстановки и так далее. Поняли? Остров, где нашли Хамфри, обследован?

— Обследован весь архипелаг, следов присутствия других людей много, но идентифицировать их не удастся. По предварительным данным, на острове совершал посадку модуль типа «Коракл», обнаружены следы пятерых человек давностью до двух суток и еще троих давностью две недели. Это все.

— А как Норман? — спросил задумавшийся Косачевский. — Удастся его вылечить?

— Нет. Он в клинике нервных заболеваний на Симушире. Врачи выяснили, что у него стерты альфа- и гамма-уровни памяти, что равносильно смерти личности. Восстановить память невозможно.

— Каким образом можно стереть память до гамма-уровня?

Калашников развел руками.

— Если это не вирус, о котором медицина наша ничего не знает, то остается одно средство — амнезотрон.

Косачевский легонько хлопнул ладонями по подлокотникам кресла и встал.

— Не буду больше вас отвлекать. После инструктажа прошу ко мне в кабинет.

Калашников проводил директора взглядом, сел за свой стол и отхлебнул из стакана зеленый пенящийся напиток.

— Хотите?

Пинаев покачал головой.

— С утра не пью.

Они обменялись понимающими полуулыбками. Оба сразу понравились друг другу. Потом начальник отдела посмотрел на часы и заторопился.

— Комплекс задач, поставленных перед вами, остается прежним. Присматривайтесь к людям, наметьте, кто по роду деятельности может быть связан со всеми происшествиями. Параллельно с вами будет работать еще один специалист, но об этом должны знать только вы. Если появится необходимость, он сам найдет способ связаться с вами. Теперь такой вопрос: вы хорошо знаете своих людей?

Пинаев растерялся.

— Отбором кандидатур занимался зам по кадрам погранслужбы, не согласовывая этот вопрос ни с кем. Я лично работал только с двумя: Ираклием Валаштаяном и Кириллом Изотовым. Ираклий сейчас в пятерке Салиха, а Изотов сам руководит пятеркой.

— Хорошо. Присмотритесь ко всем по мере возможности. Меня интересуют их личные качества, степень самостоятельности, инициатива. Связь в обычном порядке. Вопросы?

Пинаев помялся, легкая краска снова легла на его щеки.

— Не знаю, откуда дует ветер... и как могло случиться... что об этом узнали... Короче, по Д-комплексу ходят слухи, что в Сферу прибыла из вашего управления специальная группа «АА».

Калашников улыбнулся, хотя лицо его при этом не потеряло своей твердости и внутренней силы.

— Пока это просто «утка». Группа риска «АА» будет работать в Сфере, когда возникнет необходимость. В нее войдете и вы... если, повторяю, понадобится.

У Пинаева, очевидно, были еще вопросы, недоумение его не рассеялось, но сдерживать себя он умел.

— Разрешите идти?

Калашников вышел из-за стола и подал руку.

— До связи, капитан. Работа очень серьезная, учтите, контакт с чужим разумом в таком аспекте не просчитан никем, в том числе и нашими прогнозистами.

Пинаев четко повернулся, подтянутый, гибкий, крепкий, и вышел, чуть косолапя, что казалось несовместимым с его спортивной стройностью и грацией.

Начальник отдела задумчиво прошелся по кабинету, прикидывая, кого назначить координатором операции в Сфере, и в это время посреди кабинета развернулся виом связи с директором. Косачевский, длинный, костистый, худой, с двумя седыми пятнами в волосах, непроницаемо-ровный, смотрел на Калашникова, чуть прищурясь, из-за своего директорского пандарма.

— Пинаев ушел?

— Только что.

— Понимает ли он, что расследование необходимо вести быстро, но тактично, без ошибок? Если все происшествия в Сфере суть действия чужих, то напрашивается интересный вывод: нас пытаются выпихнуть из Сферы, имитируя реакцию природы и кибертехники древних дайсониян на наше вторжение.

— Сформулировано жестко, — сказал Калашников, — на грани фола. Эксперты эту гипотезу забракуют — нет качества достоверности. Да и я, признаться, не вижу причин, по которым нас, землян, следует выгонять из Сферы. Законы эко-этики и психоэтики мы соблюдаем неукоснительно.

Косачевский кивнул.

— Это самое слабое место гипотезы, но мне не нравится, что нас словно тянут, провоцируют на силовую борьбу. Все события взаимосвязаны и четко отделимы, и нет времени на раздумья, скрупулезное исследование причин и контриггу. Поэтому людей для работы в системе Дайи надо отобрать жестко. Ждан Пинаев — неплохой работник, но слишком молод и не обладает достаточным опытом. К тому же мне не нравится его нервозность, вернее, чувствительность к «взгляду в спину». Это симптом ненадежности нервной системы.

— Он не интрасенс, но хороший интуитив.

— Вот как? — Директор УАСС приподнял бровь. — По-

чему я не знаю об этом? В личном деле не сказано, что он интуитив.

— Информация подобного рода не должна просачиваться за пределы медкомиссии погранслужбы, отдела кадров и непосредственно начальства, к которому мы не относимся. А Ждан не только интуитивен, но и владеет приемами психозащиты. Из пограничников это наиболее подходящая кандидатура для работы в Сфере.

— Тогда удачи ему, да и всем нам в этом деле. Меня не будет до трех часов дня, приеду из ВКС — вызову.

Виом вернулся в линию и угас.

Калашников сел за стол, включил отработку накопившейся информации. Его решений ждали десятки других дел и забот, связавших отдел безопасности УАСС со всеми планетами Солнечной системы и планетами других звезд.

Д-КОМПЛЕКС

Неперехваченный радиодialog

— Пинаев вызывал Калашникова. Их разговор вывести не удалось.

— Он часто бывает на Земле?

— Всего второй раз за десять дней. Обычный способ связи с погранслужбой — бланк-сообщения, закодированные личным кодом Пинаева.

— Возможность перехвата и дешифровки?

— Ноль.

— Мне не нравится категоричность ваших ответов, землянин, вам бы следовало быть гибче в решении эмпатий, ибо от этого, напоминаю, зависит ваш гонорар. Продавец недоволен нашей деятельностью, быстрее отрабатывайте задания. Что слышно о группе «АА»?

— Ничего. Ее цель, методы работы и штатная структура неизвестны. По косвенным данным, она прибыла в Сферу не стационарным ТФ-каналом, а на спейсере УАСС «Печенег», но кто командир, сколько в ней человек... сведений нет.

— Еще минус вашей оперативности, землянин. Я выну-

жден просить помощи у Продавца, уменьшая тем самым свой гонорар.

— Не очень-то кичитесь своей ловкостью, уважаемый неземлянин. Против вас работают профессионалы безопасности, а не дилетанты, и опыт работы у них громаднейший.

— А вас это радует? Даю сутки на поиск необходимых данных. Активизируйте вариант: два робототехника людей на втором Дайсоне должны выйти из строя.

— Я уже занимаюсь этим, но мне нужна помощь. По перехваченным переговорам руководства центра исследований Сферы с Землей можно сделать вывод: Даль-разведка вышла на систему Клиента.

— Хоп! — воскликнул собеседник. На самом деле его радиовозглас передать адекватно человеческой речью или эмоциональным восклицанием было абсолютно невозможно, поэтому смысловая нагрузка разговора передается в вольном переводе. — Доказательства?

— Будут завтра-послезавтра.

— Продавец не обрадуется. Это случайная экспедиция или планируемая?

— Пока не знаю. Но земляне с Клиентом не скоро установят контакт, пока Клиент находится в состоянии ожидания войны. Обычная процедура глубокой разведки длится около года, мы успеем закончить работу здесь. Еще одно сообщение: Пинаев усиливает нажим расследования аварии на ТРБ-два и случая с Норманом Хамфри. Боюсь, он докопается до истины.

— Подготовьте остров к уничтожению, а с ТРБ-два... подумаем. Возможно, уничтожим и ее. Конец.

— Отбой связи.

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Два дня он мотался по трем планетам Сферы, вовлекая в свою деятельность десятки других людей исследовательского центра, преимущественно планетологов, экологов, биологов и экспертов-физиков.

В его обязанности как агента по освоению входило оп-

ределение экономических затрат на строительство сооружений и эксплуатацию коммуникаций, перспектив развития исследовательских и промышленных комплексов, природоохранных мер, учет состояния и динамики среды, а также главное — экологический прогноз, то есть расчет экологических тенденций изменения среды в результате антропогенного воздействия.

Конечно, один он не справился бы с такой работой, но инспектор имел право привлекать по мере надобности любых специалистов и делал это со спокойной совестью. Единственной, кого он избегал трогать, была психозитик Флоренс Дженнифер, в обязанности которой входил анализ диффузии человеческой культуры, направленности освоения Сферы, возможного потока загрязнения и нарушений инфраструктуры. Никита знал, что Флоренс уже составила уравнение хомодинамики, экстраполяционный прогноз-предупреждение и определила порог вмешательства человека, но не торопился знакомиться с результатами ее работы, предпочитая составлять картину событий без предвзятости и навязанных мнений.

Планеты Сферы не имели орбитальной инфраструктуры, как Земля и планеты Солнечной системы, не были опутаны сетью спутников и станций. То ли все спутники за десять тысяч лет попадали на поверхность, то ли дайсонские вообще их не запускали, но это обстоятельство облегчало работу всем.

Никита изучил карты электромагнитного сканирования поверхности Дайсона-1, данные гравизондажа и Т-съемки температурных полей и занялся анализом распределения суши в океанах планеты.

Дайсон-1 не имел материков, как и две другие планеты-сестры, только несколько островных архипелагов общей площадью с земную Евразию. Элементный состав воздуха, горных пород, вод океана и рек всех трех планет был близок к земному, однако почти все элементы по отношению к земным были изотопами. Так, содержание кислорода-18 в воздухе Дайсонов достигало двух процентов по отношению к общему объему, азота-16 к «нормальному» азоту-14 — семь процентов, а так как эти изотопы были радиоактивны, то

исследователям приходилось принимать специальные меры, чтобы вывести радиоактивные «шлаки» из организма при дыхании: скафандрами пользовались только в тех случаях, когда опасность превышала допустимую норму.

На Дайсоне-1 работало пять исследовательских отрядов: коммуникаторы-экзосоциологи, терпеливо изучающие жизнь, быт и нравы современных дайсов, археонавты, занятые изучением остатков культуры исчезнувшей древней цивилизации, два отряда биологов и планетологи. Каждый отряд имел автономную мобильную базу, расположенную на одном из крупных островов, свободном от поселений дайсов-островитян, и общую топливно-ресурсную базу — ТРБ-1 на орбите вокруг планеты. Все базы имели собственное метро, и посетить их не составляло труда.

Занимаясь как агент по освоению заданием Даль-разведки, Никита одновременно изучал жизнь Сферы и накапливал информацию, необходимую для дальнейшего развертывания основного задания.

Попытки пси-зондирования личности инспектора пока не повторялись, его приняли в коллективе на правах молчуна, умеющего в нужный момент тонко пошутить и оценить достоинства выдвигаемой гипотезы.

«Малый ученый совет» в каюте Уве Хоона заседал с завидным постоянством, гости менялись, хотя костяк компании оставался прежним. Никита с интересом выслушивал азартные споры молодых исследователей на темы, волнующие всех: облик древних дайсо-ниан, способы их общения, зачем они построили Сферу, почему ушли, достигли они высот социального развития или уничтожили себя в разрушительной войне...

Контакты подобного рода были полезны Пересвету не только с точки зрения конкретных целей разведки, они позволяли ему оценить общую психологическую обстановку межчеловеческих отношений в Сфере, в том числе отношений человека с фауной и флорой планет, с техникой дайсо-ниан. Насколько он понял, несмотря на происшествия, заставившие включиться систему космической безопасности, исследователи сохраняли спокойствие и продолжали заниматься делом. А таинственная деятельность неизвестного

фактора, метко названного Калашниковым «фактором ДС» — «деятельностью сатаны», продолжалась.

На второй день пребывания Пересвета в Сфере на Дайсоне-1 произошел колоссальный взрыв, уничтоживший остров, на котором неделю назад произошла темная история с инспектором отдела безопасности Норманом Хамфри. Никита узнал о взрыве из сводки спасателей, без промедления занявшихся расследованием причин катаклизма. Такие сводки получали только три человека в Сфере: директор исследовательского центра Нагааны Даваа, секретарь директора Каспар Гриффит, ответственный за соблюдение норм экоэтики поселений землян в Сфере, и офицер погранслужбы Даль-разведки Ждан Пинаев. О том, что еще один человек — Никита Пересвет — имеет доступ к закрытой информации следственной группы УАСС, руководимой Стефаной Калчевой, знали только на Земле, в отделе безопасности Управления аварийно-спасательной службы.

Вечером в каюте Уве Хоона было высказано много гипотез о причинах взрыва на Дайсоне-1. Вулканизм отпадал, все три Дайсона оказались идеальными планетами земного типа с угасшей вулканической и сейсмической деятельностью. Падение болида тоже исключалось: пространство Сферы было чисто и прозрачно, если не считать пылевых облаков у полюсов эклиптики, да и локаторы земных автоматов-наблюдателей у всех трех планет не отметили метеорных тел. Оставалась еще одна версия — разряд электрического кармана, но и она не выдерживала критики с точки зрения мощности взрыва. Атмосферы Дайсонов были насыщены электричеством, их недра тоже, и острова планет служили как бы изоляторами для обкладок колоссального конденсатора. В результате неравномерного распределения проводящих электрический ток пород на островах в их глубинах образовывались электрические аномалии — карманы, которые иногда спонтанно разряжались: чаще в глубь планет, реже — в атмосферу.

Присутствующие у Хоона не знали результатов обследования места взрыва. Пересвет знал, но не вмешивался в спор. Для него было ясно, что в действие снова вмешался «фактор ДС», потому что никаких электрических аномалий

в районе острова Хамфри эксперты не обнаружили, зато по характеру взрыва и остаточной радиоактивности определили, что в этом месте вполне мог быть инициирован разряд МК-баллона: МК-баллон представлял собой мини-коллапсер — «черную дыру» в силовой упаковке — и служил генератором энергии для машин звездного флота человечества.

Утром Никита Пересвет встретился с Каспаром Гриффитом в резиденции исследовательского центра, занимавшей три помещения Д-комплекса на десятом горизонте, уже более или менее обследованном земными инженерами и учеными. Первое помещение служило приемной, где работали заместители директора и секретарь — у каждого был свой драйв-пульт и стояла аппаратура киб-анализа и координации работ. Второе помещение занимал директор, а третье — информационно-вычислительный центр, метко названный кем-то из острословов «дум-бункером».

Каспар Гриффит оказался флегматичным здоровяком с безмятежным взором бесцветных глаз, упрятанных под мощные надбровья. Он был одет в точно такой же комбинезон, что и Пересвет, только на рукаве вместо кирки на фоне палатки — эмблемы сектора освоения планет красовалась эмблема сектора экоэтики — смеющаяся мордочка зайца.

«Каспар Гриффит — канадец, доктор экологии, — прошелестел в ухе шепоток «Васи». — Сорок семь лет, полгода назад считался без вести пропавшим в экспедиции Славича к Цератопсу — гамме Рыси. Работал в системах Сириуса, Щита-В, дзеты Кормы Корабля. Назначен секретарем в Сферу приказом директора Даль-разведки после рекомендации СЭКОНа. Не женат. Осторожен, рассудителен, строго придерживается установленного распорядка жизни. — «Вася» помолчал две секунды и добавил, словно сомневаясь: — Скрытен. Возможно, характер имеет «двойное дно».

Никита усмехнулся в душе. «Вася» был запрограммирован так, что чуть ли не в каждом человеке подозревал натуру двойственную и коварную.

Гриффит был старожилом, поскольку находился в Сфере уже полгода и знал о ее особенностях больше, чем Пересвет.

Они поговорили об обязанностях агента по освоению,

определили круг задач, которые должны были решать совместно, хотя Никита все время чувствовал какую-то неуверенность в поведении собеседника. Наконец он прервал речь и спросил напрямик:

— Вас что-то смущает? Мне кажется, вы все время сомневаетесь. В чем?

— А вас разве ничего не смущает? — ответил вопросом на вопрос Гриффит. — Разве вы не знаете обо всех этих происшествиях на планетах?

— Вы о взрыве на первом Дайсоне?

— И о взрыве тоже.

— А не могли взорвать остров сами дайсы-островитяне?

Доктор экологии вежливо улыбнулся.

— Цивилизации дайсов-островитян как таковой не существует, их культура в самом начале пути. Энергопотребление современных аборигенов составляет около двух тысяч калорий в сутки — это уровень земного каменного века.

— Тогда что же там взорвалось?

— Этот вопрос адресуйте соответствующим службам, в Сфере крутятся спасатели и безопасность. — Голос Гриффита оставался ровным, но «Вася», не дремлющий ни днем ни ночью, почему-то счел возможным вставить слово «хитрит».

Разговор перешел в узкоспециализированную область экоэтики, причем Никите показалось, что его очень квалифицированно и тонко экзаменуют, но так ли было на самом деле, сказать с уверенностью он не мог.

Беседа закончилась напутствием Гриффита «заболеть» красотой природы Дайсонов и взять в проводники специалиста по психоэтике Флоренс Дженнифер.

— Весьма примечательная женщина, — сказал Гриффит, улыбаясь, превратив глаза в щелочки. — Во всех отношениях. Лучшего гида вам не найти. Да и специалист она неплохой, а вам, как квартирному, еще придется с ней работать.

Никита хотел сказать, что он уже знаком с мисс Дженнифер, но промолчал. Ему стало казаться, что кто-то пытается осторожно «заглянуть в его мысли», хотя «Вася» мол-

чал, да и микроаппаратура экспресс-анализа отмечала лишь обычный пси-фон небольшого скопления людей.

Флоренс на Д-комплексе отыскать не удалось, она в данный момент находилась на третьей планете Сферы, в экспедиции Уве Хоона, но Никита мог попасть туда только через карантин-блок главной базы, расположенной в переоборудованном помещении первого горизонта Д-комплекса. Пришлось сначала пройти карантинный контроль.

Инспектор, уже освоившийся с техникой первых исследованных горизонтов станции, поднялся в метро, полюбовался сиянием Сферы и, следуя указателям, нашел блок карантин-контроля.

Помещение блока разделялось прозрачной перегородкой на два кабинета. В первом стояла пирамида автокартотеки и стойка прямого ввода данных, во втором, оборудованном пеномагнитной мебелью, располагались стол-пулт, стационарный диагнометр и медицинский комбайн.

Навстречу Никите вышел вежливый молодой человек в голубом полукомби с эмблемой медсектора. Пересвет назвал себя. Дежурный врач набрал шифр на стойке, через несколько секунд получил медицинскую карту инспектора и вставил в щель приема. На панели стойки перемигнулись зеленые огоньки.

— Очень хорошо, — сказал молодой врач. — Никаких противопоказаний к работе в условиях повышенной радиоактивности. Но контроль есть контроль. Пройдите, пожалуйста, сюда.

Никита миновал перегородку, разделся до пояса и встал на ребристую пластину в нише медкомбайна. Свет в комнате погас. В нише зажглись слабые красные линии, оконтуривая протянувшиеся к пациенту манипуляторы с чашечками биодатчиков. Под черепом щеотно «потянуло сквозняком» — включились ультразвуковые сканеры кровеносных сосудов, потом радиопрожектор, физиологические датчики, детекторы нервной нагрузки, анализаторы состояния и прочая мудрая и сложная медицинская техника.

«Вася», лишенный дополнительных рецепторов при снятом костюме, скованный мысленным приказом «сидеть и не рыпаться», а потому сердитый, как человек, которому

мешают работать в полную силу, дважды сообщил данные о молодом враче, хранящиеся в оперативной памяти, и замолчал.

Прошла минута. В левом предплечье кольнуло. Никита встревожился. Почему так долго? Что за укол? Обычный анализ состояния длится секунды. Что-то не в порядке со здоровьем? Чушь!

С тихим щелчком манипуляторы втягиваются в глубь машины, вспыхивает свет. Инспектор с облегчением покидает нишу, натягивая рубашку и комбинезон.

— Ну что?

— Норма, — роняет врач. — Вот ваш бланк. Я ввел вам комплексную прививку, которой хватит на месяц. Через месяц, если вы еще будете здесь работать и ничего не случится, повторим процедуру.

— Что за прививка? У меня общая АВБ.

— Стимулятор компенсации кислорода и газообмена и антирадиационная сыворотка. Изотопный состав атмосферы планет Сферы отличен от земного. Всего вам доброго.

— И это все? — разочарованно спросил Никита.

Врач рассмеялся.

— Вам одного укола мало? Могу добавить. В атмосфере Дайсонов гибнут все без исключения бактерии-симбионты человеческого тела, а остальных микробов, несущих болезни, я добил. Теперь вы безопасны для жизни планет... если только не станете хвататься за оружие без надобности.

Пересвет улыбнулся в ответ и покинул карантин-блок.

Переход с основной базы в лагерь археонавтов на Дайсоне-3 был несложен: вошел в кабину метро и вышел из такой же кабины уже на поверхности планеты, поэтому полюбоваться ландшафтом с высоты не удалось.

Его никто не встречал. Рабочий день в лагере уже начался, и все работники занимались своими делами. Однако не успел инспектор выйти в кольцевой коридор, опоясывающий ядро базы — диспетчерский пункт, административно-хозяйственные службы, метро, управленческий аппарат с кабинетом директора, — как навстречу из двери диспетчерской вышел старый знакомый, пограничник из отряда Пинаева, Мухаммед бин Салих. Пересвет поздоровался пер-

вым, отметив, что простодушное удивление Салиха — не более чем маска. Если первая их встреча на Д-комплексе могла быть случайной, то вторая «случайность» исключалась: Салиху, по легенде — инженеру похода, нечего было делать в лагере археонавтов.

Никита почувствовал досаду и неудобное, раздражающее ощущение несоответствия своего положения реальному раскладу сил: пограничники Пинаева, расследуя происшествие в Сфере, заподозрили новенького, хотя к этому не было никаких причин. За два дня Никита не мог раскрыться, каждый вечер он анализировал происшедшие за день события и свое поведение и не обнаружил ни одного прокола. Даже пси-зондирование в комнате Уве Хоона он выдержал без особого напряжения. Ситуация складывалась забавная и не предусмотренная прогнозом: агента отдела безопасности с особыми полномочиями решил прощупать офицер погранслужбы, не зная, что он выполняет аналогичное задание, только на другом уровне. Хотя, мелькнула мысль, может быть, это просто самодеятельность Салиха?

— Мир тесен, — произнес, улыбаясь одними губами, Салих. — Добрый день, квартирьер. Вы уже приступили к детальному анализу суши?

— Только собираюсь, — сдержанно ответил Пересвет. — Решил пощупать планету своими руками, прежде чем начать работу. К тому же мне сообщили, что вчера произошел взрыв на одном из здешних островов. Любопытно было бы взглянуть и поговорить с экспертами. Будет весьма неприятно, если мы заселим острова, а они начнут взрываться.

— Не завидую вашей специальности: степень ответственности где-то у предельной черты. То ли дело инженер похода — ответственность в два раза ниже.

Никита усмехнулся.

— Не преувеличивайте, вы тоже отвечаете за жизнь людей в походе, как и любой член экипажа. Подскажите, где здесь можно разжиться машиной и проводником?

— Мог бы и я послужить проводником, но, увы, спешу. А машину вы найдете в эллинге, база имеет дежурный резерв. До новых встреч.

Салих, пригладив черные волосы, исчез за поворотом

коридора. Инспектор пошел своей дорогой, продолжая размышлять о встрече. Не понравилось ему поведение пинаевского работника, уж очень тот был бесплотен, не осязателен психологически, словно не живой человек, а тень отца Гамлета. С одной стороны, загадочность натуры — вещь неплохая, недаром она обладает притягательной силой, особенно для женщин, но с другой — пограничнику не следовало бы выпячивать свою незаурядность, иногда это мешает делу, особенно в работе с людьми.

Пересвет миновал тамбур с приставкой карантин-контроля и вышел в день Дайсона-1.

Сначала его оглушила, сбив дыхание, странная смесь сладких и кисло-острых запахов: клевер, полынь, аммиак, окись азота и озон. Потом показалось, что он оглох: тишина стояла в воздухе как в вакууме — по первому впечатлению.

Дайя — ослепительный розовый пузырь — висела почти в зените, окрашивая небо в нежно-розовый цвет. Западная часть небосклона скрывалась за грядой высоких кипенно-белых с перламутровыми прожилками облаков.

Холмистая равнина уходила на север до горизонта, на юге она переходила в плато и заканчивалась грядой невысоких скал, а с запада и с востока начинались знаменитые черно-золотые вудволловые леса: черное — стволы-стены, золотое — шапки пуха, заменяющего листья.

База — комплекс из четырех серебристых параллелепипедов без всяких выступов и отверстий, соединенных квадратными трубами переходов, — стояла на вершине пологого холма, поросшего густой желтой пухотравой. Почва холма была зеленовато-серой. Кое-где в траве посверкивали пятна изморози на первый взгляд, но при рассмотрении вблизи «изморозь» оказалась языками лишайниковидного растения с тонким рельефным рисунком. Возле стен базы буйно разрослись оранжевые перья гриботравы, привлеченной избытком тепла и запахом чужеродных образований.

Над инспектором пролетело что-то невероятно красивое, радужное, размером с крупного орла, покружило на небольшой высоте и полетело дальше, едва шевеля округлыми крыльями, напоминающими большие плавники. Радужный виброкрыл, определил Никита, «бабочка» Дайсонов, вер-

нее, «комар». Укус виброкрыла вызывал у человека нечто вроде приступа эйфории, состояние блаженных грез, притупляя мыслительные процессы, и уже были случаи, когда виброкрылов использовали для индустрии наслаждений намеренно.

На всех трех планетах Сферы сохранились остатки сооружений и городов древней расы, построившей эту колоссальную энергосистему, но на Дайсоне-1, кроме всего прочего, был обнаружен древний космодром с одним-единственным звездолетом, именно поэтому базу археонавтов расположили на первом Дайсоне, хотя отряды археонавтов работали и на других планетах.

Отойдя на сотню шагов от строений базы, Никита оглянулся.

У левого крыла ближайшего здания грузился белый куттер. Рядом киб-ремонтники возились с наполовину разобраным пинассом, еще один пинасс парил над базой.

Тихие голоса людей, шелест травы под ногами, далекое теньканье — вот и все звуки. Тишина владела островом, океаном, всей планетой, великая тишина мирной жизни. Взрыв острова не вписывался в концепцию спокойного, размеренного бытия планеты, он был лишним, инородным и по логике не принадлежал неразумной природе.

Никита спустился с холма в долину. При каждом шаге с травы срывался рой электрических искр и оседал на башмаках. Воздух тоже был насыщен электричеством, кожу на щеках и веках чуть пощипывало при ходьбе.

Обычных для Земли насекомых на мирах Дайсона не водилось. Виброкрыл напоминал комаров и других земных кровососущих тварей только функционально, как и змееноги — гусениц или маммофаги — червей. Царство фауны дайсоновских планет оказалось довольно обширным и разнообразным, хотя земные системологи и филогенетики разобрались с их жизнью не сразу, потому что многих существ можно было отнести в равной мере и к животным, и к растениям. Таксонометрические категории, используемые учеными на Земле и ряде других планет, где была обнаружена жизнь, оказались непригодными для определения царств, подцарств, видов и отрядов фауны и флоры планет Сферы.

К тому же на жизнь планет Сферы наложила отпечаток высокая электризация воздуха: почти все живые существа имели электрические органы, действие которых было еще не до конца изучено.

Никита принялся: спектр запахов стал иным, видимо, аппарат обоняния уже адаптировался и не реагировал болезненно остро на незнакомые радикалы. Преобладающими стали запах озона и горьковато-нежный аромат маттиолы.

«Вася», молчавший до этого момента, пробудился и выдал двадцать семь наименований пахучих веществ, составляющих общий фон запахов здешних мест. Потом предупредил об электрических карманах, которые инспектор обошел на почтительном расстоянии.

Вспугнув змеенога, Пересвет подошел к лесу и окунулся в его угрюмую тень. Но если у кого-то при слове «лес» перед мысленным взором предстал земной бор, березовая роща или джунгли, то он далек от той картины, которую представлял собой вудволловый лес.

Одиночный вудволл больше всего напоминает сrostок неровных стен разной толщины — от дециметра до метра, разной длины — от двух до тридцати-сорока и высотой до шестидесяти метров. Стены по верхней кромке обросли золотистым ворсом — это «листва» вудволла. Кое-где бороды «листвы» спускаются по стене почти до ее основания, но цвет ее при этом переходит в пепельно-черный. И по всем черным плоскостям «ствола» вудволла разбросаны странные наросты с вкраплениями рубиновых кристаллов, разбрызгивающих алые лучики по атласно-черной коре дерева. Но это одиночный вудволл — явление, по отчетам исследователей, очень редкое. Обычно вудволлы растут группами, рощами, в самой маленькой из которых как минимум шесть-семь деревьев.

А вудволловый лес — это почти непроходимые «заросли» из черных стен, перегородок, перепон, сросшихся в шеренги, лабиринты, «беседки», «хижины» и «дворцы» без крыш, с редкими окнами-провалами и дверями-дырами...

Кора у вудволла бархатистая, теплая на ощупь, с тонким муаровым рисунком, напоминающим загадочные письмены, и, если приложить ухо к боку исполина, можно уловить

медленную пульсацию его сердца, гоняющего кровь-лимфу на высоту в десятки метров.

Никита прижался к дереву щекой.

«Температура вудволла сорок градусов по Цельсию, — с готовностью доложил «Вася». — По данным биологов, он имеет подобие нервной системы и центральный нервный узел в комле на глубине трех метров. Кстати, отмечаю повышение пси-фона».

Пересвет и сам почувствовал мысленное эхо, присутствие живой громады, заполнявшей все пространство вокруг, но это было просто психологическое давление исполинского вудволлового леса, в котором человек казался самому себе ничтожнее букашки...

Инспектор углубился в лес, похожий на развалины какого-то апокалипсического города-храма. Микроклимат в лесу был иным, чем на равнине, температура — градусов на десять выше, к тому же повысилась концентрация горьких примесей в воздухе. Подлеска, кустов и побегов молодых вудволлов не было видно, их не обнаружила в лесах всех трех Дайсонов ни одна экспедиция, а большинство исследованных деревьев имело возраст не менее тысячи лет.

Долгожители, подумал Никита. Интересно, не окажется ли сок-кровь вудволла долгожданным эликсиром бессмертия? Ведь если он живет так долго, то в крови его должны быть вещества, способствующие долголетию и регенерации. Может быть, биологи уже проверили эту мысль?

Он выбрался из зарослей и побрел к базе, контрастирующей земным обликом с фоном дайсонинского ландшафта. Показав диспетчеру сертификат агента по освоению планет, взял пинасс из резерва базы, покружил над ней и направил каплевидный аппарат на юг, к горной стране на горизонте. Горы здесь, конечно, горами назвать можно было только условно, с натяжкой; самые высокие из них больше напоминали скалистые холмы высотой метров в семьсот.

Большой остров сверху походил на четырехпалую ладонь. Самым примечательным сооружением древних дайсонин на нем была «Баальбекская веранда» — квадратный плоский стол со стороной в два километра, сложенный из громадных каменных блоков. Назначение веранды остава-

лось невыясненным до сих пор, так как единственное разумное объяснение — древний космодром — отпадало по той простой причине, что у дайсоиан не было ракетного флота.

От веранды начиналась изъеденная временем дорога, а может быть, и оборонительная стена высотой в двадцать пять метров и шириной с улицу древнего земного города типа Москвы. Пересвет вспомнил земные скансены¹ Торжок, Суздаль, Тверь и подумал, что сооружения дайсоиан тоже напоминают музеи под открытым небом, причем на редкость хорошо сохранившиеся, если вспомнить, что возраст самых «молодых» из них превышает десять тысяч лет!

Никита остановил аппарат над стеной, потом выбрался из кабины, пробуя прочность покрытия под башмаком. Материал стены, мутный, зеленый, как старинное бутылочное стекло, не походил на горную породу. «Кремнийорганическое соединение с примесями солей бора, — сообщил «Вася» коротко и тут же добавил: — За нами следят».

Никита незаметно осмотрелся и в шести километрах за вудволловой рощей обнаружил трехместный пинасс в тень-окрасе. Неподготовленный человек вряд ли заметил бы его на таком расстоянии, но Пересвет знал, как и что искать. На смену ожиданию встреч с чудесами чужой природы пришли сожаление и досада, очарование таинственного незнакомого мира ушло. Никита впервые пожалел, что находится в Сфере не как исследователь, первооткрыватель, а как инспектор безопасности УАСС.

Велев киб-пилоту следовать изгибом оборонительной стены, он некоторое время следил за действиями неизвестных наблюдателей — те оставались на месте, — а потом переключил внимание на разворачивающийся под аппаратом пейзаж, хотя ему очень хотелось узнать, кто за ним следит и с какой целью.

«Черт с ним, — сказал «Вася», — узнаем позже, я запомнил отличительные особенности пинасса».

Оси вращения всех трех планет Сферы были почти перпендикулярны плоскости орбиты, к тому же Дайсоны вра-

¹Скансен — музей под открытым небом.

щались вокруг Дайи и вокруг собственной оси в одном направлении — по часовой стрелке, с одинаковой угловой скоростью, поэтому планеты имели всего две климатические зоны — южную и северную, медленно, в течение шести лет сменявшие друг друга. В южной зоне все время стоит день-лето, в северной — ночь-зима. Но благодаря широтной конверсии и ровным тропосферным ветрам температуры зон различаются незначительно: максимальная температура севера — плюс двадцать восемь градусов, минимальная температура севера — плюс восемь градусов по Цельсию.

Никита находился на юге Дайсона-1, примерно на пятой параллели, где температура воздуха держалась на уровне двадцати градусов.

Стена внизу снизилась, измельчала, пока не превратилась в «пунктир» — отдельно сохранившиеся участки по сто метров длиной, а потом и вовсе исчезла в складках минигорной страны. Никита поднял пинасс повыше и увидел желтую блестящую «твердь» океана, в которую обрывались скалы-горы плато. Пухотрава и гриботрава здесь не росли, лишь изредка глаз натывался на красноватые подушечки летающего мха, отмеченные яркими колокольчиками споронос.

Никита сориентировался и направил полет к верхнему полюсу, включив форсаж. Неизвестные наблюдатели не рискнули сопровождать его в открытую.

Через четверть часа на горизонте появилась темная полоска, вскоре она распалась на цепочку островов. Где-то среди них находился взорванный остров Хамфри, на котором нашли потерявшего и память, и человеческое «я» Нормана.

Пересвет снизил скорость, раздумывая, стоит ли привлекать к себе внимание работающих здесь экспертов из отряда Калчевой, но, пока он раздумывал, его заметили. На крохотной панели аппарата замигал голубой огонек вызова, инспектор мысленно включил рацию.

— Пилот белого пинасса, остановитесь, вы вошли в запретную зону. Сообщите полномочия.

— Кто спрашивает?

— Михай Мориц, командир звена УАСС.

— Я Никита Пересвет, инспектор по освоению. Где можно вас отыскать?

— Левее по курсу, второй остров с озером посередине, увидите палатки.

Никита нашел указанный остров, напоминающий земной атолл с лагуной в центре, и сел возле городка ослепительно белых тетраэдров лагеря экспертов УАСС.

Мориц встретил его у стреловидного нефтяной формулы ПК, способного самостоятельно выходить в космос. Такие мощные и одновременно малогабаритные машины использовались только спасательной службой, Даль-разведка в них не нуждалась.

— Что вас привело именно сюда, инспектор?

На сей раз Мориц не показался Никите изнеженно-женственным, как при первой встрече у Хоона. Рука у командира звена была хрупкой только на вид.

— С завтрашнего дня я начинаю составлять карты заселения, — сказал Никита. — А сегодня решил совершить пробную прогулку. Вы же понимаете, что меня не может не волновать взрыв острова. Если после заселения Сферы начнут взрываться острова под поселками и базами...

— До сих пор не взрывались. Случай странный... — Мориц снял шлемофон, и ветер взметнул его длинные волнистые волосы так, что вокруг них вспыхнул ореол электрических искр. — К тому же заселение Сферы весьма проблематично.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил Никита. — Причины взрыва уже известны?

— Пойдемте, покажу вам это место сверху, — уклонился от ответа спасатель.

Они влезли в кабину нефтяной и поднялись в воздух.

Взорвавшийся остров напоминал чью-то челюсть, от него осталась только цепочка клыков-скал, бликующих оплавленной пленкой глазури.

Помолчали. Мориц развернул машину и облетел весь архипелаг, состоящий из семи островов, три из которых заросли вудволловым лесом. На самом большом острове из леса вырастал тонкий шпиль мечети дайсов.

Издалека долетел тонкий перезвон, словно заговорили небольшие колокола церкви.

Мориц посмотрел на часы.

— Час молитвы. На трех островах есть поселения дайсов, через каждые тридцать часов они собираются вокруг мечетей и молча сидят в течение часа.

— Общаются?

— Кто знает? Языка у них нет, то есть они не разговаривают, как мы с вами. Самое интересное, что мечети не пустые, внутри заточены интересные существа — бхихоры, полурастения-полуживотные, представляющие самостоятельный класс царства зоофитов; сидят, как в клетке...

— Почему заточены? — поинтересовался Никита. — Разве мечети не имеют входа-выхода?

— В том-то и дело. Мечеть — это ажурная конструкция из костей-досок вудволла, она полая внутри, как клетка. Коммуникаторы назвали эти действия островитян культом бхихора, но никто не знает, за что дайсы чтят бхихоров подобным образом.

Неф снова прошелся над остатками острова Хамфри. По одной из скал ползали люди в оранжевых комбинезонах, сквозь толщу воды был виден диск подводного аппарата и рядом — еще четверо в скафандрах.

— И все же, — нарушил молчание Пересвет, — что здесь произошло? Почему остров взорвался? Это ведь на нем нашли... э-э... работника отдела коммуникации Нормана Хамфри?

— Да, — сухо сказал Мориц, разворачивая аппарат к лагерю. — Но причины взрыва еще анализируются. Единственное, что я могу сказать, не рискуя выдать тайну расследования, это то, что взрыв не принадлежал к естественным природным процессам, характерным для Дайсонов.

Никита с интересом посмотрел на профиль собеседника: Мориц открывался с иной, жесткой стороны. Он умел казаться изнеженно-томным, «аристократически» снисходительным, как в кают-компании у Хоона, и волевым, независимым, откровенно суровым. В юноше чувствовалась хватка незаурядного руководителя.

Пересвет еще немного полюбовался в бинокль на за-

стывших вокруг мечетей дайсов, похожих на обросшие мехом валуны с глазами, и Мориц повел неф к лагерю.

Прощаясь, инспектор заметил, что молодой командир звена вертит в пальцах знакомый перстень: точно такой же красовался на пальце Флоренс Дженнифер.

— Любопытная штучка. Я уже видел один такой.

Мориц подкинул на ладони перстень, камень сверкнул голубым и зеленым.

— Их нашли на втором Дайсоне в северной зоне около двух десятков. С ними связана интересная загадка: многие пробовали надевать, и я в том числе, но тут же снимали. Они какие-то... неудобные, что ли, холодные как лед и пальцы натирают, а Флоренс — помните? — носит и хоть бы что! Но эстетика перстней не имеет аналогов. Вообще, насколько я уже вошел в курс дела, все, что создавали дайсониане, будь то машины, архитектурные сооружения или предметы искусства, в высшей степени совершенно!

Никита сел в свой пинасс и через полчаса ураганного полета прибыл на базу археонавтов.

Какой-то аппарат попытался увязаться за ним в пределах видимости, но отстал.

В диспетчерском пункте базы Пересвет оставил записку Флоренс Дженнифер, что ждет ее вечером в кают-компании, и вернулся на Д-комплекс. Слова Морица о совершенстве техники дайсониан не шли из головы, была в них притягивающая сила и тайна, и Никита, переодевшись в своей каюте, направился в музей, или, как его называли исследователи, «культ-отстойник», в котором найденные на планетах драгоценные раритеты, памятники искусства и культуры строителей Сферы проходили первое обследование специалистами.

Музей занимал четыре помещения на внешнем горизонте Д-комплекса, там же, где располагались административные и научные отделы исследовательского центра.

Первые три помещения, узкие и длинные, служили складом экспонатов, четвертое — лабораторией с аппаратурой анализа и обработки данных. Музей был открыт круглосуточно.

Никита медленно прошелся вдоль стеллажей с экспона-

тами в первом зале, в котором хранились предметы культуры и искусства: странные статуэтки, сосуды, обломки скульптур, в том числе и перстни, найденные Уве Хооном. Во втором зале помещались останки машин и механизмов, многие из которых имели вид только что сошедших с конвейера, а третий был полон предметов невыясненного назначения.

Никита остановился возле первого бокса и с любопытством прочитал табличку на прозрачной стенке: «Клеймор».

На полу бокса стояла на торце, ни на что видимое не опираясь, гигантская — метра два в высоту — «бритва» из какого-то желтого металла или сплава. «Клеймор» имел вид именно старинного земного бритвенного лезвия как на первый взгляд, так и на второй.

— Любуетесь? — обратился к инспектору пожилой мужчина с эмблемой археонавта на рукаве, доселе исподтишка за ним наблюдавший.

Никита обернулся.

— Любопытная штукавина. Клеймором ее назвали, очевидно, в шутку?

Пожилый сморщил лоб в улыбке. «Лука Захаров, — шепнул «Вася». — Археонавт, пятьдесят три года, семь лет экспедиций, три монографии о культуре Зоо».

— Шутников у нас хватает. Клеймор — это обоюдоострый кельтский меч, так что по названиям можете судить и о наличии иронии и юмора. Материал клеймора — бериллиевая бронза, и ни следа коррозии! Древние дайсонiane использовали методы биоконсервации за десять тысяч лет до нашего рождения.

Перешли к следующему боксу. «Робот-универсал».

Чудище непонятной формы с десятком гофрированных шлангов-шупалец и пятью выпуклыми глазами.

— Внутри обнаружили нечто вроде потухшего электронно-кристаллического мозга и обширной нервной системы, — опять пояснил гид, — но функциональные характеристики этого монстра остались невыясненными.

Полуметровый серый куб, изъеденный крупными порами, похожий на блок из сипорекса — древнего земного пористого бетона. «Водяной». Почему «водяной»?

— Стоит к нему приблизиться вплотную — и он превращается в фигуру, напоминающую корягу. — Эксперт заулыбался. — Кто-то увидел в коряге сказочный персонаж. Показать?

— В другой раз. Начинку изучили?

— Внутри куба нет никакой начинки — один сплошной кусок студня, желе, не поймешь даже, живое оно или нет. Но биологи отказались признать его живым.

Прошли мимо дерева с неуловимо строгой нерегулярностью расположения металлических на вид ветвей, под деревом была табличка с надписью: «Фракталь».

Клубок черных шлангов: «Осьминог».

Невероятно изогнутый лист из голубого материала с надписью: «Топологическая развертка желудка типичного археонавта». И еще десятки странных предметов, не имеющих иных аналогов среди земной техники, кроме языково-терминологических.

— Вас как зовут? — Пожилой эксперт, вероятно, был рад случайному посетителю музея и не хотел быстро прощаться с должностью экскурсовода. — Пойдемте покажу коллекцию машин, сохранившихся полностью, не фрагментарно.

В торце зала оказалась еще одна дверь. Взору представилось обширное помещение с прозрачными клетками, внутри которых находились машины и аппараты, соответствующие поясняющим табличкам. Даже на глаз эти механизмы вызвали восхищение гармоничностью и совершенством, несмотря на то, что разрабатывались существами, чей облик был далек от человеческого.

Захаров по лицу Никиты понял, о чем он подумал.

— Эксперты тоже все эти аппараты отнесли к классу совершенных. Существуют пределы совершенствования технических устройств, за которыми дальнейшие доработки нецелесообразны, ибо не улучшают характеристик устройства и его эстетического вида. Например, чувствительность аппаратуры при этом определяется лишь естественными шумами самих источников, а не недостатками прибора. Так вот, древние дайсоониане этих пределов достигли.

Никита кивнул, соглашаясь.

Остановились возле пульта: изящное кресло, предназначенное явно не для человека, соединенное в одно целое с черной матовой доской, с группой цветных квадратов (сенсорная клавиатура?), усами с черными каплями на концах (микрофоны?) и с коричневыми дисками «наушников». Судя по конфигурации всех элементов «пульта», у существа, работавшего за ним, голова была гораздо больше сидалища.

«Устройство адаптивного контроля» — рогатый зеленый шар, похожий на подводную мину середины двадцатого века.

— Применялось дайсониянами для выращивания биомеханических систем и регуляторов третьего класса, — сказал разговаривавший Захаров. — Диапазон применения практически не ограничен. Почти все автоматы обслуживания Д-комплекса выращены с его помощью.

Никита вспомнил электрическую «медузу», встреченную им в первой вылазке в глубины дайсониянской станции.

«Передатчик материи».

Грушевидная белая кабина, дверь в нее по контуру напоминает гриб боровик. Внутри — не то металлический куст, не то проросшее кресло.

— По принципу действия — наше метро, но дайсонияне использовали другие диапазоны частот. Энергопитатель, конечно, отсутствует. Мы нашли всего пять уцелевших кабин и несколько обломков, причем все — на одном острове Дайсона-2. Уве предложил гипотезу, что дайсониянские метро, названные «прыг-скоками», не вышли из стадии экспериментальной проверки, но это противоречит остальным фактам. Во-первых, Д-комплекс напичкан устройствами подобного рода, хотя они и совершеннее найденных; во-вторых, без мгновенного перемещения в пространстве невозможно было бы построить такую машину, как Сфера.

Подожли к последнему боксу с надписью «Летательный аппарат». На полу стояла странная асимметричная конструкция — соединение тора с двумя разнокалиберными конусами. С виду аппарат мало походил на летающий, хотя все его обводы были геометрически правильны и плавно переходили из фигуры в фигуру. Но чем больше инспектор

рассматривал аппарат, тем сильнее ему казалось, что тот не завершен, недостроен.

— Чего-то ему не хватает, — пробормотал Никита, приблизив лицо к прозрачному листу пластика. — Или я ошибаюсь?

— Интуиция у вас чисто инженерная, — с одобрением проговорил Захаров. — Дело в том, что все летательные аппараты дайсониян обладали свойством изоморфии — в широком диапазоне могли преобразовывать форму корпуса для движения в любых средах. Этот аппарат застыл в момент перехода, когда у него закончилась энергия. Кабина — в большем конусе, там вполне может уместиться экипаж из двух человек. Сколько вмещалось дайсониян — неизвестно.

У Никиты внезапно пропал интерес к технике аборигенов, к тому же замечание собеседника о «чисто инженерной» интуиции заставило его вспомнить, что он эколог, а не инженер и ему следовало бы меньше интересоваться техникой древних строителей Сферы, а тем более разбираться в ней.

Попрощавшись с Захаровым, Пересвет опустил на десятый горизонт, зашел в приемную директора и записался на прием на девять вечера.

СФЕРА ДАЙСОНА

Вторая планета системы

Второго января по ТФ-каналу прибыл первый комплекс адаптивной робототехники «Аргус». За три дня бригада инженеров проверила его в работе, и шестого января он был десантирован на Дайсон-2, в район Большого Возмущения — единственное место на планете, где практически отсутствовало статическое электричество.

«Аргус» представлял собой модуль-матку и сорок самостоятельных роботов сбора информации, способных видоизменяться в зависимости от внешних условий, но подчиняющихся единому мозгу — хозяину комплекса. «Аргус» также мог самостоятельно изменять программу исследований в

пределах действия закона минимального причинения ущерба окружающей среде и не нуждался в уходе.

Комплекс исправно отработал четыре дня, ежедневно посылая полученную информацию в центр, а потом замолчал. На вторые сутки молчания в район Большого Возмущения был послан кибернетик, ответственный за работу подобных систем, и обнаружил, что «Аргус» в состоянии «умопомрачения»: роботы-«руки» комплекса методично уничтожали вудволлову рошу, какие-то развалины и друг друга. Один из островов был превращен ими в дымящийся кратер, второй — в гладкий монолит. Модуль-матка взирала на бессмысленное уничтожение с равнодушием автомата, лишенного интеллектуального мозга.

Кибернетика к себе она не подпустила, а когда тот решил применить силу, один из уцелевших роботов комплекса полоснул по куттеру лазерным лучом.

Кибернетик остался жив и смог вызвать бригаду коллег, но лишь через сутки им удалось пробраться внутрь «Аргуса», чтобы потом в недоумении развести руками: программа работы комплекса была стерта, а его мозг превратился в конгломерат антагонизирующих систем.

Причин возникновения ситуации выяснить не удалось.

ЖДАН ПИНАЕВ

Топливо-ресурсная база ТРБ-2 была реперной, основной для Дайсона-2, и обслуживала наземные лагеря и базы исследовательских экспедиций на планете.

База была подвешена над северной климатической зоной планеты на высоте трех тысяч километров и представляла собой полукилометровый цилиндр, сложенный из «блинов», каждый «блин» — отсек со своим оборудованием, катапультной, ангаром и обслуживающим персоналом. С центром база соединялась местной линией метро, как и с другими реперными базами, разбросанными по всей системе Сферы.

Авария произошла во втором от торца цилиндра секторе, секторе крупнотоннажного транспорта, основной еди-

ницей которого были десантные шлюпы типа «Коракл»: высота сорок пять метров, диаметр кормы семь и восемь, масса восемьсот двадцать тонн, дедвейт¹ пятьсот сорок тонн. При стыковке с базой один из шлюпов вдруг повело в сторону от курса, он врезался в защищенное ограждение отсека и взорвался. Взрыв уничтожил посадочную ферму со всей ее автоматикой, часть обшивки сектора и сам шлюп, кроме аварийной посадочной капсулы, в которой при вскрытии обнаружили... полуживого дайса-островитянина!

Пинаев прибыл на базу, когда эксперты поисково-спасательного патруля из группы Калчевой уже заканчивали предварительный анализ причин аварии. Ждан ознакомился с выводами комиссии и понял, что авария достаточно неординарна и подтверждает мнение начальника отдела безопасности Калашникова о «деятельности сатаны». Она была неординарна уже тем, что погибших и без вести пропавших в результате не оказалось, хотя шлюпом кто-то управлял. Но кто был пилотом и куда он подевался, дознаться не удалось. А дайс-островитянин не смог бы управлять шлюпом уже потому, что управление «Кораклами» рассчитывалось на био- и пси-характеристики людей, а не электрических животных с зачатками разума.

На третий день после очередного оперативного совещания у директора центра Пинаев, не имея особого плана на утро, отправился на ТРБ-2.

База работала круглосуточно, потому что техника требовалась исследовательским отрядам постоянно: у половины групп и экспедиций распорядок дня совпадал с периодом ночи центра.

Сектор крупнотоннажного транспорта, в котором произошла авария, уже функционировал: обшивку корпуса в месте взрыва залатали, оборудование подъемника с манипуляторами и посадочной фермой заменили. Пинаев прошелся по ангару резервных шлюпов, разглядывая синеватые, глянцевого, призматические тела «Кораклов». В ангаре стояли четыре шлюпа: три — полностью готовые к вылету, у четвертого возились инженеры похода в серых комбинезонах с

¹Дедвейт — полная грузоподъемность.

нашивками техслужбы Даль-разведки. Гудели вентиляторы; механизмы, похожие на безголовых обезьян, разбирали горы контейнеров, перезванивались летающие платформы гравикранов с гибкими хоботами захватов. По ангару плыли запахи металла, пластика, горьковатого дыма от матричных соединителей.

Пролом в корпусе Пинаев обнаружил за гофрированным кожухом подъемника в причальном отсеке. Пролом был заделан серебристым листом гермопластика и укреплен временным ребром жесткости.

В отсеке было холодно. В рабочей зоне с получасовым интервалом садились и взлетали башни «Кораклов», поддерживаемые невидимыми силовыми подушками стыковки и финиша. Отсек здесь разверзлся в пространство гигантским зевом, перекрытым силовой пленкой, и непосредственно в зоне царил невесомость.

Пинаев побродил за решеткой наблюдательного балкона, пытаясь представить причину, по которой мог взорваться шлюп типа «Коракл», но фантазия была вялой, истощенной двумя днями непрерывной работы с экспертами. Если автоматика посадки и стыковки отсека работала в момент аварии нормально, как оно и было в действительности, то ничего не должно было случиться. Причина, таким образом, находилась внутри шлюпа, хотя записи «черного ящика», блока регистрации параметров жизнеспособности ничего существенного не добавили.

Внезапно свет Сферы, льющийся в отсек через зев финиш-створа, мигнул. Пинаев остановился. Снова на краткий миг погасло жемчужное сияние Сферы, затем свет начал мигать с интервалом в три секунды, словно кто-то включал и выключал светильник. Люди под куполом отсека и в кабинках управления продолжали работать как ни в чем не бывало. Через минуту Сфера погасла совсем. В отсеке зажглись светопанели. Никто не таращился в темноту пространства и не изумлялся, работа продолжалась в прежнем темпе. Лишь Пинаев, впервые присутствующий при появлении «эффекта световой судороги» Сферы, жадно высматривал неизвестно что в черном провале.

Конечно, он знал, в чем дело. Нормальным рабочим со-

стоянием Сферы было поглощение света центральной звезды. Оболочка Сферы имела механизмы аккумуляции электромагнитного излучения, которые по логике должны были работать постоянно, однако по статистическим данным цикл поглощения превышал цикл отражения лишь вдвое, из-за чего уровень излучения внутри Сферы был на порядок выше, чем вне ее. Этот факт, в свою очередь, позволял биологам предположить, что именно возросший фон радиации ускорил мутационные процессы в биосферах планет и у дайсов появились зачатки разума. Правда, по другой гипотезе, дайсы были деградировавшими потомками строителей Сферы...

Пинаев выбрался в осевой коридор, пронизывающий весь цилиндр базы. Можно было взять модуль-кресло или автономный «пузырь» для работы в открытом космосе, облететь базу, взглянуть на место происшествия извне и мысленно представить аварию в натуре, ибо количественные характеристики были уже известны: вектор движения, масса, скорость, тормозной путь, пространство маневра, — но Пинаев не верил в свои способности предсказателя. Побродив возле кабинетов технического руководства базы, он с тоски решил было пойти к директору и поинтересоваться отношением непосредственных участников события к аварии, выслушать его версию происшествия, но в этот момент в ухе пискнул вызов «микро». Это был Ираклий Валаштаян из тройки Мухаммеда бин Салиха.

Энергозоной базы, где располагались стандартный полевой кварк-реактор и генератор тяготения, служил торцевой «блин» ее цилиндрического тела. Пинаев нашел люк с цифрой «40» и влез сквозь горловину в тесное кубическое помещение со встроенными в стены шкафами ЗИПов. Валаштаян, занимавший половину объема блока, вжался в угол, рискуя раздавить шкафы. Он был заметно взволнован, несмотря на железное самообладание и умение владеть мимикой.

— Что случилось? — осведомился Пинаев. — Зачем тебе понадобилось прятаться в этом ящике?

— На меня напали, — глухо ответил Валаштаян.

— Что?! Кто и когда?

Гигант протянул руку вперед, в его могучей ладони лежал странный изогнутый предмет, напоминавший макет синусоиды, выполненный из серой полированной древесины. Пинаев не сразу узнал в «синусоиде» оружие дайсов, в обиходе археонавтов его называли бумерангом по-дайсонински.

— Как это произошло?

— Два часа назад я влез сдуру на «вепря», и этот дикий дайсонинский лифт выбросил меня где-то на уровне двухсотого горизонта по оси Д-комплекса...

Картина вырисовывалась такая: Валаштаян сгоряча решил снова воспользоваться «вепрем» в надежде, что тот выбросит его поближе к транспортным линиям землян, но тут услышал необычные звуки: попискивание и тихий, но отчетливый скрип. Звуки доносились из коридора, заполненного осязаемо плотным мраком. Ираклий бесшумно проскользнул в коридор, с минуту двигался вслепую, потом мрак поредел, и в неверном коричневом свете — здесь коридор освещался инфракрасным источником — показались движущиеся фигуры: одна человеческая и две — роботов универсального пользования. Они выкладывали на полу какой-то геометрический узор из черных дисков, соединяя их кабелем или нитью.

Валаштаян, неплохо видевший в инфракрасном диапазоне, собрался было заснять сцену на кристалл, но удар в голову свалил его на пол.

— Очнулся у «вепря», на голове шишка, рядом — эта штука. — Ираклий подкинул в руке бумеранг. — Попытался снова найти это место, но это был уже другой горизонт. — Пограничник помялся. — Понимаешь... мне показалось... может быть, это результат удара... но тот человек, раскладывавший «пасьянс» в коридоре, показался мне знакомым.

— Вот как? И кого он напомнил?

Валаштаян снова замялся.

— Это кто-то из наших. Но кто именно... И все же я где-то видел его, точно.

— Все?

— Нет. Всего несколько минут назад там, где на меня напали, произошел взрыв.

— Почему же не прошел сигнал тревоги?

— Там еще не установлены наши следящие устройства, взрыв был идентифицирован другими датчиками по сотрясению Д-комплекса. Я послал ребят, но дальше сто пятидесятого уровня они не прошли: очевидно, автоматика станции заблокировала зону взрыва.

Пинаев сжал зубы.

— Дела! О твоих открытиях никому ни слова. К месту взрыва попытайтесь пройти снизу, и осторожнее, пожалуйста. Ты стал свидетелем странного происшествия, нелогичного и непонятного. Если бы тебя хотели убрать, тебя убрали бы раньше, проще, без применения чужих бумерангов. Значит, предупредили... Как ты себя чувствуешь? Сходи в медотсек, проверься. А может, нас нарочно направили по ложному следу? Но откуда на Д-комплексе оружие дайсов? Не сами же они занесли его сюда... — Пинаев остановился, пришедшая мысль поразила его. — Не сами... А если они и в самом деле более разумны, чем мы думаем? Вспомни случай с «Кораклом». Дайс его просто угнал, а потом не смог справиться с управлением и...

— И превратил кресло пилота в аварийную капсулу? Нелогично. К тому же, ты знаешь, мы расшифровали кое-какие записи регистратора: на борту модуля находился не только дайс, а кто-то еще.

Пинаев потрогал трехколенный бумеранг и взялся за рукоятку люка.

Валаштаян отрицательно качнул головой.

— Отдай эту штуку на анализ и предупреди Заманского и Галайду, они тоже должны знать о нападении. Мухаммеду говорил?

— Не успел, да и не тянет в последнее время быть с ним откровенным, хотя он и начальник группы. Ехидный он какой-то, по-недоброму ехидный...

— Ладно, это психология, он обязан сдерживать инициативу своих подчиненных. В пять соберемся у меня.

С пояса Валаштаяна слабо пискнул сигнал предупреждения: где-то рядом прошли люди.

Пинаев подождал несколько секунд и вылез в коридор. Через десять минут он входил в кабинет директора исследо-

вательского центра, обязанного принимать работников погранслужбы вне очереди в любое время суток.

Нагааны Даваа представлял собой натуру сдержанную, ровную, терпеливую и маловосприимчивую к одобрению или порицанию. Типичный представитель монгольской расы, по иронической оценке Салиха, потомок Чингисхана в улучшенном исполнении.

— Слушаю вас, — сказал он, собрав лучики морщинок у глаз, и указал на стул.

— Полчаса назад в десятом секторе Д-комплекса произошел взрыв.

— Я в курсе.

— Причина взрыва неизвестна, однако есть косвенные данные, что он... не случаен.

— Как вы сказали? Не случаен?

Пинаев кивнул.

— Большого пока сказать не могу, ситуация анализируется. Прошу немедленно провести переключку отрядов, работающих непосредственно в Д-комплексе, отозвать тех, кто работает в десятом и соседних с ним секторах. О результатах доложите через... Сколько понадобится времени на переключку?

— Полчаса. Прошу извинить, но вы уверены в необходимости этих мер?

— Да, — коротко ответил Пинаев.

Даваа мельком взглянул на пограничника и, не повышая голоса, принялся отдавать распоряжения.

Спустя полчаса стало известно, что в секторах десять и одиннадцать не отвечают на вызовы группы механиков и материаловедов, общим числом девять человек. На секторы Д-комплекс разбили, конечно, сами исследователи для удобства контроля работы, но техника дайсониян этого «не знала», поэтому после взрыва заблокированы были десятый полностью, а одиннадцатый и девятый частично. В десятом секторе, по счастью, никто не работал.

— Объявите общий сбор, — сказал Пинаев, внешне не уступая директору центра в хладнокровии. — Пугать людей не надо, но исследование Д-комплекса с сегодняшнего утра необходимо приостановить. До особого распоряжения. Пе-

редвигаться по станции только в пределах устойчивых горизонтов административной и бытовой зон. Искать людей самостоятельно запрещаю.

Пинаев встал.

— Извините. — Даваа тоже встал. — Как объяснить людям ваше... э-э... решение?

— Аварийным состоянием Д-комплекса или... как-то иначе. Вы же знаете, настоящую причину сообщать нельзя. Да и... не известна она никому.

— Я постараюсь, — коротко проговорил директор.

Пинаев поклонился и вышел, понимая, что выглядит в глазах ученого мальчиком, серьезно играющим в несерьезную игру.

К пяти часам вечера Валаштаяну удалось проникнуть в заблокированный сектор и определить масштабы разрушений. Взорваны были семь горизонтов и два шпангоутных узла, но ремонтировать земным инженерам разрушенный участок не пришлось: киб-ремонтные системы Д-комплекса действовали самостоятельно, медленно, но уверенно. Спустя сутки горизонты ими были восстановлены, а узлы соединений «скелета» станции заменены, а может быть, и выращены. Одного не смогла сделать автоматика дайсопиан — найти пропавших без вести. Из девяти человек не удалось разыскать пятерых.

С Земли пришло подтверждение решения Пинаева приостановить исследовательские работы на Д-комплексе, но он не радовался своей удачной оперативности: объективных данных, разъясняющих цель «деятельности сатаны» в Сфере, у него не было. И хотя начальство погрансектора Дальразведки и отдела безопасности УАСС не подгоняло и не запрашивало сведений, у Пинаева крепло ощущение вины и неудовлетворенности собой. Однако новые события на время заставили его забыть о своих чувствах и оторвали от глубокого самоанализа, отнюдь не улучшающего настроения.

Через сутки после взрыва и безрезультатного поиска пропавших в недрах станции исследователей произошел еще один взрыв — на той же злополучной ТРБ-2 и в том же отсеке, где случилась авария с «Кораклом».

Пинаева известили о взрыве практически мгновенно, на

базу он прибыл через три минуты, но в отсек проникнуть не смог: земная автоматика действовала не хуже дайсон-ской и, заблокировав отсек, принялась устранять последствия взрыва, не дожидаясь хозяев.

К Пинаеву подбежал молодой координатор базы, возбужденный, злой и жаждущий мести.

— Вы руководитель спасателей?

Ждан молча указал в сторону Калчевой — ее группа прибыла одновременно с пограничниками.

— Она послала меня к вам.

— Вот как? А в чем дело?

— В том, что неизвестный любитель острых ощущений угнал шлюп, а когда его попытались остановить, произошел взрыв катапульты.

— И кто же этот неизвестный?

— Никто не видел. Шлюп только что загрузили продуктами для археонавтов на Дайсоне-2, а он вдруг стартовал.

— Где он сейчас?

Координатор виновато развел руками.

Пинаев махнул рукой сопровождавшему его Галайде: мол, следуй за мной — и перенесся обратно на Д-комплекс, а оттуда на спейсер «Печенег», готовый к старту в любое время.

Спейсер был отшвартован в километре от торца Д-комплекса и соединялся по аварийной формуле, поэтому лифт выключили без обычной подготовки. Маневр отхода выполнял сам командир спейсера Алексей Мартынов, соскучившийся по живому делу. Он уже знал о случившемся, хотя причину столь поспешного старта Пинаев сообщить ему еще не успел.

— Связь с ПНП¹, — бросил Ждан, торопливо занимая кресло рядом с командиром.

Мартынов с дугой эмкана на голове не шевельнулся, но над секцией пульта бортинженера развернулся виом связи с диспетчерской ПНП.

¹ПНП — посты наблюдения за пространством.

— С ТРБ-два десять минут назад стартовал модуль с неизвестным пилотом, направление неизвестно... — Пинаев запнулся, обычно он, даже не волнуясь, не повторялся. — Прочешите пространство, учитывая скорость «Коракла», и дайте координаты по каналу целеуказания.

Диспетчер, немногословный, как и все работники связи Даль-разведки, поднял вверх кулак: он понял.

— Куда дальше? — повернул голову к инспектору Мартынов.

— К Сфере. Дай команду носовым локаторам, может быть, мы обнаружим беглеца и без помощи ПНП.

— Дал, пока «зеро» информации, ни один объект по параметрам не подходит.

Две минуты истекли в тишине.

В рубке, поражающей сверхрациональной функциональной геометричностью, находился, кроме командира и Пинаева, только бортинженер, остальные пять членов экипажа располагались в отдельных камерах, контролируя работу ведомых систем. Двое из них прослушивали эфир и поддерживали связь с обширной сетью баз, станций, кораблей и с самим Д-комплексом.

— Главная, я спейсер, — сказал Мартынов. — Отход по вектору Дайи, обеспечьте коридор.

— Есть коридор по вектору Дайи, — отозвался диспетчер центра и продиктовал вереницу цифр — координаты вектора; цифры высветились в левом углу главного экрана. Вслед за ними в правом углу побежали рубиновые цифры вывода на цель.

С пульта раздался голос дежурного ПНП:

— Объект идет со скоростью пять кубов¹ к оболочке Сферы, приготовьтесь к режиму «ведомый на луче».

— Готовы! — Мартынов шелкнул пальцами, бортинженер молча ткнул пальцем в грибок кнопки защиты.

Кресла опрокинулись под углом сорок градусов к вертикали, спеленали людей и заполнились пеной физиологической компенсации.

¹Пять кубов — пять тысяч километров в секунду (жаргон работников космофлота).

Спейсер ошутимо повело кормой вверх и вправо. В рубке погас свет, и тут же она осветилась сквозь включенные виомы призрачным, не дающим теней светом Сферы. Центральная звезда 101-го Щита — Дайя — смотрела в корму.

Толчок в бок, спейсер рыснул влево, в глаза брызнуло алым светом. Еще толчок — светило прыгнуло вверх и исчезло из глаз. Пинаев сглотнул горькую слюну — желудок отозвался на последний маневр корабля коротким спазмом.

Снова сияние Сферы заполнило рубку. Движение спейсера становилось заметным: точки-звездочки сетчатой оболочки Сферы увеличивались и сползали влево все быстрее. Вскоре Пинаев разглядел, из чего сделана оболочка: неровные каменистые глыбы, преимущественно серого цвета — такими они казались с расстояния в пятьсот километров, — сплетались в геометрически безупречную сеть, удивительным образом удерживаясь каждая в своей ячейке. И Пинаев вновь пережил изумление, восхищение и трепет от мысли, что Сфера — этот грандиозный, уникальнейший памятник технологического этапа эволюции дайсониян — построена руками разумных существ, близких по духу человеку!

В оболочке вдруг обозначился темный провал — здесь «сеть», причем тройная, была порвана. Сквозь брешь слабо засияла звездная пыль далекого Млечного Пути.

— Объект вышел из-под контроля, — гулко возвестил дежурный ПНП. — Целеуказание снимаю, переходите на свою автоматику.

— Перешел, — будничным тоном проговорил Мартынов. — Борт-один, расстояние до цели?

— Две тысячи, — отозвался бортинженер, заведующий всей впередсмотрящей, лоцирующей и расчетно-координатной техникой. — Объект идет ходом «кузнечик». Необходим переход на режим «призрак», иначе преследование затянется.

— Добро. Перейдем сразу после прохода дырки.

Спейсер свернул к бреши, и желудок Пинаева судорожно сжался, требуя внимания: от дурноты спасла только физиопена. Приблизившийся край оболочки, состоящей из трех слоев «сети», плавно ушел под ноги, и над рубкой сомкнулась ночь. Новый поворот, Сфера стала видна со стороны в инфрадиапазоне — коричневая стена в вишневую

крапинку. Брешь в стене светилась пепельным светом, уменьшаясь с каждой секундой.

«Интересно, — подумал Пинаев мимолетно, — почему эта дыра не растет в размерах? Напряжения в оболочке чудовищные, а в таких местах тем более...»

— Борт-один, захват цели, полная стабилизация. Расчет координат на экране. Борт-два, приготовиться к маневру. Борт-три, продолжать контроль эфира на всех диапазонах.

В правом нижнем углу экрана побежали строки бланк-сообщений: вектор движения, абсолютные координаты, трехмерные относительные координаты, отработка команд. В центре экрана появилась алая искра цели. Угнанный модуль пытался прижаться к оболочке Сферы, маневрируя в таких режимах, которые не снились даже конструкторам разведтранспорта.

— Четыреста десять до цели, — доложил бортинженер-1. — На дальности двести переходим на копирование.

— Не ищет ли он другие дырки в оболочке?

— На такой скорости он не сможет войти в нее, это равносильно самоубийству.

— Мне вообще кажется, что модуль ведет робот, а не человек, — проворчал молчавший до сих пор пилот. — Смотрите, какие он выделяет петли.

— Почище зайца в поле, — без улыбки сказал Мартынов. — Приготовьтесь к переходу на мигание. Вы, Жлан, еще небось не знаете, что это такое. Не лучше ли вам уснуть на время?

Пинаев не успел ответить.

Модуль, шедший впереди них на расстоянии трехсот километров, вдруг совершил прыжок по перпендикуляру вверх. Спейсер ответил более плавным поворотом, тем не менее защита рубки едва уберегла самый ценный груз — людей. Все оказались на грани беспамятства. Пинаев на несколько секунд потерял остроту зрения, а когда пришел в себя, успел заметить лишь последнюю фазу трагедии: в центре экрана догорал небольшой желтый «цветок» взрыва.

— Отбой отслеживанию, форсажное торможение, — слабо донесся голос Мартынова. Последнее, что услышал Пинаев, прежде чем потерять сознание от нового инерционного удара, была фраза пилота: — Явное самоуничтожение...

— Мы потеряли второго биокопа...

— Грязно работаешь, землянин. Ваш напарник бездарно провалил операцию с дайсами и выдал наше присутствие в Сфере. Безопасность вплотную подобралась к случаю с «Кораклом». Скоро там дознаются, что в модуле, кроме дайса, был еще кто-то, то есть ваш биокоп. Вторую акцию на ТРБ-два надо бы проводить тоньше или уничтожить базу полностью двумя днями раньше. Зачем вашему биокопу понадобилось угонять модуль после взрыва?

— Его засекли во время операции. Кроме того, мы недооценили оперативность погранслужбы и, в частности, Пинаева. Биокоп был вынужден самоликвидироваться, потому что в противном случае был бы пойман... — Тот, кого назвали землянином, замаялся на несколько секунд. — Это не все. Они засекли меня на станции при подготовке к взрыву секции десять.

— Кто именно?

— Валаштаян.

— Узнал?

— По-моему, нет.

— Валаштаяна ликвидируйте. Подготовьте отвлекающий маневр где-нибудь в пространстве. Меня начинает беспокоить интерес пограничников и безопасности к Дайсону-2. Как вы оцениваете общую обстановку?

— Как напряженную. Земля запретила исследования Д-комплекса до выяснения обстоятельств взрыва. Планетарным отрядам дано указание соблюдать максимальную осторожность в активных исследованиях. Но главного мы достигли: техника дайсониян, а то и они сами начали реагировать на негативное поведение землян.

— Я это знаю лучше вас. Все идет нормально. Надо продолжать террористическое давление. Проводите запланированные акции и подумайте об их усилении.

— У меня осталось всего два биокопа.

— Активизируйте еще двух взамен ликвидированных.

Кстати, не нравится мне деятельность нового инспектора по освоению. Вы его проверяли?

— Насколько смог. Напарник на Земле выяснил лишь соответствие его личности паспортным данным, все сходится. Может быть, стоит провести пси-зондаж?

— Понаблюдайте за ним, потом будет видно. Нельзя ли провести прямой зондаж Пинаева?

— Он профессионал, подобраться к нему практически невозможно. К тому же, мне кажется, он уже подключил к работе скрытую группу подстраховки и контроля связи.

— И все же подумайте над этим вариантом. Что известно о группе риска?

— Ничего, кроме факта присутствия второго спейсера «Печенег» в Сфере.

— Даю сутки на поиск информации. Не сможете добыть сведения, я найду другого работника.

— Думаете, это легко сделать? Едва ли вам удастся скоро купить еще одного землянина, мистер нечеловек. Для этого необходимо не только знание человеческой психологии, но и стечение обстоятельств, и просто везение.

— Удалось найти вас, удастся найти и других. Этот разговор — пустая трата времени. Я не угрожаю, я сообщаю свое отношение к делу. Цена сделки велика, и вы ее знаете. Конец.

— Отбой связи.

САВВА КАЛАШНИКОВ

Сообщение о последних событиях в Сфере пришло в управление восьмого марта вечером.

Через полчаса Калашникова оторвали от стола у друзей и аварийно доставили в кабинет директора. Еще через сорок минут из кабинета Косачевского он отправился на метро в Сферу в сопровождении группы поддержки.

На Д-комплексе никто их не встретил: во-первых, потому что они никого не предупредили, а во-вторых, потому что здесь шел второй час ночи.

Калашников отослал группу в три человека в распоря-

жение Калчевой, которая должна была со своим отрядом спасателей быть или на Базе, или в глубинах Д-комплекса, а сам решил пройти по дайсонской станции, понюхать запахи тайны.

Земным лифтом он опустился на десятый, бытовой горизонт, прошелся у дверей кают, обитатели которых спали без тревог и сомнений в правильности своих поступков. Светильники в коридоре были выключены, лишь в толще потолка изредка пробегали прожилки голубого света. Утопая по шиколотку в губчатой массе пола, Калашников повернулся спиной к «гостинице» и бесшумно углубился в недра гигантского сооружения. Он ни разу не был на станции, но хорошо знал ее особенности и опасные зоны, которые следовало обходить стороной.

«Вепрь» удачно выбросил его к сотому горизонту девятого сектора, ниже которого произошел недавний взрыв. Людей здесь уже не было. Убедившись в том, что сектор заблокирован, спасатели оставили у границ заблокированного участка роботов-наблюдателей, сигнализирующих об изменении обстановки. Калашников наткнулся на одного такого робота, похожего на металлического богомола, и вздрогнул от раздавшегося голоса:

— Внимание! Находиться на аварийном горизонте запрещено. Настоятельно рекомендую вернуться в бытовой сектор.

— Хорошо, хорошо, — вполголоса пробормотал Калашников.

Заблокированная зона выглядела как обычный тупик коридора: гладкая серая стена под напряжением в шестьсот вольт. Пробриться сквозь такую стену можно было только с помощью излучателей.

Калашников нашел второй радиоактивный коридор, потом третий, но все они заканчивались тупиками. А в широком кольцевом коридоре с губчатым полом на него напал странный зверь, похожий одновременно на гигантскую крысу и на пятнистого волка или рысь.

Зверь неожиданно и бесшумно появился из бокового ответвления коридора, залитого черной вязкой темнотой, и от его броска Калашникова спасло только природное чувство

опасности, не дремлющее ни днем, ни ночью, да возглас «Микки»: «Опасность!» Калашников отпрянул к стене, мгновенно выхватив из подмышечного захвата «универсал».

Зверь промахнулся буквально на сантиметр, громко шелкнув мощными верхними клыками, выдающимися, как у саблезубого тигра. В длину он достигал не менее трех метров, хвост тянулся еще метра на полтора, голова тоже была вытянутой, с длинной хищной пастью. Задние ноги работали как мощные рычаги, а передние лапы заканчивались растопыренными когтями длиной сантиметров по семь.

«Крысоволк» бесшумно приземлился на все четыре лапы, тут же гибко изогнулся и без остановки, попирая законы инерции, «перелился» в другой прыжок, но на мгновение раньше Калашников отпрыгнул назад, в одну из ниш с дверью — здесь их было много, — и выстрелил вдоль стены, автоматически выбрав разряд-факел.

Слепящий голубой рукав с шипением ушел в глубь коридора, опалив шерсть зверя, и тот длинным прыжком метнулся прочь, исчез в темном тупике, словно тень. Ни стука когтей, ни шороха, ни звука дыхания — тишина. Лишь запах остался, тяжелый смрадный запах зверя, запах хищника, не перебиваемый даже разлившимся после выстрела озонном.

Калашников подождал немного, потом внимательно осмотрел место схватки, нашел несколько длинных бурых волосков и положил в карман. Не пряча «универсал», отступил к перекрестку, где его подхватил «вепрь». Наверх, на административно-исследовательский горизонт, он попал только с третьей попытки, увидел дежурного связи и вызвал директора.

Нагааны Даваа явился через десять минут, с бесстрастной миной пожал руку начальнику отдела.

— У вас, кажется, период бессонницы?

— Нечто вроде этого, — кивнул без улыбки Калашников. — К сожалению, нашей бессонницей всегда руководят обстоятельства. Я прибыл час назад, побродил по станции, и в секторе, где произошел взрыв, на меня напало хищное животное.

Даваа на мгновение сбросил свою природную невозмутимость.

— Не может быть! Хищное животное?!

Калашников молча выложил на стол три длинных волоса, черных у основания, бурых по длине и со светлыми метелочками на концах.

Директор центра внимательно осмотрел волосы, сцепил пальцы на груди.

— Я, грешным делом, подумал... Странные волосы. На кого это животное было похоже?

— На крысу и пятнистого волка, только крупнее. Я имею в виду — крупнее волка. На вашей памяти таких встреч не было?

Даваа задумался, потер переносицу пальцем.

— По-моему, молодые биологи на Дайсоне-2 видели нечто подобное... дня три назад. Могу уточнить.

— Уточню сам. — Калашников наконец понял, откуда у него взялось ощущение, будто он уже встречал где-то «крысоволка». Неделю назад в потоке информации, проходящей через отдел безопасности, промелькнуло короткое сообщение о происшествии в Австралии на биополигоне «Хоррор», где палеогенетики воссоздали утраченные в процессе эволюции формы жизни. Наиболее удачными были признаны эксперименты по выведению мамонта, ламантина, утконосого динозавра траходонта и гигантской нелетающей птицы диатримы. Год назад на полигоне был впервые выведен тритемнодон — представитель полностью вымершего отряда хищников, похожий на волка и крысу одновременно. И вот неделю назад вольеры с тритемнодонами на полигоне опустели. Никто не видел, как и когда это произошло и куда делись звери...

— Кажется, я знаю, что это за животное, — пробормотал Калашников. — По Д-комплексу теперь опасно ходить в одиночку и даже парами. Утром объявишь по внутреннему интеркому приказ всему населению станции собраться у тебя, а я объясню ситуацию.

— Это серьезно? Мы и так почти бездействуем, остановили все работы в нижних секторах начиная с сотого горизонта.

— Придется потерпеть, пока не выясним, что здесь происходит. — Калашников перевел разговор на другую тему: — Как тебе работается с пограничниками? С Пинаевым?

Даваа улыбнулся, превратив глаза в щелочки.

— Очень решительный молодой человек. Во многом максималист, азартен и поспешен в решениях, но это возрастное. Хороший работник. Сколько ему?

— Двадцать пять.

— Я так и думал. Кстати, почему я, директор центра, не знаю, зачем прибыла в Сферу машина спасателей?

— А разве последние события в Сфере не требуют специальных мер? Взрыв острова, взрывы на ТРБ-два, взрыв здесь, на Д-комплексе, наконец. Вам это ни о чем не говорит?

— Эскалация военных действий...

Калашников пристально посмотрел на директора.

— Очень точная формулировка. Если бы я не знал тебя, как знаю, я бы решил, что в отделе произошла утечка информации.

— А, так это не беспочвенные старческие фантазии?

— К сожалению.

— Может быть, нам лучше уйти со станции? Построить свою?

— Потеря времени и ресурсов, да и ситуации наш уход не изменит. Похоже, мы нарвались на чье-то настойчивое противодействие. Хорошо, если это просто дайсонская техника, автоматы и киберсистемы, пусть даже «сошедшие с ума». Но скорее всего вмешались чужие силы... Вот что, директор, я вызову Пинаева, а ты пока отдохни часа два.

Даваа развел руками.

— Какой там отдых!.. Вызывай своего Пинаева, пойду к диспетчеру, обзвоню лагеря на планетах.

Директор ушел, а через несколько минут вошел подтянутый и свежий — сна ни в одном глазу — Пинаев.

— Доброе утро.

— Здравствуй, капитан. Не спишь?

— Мне хватает трех часов. Докладывать?

— А разве есть новые данные?

Пинаев немного смутился, легкая краска выступила на скулах.

— В общем-то... нет. У Валаштаяна на левом виске обнаружилась странная рана...

— Когда обнаружилась? После нападения?

— Так точно. Раной, собственно, этот порез нельзя назвать, он не болит, не кровоточит. И похоже это на небольшой кожаный карман.

Начальник отдела безопасности и командир пограничников встретились глазами.

— Интересно, — медленно проговорил Калашников. — Карман пуст?

— Медики проверили на аппаратуре — ничего. Но вполне возможно, ему хотели вшить какую-то штучку типа передатчика команд или пси-программатора.

Калашников перестал ходить по кабинету и сел. Помолчал.

— Положение осложняется. Если чужие используют людей в качестве исполнителей... а это, наверное, так... то обнаружить их будет трудно. Нужен компьютерный анализ биографий всех исследователей и работников бытовых служб. Сколько их должно быть?

— Резидент может быть один, а помощников... — Пинаев подумал, — не больше четырех. Система «фактора сатаны» распадается на три направления: медицина — случаи непонятных заболеваний, кибертехника — сбои в работе автоматических комплексов и террористические акты — взрывы, нападения и тому подобное.

— Согласен. У тебя в группе есть профессионалы следственного отделения, дай им задание заняться выявлением «саботажа» по всем трем направлениям. Это хорошо, что система «фактора сатаны» зиждется на людях, в том смысле, что, по старинному определению, любая система, зависящая от человеческой надежности, ненадежна. — Калашников едва заметно улыбнулся, заметив растерянность в глазах пограничника. — Это я о способности человека совершать ошибки. Наш противник, используя людей, уже совершил ряд ошибок. Например, случай с Валаштаяном, угон моду-

ля, да и нападение на меня — ошибки, хотя, может быть, и непреднамеренные.

— На вас?! — не поверил своим ушам Ждан.

Калашников поведал ему о схватке с крысоломком.

— В этом секторе мы еще не успели поставить «глаза», — пробормотал Пинаев.

— Как видишь, ниточка тянется на Землю, и я за нее потяну. Ну, а тебе остается самое трудное... — Калашников вдруг замолк, прислушался к чему-то и вопросительно посмотрел на пограничника. — Ты не один? Кто тебя подстраховывает?

— Сейчас никто.

Начальник отдела распахнул дверь кабинета, но в соседнем помещении никого не было, дверь в коридор была открыта. Калашников стремительно выскочил в коридор, но успел увидеть только спину человека, скрывшегося за углом коридора.

— Не выходи без прикрытия, — сказал Савва, вернувшись в кабинет. — По всем данным, противник знает о нас почти все, а мы о нем ничего. На каждом горизонте постарайтесь установить комплексные датчики и «глаза», работающие на общий селектор. У селектора пусть дежурит Строминыш со своими ребятами. Я сейчас слетаю на ТРБ-два, а ты собери группу и проинструктируй, как обезвредить крысоломка. Насколько мне помнится, в вольерах на полигоне «Хоррор» было двадцать две особи, одну нашли в пустыне, остальные исчезли. И все они где-то здесь, на станции и планетах.

Пинаев порозовел под его взглядом, но постарался скрыть свои чувства, хотя Калашников никогда не считал такую сдержанность особым достоинством.

Найдя прибывшего с ним начальника группы поддержки, он сказал:

— Гоша, срочно возвращайся на Землю и раскопай с Захаром инцидент в Австралии на полигоне «Хоррор». Никого не привлекайте, этот поиск необходимо провести скрытно. К моему возвращению материал должен быть собран.

Маленький подвижный Гоша, Георгий Хлопов, умевший понимать начальника отдела без слов, укатился к мет-

ро, а Калашников остался размышлять над тем, кто мог подслушивать разговор с Пинаевым и услышал ли этот любопытный что-нибудь существенное.

До утренней зарядки начальник отдела побывал на Базе-2, выслушал доклад Калчевой о выполненных мероприятиях, осмотрел место взрыва и вернулся на Д-комплекс, где директор исследовательского центра уже собрал всех своих работников, проживающих в «гостинице» станции.

Калашников скупово поведал им о создавшемся положении, не разъясняя сути своей работы, прочитал распоряжение руководства Даль-разведки о временном прекращении исследовательских работ непосредственно на Д-комплексе и провел инструктаж по технике безопасности. Вопросов было немного, опытные специалисты, не раз участвовавшие в дальних экспедициях, знали цену неожиданностям. Первый вопрос был самому Калашникову:

— Могут ли ученые, изучающие станцию, присоединиться на время к экспедициям на планетах?

Начальник отдела безопасности предвидел подобные вопросы и ответил, что это нежелательно, хотя решающее слово остается за руководством центра.

Второй вопрос задали директору Нагааны Даваа:

— Почему доступ к вам стал практически невозможен? Многие вопросы находятся вне компетенции секретарей, тем не менее в последнее время все пути ведут к секретарю Каспару Гриффиту.

Среди собравшихся послышались восклицания и смех, молодежь до тридцати лет составляла среди них более восьмидесяти процентов.

— Константин не может без шефа...

— Он решает только глобальные проблемы...

— Пора перевести его на диетпитание — у человека явно выросло самомнение.

Виновник реплик и смеха, молодой рыжий кибернетик, покраснев, отбивался от беззлобных выпадов товарищей. Каспар Гриффит, улыбаясь, оглянулся на Калашникова и развел руками:

— Каюсь, узурпировал власть, но у директора очень много работы.

Даваа переждал шум и сказал серьезно:

— Разрешаю все вопросы обсуждать со мною лично в любое удобное для вас время.

Смех вспыхнул с новой силой. Никакие ограничения и запреты не могли вышибить из молодых исследователей их оптимизм и веру в свои силы.

Калашников провел в Сфере еще сутки, посетил несколько лагерей на Дайсонах-2 и -3, поговорил с биологами, видевшими животное, похожее на тритемнодона крыс-волка, и убыл на Землю с грузом информации для размышлений.

ДАЙСОН-1

Вторая операция по уничтожению

Океан занимал семьдесят процентов поверхности планеты, остальная площадь приходилась на сушу — пять крупных островных архипелагов и «четверть материка», часть суши, занимавшую по площади промежуточное положение между большим островом и небольшим материком.

Экспедиции на островке, носившем название Остров Невезения, не работали по многим причинам. Во-первых, он был густо заселен дайсами: орбитальные наблюдения показали, что на острове находится сорок поселений аборигенов, приспособленных к жизни в вудволловом лесу. Но это обстоятельство объяснялось легко — остров располагался в экваториальной области южной тропической зоны планеты, и его среднесуточная, она же среднегодовая температура достигала двадцати шести градусов. Во-вторых, на острове практически не было открытых пространств, полей и площадей — только лес и несколько невысоких каменных горбов. В-третьих, электрический потенциал Острова Невезения был настолько высок, что всякое появление инородных тел над его территорией вызывало сухую электрическую бурю, и работать там без скафандров было невозможно.

Совет исследовательского центра во главе с директором Даваа решил пока довольствоваться наблюдениями за жиз-

нию островитян с помощью высотных зондов и дистанционных измерений, для чего над Островом Невезения был повешен ИКО «Аргус-2» — исследовательский орбитальный комплекс с компьютером первичной обработки данных.

Двадцать второго марта по земному календарю, в два часа ночи по относительному времени Д-комплекса, над ИКО «Аргус-2» появился модуль серии «Коракл». В его кабине находились двое, затянутые в компенсационные костюмы спасательной службы: пилот и бортинженер.

Пилот вывел модуль в позицию энерговыхлопа — корабль мог вызвать снежную лавину или уничтожить ледник — и, не предупреждая соседа, мысленно скомандовал: «Залп!»

Энерголуч вонзился в двадцатиметровый пучок труб — станцию «Аргус-2» — и в течение двух секунд раскалил их до желтого свечения. Большого с расстояния в десять километров луч сделать не мог, да этого и не требовалось.

Пилот выполнил маневр входа в атмосферу, а спустя двадцать минут модуль вышел над островом, живущим своей замедленной таинственной жизнью. Две минуты ушло на выбор точек удара и расчет траекторий сбрасываемых аппаратов, затем с интервалом в пять секунд модуль, как невиданная птица, обронил над островом три серебристых яйца.

Пилот и его спутник молча проследили за падением капсул.

Первая упала в центре деревни дайсов, вторая и третья — в массивах вудволлового леса. Через мгновение в местах их падения взметнулись поначалу небольшие, но стремительно растущие белые облака. За минуту деревня дайсов была скрыта парообразной пеленой, на глазах сгущающей цвет до ослепительно белого. Белые шапки странной кипящей пены выросли и над лесом, где скрывались аппараты, но здесь их продвижение было замедлено, хотя площадь леса под снежно-белой пеленой увеличивалась, пока не достигла сорока квадратных километров.

Издалека донеслись частые и звонкие, как удар хлыстом, звуки — лопались от жуткого холода замерзшие вудволлы. Капсулы, сброшенные неизвестными, были генера-

торами холода, способными в течение считанных секунд заморозить небольшое озеро; применялись они для постройки айсбергов нужной конфигурации и в спасательных операциях, когда нужно было перекрыть реку, брешь в плотине, пробоину в подводном куполе, укротить вулкан или цунами.

Три растущих пятна соединились в одно белое пятно и прекратили рост.

— Все, — буркнул пилот. — Прилетим позже, посмотрим, что осталось.

Модуль задрал нос и прыгнул в небо.

Лишь через час облако осело, и взору предстала картина обледеневшего под действием температуры жидкого водорода леса и деревни дайсов, вернее, того, что от них осталось. Но вскоре под воздействием колоссальной холодной массы над островом стала конденсироваться влага, и он весь скрылся в пелене тумана и дождя — явления небывалого в климатических условиях дайсоновских планет.

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Приказ директора исследовательского центра о временном запрещении экспедиционных работ на Д-комплексе привел в уныние большую половину населения центра, состоящего из молодых ученых, экспертов и инженеров в возрасте до тридцати лет. Лишь немногим из них удалось добиться разрешения войти в состав планетарных отрядов, остальным же оставалось заниматься анализом уже добытых данных и обсуждением возникших проблем на «раутах» в каюте Уве Хоона.

Никита не участвовал в полемике о природе странных происшествий на дайсоннианской станции и на планетах Сферы, он работал с экологами на спейсере Даль-разведки «Лидер», используемом в качестве информационно-вычислительного центра большой мощности, выполняя программу интегрального обзора характеристик планет. Дважды он встречался с Флоренс Дженнифер по служебным делам и дважды в компании у Хоона, но девушка вела себя, как пре-

жде, с ироничной официальностью, что заставляло инспектора ощущать себя в известной мере объектом исследования.

Ревнивый Константин Мальцев, ни на минуту не оставляющий Флоренс одну, если ему предоставлялась такая возможность, чувствовал «конкурентоспособность» Никиты, но задевать его в шутливых пикировках побаивался.

В последней серии климатических прогнозов Сферы Никите пришлось работать вместе с кибернетиком, и они неожиданно для Константина, видевшего в инспекторе только соперника, подружились. Мальцев даже признался, что успеха у Флоренс не имеет, несмотря на множество попыток найти с ней что-то общее, а Никита был достаточно осторожен, чтобы не расспрашивать Костю в открытую.

Закончив расчеты по первому Дайсону, инспектор принял за Дайсон-2, одновременно устанавливая круг лиц, допущенных к ключевым позициям исследовательского центра. Таких позиций было три: медицинское обслуживание с аппаратом карантин-контроля, обслуживание автоматических исследовательских комплексов типа ИКО «Аргус» и адаптивной робототехники «Осьминог» и прямой доступ к технике землян на топливно-ресурсных базах.

Количество лиц, занятых на каждом направлении, оказалось достаточно велико, и Никита понял, что необходима связь с Калашниковым: без помощи специалистов отдела он не сможет гарантированно проверить всех подозреваемых в помощи «фактору сатаны». Инспектора неприятно поразило то обстоятельство, что психоэтик Флоренс Дженнифер находится в дружеских отношениях с главврачом медцентра Джанарданом Шрестхой. Дружба эта казалась странной: семидесятилетний старик, вечно мерзший даже в костюмах с терморегуляцией, лысый и неприятно высокомерный, явно не годился в друзья эффектной во всех отношениях Флоренс, но какая-то связь между ними была, и Никите пришлось ввести Флоренс Дженнифер в круг особого внимания, что было, если честно признаться, весьма нежелательно.

После семичасового бдения над расчетами с подключением к вычислению Никита разрешил себе расслабиться, и

они с Мальцевым потащились в кают-компанию спейсера, зависшего над плоским торцом Д-комплекса. Сели в уголке, заказав тоник со льдом, и принялись развлекаться, вспоминая общих знакомых на Земле. Потом перешли на открытия в Сфере, и Константин поведал инспектору немало интересного, чего тот еще не знал.

По натуре кибернетик относился к холерикам: был нетерпелив, смешлив, склонен к риску, обладал быстрой речью и выразительной мимикой. Однако это не мешало ему завязывать контакты со всеми, кто вызывал у него интерес.

— Я был в зоне орбитального запрета, — рассказывал Мальцев, потягивая тоник. — Это область пространства на расстоянии миллиона километров от Дайи. Там обнаружены сооружения дайсониян, по размерам близкие к Д-комплексу. Подходить к ним опасно, вокруг них часто возникают странные вихревые поля, или, как сказал мой друг Валаштаян, «колебания вакуума». Инженеры проникли внутрь одной из шести установок, и знаешь, что они там обнаружили?

— Живого дайсониянина, — пошутил Никита.

— Почти, — засмеялся эколог. — Законсервированный машинный парк и банк генофонда! А мы гадали, куда дайсонияне подевали свою технику, ведь находки на планетах немногочисленны.

— Выходит, эти орбитальные установки — просто летающие склады, выведенные подальше от любопытных глаз?

— Нет, они скорее всего представляют собой преобразователи энергии, но ты же знаешь наших инженеров — они никогда не скажут всей правды сразу, даже если они ее знают. А вообще-то машины дайсониян в высшей степени интересны. Во-первых, они многофункциональны, а во-вторых, трансформны в таких диапазонах, которые пока недоступны нашей технике.

— Так уж и недоступны, — усомнился Никита.

Мальцев смутился.

— Я, конечно, узкий специалист, но к технике близок, и это мнение не мое. Напрасно ты редко посещаешь кают-компанию Уве, услышал бы много любопытных вещей.

Кроме машинных парков, кибернетик успел посетить

города дайсонии на всех трех планетах, познакомился с коммуникаторами и планетологами, физиками и биологами, поучаствовал в создании музея и сделал множество других дел, и Никита невольно позавидовал его энергии и умению осваиваться в любой обстановке. В школе контактеров Мальцев получил бы высший балл по коммуникабельности.

— Понимаешь, свои обязанности я выполняю легко, — продолжал увлекшийся Константин, — и меня тянет к неординарным задачам. Например, экспертов по технике волнует вопрос: где звездный флот дайсонии? Нашли только один сохранившийся звездолет, а где остальные корабли? Не могли же дайсонии строить Сферу вручную, без флота.

— Много мы знаем об их возможностях, — с улыбкой заметил Никита, которому нравились увлекающиеся натуры. — Может быть, они управляли строительством через метролинии.

— Вот-вот, есть и такое мнение, но опять же возникает парадокс: дайсонии, судя по Д-комплексу, имели свой метротранспорт, но на планетах до сих пор не найдена ни одна кабина! Как же они общались между собой? Или вот еще проблема: облик строителей. Единого мнения по сей день не существует. Все сходятся лишь в том, что дайсонии были двуноги и, может быть, двуруки, если судить по форме пультов управления, кабин и кресел в аппаратах, но точная реконструкция их облика только по этим данным — дело пустое. Там, в этих креслах, есть еще какие-то бугры и вмятины, на пультах — выемки и наросты, причем все наросты и вмятины находились в рабочем состоянии под напряжением.

— И в креслах?

— В них тоже. Представляешь, садишься в такое кресло, а там три тысячи вольт! — Константин хихикнул.

— Значит, древние дайсонии были существами электрическими, вернее, имели электроорганы, только и всего.

— Таково же мнение биологов, да и неудивительно, коль атмосфера планет насыщена электричеством, как лейденская банка. Но что интересно — к креслам дайсонии подведены еще световоды, а вместо ножных упоров сделаны ванны, содержавшие некогда сложный солевой раствор.

— Может, дайсонiane имели ротовые отверстия на ногах? — серьезно заметил Никита.

Мальцев посмотрел на него с замешательством, потом понял, что инспектор пошутил.

— Ты гениально мыслишь. Подари идею.

— Пожалуйста. — Никита захрустел пластинками жареного папоротника. — А современные дайсы-островитяне тоже электрические существа?

— По-моему, нет. — Константин задумчиво выщедил стакан апельсинового напитка. — Хотя точно не знаю, поговори с биологами. Знаешь, я вспомнил... Вчера мы крутили с тобой анализ Дайсона-2, и я обнаружил интересную аномалию...

Никита поставил свой стакан с соком, нахмурился.

— Почему же я не обнаружил?

— Тебя отвлекли. Помнишь, звонила Фло?

Никита вспомнил, почесал в затылке.

— М-да... за такую невнимательность меня надо снять с работы. Почему сразу не сказал?

— Меня тоже отвлекли. Пока ты разговаривал с Фло, пристал Салих: расскажи да расскажи, кто был у Хоона в последний раз. Ну, я и забыл...

— Работнички мы с тобой!.. — Никита хмыкнул. — И что же ты обнаружил?

— В расчетах термобаланса Дайсона-2 имеются расхождения. Первый был сделан при анализе инфраструктуры планет сразу после открытия Сферы, а второй провели планетологи при детальном обследовании каждой планеты. Не знаю, почему я зацепился за эти цифры. Если оценить их качественно, то впечатление такое, будто поверхность суши на Дайсоне-2 больше, чем есть на самом деле, примерно на пятьсот сорок квадратных километров.

— Всего-то? — прищурился Пересвет.

Мальцев снова смутился.

— Может, это и несущественно, но мне показалось любопытным такое расхождение в оценках площади суши двумя методами: топосъемкой и термобалансным соотношением.

«Слышал? — Никита мысленно позвал «Васю». — Про-

верь расчет. Получается — был остров, потом пропал, но тепловое излучение не изменилось».

«Понял, — прошелестел «Вася». — Прошу обеспечить информацией. Кстати, за нами ведется наблюдение, советую обратить внимание на молодого человека за столиком у второй двери».

«Аппаратура?»

«Прибор для дистанционного прослушивания».

Никита незаметно оглядел наблюдателя: средних лет, залысины, бледное лицо с безвольной складкой губ. Не красавец, но и не урод, судя по форме — специалист по ТФ-связи. Какого дьявола ему надо? Кто он? Пограничник или агент Чужих?

— Что замолчал? — напомнил о себе Константин. — Тебя никогда не мучила ностальгия? Я здесь всего пять месяцев, а уже хочется на Землю. Не говорю, что мне стало скучно, но длительные экспедиции не для меня. Хотя и на Земле не усiju долго... Знаешь, давно попросил бы отпуск...

— ...если бы не Фло, — подсказал Пересвет.

Кибернетик порозовел и не нашелся, что ответить. Допив очередную порцию напитка, он повертел красивый резной стакан из дымчатого стекла и посмотрел на часы.

— Ну, я пойду? В три часа главный собирает нас на очередной инструктаж. Слышал, что на Д-комплексе появились хищники? Говорят, это сторожевая техника древних дайсониян, по станции теперь ходить небезопасно.

Инспектор кивнул. Он уже знал, что сторожевая техника дайсониян не имеет отношения к появлению хищников.

Мальцев ушел. Вслед за ним ушел и наблюдатель, личность которого «Вася» определить не смог, в его памяти не было связиста с физиономией меланхолика. Никита переместился со спейсера на Д-комплекс и задержался под куполом метро.

В это время небольшой зал приема был почти пуст: приказ о временном закрытии линии Земля — Сфера вступил в силу. В зале отправки несколько человек вместе с киб-позвучниками загружали синие контейнеры с эмблемой Дальразведки — алая стрела, перечеркнувшая спираль Галактики, — да робот-уборщик с жужжанием ползал под куполом,

натирая до блеска прозрачный пластик. Словно специально для зрителя Сфера вдруг мигнула и погасла.

Второй раз Пересвет наблюдал мигание Сферы, но теперь успел заметить, что гасла она не мгновенно. Сначала погас тот участок-круг, напротив которого проходил в данный момент Д-комплекс, а потом волна темноты побежала от него дальше и дальше, пока полностью не погасила сияние сферической оболочки. Затем все повторилось в обратном порядке, но со светом: вспыхнул ближайший участок Сферы, и радужная волна света побежала по оболочке во все стороны.

В ответ на эмоциональное состояние хозяина «Вася» попытался объяснить явление, но Никита сам знал, в чем дело: таинственные механизмы, включающие поглощение оболочкой излучения Дайи, срабатывали синхронно, но поскольку Сфера была огромна, а скорость света конечна — появлялся эффект волны на воде, — человек видел световую волну, бегущую по оболочке Сферы со скоростью триста тысяч километров в секунду.

Под куполом зажглись светильники. Рабочие в зале продолжали свое дело, не обращая внимания на метаморфозы Сферы.

В своей каюте Никита привел в порядок записи, бегло просмотрел отчет центра по водным ресурсам планет и, диктуя выводы в усик инфора, прикрепленный к воротнику куртки, тщательно проверил в комнате наличие «примесей». «Вася» отметил появление в стенах каюты новых электроптен, то есть блуждающих потенциалов электрического поля, и двух странных точечных областей на дверце шкафа и в тумбе стола, создающих вокруг себя микроволновый фон. «Устройства передачи информации, — безапелляционно заявил «Вася». — Внедрены в материалы мебели методом мембранной диффузии. Уничтожимы только вместе с мебелью».

Никита отложил отчет. «Каким образом кто-то проник в запертую каюту?»

«Не знаю, — признался «Вася». — Попробуй сменить кодон распознавания входной двери. Если не поможет, значит, хитрость заключена в самом помещении. Возможно,

комната имеет механизм трансформации, работа которого контролируется извне дистанционно».

«Понял, приму к сведению. Сейчас сделаем сюрприз Пинаеву. Выйду из каюты — крути программу вызова».

Никита проверил экипировку, чувствуя раздражающее присутствие скрытого наблюдателя, подумал, что с удовольствием уничтожил бы микрошпионов, но, к сожалению, нельзя. За ним пока установили профилактическое наблюдение, а если уничтожить «глаза» — установят слежку оперативную, по всем правилам, уйти от которой в навязанных условиях будет очень сложно.

«Вепрь» на этот раз унес инспектора всего на двадцать пятый горизонт, к перекрестку двух коридоров — освещенного голубой мигалкой и темного, с багрово светящимися прожилками на потолке.

Никита поклонился по голубому коридору, утопая в упругой массе пола, ничего интересного не нашел и вернулся к перекрестку.

Темный коридор с багровым рисунком на потолке оказался живым, то есть наполненным тихим механоэлектрическим движением. В нем то и дело вспыхивали фонтаны искр, двигались и исчезали какие-то медузообразные бесшумные тени, вздрагивал пол.

Пересвет с любопытством углубился в коридор, не обращая внимания на предостережения «Васи», и в это время сзади раздался негромкий голос:

— По-моему, идти туда без нужды не стоит.

Никита оглянулся. На перекрестке с вопросительно поднятой бровью стоял Ждан Пинаев, капитан пограничников. Он явно не ожидал встретить здесь агента Даль-разведки по освоению планет.

— Быстро вы добрались, я бы так не смог. За нами наблюдают ваши люди?

Вопрос в глазах Пинаева исчез.

— Мои, группа подстраховки. Значит, вы и есть «блуждающий форвард» Калашникова? Честно говоря, я на вас не подумал, хотя и пытался прикинуть, кто разведчик.

Никита улыбнулся.

— А на кого вы подумали?

Пинаев слегка смутился, хотя держался хорошо.

— Грешил на двоих — на Каспара Гриффита и Джанардана Шрестху. Оба активны, любопытны, хотя и скрывают любопытство, оба далеко не просты. Но у вас, наверное, мало времени. Что случилось?

— Свяжитесь с Калашниковым и сообщите, что база Чужих скорее всего находится на втором Дайсоне. Прямое доказательство: площадь суши не соответствует термобалансу, часть ее скрыта от глаз, вероятно, под силовым колпаком. Косвенные доказательства: концентрация странных происшествий именно вокруг Дайсона-2, концентрация наиболее интересных и важных находок там же. Пропавших в зоне взрыва не нашли?

— Двоих нашли, блокировка сектора частично снята, но третьего нигде нет. Либо хомодетекторы не тянут сквозь материал стенок и перекрытий, либо его в заблокированной зоне нет. А ломать перегородки и стены опасно — там все под напряжением. Кстати, на вашего начальника у заблокированного сектора было совершено нападение.

— Жив?! — вырвалось у Никиты. — Кто напал?

— Все в порядке, жив. Хищный зверь, один из тех, что таинственно исчезли из вольеров биополигона «Хоррор». Называется — тритемнодон, обитал на Земле в среднем неогене, сорок пять миллионов лет назад. Восстановлен ген-инженерами по методу обратимости генной памяти. Об этом не раз передавали по интервьюдению.

— Я тоже слышал об их исчезновении, но каким образом тритемнодоны оказались в Сфере?

Пинаев пожал плечами.

— Этим делом занимается ваш отдел. К сожалению, прочесать Д-комплекс, чтобы выловить зверей, мы не в состоянии. Придется передвигаться с оглядкой, будьте осторожны.

— Принял. Передайте Калашникову, что я отменяю связь через посредника, предусмотренного операцией. До тех пор, пока не разберусь, кто есть кто. В дальнейшем связь с вами буду держать только по рации. Будьте готовы к форме «экстра». При получении сигнала войдете в группу риска для координации действий. Самостоятельные операции с

этого момента запрещаю, будете работать только по моим указаниям.

— Есть, — подтянулся Пинаев. — Могу ли я сегодня закончить работу с зоной взрыва и ТРБ-два?

— Можете, но не лично. Предел действий — десять тысяч километров, вы не должны удаляться от Д-комплекса на большее расстояние. Удачи.

Пинаев пожал протянутую руку и бесшумно зашагал прочь от перекрестка по голубому коридору. Вслед за ним из боковых ответвлений в сотне метров от перекрестка мелькнули две тени — прикрытие. Исчезли. Тихо, как в подzemелье, только шею щекочет ток озонированного воздуха.

Никита вернулся в центр и разыскал по связи Флоренс Дженнифер. Девушка находилась на Базе-10, располагавшейся на одном из островов Южного океана Дайсона-2. На вопрос, что она там делает, Флоренс не без юмора ответила, что ждет агента по освоению Пересвета. Никите ничего не оставалось, как поторопиться на Базу-10, чему он был даже рад: База находилась на втором Дайсоне, где предполагался лагерь Чужих.

«Десятка» снабжала всем необходимым отряды коммуникаторов, океанологов, биологов и археонавтов и представляла собой три стандартных параллелепипеда длиной в пятьдесят и высотой в пятнадцать метров каждый. Внутри первого — лаборатории и склады оборудования коммуникаторов и археонавтов, второй занимали океанологи и биологи, а третий был общим: столовая, оранжерея, энергоблок, транспортный отсек, медицинский блок — все как и на других базах.

Никита нашел на втором этаже общего корпуса медицинский блок и вошел в дверь с надписью: «Вход только по вызову».

В приемной комнате отсека мужчина средних лет, широколицый, с глазами навывкате, равнодушно оглянулся на инспектора. Он что-то писал на дисплее медицинского комбайна.

— Флоренс Дженнифер у вас? — спросил Никита.

Мужчина молча кивнул на одну из дверей и занялся своим делом. Инспектор вошел в указанную дверь.

Небольшая комната с бесформенными с виду креслами, подставкой координатора в углу и стеной видеопласта. На полу ковер, оформленный под толстый слой опавших кленовых листьев, цветовой подбор стен и мебели комфортный: мягкие зеленоватые и палевые тона, освещение объемное, без бликов, по спектру близкое к солнечному.

«Мы не одни», — предупредил «Вася».

«Это я и сам вижу», — иронично заметил Никита.

«Кроме Флоренс, я чувствую присутствие еще одного человека... а может, и не человека, мало информации...»

— Проходите, — улыбнулась девушка, видя, что инспектор остановился у порога. — Или у вас внезапный приступ робости?

Одета Флоренс была в золотистое трико с черным поясом — внутренний компенсационный слой рабочего комбинезона, и Никита мог в полной мере оценить достоинства ее фигуры. Изъянов он не видел и раньше, теперь же понял, что природа поработала над Флоренс серьезно, с вдохновением, не экономя. Фигуру девушки трудно было описать двумя словами, хотя на ум Пересвету и приходили в основном стандартные оценки: совершенство, гибкость, изящество, гармония — слагаемые красоты, в свою очередь, состоящие из определенных наборов черт и характеристик. Но одно Никита знал точно: в стоящей перед ним девушке природа максимально реализовала идеал. Чтобы быть точным — его идеал.

Флоренс тихо засмеялась и скрылась за выросшей в углу ширмой. Через минуту она появилась в комбинезоне, таком же, какой был на Пересвете.

— Я в вашем распоряжении, инспектор. Какая у вас программа?

— Программы нет, основные расчеты и анализ характеристик Дайсонов я закончил. Хочу познакомиться с каждым Дайсоном детально, а начать надо с положений экзотики и психозтики. Нужно определить зоны, где присутствие человека в любых ипостасях нежелательно. А для этого мне нужен старожил и специалист-психозтик Флоренс Дженнифер, знающая Дайсоны как свои пять пальцев.

Глаза у Флоренс стали задумчивыми.

— Явное преувеличение в духе Кости Мальцева. Вы знакомы?

— Он мне кое в чем помог. Парень без вас, по-моему, просто не выживет, если отправить его на Землю.

— Костя... славный мальчик, но и только. Что касается зон запрета... можно, почти не рискуя, отнести все три Дайсона к заповедникам планетарного масштаба, присутствие в которых людей не только нежелательно, но и вредно.

— Ого! Вывод достаточно эмоционален, но объективен ли?

— Я приведу факты. Психозтики ошибаются редко, а если ошибаются, их просят подыскать другую профессию. Может быть, я и пережимаю, но попробую убедить вас на примерах. Вы знаете, что здесь, на Дайсоне-2, вчера нашли второй звездолет дайсониан?

— В самом деле? Тогда почему мы стоим? Вперед!

Флоренс перекинула через плечо ремень плоской белой сумки и вышла первой. Шаг девушки был легкий и быстрый, комбинезон не мог скрыть ее грациозной женственности, и Никита усмехнулся в душе своей готовности следовать за Флоренс хоть на край света. «Вася» молчал — он, похоже, одобрял мнение хозяина.

Пройдя кабину лучевой дезобработки, они вышли в «бабье лето» Дайсона-2. У входа ждал трехместный пинасс голубого цвета, на крыло которого опирался молодой парень со скучающим лицом. Заметив Флоренс, он подобрался, не обращая внимания на ее спутника.

— Извините, по распоряжению администрации центра всем самостоятельным группам из соображений безопасности придаются проводники. Меня зовут Вальин, и я в вашем распоряжении.

«Вальин Гонсалес, мексиканец, двадцать девять лет, — прошептал «Вася». — Гравионик, стаж работы в Сфере — десять месяцев, числится в группе экспертов технологии».

Флоренс вдруг остановилась и с досадой щелкнула пальцами.

— Забыла оптику... Простите, вы не принесете из медотсека мою рабочую сумку? — обратилась она к парню, на которого явно подействовали ее колдовские чары. — Садитесь быстрее. — Флоренс ловко юркнула на место пилота, и че-

рез мгновение они были в воздухе. — Не понимаю, к чему эта перестраховка, к тому же для нашей прогулки третий — лишний.

Никита с любопытством посмотрел на раскрасневшуюся спутницу, заговорившую вдруг не свойственным ей игривым тоном, но Флоренс ответила насмешливым взглядом, и все стало на свои места. По-видимому, это было в ее манере: придать фразе смысл, которого на самом деле нет, и не опровергать его словами, рассчитывая на известную поговорку: сапиенти сат — умный поймет.

Цвета материковой, вернее, островной природы дайсоновских планет в южной зоне группировались вокруг желтой полосы спектра, поэтому пейзаж под аппаратом напоминал земной умеренных широт в период солнечной осени. Да и температура воздуха была близкой к осенней — плюс девятнадцать по Цельсию.

Пролетели над вудволловой рощей, напоминавшей останки какого-то архитектурного сооружения. В центре рощи на поляне стояла мечеть дайсов, окруженная цепочкой маленьких фигур. Пинасс оставил в стороне три мелких островка здешнего архипелага и взял курс в открытый океан. Вода под ним приобрела интенсивный янтарный цвет, и даже рябь волн не могла забить, засеребрить эту светящуюся медвяную желтизну. Иногда на поверхности воды встречались сиреневые и коричневые пятна водорослей, изредка в глубине можно было заметить косяки дайсонских рыбозмей или подводные горы, а однажды по воде проплыли ослепительно белые ажурные кружева — колония живых цветов, заряженная электричеством.

Молчание не мешало Никите наблюдать за разворачивающимся ландшафтом и одновременно за сосредоточенной Флоренс, но ему все время казалось, что вместе с ними в кабине незримо присутствует кто-то третий, пытаясь осторожно заглянуть в мысли инспектора. Ощущение было субъективным, психологическим, потому что «Вася» молчал, но Пересвет доверял своей интуиции, своим инстинктам и повысил боеготовность, зная цену неожиданностям; он помнил попытку пси-прослушивания в каюте Уве Хоона в первый свой день на станции.

Внезапно Флоренс резко повернула и протянула руку вперед:

— Смотрите!

Пинасс догонял какую-то бесформенную массу, в которой Никита не сразу узнал... воздушный шар! В размерах шар больше, впрочем, напоминал банан, достигающий метров пяти, а под ним болтался небольшой предмет черного цвета. Пинасс завис рядом с шаром, и Никита наконец разглядел предмет: это был труп дайса.

— Замерз, — тихо сказала Флоренс с какой-то странной интонацией.

Никите показалось, что в ее голосе проскользнули нотки грусти и нежности, но он не намеревался анализировать каждый жест или фразу девушки, к тому же ему самому было жаль путешественника-островитянина, нашедшего смерть вдали от дома.

Флоренс тронула аппарат с места и чиркнула стабилизатором по боку воздушного баллона. «Банан» с шипением съехал, пошел вниз и исчез в блеске янтарных волн океана.

— Мир праху твоему, первооткрыватель, — пробормотал Никита.

Флоренс посмотрела на него, изогнув бровь, но промолчала.

На горизонте показалась длинная темная гряда — остров. Когда до него осталось километров пятнадцать, на панели управления вспыхнул оранжевый глазок, а из динамика раздался мужской голос:

— Борт-икс, остановитесь! Остров объявлен запретной зоной — работают коммуникаторы. Лицам, не имеющим полномочий, приближаться к острову запрещено!

— Алло, Стив? — сказала Флоренс в микрофон. — Это я, Фло Дженнифер, сертификат «три шестерки», ты знаешь.

— Фло? С базы мне сообщили, что ты не одна...

— Со мной инспектор Даль-разведки Пересвет, сертификат «три девятки».

«Три девятки» на жаргоне космоблота означало «особые полномочия», «три шестерки» — доступ в любые места, кроме районов работы спасателей.

Стив отозвался через полминуты:

— Полет разрешаю. Что конкретно вас интересует?

Никита повернул усик микрофона к себе.

— Занимайтесь своими непосредственными обязанностями, уважаемый, мы сами решим, что нас интересует.

Неведомый Стив отключил связь.

Флоренс укоризненно покачала головой, увеличила скорость.

— Стив хороший парень, напрасно вы его обидели.

Остров, береговую границу которого они пересекли, был велик и почти целиком зарос вудволловым лесом. Через минуту полета в сплошных черно-золотых «развалинах» под аппаратом протаяла долина, в которой стоял город дайсонниан, один из немногих уцелевших, успешно справившийся с вырождением.

До этого Никита видел дайсоннианские города только на стереографиях.

Флоренс подняла машину чуть выше, чтобы город был виден весь целиком, и остановила полет, давая инспектору возможность оценить градостроительное искусство древних хозяев планеты.

Архитектура дайсонниан — нечто странное с точки зрения земной логики и позиций антропоморфизма. Вертикальный стиль, если вводить земные аналогии, но прошедший через чуждое людям восприятие, образ жизни со своими геометрическими пропорциями и функциональным назначением.

Во-первых, все здания города были высокими, но одноэтажными. Во-вторых, они не имели крыш. В-третьих, соединялись в замысловатый узор, напоминающий лабиринт, а улицы города больше походили на газоны, засеянные травой, а может быть, и в самом деле были газонами, во всяком случае для ходьбы людей они не предназначались. В-четвертых, город дайсонниан был похож на вудволловый лес, разве что менее густой и более облагороженный и с другим цветовым оттенком стен.

У одного из крайних зданий Никита заметил палатку, куттер и группу людей в желтых комбинезонах.

— Археонавты, — пояснила Флоренс. — В этом городе их человек сорок, потому что он сохранился намного лучше других. Большинство дайсоннианских городов почти раство-

рилось в массе вудволловых лесов. Есть гипотеза, что вудволловые леса — это одичавшие и расплодившиеся города.

Перстень на пальце девушки полыхнул сиреневым огнем. «Пальцы натирают, — вспомнил Никита слова недавнего гида при посещении музея, — все сняли, а Фло носит — и хоть бы что!» Интересно, разобрались специалисты в функциях этой безделушки или нет?

— Красив! — заметил инспектор, кивая на перстень.

Флоренс мельком посмотрела на руку и равнодушно кивнула. Эта ее реакция озадачила Пересвета, потому что он знал, как равнодушны обычно женщины к комплиментам, но в это время пинасс завис над газоном одной из улиц и мягко приземлился. Отскочил и повернулся колпак кабины, Флоренс выпрыгнула наружу, утонув в густой желтой пухо-траве по колено.

Никита выбрался следом, прислушиваясь не столько к звукам жизни чужого города, сколько к шепоту «Васи», который снова заметил постороннего наблюдателя.

Над городом медленно кружил виброкрыл величиной с крупного орла, вспыхивая радужными плавниками. Больше никаких живых или движущихся предметов в поле зрения и в поле интуиции Никиты не попало.

— Не отставайте, — окликнула его Флоренс, уверенно направляясь к ближайшему зданию. — Что вы там увидели?

Никита указал на виброкрыла.

— Интересная птичка. «Крылья орловы, хобота слоновы; мы их бить, а они нашу кровь пить».

Девушка засмеялась.

— Похоже. О ком это на самом деле?

— Древняя поговорка о комарах. Что-то не похож виброкрыл на комара, перефантазировали биологи.

— Тем не менее это существо физиологически ближе к насекомым и к тому же способно кусаться. Кстати, укус виброкрыла вызывает пароксизм удовольствия. Были попытки отлова виброкрылов для получения сеансов удовольствия.

Никита кивнул, он знал, о чем идет речь.

Прошли мимо квадратной толстой плиты, утонувшей в траве. Материал плиты напоминал бетон. Такие прекрасно сохранившиеся плиты встречались в изобилии на всех ост-

ровах Дайсонов, но их предназначение оставалось тайной. Гипотеза археонавтов, что это постаменты для скульптур, не выдерживала критики.

Пересвет подошел к стене здания, прогнувшейся, покрытой наплывами и вмятинами, потрогал ее рукой и получил слабый электрический укол. Материал стены походил на серый мрамор с черными прожилками, образующий тонкий, удивительно красивый муаровый рисунок, но главное — он был теплым на ощупь.

— Вудволл, — пробормотал Никита. — Город живой, как вудволловый лес. Предлагаю альтернативную идею: дикие вудволловые леса жили на планетах изначально, а дайсонiane их одомашнили, изменив генетическую программу.

— Хорошая идея, но вас уже опередили палеобиологи.

Флоренс пошла вперед, касаясь стены рукой.

Они обошли здание, заглянули в окна другого, остановились перед третьим, в стене которого зияло отверстие в форме цветочного бутона.

Стены этого здания пошли складками, из которых вырастали плоские досковидные контрфорсы, достигающие почвы, и были покрыты серебристым пушком, словно посели от времени.

Ты спишь один, забыт на месте диком,
Старинный монастырь!
Твой свод упал; кругом летают с криком
Сова и нетопырь, —

с чувством прочитал Никита. Глаза Флоренс на мгновение стали пытливыми и холодными, словно она, взвесив слова, нашла в них скрытый недобрый смысл.

— Чьи это?

— «Ноктюрн» Афанасия Фета, девятнадцатый век.

— Подходят, будто написаны специально. А дальше помнишь?

— А дальше:

И кто-то там мелькает в свете лунном,
Блестит его убор.
И слышатся на помосте чугунном
Шаги и звуки шпор.

— А вы, оказывается, лирик, уважаемый инспектор по освоению. Стихи — это хобби или метод давления на женскую психику?

Никита улыбнулся.

— Увлечение юности, да и сейчас я нахожу многое для ума и сердца в русской поэзии девятнадцатого и двадцатого веков.

Он заглянул в пролом, сквозь который был виден интерьер здания. Собственно, зданиями дома дайсониян можно было назвать лишь условно, потому что они представляли собой скорее дворики в окружении толстых и высоких стен с окнами и без них. Но дворики эти не были пустыми, они заросли странными, похожими на металлические, конструкциями, фермами и арками, образующими ажурную пространственную решетку с утолщениями в узлах и сочленениях.

— Сорняки, — сказала Флоренс, кивнув на конструкции. А Никита наконец понял, почему «Вася» настойчиво доказывал присутствие скрытого наблюдателя. За густыми зарослями сорняков в углу двора прятался дайс-островитянин. Чем-то он напоминал Пака, забавного проказливого чертенка из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

— Что вы там увидели? — насторожилась девушка.

— Аборигена. Он увидел нас и спрятался.

К инспектору снова пришло ощущение нависшего над ним каменного свода пещеры, рождающего шорохи и множественное эхо от звуков падающих капель воды; он находился внутри мертвого и одновременно живого исполина, настолько чужого и далекого от всего, чем жил человек, что эта мысль была физически ощутима, порождала душевную муку, отчаяние и желание постичь то, что этот исполин хотел сообщить...

Флоренс взяла Никиту за руку и как маленького отвела на середину улицы.

— С непривычки можно заработать эйфоропатию. Вуд-волловые города, да и дикие леса тоже, образуют сложнейшие системы электрических биополей. Вполне вероятно, что дайсонияне жили в симбиозе со своими городами. Пойдемте покажу кое-что интересное, чего вы еще не видели.

Они вышли на перекресток улиц, свернули и подошли к зданию круглой формы, стоявшему обособленно, в отличие от остальных строений, сросшихся стенами в мозаичные кварталы. У здания были окна-щели и «парадный вход» в форме буквы «Т».

Флоренс обернулась, прижала палец к губам.

— Тс-с-с, не спугните! В этом доме поселился бхихор.

Никита послушно кивнул. Он еще не видел вблизи это чудо дайсониианской природы — полусущество-полурастение.

Разведчики прокрались к нижнему из окон и заглянули внутрь здания.

Взору открылся голый оранжевый двор, перепаханный бороздами, словно его недавно вскапывали. У дальней стены двора на участке, освещенном солнцем, рос бхихор.

Он был похож на гриб сморчок высотой в два метра, спрятавшийся под громадным перепончатым зонтом. Тело гриба было коричневым, складки головы — черными, псевдоноги, заменявшие корни, — их было три, — золотились пушком, псевдоруки-хваталища бхихора поддерживали паранатальный вырост на голове — фотоэлементный зонт, впитывающий даровую энергию светила.

Никита неловко шевельнул рукой, и в следующую секунду бхихор их заметил, хотя глаз у него не было, вернее, не было глаз, подобных человеческим. Гриб почти мгновенно свернул свой зонт в шар головы, втянул руки в тело, скорчился и замер, похожий теперь на обгорелый пенёк. Потом вдруг выдрал ноги-корни из почвы и отполз подальше в тень, оставив свежую борозду.

— Испугался, — с сожалением сказала Флоренс. — Вас испугался, меня-то он знает. Жаль, послушали бы, как он поет. Бхихоры — существа с развитой психосферой, а может быть, даже мыслящие существа. Недаром у дайсов существует культ бхихора. Может, это отзвук былого величия?

«Сложнейшая система биополей, — вспомнил Никита фразу Флоренс. — Город древних дайсонииан — родственник дикому вудволловому лесу. А бхихор кому родственник? Полусущество-полурастение, может питаться светом, электричеством или почвенными соками, умеет передвигаться, ощущать боль и удовольствие и, может быть, мыслить,

пусть и на низком уровне... Существо, которому поклоняются островитяне... А ведь вывод напрашивается сам собой, он лежит на поверхности: бхихор — родственник древних дайсониа, строителей Сферы! Это же очень просто! И тогда становится понятной таинственная любовь дайсов к бхихору: хозяева ушли, а их «кошкам», выбравшимся на тропу самостоятельного развития, ничего не осталось, кроме обожествления бхихора, похожего на бывшего хозяина как две капли воды...»

Над ним медленно проплыл виброкрыл, вернулся и завис, трепеща боковыми плавниками.

Никита внимательно взгляделся в летуна и, недолго думая, точным выстрелом из «универсала», с которым не расставался, сбил насекомое на землю.

Флоренс оглянулась, изумленная.

— Что вы делаете?!

— Тренируюсь, — пробормотал инспектор, осматривая плоское тело полуптицы-полунасекомого, и показал на его груди россыпь блестящих капелек. — Видеокамеры. Этот «комарик» искусственный, биоробот. То-то мне показалось подозрительным его любопытство.

— И что сие означает?

Никита поднял глаза, встретил ответный взгляд девушки, в котором прятались недоверие и вопрос, и ему стало не по себе.

— Не знаю. Чтобы сделать такую штучку, надо иметь как минимум лабораторию, но в пределах Сферы таких лабораторий не существует.

— Не понимаю.

— Я тоже. Давайте заберем его с собой. В Сфере работают отряд спасателей, пограничники, вот пусть и поломают головы.

Флоренс нагнулась, потрогала глазки видеокамер на радужно переливающимся теле виброкрыла и не ответила.

«Эфир чист, — сообщил «Вася». — Внешнего наблюдателя не чувствую, но отмечаю повышение пси-фона». — «Терпи, — посочувствовал Никита. — Мне тоже неспокойно».

Через пять минут они взлетели, погруженные каждый в свои мысли. Никита думал, что напрасно открыл спутнице тайну виброкрыла-шпиона. Если она не причастна к таин-

ственной деятельности «фактора сатаны», то ее реакция довольно необычна, если же она и есть «фактор сатаны» или хотя бы одна из Чужих, то надо ждать каких-то событий, причем немедленных. Держись, инспектор!

Аппарат пролетел над островами архипелага, и Флоренс повернула в открытый океан, но не в сторону базы, а в противоположную. Никита молча ждал продолжения, поглядывая на профиль девушки, но она вела пинасс без объяснений, вдруг отодвинувшись на «расстояние официального знакомства».

Минуло пять минут, десять, пятнадцать.

Пинасс шел со скоростью двух тысяч километров в час и вследствие сильной электризации воздуха оставлял в кильватере светящуюся полосу — инверсионно-электрический след.

Еще через несколько минут на горизонте показалась темная гряда и, приблизившись, распалась на несколько пятен.

Архипелаг был невелик, из семи островов, зато центральный из них превосходил по площади земной Мадагаскар.

Флоренс подняла аппарат повыше и остановила над островом. Потом тихо сказала:

— Посмотрите внимательно.

Никите не надо было пояснять, куда надо смотреть, он и так увидел все, что хотела показать ему Флоренс Дженнифер.

Впечатление было такое, будто вудволловый лес недавно горел: стены вудволлов превратились в черно-серые, словно присыпанные пеплом скелеты, зиявшие рваными дырами. Кое-где виднелись бреши в «развалинах», где целые участки леса скорчились от жара, упали на почву и спеклись в поля серого шлака. Лес был мертв. Но Пересвет знал, что вудволлы не горят.

— Термический удар? — спросил он, напрягаясь. Флоренс покачала головой, испытующе глядя на инспектора. Показалось ему или она в самом деле пыталась прослушать его мысли? Под черепом словно прошумел сквозняк...

«Защита!» — напомнил Никита.

«Все в порядке, — очнулся «Вася». — Отмечаю попытку пси-локации на волне «лямбда». Мощность на три порядка ниже защитного порога».

Значит, Фло все же прошупывает его, хотя и очень осторожно. Или это не она?.. Чушь какая-то! Кругом ни души. К тому же для пси-зондажа нужна соответствующая аппаратура, которую не спрячешь в кабине пинасса. Да, но в каюте Хоона в первый день тоже кто-то пытался пробить мыслеблок вновь прибывшего на волне «лямбда»... на которой, кстати, не работает земная аппаратура. Так что же, психозтик Дженнифер — агент Чужих?..

— Термический удар был бы замечен с орбиты, — сказала наконец Флоренс. — А здесь был нанесен удар холодом. В центре острова найдены остатки трех криогенераторов, с помощью которых можно за один час заморозить озеро размером с Ладожское.

— Когда это произошло?

— Вчера. — Флоренс повела пинасс на снижение, сделала круг над островом.

Никита заметил два шпиля мечетей дайсов, но промолчал. И так было ясно, что из населения деревень в живых не осталось никого.

— Кто же мог сделать такое?

— Не знаю. По оценке экспертов, генераторы холода были сброшены намеренно. Странные вещи творятся в Сфере, и агент по освоению должен знать об этом в первую очередь.

— Вы правы, — сухо сказал Никита, почувствовав упрек в словах девушки. — Спасибо за информацию. Но, по-моему, подобными делами занимаются пограничники. Вы сообщили им о случившемся? И откуда вы сами узнали об этом?

Флоренс невесело улыбнулась.

— Они же и сообщили. А моя информированность пусть вас не пугает. Обо всех происшествиях на планете сначала докладывают мне как психозетику, а потом в другие инстанции. Вам это должно быть известно.

— Как видите, неизвестно. Как вы оцениваете ситуацию в целом?

— Свою оценку я высказывала не раз и собираюсь послать докладную записку главному социоэксперту Дальразведки Рудковскому. Сферу нельзя рассматривать как объект освоения и заселения, она является колоссальным памятником культуры дайсонян, имеющим непреходящее этическое, моральное и эстетическое значение, причем не только для землян, но и для других разумных существ, которых мы еще не встречали.

Никита заинтересованно смотрел на Флоренс. Он пока не мог сказать ей, что Высший координационный совет уже утвердил вердикт о судьбе Сферы Дайсона, по которому Сфера после исследовательских работ отходила в ведение отдела охраны памятников культуры Дальразведки.

Ратификация документа была отодвинута по просьбе отдела безопасности УАСС. Об этом знали только несколько человек на Земле и двое в Сфере: командир пограничников Пинаев и сам Пересвет.

— Но вы не можете не знать, что странные вещи, как вы изволили выразиться, имеют некую направленность. — Инспектор остановил бубнившего «Васю», которого продолжали волновать колебания пси-фона вокруг машины.

Глаза Флоренс на мгновение стали угрожающими, хотя впоследствии Никита убедил себя, что это ему показалось.

— Вы страшный человек, инспектор. Иногда мне кажется, что вы читаете мои мысли. Да, я знаю о направленности странных явлений, которая означает одно: кто-то еще, кроме землян, заинтересован в Сфере. Но если наши цели мне известны, то цели Чужих...

Никита встретился глазами с Флоренс и поразился их перемене: теперь в них стояли вопрос и надежда. Инспектор постарался вложить в улыбку больше добродушия.

— Порой мне кажется, что это вы читаете мои мысли. Хотелось бы подружиться, как вы на это смотрите?

— Положительно, хотя существует старая поговорка: друзья приходят и уходят, а враги остаются.

Никита засмеялся. У Флоренс дрогнули губы, но она осталась серьезной, сквозь прищур глаз разглядывая инспектора.

— Не знаю, почему, но меня тянет к вам. Вы очень не-

ординарный человек, Никита. Учтите, это высшая похвала в моих устах.

— А если я из тех, из Чужих?

Флоренс помедлила, покачала головой, и снова в голове Пересвета беспокойно зашевелился «Вася», отмечая появление тревожной пси-волны.

— Вы не находите, инспектор, что мы оба ходим по острию бритвы? Вы прощупываете меня, я вас, и в итоге все остается на своих местах: вы сомневаетесь во мне, я — в вас. По-моему, вы не тот, за кого себя выдаете.

— Как и вы, — вежливо сказал Никита. — Еще немного, и мы договоримся до полного признания. Может быть, оттянем этот миг? Неинтересно будет жить. Давайте для начала перейдем на «ты».

Флоренс закусила губу, знакомое полуироничное-полунасмешливое выражение вернулось в ее глаза. Она развернула пинасс в океан и включила форсаж.

— Знаете, — сказала она негромко, — я, кажется, готова в вас... в тебя влюбиться. Мы были откровенны до определенного предела, расценивай мои слова как хочешь, но... хорошо, что мы остановились на этом.

Никита понял намек, но, в отличие от спутницы, которая просто боялась ошибиться, он ошибаться не имел права. Подозрительный «Вася» долдонил: «Не верь, пропадешь, она неискренна», — однако Никите все больше хотелось расслабиться, поверить в наметившуюся духовную близость и тот смысл, который стоял за признаниями девушки, хотя он знал, что никогда не позволит себе расслабиться до такой степени.

Д-КОМПЛЕКС

Отвлекающий маневр

Стационарная станция метро устанавливалась на Д-комплексе с таким расчетом, чтобы ее влияние на станцию дай-сониан практически исключалось, поэтому она представляла собой конус, соединявшийся с торцом Д-комплекса вакуум-изоляторами. Внутреннее инженерное обеспечение

конуса было стандартным: грузовые камеры старта и финиша, кабины пассажирской линии, генераторы поддержки канала, реактор, оборудование защиты, отсек управления, автоматы разгрузки. Обслуживающий персонал метро состоял из четырех смен по четыре человека в каждой.

Вечером двадцать второго марта начальник смены Хайдаров был вызван к директору исследовательского центра, которому непосредственно не подчинялся. Передав смену напарнику, Хайдаров отправился на второй горизонт Д-комплекса, а его напарник, привычно окинув взглядом пульт управления, в работу которого имел право вмешаться только в исключительном случае, поправил на голове эмкан и вызвал инженеров смены, коротавших время за игрой в нарды. На сияние Сферы ни один из них внимания не обращал: сияющая манная крупа оболочки давно стала для них деталью пейзажа.

В этот момент под конусом станции появились двое мужчин — один в форме инженера похода, второй в комбинезоне спасателя. Действовали они быстро и бесшумно, связанные нитью радиосвязи.

Один из них, высокий, черноволосый, с лицом узким и бледным, на котором выделялся острый нос, проследовал в отсек управления; второй — плотный, коротконогий и весь какой-то непропорциональный — зашел на территорию рабочей зоны за перегородку инженерного персонала. Оба одновременно надвинули полумаски, скрывающие нос и рот, вынули небольшие цилиндры с рукоятками, похожие на пистолеты. Раздалось короткое шипение выброшенных струек газа — дежурный оператор и оба инженера уснули, не успев ничего сообразить.

Пришельцы продолжали действовать в том же стремительном темпе, не теряя ни секунды на колебания и размышления.

Ровно через минуту на Землю ушел сигнал: «Готов принять груз». Еще через минуту на сигнальной панели грузовой финиш-камеры вспыхнул зеленый круг, ударил гонг и у люка громко шикнула туманная струя азотной отсечки.

Черноволосый ответил Земле: «Груз принят», аккуратно стер запись о приемке груза на кассете контроля, поставил

переключатели на пульте в прежнее положение и поспешил в рабочую зону, где его напарник выгружал из недр финиш-камеры продолговатые ящики с клеймом Даль-разведки.

Ящиков было пять, и весили они немало, но плотный и широкий, с короткими ногами диверсант без труда выносил их и ставил на тележку гравикара.

На погрузку ушло две минуты семь секунд, после чего оба незнакомца закрыли камеру, обрызгали пол рабочей комнаты какой-то жидкостью и укатили на тележке с ящиками, из которых доносились возня и глухое рычание.

Начальник смены вернулся на рабочее место спустя десять минут после посещения станции неизвестными. Был он зол и озадачен, так как в приемной директора ему сказали, что тот никого вызывать не мог, потому что находился в данный момент на Земле.

Зайдя в отсек управления, Хайдаров обнаружил сладко спящего напарника, проснувшегося, правда, от одного прикосновения. Немая сцена, последовавшая вслед за этим, могла охарактеризовать начальника смены как очень сдержанного человека. Объяснить свое минутное отключение напарник не смог и безропотно дал согласие на медицинское обследование.

Поскольку на Д-комплексе уже действовал приказ директора о чрезвычайном положении, Хайдаров тут же доложил о случившемся секретарю Каспару Гриффиту.

САВВА КАЛАШНИКОВ

Времени на завтрак почти не оставалось, и он проглотил грибную запеканку и брусничный мусс за две минуты, не чувствуя вкуса.

В отделе его уже дожидались заместитель и доставленный из Д-комплекса молодой кибернетик, который жаловался на невозможность пробиться на прием лично к директору исследовательского центра.

— Будем знакомы, — подал руку начальник отдела. — Савва Калашников.

— Константин Мальцев, — представился рыжий моло-

дой человек, пребывая в некоторой растерянности: попасть в отдел безопасности УАСС он не ожидал. — Я вас, кажется, видел в Сфере.

— Вероятно. Я был там недавно. Садитесь, долго не задержим. Расскажите подробнее, сколько раз вы пытались добиться аудиенции у директора центра, каковы причины вашей настойчивости и почему секретарь директора вас не пропускал.

Мальцев почесал кончик носа.

— Извините за любопытство, но мне непонятна заинтересованность вашей службы...

— Давайте сначала договоримся, что этот разговор останется между нами. Желательно также, чтобы вы никому не рассказывали о вызове в УАСС, хотя бы в ближайшие три-четыре дня.

— Я постараюсь.

— Прекрасно. Остальное просто: в Сфере введено чрезвычайное положение как реакция на повышение общего фона непрогнозируемых опасных явлений.

— В экспедициях всегда существует фон опасности, не поддающийся прогнозу из-за отсутствия полной информации.

— В данном случае этот фон повысился столь резко, что мы вынуждены отрабатывать пункт «СРАМ»¹. Но не будем отвлекаться.

— Мне нужно было попасть к директору Нагааны Даваа трижды. Я кибернетик и вхожу в одну из групп экспертов, исследующих непосредственно Д-комплекс; группа состоит из специалистов по автоматическим системам управления. Первый раз нам понадобилось разрешение директора вскрыть один из отсеков сто пятидесятого горизонта, где, по нашему предположению, располагался пост управления станцией. Гриффит вскрывать отсек не разрешил, сославшись на устное распоряжение директора. В тот же день шеф группы встретил директора, и тот дал согласие на вскрытие. Как оказалось, это был не пост управления, а нечто вроде ма-

¹«СРАМ» — пункт инструкции аварийно-спасательной службы «сведения риска к абсолютному минимуму».

шинного зала ЭВМ. Самое интересное, что прямо у входа мы обнаружили четыре контейнера голубого цвета...

— Стоп! — поднял руку Калашников. — Директор действительно запретил применять силовые методы при исследовании станции?

— Не знаю, — подумав, сказал Мальцев. — Мы не применяли силу, во всяком случае, в масштабах, затрагивающих жизнеобеспечение Д-комплекса. Вскрытие отсеков состоит в том, что возле входа в помещение мы ищем точки с повышенным электропотенциалом. При воздействии на эти точки электроимпульсами с определенной частотой двери открываются.

— Понятно, продолжайте. Контейнеры были дайсонские?

— В том-то и дело, что наши, с эмблемой Даль-разведки. Все, конечно, удивились: кто до нас мог проникнуть в отсек, если мы были первыми исследователями сто пятидесятого горизонта? Работали до вечера, а утром контейнеров не стало — наверное, забрали бытовики. Второй раз надо было получить согласие директора на эксперимент с «прыжком». — Мальцев посмотрел на внимательные лица собеседников и пояснил: — Так мы называем дайсонское метро. По плану приступили к изучению системы мгновенного транспорта. И снова Гриффит не разрешил, хотя сам Даваа потом присутствовал при эксперименте. А позавчера вообще получилась глупая история. Я возвращался к ребятам — мы начали прощупывать подходы к посту управления, который нашелся на сто десятом горизонте, — и в коридоре встретил странного человека с большой головой. Я такого не видел ни разу, иначе бы запомнил. Лицо у него... какое-то непропорциональное, асимметричное. Он без усилий нес двухметровый контейнер. Я ему: «Привет! Помочь?» Он даже не глянул, прошагал мимо и исчез за поворотом. Меня любопытство разобрало, думаю, куда этот тип контейнер понес? Повернул за ним, и тут в стену передо мной с треском врезался предмет... такой изогнутый, как...

Калашников снова поднял ладонь и вытащил из стола двухколенник в форме английской буквы «W» из черного материала, отполированного до блеска.

— Этот?

Рыжий Мальцев потрогал двухколенник пальцем.

— Тот был поменьше, но такой же формы. Откуда он у вас? И что это такое?

Начальник отдела переглянулся с заместителем, спрятал двухколенник в стол.

— Это оружие дайсов для охоты за виброкрылами, заряжается электричеством. Продолжайте.

— В общем, меня задело по плечу и немного оглушило, а потом из-за поворота вышел Салих...

— Кто-кто?

— Мухаммед бин Салих, инженер похода, он работает в бригаде обслуживания. «Поворачивай, — говорит, — обратно, тут ходить опасно». Подобрал этот ваш двухколенник, спросил: «Не задело?» — «Слегка, — говорю, — а кто бросил?» — «Не знаю, — говорит, — тут всего можно ожидать, беспокойный горизонт, нельзя здесь работать, опасно». Ну, я и ушел. А вечером поразмыслил и решил поделиться с директором, он предупреждал, чтобы обо всем необычном докладывать ему лично.

— И секретарь вас к Даваа не пропустил?

— Совершенно верно. Пришлось все рассказывать Гриффиту, а он посмеялся и сказал, что все в порядке, не беспокойтесь, мол, Салих уже все сообщил. Может быть, я напрасно отнимаю у вас время...

— Спасибо за информацию. Похоже, мы не напрасно вызвали вас. Отдохните день-два на Земле и возвращайтесь в Сферу. Если заметите что-то необычное, сообщите мне или моему заместителю прямо с узла связи Д-комплекса. И прошу вас помнить о нашем уговоре: все, о чем мы говорили, служебная тайна.

Кибернетик ушел, смущенный своим новым амплуа.

— Тебе все ясно? — спросил Калашников заместителя.

— Каспар Гриффит, — задумчиво проговорил Захаров. — Личное дело в ажуре. Начну с круга друзей и знакомых, потом потрогаю служебные контакты до экспедиции в Сферу. Так?

— Кроме того, дай задание Пинаеву осторожно понаблюдать за ним в рабочей обстановке. Теперь всплывает

еще одно имя: Мухаммед бин Салих, оперативник из группы Валаштаяна. Начни его проверку в том же объеме, что и Гриффита. Не люблю я таких совпадений. По теории, Салих должен был докладывать о случившемся Валаштаяну, а не Гриффиту, которому не подчинен.

— Есть такой закон: если факты не подтверждают теорию, от них надо избавиться. — Заместитель вытер лоб платком, оставаясь озабоченно-серьезным. — Может быть, Салих и сообщил Валаштаяну, а тот не успел передать сведения Пинаеву.

Калашников покачал головой.

— Они не новички. Если начать списывать неудачи на неоперативность пограничников, то нас всех надо гнать с работы. Но я проверю. Что у тебя по австралийскому биополигону? Каким образом исчезнувшие там тритемнодоны оказались на Д-комплексе?

— Круг подозреваемых в утечке сузился до пяти человек, среди которых работники лаборатории — двое, работники охраны и защиты полигона — тоже двое и один инженер связи, обслуживающий метро полигона. Подробный анализ происшествия будет готов к вечеру.

— Хорошо, готовь операцию захвата совместно с работниками австралийского филиала. Времени на скрытое наблюдение и проводку объектов у нас нет.

Калашников остался один в кабинете. С минуту размышлял, потом надел эмкан и подключился к вычислителю, одновременно выводя на машину канал оперативной памяти общего компьютера-координатора отдела.

В одиннадцать часов дня начальник отдела был готов к разговору с директором УАСС, включив в операцию расследования кроме работников отдела еще около двухсот человек из разных секторов погранслужбы.

Косачевский принял его через десять минут.

— Садись, сам хотел в двенадцать вызвать тебя с докладом.

Длинное костистое лицо директора УАСС загорело до бронзового свечения, оттеняя два седых пятна в пышной шевелюре. Вечно прищуренные, изучающие глаза, карие,

когда он был в хорошем настроении, и желто-рыжие, когда в плохом, сейчас были орехового цвета.

— Кое-что прояснилось, — начал Калашников, привычно потрогав за ухом небольшую припухлость, куда был вшит «Микки» — личный компьютер и советчик. — В Сфере действует ограниченный контингент представителей иной цивилизации, который мы раньше для краткости закодировали названиями «Чужие» и «фактор сатаны», предполагая, что это два разных лагеря: один — дайсонiane или их живая техника и второй — собственно чужая разведка. Однако дальнейшие события показывают, что техника дайсонiane, вполне самостоятельная и умная, здесь ни при чем. Но и на разведку действия Чужих не похожи, скорее в Сфере находится отряд террористов или диверсантов, целью которых является провоцирование конфликта между нами и миром Дайсона в целом. Присутствие в Сфере дайсонiane, хозяев этого мира, гипотетично, но, по оценке экспертов, вполне вероятно.

— Любопытно, — хмыкнул Косачевский. — В каком же виде эти «террористы» гуляют по Сфере?

— Поскольку техники на Д-комплексе хватает, то в принципе они могут маскировать свой облик в широких пределах под любой дайсонianeский автомат, но тогда глубина их разведки ограничивается. Если судить по событиям последних дней: похищение хищных тритемнодонов, нападение на Валаштаяна, — то Чужие должны маскироваться под людей. Возможны два способа: использование скафандров, имитирующих тело человека, если Чужие не гуманоиды, и непосредственное использование людей, запрограммированных надлежащим образом. Происшествие с Валаштаяном подтверждает последнее предположение: ему собирались вшить под кожу на виске программатор. Но не исключено и применение обоих способов.

— М-да, уровень контроля высок. Каким образом можно обнаружить человека с внедренным программатором?

— Только с помощью пси-прослушивания, но, во-первых, пси-контроль исключается по чисто моральным причинам, во-вторых, Чужие тоже могут использовать защит-

ную аппаратуру, биоблокаду, пси-заземление или иные неизвестные нам методы.

— То есть оперативное пси-прослушивание гарантии не даст, — прокомментировал Косачевский, пригладив седое пятно на виске. — А пригласить подозреваемого на Землю в биоцентр мы не сможем — не пойдет.

Калашников приподнял бровь.

— Герман, вы, кажется, пытаетесь шутить. Это означает одно: вам известно то, что еще неизвестно мне.

— Отдаю должное вашей проницательности, но сюрприз не готовился специально, и я преподнесу его позже. Как работает в Сфере ваш Пересвет?

— От него пришло известие через Пинаева. Никита почему-то отказался от связи через подготовленного посредника. Кто-то пытался прощупать его пси-сферу прямым путем, но кто именно, выявить не удалось. Последнее, что он сообщил: по всем признакам база Чужих находится на Дайсоне-2, и он приступил к непосредственному поиску. Круг лиц, подозреваемых в контакте с Чужими, сузился до четырех человек. Обещал через двое суток точно указать на резидента.

Косачевский с сомнением посмотрел на собеседника.

— Не слишком ли он самонадеян? В Сфере работают далеко не дилетанты — я имею в виду как пограничников, так и наших специалистов, — работают уже месяц, но сдвигов почти нет. А он за пять дней собирается выйти на резидента. Неужели он так силен? Переоценивать свои силы в его положении...

— Понимаю вашу реакцию, дорогой Герман, и тем не менее верю Пересвету как самому себе. Конечно, есть специалисты более высокого класса, каждый в своей профессии или увлечении: снайперы, которые лучше стреляют, пилоты, которые лучше знают технику пилотажа, борцы, бегуны, прыгуны, актеры, но Никита, во-первых, уступает им ненамного и, во-вторых, обладает редким даром предвидения оперативно-тактической обстановки. К тому же он экипирован биоперсонкомом — анализирующим микрокомпьютерным комплексом, напрямую связанным с мозгом.

— Да вы что?! Внедрение БПК запрещено Комиссией морали и этики год назад!

— Я знаю, — сухо заявил Калашников. — Но биоперсонком внедрен Пересвету раньше, до моратория. Помните открытие базы боевых роботов в Средней Азии?

— Теперь я вспомнил. Я был тогда начальником первого сектора управления. Пять лет назад...

— Почти шесть. Для операции уничтожения базы пятерым работникам отдела безопасности и были внедрены БПК. В живых осталось двое.

— Пересвет? Вот, значит, как... А кто второй?

— Я, — просто ответил Калашников. Он понимал чувства Косачевского, знавшего о последствиях экспериментов с усилением интеллектуальных способностей человека. Технологический путь, путь машинного наращивания, оказался тупиковым, но первопроходцы этого не знали. Не знали они и того, что внедренные микрокомпьютеры невозможно было отключить или удалить — владельцы БПК тяжело заболели синдромом «потери личности», вплоть до тяжелого психического расстройства с летальным исходом.

— Не знал, — качнул головой Косачевский, — извините.

— Ничего, я привык. — Калашников не стал рассказывать, что их предупреждали о последствиях внедрения в мозг микрокомпьютерных устройств, но у службы безопасности не было иного выхода.

— Считаю, что наш противник экипирован не хуже, — сказал Косачевский через минуту. — Так что предложить террористам в качестве контригры, кроме прямого зондажа Сферы и стратегической контрразведки?

— Поиск идет по трем направлениям: полигон в Австралии — канал переброса хищников на Д-комплекс; база Даль-разведки — утечка генераторов холода; отряд спасателей — осведомитель Чужих о расстановке сил и передвижении отряда в пределах Сферы. Результаты уже есть, к вечеру будет подготовлена операция по захвату пособников резидента на биополигоне, а завтра выйдем на того, кто перебросил на Д-комплекс криогенераторы. В Сфере обстановка сложнее, хотя выявлен ряд лиц, имеющих доступ к важной информации конфиденциального характера. Намечены секторы их контактов между собой до экспедиции в Сферу,

изучаются характер связей, личностные характеристики, поведение, послужные списки, отношение к обязанностям.

— Хорошо. Какие дополнительные меры безопасности предусмотрены вами в отношении работы экспедиции?

— Чрезвычайное положение продолжает действовать. Исследования Д-комплекса приостановлены, отряды на планетах продолжают работу, но режим безопасности переведен на форму «экстра». Проанализированы вектор-зоны возможных террористических актов, в этих зонах установлено наблюдение.

— Пропавшие без вести на Д-комплексе так и не найдены?

— Боюсь, что они попали в точку взрыва и погибли.

— Итак, двое суток в Сфере тихо. Что предпримут Чужие в ближайшее время?

— Ждем. — Калашников нахмурился. — Все службы готовы к ликвидации последствий. Точно предугадать место нового удара, к сожалению, пока невозможно, потому что не выяснено главное — цель действий Чужих. Логико-смысловая модель их деятельности только разрабатывается.

Косачевский задумался, поглаживая седой висок.

— Пожалуй, это самое слабое место в системе наших умозаключений. Необходима консультация историков и социологов. Я свяжусь с Институтом истории и социологии на Земле и предложу поломать головы над проблемой вместе с нами. А новость, которую я приберег, звучит так: пограничная служба Даль-разведки наткнулась на две цивилизации в разных областях космоса. Одна — у гаммы Дракона, гуманоидная, вторая — у дзеты Ящерицы, негуманоидная. Обе, по всей видимости, подлежат опеке вашего отдела, исчерпывающую информацию вам представит Рудаков. Желаю удачи.

Размышляя над новостью, Калашников вернулся в кабинет и с головой окунулся в вихрь сводок, команд и встреч с начальниками служб и отделений.

В семь часов вечера по московскому времени оперативная группа вылетела в Австралию на биополигон «Хоррор», расположенный на краю пустыни Гибсона, где ее ждали работники группы наблюдения следственного отделения.

Калашников прибыл на полигон на полчаса позже в сопровождении куратора австралийского филиала УАСС Корнера.

Биополигон «Хоррор» был создан в Австралии двадцать три года назад для сохранения полного набора генов животных, занесенных в Красную книгу. Затем, спустя пять лет, на нем были построены лаборатории, специализирующиеся на воссоздании исчезнувших сравнительно недавно видов фауны Земли. Одна из этих лабораторий с номером семь получила разрешение на эксперименты по палеогенетике, то есть начала исследование возможности воспроизведения предков современных животных вплоть до эпохи динозавров — мезозоя и палеозоя.

Полигон имел свое пассажирское и грузовое метро, контролируемое «Иором» — международной службой охраны порядка, но в этот день работники «Иора» были заменены специалистами отдела безопасности, и встречали Калашникова и Корнера знакомые лица: подвижный, пухлый, как хлебный батон, заместитель начальника отдела Захар Захаров и старший инспектор-официал Фредерик Эгберт, массивный, по-медвежьи косолапый, с тяжелым сонным лицом.

За стенами метро царил жаркий полдень. Полупрозрачный купол станции метро стоял в окружении двухметровых шпалер голубоватого спинифекса и островков молодых баобабов. Сопровождающие свернули к белому двухэтажному зданию административно-управленческого корпуса полигона, выстроенного в стиле «плавающий тор». Людей нигде не было видно, лишь в холле здания читал старинную книгу бородатый интеллектual в шортах, не обращавший на процессию никакого внимания.

В кабинете начальника полигона царила стандартная обстановка, обычная для кабинетов деловых организаций и фирм: стол-пулт с подставкой видеоселектора, панель координатора, расчетчик режимов охраны полигона, два пандарма с креслами, терминал вычислителя и ряд легких стульев. Две стены кабинета — фасады кристаллокартотек, третья — бар и сейф, четвертая — окно с видом на территорию полигона с редкими скалами, зарослями кустарника, толстопузыми баобабам и строениями всевозможных форм и

размеров. Многие кубы и цилиндры соединялись прозрачными рукавами коридоров.

Захаров поговорил о чем-то с инспектором и повернулся к начальнику отдела.

— Все готово к операции. Резидент выявлен с вероятностью ноль девяносто три. Это Суннимур Кхеммат, палеобиолог, заместитель начальника седьмой лаборатории. Непалец, тридцать три года, месяц назад вернулся на Землю — отказался от работы в Сфере.

— Вот как? Это интересно. Причина отказа?

— Болезнь. Помните странные заболевания белокровием? Он был первым, кто заболел. На Земле все пришло в норму, последствий никаких, но возвращаться он не стал.

— Запрограммирован? Или подменен?

Захаров засмеялся.

— Анализ поведения однозначных оценок не дал. Иногда Кхеммат ведет себя странно, однако выявить причины такого поведения весьма трудно, если вообще возможно. У нас не было времени. К тому же он нелюдим, угрюм и явно сторонится женщин.

Калашников прищурился.

— Любопытная подробность. Мы далеко уйдем, если будем основывать свои заключения на женофобии подозреваемых. Шучу. А не хитрит ли наш подопечный? Не подготовил ли он сюрприз вроде раздвоения личности?

— Двойник? — догадался заместитель. — Такая возможность учтена. Но для выявления двойника опять же необходимо иметь достаточный запас времени, которого у нас нет. Кхеммат может работать самостоятельно, если он робот в облике человека, или контактировать с двойником только по связи, если он запрограммирован. Конечно, мы вполне можем свернуть операцию захвата, еще не поздно.

Калашников отрицательно качнул головой, посмотрел на представителя австралийского филиала УАСС.

— Времени у нас действительно кот наплакал, поэтому риск оправдан. Анализировали причину вербовки Кхеммата Чужими? Почему именно он им понадобился?

— Кхеммат мог попасться случайно, как и Валаштаян. С другой стороны, Чужие ничего не делают без расчета. Но

если их заинтересовала работа полигона, то выпуск хищных тритемнодонов на Д-комплексе — крупный прокол.

— Согласен. Однако целевая функция агента на полигоне может быть иной — скажем, отвлекающей. Тогда сегодняшняя операция заранее рассчитана Чужими для высвечивания нашей осведомленности и тактической глубины планов отдела безопасности.

— Учтена и эта возможность, хотя разработанная социо-экспертами динамическая информационная модель ситуации прямо указывает на заинтересованность Чужих работой полигона. Суннимур Кхеммат до болезни был ярым романтиком, если можно так сказать, любителем рискованных экспериментов, его невозможно было силой принудить вернуться на Землю, и вдруг словно подменили человека. Второй факт: на Д-комплексе отмечено всего два нападения тритемнодонов на людей, оба на сотом горизонте. То есть напал, по всей видимости, один и тот же зверь, а где остальные девять? Ответ один — они нужны Чужим для других целей.

К разговаривающим приблизился соннолицый инспектор Эгберт.

— Пора выходить. Все готово, посты наблюдения дают зеленый свет.

Калашников хмыкнул.

— Не нравится мне ваше спокойствие. Как-то уж слишком просто и буднично мы работаем. Все-таки объект захвата — чужое разумное существо!

Захаров пожал плечами, но промолчал.

В карантин-блоке они надели пленочные диффузные скафандры, обтягивающие тела и пропускающие только молекулы кислорода и азота. За воротами грузового бокса их ждал десятиместный хэтчбек, замаскированный под грузовой робокар. Всего в кабине разместилось семь человек: Калашников, Захаров, Корнер, инспектор Эгберт и трое молодых парней, молчаливых и собранных.

Робокар без толчка взял с места и неторопливо покати к ближайшему строению. Встроенный манипулятор выгрузил из него небольшой ящик и поставил внутрь такой же.

Поползли дальше, к усеченной пирамиде с рядом зеркальных пластин по фасаду. Там повторилась та же про-

цедура, и Калашников понял, что делается это для маскировки передвижения отряда.

К зданию седьмой лаборатории, цилиндру диаметром в двадцать и высотой в сорок метров, прибыли через семь минут. Здание стояло в группе невысоких, но крутых скал и соединялось легкими лесенками с двумя серебристыми десятиметровыми шарами, расположенными на карнизе одной из скал.

— Боксы-виварии для особо опасных экспериментов, — пояснил Эгберт в ответ на взгляд Калашникова. — Снабжены диагностическими машинами и граничными блокираторами. Уровень защищенности — десять мегаджоулей на квадратный сантиметр.

«Защита на уровне кораблей косморазведки, — подумал Калашников. — Ничего себе, опасные эксперименты! Что они здесь, огнедышащих драконов выращивают, что ли?»

— Зачем понадобилась такая мощная защита? Ведь внутри ничего не взрывается, это же не физическая лаборатория.

— В числе прочих задач лаборатория занимается мутагенными факторами, выводит химер, как тут их называют, — заговорил с гортанным акцентом молчавший до сих пор Корнер. — Полгода назад, экспериментируя с генной памятью земных мант, ученые вывели чудовищного ящера, побившего рекорды роста и выживаемости. Он разнес оборудованные камеры, убил исследователя и едва не вырвался на волю.

Помолчали, пока робокар шлюзовался в приемной камере карантин-блока. Потом Эгберт вышел, перекинулся парой фраз с возникшим из темноты мужчиной в белом комбинезоне и махнул рукой остальным.

— Выходите, отсек контролируется нашими людьми. Объект захвата находится в зале управления вторым виварием, с виду спокоен.

— У него должен быть помощник, — сказал вдруг Калашников, поймав мысль, мучившую его со времени прибытия на полигон. — Один он не справился бы с таким делом, как похищение пяти пар тритемнодонов.

— Он мог использовать роботов, — возразил Захаров. —

История похищения примечательна тем, что нет ни одного прямого свидетеля. Трое дежурных — в боксе, в зале управления и на территории метро — внезапно уснули и ничего не помнят. Точно так же, как и дежурные на Д-комплексе.

— И все же у меня ощущение, что мы что-то упустили из виду. Вернее, я упустил.

Захаров понимающе похлопал Калашникова по плечу. Операцию готовил он и как никто другой знал, что сделано все возможное.

Они вышли из отсека в коридор прямоугольного сечения, спиралью опоясывающий центральный ствол лаборатории. Впереди тенями скользили оперативники Эгберта, одетые в «хамелеоны». Изредка из глубины здания в коридор просачивались тихие звуки: невнятные голоса людей, размеренный пульс метронома, звериное ворчание и пересвист автоматов.

Прозрачная перегородка, дверь распахнута, на полу сидят двое в зеленоватых комбинезонах, на лицах — растерянность и любопытство.

Вторая перегородка — еще один работник лаборатории, молодой, в глазах заинтересованность. Навстречу вышла женщина с красивыми рожками спецаппаратуры на висках.

— Он в вольере пситтакозавров. Лифт на галерею отключен, все тихо.

У тупика коридора полезли вверх по лестнице. На второй площадке женщина оглянулась, сделала жест: тихо! — и указала на приоткрытую дверь.

Калашников шагнул вслед за Эгбертом и оказался в узком длинном помещении с рядом кресел. Перед креслами стена была полупрозрачна, и сквозь нее, как сквозь туман, виднелся круглый зал, поделенный переборками на шесть секторов. Один из секторов был пуст, соседний был забит непонятным непосвященному оборудованием, а остальные три представляли цепочку воспроизведения биоцикла птицеключевых ящеров — пситтакозавров: «роддом» — «ясли» — «детсад».

«Роддом» напоминал инкубатор с тремя саркофагами бактерицидных камер. «Ясли» представляли собой одну камеру с серией излучателей и аппаратурой контроля, по тра-

вяному дну которой ползали странные существа, напоминающие ощипанных попугаев величиной со страуса. В третьей секции зала, самой большой, росли древовидные папоротники, а в зарослях хвощей ворочался черный, отливающий сизой зеленью бугор с красной клювастой головой, увенчанной зеленым гребнем. Рост этого ящера достигал двух метров.

В секторе с аппаратурой работал за пультом один человек, второй, в пузырчатом скафандре, возился в «роддоме».

— Кто? — спросил Калашников.

— За пультом, — ответил Эгберт.

С минуту все наблюдали за действиями разведчика чужой цивилизации — ничем не примечательного мужчины с ежиком черных волос и слегка утомленным смуглым лицом. Это был Суннимур Кхеммат. Он протянул руку над пультом, на пальце мигнул огонек.

— Что у него на пальце? — повернулся Калашников к заместителю. — Или мне показалось?

Стена перед креслами посветлела, обстановка зала за ней стала видна лучше.

— Перстень, — пригляделся Захаров.

— Где-то я уже видел подобный... Вспомнил! Мне его показывал Нагааны, они нашли на втором Дайсоне целый клад. Точно такой же носит психозтик Флоренс Дженнифер.

Человек в скафандре перестал возиться в «роддоме», прошел в отсек управления.

— Нельзя ли подслушать, о чем они говорят? — спросил скупой на слова куратор австралийской службы.

Ответил Захаров:

— Зал имеет электронную защиту, выключаемую только изнутри. Защита, по идее, призвана обеспечить сигнализацию при попытке прорыва наружу, но фактически она переориентирована, что, конечно, дело рук Кхеммата.

— Он что же, еще и специалист по электронике?

— По нашим данным — нет.

— Тогда у него все-таки есть сообщник. Наблюдение ничего не дало?

— Никаких зацепок, ни одной попытки связи за трое суток.

Калашников задумался. Заместитель вытер вспотевшую лысину платком, переглянулся с Эгбертом, потерявшим свой обычный спокойный вид. Напряжение, повисшее в воздухе, достигло электрического накала.

— Начинайте операцию, — сказал наконец начальник отдела. — Если все обстоит так, как я думаю...

Захаров подождал продолжения и махнул рукой инспектору:

— Пошли!

Звуки из зала не долетали на галерею, но, вероятно, на пульте прозвенел вызов.

Сосед Кхеммата дотянулся до сенсора связи, послушал, что-то сказал резиденту и встал.

— Его «вызвали к руководству», — пояснил Захаров. — Парень — кандидат биологических наук, проверен, связей с Кхемматом не имеет, кроме служебной.

Молодой человек вышел, и тотчас же в зал вошла женщина в халате, прошла в секцию управления, что-то сказала с улыбкой. Кхеммат исподлобья посмотрел на нее и вдруг, не вставая, нанес удар в лицо. Удар цели не достиг, девушка изумительно кошачьим движением увернулась, отпрыгнула к стене и вскинула «универсал». В секцию вбежали двое парней в маскировочных комбинезонах, но Суннимур Кхеммат действовал гораздо быстрее, так быстро, что иногда его движения размазывались от скорости. Он выстрелил в оперативника слева («Дерк-3», — определил Калашников машинально), ушел от выпада второго и достал-таки девушку с «универсалом», причем наблюдающим за схваткой показалось, что рука его выскочила из плечевого сустава и удлинилась на полметра!

Пульт управления внезапно выбросил изнутри клуб желтого дыма, трое оперативников попадали в тех позах, в каких застал их газ.

Эгберт уже командовал прикрытию, что-то бормотал Захаров, Калашникову пришлось повысить голос:

— Всем отходить! У него «Дерк-3» и весь неземной арсенал! В коридоре накрыть сеткой или силовым пузырем.

Они скатились по лестнице на первый этаж и успели увидеть финал операции.

Так бежать, как бежал Кхеммат по коридору, люди не могли: нога у него поднималась и выстреливалась вперед вместе с бедром, словно соединялась с тазом реечным механизмом. Была в этом неестественном беге пугающая, отвратительная стремительность механизма и паучья гибкость живого организма, и не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: бежал не человек!

Кхеммат успел пробежать метров семь, как вдруг из ниши коридора на него упал тонкий длинный ус, вцепился в руку и дернул. Резидент на бегу грохнулся всей массой о стену, упал, тут же три или четыре таких же уса опутали ему ноги, вторую руку, и все же он встал, нечеловеческим усилием разорвал путы на руках, но они летели со всех сторон, превращая беснующегося чужака в кокон.

— Все! — сказал со вздохом облегчения Захаров. — Вторая линия страховки не подвела. Лина, Мак и Павел живы? — обратился он к Эгберту. Ответить инспектор не успел.

Коридор осветила яркая голубая вспышка, взрыв бросил людей в тупик, на лестницу, лопнула одна из стен, с грохотом рухнул потолок. От входа в здание донеслись крики.

— Всем назад! — донесся чей-то приказ. — Пускаю киберов.

— Как вы там, живы? — буркнул Калашников, поднимаясь и отряхивая костюм. В облаке пыли и дыма зашевелились фигуры.

— Кто стрелял? — выплыл из облака Захаров, держась за голову: он ударился затылком о ступеньку. — Кто стрелял?!

— Никто, — поморщился Калашников. — Он взорвался сам. Мое предположение, к сожалению, оказалось верным: это робот, двойник настоящего Кхеммата. А сам Кхеммат скорее всего запрограммирован и выполняет какое-то задание Чужих здесь, на Земле.

— Это я виноват. — Заместитель озадаченно посмотрел на ладонь, она была в крови. — Надо было предусмотреть попытку самоликвидации. В Сфере они тоже взорвали модуль, когда пытались бежать с Базы-два.

В коридоре появились юркие киберы, и люди вытащили из ниши раненого оперативника, стали разбирать груды об-

ломков упавшего перекрытия. В воздухе витали запахи стогревшей синтетики, ментола и почему-то чеснока.

Калашников пробрался к выходу, оглянулся на Захарова, пытавшегося давать указания.

— Покажись медикам, у тебя весь затылок в крови. Ничего ты здесь не найдешь. И все же, по-моему, не все потеряно, есть возможность подобраться к «живому» Кхеммату.

Заместитель забыл о боли.

— Прочесать весь полигон?

— Нет, здесь его не найти. Но откуда у робота Чужих земной парализатор? «Дерк-3» давно изъят из всех arsenалов... кроме трех: нашего отдела, базы Даль-разведки и Военно-исторического музея.

— Понял, — хрипло проговорил Захаров.

— Что с теми, в зале?

— Павел Шапошников в реанимации, — хмуро доложил Эгберт. — У Лины перелом ключицы, Мак отделался испугом — наглотался газа, потерял сознание.

Калашников выбрался из здания, подставил лицо солнцу и подумал, что задача Никиты Пересвета в Сфере усложняется, а опасность расшифровки увеличивается.

ЗЕМЛЯ, МОСКВА

Военно-исторический музей

В девять часов утра директору музея позвонили из сектора Управления аварийно-спасательной службы и предупредили, что в половине десятого к нему наведаются работники отдела безопасности по делу, не подлежащему разглашению. Директору музея шел девяносто шестой год, и на своем веку он уже не раз встречался с представителями УАСС, поэтому не удивился и вежливо ответил, что готов помочь.

Ровно в девять тридцать в кабинет директора вошли двое мужчин: один — смуглый, слегка сутулый, черноволосый, в сером полукомби, другой — широкоплечий, приземистый, с

большой головой, чуть ли не по брови заросшей курчавым волосом.

— Суннимур Кхеммат, инспектор-официал индийского филиала УАСС, — представился смуглый с акцентом, выдающим его южноазиатское происхождение, и протянул серебряную пластинку с именем, указанием отдела и должности. — А это эксперт техцентра Бикара. Нам нужно убедиться в том, что из ваших сейфов не произошло утечки оружия индивидуальной защиты прошлого века, конкретно — пистолетов, стреляющих усыпляющими иглами, и парализаторов классов «Дегха» и «Дерк».

Директор оживился, пергаментное морщинистое лицо его приобрело снисходительное выражение.

— Это исключено. На витринах экспонатов нет, только «мыльные пузыри», а из сейфов взять любой экспонат можно только через систему кодового запроса, что невозможно оставить в тайне. Проверить, конечно, можно, однако хотелось бы получить подтверждение ваших полномочий.

Кхеммат весело стукнул себя по лбу, достал белый квадратик пластпапира, на котором выступила надпись: «Полномочия «АА». Предъявителю оказывать содействие по первому требованию».

— Все в порядке, извините. — Директор музея развел руками. — Таков порядок. Пойдемте, пока есть время до открытия.

Они вышли из кабинета, прошли два зала с экспонатами, на лифте спустились в подвал обширного старинного здания и остановились у металлической на вид двери с надписью «Запасник». Директор постоял несколько секунд, словно прислушиваясь, дверь превратилась в зыбкую туманную пелену и соскользнула на пол, как упавшая шелковая штора.

В помещении зажглись белые люминесценты, осветили бесконечные ряды полок с миниатюрными контейнерами, опутанными системой электромагнитного транспорта.

Каждый ряд был снабжен небольшим пультом, световыми указателями и грузовым роботом. Директор уверенно зашагал между решетчатыми стенами к дальней шеренге стеллажей, окрашенных в коричневый цвет.

— Обычно мы только даем консультации, — обернулся он на ходу, — у нас работают отличные специалисты, историки, знатоки оружия всех времен и народов. С таким делом, как у вас, к нам еще не обращались.

У первого стеллажа, тянувшегося метров на сто, директор остановился, повел рукой.

— На этом горизонте хранится оружие индивидуальной защиты конца двадцатого — начала двадцать первого века: пистолеты и револьверы огнестрельного боя, пневматические, ультразвуковые, лазерные, усыпляющие, пистолеты запахов и парализаторы. Этажом ниже хранится автоматическое и полуавтоматическое оружие: винтовки, карабины, автоматы, пулеметы, гранатометы. Еще ниже — зенитная артиллерия, машины и танки, ракетное оружие, бомбы, мины, гранаты. Военные корабли и подводные лодки хранятся в филиале музея в Одессе. Атомное оружие представлено макетами, как и лазерное, гамма-радиационное и бионное. Военные летательные аппараты выставлены в Куйбышевском филиале музея. Извините за лекцию, привычка. Что ж, давайте проверять, но уверяю вас — все на месте.

Один за другим дисплей контрольного пульта воспроизводил содержимое контейнеров. Оружие хранилось в вакууме при постоянной напряженности электромагнитного поля и сохраняло характеристики сотни лет. Дошли до контейнера с парализаторами.

— Простите, — остановил директора Кхеммат, внимательно следивший за его руками, — а как вы достаете экспонаты? Разгерметизация не влияет на их свойства?

— Контейнеры перед вскрытием продуваются азотом, свойств экспонаты не теряют, они же и предназначены для работы на воздухе. Но при вскрытии срабатывает сигнализация на пульте у дежурного, так что вскрыть контейнер без шума невозможно. — Директор включил связь с дежурным центрального хранилища. — Анти, отключи на пару минут сорок вторую линию, ряд семь.

Зеленый огонек на торце стеллажа с оружием погас, загорелся алый глазок.

Директор поколдовал на пульте, ближайший контейнер зашипел, как рассерженный кот, и раскрылся. В то же

мгновение Кхеммат уколол директора длинной иглой в шею, тот обмяк и осел на пол.

— Открывай пятнадцатый, семнадцатый и двадцать третий, — скомандовал Кхеммат быстро. Его массивный угрюмый спутник молча склонился над панелью управления.

Через минуту мнимый работник УАСС набил кейс оружием и спокойно направился к боксу с транспортными средствами. Выбрав робокар, он жестом пригласил спутника. Еще через полминуты они выходили из лифта на первом этаже здания. Встретившемуся работнику музея они сообщили, что директору в хранилище стало плохо, миновали пост на входе, и больше их никто не видел.

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Уже второй день «Вася» не давал покоя Никите, отмечая скрытое наблюдение. Инспектор и сам чувствовал слежку, но велась она столь умело и хитро, что определить наблюдателя пока не удавалось: в поле зрения попадал слишком широкий круг лиц. Первым в этом круге стоял Мухаммед бин Салих, пограничник из группы Пинаева, последним Уве Хоон, археонавт. Флоренс Дженнифер обосновалась в центре круга давно, хотя Никита завел досье на нее с великим внутренним сопротивлением.

Шел пятый час утра по времени Д-комплекса, когда Никита дал сигнал Пинаеву ждать его на десятом горизонте. Когда он спустился в главный радиальный коридор горизонта, попетляв по боковым отросткам и хордам, Пинаев вышел из глубокой ниши с пузырем внешнего выхода, снабженного дайсониаанской автоматикой.

Начальник отряда пограничников был затянут в блестящий черный комбинезон с карман-ранцем на спине для работ в открытом космосе. Шлем в таком комбинезоне образовывался автоматически при резком падении давления воздуха или по команде владельца. Никого из ребят Пинаева Никита не видел, но знал, что Ждан не пришел бы без двойной, а то и тройной подстраховки.

— Понаблюдайте за мной издали, — сказал Никита, по-

жимая сухую твердую руку Пинаева. — Чувствую слезку, но отфильтровать наблюдателя не могу. В мои планы входит исследование второго Дайсона — база Чужих там. Новости из центра есть?

— Калашникову удалось раскрыть резидента Чужих на Земле, внедренного на биополигон «Хоррор» в Австралии. Некто Суннимур Кхеммат, биолог, генный инженер. При попытке задержания ранил четверых, уничтожил себя. По данным экспертизы, это был двойник, робот в человекообразном скафандре. Сам Кхеммат, очевидно, запрограммирован и работает по заданию главного разведчика в Сфере. В данный момент он на Земле, успел совершить две акции: похитить криогены на базе Полярстроя и оружие в хранилище Военно-исторического музея.

— Что именно?

— Парализаторы «Дерк», усыпляющие пистолеты и дап-ли — пистолеты запахов.

— Значит, Чужие теперь вооружены земным оружием. Своего нет? Или не хотят рисковать, исключая случайную утечку информации?

— Калашников сказал, что круг поиска Кхеммата сужается, его задержание — дело двух-трех суток, директор дал «добро» на проведение глобальных мер «экстрапоиск».

— Непонятно, что понадобилось Чужим на Земле? Зачем им хищники? На отвлекающий маневр эта акция не похожа, она позволила нам высветить помощника главного резидента Чужих.

Пинаев промолчал. Он не любил ни задавать риторических вопросов, ни отвечать на них. Намерения Чужих пока были неизвестны и не поддавались расчету и прогнозированию.

Никита оценил его молчание.

— Никто. Никуда. Ниоткуда, — сказал он, улыбнувшись. — Вот и все, что мы знаем о разведке Чужих. Хорошо работают, надо признаться, почти без ошибок.

Пинаев кивнул, прислушиваясь к шепоту рации.

— Ребята только что засекли зверя на сто десятом этаже, мы обклеили коридоры «глазами» до двухсотого горизонта, так что контролируем движение почти в одной трети объема

Д-комплекса. Естественно, только на стационарных горизонтах с шагом в десять этажей, промежуточные слишком динамичны, и камеры часто прекращают передачу. Попробуем отловить?

Никита подумал.

— Пока не надо, пусть побродит голодный, взять его можно будет в любой момент. У тебя все?

Пинаев помялся, взвешивая сомнения относительно ценности имеющихся сведений, но все-таки решил сообщить:

— Мне жаловался Валаштаян — в шутку, конечно. В свободное от дежурства время они устроили сеанс показательной борьбы — парни молодые, энергии много, — и в трехминутке Салих «связал» Валаштаяна, как котенка. А ведь Ираклий — мастер спорта по тайбо.

— Ну и что? Значит, Салих сильнее.

— В том-то и дело, что раньше Мухаммед не проявлял особых успехов в тайбо, он профессионал в плавании, Ираклий его брал на тренировках как хотел. Честно говоря, ничего особенного в этом нет. — Пинаев вдруг смутился. — Мухаммед мог тренироваться независимо, но Ираклий был обескуражен...

— Салих... — повторил Никита. — Ладно, возьмем на заметку, хотя если начать подозревать всех... Кстати, ты ему давал задание понаблюдать за мной?

— Нет. — Пинаев порозовел от усилия остаться бесстрастным.

— Понятно. Тогда до связи.

Пограничник исчез.

Пересвет поиграл с «пузырем» выхода, заставляя его раскрываться и закрываться, и не успел выйти из тупика коридора, как «Вася» «заорал» на весь мозг: «Берегись! Слева опасность!»

Мгновенно отозвались сторожевые центры мозга, бодрствующие в любое время суток. Пришло зябкое и неудобное ощущение чужого взгляда. Свет в коридоре стал зеленым, а пространство вокруг — плоским, словно Никиту поместили в аквариум, заклеив один глаз. Напрягаясь, он с трудом вынырнул из засасывающей трясины беспамятства, прошел несколько шагов до угла, надеясь увидеть людей с гипноин-

дуктором, и едва не упал от слабости. Генератор пси-защиты ослабил удар по нервной системе, но будь вместо Пересвета нетренированный человек, он не мог бы сопротивляться внушенному приказу.

В сжатом ледяными шершавыми пальцами излучения черепае — жуткое, ирреальное чувство! — как в пустом, безводном колодце, холодной змеей свернулся вопрос: «Кто ты?»

Вопрос был прям и нелеп, как и все происходящее, но именно поэтому Никита сразу стал спокоен: спрашивали без угрозы, просто даже с долей любопытства. Инспектор отдела безопасности прошел хорошую школу, умел контролировать мысли и чувства, поэтому он мысленно «высветил» в ответ давно заготовленную «исповедь», что он эколога, агент по освоению планет, эколог и так далее, и так далее...

Вопрос в голове змеей «уполз в песок», колючим кактусом выполз другой: «Зачем ты здесь?»

Никита разыграл растерянность — трудно объяснить очевидные вещи — и начал нудно перечислять свои обязанности, прислушиваясь к шепоту «Васи» — второй, «замаскированной», половине своего «я»: «Нападение осуществляется переносным пси-генератором типа «Имидж», глубина проникновения — до сложных рефлексов. Количество нападающих установить не могу. Предел устойчивости психики на данном уровне мощности излучения две минуты, предлагаю вызвать помощь».

Никита велел «Васе» помолчать. Неизвестный допрашивающий тоже умолк на полминуты, потом фон в голове изменился, как «взгляд» сверху: частота излучения стала гулать, нападающий искал частоту психорезонанса. Никита напрягся, подбираясь к порогу «грогги»; он был почти оглушен.

В голове вдруг качнулась Вселенная, и на сетчатом фоне возник образ симпатичного большеглазого существа с тонкими ручками и кузнечикообразными ножками — нечто среднее между земным лемуром под названием «долгопят» и бамбуковым медвежонком-пандой. Это был дайс-островитянин, больше всего походивший на пикси — доброе ма-

ленькое существо в фольклоре Англии, в котором якобы воплощаются души умерших младенцев.

Никита удивился: ему явно внушались мысли, что с ним разговаривают дайсы. Он уже достаточно хорошо знал жизнь планет Сферы. Дайсы представляли собой расу разумных животных, то ли зарождающийся разум нового поколения, то ли деградировавших потомков строителей Сферы, но главное — они не могли воспользоваться земным гипноиндуктором типа «Имидж», даже если бы захотели. Это был несомненный просчет противника, рассчитывающего на полную подавленность воли перципиента.

Образ дайса исчез, вместо него появилось изображение Сферы изнутри, с поверхности одного из астероидов оболочки. Дайя, светило Сферы, вдруг перестала светить, и на ее месте возникла «глубокая» черная яма, дыра... В следующее мгновение ощущение чужих пальцев, сдавливающих мозг под черепом, прошло. Никита стоял у стены, один, пустой, как рыцарские латы, с мыслью, что укатили сивку крутые горки... Заботливый «Вася» быстро разобрался в биоритмах усталого от борьбы мозга и подавил психошлаки — отрицательные эмоции. Инспектор обшарил коридоры вокруг, заглянул в одно из соседних помещений, дверь которого, единственная из всех, оказалась незапертой, но никого не нашел. Таинственный незнакомец с гипноизлучателем мог прятаться где угодно за стенами коридора, этажом выше или ниже, искать его не имело смысла. Понравилась ли ему реакция Никиты, остался ли он удовлетворенным и глубоко ли проник в тайны психики — осталось неизвестным, хотя инспектор надеялся, что держался достойно и правдиво. Интересно, видел ли любопытствующий его встречу с Пинаевым или пришел позже? Скорее последнее, потому что если бы он уже был здесь, то люди Ждана вычислили бы его — значит, резидент Чужих пришел сразу после встречи. Но тогда возникает вопрос: зачем он таскает с собой гипноиндуктор? В расчете на случайную встречу с подозреваемым в связях с земной контрразведкой? Глупо. В таком случае встреча его с Никитой не случайна, точно рассчитана. Чужой знал, где его искать. И подкрался незамеченным... как невидимка и неошутимка...

«Чепуха! — ответил «Вася», следя за мыслью хозяина. — Я бы его учуял за сто метров, будь он даже привидением».

«Не преувеличивай, — усмехнулся Никита. — Лучше скажи, почему ты крикнул, что опасность слева?»

«Вася» помолчал.

«Мне так показалось. В стене слева резко изменились электрические потенциалы, емкость, магнитное поле, да и объем комнаты за стеной был меньше, а потом скачком увеличился...»

«Ясно, спасибо. Вот таким образом агент Чужих остался незамеченным: они умеют передвигаться через помещения вне коридоров, недаром почти все помещения Д-комплекса способны менять форму. Не этим ли способом они проникли в мою каюту?»

«Нет информации, — честно признался «Вася». — Предлагаю поискать методы трансформирования помещений станции с их центрального поста управления».

Это была неплохая мысль, но Пересвет отложил ее реализацию до вечера, его ждали неотложные утренние дела. А в коридоре, ведущем к «вепрю», инспектор встретил Флоренс Дженнифер.

— Вот те на! — с шутливым удивлением внешне и отнюдь не шутливым внутренне воскликнул Никита. — Доброе утро. Кто это вас выгнал из постели в такую рань?

Девушка не ответила на шутку, внимательно разглядывая удивленную физиономию инспектора, будто не узнавая. В ее руке блеснул металл. «Универсал»! Стволом вниз, у бедра — девушка держала оружие с небрежной свободой профессионала.

«Почему не предупредил?» — зло воззвал Никита.

«Не слышал, — виновато буркнул «Вася». — Она выпрыгнула, как чертик из табакерки».

— Понятно, — вслух произнес Никита. — Вышли поохотиться с утра. Живности тут хватает, особенно электрической.

В глазах Флоренс появилось незнакомое ранее выражение беспомощности, нерешительности, но длилось это две три секунды.

— Я только что встретила странного зверя...

Никита посерьезнел, нахмурился.

— Два метра, с хвостом — три с лишним, полосатый и похож на крысу...

— Разглядеть не успела, но, похоже, он. Я успела выстрелить в пол, и он юркнул в другой тоннель.

— Тритемнодон, предок кошачьих, реставрирован палеоген-инженерами на биополигоне в Австралии. Разве вы забыли инструктаж директора? Какой-то шутник похитил прайд тритемнодонов и выпустил их здесь, на станции.

— Зачем?

— Вероятно, затем, чтобы понаблюдать, что из этого выйдет.

— Не понимаю.

Никита отбросил шутливый тон:

— Что с вами, Фло? Вы перестали понимать юмор.

Девушка мгновение смотрела на него по-прежнему недоверчиво и напряженно, явно колеблясь принимать какое-то решение, потом спрятала «универсал» в боковой карман комбинезона.

— Вас искал секретарь директора Каспар Гриффит. Кажется, на втором Дайсоне обнаружили еще один хорошо сохранившийся звездолет дайсониян, и дирекции интересно ваше мнение как физика. До встречи у Хоона.

Она ушла.

Никита смотрел ей вслед и пытался унять сердцебиение и сумбур в голове, гадая, откуда Флоренс знает о первой его специальности, что она здесь делала на самом деле и почему так странно реагировала на его появление? Что это, игра, рассчитанная на определенный эффект, или отзвук настоящего душевного дискомфорта? Неужели Фло пытается разобратся в нем со своей стороны? Но кто она тогда?..

Каспар Гриффит убыл на Дайсон-2, не дождавшись агента по освоению планет, и Пересвет, перекинувшись парой фраз с Уве Хооном, прибывшим лично к директору центра Даваа, позавтракал в одиночестве в кафе-автомате и переместился на седьмую базу археонавтов. Там он оседлал одноместный пинасс, походивший на земного ската, и напра-

вился к северной климатической зоне: остров, на котором обнаружили звездолет, находился на границе сумеречного пояса.

Океан внизу напоминал цветом свежий мед, и Никите захотелось одновременно и отведать этого меда, и искупаться. Под аппаратом проплыли три небольших островка, поросших пухотравой и дайсоннианским саксаулом, напоминавшим разошедшиеся деревянные беседки из почерневших досок.

Потом попался еще один остров с небольшой вудволловой рощей, похожей на развалины замка. Над рощей, сверкая радужным оперением, кружила стая виброкрылов. Видимо, охотилась на змееногов или на кочующий лишайник.

Гористый Остров Удачи, как уже окрестили его археонавты, показался через полчаса. Остров представлял собой почти квадрат со стороной километров шесть-десять, от него к востоку отходила цепь островов поменьше, загибаясь широкой дугой в сумеречную зону. Дайя здесь стояла низко, распахивая океан огненной бороздой бликов.

Звездолет дайсонниан Никита отыскал со второго захода, пересекая остров по диагонали: ослепительно белый цилиндр длиной в четыре километра и диаметром в триста-четыре метра, утолщенный посередине, с наростами у торцов, испещренный узором геометрически правильных бугров и вмятин. Его уже вытащили из почвы и очистили от наносов: рядом виднелся громадный котлован, наполовину заполненный маслянистой коричневой жидкостью. Гигант со всех сторон был окружен земной техникой, по его корпусу ползали темные мураши-роботы и люди.

Ничего особенного, подумалось Никите, наши спейсеры немногим уступают в размерах этой махине. Другое дело — сама Сфера. Но, может быть, оболочку Сферы строили именно с помощью таких машин?

Форма звездолета была необычной и не соответствовала формам звездных кораблей Земли, а узор вмятин на его боках напомнил инспектору картину полного топологического преобразования плоскости.

Интересно, подумал он мимолетно, чем руководствовались эксперты, делая вывод, что это звездолет?

Он посадил пинасс возле целого парка разнообразных летательных аппаратов и принялся искать Каспара Гриффита. Не давал покоя вопрос: откуда тот знает о прежней специальности инспектора и зачем ему понадобилась консультация?

Гриффита на острове не оказалось.

Никита нашел координационный пост исследований звездолета, располагавшийся в палатке у вудволлового леса, дежурный организатор работ обзвонил все группы, но Гриффита не обнаружил.

— Был здесь час назад, — сказал организатор, багроволицый толстяк, которому было жарко, несмотря на весьма умеренную температуру воздуха на острове. — Потом его отвлек незнакомый мне молодой человек, и они сгинули.

— А почему дирекция нарушила свой же запрет на разворачивание исследований? Что за крайности! То выход с баз на планетах разрешается только в сопровождении спецработников, то вдруг отменяются все меры безопасности!

— На этот вопрос могу ответить я, — раздался сзади чей-то голос, и в палатку зашел уверенный, энергичный Салих, одетый, как и Никита, в компенсационный костюм спасателя.

— Вот он, — оживился толстяк-организатор. — Он видел вашего Гриффита последним.

— Мир тесен, — сказал Никита, здороваясь. — Однако позвольте узнать, какое отношение вы, инженер похода, имеете к археонавтике вообще и к исследованию звездолета, в частности?

Молодой человек улыбнулся.

— Отвечаю по порядку. Меры безопасности не отменены, и о вашем появлении мы были предупреждены, а то, что вас пропустили без сопровождающего, говорит лишь о доверии к вашему опыту. Количество изучающих звездолет увеличено за счет исследователей Д-комплекса, что было согласовано с Землей. С Гриффитом я разговаривал несколько минут назад и могу проводить вас к нему, если хотите. И последнее: я не только инженер похода, но и работник погранслужбы.

— Вот как? — с ноткой удивления произнес Никита, как

никто другой знавший о профессии Салиха. — Поздравляю. Это не с вашей подачи введен особый режим?

— Пойдемте, провожу, — уклонился от ответа пограничник.

Они поднялись на колоссальную тушу дайсониянского корабля и проникли в его недра через распахнутые створки в одном из наростов.

Сразу за входом начинался ангар или нечто в этом роде, над которым был проложен исследователями легкий мостик для удобства работы и осмотра. Все в ангаре было странным и необычным: интерьер, планировка, формы аппаратов и устройств, расположение залов и помещений, геометрия этих помещений, чудовищная мешанина коридоров и площадок, совершенно не приспособленная для путешествия по ним людей. Цвет конструкций был грязно-желтым или оранжево-серым, но это оказался цвет пыли, покрывавшей все предметы слоем толщиной в десять сантиметров. Кое-где роботы-уборщики успели счистить этот слой, и стены коридора отливали перламутром в свете люминесцентов.

Салих остановился посреди зала высотой не менее двадцати метров. Стены зала были покрыты крупной чешуей и блестели, словно смазанные жиром. С шести сторон к центру помещения тянулись острые шпили, образуя нечто вроде захлопнувшегося капкана, и Никита вдруг обнаружил сходство этого сооружения с камерой распада, в которой он работал в лаборатории вакуума на Земле три года назад. Догадаться о сходстве мог только специалист в физике вакуума, и снова пришла пугающая мысль: откуда Гриффит знает о прошлой специальности агента по освоению планет?

— Инженеры считают, что это генераторы движения, — сказал Салих, наблюдая за инспектором. Голос его взлетел под купол зала и разбудил звонкое эхо, не смолкавшее около десяти секунд.

Следующее помещение было копией первого, а потом одна за другой пошли низкие комнаты с пакетами черных пластин, и снова Никита по ассоциации вспомнил камеры компенсации разряда, разве что по масштабам превосходящие лабораторные в два десятка раз. Звездолет дайсониян... а внутри — техника для преобразования вакуума! Причем

настолько простая внешне, что невольно приходит мысль о явной демонстративности, граничащей с демонстративностью наглядных пособий. Звездолет... Звездолет ли?

Они поднялись выше, на другой ярус, потом опустились на «дно», всюду встречая увлеченных работой людей, занятых расшифровкой функций оборудования гиганта, умолкшего тысячи лет назад. Исследователи были счастливы, и Никита с трудом подавил прилив острой зависти к парням, копающимся в таинственных механизмах с наслаждением, без оглядки на «фактор сатаны» в лице разведки чужой цивилизации. Сам же Пересвет в настоящее время был планетологом, а не инженером и физиком, мог позволить себе лишь экскурсию по звездолету, этому сверхсовершенному кенотафу¹... Зачем он все-таки понадобился Гриффиту?

— Странно, — пробормотал, озираясь, Салих. — Гриффит был здесь с Антоновым, куда он исчез? Может быть, направился в рубку? Подождите здесь, я сейчас вернусь, посмотрите пока вон тот бункер, там есть что-то интересное.

Неподалеку и впрямь чернело прямоугольное отверстие в стене коридора. Никита послушно нагнулся, с трудом протиснулся в отверстие и оказался на хрупком эластичном мостике, пересекавшем по диагонали конусовидный зал с рядом дырчатых пластин и бурых сталагмитов на черном полу. В центре, под мостиком, располагался шишковатый нарост, усеянный острыми шипами, он иногда отсверкивал мокрым блеском, и Никита, заинтересованный, шагнул на мостик. «Осторожно, — предупредил «Вася», — мы не одни, и здесь опасно».

В тот же момент мостик лопнул, Никита рухнул вниз с высоты четырех метров. Упал он на ноги, упруго подскочил, спасаясь от взрывающихся, как стеклянные гранаты, осколков мостика, и увидел, как самая крайняя пластина с округлыми дырами медленно падает на него. Он оказался в мышеловке, простой и надежной, как колодец: бежать было некуда, а вверх по гладкой стене не заберешься. Однако у Никиты был ангел-хранитель.

¹Кенотаф (греч. — пустая могила) — погребальный памятник в виде гробницы, но не содержащий тела умершего.

Пластина толщиной в полметра успела наклониться всего на двадцать градусов к вертикали, как вдруг сверху на инспектора упала широкая черная лента и раздался голос:

— Пошевеливайтесь, маэстро.

Никита мгновенно сообразил, что от него требуется, и через секунду оказался наверху, на уступе стены, с которого начинался мостик. Дырчатая пластина с гулом ударила в стену, толкнув спасителя и спасенного в спины воздушной волной. Никита только теперь разглядел, что это не Салих, а незнакомый светловолосый крепыш в спецкостюме спасателя.

— Спасибо, — подал руку инспектор.

— Не за что, — ответил белокурый. Рука у него была сухая и твердая. — В другой раз будьте осторожнее.

Он испарился, прежде чем инспектор спросил его имя.

Спустя минуту появился спешащий Салих.

Увидев Никиту, он изменился в лице, но тут же сделал озабоченную мину.

— Все в порядке? У вас какой-то испуганный вид.

Это была ложь. Никита отлично владел собой и даже без подсказки «Васи» понял, что Салиху известно о происшествии.

— Ничего особенного, — сказал он небрежно, — там что-то упало, я посмотрел — все на месте.

— А вы туда не входили?

— Там тупик, нет хода.

— Ясно. Что ж, идемте наверх, заодно посмотрите центр управления этой машиной.

К рубке звездолета они добрались через двадцать минут, пройдя несколько километров по коридорам, залам и хитрым пандусам колоссальной машины пространства. Широкий коридор с губчатым покрытием пола и наклонными стенами вывел в яйцеобразное помещение, действительно напоминающее рубку старинного космолета, если представить, что в ней ничего не работает.

В центре помещения на ажурных пилонах стояло семь кресел, напротив каждого — слепые, серые, в зеленоватых разводах доски с пучками тонких усиков. Из стен кое-где торчали странные наросты, похожие на изуродованные когтистые лапы, позади каждого кресла в стенах — круглые

вмятины, отливающие серебром. В куполе потолка, которым служил острый конец «яйца», чернели отверстия — всего семь, по числу кресел. Над входом в рубку из стены выдавался еще один нарост, напоминавший с виду выпуклый глаз насекомого в увеличенном виде. Он был вскрыт, и возле него возились на плавающей платформе несколько человек в синих комбинезонах — кибернетики, механики, электроники. Еще трое спорили у кресла. Предметом спора, насколько понял Никита, была форма тела дайсониан. Каспара Гриффита среди них не было.

— Извините, камрады, — подошел к ним Салих. — Секретарь директора здесь не пробежал?

Все трое оглянулись, замолчав. Никого из них Никита не знал и не встречал, хотя «Вася» и сообщил их имена и основные данные.

— Разве Гриффит занимается прямыми исследованиями? — нарушил молчание лысоватый аскет, худобу которого не мог скрыть даже комбинезон. — Он же администратор.

Салих пожал плечами.

— Его ищет вот этот молодой человек, а Гриффит где-то на корабле, я его встречал. — Он повернулся к Никите. — Оставайтесь пока здесь, я поищу Каспара по связи и вернусь за вами.

Салих ушел. Наступила пауза. Потом один из собеседников, маленький черноволосый турок, «включил» прерванный разговор:

— Ни следа письменности! А это значит, что хранение информации у дайсониан с самого начала было основано на ином принципе, значит, дайсониане не имели языка. И общались без помощи звука. Может быть, свет? Или пси-контакт, мыслеобщение?

— Нет-нет, — запротестовал коллега археонавта, белобрысый и красноглазый альбинос, — только не мысль. Уже точно известно, что дайсониане были электрическими существами и вполне могли общаться с помощью электромагнитного излучения в диапазоне от света до радио. Вы попробуйте сесть в это кресло — чем не электрический стул?

— Сам садись, — пробурчал аскет. — Ты мне давно напоминаешь живого дайсонианина.

Белобрысый обиделся.

— Молодой человек, не хотите примерить?

Вопрос был задан Никите, и тот не колебался. Но высидеть в кресле долго не смог и под смех присутствующих выкарабкался обратно.

— Вы правы, — сказал он, улыбаясь, — наши кресла комфортабельней. В этом слишком много выступов.

— Многовато, — согласился аскет. — Вот к тем, пониже, когда-то подводилось электричество, а к этим двум подходят световоды. Назначение остальных неизвестно. Как вы думаете, на кого были похожи дайсонiane?

— На бхихоров, — сказал Никита первое, что пришло в голову.

Трое собеседников воззрились на него одинаково изумленно.

— Он гений! — изрек наконец опомнившийся альбинос. — Вы, простите, кто по специальности?

— Социальный планетолог, агент по освоению планет.

— Я редко ошибаюсь в таких делах, но памятник вам обеспечен. И давно вы пришли к такому выводу?

Никита хотел честно признаться, что высказал идею в шутку, но вошедший Салих освободил его от необходимости оправдываться.

— К сожалению, Каспар убыл на Д-комплекс, так что ищите его там. Вас подбросить к базе?

— Спасибо, у меня есть машина.

Инспектор попрощался с новыми знакомыми и в сопровождении Салиха, напевающего под нос песенку на языке телугу, покинул муравейник звездолета. Пограничник оставил его у стоянки аэропорта, скользнув взглядом по номеру на борту пинасса.

— Круто к югу не берите, — посоветовал он через плечо, — там недалеко дрейфующий электроконденсат — скопище шаровых молний.

Никита поднялся в воздух, осмотрел белый цилиндр звездолета сверху и сформулировал наконец мысль, пришедшую еще в недрах исполина: эта машина не была чистым звездолетом. То есть она, наверное, могла передвигаться и в космосе, раз у нее нашлись двигатели, но основной ее функцией являлось локальное преобразование вакуума. Правда, насколько Никита успел присмотреться, внутрен-

ности звездолета были почти стерильны — ни хлама, ни обслуживающего оборудования, ни грузов, пустой каркас, вычищенный до блеска. Уж не памятник ли это, подобный самолетам и ракетным кораблям на Земле, прославившим своих создателей?..

Кинув последний взгляд вниз, инспектор повел аппарат над океаном. Интересно, что это за «дрейфующий электроконденсат», о котором предупреждал Салих?

Никита свернул круче к югу, увеличил скорость.

«В этом районе должна, по расчетам, находиться суша, — ворчливо напомнил «Вася», — площадь которой компенсирует термобаланс южной полюсной зоны».

Пересвет мысленно присвистнул. Как же он мог забыть о термобалансе?! База Чужих где-то здесь, на втором Дайсоне, спрятанная под силовым колпаком вместе с островом. Это очевидно. Но в таком случае предупреждение Салиха двусмысленно: если он эмиссар Чужих, тот самый «фактор сатаны», то предупреждал он с целью понаблюдать за реакцией агента Даль-разведки, в котором подозревает контрразведчика...

Океан разворачивался монотонно янтарный, с полосами ряби или электропланктона, пустынный, как во время рождения этого мира.

Дважды датчики пинасса фиксировали области повышенной ионизации, в которых за аппаратом вырастал красивый хвост электрических искр, а потом вдруг сработала интуиция — Никита почувствовал тревогу и неприятное давление на виски. В голове заворочался «Вася»: «Где-то недалеко отмечаю концентрацию энергии. Будь осторожен».

Никита заложил крутой вираж, переходящий в свечу, и это спасло ему жизнь.

Д-КОМПЛЕКС

«Фактор сатаны»

Константин Мальцев вышел из «предбанника» директорского кабинета в дурном расположении духа. Самого Даваа не было на месте, его вызвали в Даль-разведку на Зем-

лю, и все дела он передал Каспару Гриффиту, сочетававшему в характере лед вежливости, гранит хладнокровия и паутинную нить насмешливого превосходства.

— Вы опоздали, май диэ¹, — сказал Гриффит. — Группа кибернетиков и инженеров уже укомплектована, и включить вас в нее не представляется возможным. Во всяком случае, до возвращения директора. Вы так рвались к нему на прием, что я боюсь предпринимать в отношении вас какие-то меры. Даваа вернется через два дня, потерпите, может быть, он и разрешит вам примкнуть к какому-нибудь отряду на время действия особого положения. Кстати, почему вы не доказали председателю оргкомиссии, что ваша помощь как специалиста необходима?

— Меня вызывали в... — Константин осекся и поправился: — Я был на Земле, в институте, и опоздал на комиссию.

В душе он пожалел, что не вернулся в Сферу сразу после разговора с начальником отдела безопасности, пробыв сутки дома, с друзьями, и еще сутки в Закарпатье, у отца.

Гриффит улыбнулся, прищурил глаза, развел руками.

— Сами виноваты, не надо было покидать центр. Придется ждать шефа. Не забудьте о режиме: ходить по станции запрещено, без нужды мешать работающим на планетах — тоже.

— Учту, — угрюмо сказал Мальцев и подумал, что так и от скуки помереть недолго.

Он толкнулся в дверь кают-компаний — заперта, на высоте глаз листок пластапира с надписью: «Брифинги, конференции, пикники и капустники временно отменяются. Сатана».

Юмористы... По стилю — дело рук Шагина или Гийома. Где-то они сейчас? Да и Фло тоже? Вечно ее днем с огнем не найдешь, бродит по Дайсонам с этим противным стариком Джанарданом Шрестхой. Что она в нем нашла? Ему же лет сто!..

Мальцев постоял у двери каюты Флоренс Дженнифер и побрел дальше.

¹Мой дорогой (англ.).

Каюты сотрудников по группе тоже оказались закрытыми, лишь в одной из них, Валдиса Хомичуса, возился у кучи снаряжения незнакомый мужчина, широкий, с длинными руками и грубым, ничего не выражающим лицом. На приветствие Константина он что-то буркнул и уставился на кибернетика белесыми, словно выцветшими глазами.

— Извините, — пробормотал Константин. — Здесь жил мой товарищ Валдис... наверное, переехал...

Длиннорукий молча отвернулся и занялся своим делом. И, только закрыв за собой дверь, Мальцев вспомнил, где видел этого низкорослого, но мощного, как несгораемый сейф, здоровяка — именно он без усилий нес двухметровый контейнер по коридору Д-комплекса в тот памятный день, когда на Мальцева кто-то пытался напасть.

Поразмыслив, идти ли на узел связи с Землей сразу или подождать до вечера, Константин решил, что новость его слишком мелка, чтобы тревожить отдел безопасности, и направился к метро. У него появилась идея найти Уве Хоона и попросить место в одной из групп на втором Дайсоне в качестве инженера похода.

Метро равнодушно перенесло его на вторую базу археонавтов, расположенную на острове в северной климатической зоне Дайсона-2, почти у псевдополюса. Остров освещался только сиянием Сферы, долгая двухгодичная ночь-зима должна была смениться днем-летом только через год и два месяца, но температура на этом северном «полюсе холода» никогда не опускалась ниже десяти градусов по Цельсию.

Константин нашел координационный пост базы и узнал, что Уве Хоон находится в тысяче километров отсюда, на Острове Главного Города.

Мальцева туда не пустили, вежливо сославшись на распоряжение директора центра: «Пускать на планеты только ответственных специалистов, а туристов не пускать ни под каким предлогом». Константин пробовал спорить, потом плюнул и, красный и злой, совершил круиз: за час обошел остров по периметру.

Он уже совсем успокоился, хотя и не оставил мысли добиться своего, увлекся видом океана, коричневого, с янтарными проблесками в глубине, и не заметил, что за ним мед-

ленно следует двухместный неф. Остановившись на мыске у каменных глыб, Константин подобрал плоский камешек, бросил в воду и стал считать желтые светящиеся всплески.

На счете «семь» камень утонул, и в тот же миг с гулом и грохотом на кибернетика упала небесная твердь.

Очнулся он от второго удара в голову, удара не физического, не материальным предметом, как в первый раз, а пси-полем с концентрацией, превышающей сопротивляемость любого незащищенного мозга.

— Готов, — сказал кто-то над ним знакомым голосом. — Можете задавать вопросы.

— По-моему, ты перестарался, — хмуро проговорил наклонившийся к Мальцеву человек, закрыв полнеба. — Он плывет.

— Обычная доза для погашения воли. Может быть, у него слишком сильная реакция.

— Вколи ему что-нибудь возбуждающее.

— Не поможет, антагонистические реакции только ускорят конец. Попробую алгоген.

Константин ощутил укол в плечо, и тут же дикая мышечная боль горячей волной разошлась по телу, расплавленным металлом плеснула в голову, заставила тело корчиться в судорогах...

Мальцеву удалось сесть, и в свете Сферы он увидел давешнего здоровяка, копавшегося в куче вещей в каюте Валдиса Хомичуса. А рядом был...

Константин узнал его сразу, напрягся, пытаясь справиться с раздирающей внутренней болью, прохрипел:

— З-зачем это?... З-за что?..

— Кто тебя вызывал на Землю? — быстро спросил второй. — С какой целью? Говори!

Мальцев опрокинулся навзничь, обессиленный борьбой, сознание затуманилось. В нем слабость боролась с готовностью все рассказать, лишь бы ушла боль, а слова палача били в голову, как молот в наковальню:

— Говори! Кто вызывал? Зачем? Говори!

Второй и последний раз он всплыл из беспамятства через несколько минут.

— Не надо было глушить его в пике семи герц! — бубнил

голос, принадлежащий инженеру похода, имя которого он за эти минуты успел забыть. — Какого дьявола ты действуешь самостоятельно? Да не копайся, включай, может, успеем подслушать хоть одну мысль...

Истязатели подслушали эту мысль. Умирая, Константин Мальцев подумал: «Не добьетесь, сволочи!»

Захар то и дело вытирал лицо платком, и Калашников даже мимолетно пожалел его, хотя им владело сейчас желание выгнать заместителя из кабинета и при этом ударить кулаком по столу.

Захар Захаров был далеко не молод — ему шел шестьдесят восьмой год — и стрижен «под Котовского», как он шутил. Но его энергичность, обстоятельность и, главное, аккуратность в делах, ставшая притчей во языцех, так соответствовали понятию Калашникова о руководителе такого ранга, что он уже пять лет ставил Захарова в пример не только стажерам и практикантам, но и начальникам служб.

И вот первый прокол, допущенный не кем-нибудь, не мальчишкой-романтиком, начитавшимся книг и упросившим маму «отпустить его в спасатели», а заместителем начальника отдела безопасности с сорокасемилетним стажем работы в отделе! Понять причину ошибки Калашников мог, но простить и принять не хотел, да и не имел права.

— Пойду писать рапорт, — вздохнул Захаров, виновато разведя руками. — Видно, теряю былые навыки. Старею.

— А расхлебывать я буду? — Калашников заставил себя говорить спокойно. — Нет уж, закончи дело, а потом пиши. Ты понимаешь, что мы сами вооружили Чужих? Да так, что я не удивлюсь, если они объявят нам войну! Сначала криогенераторы, потом парализаторы, пистолеты сна и запаха, яды, а теперь и МК-батареи! А ты знаешь, что такое МК-батарея? Это сто Хиросим в наперстке!

— Да знаю я, — пробормотал Захаров, снова берясь за платок. — И не оправдываюсь. По косвенным данным, в похищении участвовали двое, один из них — Кхеммат. Где он сейчас, мы не знаем, но предполагаем, что в Сфере. Резидент Чужих должен понимать, что мы висим на хвосте

Кхеммата, и рисковать больше не станет. Он или уберет помощника, или... — Заместитель вытер шею. — Впрочем, второго не дано, он наверняка все рассчитал, в том числе и ликвидацию засвеченного агента. В средствах Чужие неразборчивы.

Калашников ткнул пальцем в сенсор-набор.

— Связь с Рудаковым. Иди, — кивок Захарову, — установи контроль за всеми объектами, могущими заинтересовать Чужих. И запрети место Сферы так, чтобы никто не мог тайно проникнуть ни туда, ни оттуда.

Захаров кивнул, помедлил и вышел.

«Надо узнать, как у него со здоровьем», — подумал Калашников и внезапно успокоился. Он уже дал команду спасателям Калчевой в Сфере искать МК-батареи, излучающие радиоволны инфракрасной частоты. Если резидент Чужих не знал об этом, то мог доставить батареи на свою базу, что облегчило бы ее поиск. Если же знал, то они ему понадобились на короткое время, скажем, для подзарядки энергоемкостей своего разведкорабля или базы. Но есть и другое решение: Чужие готовят новую акцию. Савва снова коснулся сенсора связи.

— Почему не отвечает Рудаков?

— Веду поиск, на месте его нет, — отчеканил киб-секретарь.

— Тогда найди Дориашвили.

Арган Дориашвили нашелся через пять секунд. Он тоже был заместителем Калашникова, но по науке и технике, в то время как Захаров был замом по организации оперативной работы, а Рудаков — по связи с пограничной службой Дальразведки.

— Я весь внимание, — вежливо проговорил Дориашвили, умевший угадывать настроение начальника.

— Что нового в Сфере?

— Для размышлений много, для выводов мало. «АА» работает по полному профилю.

Имелось в виду, что группа риска приступила к выполнению основного задания. В задачи группы входили подстраховка контрразведчика Никиты Пересвета, связь с погранотрядом Пинаева, скрытое наблюдение за подозреваем-

мыми, контроль транспорта, лабораторно-криминалистические исследования и многое другое.

— Строминьш искал вас час назад, — добавил Арган, в глазах которого вспыхивали лукавые искорки: он был великий мастер на розыгрыши и большой ценитель юмора, но уже давно научился не путать грешного с праведным, то есть знал время и место, когда и где шутить разрешалось.

— Я был в Даль-разведке, разве киб не сказал?

— Ивар обещал позвонить еще раз.

— Хорошо, я сам его найду. Что он дал тебе?

— Они пошупали «шпиона» в каюте Берестова — дистанционно, конечно. Эта штучка сработана не на Земле. Наша микротехника работает на молекулярном и атомарном уровнях и подбирается к внутриядерным процессам, микротехника Чужих примерно того же уровня, но материальное воплощение и технология изготовления у них совершенно иные.

— Нельзя ли доставить «глаз» на Землю, в наши лаборатории?

— Едва ли. Во-первых, он сам внедрен в материал невинных предметов, а во-вторых, в него встроен механизм самоуничтожения, срабатывающий чуть ли не от мысли.

— И все же просчитайте возможность доставки. Тогда многое стало бы известно о создателях этих игрушек. Когда будет готова логико-смысловая модель ситуации в Сфере? Мне давно пора докладывать начальству о векторе нашего помешательства.

Дориашвили почесал кончик хищного носа.

— Пока составлена только предварительная динамическая информационная модель, но вы же знаете положение в Сфере: изменения ситуации неформулируемы, сокращение альтернатив идет медленно, многофакторное представление об объектах поиска имеет расплывчатые смысловые поля...

— Короче.

— Модель контакта зависит от работы «АА» и Пересвета. «Гена-большой» еще голоден. Если сегодня к вечеру от них поступят новые данные, то к утру мы справимся.

В переводе на нормальный человеческий язык сказанное Арганом означало, что проблемно-ориентированный

интеллектуально-вычислительный комплекс, который в отделе называли «Геной-большим», не получил пока достаточно информации для упорядочения, систематизации и обработки, поэтому и рекомендаций ждать от него не приходилось.

— Работайте, — лаконично сказал Калашников и движением пальца оборвал связь. Посоветовавшись с «Микки» и проверив, не упустил ли какую-нибудь важную деталь, он оставил отдел на попечение киб-секретаря и через несколько минут появился в кабинете директора управления.

Косачевский, сосредоточенный на созерцании развернутого перед ним неземного пейзажа, поднял голову и включил проектор.

— Собирались вызывать. Вы, случаем, не внедрили в меня пси-ухо?

— Только планируем. Есть новые сведения, хочу посоветоваться. Чужие форсируют события, что-то или кто-то их торопит. За пять дней они провели четыре диверсии: похитили из музея оружие, с базы полярников — криогенераторы, а сегодня ночью со склада Даль-разведки — МК-батареи. Кроме того, два часа назад на втором Дайсоне обнаружен труп Константина Мальцева.

Длинное костистое лицо Косачевского сохранило выражение озабоченности, только в глазах появился холодный блеск.

— Как же вы его упустили?

— Здесь есть над чем поразмышлять. Группе «АА» передавать Мальцева под охрану было нецелесообразно, я поручил это дело Пинаеву, а тот Валаштаяну. Похоже, «крайним» будет Мухаммед бин Салих, который попал в поле нашего зрения сравнительно недавно. Пока я не имею о нем исчерпывающих данных.

— Но смерть Мальцева — явный перегиб для разведки Чужих. Ах, черт возьми! В таких операциях, которую разработали Чужие, есть предел допустимого устрашения, когда дальнейшее изменение ситуации чревато открытым военно-политическим конфликтом. По-моему, «фактор сатаны» этого предела достиг, и мы вправе превысить установленный нами в Сфере предел допустимой самообороны.

— Мы давно готовы пересмотреть кое-какие ограничения с обязательным соблюдением необходимых этических норм. К вечеру я дам предположения. Теперь выслушайте мои рассуждения. Личность похитителя оружия и криогенераторов установлена точно — это Суннимур Кхеммат. А то, что он дважды предъявлял сертификат работника отдела безопасности, говорит о его связях. Или один из резидентов работает в оргсекторе управления, связанном с документооборотом, или он сидит по крайней мере в погранотряде.

— Не слишком ли много получается резидентов? Их задача — не обнаружить себя, а чем больше исполнителей, тем больше вероятность засветки.

Калашников пригладил выцветшие волосы на макушке.

— Резонно. Я тоже чувствую какую-то несогласованность в действиях Чужих, но качественно, безадресно. Считаю, что эмиссар один, остальные — помощники из числа поддающихся пси-программированию людей. Судя по количеству событий, по разному уровню и качеству исполнения, их трое, в крайнем случае четверо.

— Давно пора знать это точно. Когда будет готова модель контакта?

— Динамическая информационная модель практически готова, а логико-смысловая будет разработана к утру. Моделирование усложняется слабо сконструированной схемой их вероятных действий. Я подключил к работе БИМы управления и социоэкспертов ИСЗ, результаты уже налицо, скоро мы вычислим главного.

— Прикидывали, кто это может быть? Салих? Каспар Гриффит?

— Судя по осведомленности эмиссара, это должен быть руководитель высокого ранга. На подозрении пять человек.

— Многовато. Получается, что подозрительно все руководство центра в Сфере? И Даваа?

— Да, — твердо сказал Калашников. — Не исключено. Хотя верить в это я не хочу — он мой друг. И все же... Внедрить «монстра», то есть аппарат пси-контроля, в мозг любого человека технически не сложно, разве что не каждый будет подчиняться приказу извне в силу морально-этической закалки и чистоты характера. Все-таки Чужие должны

специально отбирать для таких дел людей, имеющих определенные моральные изъяны: гипертрофированное самолюбие, честолюбие, зависть, высокомерие, корыстолюбие, тщеславие, эгоизм, трусость. Тому, кто может выразить себя в песне, незачем выражать себя в убийстве¹.

— Насчет трусости вы переборщили.

— Как раз наоборот: человек мог струсить в жизни раз другой, научиться подставлять других, прячась за их спинами, и запрограммировать его, внушить, что он выше и сильнее остальных, не так уж и трудно. Чувствуя себя безнаказанным, такой человек может быть наиболее жестоким исполнителем чужой воли.

— И среди подозреваемых есть такие индивиды?

— Есть. Салих, например, эгоистичен, корыстолюбив, а с такими задатками недалеко до подлости и предательства. Кхеммат — фанатик научного эксперимента, любит неоправданный риск, зачастую ведущий к потере ценностных ориентаций, вплоть до обесценивания человеческой жизни. Все это, конечно, не в таких масштабах, чтобы хватать их и лечить, но все же близко к допустимому пределу социальных категорий. Есть недостатки и у Гриффита, и у Даваа, и у Шрестхи, и у многих других. Вечером я отбываю в Сферу для встречи с Пересветом. Уверен, что после встречи с ним круг подозреваемых сузится. К тому же наметился определенный прогресс в поиске базы Чужих. Вероятнее всего, их две: главная — на втором Дайсоне, а перевалочная — на Д-комплексе.

Косачевский помолчал в раздумье, не отвечая на голубое мерцание индикатора вызова.

— Что ж, кое-какие сдвиги в деле есть, хотя две неудачи испортили общее впечатление: провал в Австралии на полигоне и похищение оружия и МК-батарей. Убийство Мальцева — это очередной ход Чужих. Каков наш контрход?

Калашников опустил голову и сказал тихо:

— Мы говорим о смерти как-то слишком... просто. Теряем людей... прекрасных парней...

— Да, к смерти привыкнуть невозможно. — Косачев-

¹Г. Честертон.

ский нахмурился. — И оправдать ее нельзя. Но от того, что мы будем говорить о ней жалостливым тоном, факт смерти не изменит своего значения. Обесценивания этого факта не произойдет, пока мы помним и скорбим о нем. Что это вы, Савва? Сентиментальное биение в грудь: «Ах, мы виноваты!» — вам не пристало. Виноваты, да, но думать надо о другом: как сделать, чтобы не допустить потерь в будущем. Простите, что напоминаю прописные истины.

— Принимаю, — кивнул Калашников, не делая попытки оправдаться: он не был сентиментальным, да и сухарем тоже, но директор еще не знал его достаточно хорошо. — В футболе есть такой термин — пас в борьбу. О том, что в Сфере работают исследователи погранслужбы и наш отдел, Чужие уже знают. Теперь они узнают о группе «АА», а мы пустим слух, что эта группа занимается пси-проверкой всего контингента экспедиции. Логика Чужих нам неизвестна, но почему бы им не поверить слухам?

Косачевский с сомнением посмотрел на собеседника.

— Звучит не очень красиво... и очень открыто, прямолинейно. А играть надо будет тонко...

— Все подозреваемые под наблюдением, наш ход заставит Чужих реагировать быстро, а мы посмотрим, кто из них будет реагировать неадекватно, в соответствии с нашим прогнозом.

— Согласен. Все?

— По Сфере все. Маленькая информация по Ориону. Вы были правы: в системе кризисная ситуация, похожая на военный паритет Земли двадцатого века, и работать по ней придется нам, пограничники уже сдали полномочия. Что интересно: по сообщениям отряда предварительной разведки и анализа можно сделать вывод, что за планетой ведем наблюдение не только мы, люди. И главное — эти неизвестные наблюдатели не хотят, чтобы их замечали. Я приказал перейти на режим усиленной маскировки с соблюдением «полного нуля присутствия».

— Интересно. Явное уклонение от прямого контакта с теми, кто вышел в космос, — не совсем нормальное явление.

— Совсем ненормальное. Вторые Чужие.

— Может быть, это они и есть? Дважды за чудовищно

короткий срок напороться на представителей цивилизации, исповедующих нежелание общаться и преследующих неизвестные цели, — это как-то противоречит опыту и теории вероятностей. Вы не находите?

Вопрос не требовал ответа, и Калашников сказал, заканчивая разговор:

— Подождем новых донесений. Я послал к Ориону социоэкспертов, пусть разберутся в положении дел на планете. У меня все, до вечера. Буду нужен — ищите через замов.

Сфера погасла неожиданно.

Спейсер с ходу нырнул в тень планеты, и командно-экспедиционный зал растворился в зыбком мраке, словно упал в бездонный колодец вне пространства и времени. Слабые огоньки пульта, напоминающие звезды на пределе видимости, не могли разогнать этот мрак.

— Вот тебе еще одна загадка, — прозвучал ниоткуда приглушенный голос. — Мы вначале думали, что Сфера мигает из-за поломки механизмов поглощения света, но эксперты доказали, что механизмы дайсониаан действуют исправно. Интересно, что, по подсчетам, строительство Сферы должно было длиться около тысячи лет — исходя из энергетического и технологического потенциала дайсониаанской цивилизации, но есть гипотеза, причем основанная на довольно весомых фактах, что строилась Сфера... не больше десяти секунд!

— Ну-ну, — недоверчиво хмыкнул Калашников. Он вызвал директора научного центра Даваа на спейсер для того, чтобы выяснить два вопроса: убедиться в его непричастности к «фактору сатаны» и оценить важность объектов Сферы. Последнее могло помочь в определении вектора общих интересов Чужих, а академик Нагааны Даваа, историк, археонавт и социолог, был в курсе всех открытий. — Каким же образом дайсониаанам удалось проделать такую колоссальную работу за столь смехотворный срок?

— Есть такой термин: космокреатика — деятельность разума, направленная на фундаментальную перестройку структуры материального мира...

— Учил когда-то, — сказал Калашников.

Даваа помолчал; в темноте не было видно, что он делает. Затем продолжал глуховатым голосом, в его речи иногда проскальзывал гортанно-горловой акцент:

— Похоже, дайсонiane увлеклись именно космокреатикой, слишком много говорит в пользу этого предположения, а сама Сфера больше всего. Дело в том, что оболочку вроде Сферы возможно построить не обычными методами, с помощью транспортных средств и монтажа, а... из ничего, с помощью локального фазового перехода вакуума вдоль поверхности выбранной сферы. Теоретически разрабатывают модель такого перехода, но уже ясно, что он принципиально возможен.

Директор снова помолчал, словно к чему-то прислушиваясь.

— Однако главной загадкой для нас в настоящее время является исчезновение строителей Сферы. Ясно, что они ушли без спешки, после длительной подготовки, но зачем ушли и куда — неизвестно. Бросили дом, прекрасный дом — Сферу, бросили природные богатства планет, энергобазу и технические сооружения, беспрецедентные по мощи и совершенству, бросили культурное наследие цивилизации... Конечно, это выходит за рамки человеческой логики.

В зале вспыхнул свет.

— Хитришь, — прищурился Калашников, получивший сигнал по рации, что Даваа не излучает ни в одном из диапазонов, кроме «дельта», то есть он спокоен, уверен, работа мозга не сопровождается наводками аппаратуры, и никто его не подстраховывает.

— Не верю, чтобы опытный социолог, философ и логик не прикинул хотя бы для себя причину ухода дайсонiane.

— Э-э, дорогой мой, гипотез столько, что можно заблудиться. В рамках гипотезы космокреатики дайсонiane «ушли, не уходя», то есть не оставили свое бывшее хозяйство без присмотра. В последний отрезок времени перед уходом они усиленно занимались изучением и экспериментами с вакуумом — этой основой всех основ. Вполне вероятно, что они нашли способ уйти в иную Вселенную, более подходящую по параметрам, или же создали себе такую Вселенную, из-

менив структуру вакуума, сделав еще один локальный фазовый переход. Я понятно выражаюсь? Могу попроще, на пальцах.

Калашников усмехнулся, зная склонность директора к тонкой иронии и шутке при абсолютной внешней невозмутимости.

— Спасибо, на пальцах не надо, у меня есть советчик. Физику я понять могу, но психологию и этику дайсониан, толкнувшие их на такое решение, понять труднее.

— Есть одно простое объяснение, которому мы, люди, пока не придаем значения. Дайсониане поняли гибельность неограниченной космической экспансии и избрали другой путь — на развитие вглубь с жестким самоограничением и прекращением количественного роста основных показателей.

— Действительно, простое решение, осталось доказать его истинность... если позволит «фактор сатаны».

— А это уже ваша забота, милейший. Сфера — объект исследования и, если хочешь, восхищения, это музей в открытом космосе, а Даль-разведка вдруг присылает агента по освоению планет! Там что, собираются колонизировать Сферу? Человечеству больше негде расселяться? — Даваа говорил очень вежливо и спокойно, но Калашников чувствовал волнение. — Я разговаривал с ним, я имею в виду Пересвета, странный он какой-то... уравновешенный, умный, но... в нем скрыт, фигурально выражаясь, взрывной механизм большой силы. Я его боюсь.

— Ну-ну, — снова усмехнулся Калашников, — ты еще скажи, что он работает на нас.

Даваа сложил пальцы на животе и погрузился в созерцание пола. Потом поднял голову.

— Зачем ты меня вызвал? В последнее время за мной, кажется, ведется наблюдение. Я тоже попал в подозреваемые?

Калашников принял еще одно сообщение по рации и сказал просто:

— Извини, дархан, я знаю тебя давно и мог бы поручиться за тебя жизнью и совестью, но слишком велика цена ошибки.

Помолчали. Даваа едва заметно улыбнулся.

— Мы оба не любим высоких слов, Савва, давай не будем их искать и впредь, чтобы выразить свое отношение друг к другу. Я понимаю цели твоей работы и не прошу верить мне на слово. Что ты хотел узнать конкретно?

Калашников подавил желание обнять товарища, подождал, пока схлынет волна радости — Нагааны был чист во всех отношениях, — и проговорил буднично-спокойным тоном:

— Давай-ка начнем с дайсониан. По-твоему, кто они были? Я имею в виду живых существ.

— Коммуникаторы и биологи сошлись наконец во мнениях и разработали общий документ, прелюдию к теории. Дайсониане были электрическими существами, прямо использующими солнечный свет, и одновременно шагающими растениями, берущими соки из почвы. То есть принадлежали к разумным зоофитам — полурастениям-полуживотным.

Обычно сдержанный Калашников округлил губы, словно собирался свистнуть, посидел так несколько секунд, наконец сказал:

— Велика потенция у природы, даже дух захватывает! Реализация такого сложного организма уже граничит с волшебством, а появление у него разума!.. Но кто же тогда дайсы-островитяне?

— Есть интересная гипотеза, коммуникаторы выдвинули: современные дайсы, эти симпатичные кузнечико-лемуры с зачатками социальной организации, на самом деле бывшие «кошки» хозяев Сферы. Вероятно, функциональная связь дайсониан была сложнее, может быть, имел место своеобразный симбиоз островитян с дайсонианами, но аналогия между взаимосвязью людей и земных домашних животных прослеживается неплохо.

Религия — система сложная, можно ошибиться, однако, исходя из открытия биологов, вывод напрашивается сам собой: бхихоры — родственники древних дайсониан и очень на них похожи, дайсы просто перенесли свою любовь и привязанность на тех, кто напоминает им хозяев. Объяснима и айлуорофилия — патологическая привязанность к «кошкам»

строителей Сферы, если применять земную терминологию. Современные дайсы — живые генераторы электричества, и хозяева могли использовать их в качестве подзаряжающих устройств или стимулирующих электрогенераторов.

— Весьма интересно! — искренне сказал Калашников. — Сожалею, что не могу принять участие в исследовании Сферы, это действительно жемчужина Космоса! — «Потому она, наверное, и понадобилась Чужим», — подумал он. — Ответь мне на пару вопросов. Где на Дайсоне-2 находится наименее исследованная область?

В зале медленно погасли светопанели, с пульта донеслись звонки, серии гудков, голоса. Калашников насторожился, но сидевший у пульта Захаров успокаивающе помахал ему рукой.

— Неизученным можно назвать любой район второго Дайсона, — ответил Даваа, неподвижностью и бесстрастным лицом похожий на бронзового монгольского божка. — Как ни многочислен на первый взгляд исследовательский отряд в Сфере, он не в состоянии охватить всю поверхность Дайсонов и самой Сферы. Я даже не могу выделить наиболее интересные объекты системы, настолько они равноценны в познавательном смысле.

— Понятно. Вопрос второй: хорошо ли ты знаешь своего секретаря?

Даваа позволил себе улыбнуться: у него слегка растянулись губы, глаза превратились в щелочки.

— У меня их три.

— Насколько я знаю, двое из них — киб-интеллекты и лишь один — человек. Нас интересует Каспар Гриффит.

Директор центра перестал улыбаться, помолчал, испытывая какие-то колебания.

— Что-то странное происходит в мире. Три дня назад я имел беседу с членом Совета безопасности Косачевским, и он задал мне те же вопросы, а потом взял слово, что я никому об этом не сообщу.

— Почему же ты сообщил мне?

— Ты мой друг, к тому же... ты работаешь в безопасности...

— Понял, спасибо за доверие. Но неужели Герман Коса-

чевский утаил от меня посещение Сферы? Странно... Кстати, я тоже член Совета безопасности. Хорошо, разберемся. Спасибо за информацию. Рад, что не ошибся.

— Ты или я?

— И я тоже. Не исчезай надолго за пределы прямой связи, ты можешь понадобиться в любой момент.

— Слушаю и повинуюсь.

Директор центра поклонился, собираясь покинуть зал спейсера, и, пропустив внутрь двух мужчин, исчез. Калашников с удивлением смотрел на вновь прибывших. Первым подошел Косачевский, вторым Ефремов, председатель СЭКОНа — Комиссии социального и этического контроля за опасными исследованиями.

— Не удивляйся, — буркнул Косачевский. — Пришлось явиться незваными. Сегодня после обеда мне позвонили со Сферы анонимно, чтобы я разобрался со здешними «безобразиями» и прекратил все работы. То же самое и ему. — Он кивнул на Ефремова.

— Здравствуйте. — Шекастый, низкорослый председатель комиссии был хмур и неприветлив. — Хотелось бы разобраться в обстановке.

Калашников с укором посмотрел на Косачевского.

— Я же сказал, что буду готов доложить вечером, в крайнем случае завтра утром.

Косачевский отвел взгляд.

— Я знаю, но СЭКОН — не моя епархия.

Калашников вдруг вспомнил:

— Захар, верни Даваа на минуту.

Захаров с помощью бортинженера отыскал Даваа в зале метро спейсера. Вскоре директор центра вернулся, ничем не выдав своего справедливого недоумения. Калашников указал на директора УАСС:

— Он?

— Что «он»? — не понял академик.

— Это член Совета безопасности и он же директор УАСС Герман Косачевский.

Даваа перевел взгляд на Косачевского.

— Вы Косачевский?

— Он самый. — Директор УАСС повернулся к Калашникову. — Что здесь происходит?

— Потом объясню. Вот что, дархан Нагааны, с тобой, похоже, разговаривали три дня назад не те люди. Во всяком случае, не Косачевский. Поэтому сейчас ты поможешь нашим специалистам составить фоторобот псевдо-Косачевского и расскажешь, при каких обстоятельствах и где вы встречались.

Захаров увел Даваа, растерянного, но не потерявшего невозмутимого бесстрастия каменного идола, и начальник отдела безопасности принялся вводить в курс дела Ефремова и Косачевского.

В девять часов вечера по времени центра оперативные группы отдела безопасности и погранслужбы заняли исходные позиции, позволявшие руководителям операции контролировать возможные действия Чужих и быстро принимать необходимые контрмеры.

Калашников вызвал на спейсер «Печенег», который избрал в качестве штаба, Калчеву и Морица, получил новую порцию информации для размышления и связался с погранотрядом.

Пинаев держался молодцом, но чувствовалось, что он чем-то недоволен или расстроен.

— Что случилось? — спросил Калашников, видя необычную нерешительность молодого командира погранслужбы.

— Мы потеряли из виду агента по освоению Пересвета.

— А разве он нуждался в опеке?

— Не в опеке — в проверке связи.

— Беда невелика, он делает свое дело. Кто непосредственно отвечал за его прикрытие?

— Валаштаян. — Пинаев помялся. — Может быть, я перестраховываюсь, но мне не нравится одно обстоятельство... Короче, сегодня утром Ираклий пожаловался, что он потерпел поражение от Салиха.

— Не понял.

— Утром и вечером ребята устраивают в спортзале — на Д-комплексе есть импровизированный спортзал — нечто

вроде состязаний по тайбо. Разминка и тренинг одновременно.

— И Салих выиграл у Валаштаяна? Ну и что?

— Дело в том, что у Ираклия серебряный пояс по тайбо, а Салих раньше не проявлял особых способностей.

— Ясно. — Калашников задумался. — Где он сейчас?

— Салих? Не знаю. — Пинаев покраснел. — Это знает Валаштаян.

— Узнайте и доложите.

Пинаев молча свернул видеосвязь.

Калашников с трудом дождался прихода Захарова, проявлявшего, как и в молодые годы, завидную активность и выносливость.

— Все сходится. Один из них — Мухаммед бин Салих. Составили фоторобот псевдо-Косачевского?

Захаров вытер красное лицо, потом лысину, не торопясь отвечать.

— Это Суннимур Кхеммат, сомнений нет.

— Где он сейчас?

— На втором Дайсоне, на базе археонавтов. Ищет транспорт.

— Держите его в поле зрения, близится операция захвата. Надеюсь, получится не так, как на полигоне в Австралии.

— У нас все готово. Где Пересвет?

— Должен выйти на связь, но задерживается. Правда, он подстрахован, пора бы ему объявиться.

— Парни Дорияшвили рассчитали модель ситуации и вектор смысла действий Чужих. Вызвать Аргана?

— Доложи сам, но только самое важное.

— Чужим нужна Сфера, причем не для использования ее богатств, а для продажи.

— Что?! Для продажи?

— По всем логико-смысловым узлам расчета векторы необходимых условий сходятся на этом варианте. Сфера нужна Чужим для передачи кому-то... назовем его Клиентом. Кому именно, надо еще разобраться. Если бы Чужие хотели просто отпугнуть нас, чтобы использовать Сферу в качестве среды обитания, они бы действовали иначе.

К тому же в расчете есть тонкие подуровни, или слом

смысловых искажений, подварианты, как их называют специалисты, позволяющие сделать вывод, что Чужие, во-первых, негуманоиды, во-вторых, гораздо в меньшей степени приспособлены к условиям жизни на планетах Сферы.

— Не думали, что придется когда-нибудь услышать терминологию курса истории эпохи капитализма, — сказал Ефремов басовито. — Клиент... продажа... диверсии... Двадцать второй век, глубокий космос и — рецидив фашизма!

— Мы тоже не думали, — буркнул Калашников, прикидывая, что делать в первую очередь. — Но отдел безопасности обязан помнить эту терминологию всегда, чтобы быть готовым к любому рецидиву фашизма и мракобесия. Захар, Строминьша на связь, быстро! Мне нужен Никита. Что у нас по основному резиденту?

— Круг подозреваемых сузился до трех человек: археолог Уве Хоон, психотик Флоренс Дженнифер и Каспар Гриффит. Все трое ушли из-под контроля и находятся на втором Дайсоне.

Калашников решительно сжал губы.

— Прошу подтверждения особых полномочий, потому что мы выходим на прямой контакт с представителями иного разума, чреватый непредвиденными последствиями.

— Я предвидел это, потому и попросил председателя СЭКОНа посетить Сферу, — сказал директор УАСС.

— Все в порядке, — кивнул Ефремов. — Формальности соблюдены, мотивы доказаны, юридическое и правовое разрешение получено.

— УАСС готово ввести тревогу по форме «Шторм» всем службам, — добавил Косачевский.

— Строминьш на связи, — повернулся от пульта Захаров.

Виом сформировал в зале видеопризрак начальника группы риска «АА» Ивара Строминьша.

— Простите, мастер, — сказал Строминьш тихо. — Мы потеряли Пересвета.

— Где? — спросил Калашников в наступившей тишине так, что казалось, в зале заметно похолодало.

— В сумеречном поясе Дайсона-2, между сто сорок первой и сто пятидесятой параллелью...

В режиме «призрак», недоступный никаким средствам обнаружения, спейсер «Печенег» завис над сумеречным поясом Дайсона-2, над районом, где потерялся след Никиты Пересвета.

Отдав необходимые распоряжения, Калашников почти не вмешивался в работу слаженной системы оперативных отрядов, молча выслушивал их рапорты и продолжал ждать сигнала Никиты, веря, что тому удастся подать весть о себе.

Из всех подозреваемых в причастности к разведке Чужих отыскался пока лишь археонавт Уве Хоон, занятый организацией исследования звездолета дайсониян. Ни Гриффит, ни Флоренс Дженнифер в поле зрения наблюдателей не попадали.

— У Чужих могут быть свои страхующие линии связи и наблюдения, — сказал Захаров. — Если они заметят наши приготовления, операция примет непрогнозируемый характер.

— Поэтому надо просчитать все варианты ситуации, — ответил Калашников. — Возьми Аргана и попробуй прикинуть возможные ответы Чужих.

— Скорее всего при угрозе захвата они подготовили отвлекающие удары типа взрыва на Д-комплексе либо взрыва на первом или втором Дайсоне. Это их единственный шанс отвлечь наши силы от главной цели — захвата базы.

Калашников встретил виноватый взгляд заместителя. Тот думал о пропаже МК-генераторов, способных уничтожить любой остров на планетах Сферы. Генераторы могли быть и на Д-комплексе, но поисковые группы пока ничего не нашли.

— Эвакуируем центр, полностью! Оставим только поисковиков с аппаратурой и техников метро. Ничего другого предложить не могу.

Молчавший до сих пор Косачевский шевельнулся.

— Этим мы сразу дадим понять наблюдателю Чужих, что готовы к активным действиям. Сколько людей на Д-комплексе?

— В настоящий момент тридцать семь, не считая наших.

— Советую незаметно окружить центр и службы энергоэкраном, контролируя передвижение каждого человека. Успеете? По-моему, этот вариант лучше.

— Попробуем. — Калашников и сам видел, что предложение директора лучше. — Тогда, Захаров, начини с Д-комплекса, задание Рудакову я определяю сам. Фаттах, вы берете Уве Хоона. Салиха не трогать, пусть Пинаев просто держит его возле себя. Герман, останься на крейсере, пока я не вернусь. Откликнется Пересвет — дай знать. Я хочу поучаствовать в захвате Кхеммата. Самое время поговорить с ним в открытую.

— Ни пуха! — вырвалось у Захарова.

— К черту!

Калашников махнул рукой ожидавшим его парням из группы спецпоручений и через несколько минут был уже в рубке аксиального модуля десантной связки.

— Ведомым — старт с тангенциальным ускорением сто «q». Курс — Остров Старого Города. Посадка в режиме «ныряльщик». Готовность — ноль. Десанту — выход!

В теле спейсера открылись створки грузового отсека, связка из пяти модулей, похожая на гроздь бананов, медленно выплыла из распахнутого зева и через мгновение затерялась в дымном палевом свечении дневной атмосферы Дайсона-2.

И тотчас же Сфера мигнула и погасла.

Д-КОМПЛЕКС

***Нижний горизонт, недоступный
прямоу радиозондажу
и прослушиванию***

В помещении, представлявшем собой усеченный конус, царил холод и синий полумрак. У стены фиолетово светились глыбы каких-то аппаратов. Черный квадрат экрана одного из них изредка передергивала судорога голубого свечения. На возвышении в центре помещения лоснилась угрюмой чернотой еще одна глыба, очертаниями напоминавшая спящего слона. На «ухе слона» сидел некто странно скособоченный, похожий на человека и в то же время жутко отличавшийся от него, с пугающим взглядом глаз из черных

провалов, треугольным клапаном на месте носа и щелью прямого безгубого рта. Сидел он совершенно неподвижно, без мимики, и голос его, казалось, исходил откуда-то снизу, из живота или из ног, утопающих в меховой поросли аппарата-кресла.

С двух сторон от этой фигуры так же неподвижно стояли двое низкорослых, широких, уродливых мужчин. В их неподвижности таилась скрытая сила, готовность действовать и угроза.

Двое других мужчин были, несомненно, людьми, и, хотя они уже видели разведчика-дилера в его естественном обличье, без скафандра, имитирующего человеческое тело, им все же было не по себе.

— Вы оба наделали столько ошибок, — продолжал эмиссар Чужих скрипучим, «насекомоподобным» голосом, — что я не удивлюсь, если вас раскроют в ближайшее время. Поставленная цель не достигнута — земляне не ушли из Сферы. Наоборот, люди ввели особое положение на Д-комплексе, ограничившее наши передвижения, и осуществляется комплекс мер, направленных на подстраховку исследовательских отрядов и на расследование нашей деятельности. Отдел безопасности идет по нашим... вернее, по вашим следам, а вы до сих пор не определили, что это за группа «АА» и каковы ее задания. Почему вы не убрали агента по освоению Пересвета?

Горбоносый смуглый мужчина с копной блестящих черных волос покосился на соседа с оливково-смуглой кожей — жителя африканских саванн, но тот молчал, полузакрыв глаза тяжелыми веками.

— Мне помешали...

— Кто?

Короткое молчание.

— Не знаю.

— Так узнайте! Из-за вашей нерасчетливости и неоперативности мы потеряли биокопов и вашего соотечественника, а дело не сделано и на треть. Предупреждаю: я буду наблюдать за каждым и, если кто-то отклонится от программы, не остановлюсь ни перед чем. Я мог бы устранить любого в момент, но у вас еще есть шанс оправдать цену сотрудниче-

ства. Вам, Суннимур, сегодня же необходимо убрать агента Даль-разведки Никиту Пересвета, раз уж не справился ваш друг. Пересвет слишком активен и подозрительно внимателен к замаскированным объектам. Вероятно, он контрразведчик высокого класса, так что не будем рисковать. И займитесь вплотную Флоренс Дженнифер, эта женщина — загадка для меня, я ее не понимаю, но чувствую от нее опасность. Захватите ее и доставьте на основную базу. Запасную уничтожить.

Нигериец не изменил позы, только на мгновение прикрыл глаза, чтобы кинуть взгляд на неподвижных работников-телохранителей.

— Вы, Мухаммед, к вечеру взорвете базу археонавтов на втором Дайсоне, замаскировав взрыв под разряд электрокаверны. Продолжайте программу демонстрации угрозы для дайсониян, надо, чтобы они наконец вмешались. Потом, в прямом контакте, все свалим на людей. И подготовьте к взрыву генераторы движения Д-комплекса. Если контрразведка станет наступать нам на пятки или предусмотренные меры не дадут желаемого результата, устроим небольшой фейерверк. Не думаю, что после этой акции дайсонияне станут разбираться, кто прав, кто виноват, и люди будут изгнаны из Сферы! А там придет и мое время.

— И наше, — нарушил молчание горбоносый, сверкнув неприятной хищной улыбкой. — Не стоит нам угрожать, ваша блокировка морали и внедренные «монстры» — не гарантия подчинения. Недооценка союзников может вам дорого обойтись, уважаемый. Мы продали душу и знаем цену, и платить вам придется в любом случае.

Эмиссар-инопланетянин не пошевелился, но от него ощутимо повеяло холодом и смертью — он усилил пси-излучение на волне холодного бешенства с общим фоном подозрительного высокомерия и злобного равнодушия, давая понять, что ему наплевать на личные переживания людей и их попытки уравнивать себя с ним в правах. И в то же время он видел, что на них это произвело обратное впечатление: в их поведении появилась асимптоматическая свобода, неадекватная приказу. Личности людей стали расщепляться под нажимом чужой воли, давая узкий спектр непредсказуе-

мых в будущем поступков, и этого стоило опасаться... до тех пор, пока люди были нужны.

Разведчик ослабил нажим отрицательных эмоций и угрозу в пси-диапазоне, подумав почти по-русски, что не стоит перегибать палку. Во всяком случае, так перевелась бы его мысль на язык эмоций, да и просто на язык.

— Плата определена давно, — проскрипел он с добродушной интонацией. — Клиент готов заплатить, и все дело только в нас, в том, как мы справимся с этим делом. У вас будут власть и бессмертие, это немало, насколько я знаю вашу историю. Закончили. МК-генераторы побудут здесь, за экраном, пока вы не подготовите акцию. Связь в двенадцать, как обычно. Поторопитесь.

Люди молча повернулись кругом и вышли, за ними грузно, враскачку, но мягко и бесшумно устремились биокопы — роботы в оболочках, неотличимых от своих хозяев.

Эмиссар проводил их темным, без просверка белков, взглядом, оставаясь неподвижным несколько минут, пока невидимые автоматы — сторожа, наблюдатели и слухачи, внедренные в различные вещи и предметы по всему Д-комплексу, докладывали ему обстановку и поведение людей, потом понежился в фиолетовых лучах эмоциатора, выпил тонус-иллюзора и с отвращением принялся натягивать на себя скафандр, имитирующий человеческое тело.

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Остров объявился неожиданно, прямо впереди по курсу, в полукилометре. Он словно выпрыгнул из-под воды, небольшой, звездообразной формы, заросший вудволловым лесом. Из его глубины стегнул воздух короткий лазерный разряд.

В моменты опасности Никита мог решать скоростные задачи почти наравне с компьютером, поэтому он, подумав, не слишком ли много приключений для одного дня, реагировал мгновенно: бросил пинасс в пике, проделал каскад фигур высшего пилотажа, спасаясь от мгновенных смертоносных бликов, и выровнял машину в метре от воды. По

точности атак он понял, что за ним охотится автомат, состояться с ним в быстроте расчетов траектории не имело смысла. Инспектор отстрелил колпак и выбросился из кабины. Уже вонзаясь в воду, он увидел на месте аппарата бледно-желтую вспышку и мысленно попрощался с автопилотом как с равным.

Под водой, приятно покалывавшей кожу, Никита определил направление на остров и поплыл в его сторону. Это было единственно правильное решение: те, кто стрелял в него, не могли не видеть его падения и должны были послать спасателей, чтобы удостовериться в точности попадания.

Вудволловый лес начинался сразу за пляжем: толстые и тонкие, лоснящиеся чернотой стены, сросшиеся в удивительный геометрический хаос городских развалин, сожженных давним пожаром. Верхушки вудволлов обросли шапками «пепла» — серого и золотистого пуха, кое-где в их мрачных плоскостях посверкивали рубины плодозавязи, несозревшие и зрелые плоды, похожие на детские розовые воздушные шарiki.

Насколько знал Никита, вудволлы плодоносили очень редко, но лес этого острова, видимо, побил все рекорды по плодоношению — в воздухе летали темно-розовые и красные шары плодов, натыкаясь изредка на стены деревьев и взрываясь.

Пересвет оглянулся, ощутив какое-то движение. Тут же включился «Вася»: «Нас накрыли». Его замечание было двусмысленным, но Никита понял: остров был накрыт силовым зонтиком. Вот и объяснение вспышки размножения вудволлов: из-за силового колпака изменился микроклимат — резко потеплело, изменился и режим физиологического обмена вудволлов со средой, заставив их зацвести. Никита и в самом деле чувствовал, насколько воздух на пляже теплее, чем над океаном. А в лесу, наверное, и вовсе парилка от вудволловых тел.

Представьте себя на острове, над которым опрокинута чаша зеркального стекла — остров отразится в ней по всей ее поверхности и предстанет перед вами в искаженном и увеличенном виде. На отражение накладывается вид океана

с внешней стороны и неба над головой, вот это все и означает, что над островом поднято анизотропное силовое поле: с внешней стороны оно поглощает все виды электромагнитного излучения, с внутренней — отражает...

Никита перебежал узкую полоску пляжа, покрытую крупным голубым песком, и спрятался в тени молодого вудволла, похожего на плоскую стелу с красивым серым узором. Интересно, где же преследователи? И куда он попал, неужели на остров с тайной базой? Невероятное везение! И ничего похожего на зону с повышенной ионизацией, о которой предупреждал Салих. Если он пошутил, то у него странное чувство юмора. А если не шутил, то знает об этом районе больше, чем докладывает по цепочке Валаштаян — Пинаев. Неужто он и есть разведчик Чужих? Не верится, слабоват он для эмиссара...

Никита разделся в тени вудволла и насухо вытерся губкой из кармана-ранца: комбинезон не промокал, но при погружении вода попала внутрь через ворот и манжеты рукавов. Снова оделся и добросовестно прикинул свои возможности. У него были видеокамеры, рация, одна МК-батарея и «универсал» с двумя обоями. Не густо, но и не мало, кому как покажется. Главным подспорьем оставался комбинезон с встроенной микротехникой, способный выдержать разряд «универсала». Рация пока бесполезна, из-под колпака поля сигналы не пройдут, к тому же неизвестно, услышит ли их спутник связи, подвешенный над линией терминатора. По всему видно, выбираться отсюда придется самому, без помощи извне...

Никита вовремя спрятался за плоским контрфорсом вудволла: над пляжем пролетел белый диск с решеткой антенны под брюхом. Завис над тем местом, где инспектор вылез на берег, медленно двинулся к воде. Автомат-сторож. Если у него есть хомодетекторы, подумал Никита, придется стрелять.

Но диск сделал петлю над водой, «обнюхал» песок и полетел дальше, то снижаясь, то поднимаясь.

Странно! Непохоже, чтобы его оставили в покое и в то же время выпустили для проверки автомат... Уверены в его

гибели? Или остров безлюден и никакой базы на нем нет? В таком случае зачем прятать остров под колпак?..

Пересвет поставил «универсал» на предохранитель, несколько минут настраивал мышцы на готовность к мгновенному действию, перекинулся с «Васей» парой мыслей и двинулся в глубь острова.

Судя по высоте колпака, остров был невелик — километров пять в поперечнике. Типичный гайот, выступивший из воды в час отлива. Электризация воздуха довольно высокая, душно и жарко — явные признаки парникового эффекта. Недаром здесь пора невиданного семяпада.

Никита обошел полянку с подземным электрокарманом на сорок тысяч вольт, миновал несколько знакомых серых плит и снова углубился в пульсирующую духоту и полумрак леса.

В воздухе летали розовые и красные шары вудволловых плодов размером с человеческую голову. Они были наполнены почти чистым гелием и содержали пулеподобные семена, выстреливающиеся в почву при разрыве плода. Зрелище, надо признаться, необычное. Ботаники, увидев столь редкий способ разбрасывания семян, наверное, пришли в состояние восторженного ступора, тем более что теплокровные вудволлы оказались естественными генераторами гелия — явление единственное в своем роде на всю контролируемую землянами зону космоса.

По рассказам старожилов, дайсы-островитяне использовали гелий в своих странных плавучих сооружениях и в строительстве летающих мешков — своеобразных воздушных шаров. Иногда эти шары с привязанными к ним телами островитян, чаще уже мертвых, находили далеко в океане, за тысячи километров от ближайших островов. Может, то были несчастные случаи, но, вернее всего, великая жажда открытий, стремление к неизведанному, жажда знаний гнали мечтателей и романтиков, имеющих у любой разумной расы на заре цивилизации, на поиски новых прекрасных земель, неиспытанных приключений, на поиски неведомого...

Никита подставил руку густо-розовому шару с полметра в диаметре. Шар коснулся ладони и лопнул с сочным зво-

ном, выбросив в почву дюжину темно-вишневых «пуль». Одна из них кольнула в щеку — довольно ощутимо.

Вудволловый лес стоял тих и сумрачен, привыкнуть к нему сразу было трудно, то и дело казалось, что пробираешься по развалинам крепости или старинного города, чьи стены с молчаливым неодобрением взирают на пришельца. Ни птиц, ни насекомых, ни мелких зверушек... Черные «каменные» джунгли да бесшумный полет семяплодов, заканчивающийся треском разрыва... Один раз над человеком пролетел виброкрыл, но был он какой-то помятый и тусклый, не вспыхивал, как обычно, радужным оперением, буйством ярких красок. Не верилось, что на острове находится тайная база пришельцев. Что-то здесь было не так — «Вася» давно должен был учуять людей, эхо их работы, следы присутствия, но он молчал. Из конца в конец остров был угрюм и нем.

Выбрав ступенчатый вудволл, Никита взобрался на его стену и совсем недалеко обнаружил две постройки неизвестного назначения: одну — в километре от себя, другую — чуть дальше, на вершине голого холма, господствующего над островом. Но он не смог, как ни старался, разглядеть, кто там внутри и вообще есть ли кто живой на острове. Видимо, люди на нем — гости редкие, и используется он скорее всего как резервная база или склад. Непонятно только, кто сбил пинасс, вернее, кто дал команду автоматам острова. Сами они едва ли способны к самостоятельным действиям, без команды извне не обойтись. Впрочем, если за ним следили, то вполне могли дать команду на уничтожение, тот же Салих мог, например, тем паче что Никита сам поставил пинасс в удобную позицию, спасли его случайность да реакция.

Пригибаясь под шрапнелью семян и высматривая прощелы в стенах вудволлов, он побежал к первому из обнаруженных зданий.

Бежать было трудно, ноги увязали в рыхлой почве выше щиколоток. Дайсонианский чернозем, усмехнулся инспектор в душе, стараясь выбирать поросшие травой участки — там почва была потверже. Через пять минут он выбежал на опушку леса и остановился. Дальше шел небольшой пус-

тырь, в центре которого стоял город древних дайсониян: те же развалины, но серые и не так хаотично расположенные. То, что с высоты вудволла Никита принял за здание, оказалось теплоконденсатором — фиолетовый ребристый диск величиной с поле для хоккея. От него дул прохладный ветер, гнал волны по густой желтой траве. И ни одной живой души рядом.

Так... еще одно подтверждение того, что остров необитаем. Второе здание должно быть центром защиты острова с генератором поля. Если и там никого, подумал Никита, то мне повезло, с автоматами я как-нибудь справлюсь.

Ко второму зданию в виде квадратной башни он выбежал в тот момент, когда вернулся из полета знакомый сторожевой автомат. Белый диск завис над белой башней, снабженной сложной антенной многодиапазонной связи, в стене башни протаяла круглая дыра, диск скользнул в нее и исчез. Ни души и здесь. Гипотеза о резервной базе подтверждалась.

Проникнуть в башню оказалось непросто: ее строили явно не люди, это Никита понял сразу. Вход не имел замков и не был снабжен автоматикой защиты. Видно, строители верили в неуязвимость защитного поля и не видели нужды во внутренней защите своих сооружений. Правда, кое-какие пугающие контуры они таки оставили, в этом Никита убедился очень скоро.

Дверь сработала, как только он приблизился к ней на два шага: свернулась валиком и скользнула вверх. За дверью был тамбур, рассчитанный на одного посетителя. Никита думал недолго — у него не было выбора. Он вошел, дверь тотчас же скользнула на место, и в ту же секунду в тамбур начал поступать какой-то газ. Пересвет задержал дыхание. «Аргон, — подсказал «Вася». — Вероятно, дезобработка. На всякий случай не дыши». С юмором у «Васи» было все в порядке.

Словно в ответ на его замечание потолок тамбура вспыхнул на мгновение малиновым светом, потом фиолетовым. Зашипело. Газ улетучился, открылась вторая дверь тамбура. Длилось все это две минуты.

Никита по-кошачьи выпрыгнул в коридор, осторожно

вдохнул — обычный воздух с сильным запахом сгоревшего хлеба. «Изомальтол, — снова буркнул «Вася». — Концентрация не опасна. Ядовитых примесей не чую. Дыши спокойно».

Здание внутри оказалось трехэтажным: подвал и два этажа над землей, и все в нем говорило о принадлежности к чужому миру.

Пересвет обошел коридорчик с тремя дверями, две из них не дрогнули при его приближении, третья открылась так же, как и входная, — свернулась валиком кверху. За ней потянулось небольшое помещение, вспыхнул неяркий синий свет, отразившись от зеркальных плоскостей какой-то установки. Установка напоминала стеклянного ежа с редкими, ртутно блестящими иглами-стержнями, с вкраплениями из металла и черным ядром.

Никита рискнул подойти ближе. На одном из стержней загорелся желтый огонек. «Осторожно, — предупредил «Вася». — Эта штука радиоактивна. Нейтроны и рентген». — «Что это может быть?» — «Все, что угодно, от реактора до установки связи или автокухни. Сработано не людьми». — «Это я и сам вижу».

Никита вышел, дверь скользнула на место.

На втором этаже в коридорчик выходило пять дверей, четыре из них группировались вместе, пятая, самая большая, украшала тупик коридора, и на ней тускло светилась россыпь желтых звезд, складываясь в рисунок кривой стрелы.

Инспектор осторожно дотронулся до одной из малых дверей высотой чуть больше роста человека. Дверь свернулась и... Никита отпрыгнул назад, поднимая пистолет. Перед ним в глубине небольшого бокса стояли два человека, глядя равнодушно перед собой, широкие, не уродливые, но и не симпатичные, и веяло от них жутким холодом и угрозой. Никита пригляделся и опустил «универсал». Мужчины не двигались, соединенные двумя кабелями с каким-то устройством на стенке бокса. Это были роботы, совершенно не отличимые от людей, и только мертвая неподвижность выключенных автоматов указывала на их естество.

Они жили, то есть дышали и смотрели, были теплыми на ощупь, но мозг был выключен, программа не введена.

«Температура тела тридцать два градуса, — доложил

«Вася» и добавил: — Истуканы биомеханические». — «Не ругайся, — усмехнулся Никита. — Сам не больно самостоятельный». — «Я не виноват, что меня засунули в обыкновенного тирана и брюзгу, — огрызнулся «Вася». — Кстати, вся эта техника не принадлежит к дайсонизанской, совершенно иной тип конструкций, инженерных решений и подбор материалов». — «Вижу, спасибо».

Никита не удержался и открыл соседнюю дверь.

Еще один бокс, но уже не с человекоподобными роботами, а с кошмарного вида автоматами, напоминающими металлических богомоллов с десятком суставчатых лап, с рядами когтей по телу и тонкими усами на брюхе. Эти тоже соединялись пуповиной кабеля с коробкой на стене, но температура их тел поддерживалась на уровне нуля градусов.

«Красавцы! — съязвил «Вася». — Заикой остаться можно!»

С этим замечанием Никита согласился, хотя с инженерной точки зрения автоматы были безупречны и, вероятно, могли выполнять множество разнородных функций.

В третьем боксе стоял стеллаж с непонятными на первый взгляд предметами, но «Вася» разобрался в них быстро: «Оружие». Это и в самом деле было оружие хозяев башни. Лишь два его типа из всего разнообразия можно было идентифицировать по аналогии с земным: пистолеты, похожие на кресты с рукоятками, приспособленными явно не для человеческой руки, и кинжалы с пучком тонких лезвий вместо одного. О функциях остальных средств нападения и защиты можно было только гадать. Никита хотел взять одну из трубок оранжевого цвета, изогнутую в виде буквы «Г», с ручкой и каким-то черным замком на конце трубки, но «Вася» поспешил предупредить: «Фотоэлементный барьер и силовая защита, может включить тревогу. Наверное, где-то встроены страхующие контуры, надо знать пароль или код выключения».

Четвертая дверь не прореагировала на жесты, и Никита, с тревогой отметив время, сильно толкнул ее.

Помещение, открывшееся взору, принадлежало централи управления, это Никита понял и без подсказки «Васи», хотя обстановка централи была далека от привычной. Устройство в центре, асимметричное, с косыми пилонами, по-

крытое множеством «волдырей» с огоньками внутри, все же не могло быть не чем иным, кроме пульта. Баранки в углу высотой в человеческий рост, полупрозрачные, с пучком усов, были, наверное, аппаратными стойками, а три бархатно-черных прямоугольника, наклонившиеся над пультом, служили, вероятно, экранами. Остальное оборудование, мигающее, шелестящее, дышащее и даже постоянно меняющее форму, не имело явно выраженного назначения. И все ж оборудование централи стояло гораздо ближе по восприятию к человеческому, антропному, чем дайсонские сооружения. База на острове была построена гуманоидами, а дайсоны гуманоидами не были.

Никита шагнул в централь, заинтересовавшись двумя креслами у пульта, но ему не следовало этого делать. Видимо, требовалось знать какой-то пароль или радиокод, выключающий сторожевые системы внутри станции, потому что дверь за инспектором бесшумно закрылась, над пультом всплыл на стеклянной нити багрово запыхавший шарик, а оживший динамик прокашлял серией звуков, отдаленно напоминавших «речь» обезьяны.

Никита оглянулся на дверь, сожалея, что не успел подготовиться к реакции чужой техники, и подошел к пулту. Откуда-то снизу заскрежетало и задребезжало — сирена тревоги? — снова раздалось невнятное бормотание автомата, в котором Пересвету почудились вопросительные интонации.

«Что он говорит?» — спросил инспектор «Васю». «Я не умею переводить с медвежьего», — серьезно ответил тот. «Почему с медвежьего? Этот язык мне больше напоминает обезьяний, так говорят оранги...» — «Попробуй задать вопрос на русском».

Никита наконец разобрался, откуда исходят все необычные, чуждые человеческому уху звуки: разговаривал глянцево-голубой бугор слева на пилоне пульта. Внутри его плавали черные кляксы, вспыхивали искры, и веяло от него живым, неприятным, возбуждающим теплом. Наверное, это и был киб-интеллект — координатор станции. У Никиты появилось ощущение, что «бугор» смотрит на него оценивающе и с угрозой, хотя глаз, подобных человеческим, об-

ективов или фотоэлементных пластин у техники Чужих не было.

— В чем дело? — осведомился Никита. — Прошу перейти на земные языки.

Дребезжание sireны смолкло, координатор поперхнулся и вдруг через мгновение произнес по-английски:

— Предъявите полномочия, иначе буду вынужден действовать согласно программе «Ноу».

Изумившийся Никита не сразу нашелся, что ответить.

— Прежде чем я предъявлю полномочия, прошу ответить на вопросы. Первый: кому принадлежит станция?

Координатор не отвечал полминуты, решая предложенную задачу, и Никита понял, что перед ним интеллектуальный автомат с гибкой подстраивающейся программой. С жестко запрограммированными роботами договориться невозможно, а с этим...

— К сожалению, не уполномочен отвечать на вопросы, нарушающие режим «Ноу», — сказал наконец координатор. — Еще раз требую предъявить полномочия. Даю кланг.

— Что?

«Мог бы сам догадаться, минуту он тебе дал, — подсказал «Вася». — Пора сматываться отсюда». — «Рано, попробуем договориться, он не отличается от наших самостоятельных киб-систем».

— Уполномочен ли ты отвечать на вопросы, не нарушающие режим «Ноу»?

— В течение отпущенного срока.

— Ну, это нечестно. Давай поговорим спокойно. Что такое режим «Ноу»?

— Режим пресечения утечки информации.

— Кто из людей находится в контакте с твоим хозяином?

— Вопрос за пределами моей компетенции. Время истекло, прошу прощения, вынужден включить спецрежим.

Где-то послышалось шипение, в помещение стал поступать какой-то газ, и тут же в затылке кольнуло дважды, шевельнулся «Вася»: «Эфир тиохалинфосфоновой кислоты, известен на Земле как Ви-токсин. Противоядие я ввел, но,

кроме эфира, газ содержит компоненты, которые я не могу идентифицировать».

Надо было действовать быстро, потому что респиратор из кармана-ранца не гарантировал защиты от неизвестного газа. Никита поднял «универсал» и выстрелил в один из экранов. Черная плита рассыпалась фонтаном кристаллических осколков. Снова из-под пола заверещал-задрезжал сигнал тревоги, из пульта высунулись усы с горящими фиолетовыми шариками.

— Если не прекратишь свой спецрежим, буду вынужден уничтожить станцию, — предупредил Никита и вторым выстрелом разбил еще один экран. — Даю три секунды.

— Подчиняюсь, — отозвался координатор через мгновение.

Газ перестал поступать в помещение, вздохнули вентиляторы, всасывая отравленный воздух.

— Открыть все двери, в том числе и в подземный бункер. Снять силовой колпак над островом. Отключить систему безопасности и заблокировать ее до особого распоряжения.

— Выполнено, — прогундосил координатор через несколько секунд.

Дверь в коридор централи открылась.

— Есть ли связь с хозяином?

— Постоянной нет, только по вызову.

— Ты успел его вызвать?

— Сигнал вызова ушел, ответа пока нет.

— Где находится установка связи?

Молчание.

Никита выстрелил, последний экран распался в пыль.

— Внизу, слева у лестницы.

«Сопrotивляется! — восхитился «Вася». — Действует почти как человек! Между прочим, он все время кого-то вызывает, я чую радиопульсацию на сверхнизких». — «Вызов внешний или внутри здания?» — «Маломощный, скорее всего в пределах острова».

Никита повел стволом «универсала», целясь в горб координатора.

— А ты хитрец, братец, кто только тебя такого программировал! С кем состоишь на связи в данный момент?

«Берегись!» — рывкнул вдруг «Вася».

Никита упал за пульт и в падении выстрелил в знакомый белый диск робота-стража, вплывавшего в проем двери. Робот обладал реакцией автомата и успел среагировать на выстрел, но у него не было свободы маневра. Импульс «универсала» попал в фасетчатую «опухоль» с пучком игл под брюхом диска и повредил, очевидно, логический блок аппарата. Ответный разряд робота, не лазерный, а электрический, пришелся в пульт, и Никита, зная, как трудно выиграть дуэль с роботом, ударил по нему короткой очередью.

Бой закончился.

Робот застыл на полу комом оплавленного металла и пластика, в стенах зала что-то глухо трещало, лопалось стекло, по залу плыли космы дыма, воняло кисло и неприятно, даже запах озона не мог перебить эти неаппетитные запахи.

Никита встал, держа пистолет наготове, оглядел пульт и покачал головой. Разряд робота разворотил не только пульт, но и «опухоль» координатора. Киб-интеллект станции был мертв и не отзывался на запросы. Теперь и в самом деле пора было уходить: хозяин станции мог услышать сигнал и дистанционно включить средства посерьезней, скажем, приказать автоматам взорвать остров со всем его содержимым. Как уже показало время, Чужие были неразборчивы в средствах.

Инспектор выбежал из здания и убедился, что координатор выполнил приказ: зеркального пузыря над островом не существовало, экранирующее поле было выключено. Никита мог вплавь убраться от «пиратского гнезда» подальше и попытаться по рации связаться со спутником связи. Но он не удержался от соблазна заглянуть в подвал станции — минута-две в его положении ничего не решали.

Дверь в подвальный бункер была открыта.

Как только инспектор ступил на порог, в помещении зажегся тусклый серо-голубой свет, с потолка над входом опустились подрагивающие черные нити, утолщенные на концах.

«Они под напряжением, — предупредил «Вася». — Двести сорок вольт, температура сорок шесть градусов».

Никита дунул на нити, и те, словно обидевшись, взвились вверх и упрятались в черные сосульки на потолке.

Бункер был почти пуст.

У дальней стены стояли пинасс, капсула гидрометеоконтроля и гладкий белый цилиндр высотой в рост человека с ядром выступов у дна. Ближе к центру помещения располагались контейнеры: один голубой, с эмблемой колонистов, и два белых с красной полосой, принадлежавшие медслужбе Даль-разведки. Синий контейнер был запечатан, белые открыты.

Никита подошел.

Оба контейнера были доверху наполнены реликвиями древней дайсоннианской культуры: первый — «статуэтками» необычных форм, предметами, вызывающими неприятные ассоциации (например, рыбы внутренности), и вовсе непонятными вещами; второй — трехколенниками, в которых инспектор узнал дайсоннианские бумеранги, металлическими на вид тонкими дисками с зазубренными краями, многокрасочными веерами и небольшими коробками из черного стекла.

Пересвет потрогал коробку, раздался шелчок, и из коробки выдвинулся пенал, наполненный... перстнями! Точно такой же носила Флоренс Дженнифер. Никита взял один из перстней. Тот был как живой: теплый, красивый, «мурлыкнувший» в ответ на прикосновение желто-оранжевой световой гаммой, и у Никиты появилось чувство, будто перстень ему дружески подмигнул.

«Не задерживайся, — напомнил «Вася». — Я начинаю нервничать, неуютно здесь, да и сюрпризы могут быть».

Инспектор спрятал перстень в карман, повертел в руках одну из миниатюрных статуэток, изображавших, по всей видимости, бхихора — полусущество-полурастение. Но были и различия. Чуть-чуть иная форма тела и нечто напоминающее блестящий комбинезон. Одежда! Странно... Одетый бхихор — это вроде наряженного в брюки медведя... Стоп! Никита ухватился за мелькнувшую мысль. Одетый бхихор... И культ бхихора у современных дайсов-островитян... Не здесь ли корни религиозного обряда? Что, если

древние дайсонииане и в самом деле были бхихорами? Или их родственниками? Сколько накоплено фактов в пользу этого предположения: электрические органы есть у бхихора и были у строителей Сферы; форма кресла; мощные осветители и площадки с почвой планеты в звездолете дайсонииан; мягкие коридоры на Д-комплексе — непонятно, зачем они там, с человеческой точки зрения, и абсолютно ясно, если звездолет и Д-комплекс предназначены для дайсонииан-бхихоров — полурастений-полуживотных, имеющих разум!»

— Великий Космос! — пробормотал Никита вслух. — Я был прав, когда шутил в звездолете насчет бхихоров...

Он вдруг окончательно поверил в свою гипотезу. Древние дайсонииане были родичами бхихоров, как люди — родственники обезьян. А современные дайсы-островитяне наверняка играли роль домашних животных, тех же кошек, существ для игр или выполняющих определенные полезные функции вроде истребления вредителей в домашнем хозяйстве.

«Логично, — одобрительно сказал «Вася». — Осталось определить, в каком родстве с дайсониианами находились вудволловые леса с их сложнейшими системами биополей. Может быть, вудволлы когда-то были живыми биовычислительными комплексами?» — «Вася», ты гений! Такую мысль можно и в мир пустить. Спасибо!» — «Да что там, — скромно ответил «Вася». — Не стоит благодарности. Еще надо суметь выбраться отсюда».

Это замечание остудило кипение фантазии в голове инспектора и заставило направить мысли в сторону отступления. С момента неожиданного нападения и вынужденного купания прошло уже почти два часа.

Никита нашел люк в потолке подвала, через который загружался бункер, и разбил его двумя импульсами «универсала». Убедился, что пинасс заправлен энергией и готов к старту, вывел его в люк, но потом вернулся и сунул в карман статуэтку дайсониианина на память о посетившем «вдохновении».

Остров с базой Чужих провалился вниз и затерялся в расплавленной массе янтаря — таким казался океан в свете низкой Дайи. Сфера не светилась, и небо казалось бездонным, как трясина.

ДАЙСОН-2

***Ночное полушарие, остров,
недоступный прямому наблюдению
с орбиты, основная база чужих***

Мухаммед бин Салих облачился в доспехи, мурлыкая что-то под нос. Он был подвижен, энергичен, не терпел бездействия и фанатично верил в свою исключительность.

Суннимур Кхеммат одевался медленно и молча, как всегда, уйдя мыслями в себя, в темный мир не доступных никому движений души. Мухаммед не знал, на чем, на каком моральном изъёме сыграл эмиссар Чужих, купив Кхеммату, но чувствовал, что тот не ошибся: биолог с австралийского биополигона оказался натурой загадочной, сложной, эксцентричной и двойственной. В отличие от него, Салих был прям, высокомерен до дерзости, властолюбив, честолюбив и не скрывал ни одного своего недостатка, компенсируя их повышенной внимательностью к приказам начальства, исполнительностью и оперативной выучкой. В погранотряд Даль-разведки он попал случайно, не уразумев сразу всей ответственности и сложности работы этой службы, погнавшись за славой и выгодным вниманием со стороны слабого пола к защитникам цивилизации. Через полгода он понял, что рутинное исполнение обязанностей не соответствует его понятию риска и не утоляет жажды острых ощущений. Он предпринял несколько самостоятельных ходов на планетах, где работал погранотряд. В результате, спасая его и груз, погиб один пилот разведшлюпа и оказалась отравленной долина с зарождающейся жизнью на второй планете системы Дракона. Салих понял, что его могут судить и вообще лишиться свободы выбора профессии, и впервые в жизни солгал, оговорив погибшего, переложив всю вину на него. Ему поверили, а вскоре на него вышел эмиссар инопланетян, искавший помощника для работы в Сфере. Вероятно, Мухаммед в конце концов отказался бы от сотрудничества, если бы уловивший его колебания разведчик Чужих не внедрил в его мозг крошечную капсулу пси-контроля. С этого момента система личности пограничника стала постепенно

деградировать, распадаться, упрощаться, приближаться к однолинейной психонатуре с одним-единственным позывом утоления собственных желаний, низведенным до инстинкта. Думать сам Салих не мог и поэтому ошибался чаще, чем хотел эмиссар Чужих.

Кхеммат тоже работал под контролем, но был сложнее и сильнее Салиха, и разведчику не всегда удавалось прочесть его мысли или побудить действовать так, как требовала обстановка.

— Как ты думаешь, он сдержит слово? — Салих бросил мурлыкать, рывком задернул «молнию» комбинезона на бедре. — Не понял я его насчет власти. Может быть, он предложит командовать ротой киберов, это тоже власть...

— Заканчивай сборы, — оборвал его Кхеммат. — Переходим на скорость, диапазон связи — от ста и трех десятых мегагерца до ста трех и семи.

Дальнейший их разговор происходил в радиодиапазоне и занял тринадцать секунд: встроенная в мозг биоаппаратура позволяла ускорять темпы мышления и реакции тела.

— Оружие?

— Три комплекта, включая парализаторы и дапли.

— Объем анализа ситуации и последствий?

— Расчетчики сошлись на отклонении результатов в один процент — можно пренебречь. Подготовка проведена, я готов. Кстати, почему ты не сказал, что Пересвет уничтожен автоматом резервной базы?

— Это не моя заслуга, а твоя, мог бы и сам сказать. Но мне не нравится, что база не отвечает. Придется слетать на место. И еще меня беспокоит, что Флоренс Дженнифер ушла из-под наблюдения. Если случайно ее увидишь, дай знать.

— Непременно, но с одним условием: отдашь девочку мне, с мастером я договорюсь.

— Не возражаю. Тебе придется обезвредить Валаштаяна, он догадывается о твоей двойной игре. И опасайся Пинаева, он умен.

Салих пренебрежительно фыркнул:

— Этот мальчишка, играющий в отцы-командиры?

— Этот мальчишка умен не по годам и способен препод-

нести сюрприз. К тому же он в контакте с Калашниковым, начальником земной контрразведки, а этот орешек не по зубам не только тебе и мне, но и нашему хозяину.

— Откуда у тебя такие данные?

— А ты думаешь, только мы с тобой завербованы? У хозяина есть еще кто-то на Земле, тоже человек, и сидит он глубоко. Но это не наше дело, ты прав, главное, чтобы хозяин платил. А власть... Должность президента одной из держав на планете Клиента тебе подходит?

— Если только они люди. — Салих подумал секунду. — Хотя бы женская половина. Негуманоидов не терплю.

— Хозяин тоже негуманоид.

— Я имел в виду...

— Знаю, будут и девочки, гейши, куртизанки и так далее — все, чего пожелаешь. И плюс к этому неограниченный срок существования.

— Я не совсем понял... Насколько я знаю школьный курс биологии, бессмертен может быть лишь вид, но не индивидуум...

— Решение старо как мир — нам будут менять тела при неизменной психоструктуре. Так же, как это делает хозяин. Знаешь, сколько ему лет? Одиннадцать тысяч триста! Он поменял уже сто пятьдесят тел.

— То есть отнял сто пятьдесят жизней...

Кхеммат холодно взглянул на собеседника.

— Ему платят за работу, и только. Закончили. Открывай окно.

Две тени появились над океаном, прыгнули в стороны и исчезли в густом коричневом мраке ночи-зимы.

ЖДАН ПИНАЕВ

Стены рубки потеряли монолитность, растаяли, впустив пространство внутрь модуля.

Сфера светилась ровно и сильно, но свет от нее не давал тени, и рубка со всем ее оборудованием превратилась в стеклянный макет, в призрачный технопейзаж, живущий по законам привидений. И вдруг свечение Сферы изменилось,

началось нечто вроде северного сияния, радужные волны кругами побежали по исполинской сети Сферы — невиданное, волшебное зрелище, превосходящее по масштабам и красоте все эстетические эффекты со светом, созданные людьми за всю историю человечества!

«Светомузыка» длилась две минуты, потом Сфера погасла.

Заработали аккумуляторы, подумал Пинаев, все-таки привыкнуть к этому зрелищу невозможно! Интересно, сколько лет, сколько поколений строили Сферу дайсониа-не? Или права гипотеза, что строили они ее всего несколько секунд? И зачем она понадобилась им вообще, если они открыли такой источник энергии, как вакуум?

Последнюю мысль Пинаев высказал вслух, и сидевший в кресле пилота Никита Вербицкий, флегматик по натуре, проворчал в ответ:

— Дайсониа-не были рационалистами.

— Не скажи, — возразил Валаштаян, занимавший кресло справа. Больше кресел в рубке не было, и остальные пограничники сидели на полу и в коридоре модуля. — Нужно обладать поистине неслыханным рационализмом, чтобы строить Сферу ради утилизации энергии светила, когда под боком есть неиссякаемый источник более дешевой энергии. Да и не были дайсониа-не рационалистами до мозга костей, имея эмоциональное, чувственное поле, иначе у них не было бы ни искусства, ни культуры, ни тяги к непознанному. По-моему, Сфера — это памятник творчеству, и воздвигнут он не только для них, но и для нас, и для тех, кто придет позже. Умение восторгаться и удивляться не менее универсально, чем законы добра и зла.

На пульте коротко прогудел интерком. Звонил Калашников:

— Ждан, вам готовность по захвату отменяется. Возвращайтесь на Д-комплекс и примкните пока к поисковикам Паши Рудакова. Во что бы то ни стало надо отыскать МК-генераторы, они где-то на станции.

— Выполняю, — отозвался Пинаев, подавая знак пилоту. У него остался на душе мутный осадок какой-то недоговоренности, ощущение дискомфорта. Непонятно было, почему Калашников вдруг отменил свое прежнее решение,

словно перестал доверять. Но, может быть, он наметил задание поответственной?..

Модуль повернул, оставив за кормой серп Дайсона-2 и ослепительную дыру Дайи, бросился догонять ушедший вперед Д-комплекс.

— Снова мы на подхвате, — недовольно пробормотал Валаштаян, — словно неопытные стажеры...

— Не перегибай, — сухо бросил Пинаев. — Контакт с непрогнозируемыми последствиями — работа отдела безопасности, а не погранслужбы. Сережа, форсируй, у нас мало времени.

Индикатор тяги на пульте набух красным свечением, скорость модуля подскочила до тысячи километров в секунду, перейдя порог для этого класса шлюпов. Д-комплекс обозначился в визирных метках локатора порхающей бабочкой размером с циферблат наручного инфора. И тут произошло неожиданное: пространство исказила судорога гравитационного «шторма»! Маленький кораблик потерял управление, завертелся щепкой на невидимых волнах, превратившись в игрушку призрачного зеленого сияния. К счастью, накал этот, протянувшийся откуда-то из оболочки Сферы к Д-комплексу, прошел в стороне от модуля, иначе не спасла бы никакая защита.

«Шторм» стих, гравитационное волнение пространства успокоилось, пограничники стали приходить в себя. Первым очнулся Пинаев и потрепал по плечу пилота, указав на пульт: они летели по направлению к Дайе, совершив поворот на сто с лишним градусов.

— Что это было? — нарушил молчание пилот, переходя на ручное управление. — Второй раз на моей памяти и третий в истории освоения системы. Неужели Калашников не знал, что наш маневр опасен?

Пинаев тоже подумал об этом, вспоминая беседу с экспертами в каюте Хоона. Для поддержания равновесия Сферы и орбит всех трех ее планет требовалась колоссальная энергия, но все равно, даже при КПД утилизации энергии, не достигавшем и сорока процентов, чистый энергетический выход установок Сферы превышал расход. Эти «излишки» надо было куда-то девать, и дайсонские построили Д-комплекс —

станцию техобслуживания Сферы и гигантский аккумулятор. Раз в год преобразованная энергия Сферы, накопленная оболочкой, разряжалась на Д-комплексе, «стекая» в неведомые емкости, невиданные по мощности и возможности конденсации. Куда энергия уходила дальше, не знал никто, но ее было в тысячи раз больше, чем шло на нужды технического обслуживания.

Снова на экране локатора появился абрис «бабочки» Д-комплекса, превратился в геометрическую игрушку-головоломку, вырос в гору, закрыл носовые экраны переливающейся электрическим свечением стеной.

— Такой разряд способен разнести в пыль Луну, а ему хоть бы что! — крикнул Валаштаян. — Подъем, ребята, приехали. Бегом в центр!

Первое, что узнал Пинаев от дежурного погранслужбы: Калашников никаких новых заданий им не давал, и его «приказ» был явной провокацией со стороны Чужих, пожелавших уничтожить группу наиболее простым путем. Вторая весть была о поимке двух тритемнодонов.

Оба почти не сопротивлялись, потому что находились на грани истощения и голодной смерти: ничего съедобного по Д-комплексу после введения спецрежима не ходило, а биохимическая живность дайсониаанской техники пришлось хищникам не по вкусу.

В посту координации тревожных сил УАСС и погранслужбы, оборудованном в кабинете директора исследовательского центра, командовал Косачевский.

Пинаеву определили горизонты, не охваченные поисковыми группами отдела безопасности, он разбил отряд на тройки, раздал выделенную Косачевским аппаратуру, и пограничники двинулись к своим секторам, давно научившись пользоваться транспортными средствами Д-комплекса типа «вепрь» и «прыг-скок».

Ждан и сам собирался заняться поиском МК-генераторов, но судьба распорядилась иначе.

Не успел он отправить последнюю группу, как вдруг в пост, на три четверти занятый пультом монитора координации, ввалился Никита Пересвет, озабоченно-спокойный и не улыбочивый, впрочем, как всегда.

— Хорошо, что здесь все, кто нужен. Чем занят?

— Приказ Калашникова — прочесать станцию и найти украденные МК-генераторы.

— Обойдутся без тебя. Где сам Калашников?

— Погиб, — сказал Косачевский, оглядываясь. — Как вы здесь оказались?

— Долго рассказывать. Немедленно пошлите опергруппу на второй Дайсон, координаты укажу. Я обнаружил базу Чужих... Подождите... Савва... Вы сказали, погиб Савва?! Как?!

— Пошел на захват Салиха, но... тот оказался роботом, биокопией, отвлекающей удар на себя. Как и Суннимур Кхеммат. Группы захвата сработали хорошо, но им достались живые мины, а не разведчики Чужих.

— Разве расчетчики операции не учли этого варианта? И почему на захват пошел сам Калашников?

— Он не рисковал, так получилось. Псевдо-Салих и псевдо-Кхеммат, конечно, взорвались, но обошлось без жертв, хотя трое оперативников пострадали серьезно. А Савва... — Косачевский поморщился. — С ним сложнее. Он в это время был вызван Захаровым в сектор административных служб базы — операция захвата Салиха проходила на второй базе археонавтов, а Кхеммата — на территории орбитального лифта, и у метро базы его перехватили...

Пинаев, пораженный новостью, молча ждал продолжения. Известие о гибели начальника отдела безопасности, с которым он разговаривал всего полчаса назад, не укладывалось в голове! Никита мельком взглянул на него, потом на часы.

— Факты?

— Нет. Это я так думаю, что его перехватили, — продолжал Косачевский, — но свидетелей нет, потому что спустя шесть минут после исчезновения Саввы была предпринята попытка взорвать базу. Все было подготовлено на совесть, но в последний момент Захаров успел нейтрализовать цепь управления главным зарядом.

— МК-генератор?

— Разряд произошел, но пострадало только метро базы.

— Но если все обстоит так... зачем Чужим похищать Савву? Вы ведь пришли к такому выводу?

— Чужие стремятся всеми правдами и неправдами выдворить нас из Сферы, и смерть Саввы в этом аспекте им невыгодна. Эмиссар Чужих умен и расчетлив, он подготовил нам немало сюрпризов и меняет тактику столь быстро, что наши прогнозисты не успевают отрабатывать изменения ситуации. А главное — он способен на все! Захват Калашникова он может использовать гораздо выгоднее, чем его смерть.

— Вы правы, он попытается вывести у Саввы все, что тот знает, возможен шантаж и многое другое.

Косачевский отвернулся и вполголоса распорядился послать группу на модулях по указанным Пересветом координатам.

— Так Калашников и в самом деле... погиб? — хрипло спросил Пинаев, обретая дар речи. — Как же так? Я только что с ним разговаривал...

Косачевский угрюмо посмотрел на него, но обратился к Пересвету:

— Что вы советуете делать в сложившейся ситуации?

Никита задумался, поглядел на пульт, отражавший положение отрядов погранслужбы отдела безопасности, наблюдателей и зондов-автоматов. В комнату то и дело входили люди, по двое, по трое, получали задания от заместителей Калашникова, исчезали и снова появлялись. Непривычный легкий гул переговоров поглощался стенами не до конца и мешал размышлять спокойно.

В помещение заглянул высокий, светловолосый, атлетически сложенный парень в сером костюме спасателя. Косачевский поманил его рукой:

— Зайдите, Ивар, вы мне нужны. — Директор УАСС кивнул на Пинаева. — Знакомьтесь, начальник погранотряда Ждан Пинаев. Никита Пересвет. Командир группы «АА» Ивар Строминьш.

Пинаев был в достаточной степени ошеломлен сменой событий, но быстро пришел в себя, протянул руку.

— Я предполагал нечто в этом роде, потому что пытался установить за вами слежку.

— Знаю, — кивнул Строминьш без улыбки и повернулся к Пересвету. — А с вами мы знакомы, не так ли?

— Спасибо за подстраховку, я сразу-то не сообразил. Опоздай вы на пять-шесть секунд...

— Мы едва успели. — Командир группы порозовел. — А потом потеряли из виду...

— Я не стал разбираться, кто свой, кто чужой, и ушел вторым темплом. Знаком термин? Итак, что делать? Думаю, сначала надо эвакуировать всех оставшихся исследователей с планет Сферы на Землю.

— Если бы знать, куда они упрятали Савву?..

— Еще надо доказать, что он похищен. Да и что бы это изменило? Нужна база Чужих — это главное. А где она находится, знают лишь живые Салих и Кхеммат и сам резидент, конечно.

— Знать координаты базы — еще далеко не все. Вы знакомы с вариантами контакта, рассчитанными отделом Дориашвили? Жаль. В одном из них отчетливо прослеживается стремление Чужих спровоцировать нас на открытое выступление против нынешних обитателей Сферы. В результате подразумевается, что, кроме нас и, разумеется, Чужих, в Сфере незримо присутствуют ее хозяева. И вот их-то Чужие пытаются расшевелить, чтобы те вмешались и вышвырнули нас из своих владений.

— Но вы же знаете, гипотетические решения уравнений этики еще надо доказывать. Давайте думать, как найти Савву, если он жив, вернее, без всякого «если», и заставить раскрыться эмиссара Чужих. Он сделал ход, и теперь наша очередь. — Пересвет вдруг со вздохом погладил себя по животу. — Есть хочу... извините. Где тут можно подзаправиться?

— Рядом, — кивнул Косачевский на стену слева, не удивляясь желанию инспектора. — Даю десять минут, потом начнем свертывать операцию. Если Чужие хотят, чтобы мы ушли, мы уйдем.

Никита, прищурясь, оглядел лицо Косачевского, но ничего не сказал. У порога оглянулся.

— Кстати, вы не знаете, где сейчас находится психозтик Флоренс Дженнифер?

— А вы разве... не знаете? Она... входит в круг подозреваемых и находится где-то на втором Дайсоне. Сведений о точном местонахождении нет.

Пересвет вышел.

Пинаев, подсознательно задержавший дыхание во время этого разговора, вдохнул полной грудью, поймал жест Строминыша. Они отошли в угол комнаты, где было свободней. Косачевский надел эмкан «спрута», на который сводились все каналы связи служб и отрядов, участвующих в операции, вызвал Захарова.

Строминыш поправил «родинку» рации на горле. У Пинаева была такая же «родинка» под нижней губой.

— Подождем, — тихо ответил Пинаев.

Никита вернулся через семь минут, сосредоточенный и задумчивый.

— Что надумали?

Строминыш посмотрел на Ждана, тот покачал головой:

— У меня нет достаточной оперативной информации, чтобы предложить варианты поиска Салиха и Кхеммата. Зато я, кажется, знаю, где искать МК-генераторы: в посту управления Д-комплексом.

— Идея неплохая, осталось только определить, где находится этот самый пост. Эксперты поговаривали, что его вообще не существует.

— Я вспомнил разговор с Костей Мальцевым, киберне... бывшим кибернетиком. Гриффит не разрешал им вести исследования донных горизонтов начиная с двести сорок первого, а они добились разрешения у Даваа и наткнулись в центре станции на помещение, к которому сходятся все выявленные цепи управления... Если бы не ввод особого положения, кибернетики уже открыли бы туда вход.

— Это меняет дело. Что у тебя?

Строминыш снова поправил рацию.

— След Кхеммата всплыл на ТРБ-1, а оттуда он может уйти в пространство на любом модуле. Салих, похоже, должен вот-вот объявиться на станции.

— Где именно?

— Пока не знаю. Ребята взяли под контроль космодром и все известные внешние люки.

— Наверняка существуют и неизвестные, особенно на донных горизонтах. К тому же Чужие могут воспользоваться «прыг-скоком», дайсоннианским транспортом они владеют

не хуже нас. Вероятно, именно таким образом они и ушли из-под наблюдения, зная выходы «прыг-скока» в Сфере.

Пересвет увидел жест Косачевского — палец вверх, подошел к пульту, окруженному неплотной стеной людей. Те расступились. Косачевский оглянулся, снял эмкан, помассировал уши.

— Эвакуация началась. Ребята Захарова обыскали весь район второй базы в радиусе десяти километров — никого. Чужие выигрывают финал вчистую. Я вернул десант на спейсеры. Пока не возьмем эмиссара и не узнаем координаты его базы...

— И не выручим Савву. Надо срочно дать объявление по базам.

— Уже дали, но едва ли Чужие сунутся на наши базы, это же явное самоубийство.

— Они объявятся здесь, на станции, где больше половины горизонтов нам не подконтрольно.

Виом связи воспроизвел голову Захарова с блестящей лысиной.

— На шлюп Морица совершено нападение.

— Где?!

— Спасатели помогали нам обследовать оболочку Сферы, и с одного из астероидов их обстреляли из лазеров.

— Группу послали?

— Ушла четверть часа назад.

— Обследовать, выяснить, в чем дело. — Косачевский поймал взгляд Пересвета. — Вот вам еще одна запасная база Чужих. Видимо, сработали охранные системы. — Захарову: — Обыщите все вокруг и попытайтесь проникнуть под пузырь защиты. Возможно, Чужие захотят воспользоваться базой в ближайшее время, а у них там скорее всего есть свое метро.

Внезапно на панели монитора перемигнулись алые огни, и в помещение ворвалось сразу несколько голосов:

— Наблюдаю световые эффекты в поясе ДЭУ!

— В диапазоне гамма вижу странное «струение пространства» в поясе ДЭУ!

— Перестал принимать информацию от зондов в поясе дайсонских энергоустановок возле Дайи.

— Нет связи с группой Калчевой...

— Регистрирую повышение нейтринного потока от Дайи...

Косачевский рывком поднялся к пульту.

Центральный виом поста, расчерченный квадратами оперативных видеообъемов, слился в одно громадное черное окно с розовым диском Дайи. Диск мигнул, погас, закрытый избирательным контуром, обозначился тонкий обруч протуберанцев и факелов звезды, побледнел. И недалеко от Дайи — по масштабам локационного поля — засияли зеленоватые облачка, непрерывно меняющие форму и спектр свечения.

— Что это? — спросил в наступившей тишине Косачевский.

Ответом было молчание.

Может быть, хозяева, подумал Пинаев, но вслух ничего не сказал.

Прошло несколько минут. Из докладов наблюдателей стало ясно, что явление пока не представляет опасности для экспедиции, и Косачевский передал феномен под опеку специалистов-физиков, приказав сообщать о поведении объектов каждый час.

— Как вы думаете, это не демонстрация Чужих?

— Кто его знает, — уклончиво ответил Никита. — Масштабы уж больно велики, диаметр облаков более тысячи километров. Я, пожалуй, пока вам не нужен, попытаюсь поискать украденные МК-генераторы. Если что-нибудь прояснится, дайте знать.

Пересвет, за ним Строминьш и Пинаев протолкались к выходу, в коридоре молча повернули к перекрестку, где в нише дремал дайсониа́нский «вепрь». Спустя несколько минут они уже были в двадцати километрах от поста координации, у центрального зала двести пятидесятого горизонта Д-комплекса, к которому сходились десятка два коридоров разного сечения.

Двое парней из группы Строминьша, появившиеся следом, принесли аппараты электропунктуры, соединенные с компьютером, и принялись колдовать над закругляющейся стеной загадочного зала у выходов коридоров к стене. По-

везло возле четвертого заполненного дымным голубым свечением коридора с металлическим полом.

Монолитная на вид стена вдруг вздулась пузырем и бесшумно лопнула, образовав грибообразный проем. В ноздри проникла сложная смесь запахов — от нежных цветочных и пряных фиалки и корицы до горьких и неприятных смолы, креозота, клея, пластмасс.

За стеной рос лес пупырчатых колонн, соединенных между собой толстыми лианами труб и кабелей. Колонны потрескивали, издавали шорохи и скрипы, вокруг них носились хороводы электрических искр, струи слоистых дымов, светящиеся паутины разрядов. Ход вел в недра этого «леса», в холодную электрическую полутьму.

— Жуть какая! — вполголоса сказал один из оперативников. — Не очень-то это похоже на зал управления.

Пересвет поманил Строминыша к себе.

— Анализаторы запахов у вас есть? Если здесь были люди, мы найдем их следы.

Вперед снова выступили обвешанные спецаппаратурой помощники Строминыша, осторожно углубились в тоннель, поглядывая на экранчики приборов, торчащие на гибких усах из-за спин, словно головы змей. Остальные эксперты группы деловито принялись «обнюхивать» коридоры. Пинаев почувствовал себя лишним. Он ждал сообщений от своих подчиненных, но те ничем не могли порадовать начальника.

Наконец Пересвет, поглядывающий на часы, махнул рукой вперед. Перешагнули оставленный разведчиками индикатор тревоги, реагирующий на изменение полевой обстановки, и догнали ушедших вперед экспертов возле выхода из «леса» на небольшую поляну. На свободном от колонн пятачке стояли три странных кресла, а перед ними шевелилось, словно живое, радужное облако с сотней мигающих огней. Над креслами нависали черные воронки, обрамленные блестящими полосами.

— Осторожно, — предупредил первый оперативник, отщелкивая крышку прибора, похожего на бинокль. — Здесь все под напряжением. Следы есть, но не это главное: реги-

стрируем длинноволновое радиоизлучение, локализовать трудно, потребуется время.

— Это они. — Пересвет нашел глазами Строминьша. — МК-генераторы излучают в радиодиапазоне. Оставь двух-трех ребят, Косачевский сейчас пришлет помощь. А нам здесь делать нечего. Ясно, что это пост управления, рассчитанный только на хозяев.

— Внимание! — раздался в ушах голос Косачевского. — На сто первом горизонте наблюдатели засекли человека, похожего на Салиха.

Пересвет отреагировал тотчас же:

— Где именно? Площадь горизонта почти пятьдесят квадратных километров!

— Сектор два, возле осевой трубы.

— В этом секторе установлены наши «микро», — вмешался Пинаев, быстро нашедший выход. — Монитор в моей каюте.

Строминьш выбежал первым, по ходу отдавая приказ группе подняться на сто первый горизонт и ждать.

Через несколько минут головокружительного полета на «вепре» Пинаев вывалился в коридор на десятом горизонте и рванул в жилую зону, к каютам. Строминьш и Пересвет не отставали. Втроем они ворвались в каюту Ждана, и тот включил свой монитор, надеясь, что техника не подведет. Техника не подвела.

Сработала линия в четвертом секторе, компьютер почти сразу выдал изображение: виом отразил перекресток коридоров, освещенный ручьем света на потолке, и фигуру человека в комбинезоне типа «чибис» для работы в жерлах действующих вулканов, но без шлема.

— Интересно, что заставило его вернуться на станцию? — проговорил Пересвет. — На заведомый риск провала... Что-то здесь не так. Я не понимаю, что задумал главный резидент, его мысли.

— Отвлекающий маневр, — предположил Строминьш. — Этот человек мало похож на Салиха. Сходство есть, но...

— Наверное, они подстраховались несколькими копиями, — пробормотал Пинаев, манипулируя клавиатурой монитора.

— Салиха будут брать оперативники Захарова, — проговорила рация в его ухе голосом Косачевского. — Ивар, вы на подстраховке. Как поняли?

— Понял, приступаю.

Строминыш похлопал Пересвета по плечу, тот ответил жестом: «Все в порядке, действуй».

Сначала Пинаев прислушивался к командам Ивара, поэтому не сразу расслышал, что его шепотом позвал Никита.

— Извини, отвлекся.

— Пошли в центр, сейчас Салих выйдет из сферы действия видеокамер, и мы потеряем его из виду.

Они поднялись на второй горизонт в пост координации, где царила напряженная, малопонятная непосвященному атмосфера деловитой сосредоточенности и быстрой смены событий. Косачевский стоял, его место занимал Захаров с дугой эмкана на гладкой голове.

— Дошел до поворота, — раздался в пульте тихий голос, — стоит... Снова пошел... коридор с губчатым полом... оглядывается...

— Его уже ведут профессионалы отдела, — шепнул Пересвет на ухо Пинаеву. — Но у меня предчувствие, что это пустой номер, наживка.

— У меня тоже, — ответил Пинаев.

— Остановился у двери в какое-то помещение, — продолжал докладывать наблюдатель. — Достал из ранца прибор... ощупывает стену... вероятно, ищет вход... Оставил прибор на стене, отошел... О черт!

Из динамика послышался треск.

— Что случилось?! — подался вперед Захаров.

— Ничего особенного, он проломил стену. Это был не прибор, а устройство для направленного взрыва. Вошел... Пытаюсь подойти поближе...

— Ивар! — позвал Захаров. — Что у тебя?

— Подходы чисты, никто его не подстраховывает, и это сбивает с толку. В радиусе полукилометра нет ни чужих глаз, ни излучающей аппаратуры.

— Не одного тебя это сбивает с толку. — Захаров поправил эмкан, посмотрел на Косачевского. — Он один, без подстраховки... Однако брать все равно надо.

— Не надо, — сказал вдруг Пересвет из-за спин впереди стоящих. Захаров и Косачевский одновременно оглянулись. Никита пробился к ним. — Это не Салих, копия, робот, пусть делает свое дело, а мы посмотрим. Может, он выведет нас к хозяевам или хотя бы к тому, кто им руководит в данный момент. Взять его можно будет в любое время... если только удастся обезвредить самоликвидатор.

— Он в любой момент может сесть на «вепря» или в «прыг-скок», и поминай как звали!

— На «вепря» — да, в «прыг-скок» — вряд ли. Он явно запущен с отвлекающей целью и будет стараться держать нас «на привязи». Пустите за ним серию зондов «шмель» и не потеряете.

Захаров отвернулся, безмолвно принимая совет. Косачевский показал Никите на кресла, но тот не спешил садиться.

— Как эвакуация?

— Через час-полтора закончим. Ефремов занимается, сам изъявил желание. От Саввы — ни слуху ни духу. Второй Дайсон заблокирован на всех мыслимых уровнях, муха не проскочит, но обнаружить базу с орбиты невозможно. Ждем, а чего?..

— Чужие тоже ждут — вот что главное. Напоминают, что время идет, а ждут. Начинаю верить, что они ждут появления на сцене еще кого-то, может быть, и в самом деле дайсонов, хозяев Сферы. Что с этими облаками в поясе ДЭУ?

— Глодают зонды. По словам специалистов, вакуум в этих областях пространства «кипит». Одно из облаков движется к орбите Дайсонов. Если проследить вектор, то часов через пять оно подойдет ко второму Дайсону.

— Так я и думал. Нам тоже пока ничего не остается, кроме ожидания. Впрочем... у меня идея. Будьте на связи. — Никита обернулся к Пинаеву. — Ждан, ты мне поможешь.

Пинаев молча последовал за Пересветом.

В каюте Никиты они проверили экипировку, не задавая друг другу вопросов. Оба были в белых комбинезонах спасателей с комплектами инструментов и разного рода приспособлений. Взяли НЗ, аппараты «динго» и пистолеты, кроме того, Никита прихватил фонарь. Пинаев не знал, что затеял

инспектор, но спрашивать не стал, понимая, что все будет сообщено ему своевременно.

Он оглядел не слишком уютное помещение и обратил внимание на две рваные дыры в дверях шкафа и холодильника. Никита коротко пояснил:

— «Глаза» Чужих самоликвидировались. Остальные два ребята Ивара ухитрились выколупать целыми и невредимыми.

— Он вышел, идет к лифту, — прогнусавил динамик рации голосом Захарова. — В помещении, куда он входил, остался непонятный предмет. Пробуем исследовать дистанционно.

Никита, тоже вслушивающийся в писк раций, махнул рукой: «За мной».

Вышли в коридор, залитый теплым золотистым светом люминесцентов, утопая в пружинящем покрытии пола, проследовали мимо каюты Уве с листом пластпапира «Капустники отменяются», мимо дверей с номерами и указателя «К лифту». Никита вдруг остановился и вернулся к предпоследней двери, остановился, в задумчивости потирая лоб.

— Это каюта Фло, — сообщил он негромко. — Флоренс Дженнифер... Вот бы войти... — Он не договорил, отпрыгивая в сторону с пистолетом в руке.

Дверь каюты Флоренс открылась рельефным узором и скользнула вверх, открывая вход.

— По-моему, нас приглашают войти, — сказал Пинаев, опуская свой «универсал».

Никита был уже у двери, заглянул, постоял несколько мгновений, словно прислушиваясь к чему-то, и бесшумно скользнул внутрь.

— Зайди-ка, — пригласил он через минуту.

Пинаев проводил взглядом оперативника из захаровского отделения, не обратившего на них внимания, и переступил порог жилища мисс Дженнифер, произведшей на него в свое время глубокое впечатление.

Комната была круглой, с конусовидным потолком фиолетового цвета, в центре стояла комплексная стойка «Иванда-Марья» — кровать-шкаф-холодильник-видеоприставка, а рядом, на полу, знакомый перстень. И все. Ничего лишнего, говорившего о том, что здесь жила женщина, любившая красиво одеваться и умело следившая за собой.

— Однако! — сказал озадаченный Пинаев. — Никогда не поверил бы, что это каюта Флоренс! А как ты вошел? Она что же, дала тебе код распознавания своей двери?

Никита нагнулся и поднял перстень.

— Нет, дверь открылась сама, как только я пожелал войти. — Он повертел в руках перстень. — Неужели она предугадала мой приход? Честно говоря, я тоже не ожидал увидеть здесь... такой демонстративный аскетизм.

Камень перстня на его ладони высветил ало-желтую гамму и вдруг заговорил голосом девушки:

— Никита, мне некому довериться, и, хотя вся моя техника говорит мне обратное, хочу тебе верить.

Пересвет взглянул на изумленного Пинаева, открывшего рот, и жестом остановил его попытку заговорить.

— Не знаю, что это, как оно называется и откуда пришло... не верила, что может прийти ко мне... но если все получится, как я задумала, ты объяснишь мне, что со мной происходит. Правда, думаю, что эта запись не понадобится, но привычка рассчитывать на худший вариант сработала и на этот раз. Не объясняю ничего, поймешь сам... если ты не тот, за кого я тебя принимала все время до последнего момента. Если же я ошиблась, это не повредит никому, кроме меня, а я... всего лишь вещь, наделенная интеллектом, оформленная как женщина Земли и необходимая для решения одной-единственной задачи. Но к делу. Если я не появлюсь до девяти часов вечера в центре, то попробуйте прочесть квадрат северной климатической зоны второго Дайсона с координатами: сто один градус северной широты и девятый градус долготы в радиусе двухсот километров.

Перстень умолк, сверкнув гаммой сине-зеленых переливов света.

Пинаев машинально глянул на браслет видео: без четырех десять. Флоренс не вернулась к девяти, как задумывала.

— Почему она назвала себя вещью, наделенной... — начал Ждан, но Пересвет прервал его, поднимая руку.

В стене каюты неожиданно открылся тоннель, протянувшийся куда-то далеко-далеко. Запахло озоном, электрические искры короной одели устье тоннеля.

— Примите подарок, — снова заговорил перстень. — Вы

еще плохо знаете работу оборудования Д-комплекса, вернее, ваше мнение о предназначении помещений и коридоров ошибочно. То, что вы называете «коридорами», — бывшие оранжереи и спортивные площадки станции, если пользоваться земной терминологией, а комнаты и залы, кроме занятых оборудованием, — лечебно-оздоровительный центр, работавший вплоть до ухода дайсоиан в созданный ими континуум. Из любого помещения можно попасть в любое другое место станции без кабин и пузыря «вепря», зная электрокод этого места. Коды я вам записала, если понадобится, с помощью обычного тестера вы попадете куда надо.

Никита подождал, пожал плечами.

— Спасибо. Это все?

— Не разговаривай с ним, как со мной, — улыбнулся Пинаев. — Этот «перстень» — всего лишь интеллект-система, нечто вроде компьютерного банка данных.

— Ты прав, я, кажется, заговариваюсь. Но этот тоннель... Не мы же его включили?

— И не перстень.

— Может, Фло запрограммировала порядок знакомства?

— Давай проверим. Куда направимся отсюда?

— К метро, оттуда прыгнем на спейсер и возьмем модуль. База Чужих наверняка в указанном квадрате. Идем?

И в этот момент из тоннеля, казавшегося пустым, шагнул в комнату человек. Судя по реакции, он не ожидал встретить здесь людей, но держал оружие наизготове — значок пистолета странной формы смотрел прямо в грудь Никите. Это был Суннимур Кхеммат.

Д-КОМПЛЕКС

Половина десятого вечера

Косачевский съел бутерброд, залпом выпил стакан брусничного сока и кивком поблагодарил проявившего заботу Рудакова.

Семь виомов оперативной связи показывали коридоры Д-комплекса, а на центральном дисплее высвечивалась

компьютером монитора схема связей операции, по которой было видно, как отряды Захарова и Строминьша продолжают движение.

Переключка отрядов, команды и ответы были выведены на общий динамик интеркома, но непосвященный не сразу разобрался бы в специфичном жаргоне оперативников. Правда, в посту непосвященных не было.

— Икс сел в лифт, следите за выходом.

— Гамма, омега, Бридер — вертикаль. Монитор — где он идет?

— Поднимается, сорок второй горизонт; шестому — вектор под углом семьдесят градусов.

— Гамма — сорок второй горизонт, омега — на крышу; переходите на волну «сто десять», Бридер — продолжайте вертикаль в том же темпе.

— Монитор, донные горизонты чисты, приступаем к поиску в секторах генераторов движения.

— Альфа, он вышел на двенадцатом горизонте, ведем визуально, идет к лестнице, спокоен.

— Вернон, освободите одиннадцатый и десятый, он сейчас начнет подниматься.

— Монитор, устройство, оставленное Иксом, — генератор инфразвука с автономным питанием. Похоже, генератор имеет охранную систему, напичкан молектронными чипами, КМК-компьютер. Начинаем искать окно уязвимости.

— Осторожно, десятка, не спровоцируйте устройство на самоликвид.

— Гамма, он прошел десятый, направляется к жилому сектору, достал оружие.

— Их эвакуировали в первую очередь.

— Туда пошли командир пограничников Пинаев и новенький, агент из Даль-разведки...

— Пересвет? Никита, ответь монитору.

Тишина.

— Ждан, Никита, почему молчите?

Ни звука в ответ.

— Ивар, «Единица», ответь монитору. У тебя есть связь с Никитой?

Косачевский нахлобучил поданную Захаровым дугу эмкана.

— Гамма, омега — приготовьтесь к захвату Икса. «Единица», быстро проверьте каюты жилсектора, в одной из них Пересвет и Пинаев. Сначала их каюты, потом каюты Хоона и Флоренс.

— Они в каюте Флоренс, — раздался голос Строминьша. — Мои ребята видели, как они туда зашли. Связи с ними не имею.

— Монитор, объект Икс в коридоре жилого сектора.

— Вижу, готовность к захвату — трехсекундная!

— Альфа — один — два — три — четыре — пять — готов! — эхом прошелестело в динамике, и следом еще несколько речитативов. — Гамма — один — два — три — ... — семь — готов! Омега — один — два — три... — шесть... дельта — один — два — ... — пять — готов!

Передачу из коридоров жилого сектора вели три видеокамеры, и объект Икс — псевдо-Салих — был виден хорошо. Он подошел к двери каюты Флоренс Дженнифер, остановился.

— Пора, — выдохнул Захаров.

— Пусть войдет, — возразил Косачевский. — Ивар, как только Икс войдет в каюту, отвлеките его внимание. Скажем, включите в каюте интерком и крикните: «Бросьте оружие!» Альфа, начинайте.

Псевдо-Салих вошел в распахнувшуюся дверь, и в то же мгновение в коридоре появились люди в сопровождении летающих киб-исполнителей, напоминающих по форме речных скатов. Двое из оперативников расстреляли дверь, в пролом юркнули «скаты», за ними — люди с преобразователями энергии, предназначенными для гашения взрывов.

«Шмель» с видеокамерой, бесстрастно передававшей ход событий, вплыл в каюту, и глазам руководителей операции предстала картина: замершие у черной дыры в стене «скаты», пригнувшиеся, готовые ко всему оперативники, опрокинутая стойка гарнитура «Иван-да-Марья» в центре и больше никого и ничего...

САВВА КАЛАШНИКОВ

Сквозь белую колышущуюся пелену проступило черное пятно с нечеткими краями. Оно словно выплывало из природной мути сквозь толщу воды, формируясь в какой-то знакомый предмет. Экран, подумал без всякого выражения Калашников. Мысли были вялые, ленивые и скользкими угрями норовили расползтись по углам сознания, как только он пытался сосредоточиться.

Черное пятно наконец «всплыло», превратившись в прямоугольник с горящими зелеными строчками.

Экран дисплея, снова подумал Калашников равнодушно, и его мысль высветилась новой строкой на черном фоне.

Из-за поля зрения протянулась к экрану рука, что-то сделала, экран стал фиолетовым, а буквы на нем ярко-голубыми.

«Забавно, — подумал Калашников, — это же мои мысли на экране...»

Фиолетовый прямоугольник послушно отразил мысленную фразу начальника отдела безопасности.

«Забавно, ведь я, кажется, не сплю... значит, я на Земле... на Земле... Почему на Земле? Я должен быть в... Где-то я должен... забыл... Вспомнил! В Сфере... странное слово... Сфера. Зачем я должен там быть? Почему я вообще об этом думаю?..»

Калашников попытался пошевелиться, и его едва не стошнило от головокружения и слабости.

— Лежите, — раздался над головой громовой голос. — Вам нельзя двигаться. Вы в реанимационной клинике, попытайтесь мысленно вспомнить, кто вы, чем занимаетесь и что делали до последнего момента.

«Я Савва Калашников, начальник отдела безопасности УАСС», — послушно вспомнил Калашников, наблюдая, как голубые строчки не произнесенных им слов загораются на фиолетовой панели. И вдруг где-то глубоко под толстым слоем «воды», затопившей сознание, шевельнулся в «мутном иле» острый плавник тревоги: «Внимание! Контроль!!!» С каждым разом строчки фраз на экране бледнели, кривились, начинали расплываться, пока не превратились в струи

света. Калашников окончательно пришел в себя, обретая задавленный до этого момента мысленный блок и контроль над пси-сферой.

— Черт! — произнес тот же голос. — Блокада мысли чудовищная, не помогают даже ваши препараты! Не трогайте его, пусть просыпается.

Сознание прояснилось. Калашников ощутил себя живым: ноги и руки были тяжелыми, словно налитыми инерцией взлета при десяти «g», болели мышцы живота, саднила кожа за ухом. «Микки» не отзывался на запросы, и Калашников понял, что его персональный советчик с обширной памятью изъят. Зато вшит «монстр» — передатчик чужой воли, ощущаемый как застрявшая в голове пуля, вернее, как паук, высасывающий кровь из жертвы.

Савва, покрывшись липким потом от невероятного усилия, запер «паука» в крошечной камере за пси-барьером и полностью овладел своим мозгом.

Он лежал одетым на узком и твердом ложе. Голова покоилась на вогнутой металлической решетке. На руках и ногах были защелкнуты широкие браслеты. Ложе переходило в пучок труб, вросших в прямоугольник экрана с небольшой полусферой сбоку, напоминающей металлического ежа. Напротив громоздилась какая-то непонятная слоноподобная установка, а на одном из ее «ушей» сидел лицом к начальнику отдела мужчина в комбинезоне.

— Каспар Гриффит, — шевельнул беззвучно губами Калашников.

Гриффит понял.

— Он самый. Отстегни его.

Из-за головы появился напарник Гриффита: громоздкое широкое туловище на коротких ногах, длинные руки, громадная голова с ничего не выражающим, бугристым, словно составленным из непропорциональных деталей лицом. Калашникову он напомнил массивного южноафриканского австралопитека, робустуса. Повозился у ежастой полусферы, пошевелил пальцами несколько игл, и браслеты на руках и ногах Калашникова превратились в дымные кольца, а «дым» втянулся в отверстие ложа. Урод повернулся лицом к Савве и сгорбился, превратился в статую.

Калашников с трудом сел, чувствуя себя совершенно разбитым. Не глядя на Гриффита, сделал несколько упражнений аутотренинга, пока в тело вместе с притоком крови не вернулась часть былой подвижности.

— Вы очень сильный человек, — без тени насмешки произнес Гриффит, не меняя позы. — Нам почти ничего не удалось из вас вытащить даже с помощью этого гроба. — Он кивнул на аппарат пси-зондирования. — Итак, вы подошли ко мне вплотную. Признаюсь, это в некоторой степени оказалось неожиданным для меня; не предполагал, что у вас такая мощная контрразведка.

Калашников потрогал побаливающий висок и обнаружил там свежую опухоль. Надавил пальцами и, не обращая внимания на боль, с отвращением выдрал белый плоский овал с сотней тонких длинных волосков, испачкав руку в крови. Бросил на пол, достал платок и занялся лечением, унимая пульсирующую кровь и пси-шумовой удар — эффект внезапного отключения подавляющего волю аппарата.

Гриффит наблюдал за ним с любопытством, покачал головой.

— Да, вы меня поражаете. Не хотите разговаривать.

Калашников наконец справился с выведенной из равновесия нервной системой, вздохнул с облегчением и впервые прямо посмотрел на собеседника.

— Я знаю, с кем имею дело. Что вам от меня нужно?

— Вот это другой разговор. Но едва ли вы в самом деле знаете, кто я. Представитель иного разума, разведчик? Во-все нет, я посредник, дилер, если пользоваться земным деловым жаргоном двухвековой давности. Так уж получилось, что Сфера оказалась на пересечении обоюдных интересов: ваших, альтруистически безгрешных, научных, исследовательских, и моих как агента по продаже особо ценных ресурсных источников, точнее — как посредника между Клиентом и Продавцом.

— Вы неплохо знаете терминологию земной эпохи социальной разобщенности. Чтобы добыть такую информацию, надо иметь хорошую разведку.

— О, вовсе не обязательно. Мы — цивилизация посредников. И Продавцы, и Клиенты вынуждены платить нам за

посредничество: Продавцы, обычно имеющие прекрасную разведку, — необходимой для работы информацией, Клиенты... ну, здесь возможен любой обмен.

— Не совсем понятно. — Калашников дотронулся до кармана на бедре, и тут же длиннорукий напарник Гриффита вскинул руку, из ладони высунулся черный ствол оружия. Калашников замер, медленно опустил руку.

— Какой он у вас нервный... Робот, конечно?

— Биокон, но примитивный, выращен за день. Кстати, вы не удивились, что ваш соотечественник Гриффит — разведчик иной цивилизации.

— Почему я должен удивляться? Вы или используете тело Гриффита, или сделали скафандр, имитирующий его тело.

— Второе. Доктор экологии Каспар Гриффит случайно попал в поле нашего зрения полгода назад, находясь в экспедиции Славича. Он бы погиб, если бы не мы. Это был удобный случай для проникновения в Сферу, и я начал подготовку. Однако работать на нас Гриффит отказался, пришлось...

— Понятно, не продолжайте. Вы гуманоид?

— Не совсем, но ближе к роду хомо, чем дайсониане. Постарайтесь спрашивать самое главное, времени у меня не так уж и много.

— Мне непонятны пока следующие моменты. Если вы не разведчик, то выходит, на Земле есть или были разведчики другой цивилизации, так?

— Совершенно верно. Представители Продавца. Один из них даже работает в аппарате Совета безопасности.

У Калашникова окаменело лицо, он не сразу смог разжать сцепленные челюсти. Однако голос его был ровен:

— Я догадывался. Вы можете сказать, кто он? Я ведь в ваших руках и не опасен.

Гриффит засмеялся.

— Не переигрывайте, контрразведчик опасен всегда, пока жив. Что еще вам непонятно?

Как ни был Калашников подготовлен к самым неожиданным поворотам событий, все же он не сразу собрался с мыслями.

— Каким образом вы завербовали Салиха и Кхеммата?

— После тщательного отбора и анализа характеристик. Чем больше в человеке отрицательных качеств, даже если он их скрывает, тем легче он поддается внушению, тем легче его обработать. А с программатором в мозгу он и вовсе слепой исполнитель приказа, воспринимающий команды как свои собственные решения. Мы попробовали обработать нескольких человек с более сильной волей, но потерпели неудачу. Однако, если бы мне понадобились еще помощники, я бы их нашел.

— Не сомневаюсь, человечество не свободно пока от потенциальных негодяев, используя «качели» генофонда от гениев до ущербных психически людей. А тех, кто сопротивляется до конца, вы?..

— О нет, мы уничтожаем свидетелей только в крайних случаях, чаще используем вашу же медицинскую технику, амнезотрон, например. Стоит чуть передозировать излучение, и память человека тает как дым.

— Вы лирик, господин посредник. Правда, мне неясна связь между... э-э... Продавцами, вами и Клиентами. За каждым термином — цивилизация...

— Вы молоды. Не вы лично — ваше человечество. Вспомните термин «звездные войны», не раз обыгранный вашей литературой. Идеи земных писателей не отличались разнообразием: земляне воевали с другими звездными расами за свое господство или против господства других. На самом деле звездные войны не столь примитивны, как их представляли люди. Нет врагов и друзей — есть партнеры по торговле. Разве в вашей истории не было таких примеров? В двадцатом веке с Гитлером воевали все: Советский Союз, Европа, Америка, а за спинами политиков шла торговля. Капитал не имеет границ, это доказано историей многих цивилизаций, ваша — не исключение.

— И что же вы продаете?

— Еще не догадались? Сферу, конечно. Ее первооткрывателями являются разведчики цивилизации с планет альфы... э-э... неважно, они же и являются Продавцами, привлечшими меня к сделке. Я нашел Клиента, который хотел бы приобрести право на владение Сферой, и теперь осталось лишь передать ее будущему хозяину.

— А мы, следовательно, мешаем...

— Верно... Пока я искал Клиента, вел с ним переговоры, в Сфере появились вы, пришлось отстаивать право на продажу.

— Такими средствами? Вы что же, имея такие возможности, не могли выйти на руководство Земли и объяснить ситуацию?

Гриффит засмеялся.

— Типичная реакция землянина. Экая вы интересная космонация, нация филантропов и мечтателей. А как хорошо все шло в двадцатом веке: военный паритет, устойчивая конъюнктура войны и капитала, великолепный цинизм власть имущих... До сих пор не пойму, что позволило человечеству объединиться, преодолеть барьер социального роста? Нелогично. Неестественно. Противно! Вот, например, мир моего Клиента — вашего соседа, кстати: вышел в космос, но до сих пор разделен на два лагеря и продолжает гонку вооружений. Какая благодать для торгового партнерства! Представьте, что одна из сторон завладевает секретами Сферы...

— Война на уничтожение другой стороны?

— Вовсе нет. Зачем же нам терять Клиента? Мы просто предложим другой стороне нечто эквивалентное, и так без конца...

Калашников едва сдержался, чтобы не выругаться. Теперь он смотрел на Гриффита с отвращением.

— Вы еще более интересная космонация, господин дилер. Уродливей отклонения эволюции разума я еще не встречал. Ну да ладно, мы до вас доберемся и потолкуем о моральной стороне вашей деятельности. А ваш Клиент случайно не Орион?

— О! Догадались! — Гриффит два раза хлопнул в ладоши. — Знаю, что вы уже и туда добрались. У вас тоже отличная разведка, почти как у Продавца! Если бы не прискорбное столкновение из-за объекта продажи, мы бы поладили.

— Вряд ли. Вы хорошо знаете нашу историю, науку и технику, но плохо знаете нас самих. Иначе не стали бы добиваться цели теми средствами, которые заставляют человека бороться до конца.

Гриффит слегка поморщился.

— Снова вы оперируете тем, чего нет. На Земле уже были времена, когда цель оправдывала любые мыслимые средства. Хотите примеры?

— Были, — кивнул Калашников, обретая былую уверенность. — Концлагеря, атомная бомбардировка Хиросимы, авторитарные политические режимы, геноцид, государственный терроризм, массовые убийства ни в чем не повинных людей — всегда находились те, кто оправдывал эти «средства» целью, мировым господством или «подлинной демократией». Но вспомните, чем это заканчивалось... — Калашников заторопился, заметив гримасу нетерпения на лице Чужого. — Наш спор схоластичен и ни к чему не приведет. Последний вопрос: что является товарным эквивалентом вашего обмена с партнерами? На Земле для этого служит золото — металл, имевший промежуточные формы: деньги, валюту.

— Для каждой цивилизации валюта разная. Для нынешнего Продавца — это энергия, необходимая для непрерывной экспансии в пространстве, для Клиента — технология, способная сломать военное равновесие в его пользу, но самым ценным эквивалентом во Вселенной, ее главным капиталом является... жизнь! Да-да, вы, люди, к моему удивлению, правы, хотя и возвели жизнь в ранг романтически возвышенного абсолюта. Вот цель, для которой мы способны оправдать любые средства! Скажите откровенно, разве вы колебались бы, если бы вам предложили бессмертие духа? Тело — лишь оболочка, сосуд для души, его можно менять бесконечно. Вы отказались бы от власти более могущественной, чем власть любого правителя в прошлом на Земле? Отказались бы стать равным богу для любого уголка Вселенной?

Калашников, улыбаясь, смотрел на Гриффита. Ненависть и презрение ушли, уступив место жалости. Чужой умолк, вопреки страсти, прозвучавшей в голосе, оставаясь холодным и недобрым. От него исходила волна скрытой угрозы, напряжения и ожидания.

Он не чувствует себя хозяином положения, подумал Калашников, хотя может пристукнуть меня в любой момент. Знать бы, когда наступит этот момент?.. Что делать? Потя-

нуть время? Не даст ведь, подлец. Или попытаться пригрозить? А не удастся — сыграть на страхе.

— Еще вопрос: почему бы вам не продать Сферу нам, землянам? Если Продавцу нужна энергия...

— Хорошая мысль, но у нас свой кодекс чести. Я уже договорился с Клиентом, он согласен заплатить и мне, и Продавцу. Да и не заплатите вы ту цену, на которую согласился Клиент.

— Почему же Продавец не может сам, без посредников, продавать свои находки?

— Цивилизация Продавца вырождается, пик ее могущества в далеком прошлом — сто миллионов лет назад, и представителей этого племени бродяг осталось совсем немного. Им некогда заниматься торговлей.

— Какой глубокий регресс! — прошептал Калашников, не сдержавшись. — Никто из нас не мог и представить, что контакт с цивилизацией, вышедшей в космос раньше человека, сведется к элементарной математической модели на уровне школьной игры! О великий Космос, ты устроен гораздо проще, чем наш ум, если мы принимаем извращенную логику дряхлой нации за суперэтику сверхинтеллекта...

— Что вы там бормочете? — Гриффит подозрительно впился взглядом в глаза Калашникова, подозревал помощника. — Что с ним? Действие наркотиков? Что ты ему вколол?

— Транквилизатор и эйфородинитрил. Он уже давно должен быть в трансе.

— Добавь что-нибудь из своего арсенала.

Калашников не двинулся с места, когда робот подошел к нему с кубиком пневмошприца.

— Знаете, — сказал он, — я бы на вашем месте не торопился. Вы так цинично откровенны со мной, что, боюсь, неправильно оцениваете ситуацию.

Робот примерился к шее Саввы, в то же мгновение тот отбил руку, с силой ударил противника коленом в живот, одновременно поворачиваясь влево, и его локоть с глухим звуком врезался в шею биокопа, словно по кожаному мячу ударил.

— Bravo! — негромко похвалил Гриффит начальника отдела, глядя, как робот, дергаясь, выбирается из-под облом-

ков устройства пси-прослушивания. — Для своих лет вы хорошо деретесь. Но на мне приемы демонстрировать не стоит, я вооружен лучше.

Резкий, неприятный звук резанул уши — нечто среднее между свистом, шипением и дребезжанием железного листа. Над «ухом» установки, на которой сидел Гриффит, всплыло облачко голубого света, развернулось в объемный экран. В глубине объема передачи появилась человеческая фигура. Она стояла спиной к Калашникову, но ему почудилось что-то знакомое в облике и осанке этого человека.

— Почесте, — раздался гнусавый голос. — Дуних кажеш сомо караисса. Брадо окривице Мориц та шаратха. Кхеммат до но стлание баки форораксоо караисса. Беже до горих на токсоду уморо.

— Те коло юмифороо караисса бель брадор? — удивленно сказал Гриффит. — Тктеколо беже до биируу? Умех! Умаро шифораксооу баки но стланиеце. Качисе дг!

Калашников с запозданием сообразил, что язык ему неизвестен.

Экран свернулся в облако света и угас. Гриффит задумчиво слез со своего сиденья и остановил робота, готового повторить попытку подавления воли пленника спецпрепаратами.

— Теперь я скажу, зачем вы мне понадобились. Только что мне доложили, что, во-первых, двое ваших работников, Пересвет и Пинаев, доставлены Кхемматом сюда, на базу, и, во-вторых, в действие скоро вмешаются иные силы, о которых вы не подозреваете.

— Дайсониане?

— Ах, даже так? Еще раз примите мой комплимент. Вы правы, дайсониане наконец зашевелились. Флоренс Дженнифер ваш работник?

— Станный вопрос. По нашим данным, она ваш работник...

— Все правильно, я спросил на всякий случай. Она разведчик дайсониан. Так вот, вы сейчас по рации свяжетесь с Д-комплексом, там у вас, кажется, координирующий работу контрразведки центр, и прикажете всем покинуть Сферу. Эвакуация исследователей — половинчатое решение. Если

в течение часа после объявления земляне не покинут Сферу, обещаю взорвать Д-комплекс и сделать так, что дайсо-ниане будут вынуждены уничтожить все ваши лагеря и базы и закрыть вам доступ сюда как завоевателям и убийцам, экспериментирующим на дайсах, уничтожившим несколько островов на первом и втором Дайсонах, а также планирующим глобальное переселение человечества в Сферу. Флоренс Дженнифер подтвердит мои слова, потому что лучше поддается перепрограммированию, она всего-навсего кибер, вернее, биоробот дайсо-ниан. Хотите поговорить с ней? Вас проводят, даю на размышление полчаса. И помните: на вас будет лежать ответственность за убийство ни в чем не повинных людей. Вы, люди, так погрязли в гуманизме, так жестоко привязаны к морально-этическому кодексу, по-своему отграничив добро от зла, так не терпите насилия над личностью, что не способны причинить вред соплеменникам, если на весы брошена ваша жизнь и судьба многих.

Калашников молча повернулся и проследовал к выходу из помещения, повинувшись жесту робота: тот держался сзади, равнодушный ко всему, что выходило за пределы приказа хозяина. Савва до боли в голове пытался вспомнить, где видел человека, разговаривавшего с Гриффитом, и не мог. Ни на Мухаммеда бин Салиха, ни на Суннимура Кхеммата незнакомец не походил — значит, это и был тот самый разведчик, представитель пресловутой цивилизации Продавцов.

СФЕРА ДАЙСОНА

В десяти миллионах километров от Дайи светящиеся облака, пульсируя и кипя, продолжали свою загадочную жизнь, формируясь в гигантские геометрические фигуры: веретено, шар, копье.

«Копье» направилось к одной из планет, которую люди нарекли Дайсоном-2, «веретено» двинулось к Д-комплексу, оставляя за собой длинный негаснущий хвост. «Шар» поднялся над плоскостью системы и устремил свой полет к самому большому вывалу в трехслойной оболочке Сферы.

Спустя час после своего рождения облака неизвестной

субстанции достигли цели и замерли каждый у своего объекта. Хвосты из искристого тумана по мере движения самих облаков продолжали вытягиваться, светиться и играть мириадами огненных вспышек-искр. С Д-комплекса и с баз землян к ним стартовали модули, ведомые суровыми молодыми пилотами спасательной службы Земли, зависли в сотне километров, включив автоматические исследовательские системы. И во всей Сфере, казалось, все живое затаило дыхание. Некто огромный, сравнимый по размерам со Сферой, взгляделся в панораму событий, с легкостью проникая взором сквозь толщи атмосфер и океанов планет, стен искусственных сооружений, скал и планетарных недр.

Он увидел инородную технику: спейсеры, модули, цилиндры, ТРБ, лагеря экспедиций, застывших у экранов людей, ощутил их напряжение и тревогу, не понимая, чем они вызваны, «ощупал» невидимыми пальцами раны на теле планет, нанесенные пришельцами, и еще раз, более внимательно, прислушался к бушующей, клокочущей стихии мысли, пытаясь выловить очаги отрицательных и положительных эмоций. Ему не сразу удалось это сделать, к тому же было неясно, кто из пришельцев друг, а кто враг: без длительного изучения ситуации или без подсказки обойтись было невозможно, и тогда исполин позвал своего разведчика, не узнавая его в «толпе».

Ответа не было.

Снова и снова колосс беззвучно, но так, что содрогалось пространство, бросал в космос призыв откликнуться. Никто не отзывался на этой волне мыслесвязей, только мысли людей создавали множественное эхо, шумовой фон, разобравшись в котором было непросто.

Тогда исполин — искусственный интеллект, посланец бывших хозяев Сферы — отыскал в ее колоссальном объеме области, где стихия мысли кипела наиболее напряженно, и сосредоточил на них внимание. Сквозь «гул» пси-поля пробила мысль одного из пришельцев...

— Добро сильнее зла, — медленно сказал Косачевский, устало разглаживая лицо ладонями. — Все так, все верно... И все же всегда наступает момент, когда вся наша техническая мощь, призванная укротить зло, оказывается бессиль-

на и финал схватки начинает зависеть от крохотной детали, от чего-то малого, эфемерного, невидимого глазом — от мужества и благородства одного-двух человек, от их ума, выдержки, великодушия и зачастую неосознанного стремления к идеалу, имя которого — любовь...

Посланец дайсонинан не знал, что такое любовь, потому что был создан, во-первых, не людьми, а во-вторых, для определенной цели, поэтому не стал анализировать «пакет смысла» речи человека и не смог оценить ее глубины. Он был слишком велик и чудовишно далек от всего того, что человек называл моралью, этикой, добром и злом...

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

— Какая неожиданная встреча! — сказал, приятно улыбаясь, Суннимур Кхеммат. — Не двигаться! — предупредил он попытку Пинаева выхватить оружие. — Я выстрелю первым. Оружие на пол!

— Спокойно, Ждан, — проговорил Никита. — У него анализатор и «универсал». Послушаем, что он нам предложит.

— Речь профессионала, — снова улыбнулся Кхеммат, следя за каждым движением друзей. — Сейчас придет мой помощник, и мы вчетвером прогуляемся по свежему воздуху. Очень кстати вы здесь оказались, хотя я и не ожидал увидеть вас в каюте мисс Дженнифер. Впрочем, вы ей симпатизировали, камрад Пересвет?

— Где Калашников? — спросил Никита, не отвечая на вопрос.

— Он приятно проводит время в компании Флоренс. Он будет весьма удивлен, увидев вас... м-м...

— На основной базе, — тихо подсказал Пинаев.

— Вы догадливы. Тем не менее вынужден вас огорчить — это вам не поможет. — Кхеммат повел стволом парализатора. — Поднимите руки повыше, уважаемые, раздвиньте ноги пошире, пошире. Из позы «шпагат» не очень-то попрыгаешь, не так ли, спортсмены? — В тоне Кхеммата прозвучала издевка. Он обошел каюту Флоренс, обыскал стойку универсального комплекта, в задумчивости остано-

вился у незакрывшейся дыры тоннеля, откуда тянуло озоновым сквозняком.

— Неужели она ничего не держала в каюте? И не оставила координат, где ее искать? Шеф будет огорчен. Что скажете, камрад Пересвет?

— Не знаю, о чем вы, — пожал плечами Никита.

— Ну хорошо, это не имеет значения. Итак, прошу вас следовать за мной... м-м... вернее, впереди меня. Пинаев, вы первый, живо!

Ждан посмотрел на Никиту и безмолвно шагнул в тоннель. Инспектор последовал за ним, и в этот момент в каюту вошел широкий, неуклюжий на вид мужчина с некрасивым смуглым лицом. Он был похож на Салиха.

— За мной идут, — просипел он сдавленным голосом.

— Быстро в люк! — Кхеммат подтолкнул Никиту в спину, ввалился следом, за ним — угрюмый незнакомец, что-то тонко просвистало, и равнодушная сила понесла всех четверых в невесомости сквозь сплетения и вязь конструкций, коридоров, помещений, колодцев, залов — вниз, в искристую бездну.

Длилось это падение недолго, минуты две. Негрубо, но ощутимо людей сдвинула упругая невидимая пелена, повернула, выстроила в затылок друг другу и вытолкнула в квадратное помещение с синими стенами, напоминающими софы. В углу светилась какая-то непонятная установка, а рядом из ячеистой стены выпирала белесая «опухоль» «прыгскока» — дайсонской разновидности метро, внутри которой горел зеленый огонек готовности к пуску.

Никита понял, что их сейчас заставят покинуть Д-комплекс и тогда Косачевский напрасно будет ждать их в посту. Конечно, он поймет, что с ними что-то случилось, но пройдет немало времени, прежде чем он убедится в отсутствии обоих на борту станции. Никита незаметно уронил перстень Флоренс на пол, сделав вид, что споткнулся. Шанс, что перстень найдут оперативники Захарова, был невелик, но пренебрегать им не следовало. «Вася» помалкивал, ему нечего было посоветовать.

Кхеммат достал ажурные браслеты со штекерами.

— Надевайте.

Никита повиновался, Пинаев тоже.

Кхеммат подсоединил браслеты к плоским аккумуляторам, включил. Пленники почувствовали легкий электрический укол — браслеты были генераторами электростатического поля, с их помощью, изменяя параметры поля, можно было пользоваться «прыг-скоком».

«Опухоль» мгновенного транспорта стала расти, туман внутри нее поредел и исчез, обозначились зеленоватые выступы в рост человека, похожие на ушные раковины.

— Вперед! — скомандовал Кхеммат, беспокойно поглядывая на часы. — Риг, обеспечить встречу.

Его напарник по-медвежьи полез в «пузырь», прозрачная пленка высветила полость «пузыря», и «опухоль» опустела. Зеленый огонек, плавающий в верхней точке «пузыря», сменился голубым, потом снова позеленел.

— За ним, и побыстрее! — махнул пистолетом Кхеммат.

— Я обезврежу робота, — быстро сказал Никита на японском, зная, что Пинаев понимает его. — Больше шансов не будет. А ты удержи этого... — Никита шагнул в «пузырь».

Мышцы на лице свело от осязаемого электрического заряда, тело сдавила невидимая лапа, бросила в глубокий колодец невесомости и тут же выдернула оттуда, поставила на что-то твердое. «Скорость!» — скомандовал Никита «Васе». Тот послушно, без обычного ворчания, что, мол, искусственный стресс разрушительно действует на организм, включил эруптивный нервный контур, увеличивающий скорость прохождения нервных импульсов. Время для инспектора как бы замедлило свой бег...

Он очнулся на светящейся белой плите в окружении черных стен. Пахло теплом. Кругом вудволлы, сообразил инспектор, переходя на инфракрасное зрение. Мы на одной из планет, причем в северной климатической зоне: Сфера не светится, и Дайи не видно — ночь... Где же наш длиннорукий «приятель»?

Псевдо-Салих стоял у стены вудволла, опустив руки, и ждал остальных. Он не был человеком, уверенным в преимуществе своего положения, а просто исполнял приказ и действовал в силу своей программы. Наверное, до этого мо-

мента такая программа себя оправдывала, но его создатели не знали, что Никита был оптимизирован для любого открытого боя с быстрой сменой ситуаций.

Ветер свистнул в ушах — прыжок влево — что там вокруг? «Все тихо», — ответ «Васи» — рука робота с пистолетом — по руке у локтя! — выпученные глаза — не успеваешь, голубчик. Где у них уязвимые места? Дышит-то он по-человечески или нет? — удар по шее — падает, но это просто удар, ага, по-видимому, нервный узел на затылке — получай!.. — О черт!

Падающий робот вдруг раскрылся от последнего удара, как раковина моллюска, сбрасывая человеческую оболочку. Из нее выскочила кошмарная конструкция, по-змеиному гибкая и быстрая, как хищное насекомое.

Никита было замешкался, но крик «Васи» подстегнул его. Он нырнул под удар членистоногого рычага, выхватил «универсал» из руки-чехла псевдо-Салиха и выстрелил в падении. Дымная молния разряда вонзилась в корпус «насекомого» и, видимо, пришлась на энергоузел: по глазам ударила двойная фиолетово-оранжевая вспышка, короткий двойной шипящий свист взрыва туго хлестнул по ушам.

Появившихся на светлой плите Пинаева и Кхеммата бросило ударной волной на стену вудволла, но Ждан сориентировался быстрее...

Кхеммата связали, обезвредили рации. Три минуты вслушивались в оглушительную тишину острова, но нигде не взывала сирена тревоги, не разверзлась земля и не появились роботы охраны.

Никита смазал себе обожженное лицо и руки деальгиновой мазью из аптечки, а Пинаеву — ссадину на носу и прилег у плиты. Его знобило — реакция на большую потерю нервной энергии после искусственного стресса. «Вася», бормоча свои наставления, занимался интроукаливанием, раздражал доступные ему нервные узлы, отчего по телу Никиты бегали приятные «мурашки», как при массаже.

Пинаев разведал обстановку, и оказалось, что они находятся на острове, в полукилометре от береговой линии. Остатки чужого робота догорали, стало темно, лишь плита

слегка светилась призрачным светом, бессильным рассеять мрак уже на расстоянии в локоть.

— И все же непонятно, почему Кхеммат высадился не на базе? — высказал вслух свои сомнения Никита. — Здесь в логике Чужих какой-то изъян. Зачем ему надо было выгружать нас здесь, вдали от надежной охраны?

— Может быть, он в спешке набрал не тот код?

— Может быть. Ты не заметил ничего подозрительного?

Пинаев достал из аптечки таблетку адаптогена, прижал к шее, подождал, пока содержимое всосется под кожу.

— За вудволлом, по-моему, начинается просека.

— Просека?!

— Вудволлы вырублены и сложены в штабеля. Больше ничего.

— Тогда подождем, пока очнется Кхеммат. — Никита лег.

Пинаев встревожился.

— Ты ранен? Помочь?

— Пройдет. — Инспектор не стал рассказывать пограничнику о причинах своего недомогания. — У тебя нет запасных раций?

— Одна все-таки осталась, этот приятель почему-то пропустил. «Родинка» на горле.

— Работает?

— Я включил ее в последний момент, но сработала ли она, не ведаю. Знаешь, у меня тоже скребут кошки на душе, уж слишком гладко прошло у нас освобождение.

— Элемент везения, конечно, сопутствует нам, но Кхеммат был излишне самоуверен и спешил, за что и наказан. Ты хорошо его связал?

— Практики, как ты сам понимаешь, в этом деле у меня нет, но освободиться он не сможет. — Ждан подошел к лежащему на боку предателю. — Дышит, я попал ему в подздошный нервный узел.

Никита наконец почувствовал, что начинает набирать тонус. Каждую мышцу и нерв он настраивал, как отдельные инструменты в оркестре, пока они не «зазвучали» слаженно и мощно. Сердце снова заработало в прежнем секундном ритме, а не в темпе лихорадочного галопа, руки и ноги стали послушными, легкими и сильными. «Порядок, — высве-

тилась в голове мысль довольного «Васи». — Свеж как огурчик. Известна тебе этимология этой фразы, мон шер ами?» — «Известна, — буркнул Никита. — Лучше следи за средой. Никто не крадется? А то я что-то нюх потерял». — «В радиусе километра никого. В двух километрах к северу ощущаю пульсацию полей в широком диапазоне». — «База, все правильно. Где-то там Калашников...» — «И Фло Дженнифер...» — «Что ты хочешь этим сказать?» — «Она мне не нравится. При ее приближении у меня начинаются сбои, словно немеют рецепторы...» — «Ты просто ревнуешь. Она странная женщина, но в ней есть какая-то загадка». — «То есть программатор Чужих. Она их шпион, доказательств хоть отбавляй». — «А последняя записка? Если она резидент, то ее записка — прямая утечка информации. И все, хватит полемики».

Никита вскочил на ноги.

Угрюмая стена вудволлового леса светилась коричневым, небо было почти черным, с багровыми тусклыми пятнами, грунт под ногами был холодным и твердым, словно его специально утаптывали.

— У них должна быть сигнальная сеть, а я ничего не чувствую.

— Должна быть, — согласился Пинаев. — Хорошо, что мы не вышли к воде. Охранять базу вроде бы ни к чему, если есть силовой пузырь над островом, то я бы на их месте поставил дополнительные охранные системы.

— Приводи в чувство Кхеммата. Не дает мне покоя вопрос, почему он высадил нас здесь, а не на базе? Странно как-то, нелогично... Кхеммат, конечно, не ожидал встретить нас в каюте Флоренс, но не учесть этот вариант... Ладно, разберемся. Интересная у дайсониян финиш-камера метро — плита и все. А я ломал голову, что за каменные плиты понаытканы на островах... Знать бы раньше... В темноте ориентируешься?

— Не очень хорошо, но силуэт твой вижу.

— Будешь подстраховывать с тыла.

Никита проверил заряд в «универсале» и обойму в пистолете Кхеммата, стреляющем иглами сна. Пистолет был изящен и красив особой хищной и зловещей красотой, фор-

ма его была доведена до совершенства, и Пересвет с мимолетным сожалением подумал, что, в отличие от дайсониаан, у человека первыми достигли совершенства орудия уничтожения себе подобных.

Пинаев порывлся в аптечке, подсвечивая под руку фонарем, нашел осмоампулу противошокового аппарата, но Никита остановил его.

— Не надо, он очнулся. Вставайте, Суннимур, не притворяйтесь, вы меня слышите.

Кхеммат открыл глаза, повозился и сел. Он казался спокойным, хотя это было спокойствие готовой к броску змеи.

— Вам все равно не выбраться отсюда. Эти плиты — лишь выходы из метро, а вход — на территории базы.

— Ничего, — тихо сказал Пинаев. — Выберемся.

— Времени у нас мало, — сказал Никита, — поэтому буду краток. Вы нас интересуете мало, поскольку все ваши шаги известны. Непонятны лишь мотивы вашего предательства. Как вы, человек, землянин, могли пойти на сделку с инопланетной разведкой? Чем они вас купили? Чем вообще можно прельстить человека в такой ситуации?

— Вам не понять. — Голос Кхеммата внезапно сел, биолог откашлялся. — Вам не понять. Хозяин способен...

— Хозяин?! Не партнер?

— Вас это шокирует? Да, он мой хозяин, хотя и временно. Он способен дать мне то, что никто никогда на Земле не мог дать ученому: возможность экспериментировать над такими формами жизни, какие вам и не снились! Плюс к этому бессмертие, способность менять облик, власть над тем, что движется и дышит...

— Ну, это по крайней мере ясно. — Никита сунул пистолет в захват на поясе. — Как все легко и просто: бессмертие, власть, отсутствие контроля, будто вы собираетесь жить вне социума, наблюдателем извне, демиургом, так сказать. Каким образом хозяин собирался все это вам преподнести? Но оставим обещания хозяина на его совести... которой у него нет. Ответьте еще на несколько вопросов, более конкретных, и мы расстанемся почти друзьями. Действуют ли на биороботов, ваших помощников, иглы сна?

— Не знаю, не пробовал.

- Верю. Где в настоящий момент Салих?
- Готовит вам сюрприз. Где именно — тоже не знаю.
- Сюрприз — это взрыв Д-комплекса?
- Так вы уже знаете? — В голосе Кхеммата прозвучало

разочарование.

— Понятно. — Никита задавал вопросы все быстрее, чтобы не дать пленнику времени на размышления. — Кто главный? Под чьей личиной прячется эмиссар?

Кхеммат покачал головой, pokrивил губы.

— Экий вы быстрый... Даже если бы я захотел, я не смог бы произнести его имя.

— Пси-блокада? Что ж, тогда скажу я — Каспар Гриффит. Так? Не отвечайте, все ясно. Еще вопрос: зачем вы все это затеяли? Убийства, взрывы, террор...

— Хозяину нужна Сфера. — Кхеммат напрягся и разорвал силифторовый жгут, стягивающий запястья, улыбнулся. — А вы мешаете. Надо было выгнать вас... землян, вот и все.

— Так просто! — Никита посмотрел на Пинаева и встретил ответный взгляд. — Какое-то чудовищное несоответствие психологии и морали масштабу действий! — Он говорил тихо, ровно, как бы про себя, но внутри все дрожало. Перед глазами промелькнуло лицо Нормана Хамфри с пустым взглядом идиота, безвольное тело Константина Мальцева, словно уснувшего на минуту, взорванная база, мертвая деревня дайсонидов, вереница заболевших исследователей, снежная гора, скрывшая под собой несколько деревень дайсов... Выгнать из Сферы! И все!..

«Спокойно, — подал голос «Вася». — Он же глухонемой от рождения к любой чужой боли, а тут еще программатор в мозгу. Темп, темп, топчемся на месте, а время уходит».

— Не стоит демонстрировать свои возможности, — вежливо предупредил Пинаев, безразлично глядя на Кхеммата. — Вы что, в самом деле считаете себя суперменом?

— В том все и дело. — Никита глубоко вздохнул. Ждан был прав, «Вася» тоже был прав, все были правы. — Последний вопрос: какую роль у вас играла Флоренс?

Кхеммат перестал растирать запястья.

— Не понимаю, о чем речь.

— Какую роль играет Флоренс Дженнифер в спектакле хозяина?

— Вопрос в духе театрального критика. — Кхеммат коротко засмеялся. — Мухаммед, оказывается, прав. Он специалист по точному анализу. — Биолог снова засмеялся. — Вам, кажется, небезразлична эта девица? Она здесь, у хозяина... А знаете, кто она на самом деле? Робот!

Свет фонаря в руке Пинаева дрогнул. Ждан посмотрел на Никиту с каким-то испугом, тот остался бесстрастным. И в этот момент Кхеммат прыгнул на Пинаева. Пограничник выстрелил неожиданно для себя самого.

— Ну что же ты! — с сожалением проговорил Никита, поднимая и опуская безвольную руку биолога. — Он же теперь проспит не меньше суток.

— Извини, — с трудом произнес Пинаев, лежа в трех метрах от товарища в позе боксера, пропустившего нокаут. — Он мне, кажется, что-то сломал...

— Куда он попал?

Пинаев встал, отказавшись от помощи инспектора, показал на шею.

— Пройдет. Умеет кое-что, гад! Надо было прежде всего спросить его, где база и как туда пройти.

«База в двух километрах, — брюзгливо заметил «Вася». — Скажи ему».

Никите вдруг показалось, что его накрыла холодная тяжелая тень. Он поднял голову. Невысоко над вудволлами бесшумно проплыла стая виброкрылов.

Они выбежали на свежую вырубку с десятком штабелей разрезанных на плиты вудволловых стен. Запахи здесь стояли неприятные, железистые, болотные.

Штабеля были увязаны белым тросом и готовы к отправке. Попутная добыча, подумал Никита. Они не брезгуют ничем, в том числе и костяной древесиной вудволловых трупов. Жадность сгубила не одного преступника в былые времена...

Пинаев отстал, но не жаловался, он был в форме, что вселяло дополнительную уверенность в успехе задуманного. Обстоятельства складывались в их пользу, следовало использовать эффект внезапности и дар судьбы в полной мере.

Остановились передохнуть, вдыхая полной грудью прохладный воздух, пахнувший озоном и нагретым камнем.

— Наши там готовы полцарства отдать, чтобы узнать координаты базы, — вдруг тихо засмеялся Пинаев, — а мы уже здесь. Как ты выдерживаешь направление? Я бы уже давно сбился в этом мраке.

— У меня «альтер эго».

— Биоперсонком? — Пинаев был поражен, но постарался скрыть это. — И как ты его зовешь?

— «Вася».

Разговор прервался. Пинаев знал, как обидчивы искусственные интеллекты, перенимавшие многие черты личности хозяина, поэтому шутить не стал.

— Почему ты уверен, что это их основная база?

— Слишком жирно иметь на одной планете сразу три базы: две резервные и реперную. Одну я обнаружил, вернее, она меня, а эта должна быть главной.

Они снова побежали, утопая в мягкой почве, попадая в тупики сросшихся вудволловых стен, путаясь в куртинах липкой пухотравы, оскальзываясь на разваливающихся под ногами кочках гриботравы, продираясь через шпалеры паутилотравы. Этот лес был какой-то дикий, плотно забитый вудволлами, насквозь проросший травой всех видов, глухой и недобрый. Кратчайший путь к базе получался похожим на кардиограмму.

Через четверть часа остановились под сенью накренившегося вудволла, мертвого, заостеневшего и холодного.

«Вася» твердил, что база перед ними, в двух шагах, но они ничего не видели. Вернее, видели холмы, поросшие вудволловым лесом, и ни одного признака искусственного сооружения. Никита напрягал зрение, но даже в инфракрасном диапазоне не смог разглядеть упорядоченной структуры в излучающих тепло пятнах.

— Ничего не понимаю, — признался он Пинаеву. Они лежали в зарослях гриботравы, испускающей запах пыли, прибитой дождем, и прислушивались к редким звукам, долетавшим из глубины острова.

— У меня ощущение, что на нас кто-то смотрит, — сооб-

шил Пинаев шепотом. — Может быть, здесь видеокамеры слежения?

— Не исключено, но я ничего не вижу.

— А если база находится под землей?

— Не вижу смысла прятать ее под землю. Без силового зонтика ее все равно можно обнаружить даже из космоса. А вот видеозавеса — другое дело... Ползи следом, проверим.

Никита обогнул край вудволла и пополз на холм, но не преодолел и двух метров, как руки его ушли в склон холма по локоть. Он замер.

— Я так и думал — видеошатер! Они накрыли базу голографическим миражем. Боюсь, мы нарушим поле завесы, что нетрудно зафиксировать, но у нас нет иного выхода.

Никита рывком продвинулся вперед и зажмурился от неяркого, но неожиданного света, брызнувшего в глаза.

Он оказался на краю обрыва. Под обрывом начиналась круглая долина диаметром в километр, накрытая шапкой голубого тумана, гладкая, как городская площадь. В центре долины красовалось сложное сооружение, напоминающее бабочку с распахнутыми перепончатыми крыльями, однако размеры «бабочки» превосходили ее земной аналог по меньшей мере в тысячу раз! Во всяком случае, ее тело «насекомого», похожее на тушу кита, обросшую «водорослями» и «моллюсками» каких-то деталей, достигало в длину около двух сотен метров и в высоту около сотни. Рядом с «бабочкой» располагались сооружения более простых форм: десятиметровый куб с антенной системой наверху, полосатая колонна высотой в двадцать с лишним метров, цепочка белых шатров, модуль типа «Коракл» и два пинасса.

Над колоссальным телом «бабочки» сновали диски гравикранов, перегружая что-то из трюмов «Коракла» в недра перепончатокрылого гиганта, по серо-голубому грунту бежали юркие робокары, неторопливо и целеустремленно двигались приземистые фигуры биоклопов, но ни один звук не долетел до ушей разведчиков.

«Звуковая завеса, — сказал «Вася». — Страхуются они здорово. Тут такая каша излучающих источников, что я могу не справиться с идентификацией. Работай больше сам».

— Это скорее всего космодромный комплекс, — про-

шептал Никита едва слышно на ухо подобравшемуся Пинаеву. — «Насекомое» в центре, видимо, корабль, куб — централь, башня — склад. Что будем делать?

— Давай сформулируем задачу и составим план действий. Идем вслепую, без подстраховки, поэтому все будет зависеть не от расчета, а от дерзости.

— Согласен. Наша задача проста — найти Калашникова... если он жив, и Фло, а потом попытаться снять колпак поля с острова и дать сигнал Косачевскому. Все.

— Проще пареной репы. Если бы кто-нибудь еще посоветовал, как это сделать...

— Сам же говорил о дерзости. Будем действовать нахально, просто и прямо в расчете на внезапность. Я зайду левее и в тени этого насекомовидного корабля подойду к централи, а ты пойдешь отсюда к стоянке аэротранспорта, спокойно сядешь в куттер и будешь ждать, пока я не выйду. Возражения есть?

— Ждать не буду. Если не выйдешь через полчаса или не дашь знать, начну действовать сам сообразно обстановке.

— Годится. Как только я появлюсь в долине, начинай спускаться. И поосторожнее, пожалуйста, я трудно схожусь с людьми и не смогу найти тебе замену.

Никита отодвинулся назад, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и сделал порядочный крюк, огибая замаскированную видеошатрами долину с базой Чужих. Он вышел точно напротив перепончатого крыла странного сооружения, ничем не напоминающего космолет. Нашел глазами то место, где лежал Пинаев, никого не заметил, вздохнул и нырнул с обрыва, как в воду, соскользнув по гладкой стене почти до самого дна. Его задержал небольшой карниз, оказавшийся пузырем оплавленного камня, с которого инспектор скатился на равнину за две секунды. Весь спуск, таким образом, занял всего десять секунд.

Внизу он подобрал брошенный кем-то пустой желтый ящик и побрел к серому кубу, словно тоже был роботом, обслуживающим погрузочную площадку. Снова показалось, что сверху на него упала холодная тень. Так и есть, виброкрылы. Что им надо? Видеокамер у них нет, «Вася» бы уло-

вил, но, может, у Чужих есть устройства, работающие в диапазоне «ям нечувствительности» нашей аппаратуры?

Стала слышна работа механизмов, словно внезапно прорвалась накидка звукоизоляции: скрипы, тархтение, мерные удары, посвистывания и шорохи.

Здание приблизилось, полускрытое громадным, янтарно отсвечивающим, словно медным, крылом непонятного сооружения. Роботов с этой стороны не было совсем, лишь несколько многофункциональных по виду машин размером с медведя рыли траншею и укладывали в нее ярко-красные «бусы».

Никита обошел канавокопатели и бегом преодолел оставшиеся метры до здания централи, отметив не без тревоги, что никто не обратил на него никакого внимания. Кажется, мы слишком увлеклись штурмом, подумал он. Похоже, нас переиграли и ведут как слепых котят. Не может быть, чтобы база не имела охранных систем, контролирующих границу.

«Как будто ты этого не предполагал, — саркастически заметил «Вася». — Будто у тебя был выбор». — «Был. Времени не было, а выбор был. Если бы мы пошли к океану и попытались уйти вплавь, Чужие вынуждены были бы раскрыться». — «Но ведь и они способны ошибаться, особенно когда им предлагают нестандартные варианты». — «Вот тут ты прав».

Никита обошел здание со стенами, не имеющими ни впадин, ни выступов, ни вообще каких-либо деталей, поднял «универсал» и постучал в стену рукоятью.

В метре от него кусок стены потерял монолитность камня, клубом дыма выпал на почву и сформировался в пандус. Никита невозмутимо шагнул в проем и, прежде чем за ним выросла стена, успел заметить Пинаева, подходившего к стоянке летательных аппаратов.

— Добро пожаловать, инспектор, — раздался сверху чей-то вежливый баритон. — Будьте добры, оставьте ваш арсенал у входа, он не является весомым аргументом в этом деле.

Никита повиновался.

Стены тамбура, куда он попал, вспыхнули на мгновение

жгучим голубым светом. Волны жара сменились волной холода.

— Не тревожьтесь, дезобработка, — сообщил тот же голос.

Дверь из тамбура открывалась проще — шторой скользнула вверх. Перед Никитой стоял улыбающийся Каспар Гриффит.

Д-КОМПЛЕКС

Герман Косачевский

В посту становилось жарко, кондиционеры не справлялись с нарастающей духотой.

Косачевский велел резерву и всем оперативникам на подхвате выйти в коридор.

Шел уже двенадцатый час ночи, а поиски Пересвета и Пинаева результатов не давали.

— «Прыг-скок», — вздохнул Захаров, меняя очередной носовой платок. — Не представляю как, но их похитили через «прыг-скок». Они могут оказаться в любой точке Сферы, так что искать их бесполезно.

Косачевский покосился на него, снял эмкан и помассировал ушные раковины.

— Что там с этими облаками?

— Одно догнало Д-комплекс, вон светится в крайнем виоме, второе вышло на орбиту вокруг второго Дайсона, третье дрейфует возле оболочки Сферы у самой крупной дыры, — доложил начальник группы наблюдения.

— Пора, — бросил Ефремов. — Свертывайте операцию. Ясно, что это прибыли дайсонiane — хозяева Сферы. Едва ли они станут разбираться, кто прав, кто виноват.

— Обязаны, — сказал Косачевский невнятно, жуя питательную таблетку. — Они обязаны начать с вопроса: что происходит? И мы ответим.

— А если они спросят не у нас, а у Чужих? И те ответят, что виноваты во всем мы? Представляешь последствия? К тому же они негуманоиды, полуживотные-полурастения.

Даже ксенопсихологи не в состоянии дать рекомендации, как вести себя с ними, настолько они отличаются от нас.

— Чушь! — сердито буркнул Косачевский. — В основном мы сходимся: в стремлении к совершенству, в тяге к познанию, в романтике, наконец. Дайсониане далеко не воплощения холодного разума, иначе у них не было бы культуры и искусства, так поразивших нас.

— Этой культуре сто веков! С той поры многое изменилось. Зачем они бросили все это богатство?

— Почему бросили? Разве за Сферой никто не ухаживает?

— Всего-навсего автоматы Д-комплекса.

— Однако же за сто веков их заботы хватало. Земные заповедники и скансены тоже, наверное, выглядят заброшенными со стороны, пока не наткнешься на тех, кто за ними следит и оберегает.

В посту на недолгое время установилась относительная тишина: с пульта доносились лишь негромкие переговоры патрульных и оперативных отрядов, мерная пульсация фона аварийной волны, переключки наблюдателей пространства. Вспыхивали и гасли виомы связи, по объемной схеме операции ползли строки бланк-сообщений, команды, цифровые и кодовые ответы исполнителей, мигали и перемещались огоньки основных и вспомогательных сил, наливались оранжевым светом зоны срыва контроля и алым — зоны непредвиденных осложнений.

Одной из них был сектор Д-комплекса, где наблюдатели потеряли след Пересвета.

— И все же не понимаю, почему эти люди могли так долго маскировать свою сущность? — воскликнул вдруг Ефремов, стукнув ладонью по бедру так, что все вздрогнули. — Неужели никто не видел их моральных качеств?

— Причин много, — нехотя сказал Косачевский. — Во-первых, они многое скрывали, а в душу не заглянешь, во-вторых, тем, кто знал их больше, мешала врожденная деликатность: мол, ничего страшного, исправятся, в-третьих, на работе это не сказывалось, они обладали определенными организаторскими и творческими способностями, что вполне устраивало начальство, и, наконец, в-четвертых, для проявления всех отрицательных свойств им просто не хватило

питательной среды. Кхеммат работал в престижном по всем меркам научном центре, Салих также попал в отличный коллектив, пограничники — люди редких качеств, что вполне объяснимо: равнодушным и недобрым нечего делать на переднем крае в космосе и на Земле, где все порой зависит не от знаний, физической силы и выносливости, а от умения улыбнуться или пошутить. Ну, а Каспар Гриффит... это непонятный человек, положительный во всех отношениях. Боюсь, что он просто подменен.

— Вы хотите сказать, что настоящий Гриффит убит? — спросил Захаров, на которого было жалко смотреть.

— Несомненно. Его взяли раньше других, выкачали всю личностную информацию, и эмиссар явился на Землю в его облике. Я даже могу сказать, когда это произошло: или полгода назад, или в экспедиции Славича, или в прошлом году в отпуске. Никто не знает, где и с кем он отдыхал, Савва проверял.

При имени Калашникова разговор на минуту прервался. Потом Ефремов пробормотал:

— Чего же им не хватало? Не понимаю...

Косачевский вздохнул, оставил в покое малиновые уши.

— К сожалению, подонки и отщепенцы запрограммированы человечеству эволюцией так же, как и гении, для обеспечения необходимого запаса генетической информации. Их стало меньше, но они есть, и не всегда в этом виноваты общество и его институты воспитания... хотя и они еще далеко не совершенны. Что из того, что Кхеммат и Салих имеют высокий уровень интеллекта? Высокий интеллект не всегда уживается с высокой моралью, что нам наглядно и показано...

— Послушайте, Захар, идите примите душ, укол адаптогена и возвращайтесь, — обратился Косачевский к Захарову. — На вас смотреть больно.

Захаров бросил эмкан и без слов выкатился за дверь.

Динамики донесли четкий голос начальника группы «АА»:

— Здесь Строминыш. Мы вычислили путь Пересвета и Пинаева: они воспользовались новым видом внутреннего транспорта Д-комплекса, ранее неизвестным. Эксперты назвали этот способ передвижения тоннелированием, или

тоннельным просачиванием. В точке выхода тоннеля обнаружены следы четырех человек, в том числе Пинаева и Пересвета, а также окно «прыг-скока». Попытаемся определить, куда тот мог выкинуть ребят.

— Добро, — ответил Косачевский и подозвал шагающего из угла в угол Ефремова. — Будем держать военный совет. Захаров, зови остальных заместителей Саввы.

Через минуту явился толстяк Рудаков, за ним вежливый, внимательный Дориашвили.

— Коллеги, обстановка усложняется. Говоря на узкоспециальном жаргоне пограничников, в Сфере сложилась «фронтовая ситуация оборонного типа». Нам навязывают игру не по правилам, а контригры, ведущей к успеху, к разгадке поведения Чужих, не получается. Силовые методы не годятся, это не разведка боем, но и ждать дальше опасно, вот-вот вмешаются дайсонiane — хранители заповедника-Сферы. Ваши предложения?

— Уходить, — отрезал Рудаков, внешность которого контрастировала с характером. — Чужие столько напакостили в Сфере под видом людей, что дайсонianeм нет особой нужды разбираться в ситуации, они просто вышвырнут нас со своей территории.

— Хорошо, если только вышвырнут, — добавил хмурый Ефремов. Он явно волновался, и Косачевский стал к нему приглядываться.

Захаров, несколько оживший после душа, оторвался от пульта — он продолжал командовать силами отдела — и поправил дугу эмкана.

— По-моему, уходить нам нельзя, потому что это жест виноватых. Какой вывод сделают дайсонiane? Натворили дел и удрали! Нет, надо продолжать операцию и одновременно готовиться к встрече с дайсонianeми по программе ВНК¹.

Калашников предвидел многое, в том числе и необходимость тревожной группы комиссии по контактам. Она уже готовила аппаратуру.

¹ВНК — внезапный непредвиденный контакт с угрозой военного конфликта.

— Однако! — Косачевский покачал головой. — Савва не раз удивлял меня интуицией, но предвидеть ВНК!..

— Не поздно ли? — сказал Ефремов. — К тому же возникает вопрос: почему начальник отдела безопасности сам пошел на захват Чужих? К чему этот риск? Для опытного мастера это явный просчет. Но... — Ефремов оглядел присутствующих, — он вполне объясним, как и другие ошибки отдела, если предположить, что Савва Калашников — эмиссар Чужих!

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

— Наконец-то вы пришли, — сказал Гриффит, делая приглашающий жест. — Почему так долго? Разве Суннимур не сообщил, что от выхода «прыг-скока» к базе протянута линия «вепря»? Вы могли быть здесь спустя минуту после появления на острове. Кстати, сдайте и остальное оружие во избежание недоразумений, автоматика здесь очень нервная и может неправильно оценить ваши жесты.

Никита молча протянул пистолет сна.

— Пойдемте. — Гриффит пропустил инспектора вперед.

Теперь стало отчетливо видно, что и база выстроена не человеческими руками, хотя коридоры, везде выполнявшие функции проходов, и здесь не отличались от коридоров земных зданий.

Прошли ряд ниш с люками, выпуклые щиты с фасетчатыми «глазами» и пучками тонких стержней; на концах некоторых стержней горели цветные огоньки. Поднялись по странной лестнице со ступеньками в форме звериной челюсти на этаж выше и вошли в квадратный зал с черным полом. Приглядевшись, Никита понял, что пол выложен вудволловыми плитами с тонким муаровым рисунком.

В центре зала стоял круглый аквариум с плавающей в нем мумией дайса. У дальней стены — два трехсекционных пульта с креслами, в которых сидели двое в костюмах Дальразведки, а рядом нечто вроде «крыла летучей мыши» с оперением из «крыльев стрекозы» — тоже пульт, но предназначенный не для человека. Общий панорамный виом показы-

вал пейзаж острова с высоты в сто метров, над пультами светились небольшие шароэкраны, в каждом — свое изображение. Странно, стоянка аэротранспорта видна хорошо, но Пинаева на ней нет.

— Смотрите, где ваш напарник, — кивнул на виом Гриффит. — Он неплохо чувствует опасность и успел улизнуть в здание технического обеспечения. Видите башню? Реактор, генераторы полей, охранные системы, связь. Там никого нет, лишь компьютер-исполнитель, команды поступают отсюда, к тому же наша аппаратура работает несколько иначе, и не сразу можно понять ее функциональное назначение. Но мы скоро займемся вашим другом всерьез, а пока пусть посидит взаперти. Почему вы не спросите, где Калашников?

— И так знаю, что он здесь. Могу я встретиться с ним?

Гриффит засмеялся.

— Обязательно, но чуть позже. Сначала ответьте на несколько вопросов.

— Вы уверены, что я на них отвечу?

— У вас нет другого выхода. В противном случае мы скормим вас голодным тритемнодомам, — раздался знакомый голос. Один из оперативников за пультом встал и оказался Мухаммедом бин Салихом. — Нравится вам такая перспектива, камрад Пересвет? — В голосе пограничника проскользнули нотки злорадства.

Примитивны ваши угрозы, мон шер, подумал Никита, как и все поведение, опереточное и неадекватное моменту. Вы же не артист кинобоевика в стиле «звездных войн», а участник беспрецедентного в истории цивилизации контакта с чужим разумом! Какой-то жуткий психологический просчет, наив, причем обоюдный — предателей, начавших работать на Чужих, и собственно Чужих. Неужели они так самодовольны, что не видят своих промахов? Никита усмехнулся. Он не чувствовал ненависти к предателю, только брезгливую жалость.

— По-моему, вы, Мухаммед, чувствуете себя суперменом «а-ля завоеватель Галактики». Не тяжело нести на плечах такую ответственность?

Салих налился темной кровью, потянул из поясного захвата пистолет. Нет, не пистолет, парализатор. Серьезная

штучка! И ведь по лицу видно, что запросто может пустить ее в ход. Кхеммат почему-то побоялся. Да, приятель, глубоко ты упал, не выбраться.

— Аппаратура готова, — подал голос второй оператор, большеголовый и широкий. Робот, конечно.

— Сейчас начнем. — Гриффит посмотрел на часы. — Самое время. К сожалению, ваш начальник отказался проносить речь для соотечественников, может быть, это сделаете вы?

— Нет.

— Не спешите, вы же еще не знаете, что нужно говорить.

— Савва отказался, а я мыслю и чувствую так же.

— Весьма похвально. Мы могли бы, конечно, прибегнуть к психотропным медикаментам и пси-зондажу...

— Я тренирован и готов к любому способу допроса. Напрасно теряете время.

Гриффит поскущел.

— Верю и могу успокоить. Калашников тоже оказался на высоте, хотя его здоровье с вашим не сравнить. Завидую волевым натурам, в какой-то степени такое самообладание оказалось для меня неожиданным. Но вы лишь усугубили положение экспедиции. Да-да, именно. Я хотел, чтобы Калашников объявил немедленный отбой операции и полную эвакуацию всех отрядов на Землю, он отказался, и теперь я вынужден напрямую обратиться к дайсонианам, чтобы это сделали они. Вам непонятно положение ваших соотечественников?

Никита бросил взгляд на виом.

— Я вижу, вы тоже сворачиваете базу?

— В принципе, моя работа закончена, остались кое-какие формальности по передаче Сферы Клиенту... после того, разумеется, как вас здесь не станет. Я получу заработанное вознаграждение и отправлюсь дальше. По сведениям моих информаторов, в соседнем звездном секторе появился Продавец, нуждающийся в посреднике. — Гриффит улыбнулся, наслаждаясь чудесным, упоительным чувством превосходства. — Я ведь не разведчик Чужих, как меня окрестили, а всего лишь дилер, посредник между Продавцом и

Клиентом. Объект продажи — Сфера. Кстати, один из контролеров Продавца — он-то и есть разведчик в вашем понимании — находится среди ваших руководителей. В настоящий момент он объявляет, что эмиссар Чужих — Савва Кашников.

— Зачем?!

— Чтобы ускорить финал.

Лжет! Непохоже, что он верит в то, что говорит. Но к чему это садистски снисходительное объяснение? Разведчик не должен ни при каких обстоятельствах раскрывать свои истинные цели. Неужели он не понимает, что тайна, произнесенная вслух, становится достоянием всех?

«Он не разведчик, — напомнил «Вася». — И считает, что все позади». — «Он профессионал, вернее, должен быть профессионалом, а ведет себя как самый настоящий земной обыватель, окрыленный сознанием удачи и превосходства. Что-то мне не... Не понимаю, в чем дело, но не покидает ощущение, что все это фарс. Продавец, Клиент, вознаграждение, дилер — каков жаргон! Ему лет триста, если не больше. Нет, ситуация мне не нравится, вполне возможно, мы проглядели тех, кто стоит за спиной Чужих. Настоящий Чужой — не Гриффит». — «Он сказал, что в руководство операцией внедрен разведчик, контролер Продавца...» — «Если это правда, то уровень контролера повыше, поскольку мы узнаем об этом человеке только со слов Каспара... Черт! Нет времени на анализ и компьютерный расчет. Подыграем-ка ему...»

Гриффит удовлетворенно кивнул, заметив озабоченность на лице пленника.

— Наконец-то вы начинаете осознавать. Конечно, Кхемат должен был просто уничтожить вас, но коль скоро он предпочел доставить вас сюда, извольте доказать свою полезность. Понимаете, о чем идет речь?

— Ничего он не скажет, — буркнул Салих, массируя кисти рук. — Отдайте его мне, он явно предпочитает драку, а для меня будет неплохой спарринг.

— А что? — задумчиво ответил Гриффит. — Это идея. Если он выстоит, отпустим — после финала, естественно,

ну, а не выстоит... Но прежде вопрос: коды связи всех служб в операции? Это важно.

— Еще бы. — Никита издевательски засмеялся. — Зная коды, можно передвигаться в Сфере практически незамеченным. Следующий вопрос.

— Я так и думал, что вы откажетесь отвечать. Мухаммед, попробуйте высшую степень допроса.

Салих с готовностью бросился выполнять приказ. Никита с любопытством и тревогой стал наблюдать за его действиями. «Вася» комментировал: «Камера пси-зондажа, плюс препараты, плюс амнезотронно-лучевая обработка, плюс электрошоковая терапия для подавления воли... Выдюжим?» — «Неужели Савва прошел все это?!» — «Кто знает...» — «Если бы я был уверен...»

— Глубокая ассоциативная память недоступна амнезотрону, — сочувственным тоном сказал Гриффит, — но оперативная, хранящая всю важную информацию о повседневной работе, иногда поддается. Еще вопрос, пока готовится аппаратура: каковы функции группы «АА»?

— А разве ваш осведомитель в руководстве этого не знает?

— Он начал заниматься отделом безопасности вынужденно и не успел вовремя завладеть всей документацией.

— Что ж, на этот вопрос я отвечу. Вы планировали мое уничтожение? Кстати, почему? Неужели я засветился?

— Мы тоже имеем анализирующие компьютерные системы и вычислили вас с восьмидесятипятипроцентной вероятностью, да Салих не смог убрать.

— Вот это и является результатом работы группы «АА». Одна из ее функций — подстраховка контрразведки.

Никита продолжал говорить, а сам готовил себя к схватке, потому что дальнейшее промедление грозило усложнить положение еще больше. Он знал, что будет делать в следующую секунду. «Вася» уже включил резервы организма на отдачу в режиме искусственного стресса. Итак, господа дилеры, расчетливые и хладнокровные убийцы, умеющие с будничным цинизмом рассуждать о смысле бытия, вы явно не способны оценить свои поступки в истинном свете и не останавливаетесь ни перед чем. Не пора ли остановить вас, хотя бы и силой?..

Гриффит вытянул откуда-то из перепончатой плоскости правого крыла пульты обыкновенные бокалы с изумрудным напитком, протянул один бокал Никите.

— Подкрепитесь, это сок вудволла, очищенный, конечно. Прекрасное тонизирующее средство.

— Вы хотите сказать — кровь вудволла, — поправил Никита. — Сомневаюсь, чтобы она служила тоником человеку.

— А вы попробуйте и убедитесь.

Инспектор, словно колеблясь, протянул руку, мгновенно разогнулся и ударил Гриффита в горло, ощутив, насколько тот массивнее и неподатливее, чем можно было судить по внешнему виду. Второй удар в нервный узел также не достиг цели, хотя обычный человек от такого удара вышел бы из строя надолго. Гриффит упал, но не безвольной массой, а как опрокинутая скала. Бокалы разлетелись прозрачными брызгами, а зеленая жидкость залила пол.

Никита, изогнувшись, в прыжке выхватил у Чужого «универсал» и одновременно выбил пистолет сна. Падая, он увидел, как Салих поднимает руку, а робот из-за установки пси-зондирования выкатывает какую-то сложную машину с десятком блестящих глазков. До выстрела оставались мгновения, и Никита сделал единственное, что успевал сделать: прикрылся телом Гриффита, потерявшего на некоторое время ориентацию, и, понимая, что уже не успевает, разрядил пистолет сна в Салиха.

Основной импульс парализатора пришелся на эмиссара Чужих, Салих бил навскидку, не целясь, но зацепило и Пересвета.

«Боль — сторожевой пес здоровья», — гласит древнегреческая поговорка, и когда-то, лет двести назад, это выражение соответствовало истине, но инспектору в данный момент этот «пес» был врагом, самым страшным из всех, которых только можно было представить.

Ощущение было такое, будто каждый нерв, каждую клеточку мозга, каждое волокно мышцы обнажили и ошпарили кипятком! Никиту скрутило от адской боли, но он все же успел выстрелить в робота.

Дальнейшее он помнил смутно, чудом удерживаясь над зыбкой пропастью беспамятства. В робота он не попал, но

задел машину с «глазами». Яркая зеленая молния ударила из машины в потолок, второй клинок слепящего огня вонзился в робота, потом машина зашипела, вскипела желтым дымом, вспыхнула и рассыпалась дождем горящих капель. От густой вони сгоревшего пластика перехватило дыхание.

От робота остался почерневший «скелет», ничем не напоминающий человеческий. Салих лежал ничком и не двигался, игла сна все же нашла его, готового убить любого во имя собственного спасения. Тело Гриффита конвульсивно вздрагивало и вдруг на глазах Никиты треснуло щелью, края разрыва развернулись, как полы шубы, и обнажили фиолетовое, с синим гляncем, как вороненая сталь, тело того, кто на самом деле прятался под маской Каспара Гриффита, тело эмиссара чужой цивилизации.

Он выпростался из скафандра, имитирующего человека, как улитка из раковины, подобрал выпавший из рук Никиты «универсал», что-то сказал замершему у пульта второму роботу и направился к выходу — жуткая фигура, карикатурно напоминающая человека в доспехах, но без шлема, с головой, похожей на топор, с затылком-лезвием. Ноги у этого существа не сгибались, а «выстреливались» вперед вместе с коленным суставом, однако его походка не казалась механической — со своеобразной грацией шел нечеловек, живой, по-своему гибкий и естественный в каждом движении. Видимо, и его нервной системе нездоровилось от разряда парализатора, иначе он не оставил бы Никиту на попечение робота.

Инспектор, ощущая тело рыхлым, тяжелым и слабым, подтянул руки и замер, делая вид, что потерял сознание. Робот, похожий на Кхеммата, поднял пистолет, подождал немного и занялся пультом, поглядывая в сторону Никиты. «Вася» наконец нашел сочетание импульсов, возбуждавших гипоталамус, и продолжал интроукалывание до тех пор, пока Никита не почувствовал прилив сил и энергии. Секунды снова стали послушно растягиваться, а пространство сжиматься, давая возможность оценить обстановку, выбрать правильный ход и выполнить задачу.

Никита улучил момент, когда робот отвернулся, бесшумно вскочил и нырнул за продолжавшую дымить и по-

трескивать установку с потухшими «глазами», наполовину расплавленную и потерявшую былую форму. Затем нагнулся к Салиху, подобрал пистолет сна и, не разгибаясь, выпустил всю обойму в робота, уже начавшего движение. На пульте, в который попали две иглы, что-то взорвалось со стеклянным треском, остальные иглы поразили открытую шею и лицо биодвойника Кхеммата, но они все же были рассчитаны на человека, а не на его биокопию с искусственным интеллектом. Движения робота замедлились, но наркотик, способный мгновенно усыпить любое живое существо на Земле, не сковал тело чужой машины цепями сна. И тем не менее Никита выиграл драгоценные доли секунды, в течение которых он успел прыгнуть к пульту, отбить руку с «универсалом» и провести прием, после которого робот грохнулся на пульт, круша его тяжелым корпусом.

— Браво! — раздался сзади знакомый голос псевдо-Гриффита.

Никита рывком развернулся, уже сознавая, что не успеет, увидел силуэт Чужого, в котором было много от гигантского богомола, а также от краба, змеи и человека в доспехах, и с отчетливым плеском «нырнул» в омут беспамятства.

Очнулся он через пару минут лежащим на полу: «Вася» времени не терял и успешно боролся с проникшим в тело препаратом сна, блокировавшим мотонейроны. Второй раз восставать из небытия оказалось труднее. Пока «Вася» и защитные инстинкты очищали организм от остатков ганглиоблокаторов, исторгнутых железами внутренней секреции по приказу расстроенной парасимпатической системы, Никита прислушивался к звукам в зале. Кто-то разговаривал... Кажется, двое, один из них Гриффит, вернее, Чужой, а кто второй?

Никита приоткрыл глаза, но увидел лишь спину разведчика Чужих. Тот оглянулся. Инспектор едва сдержал восклицание, разглядев наконец лицо этого существа: вогнутое, голубоватое, без носа, с двумя щелями, нижней, покороче, — ртом и верхней, длиной во весь лоб, — одним-единственным глазом. Лицо это обладало мимикой, но эмоции Чужого разгадать было невозможно, и только голос, в котором звучало удивление, выдавал их:

— Еще раз примите мои поздравления, коллега. Ну, у вас и подготовка! Даже пистолет сна не является гарантией в борьбе с вами. Уж не робот ли вы? Или имеете специальные защитные системы вроде внедренного «альтер эго»? Мне говорили, что ваши наука и техника уже приблизились к этому уровню компьютеризации.

Никита закрыл глаза, продолжая накапливать силы, и с отчаянием подумал, что его возможности ограничены, несмотря на помощь «Васи», а цель не только не приблизилась, но и вообще находилась теперь дальше, чем была до проникновения на базу.

«Расслабься, — сказал «Вася» в ответ на мысль. — Через три минуты будешь в порядке, займись йога-регулировкой, я не справляюсь. Но предупреждаю: еще с одной иглой сна нам не справиться. Учти». — «Учту».

— Где Флоренс Дженнифер? — тихо спросил Никита.

— Рядом, она мне еще нужна для прямой связи с ее хозяевами — дайсониянами. Кстати, вы знаете, что она робот, искусственный интеллект? По донесениям Салиха, вы, кажется, были к ней неравнодушны?

«Подонки! — вяло подумал Никита. — Твой цинизм дорого тебе обойдется. Удивительно, что такой примитивный мог так долго работать в Сфере инкогнито. Кто-то ему помогает, не иначе как ангел-хранитель». — «Тот самый разведчик, — сказал «Вася», — агент Продавца».

— Считайте, что вам повезло, — продолжал Чужой, не дождавшись ответа. — Если вы не будете мешать, то останетесь в живых. Я прибегаю к насилию лишь тогда, когда это необходимо для дела, а дело уже почти сделано, дайсонияне готовы выйти из своего кокона и выслушать то, что я скажу. А Флоренс Дженнифер подтвердит, что я говорю правду, и тогда вас вежливо, а может, и не очень вежливо попросят убраться из Сферы. Не будете же вы сопротивляться хозяевам?

— И Флоренс дала согласие? — Голос у Никиты остался тихим и невыразительным, но внутри все сжалось в напряжении.

— Даст, когда я поставлю ее перед выбором: или она подтвердит все сказанное мной, или я убью вас у нее на гла-

зах. Удивительно, но факт: она в вас влюблена! Все же дайсо-ниане странные создания, даже роботов своих они наде-лили не только интеллектом, но и чувствами, эмоциями и характером. Вероятно, это единственные в Галактике суще-ства, достигшие предела в техническом совершенствовани-и, выжавшие из технологической стадии эволюции все что можно. Кстати, интересно, а что, если сделать наобо-рот — заставить вас выступить от имени дайсо-ниан, пригро-зив, что я убью Флоренс, если вы не согласитесь? — Чужой оглянулся на лежащего Пересвета; он не шутил. — Это не-плохой вариант. А ну-ка, спросим советчика.

Разведчик занялся манипуляциями на своем полуживом пульте.

А ведь он всерьез способен предложить такой выбор, подумал Никита в смятении. Он совершенно аморален, равнодушен, глух и слеп к любому проявлению чувств, кроме чувства удовлетворения. Это самое страшное, что он ко все-му равнодушен, и нет времени, чтобы подобрать ключик к панцирю его равнодушия. «Изъяны психики лечат прину-дительно, — подал голос «Вася». — На Земле к нему живо подобрали бы ключик».

— Нет, первый вариант лучше, — с сожалением сказал Чужой, которого Никита продолжал звать про себя Гриф-фитом. — Процент риска во втором случае в два раза выше, потому что едва ли вы способны влюбиться в биоробота, пусть и самого совершенного. Не понимаю, почему дайсо-нианам вздумалось придать одному из своих разведчиков облик женщины?

— Разведчики? Разве их много?

— Двое, Фло и Джанардан Шрестха.

— Вот оно в чем дело... а я-то думал, почему они все вре-мя вдвоем?.. То, что они роботы и разведчики дайсо-ниан, вы узнали от Продавца? — спросил Никита, расслабляясь перед прыжком.

— Мы знали, что они должны быть, и подозревали мно-гих, но что это именно она — узнали только сегодня. Вер-нее, уточнили, что она и есть разведчик.

— А о том, что дайсо-ниане находятся в Сфере, в создан-

ной ими пространственной нише, вы тоже узнали от Продавца?

— Конечно. Условия моей работы: полная информация об объекте продажи. Извините, приходится прерывать беседу. Кажется, ваш шеф решил-таки в своем безнадежном положении поиграть в кошки-мышки. А чтобы и вы не вздумали вступить в игру, я вас усыплю на некоторое время, не возражаете?

И Никита, преодолевая внутреннее сопротивление и острое нежелание открытой борьбы с мизерным шансом на успех, буквально чувствуя, как рвутся мышцы и лопаются кровеносные сосуды, бросил тело навстречу врагу, так и не научившемуся уважать противника.

Гриффит обладал хорошей реакцией, превосходившей даже реакцию тренированного человека, но никто не готовил его к разведке боем, к открытой схватке, к готовности пожертвовать собой ради дела. Никита же был оптимизирован физически и психически, а главное — этически, ибо категории добра и зла не были для него отвлеченными понятиями, определенные всем опытом цивилизации и впитавшиеся с молоком матери так глубоко, что стали основой личности. Он знал и был готов к тому, что рано или поздно придет его судный день, когда обстоятельства вывернут душу наизнанку, обнажат его суть и заставят понять, на что он способен...

Выстрел «универсала» пришелся на то место, где Никита только что лежал. В следующее мгновение пистолет вылетел из рук Чужого, а сам он вонзился головой в стойку пульта, доламывая уцелевшую аппаратуру. Никита прыгнул еще раз, на мгновение раньше успев ногой выбить пистолет сна, появившийся у Гриффита словно по мановению волшебной палочки. Незнание строения тела разведчика и его нервных узлов не позволяло Никите парализовать двигательную систему противника, поэтому приходилось надеяться только на случайное попадание и броски, потрясавшие массивное тело чужака. Никита очень скоро понял, что удары по корпусу Гриффита приходятся на некое подобие панциря-комбинезона и не достигают цели, а голову и шею тот защищал довольно умело, нанося ответные удары, от

которых Никиту спасали только реакция и великолепный тренинг приемов рукопашного боя.

Борьба продолжалась уже две минуты, Гриффит защищался хладнокровно и расчетливо, обладая силой биоробота, и Никита понял, что долго не выдержит. Тогда он стал маневрировать таким образом, чтобы подобраться к упавшему «универсалу», и оказался возле пистолета в тот момент, когда в зал с разных сторон ворвались Пинаев, Калашников и существо, соединявшее в себе черты хищной птицы, рептилии и механизма, и это был уже не просто кибер Чужих в своем естественном облике, а боевая система, призванная охранять и защищать своих хозяев. Она с ходу выстрелила в Калашникова — бледная трасса электроразряда вонзилась ему в плечо, — мгновенно развернулась, найдя дулом разрядника Пинаева, который сориентировался и уже падал на пол, за тумбу развороченной глазастой машины, и только тут Никита наконец поймал силуэт охранного кибера и выстрелил сам.

Две вспышки слились в одну, кто-то вскрикнул, третья вспышка означала взрыв боевого робота — выстрел Никиты разнес ему энергоблок. Тугая воздушная волна отбросила Калашникова к стене, сбила с ног Никиту, но оружия инспектор не выпустил.

— Стоять! — приказал он Чужому, вскакивая и прислушиваясь к звенящему металлическому курлыканью, долетавшему из коридора. «Включилась сирена тревоги, — шепнул «Вася». — Сейчас здесь будет вся охрана».

Никита, держа замершего Гриффита на прицеле, приблизился к Пинаеву. Тот зашевелился, сел, держась за голову.

— Слава богу, цел! Поддержи-ка его на мушке.

— Это бесполезно, — проговорил Гриффит. — Даже если вы справитесь с внутренней системой защиты, внешняя охрана не выпустит вас за пределы здания.

Никита, не отвечая, перевернул безвольное тело Калашникова, обнажил запястье: пульс не прослушивался. Инспектор достал из аптечки универсальный противошоковый инъектор и вкатил начальнику отдела два кубика ярко-оранжевой жидкости, потом еще два — кардиостимулятора и следом — кубик активатора нервной системы. Через ми-

нута синеющие веки Калашникова затрепетали, он приоткрыл глаза, хрипло вздохнул. Губы его шевельнулись. Никита наклонился и уловил слабый шепот:

— Ефремова... Еф... — На большее у Калашникова не хватило сил, глаза его снова закрылись.

Но Никита понял, что хотел сообщить Савва. Он взял пистолет у Пинаева, глотавшего адаптоген, потрепал его по плечу, подошел к Гриффиту.

— Как снять силовой пузырь с острова?

— Это невозможно, программа защиты введена в компьютер базы с ограничением сверху: при отключении зонтика включается программа уничтожения базы.

— Где Флоренс Дженнифер?

— Зачем она вам? — В голосе Чужого прозвучало удивление.

— Я знаю, где она, — проговорил Пинаев. — Что с Саввой?

— Шок. Если через полчаса им не займутся медики, будет поздно что-либо предпринимать.

— Могу предложить обмен. — Хладнокровию Гриффита можно было позавидовать. — Я указываю вам камеру «прыг-скока», имеющего выход на Д-комплекс, вы забираете начальника и покидаете остров, а за это освобождаете Сферу от своего присутствия. Идет?

— Вы забыли о Флоренс.

— Ну, для вас это не потеря, а мне она нужна для контакта с дайсонянами. Соглашайтесь, через полчаса будет поздно.

— Хорошо, — выдохнул Никита после секундной заминки. Пинаев перестал тереть виски и посмотрел на него с недоумением. — Но прежде я хочу поговорить с ней.

— Я слушаю тебя, — раздался за дверью голос Флоренс Дженнифер. Она вошла. Звонкий сиреневый клекот тревоги смолк, и наступила пульсирующая тишина.

Никита повернул голову. Флоренс смотрела на него огромными глазами, чуть ли не полностью занятыми зрачками. В них была мука и сумасшедшая боль, которой Никита не решился дать названия, потому что это касалось его лично.

Пинаев, опомнившись, подошел и отобрал у него пистолет, повернулся к Чужому и прижал палец к губам.

— Фло, — сказал Никита, сглатывая ком в горле. — Я не знал...

— Теперь знаешь, — проговорила девушка прежним безжизненным голосом. — Но не бойся, я выполнила свою задачу и скоро исчезну, как и любая машина с ограниченным количеством функций, предназначенная для определенной цели. Прости меня, я думала, ты из их банды. — Кивок в сторону Гриффита. — Савва мне все объяснил.

— Фло! — Никита шагнул к девушке, снял все мыслеблоки и пси-барьеры, обнял ее за плечи. — Вот я стою перед тобой, раскрытый так, как никогда ни перед кем не раскрывался. Ты же умеешь читать в душах, прочти мою и все поймешь!

Она замерла, полузакрыв глаза, со щек ее сбежала краска.

— Но я же... робот! — прошептала она. — Как ты можешь... меня... это же невозможно!

Никита сквозь ткань комбинезона почувствовал, что тело Флоренс бьет озноб.

— Чудо мое! Разве ты чувствуешь себя роботом? Чем ты отличаешься от меня? Только способом появления на свет, но разве от этого зависит твоя дальнейшая судьба?

Флоренс слепо провела рукой по его лицу, по волосам. Никита поцеловал ее ладонь, крепко обнял и отстранил.

— У нас еще есть немного времени и надо успеть выполнить свою задачу. В Сфере действует диверсионно-разведывательная группа чужой цивилизации, это ее руководитель. — Никита кивнул на Гриффита. — Можешь передать своим, что люди, земляне, не являются источником загрязнения Сферы и не угрожают ее нынешним обитателям. Все взрывы, уничтожение поселений дайсов, похищение раритетов — это деятельность Чужих, направленная на удаление экспедиции из Сферы.

— Я уже понял, мне все объяснил Савва. — Флоренс вздохнула, бессознательно поправила волосы и оглянулась на лежащего Калашникова. — Что с ним?

— Электрошок, его нужно срочно доставить на Д-комплекс, в реанимацию. — Никита взял «универсал» у Пинае-

ва, с мрачной решительностью подошел к пульту, бегло осмотрел панель.

Часть была разворочена, на уцелевших панелях загорались и гасли комбинации огней, в глубине информационных окон плыли столбцы цифр и символов, короткие кодированные сообщения, мигали алые транспаранты тревоги и единственная надпись на русском языке: «Отсечка мыслеприказа». Видеостены зала продолжали работать, но звуки пропали, кроме тех, что доносились из коридора здания.

— Ждан, по-видимому, это приставка связи с общим компьютером. Попробуем-ка разобраться. Главное — найти кабину «прыг-скока». — Гриффит сделал движение к пулту, но взгляд Никиты остановил его. — Неужели вы до сих пор не отдаете себе отчет, в каком глубоком провале находитесь? Ваша миссия дилера провалилась. Независимо от исхода событий мы не дадим вам вступить в прямой контакт с дайсониянами, даже если вы продублировали программу контакта через компьютер базы. Мы найдем метро, уверяю вас, а там уж я постараюсь обезвредить вашего помощника, Продавца, и он расскажет нам остальное, то, чего я до сих пор не понимаю. Ведь ваш информатор-Продавец — Ефремов, не так ли?

Снова на лице Гриффита отразились непонятные эмоции, хотя говорил он по-русски абсолютно правильно, и это несоответствие облика тем чувствам, которые звучали в голосе, порождало неприятное ощущение проглоченного живьем моллюска.

— Кажется, вы меня положили на обе лопатки, — засмеялся Гриффит, и в голосе его прозвучало восхищение. — Я недооценил вашу контрразведку в общем и вас лично в частности. Но меня еще больше поражает, что вы так неразборчивы в... — Чужой засмеялся, — в объектах поклонения. На Земле десять миллионов женщин, полноценных представительниц расы, а вы вдруг выбираете биомеханизм в облике обольстительной красотки, выращенной искусственно чужими разумными существами. Вы уверены, что у нее есть человеческие органы чувств и нет дополнительных?

— Ценю ваш юмор, — тяжело сказал Никита, — и умение держаться, но я никогда не думал, что представитель

высокоразвитой цивилизации способен дойти до такого цинизма и будет вести себя в духе интеллектуального фашизма. Впредь, если захотите что-то сказать, просите разрешения. Что это за сооружение рядом с центральной? Космолет?

— Да, — с едва заметным колебанием ответил Чужой.

«Врет!» — убежденно прокомментировал «Вася».

— Лжете, — сказал Никита. — Если вы не хотите говорить правду, мы все равно узнаем сами. Ну что, Ждан?

— Много непонятных блокировок. Вероятно, пульт связан с компьютером через вот эту перепончатую приставку. К сожалению, линия мыслесвязи повреждена, а на звуковые команды не реагирует.

— Плохо, придется обследовать базу на ощупь, а времени мало. Может быть, есть идеи?

— Не надо обследовать базу, — тихо сказала Флоренс, не глядя на Никиту. Она уже взяла себя в руки, но глаза выдавали ее внутреннюю борьбу и тревогу. — Фокусирование тоннелей выхода закончено, меня вызывают на связь.

— Тоннели — это те светящиеся облака? — быстро спросил Никита, сообразивший, о чем идет речь. — Дайсониане готовы к диалогу?

— Не к диалогу, этот их выход вынужденный, я должна сориентировать отряд... назову их чистильщиками, который очистит Сферу от всего привнесенного извне и наглухо закроет вход в нее.

Словно в подтверждение слов девушки где-то внутри Никиты и одновременно вне его шевельнулся кто-то огромный и чужой, не поймешь — добрый, или злой, или равнодушный.

Гриффит внезапно прыгнул к стене и исчез в открывшемся проходе, прежде чем Никита успел выстрелить.

— Я догоню, — бросился следом Пинаев.

— Не надо, — так же тихо проговорила Флоренс. — Он никуда не уйдет.

— Там на погрузке его корабль...

— Это не корабль — станция метро, использующая запредельные частоты, которые вы в своих метро не применяете. Поэтому и запеленговать ее не смогли, хотя она включена постоянно. Но Чужой, как вы его называете, не уйдет.

— Почему? Ему же никто не мешает...

— Мы помешаем, — сказал кто-то сзади Никиты озабоченным тоном.

Инспектор стремительно повернулся: на пороге стоял Ефремов.

Д-КОМПЛЕКС

В посту координации сил УАСС было тихо, но световой ураган на пульте монитора свидетельствовал о том, что напряжение ситуации достигло апогея. Косачевский и Захаров перешли на мыслесвязь с компьютером-координатором, который обрабатывал поступающие донесения, на второстепенные отвечал сам, а главные пропускал к хозяевам с готовым анализом и предложением, что следует предпринять в ближайшее время.

За пультом сидели только двое — Косачевский и Захаров, остальные стояли за их спинами, готовые выполнить любое распоряжение директора УАСС, принявшего на себя всю полноту власти и ответственности.

— Флоту — боевая тревога! — бросил Косачевский в микрофон общей связи. — Спейсерам «Печенег» и «Ра» подтянуться к Д-комплексу, объект контроля — светящееся облако в двухстах километрах. Спейсерам «Диего Вирт» и «Днепр» выйти к Дайсону-2, объект контроля — светящиеся облака в мегаметре. Десанту «Лидера» начать поиск базы Чужих в северной климатической зоне второго Дайсона.

Директор УАСС сменил канал связи.

— Земля-один, «Шторм» управлению и погранслужбе Даль-разведки! Ввести в действие программу ВВУ¹ степени «Щит». Особому отряду комиссии по контактам немедленно прибыть в Сферу для развертывания ВНК.

¹ВВУ — внезапно возникшая угроза, код комплекса мер, направленных на отражение внезапных крупномасштабных стихийных явлений природы; предусматривает также оборону от агрессии любого потенциального противника — цивилизации антигуманистической направленности (возможность появления теоретически не исключена).

Еще раз смена связи.

— Отрядам отдела безопасности и пограничникам закончить поиск на донных горизонтах станции, оцепить коридоры десятого горизонта, никого не выпускать за пределы горизонта. Группе «АА» прибыть ко мне. — Косачевский повернулся к Захарову. — Где Ефремов?

— Не знаю, — растерялся тот. — Был здесь. Виталий, не видел Ефремова?

— Вышел, — лаконично ответил второй заместитель Калашникова. — Найти?

— Будь добр...

— Подождите. — Косачевский перешел на связь с Землей. — Земля-один, я давал задание оперативному-три, ответ получен?

— Две минуты назад, — ответил дежурный управления. — Всего несколько слов: «Связь Сферы с Землей — в пределах служебных сообщений».

— Спасибо. — Косачевский сидел оглушенный несколько секунд, пропустил вопрос Захарова мимо ушей, посмотрел на него слепо. Потом мотнул головой, сбрасывая оцепенение. — Ну и дела! Знаешь, что это означает? Никто из Сферы не звонил ни мне, ни Ефремову, звонок был с Земли. Почему звонили мне — понятно, а почему Ефремову?

— Ему надо было попасть в Сферу. — Захаров понял все сразу, ослабил воротничок, вытер шею. — Все получилось естественно: вам нужен был представитель Совета для квалификации ответственности, и вы его получили в лице Ефремова, к тому же он представитель СЭКОНа. Но тогда Ефремов и есть главный эмиссар Чужих?

— Не главный, — покачал головой Косачевский. — Глубоко законспирированный разведчик — да, но не главный, ему невозможно было бы руководить разведгруппой в Сфере с Земли.

— Такие обвинения подлежат тщательной проверке, — обрел дар речи Рудаков. — Вы что, серьезно? Делать вывод только на основании звонка из Сферы...

— Не только. — Косачевский снова стал самим собой. — Ему не надо было обвинять Савву Калашникова, которого я знаю лучше, чем себя. Может быть, для вас этот довод не

покажется весомым, но для меня он основной. Где Строминыш?

— Здесь, — шагнул в комнату начальник группы «АА». — Можем рискнуть и послать группу через «прыг-скок», по которому ушли Пинаев и Пересвет. Наверняка канал работает фиксированно, привязан в одной точке выхода где-нибудь на втором Дайсоне. Может быть, и к базе.

— Чуть позже. Ивар, надо срочно разыскивать Ефремова, он где-то близко, в пределах десяти верхних горизонтов.

— Ефремов? — с мягким удивлением переспросил Строминыш. — Мы встретили его в коридоре, упирающемся в комнату, где стоит тот самый проклятый «прыг-скок».

Косачевский откинулся на спинку кресла, обхватил скулы длинными пальцами, раздумывая несколько мгновений; глаза его похолодели, стали из карих совсем желтыми.

— Где группа ВНК?

— Выгружается, — тотчас отозвался Захаров. — Двенадцать человек и три капсулы оборудования.

— Ивар, быстро к метро, возьми одно отделение ВНК — четыре человека, у них автономные единицы, и мчись к «прыг-скоку», где ты видел Ефремова. Катапультируйтесь в скафандрах вслед за ним. Я думаю, он тоже ушел на базу Чужих через эту камеру метро. Там действуйте по обстоятельствам, попробуйте захватить Ефремова и найти Пересвета. В дальнейшем поступишь под командование начальника отделения.

— Принял, — сказал Строминыш.

В коридоре послышался нарастающий шум, и пост наполнился незнакомыми людьми в белых комбинезонах с красными стилизованными буквами ВНК на рукавах. На всех были нацеплены эмканы с наушниками компьютерной связи. Вперед выступил плотный широкоплечий мужчина с ежиком коротких седых волос.

— Начальник комиссии ВНК Ширяев. Группа готова к работе, мы уже полтора часа подключены к операционному компьютеру управления и в курсе всех проблем. — Седой обернулся к одному из прибывших. — Павел, поступаешь в распоряжение Строминыша.

Косачевский дал знак Ивару, и тот увел отделение ВНК за собой.

— Еще одно отделение пусть идет на спейсер «Печенег».

Ширяев дал распоряжение начальнику второй четверки.

— Остальные — на крейсер «Лидер». — Косачевский посмотрел на часы. — Через пять минут начнем перебазироваться туда все. Захар, ты первый.

И в этот момент словно холодный пронизывающий ветер ворвался в помещение, проник в тела людей и оставил зябкое ощущение неловкости, чужеродности, застрявшей в мозгу пыли.

Мгновением позже голоса наблюдателей выплеснулись из динамиков хором восклицаний:

— Наблюдаю новые световые эффекты у второго Дайсона!..

— Вижу свечение в форме снежинки...

— Появилось нестационарное поле пространственных искажений, возмущение гравиполя, в пике сто сорок гравитуд.

Косачевский и сам видел все, о чем докладывали наблюдатели. Передачи со спейсеров, стерегущих светящиеся облака, принимались ситуационными виомами, и в каждом расцветали яркие волокнистые объекты: не то «цветы», не то «снежинки» размером в сотни километров. Они не совпадали со светящимися облаками, застывшими каждое у своей цели — у Д-комплекса и Дайсона-2, но вспыхнули совсем рядом с ними.

— Что это? — спросил Захаров севшим голосом.

Никто ему не ответил.

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Ефремов подошел к лежащему Калашникову, наклонился, потрогал лоб, на «универсал» в руке Никиты он не обратил внимания.

— Когда это произошло?

— Четверть часа назад, — сказал Пинаев.

— Поражение электроразрядом, паралич двигательных

центров. Вы успеете, если немедленно отправите его на Землю.

Ефремов разогнулся, подошел к пульту, бегло осмотрел его и переключил что-то на панели, словно не замечая людей, окаменевших от неожиданной будничности его поведения. Панорамный виом зала, показывающий пейзаж вокруг базы, высвеченный бестеневым сиянием Сферы, раскололся на несколько отдельных объектов изображения. Центральный из них показал огромную глыбу планеты с двумя странными светящимися объектами: бесформенным облаком и красивой конструкцией в форме снежинки. Оба объекта дышали, меняя узор и форму. Ефремов смотрел на них несколько секунд и повернулся к Никите, спокойный, уверенный в себе, и только взгляд его выдавал озабоченность и внутреннее напряжение.

— Кажется, пришла пора все объяснить, — сказал он.

Никита посмотрел на Флоренс. Девушка, замерев, молча прислушивалась к чему-то с тревогой в глазах, которую она даже не пыталась скрыть.

Ощущение чужого внутри усилилось, воздух вокруг странно загустел, кто-то ворочался внутри Никиты, безмолвно и настороженно, вздрагивало здание базы, вздрагивал остров, качалась Вселенная. В груди рос болезненный ком неизведанных переживаний и чувств, не выражимых никакими понятиями и словами. Но Никита понял. Он ощутил присутствие третьей силы, кроме сил добра и зла, принесенных в Сферу Чужими, силы, не вмещающейся до поры до времени в их дела и имеющей великое, поистине космическое долготерпение...

В зал вбежал Строминьш, за ним пять человек его группы, незнакомые молодые люди втолкнули в дверь плывущую над полом капсулу ВНК, способную защитить группу в десять человек от любого катаклизма, вмещающую интеллект-вычислитель высшего класса, банк данных для контакта и аппаратуру экспресс-анализа.

— Очень хорошо, — кивнул Ефремов, — вы, как всегда, приходите вовремя, Ивар. Заберите Калашникова и отправьте его на Землю. Метро, связанное с Д-комплексом, на втором этаже здания.

Разыгралась немая сцена, которую через полминуты разрядил смех Флоренс. Правда, смех этот был странным, невеселым и безжизненным, но это отметил только Никита.

— Действуй, Ивар, — бросил он. — Все в порядке. Сейчас нам все объяснят.

Строминыш невозмутимо спрятал оружие и жестом показал, что делать. Калашникова унесли.

— Начну издалека, — продолжал Ефремов, с непонятым выражением глядя на побледневшую Флоренс. — Ваши ученые — да, ваши, я не землянин, как вы догадались, — не раз задавались вопросом: где дайсониане? Куда они ушли из Сферы и зачем? Вопрос не праздный, интересный в познавательном смысле для любого исследователя. Но не только в познавательном, к сожалению. Облик дайсониан, полурастений-полуживотных — бхихоры их ближайшие родственники, — далек от совершенства, и дайсониане, выжав все из технологического этапа развития цивилизации, повернулись к самим себе, ушли в космокреатику, избрав для этого далеко не лучший путь. Они создали свою временную нишу, здесь же, в системе Дайи, изменив состояние вакуума в Сфере, закуклились, ушли в глубокое экспериментирование по изменению генной структуры индивидуума и генома цивилизации в целом. К сожалению — мне часто придется повторять это «к сожалению», — подобный путь ведет в тупик, к регрессу, и уже давно, около тысячи лет, дайсониане перестали интересоваться окружающим миром, потеряли интерес к познанию и даже забросили свой бывший дом, Сферу, оставив ее на попечение автоматов. Гибельность их пути очевидна, поэтому нам и пришлось пойти на жестокий шаг — спровоцировать их выход из своей ниши, чтобы попробовать объяснить им ситуацию, воззвать к их разуму, а потребуется — и начать принудительное лечение от равнодушия, ибо это начало деградации, смерть психозоя. А теперь позвольте представиться. — Ефремов перестал посматривать на Флоренс, оглядел присутствующих. — Я руководитель галактической инспекции Совета Свободы Выбора, в той же степени подчиненный Совету, что и начальник отдела безопасности УАСС — Совету безопасности Земли. Двести с лишним лет назад Совет Свободы решал

вопрос с вами, человеческой цивилизацией, направившей развитие производительных сил, сопровождавшееся экологическим разрушением, на производство оружия, на гонку вооружений, но вы все-таки смогли удержаться на грани уничтожения сами, без хирургического вмешательства извне. Здесь случай иной.

Ефремов прошелся вдоль пульта, закинув руки за спину, словно обыкновенный человек, учитель, озабоченный нерадивостью своих учеников. Флоренс наблюдала за ним расширенными глазами, ее била дрожь, и Никита крепко прижал ее к себе, успокаивающе проведя ладонью по волосам.

— В какой-то мере ситуация в Сфере напоминала спектакль, преследующий одну-единственную цель — заинтересовать одного-единственного зрителя, то есть дайсониан, но играть этот спектакль нужно было так правдиво, что никакая инсценировка, игра, малейшая фальшь не прошли бы — наблюдатель дайсониан тут же разобрался бы, что это просто пьеса, и дайсониане никогда не вышли бы из кокона. — Короткий взгляд на Флоренс. — Мы не могли рисковать и пошли на связь с Чужими, как вы назвали представителей цивилизации дилеров, деловых посредников, доживающих свой век. Каким образом этот тип разумных существ-торговцев сумел остановиться на грани вымирания, каким причудливым поворотом эволюции он вообще достиг высот технологии и вышел в космос, нам еще предстоит разобраться. Их цивилизация пошла по иному пути: не самостоятельного развития научно-технического потенциала, а заимствования достижений у других цивилизаций, купли-продажи и промышленного шпионажа. Таланты, знания, информация, мастерство, культура, искусство — все для дилеров является товаром межрасовой коммерции, хотя сами они почти ничего не создали и ничего не приобрели. Представляете, в каком они социально-эволюционном тупике? Заимствование неизбежно ведет к пробелу в информационном базисе, к резкому замедлению развития и, главное, — к извращению логики и эрозии морали.

Мы лишь недавно открыли цивилизацию дилеров, но лечить ее придется долго.

К сожалению, в Галактике еще много неблагополучных

цивилизаций, занесенных в Красную книгу психозоя, и дилерам есть где приложить свои способности. Но не будем отвлекаться. Вы уже поняли, в чем состояла суть нашей игры: дилеру надо было продать Сферу, а для этого прежде выгнать оттуда вас. Да, вы понесли потери, закрыв собой амбразуру Чужих, веками росших в атмосфере циничных расчетов и жажды наживы, всеобщей ненависти и лжи, высокомерия и корыстолюбия. Да, вы пережили боль утрат, гнев и тревогу за судьбы своих соотечественников, но скажите — слишком ли велика эта цена для спасения цивилизации? Не человека, не коллектива, даже не народа — цивилизации?!

Все молчали. Флоренс снова вздрогнула.

Ефремов остановился, вглядываясь в глубину виома, отражавшего две светящиеся фигуры в центре — облако и снежинку, и в его голосе вдруг прорвалась нотка тоски:

— Мы не боги, увы, и тоже теряем людей. — Он так и сказал — «людей», хотя едва ли облик его сородичей был схож с человеческим. — При одной из попыток выковырнуть дайсониян из их «скорлупы» погибла моя... жена, друзья... — Ефремов обернулся. — Я сделал свое дело, как и вы, Никита, диалог-контакт уже начался, а это главное. Приглашаю ваших специалистов ВНК.

— Обидно на чужом пиру быть незванным гостем, — пробормотал молодой начальник группы контакта.

Ефремов покачал головой.

— Вы не будете в этом диалоге «родственниками из провинции», потому что решающее значение для контакта имеет не высокий уровень техники, а высокий уровень культуры. Думаю, земная культура достаточно развита и самобытна, чтобы стать достойным партнером в контакте. У вас есть еще ко мне вопросы?

— Выходит, мы сыграли роль консервного ножа? — тихо спросил Пинаев.

Ефремов посмотрел на него как сквозь слезы.

— Я понимаю ваши чувства и, хотя не имею полномочий продолжать разговор на таком уровне, от имени Совета и от себя лично прошу прощения. Но мы не нашли иного пути.

Никита молчал, молчали Строминьш, руководитель группы ВНК, Флоренс. Кто-то невидимый, но ощущаемый, продолжал шевелить мир вокруг, заглядывая в их души, оценивая, сравнивая, размышляя, а они стояли и смотрели на представителя высшего разума, ничем не отличимого от человека, даже способностью совершать ошибки, и только Никита наконец нашел в себе силы ответить Ефремову:

— Я не вправе судить и осуждать... может быть, в самом деле невозможно помочь дайсониянам иным путем, но я уверен, можно было удержаться от ненужных жертв, объясни вы нам все раньше.

На мгновение глаза у Ефремова снова стали болезненными, измученными, растерянными, словно колоссальная тяжесть ответственности за все происшедшее и сломала барьеры воли и выдержки, и обнажила ранимую, исколотую шипами сомнений душу. Он не собирался оправдываться, но не мог уйти, не ответив на обвинение, и колебания его были красноречивее слов.

— Пойдемте, — сказал он наконец начальнику группы контакта. — Вас ждут.

И тут Флоренс, высвободившись из объятий Никиты, шагнула за Ефремовым и сказала ему в спину с отчаянием:

— А что теперь будет со мной?!

Ефремов обернулся, лицо его изменилось, разгладилось, улыбка впервые промелькнула на его губах.

— По-моему, на этот вопрос может ответить только Никита Пересвет.

Флоренс растерянно оглянулась...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕНИСА МОЛОДЦОВА

ОШИБКА В РАСЧЕТАХ

Глава 1

Первым его увидел Илья Родиков, астроном-любитель из деревни Косилово Жуковского района Брянской губернии, несмотря на существование целой сети национальных Центров информации об астероидах и кометах. Центры эти были созданы в Европе, Америке и Азии еще десять лет назад и работали в непрерывном режиме. В странах СНГ тоже существовала система наблюдения за пространством, объединяющая обсерватории Симеиза, Евпатории, Зеленограда, Пулково и Зеленчука. И тем не менее астероид, получивший впоследствии имя Ирод — по первым буквам имени и фамилии наблюдателя за небом, — разглядел восемнадцатилетний «Галилей», даже не подозревавший, что его открытие заставит человечество содрогнуться от ужаса.

К этому времени космические корабли землян, в основном автоматические, часто бороздили просторы Солнечной системы.

Марс посетили две комплексные экспедиции, подготовленные Россией, США и Европейским космическим агентством.

Китай запустил на орбиту свою собственную станцию и обустроил на Луне лабораторию. Кроме того, там же заработала первая научно-исследовательская станция, созданная усилиями ведущих космических держав. На Меркурий и Венеру тоже снаряжались экспедиции, причем их старт планировался на самое ближайшее время.

На уровне глав государств был также решен вопрос разработки и создания ракетной платформы на орбите Луны для отражения возможной метеоритной атаки Земли, так как за последнее десятилетие резко увеличилось количество космических камней, падающих на родную планету челове-

чества. Причем размеры и масса их все возрастали, а обнаруживать их удавалось далеко не всегда и вовремя.

По инициативе английского Национального Астрономического Центра в начале двадцать первого века был проведен анализ падений на Землю крупных космических тел, и оказалось, что если в двадцатом столетии с Землей астероиды сталкивались всего четыре раза и результаты этих столкновений не были катастрофическими¹, то уже в первое десятилетие двадцать первого века на Землю упали два метеорита, вызвав взрывы мощностью в десять и двадцать с лишним мегатонн. Были и человеческие жертвы, хотя метеориты упали в Австралии и в бассейне Амазонки, в довольно безлюдных районах.

И вот появился астероид Ирод, траектория которого, по первым вычислениям, пересекалась с орбитой Земли. А поскольку его размеры — по форме он напоминал крест — превышали размеры падавших когда-то на Землю космических тел, последствия столкновения могли быть ужасны. Тогда-то и включилась защитная система планеты, разработанная еще в конце девяностых годов прошлого века в российском НПО имени Лавочкина, предусматривающая при обнаружении опасного объекта запуск автоматического зонда-разведчика, а вслед за ним — при надобности — космического перехватчика. Национальные Центры исследования астероидной опасности подключились чуть позже, когда корабль-автомат «Хуанхэ», запущенный Китаем к Ироду, внезапно потерпел аварию при подлете к астероиду. Анализ поступившей с его борта информации показал, что скорее всего он был поврежден выбросом струи щебня с поверхности астероида.

До пересечения орбит Ирода и Земли оставалось чуть больше полутора месяцев. Гигантский астероид продолжал мчаться вперед с той же скоростью, упрямо стремясь к своей цели. А люди внезапно оказались на пороге глобальной катастрофы, не зная, удастся ли им ее предотвратить.

¹К примеру, падение небольшого ядра кометы (30 м в диаметре), известного всем как Тунгусский метеорит, вызвало в Сибири обильные дожди и длительное понижение среднегодовой температуры. Такое понижение специалисты называют «преддверием ядерной зимы».

Глава 2

Утро выдалось удивительно тихим, свежим, улыбающимся, напоенным ароматами лесных цветов и щебетом птиц. Денис даже не рассердился, когда его разбудили в пять часов, предложив поучаствовать в рыбалке. Рыбаком он был никаким, рыбу любил разве что в готовом виде — на сковородке, а выезжал на природу в компании с друзьями не ради рыбалки, а ради прогулок по лесу и купания в речных заводях. Нынешним летом отпуск ему дали в начале июля, всего на шесть дней, и Денис решил использовать его по полной программе природного отдыха, то есть уехал с приятелями в псковскую глубинку, в немыслимой красоты край тысяч небольших озер, ручьев, болот и лесов.

Три дня пролетели незаметно.

Четверка друзей: Денис, Серега, Толя и Юрка заплыли на лодке в самое сердце Светлоозерского заповедника, разбили палатки на берегу озера Саровского с прекрасным — и редким для этих мест — песчаным пляжем и окунулись в приятное времяпрепровождение. То есть загорали, купались, резались в преферанс и, естественно, ловили рыбу. Все, кроме Дениса, слыли заядлыми рыбаками и знали, какую рыбу, когда, где и на что ловить.

Шестого июля и он взял в руки удочку, сначала сонный и вялый, потом постепенно осознавший прелесть раннего подъема и умиротворенный небывалой одухотворенностью русской природы.

Однако идиллия длилась недолго.

Ровно через час зазвонил мобильный телефон Дениса: он был обязан везде носить его включенным в силу специфики службы. Пришлось бежать к палатке и отвечать на звонок.

— Майор, — раздался в трубке сипловатый басок дежурного по части. — Тревога по форме «три нуля»! Вам надлежит явиться к командиру не позднее двенадцати часов дня.

— Что случилось? — огорчился Денис.

— Узнаете у командира.

— А все же? Я ведь на Псковщине, а ехать мне до части никак не менее шести часов.

— За вами пришлют вертушку, дайте координаты.

— Озеро Саровское, километрах в десяти от деревни Старые Свары. И все же что случилось?

Дежурный поколебался для порядка, потом доверительно сообщил:

— Предстоит боевой вылет. Собирайтесь, майор, борт уйдет за вами через четверть часа, в восемь он будет у вас.

В трубке запульсировал сигнал отбоя.

Денис посмотрел на нее, как на гадюку, борясь с искушением зашвырнуть мобильник в кусты.

Денису Молодцову пошел двадцать девятый год. Он служил в космических войсках России, в особой группе АСС, что означало: «Аварийная служба спасения». Несмотря на молодость, Денис считался одним из самых опытных летчиков-космонавтов в отряде. Он трижды побывал на Луне и четыре раза выходил в открытый космос в экспедициях спасения, в том числе — для разрешения аварийной ситуации на международной космической станции. Ему предлагали возглавить российский Национальный Центр экстремального оперирования в космосе, однако ему нравилась его рискованная работа, нравилось гонять адреналин по жилам, и от предложения он отказался. Для него наработка опыта или, как он любил говорить, «наработка на отказ» еще не закончилась. Тем более что замены пока не предвиделось.

В свои двадцать восемь он еще не женился. Подруги у него были, но женщины, которая смогла бы покорить его не находилось. А мечтали об этом многие. Хотя богатырем и красавцем-сердцеедом Денис не выглядел: среднего роста — метр восемьдесят, не особенно широкоплеч, лицо худое, с упрямым подбородком, упрямая же складка губ, готовая сложиться в улыбку, курносый нос и светло-серые глаза, цепкие, внимательные, полные притягательной силы. Плюс шапка русых волос. Женщины часто говорили ему, что он похож на Сергея Есенина. Денис не возражал, сравнение ему нравилось, как и стихи великого русского поэта.

Вертолет прибыл точно в восемь часов утра.

Попрошавшись с приунывшими друзьями, Денис занял место в кабине и уже через минуту, когда машина поднялась в воздух, забыл о своем отдыхе. Впереди ждала работа.

Сердце забилося сильнее, дыхание участилось. Горизонт раздвинулся. Душу охватило нетерпение. И хотя дежурный не уточнил, что произошло, Денис понимал, что кто-то в космосе ждет помощи. Намечался новый полет за пределы атмосферы Земли.

Глава 3

Фантазии Денису вряд ли хватило бы, чтобы представить масштаб предстоящей операции.

Узнал он обо всем уже на базе «АСС», где собралось высшее руководство РВКН.

Всего присутствовало семь человек, из которых Денис знал только троих: командира группы полковника Зайцева, главного технического специалиста профессора Черникова и директора Центра экстремального оперирования генерала Лещенко. Четверо остальных, как оказалось, представляли Министерство обороны и разные уровни Российских войск космического назначения — от научно-исследовательского корпуса до службы собственной безопасности.

— Времени у нас мало, поэтому сразу к делу, — начал совещание мрачный Лещенко; тяжеловесный, толстый, с тройным подбородком и огромным животом, он казался любителем пива, случайно попавшим в эту компанию, в то время как подчиненные отзывались о нем как о хорошем специалисте и умном стратеге. — Все вы знаете, что Ирод летит прямехонько в лоб Земле. Мало того, он увеличил скорость. Такое впечатление, что он окончательно «настроился» на нашу планету, что говорит о многом. До randevу осталось всего три недели, а не полтора месяца, как мы считали. Теперь о том, чего вы не знаете. Ну, или знаете не все. Американцы запустили к Ироду свой новейший шаттл, не предупредив никого: ни нас, ни европейцев, ни японцев с китайцами. И вот последнее сообщение: шаттл вышел на орбиту вокруг астероида... и связь с ним прервалась!

Возникла пауза.

Все присутствующие в комнате почему-то посмотрели на Дениса. И по этим взглядам он понял, что ему предстоит

не просто спасательный полет, а беспрецедентный бросок в космос, который до него никто не делал. Точнее, сделали американцы, доверившись своей технике, но не преуспели.

Сердце дало сбой, но Денис привык держать себя в руках и ничем не выдал волнения. Только уточнил недогнущим будничным голосом:

— Они действительно опробовали новый шаттл?

Лещенко кивнул с кривой усмешкой:

— Причем запустили его с какой-то недоделкой, если верить источнику информации. Надеялись, так сказать, на единоличный успех. Это их второй корабль — «Техас», первый — «Флорида», как вы знаете, в настоящее время пристыкован к МКС.

— Доигрались, — бросил темнолицый, морщинистый, седой мужчина в строгом сером костюме. Это был полковник Матвейкин, начальник службы безопасности РВКН.

Денис был с ним полностью согласен: американцы переоценили и себя, и свою хваленую технику, забыв о катастрофах с первыми шаттлами — «Челленджером» и «Колумбией». Никто из специалистов не мог дать гарантию, что молчание «Техаса» объясняется внешними причинами, а не внутренними, то есть, к примеру, выходом из строя двигателей или других систем корабля.

Вообще-то шаттл создавался в конце двадцатого века как орбитальный самолет, несущий экипаж и полезную нагрузку. Устанавливался он на спине огромного внешнего топливного бака, к которому с двух сторон присоединялись твердотопливные ускорители. При старте включались оба ускорителя, обеспечивающие основную стартовую тягу, и три основных двигателя орбитального корабля. Ускорители работали на смеси перхлората аммония с алюминиевым порошком, а двигатели шаттла — на жидком водороде и кислороде, поступающем из внешних баков. Как правило, почти все топливо выгорало при подъеме корабля до высот в двести пятьдесят — пятьсот километров, оставались буквально крохи — для небольшого маневрирования.

В новом шаттле топлива оставалось больше, так как поднимался он первоначально на «горбу» мощного самолета-носителя — до высоты в двенадцать километров и только

потом стартовал сам. Корабль же «Техас», о котором шла речь, был вообще собран на орбите, поэтому ему потребовался минимум времени и энергии на старт к астероиду с тем расчетом, чтобы вернуться обратно. Американцы хотели удивить и восхитить мир, но не смогли.

— Вы уже поняли, майор? — сказал Лещенко. — Надежда на вас и на ваш экипаж. Корабль к полету готов. Мы хотели использовать его для доставки медицинского оборудования на Луну. Придется изменить планы. Ваш корабль должен сработать как перехватчик.

— А почему нельзя сразу послать к астероиду десяток ядерных ракет? — проворчал худой и лысый замминистра обороны. — Разнести его в щепень!

— Потому что мы не знаем, что случилось с экипажем «Техаса», — отрезал Лещенко. — Так и планировалось первоначально, что мы запустим пять своих ракет — модернизированную «Сатану», а Штаты пять своих новейших «Пискиперов», после того как будет уточнена траектория астероида. Но американцы обо...лись, спутали все карты, и теперь нам предстоит доказать, что мы партнеры посерьезней.

— Справитесь, майор? — посмотрел на Дениса профессор Черников, главный разработчик российского шаттла — воздушно-космического комплекса «Ангара-Э2».

— Обязан справиться, — пожал плечами командир группы «АСС», худенький и маленький, но с жестким волевым лицом. — Молодец... э-э... майор Молодцов готов к любому испытанию.

Денис не отреагировал на обмолвку Зайцева, его еще со школьных лет редко называли по имени, только — Молодец. Это обязывало — чтобы не смеялись за спиной — и заставляло держать себя в хорошей физической и психологической форме.

— Прошу вводную, — сказал он хладнокровно.

По губам Зайцева скользнула усмешка. Он хорошо знал своего подчиненного и был в нем уверен.

— Собственно, ваша задача проста, — сказал Лещенко. — Надо долететь до Ирода, разобраться, что случилось с китайским зондом и «Техасом», спасти кого можно и вернуться.

— Хорошо бы еще выяснить, почему астероид увеличил скорость, — пробормотал Черников. — На космический корабль он не похож, с виду и по характеристикам — кусок базальта необычной формы, да и размеры слишком велики для корабля...

— Это не главное, — сказал молчавший до сих пор здоровяк в генеральском мундире — начальник РВКН. — Главное — побыстрее найти причину молчания шаттла и вернуться. Мы должны раздолбать астероид до того, как он врежется в Землю. Весь мир ждет от нас чуда. Понимаете, какая на вас лежит ответственность, майор?

— Так точно! — Денис поднялся и встал по стойке «смирно». — Еще два вопроса можно, товарищ генерал?

— Разумеется.

— Кто командир «Техаса»?

— Кэтрин Бьюти-Джонс.

— Женщина?! — поднял брови замминистра.

— Почему вас это удивляет? Ей двадцать восемь, как и майору Молодцову, и на ее счету пять полетов. Вы должны знать Кэтрин, майор.

— Так точно, знаю — заочно, хотя лично незнаком. Сколько человек в ее экипаже?

— Трое.

— Кто полетит со мной?

— На этот раз я, — сказал Зайцев, — и сотрудник службы безопасности Феликс Глинич.

Денис нахмурился:

— Я не знаю этого человека. Почему не летит Артист... э-э... капитан Абдулов?

— Вместо него в экипаж включен Глинич. Он эксперт в области космического материаловедения, астрофизик, планетолог и специалист по метеоритному веществу.

— Мне на борту нужен грамотный бортинженер, а не астрофизик!

— Феликс Эдуардович Глинич, — вмешался профессор Черников, — является кандидатом в отряд космонавтов уже два года и прекрасно изучил наши корабли и комплексы.

— И все же я требую...

— Успокойтесь, майор, — перебил Дениса командир

группы. — Я понимаю ваши чувства, но состав экипажа определяю даже не я, а правительственная комиссия. Она и рекомендовала... можно сказать... этот состав экипажа. Вам придется согласиться или довольствоваться ролью дублера.

Денис проглотил ругательство.

— Хотя бы объясните, в чем дело, почему необходима замена.

— Есть определенные подозрения, майор... — начал Лещенко.

— Мы не знаем, почему астероид увеличил скорость, — сказал Черников. — Но такие целенаправленные манипуляции обычные космические тела совершать не в состоянии.

— Вы что же, предполагаете, что к нам залетел чей-то космический корабль? — Денис позволил себе немного иронии.

— Не обязательно, — качнул седой головой профессор. — Возможно, это ядро кометы, возможно, представитель нового класса малых активных объектов...

— Определимся на месте, — перебил Черникова Зайцев. — И для этого опыт Глинича незаменим. Все, майор, идите, готовьтесь. Вылет через четыре часа.

Денис кинул подбородок на грудь, шелкнул каблуками и вышел. Настроение испортилось. Слава Абдулов, ровесник и однокашник, был отличным специалистом и надежным другом, и его замена подействовала угнетающе. Но изменить что-либо уже было невозможно. Зайцев намекнул, что Денис может не полететь вовсе, если будет настаивать на своем. Что же они почуяли, товарищи начальники, заменив бортинженера на специалиста службы безопасности? Неужели и впрямь уверены, что в Солнечную систему вторглись пришельцы? Или же просто решили перестраховаться?

Глава 4

Он был впереди и чуть снизу — маленький сверкающий крестик на фоне угольно-черной бездны, проколотой множеством острых звездных «булавок». Астероид Ирод. Пять километров сто сорок шесть метров — длина главной пере-

кладины, полтора километра — длина второй перекладины, толщина «креста» — шестьсот метров, масса — двадцать три миллиарда тонн. Поскольку его скорость уже почти достигла возможности разгона земных кораблей — до ста десяти километров в секунду, решено было при подлете маневрировать таким образом, чтобы астероид сам догнал корабль. И Денис мастерски проделал маневр, не потеряв ни мгновения, ни сантиметра. Теперь Ирод постепенно догонял «Ангара», вырастая в размерах. По расчетам бортового компьютера, он должен был взять корабль «на абордаж» через восемь часов.

Американский шаттл «Техас» они обнаружили не сразу. Как оказалось, он приземлился на крест космического монстра, то есть, разумеется, «приастероидился» и был почти невидим со стороны, так как местом посадки избрал «подмышку» креста — там, где сходились грани большой и малой перекладин. На вызовы экипаж «Техаса» по-прежнему не отвечал и световые или какие-нибудь другие сигналы не подавал.

Зайцев считал, что экипаж погиб.

Молчаливый Глинич, за все время полета произнесший всего несколько слов, своих предположений не высказывал.

Денис же в силу природного оптимизма надеялся, что на «Техасе» просто вышла из строя система связи и что американцы живы. Хотя, с другой стороны, было действительно непонятно, почему они не подают световых сигналов. Шаттл с виду — в телескопы «Ангары» — казался неповрежденным, отсверкивая в лучах серебристой обшивкой.

Феликс Глинич, заменивший бортинженера, сначала Денису активно не нравился. Бесстрастный, с виду даже сонный, по-философски равнодушный ко всему, что его не касалось, он вечно торчал у компьютера или вел наблюдения за приближающимся астероидом, не сообщая никому своих выводов. Это раздражало, и однажды, на третий день полета, не вытерпел даже полковник, тоже не отличавшийся говорливостью.

— Как вы думаете, Феликс Эдуардович, — сказал он после очередного сеанса радиосвязи с Землей, расстояние до которой уже превышало двадцать пять миллионов километ-

ров, — почему молчит «Техас»? Что могло произойти на его борту?

— Я не гадалщик, — сухо ответил Глинич. — Для выводов не хватает объективной информации. Подстыкуемся — узнаем.

Зайцев озадаченно посмотрел на него, перевел взгляд на Дениса, изломил бровь:

— Это, конечно, правильно, однако неплохо бы разработать рабочую гипотезу и придерживаться ее. К примеру, я считаю, что американцы что-то обнаружили на астероиде, сели и наткнулись на какую-то ловушку. Что-нибудь вроде выброса отравляющих веществ.

— В скафандрах им не страшны отравляющие вещества, — покачал головой Денис. — На мой взгляд, они просто врезались в астероид и повредили систему связи. А заодно и двигатели.

— Тем не менее они могли бы послать в космос пару сигнальных ракет или помигать прожекторами. Астероид вращается, и вспышки заметили бы даже с Земли. Почему они этого не сделали? Погибли?

Денис пожал плечами.

Он был согласен с третьим членом экипажа: фактов не хватало. А заранее хоронить американских астронавтов не хотелось. Как и разрабатывать гипотезу о корабле агрессивных пришельцев, прилетевших для завоевания Земли.

Спор ничего не дал. Все остались при своем мнении. А Глинич по-прежнему отказывался участвовать в беседах экипажа и обходился минимумом слов...

Восемь часов до встречи с гигантским каменным крестом изумительно правильной формы истекли. Денис произвел необходимые маневры, и оба тела — двадцатиметровая «Ангара» и великан-астероид, медленно вращающийся вокруг более длинной оси, — повисли в двух километрах друг от друга, продолжая мчаться к Земле со скоростью в сто шесть километров в секунду.

— По-моему, самый обычный оортид¹, — заметил Де-

¹Оортидами называются небесные тела, врывающиеся в Солнечную систему из облака Оорта, расположенного за орбитой Плутона.

нис, разглядывая крест в створе главного экрана. — Только что форма необычна. Предлагаю не ждать, а сразу подстыковаться к камешку поближе к шаттлу. Сила тяжести там, конечно, слабенькая, не более пяти сантиметров¹, но, судя по данным анализа, в породах астероида около сорока процентов железа. Включим эм-калоши и будем чувствовать себя вполне устойчиво.

— Не суетись, Молодец, — сказал Зайцев. — Мы должны лишь выяснить причину молчания шаттла и дать команду на атаку астероида. До его рандеву с Землей осталось всего тринадцать дней.

— Поэтому я и предлагаю поторопиться.

— Возражаю! — впервые вмешался в разговор командира и пилота бортинженер. — Мы не знаем, что здесь произошло, поэтому действовать будем в соответствии с программой СРАМ².

Оба посмотрели на него.

— Командир здесь вообще-то я, — сказал полковник с неприязнью.

— Вскройте пакет СПИ.

Зайцев хмыкнул, поколебался немного, потом открыл командирский сейф, вытащил черный пакет с красными буквами СПИ, что означало: «Специальные предписания и инструкции». Вскрыл пакет, достал компакт-диск и два листка бумаги с текстом, прочитал. Вскинул на бортинженера сузившиеся похолодевшие глаза.

— Что? — не выдержал Денис.

— У него карт-бланш...

— Что еще за бланш? — не сразу понял Денис.

— Особые полномочия... при появлении экстремальной ситуации он вправе взять командование кораблем на себя...

Денис присвистнул, с любопытством посмотрел на костистое, сухое, с запавшими черными глазами лицо Глинича.

¹Имеется в виду 5 сантиметров в секунду за секунду; для сравнения сила тяжести на Земле равна почти 9 метрам в секунду за секунду.

²СРАМ — аббревиатура слов: сведение риска к абсолютному минимуму; особая программа для экипажей спасательных модулей.

Лицо человека, привыкшего не сомневаться в своей значительности.

— Похоже, нам не доверяют, Андрей Петрович.

— Да уж, сюрприз, — усмехнулся Зайцев.

— У вас есть какие-то претензии ко мне как к специалисту? — осведомился Глинич.

— Нет... претензий нет... пока... однако хочу заметить, что вы вступаете в свои права только при наличии экстремальной ситуации, если следовать букве параграфа официального указания. А поскольку таковая ситуация в настоящий момент отсутствует, команду кораблем я. Возражения по существу есть?

— Нет, — сказал Денис, пряча улыбку.

Глинич сверкнул глазами, помолчал, отвернулся:

— Нет...

— Вот и славно. Начинаем маневр.

Денис удобнее устроился в кресле пилота и включил аппаратуру БУК — бесконтактного управления кораблем. В БУК входили специальные перчатки, снимающие биопотенциалы руки и передающие их на контур управления, и система датчиков, встроенных в скафандр пилота, помогающая контролировать любое действие оператора. Благодаря БУК реакция пилота повышалась почти на порядок, что было немаловажно при возникновении непредвиденных ситуаций. Конечно, корабль имел и ручную систему управления, резервную, но включалась она редко.

Денис шевельнул указательным пальцем.

Сработали двигатели тангаж-маневра, и «Ангара» мягко пошла на сближение с глыбой астероида.

Глава 5

Космический корабль многоразового использования «Ангара-Э2» был создан российской корпорацией «Энергия» всего полгода назад. Точнее, он эксплуатировался всего шесть месяцев и несколько дней. До этого момента российские космонавты летали на «старой» «Ангаре-М», посту-

пившей как в РВКН, так и в гражданское космическое агентство пять лет назад.

«Ангара-М» отлично зарекомендовала себя при полетах на МКС, к Луне и к Марсу, поскольку конструкторы использовали для ее создания все самые передовые технологии. Однако «Ангара-Э2» превосходила свою предшественницу по всем параметрам, так как представляла собой транспортно-космический комплекс нового поколения.

Система управления кораблем не имела аналогов в мире, как и двигательная установка, способная разгонять его до скорости в сто десять — сто двадцать километров в секунду. Да и компьютер «Ангара-Э2», созданный на основе нанотехнологий российскими специалистами, был на высоте. С ним даже можно было беседовать как с живым человеком.

«Техас» — самый современный «челнок» США, разработанный с учетом страшных катастроф с первыми шаттлами, в общем, тоже был отличным кораблем, и тем не менее он по многим характеристикам уступал «Ангаре».

Его система спасения, представляющая автономную капсулу, выстреливаемую в аварийной ситуации, могла обеспечить защиту экипажа всего на три часа, в то время как САС «Ангара» была рассчитана на сутки автономного функционирования и защищала экипаж даже от выбросов солнечной радиации. К тому же «Техас» не обладал такими мощными двигателями, как «Ангара», и не имел боковых движков с изменяющимся вектором тяги, которые обеспечивали кораблю максимально возможную степень маневренной свободы.

Остальные отличия были несущественными. «Техас», как и «Ангара-Э2», мог иметь на борту экипаж численностью до семи человек и был способен в одиночку слетать на Марс и обратно.

— Я настаиваю на включении программы СРАМ! — заявил Глинич, когда Денис подвел корабль вплотную к астероиду. — Мы до сих пор не знаем причин молчания китайского зонда. Кстати, я вообще его не обнаружил в этом районе. И мы не знаем, почему замолчал «Техас». По-моему, этого достаточно, чтобы перестраховаться.

— «Техас» цел... по крайней мере, на первый взгляд, —

буркнул Зайцев; все они уже загерметизировали скафандры и вели переговоры по рации. — Если бы что-нибудь случилось на борту, американцы выбросились бы на спасательной капсуле. Но ее тоже не видно.

— Я требую...

— Оставьте свой тон, Феликс Эдуардович! Я не меньше вашего хочу выяснить, что здесь произошло.

— Я доложу командованию о вашем отказе следовать инструкции!

— Да хоть самому президенту. Майор, сажайте птичку рядом с шаттлом.

Денис не ответил. Он и так более чем осторожно подвдиг корабль к гигантскому, сверкающему антрацитовый сыпью кресту астероида, готовый включить маршевые двигатели при появлении любой опасности.

Но пока ничего особенного не происходило.

Мрачная грань астероида приблизилась вплотную, повисла над головой исполинским потолком. «Техас» по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. На его корпусе не было видно ни вмятин, ни трещин, ни пробоин. С виду он действительно был цел и невредим. Разве что сидел чересчур плотно в углу смыкающихся граней креста, словно пытался носом раздвинуть эти грани.

— Дыра! — воскликнул Глинич.

Денис тоже заметил невероятно ровное треугольное отверстие в стыке граней, буквально под кормой шаттла, но он был занят посадкой и обсуждать открытие не стал.

— Это каверна! — продолжал возбудившийся бортинженер. — Или скорее вход в недра астероида! Вот почему они молчат! Они ушли внутрь... и не вернулись!

— Если это так, то они давно погибли, — мрачно проговорил Зайцев. — Их скафандры рассчитаны всего на двенадцать часов автономного плавания в вакууме.

— Возможно. Тем более надо соблюдать рекомендации...

— Отставить разговоры! Продолжайте наблюдения! Молодец, пристыкуйся чуть подальше, за носом шаттла, чтобы он не помешал аварийному старту.

— Слушаюсь, командир! — Денис повел «Ангару» бок-ом, осторожно — миллиметр за миллиметром — посадил ее

на специальные пневмоподушки с липучками. Эти посадочные баллоны в случае необходимости отстреливались, и корабль мог стартовать в любой момент.

Движение прекратилось. «Ангара» даже не дрогнула, коснувшись астероида. Бортовой компьютер Михалыч выбросил на панель управления желто-зеленые огни, сказал приятным мягким голосом:

— Посадка по высшему баллу! Поздравляю с окончанием полета.

— Поздравишь, когда мы будем на Земле, — проворчал Зайцев. — Но ты молодец, Молодец! Вряд ли я посадил бы птичку лучше. Начинается главная работа. К выходу готовятся двое: я и бортинженер. Экипировка — в соответствии с Положением номер два. Возражения не принимаются!

И Денис, открывший рот, чтобы попросить командира взять его в первую вылазку, вынужден был промолчать. Ничего не сказал и Глинич. Он мог быть доволен, так как Положение номер два предусматривало особые меры безопасности для экипажа спасательного корабля и увеличивало степень ответственности каждого его члена.

Полковник вскрыл второй командирский сейф и достал оружие — лазерные и электропистолеты. Кроме этого, разведчики взяли с собой «дромадеры» — комплекты выживания, имеющие запасы кислорода, еды и дополнительные источники питания.

— Будь готов, — сказал Зайцев, стукнув рукой в перчатке по плечу пилота. — Еще успеешь прогуляться по местным буеракам.

Космонавты выбрались из кабины в переходный тамбур. Появились через три минуты за бортом корабля, видимые в отсвете прожекторного луча от сверкающих мелкими кристаллами граней астероида. Корабль сидел, как самолет, брюхом на одной из них, а вторая поднималась слева гигантской бугристой стеной, исчезая где-то в звездном «небе» как черная тень, изредка бросающая искры света — отражение лучей звезд.

— Ни пуха! — пожелал Денис.

— К черту! — ответил командир.

Глинич промолчал.

Две блистающие серебром и золотом фигуры включили газовые движки и поплыли к стоящему неподалеку американскому шаттлу.

Глава 6

«Техас» казался вымершим. Космонавты облетели его со всех сторон, светили фонарями в носовые иллюминаторы пилотской кабины — при всем космическом антураже и назначении он прежде всего оставался самолетом — и стучали по обшивке, но никто на их сигналы не отозвался. Естественно, его люки были задраены, а следов под ними на «грунте» — на сплошной кристаллической плите — не было видно.

— Никого, — разочарованно заявил в конце концов Зайцев, прекратив попытки проникнуть внутрь американского «челнока». — Иллюминаторы у них из поляризационного композита, поэтому снаружи ничего рассмотреть нельзя. Следов же никаких. Открывали они люки, выходили наружу или нет — неизвестно.

— Но если они молчат, то, наверное, все же вышли? — осторожно заметил Денис, принимая версию Глинича.

— Или же давно мертвы, — отозвался сам Феликс Эдуардович, почти не принимавший участия в обследовании шаттла. — Если у них внезапно произошла разгерметизация, а они были без скафандров...

— На корпусе корабля нет ни одного крупного сквозного отверстия, — перебил его полковник. — А по инструкции астронавты обязаны сидеть в кабине в скафандрах. Американцы, между прочим, свято соблюдают все пункты инструкции. Нет, здесь что-то другое. Предлагаю совершить небольшой разведрейд в дыру. Ничего не найдем — попробуем вскрыть «челнок» резакom. Вы согласны, Феликс Эдуардович?

— Нет, — ответил Глинич после паузы. — Разведрейд не предусмотрен Положением аварийно-спасательной службы. Предлагаю сначала найти причину молчания экипажа. Эта причина может угрожать и нам.

— В таком случае я отправлюсь на разведку один, — ска-

зал Зайцев, не повышая голоса. — Ждите меня в течение часа. Если хотите, займитесь подготовкой и настройкой резака.

— Командир, одному идти нельзя! — забеспокоился Денис. — Тогда уж я пойду с вами! Бортинженер подождет нас здесь, раз боится.

— Я не боюсь, — возразил Глинич скрипучим голосом. — Но вы не имеете права рисковать неоправданно!

— Отставить, майор, — сказал Зайцев. — Я отлучусь ненадолго. Если связь прекратится, а она прекратится наверняка, так как эта махина насквозь пронизана жилами пегматита, то не паникуйте. Хочу посмотреть, куда ведет этот ход. Американцы не могли не пойти туда, раз сели неподалеку от дыры.

— Хорошо, я пойду с вами, — сухо сказал Глинич. — Но вы делаете ошибку.

— Ну, это бабушка надвое сказала, — хмыкнул Зайцев. — Молодец, жди и смотри в оба. И ни в коем случае не выходи наружу! Даже если здесь появится целая армия зеленых человечков.

— Слушаюсь, командир, — усмехнулся Денис.

Две фигуры, отблескивая шлемами и металлическими деталями скафандров, подплыли к треугольной дыре, скрылись в темноте. Некоторое время был слышен голос полковника, каждую минуту говорящего одну и ту же фразу: «Все в порядке, пусто, летим дальше». Потом голос ослабел и умолк. Перестали быть слышны и радиомаяки космонавтов. В эфире наступила глухая могильная тишина, нарушаемая изредка тихими щелчками и шорохами возникавших в космосе радишумов.

Час прошел.

Разведчики не возвращались.

Вокруг все было спокойно. Астероид продолжал свой тяжеловесный полет к точке встречи с Землей, равнодушный ко всей человеческой возне вокруг него.

Денис почувствовал тревогу. Он знал полковника достаточно хорошо, чтобы полностью доверять его словам и действиям. Если командир говорил, что вернется через час, так оно всегда и происходило. А раз он не вернулся в срок, зна-

чит, что-то случилось, и надо было предпринимать какие-нибудь меры.

Денис включил рацию на постоянный вызов и сам несколько минут слал в эфир: «Я Ангара-два, Первый, ответьте Ангаре...»

Никто не отвечал.

Прошел еще час.

Тогда Денис попытался нащупать лучом прожектора треугольную дыру в стыке граней астероида... и волосы зашевелились у него на голове! Дыра внезапно исчезла! Пространство внутри ее сгустилось и превратилось в искрящуюся плиту, закрывшую вход в тоннель!

Первым побуждением Дениса было немедленно стартовать. Вторым — вылезти наружу, убедиться в реальности явления и попытаться взломать возникшее препятствие. Однако он заставил себя остаться на месте и вызвал ЦУП. Ответ с Земли не пришел ни через семь минут, ни через десять, ни через двадцать. Тело астероида загораживало нужный сектор Солнечной системы, и для того чтобы послать сообщение и получить ответ, надо было стартовать, сориентировать должным образом антенны корабля и ждать. А поскольку времени и так ушло непозволительно много, Денис решил действовать на свой страх и риск.

Он выбрался в отсек полезной нагрузки, расконсервировал плазменный резак и вытащил его через грузовой люк. Выбрался наружу сам, вооруженный до зубов. Никто не появлялся и не пытался напасть на него, никто не высовывал голов и щупалец из щелей и дыр в породах астероида. Тогда Денис приблизился к тому месту, где недавно зияло шестиметровой величины треугольное отверстие, и несколько минут потратил на изучение затычки, закрывшей дыру. Впечатление было такое, будто перед ним был монолит. Ни щелочки, ни рисочки, ни какого-либо указания на то, что здесь существовал проход в недра астероида.

— Ничего? — вызвал Денис Михалыча.

— Не слышно, — ответил бортовой компьютер виноватым голосом, продолжая вызывать ушедших.

Сжав зубы, Денис взялся за резак.

Однако плазменная струя не смогла пробить материал

пробки, заткнувшей отверстие. Толщина пород в этой точке оказалась такой, что на вырезание дыры в стене мощности резака было недостаточно. Прodelав полуметровую каверну в черной бугристой стене, резак погас — кончилась энергия.

Денис выругался. С минуту отдыхал, прикидывая варианты дальнейших действий. Можно было облететь астероид кругом и поискать другие входы внутрь, можно было послать сообщение на Землю и посоветоваться с начальством. Но он выбрал другой путь.

Перезарядил резак и поднялся к американскому шаттлу, собираясь вскрыть его, как консервную банку. Вполне возможно, ответ на главный вопрос: что здесь, собственно, произошло? — находился в кабине управления «Техаса».

Но осуществить задуманное ему не удалось.

Внезапно кто-то окликнул его по-английски: многодиапазонные рации скафандров были настроены на все частоты связи российских и американских космических объектов, а также на аварийную волну. Голос же, раздавшийся в наушниках рации, явно принадлежал женщине:

— Эй, мистер, что вы там делаете?! Бишоп, это ты?!

Денис оглянулся, поискал глазами спрашивающего и высоко на вертикальной стене — грани перекладки креста — увидел сверкнувшую лучом фонаря фигурку. Она медленно спускалась по стене вниз, подпрыгивая и пролетая по десятку-два метров сразу.

— Я майор Молодцов, прима-пилот российского спасательного корабля «Ангара». Кто вы?

Женщина перешла на ломаный русский:

— Вы есть руски спасател?! Как вы здес окажутся?!

— Ваш «челнок» замолчал, — попытался объяснить ситуацию Денис, — примерно восемь дней назад, и нашу птичку послали выяснить, в чем дело.

— Не может быть! — Собеседница вновь заговорила по-английски. — Почему восемь дней?! Мы прилетели сюда шесть часов назад!

— Как это — шесть часов?! — теперь уже удивился и не поверил он. — Не может быть! Мы отправились к астероиду семь дней назад, после того как стало известно о вашем секретном полете. То есть что вы не отвечаете на вызовы.

— Здесь какая-то ошибка! — Фигурка приблизилась. Скафандры не позволяли видеть, кто находится внутри их, так как с виду женский не отличался от мужского, но все же было заметно, что приближается женщина. — Я Кэтрин Бьюти-Джонс, командир шаттла «Техас». Мои коллеги шесть часов назад ушли на разведку внутри астероида и не вернулись. Надеюсь, ваш экипаж на борту?

— Не надейтесь, — мрачно пошутил Денис, чувствуя себя преступником. — Они ушли в дыру под кормой вашего «челнока» два с лишним часа назад. Дыра закрылась. Я пытаюсь определить, что происходит.

— И для этого вы решили повредить мой корабль?

— Не повредить — только пробиться в кабину. — Денис невольно покраснел. — У меня не было выбора. Давайте поднимемся на борт нашей птички, и я все объясню.

— Лучше уж поднимемся ко мне... если вы и в самом деле тот самый майор Молодцов, о котором я слышала.

Денис осветил плечо своего скафандра, на котором вместе с российским гербом и эмблемой РВКН виднелась перламутровая полоска личного клейма с надписью: ДАМ — Денис Андреевич Молодцов.

Командирша «Техаса» спрятала в спецзажим на поясе лазерный пистолет, ствол которого был направлен на майора, пролетела мимо и открыла люк.

Глава 7

Денис был знаком с Кэтрин Бьюти-Джонс заочно уже больше года, видел ее фото в кондуитах космофлота и читал о героических подвигах астронавтки в Интернете. Но одно дело — фотография, пусть и вполне качественная, откровенная, другое — сам объект фотосъемки. Мисс Кэтрин оказалась красавицей славянского типа — с пышными русыми волосами по плечи, большими голубыми глазами, пухлыми губками и ямочками на щеках. Вот только улыбалась она по-американски — ослепительно и холодно, правда, редко, а точнее, произошло это всего раз, когда Денис похвалил интерьер кабины управления. Однако на русского космо-

навта она продолжала смотреть оценивающе, строго и не вполне дружелюбно, будто сомневалась в его искренности и правдивости.

Оказалось, что ее матерью была русская, Анна Валерьевна Золотова, от которой она и переняла черты лица, фигуру и смелость. Отцом же Кэтрин был известный инженер и конструктор, создатель шаттла Роджер Бьюти-Джонс. Дочь пошла по его стопам, став не только астронавтом, но и фактически испытателем детища отца.

Однако в настоящий момент эти личные подробности не взволновали Дениса. Его мысли занимало открытие, сделанное им совместно с американкой.

Время внутри астероида, пронизанного тоннелями и пустотами, как сыр — порами, текло в полсотни раз медленнее, чем снаружи!

Второе открытие, а точнее — фактически первое, так как открывателями стали американские астронавты, состояло в том, что астероид представлял собой некую ж и в у ю систему, судя по тому, что многие его тоннели внезапно закрывались, исчезали, зато появлялись новые, а внутри огромных пустот, цепочкой располагавшихся внутри перекалдин его крестообразного тела, происходила своя таинственная жизнь.

— Мы не успели обследовать и тысячной доли внутренних пещер Ирода, — закончила свой рассказ Кэтрин. — Сначала обнаружили дыры, начали изучать, потом парни ушли на разведку и не вернулись. Я попыталась искать их, но заблудилась и с трудом выбралась обратно. Когда я увидела вас, сначала подумала, что это они. Но после поняла, что ваш скафандр иного типа, и даже подумала, что вы диверсант.

— За диверсанта меня еще никто не принимал, — невольно улыбнулся Денис, — хотя я и служу в космических войсках. Итак, мисс, что будем делать? Мои спутники тоже ушли в астероид и не вернулись, а проход закрылся. У вас есть конкретные предложения? Кстати, когда вы подлетали к этому камешку, не видели китайский зонд?

— Нет. Наткнулись на пару камней поменьше и миновали струю пыли, но больше ничего.

— Странно... Китайский модуль «Хуанхэ» имел неплохой комп, мог бы и сообщить, что случилось. Может быть, его сбили зеленые человечки, хозяева Ирода?

В голосе Дениса проскользнули скептические нотки, и брови Кэтрин сошлись.

— Напрасно иронизируете, майор. Зеленых человечков я не встречала, но что астероид — не просто железистый обломок камня необычной формы, уверена. Вы и сами могли убедиться в этом. Тоннели и подземные ходы внутри мертвой горы сами собой не возникают и не закрываются. Может быть, это и не космический корабль чужой цивилизации, но кто-то внутри его живет. Предлагаю запустить внутрь астероида малый зонд, на борту «Техаса» такой имеется, и обследовать ходы.

— Вряд ли это даст результат, — качнул головой Денис. — Материал астероида экранирует радиоволны, и мы вскоре потеряем с зондом связь. Предлагаю следующее. Вы поднимаете свой шаттл и сообщаете на Землю о нашем положении. Ждете ответа. Я же иду внутрь и...

— Нет! — решительно отрезала командир американского корабля. — Вы не сможете ориентироваться, не зная, сколько времени прошло. Идти надо вдвоем. Мы запустим «Техас» на орбиту вокруг Ирода (словечко Ирод она произносила с милым акцентом — Айрьедд) в автоматическом режиме, возьмем с собой обойму радиомаяков и будем оставлять их в тоннелях включенными по мере удаления от поверхности, чтобы можно было вернуться по этим ориентирам назад в любой момент. Согласны?

Денис с некоторым удивлением посмотрел в глаза женщины, отмечая ее ум, энергию и находчивость. И жесткую сосредоточенность на проблеме. Она не запаниковала, оставшись одна, и готова была пойти на любой риск, чтобы найти своих коллег.

— Согласен.

— Тогда начинаем.

— Я могу предложить катер. У нас на борту имеется спасательный модуль «орех». А также десятка два радиобакенов.

Кэтрин размышляла недолго:

— Идет! Выгружайте. На катере, если он пролезет в тон-

нель, мы сможем пройти дальше, а главное — быстрее. Надо помнить, что час, проведенный внутри Айрьедда, равен двум с половиной суткам на Земле. Хотя я до сих пор, — она вдруг смущенно улыбнулась, мгновенно преображаясь, — не могу в это поверить.

Денис понимающе кивнул, поймав себя на мысли, что, если бы они встретились не здесь, а где-нибудь в другом месте, на Земле, в лесах Псковщины, на пляже в Майами или просто в ресторане, возможно, она и не обратила бы на него внимания.

Чтобы поднять шаттл и запустить его на орбиту вокруг астероида в автоматическом режиме, Кэтрин понадобилось всего пятьдесят минут. Ей также удалось связаться с Центром управления полетами во Флориде и сообщить, с чем пришлось столкнуться астронавтам на астероиде. Ее доклад, очевидно, произвел впечатление разорвавшейся бомбы, так как несколько минут после этого в эфире царила тишина. Потом с «Техасом» заговорил начальник смены и попросил повторить сообщение.

Кэтрин в темпе повторила. А поскольку каждый вопрос-ответ требовал времени — три минуты в одну сторону и столько же в другую, она решила больше не ждать указаний с Земли и пообещала выйти на связь сразу после спасательно-поискового похода в недра астероида. Когда Кэтрин наконец закончила переговоры и покинула кабину шаттла, Денис уже вывел в космос из грузового отсека буксир «орех» и терпеливо ждал ее в пространстве, сверкая правым боком скафандра, освещаемым солнцем.

— Что Земля?

— Они не поверили, — с коротким смешком ответила Кэтрин. — Да и я на их месте не поверила бы. Будут советовать с русскими... то есть с вашим начальством. До столкновения осталось всего одиннадцать дней. Если мы в течение двух суток не найдем наших парней, по астероиду будет нанесен ядерный удар. Ракеты уже готовы к запуску.

— Этого следовало ожидать.

— Их нельзя ни в чем упрекнуть.

Денис промолчал. Он считал, что неведомых умников из

НАСА, пославших шаттл к астероиду втайне от партнеров, как раз есть в чем упрекнуть.

— Цепляйтесь за леер. — Он помог спутнице присоединиться к нему; буксир представлял собой открытую платформу с двумя сиденьями, которой управлял один человек. — Садитесь и пристегивайтесь.

Кэтрин бегло оглядела аппарат, сноровисто села рядом: сказывался немалый опыт выходов в открытый космос, да и невесомость она переносила великолепно.

Буксир медленно поплыл вдоль грани креста, удаляясь от «Ангары», скрывшейся в тени астероида и ставшей практически невидимой.

— Где будем искать вход?

— Я вышла в трехстах метрах отсюда, в торце малой перекладины. Если эта дыра не заросла, в астероид мы войдем через нее. Побыстрее нельзя?

— Это буксир, — усмехнулся Денис, — а не истребитель-перехватчик. К тому же, если мы будем гнать его в экстремальном режиме, топлива хватит ненадолго.

— Извините, — сухо бросила американка. — Я просто нервничаю.

Отверстие хода, через которое Кэтрин выбралась из недр Ирода наружу, к счастью, оказалось на месте. Его диаметр — пять с лишним метров — позволял буксиру свободно пройти в тоннель. Денис направил аппарат к черной дыре, но в двадцати метрах от края остановился.

Кэтрин слегка повернулась к нему корпусом:

— В чем дело?

— Давайте распределим обязанности и уточним план действий.

— План прост: найти наших парней и вернуться.

— Нам надо помнить, что время там, внутри, почему-то сильно отстает от нормального хода. У нас всего двое суток в запасе, а это означает, что мы должны минут через сорок пять — по нашим часам — выйти обратно. С результатом или без. Земля ждать больше не будет.

— Хорошо. Что еще?

— Вам придется через каждые сто метров сбрасывать маяки, я буду занят управлением буксиром.

— Естественно, я займусь маяками. У вас все? — В голосе женщины послышалось сдержанное раздражение. Ей показалось, что русский напарник колеблется.

Денис же и в самом деле чувствовал некую раздвоенность, досаду, будто упустил из виду нечто важное и никак не может вспомнить, что именно. Его вдруг пронзила — как острая боль — мысль, что они вместе с астероидом и двумя земными кораблями представляют собой бомбу страшной разрушительной силы! Бомбу — и ничто иное, даже если астероид и в самом деле является чужим звездолетом или живым существом.

— Вперед!

Буксир окунулся в густую тьму тоннеля. И тотчас же сзади возникла стена, загородив выход в космос.

Глава 8

Кэтрин Бьюти-Джонс оказалась достойным напарником во всех отношениях. А ее психологической устойчивости и целеустремленности мог бы позавидовать и мужчина постарше и поопытней. После того как они остались отрезанными от выхода в космическое пространство, Кэтрин не дала волю нервам, не засуетилась, не стала требовать от спутника объяснений случившемуся. Она просто оглянулась, когда Денис притормозил, также оглядываясь назад, и бросила всего несколько слов:

— Не останавливайтесь, майор! Каждая секунда на счету!

Денис, слегка позавидовав ее спокойствию, увеличил скорость «ореха».

Первый стометровый отрезок довольно прямого, с неровными стенами, похожего на кишку тоннеля они преодолели за одну минуту.

Проникли в шарообразную полость-расширение диаметром около тридцати метров, наткнулись на странное образование в центре — огромную «кисть винограда», соединенную со стенками полости множеством прозрачно-коричневых, клейких на вид растяжек. Каждая «виноградина» была размером с человека и содержала некое твердое вклю-

чение — «косточку» неопределенной формы. Некоторые «виноградинки» были покрыты сизым налетом и казались слепыми, мертвыми. Остальные образовывали сложный конгломерат прозрачно-фиолетовых и коричнево-медовых шаров, действительно напоминавший виноградную кисть.

Останавливаться и разглядывать находку не стали. Оба вели счет минутам, понимая, что на философское обсуждение и исследование внутренних интерьеров астероида времени у них нет.

Через полторы минуты буксир доставил седоков к следующему расширению примерно такого же размера. В центре висела еще одна «виноградная кисть», только уже иного цвета — рубиново-красного, с тлеющими внутри каждой двухметровой «виноградины» огоньками. Эти огоньки казались живыми и наблюдали за пришельцами внимательно и с подозрением. Все пространство полости было заткано удерживающими «кисть» растяжками, что затрудняло продвижение вперед. Буксир едва не застрял, поэтому пришлось резать одну из растяжек лазером, а потом бежать из полости со всей возможной скоростью, потому что остальные растяжки вдруг конвульсивно сократились, завибрировали, заходили ходуном, буквально «загудели», грозя сбить буксир или раздавить.

— Черт, он и в самом деле живой! — пробормотал Денис, когда они наконец выбрались в следующий тоннель. — Вам не кажется, что «виноградины» напоминают икринки?

— Что? — не поняла Кэтрин.

— Рыбью икру. И на самом деле Ирод не просто астероид, а нечто вроде инкубатора. Или ковчега.

— Об этом мы поговорим позже, когда найдем пропавших. Не забивайте голову посторонними мыслями, майор. Мы находимся внутри астероида уже шесть минут, а не прошли и четверти пути.

Денис молча двинул «орех» вперед. С одной стороны, мужская хватка американки внушала уважение, с другой — такая жесткая сосредоточенность, по его мнению, женщину не украшала.

Тоннель внезапно свернул!

То есть он только что был прямым, уходя в недра асте-

роида, и вдруг, как живой, изогнулся почти под прямым углом! Денис едва успел среагировать на это скоротечное изменение обстановки, чиркнул бортом буксира о бугристую, искрящуюся черными кристалликами стену хода.

Зависли, осмысливая происшествие.

— Что это было?

— Похоже, нас не хотят пропускать в центр креста, — хмуро сказала Кэтрин. — Со мной тоже такое случилось.

— Что будем делать?

— Идти дальше. Другого выхода все равно нет.

Денис мельком глянул на красные циферки отсчета времени, вспыхивающие на внутренней пластине шлема: прошло девять минут с момента их вторжения в недра Ирода, — включил двигатель. Буксир поплыл вперед, держась оси тоннеля, разогнался.

Мимо побежали покрытые «черной икрой» кристаллов стены хода.

Пятьдесят метров, семьдесят...

Ни одной интересной детали, ни сужения, ни расширения. Прямая «кишка».

Сто метров...

Что-то черное впереди, бесплотное, с россыпью немигающих огоньков...

Оп-ля!

Денис резко затормозил.

Однако буксир остановился не сразу, проскочил по инерции последние метры тоннеля... и вылетел в космос!

Слева — бугристая черная плоскость, освещенная солнцем. Справа — звездная пропасть. Сзади — удаляющийся угол перекладины креста.

Оба оглянулись и успели заметить, как дыра тоннеля, через которую они вылетели в пространство, заросла искристой кристаллической пробкой.

Не приходилось сомневаться, что неведомые хозяева астероида просто-напросто выпроводили непрошенных гостей за пределы своих владений.

Глава 9

Растерянность прошла быстро. По часам космонавтов, они путешествовали внутри крестовины астероида одиннадцать минут. По бортовым же часам обоих кораблей их отсутствие длилось девять часов! Сомнений больше не оставалось: время внутри Ирода действительно шло в пятьдесят раз медленнее, чем снаружи.

Кэтрин связалась с компьютером «Техаса», выслушала полученные с Земли инструкции. Руководители полета в НАСА рекомендовали своим астронавтам немедленно покинуть астероид, так как удар по нему был предreshен. Рисковать никто не хотел: ни государственные мужи США, ни депутаты Госдумы России, ни президенты обеих стран. Правда, до запуска к астероиду ракет с ядерной начинкой еще оставалось около сорока часов. И за это время космонавтам обоих кораблей надо было решить проблему поиска ушедших на разведку товарищей и стартовать к Земле.

— Мы в цейтноте! — подвел итог размышлениям Денис, не зная, на что решиться. Шансы найти командира и бортинженера таяли с каждым часом, зато шансы быть взорванными вместе с астероидом возрастали в той же пропорции. Стоило им задержаться внутри крестообразной — и очень своеобразной — «машины времени» хотя бы на лишнем полчаса — и пиши пропало! Земля не ответит ракеты, так как речь идет о спасении миллионов жизней, а то и всего человечества.

— Возвращаемся! — сказала Кэтрин Бьюти-Джонс непреклонным тоном. — Мы еще не использовали до конца все свои возможности.

Денис хотел напомнить ей, что это по вине их горе-генералов из НАСА сложилась такая ситуация, но передумал. Обвинения не помогали найти выход из создавшегося положения. Походу в недра странного объекта, принятого людьми за астероид, альтернативы не было.

— Но проход закрылся... — сказал он.

— Будем искать другой! — отрезала американка.

Буксир пополз вдоль черной плоскости — грани более короткой перекладины креста на высоте ста метров. Иногда

казалось, что среди бугров и ложбин открываются дыры и трещины. Тогда приходилось спускаться ниже, изучать рельеф, до боли в глазах всматриваться в искристую грань. Затем лететь дальше. Лишь через час удалось найти «кротовую нору» — вход в подземелья астероида, когда у обоих почти иссякло терпение и кончились силы.

— Ныряем!

— Сколько у нас осталось маяков?

— Восемь, плюс ваши модули.

— Бакены.

— Всего четырнадцать.

— Не мало?

— У вас есть еще?

— Нет.

— Тогда к чему эти вопросы? Ведите буксир!

— Надеюсь, на этот раз нас не выгонят?

— Как получится. — В голосе женщины прозвучала насмешка, и она добавила фразу по-английски, которая переводилась на русский язык как: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского».

Денис улыбнулся, снова преисполняясь уважения к мужеству спутницы, знавшей, что она запросто может погибнуть.

Буксир вплыл в пятиметровое отверстие «червоточины», ведущей куда-то в глубь массива пород астероида. И стоило ему пройти два десятка метров, как тоннель позади закрылся. Сработала неведомая автоматика Ирода, подчинявшаяся своей нечеловеческой логике.

Но космонавты не стали задерживаться, искать объяснений поведению хозяев: то впускают без надобности, то выгоняют без причин, — лишь увеличили скорость своего неказистого транспортного средства. Оба верили, что смогут выбраться обратно через какой-нибудь другой тоннель.

Знакомая шарообразная полость с «виноградной кистью» внутри, соединенной со стенками множеством растяжек и клейких на вид перепонок. Что же это такое, в самом деле? Ковчег? Корабль-матка? Космическая «рыба» с икрой внутри? Неужели догадка верна и каждая «виноградина» представляет собой «икринку» или «яйцо» с зародышем внут-

ри? Но что это за зародыши? И почему ковчег несется к Земле с такой бешеной скоростью? Ведь если это и впрямь корабль-матка, он же погибнет?

— Не зевайте! — подстегнула спутника американка. — Тоннель начинается чуть правей.

Миновали перепонки и растяжки, вошли в продолжение тоннеля.

Сто метров...

Новая полость.

Та же «виноградная кисть», только «виноградины» вдвое крупнее, и внутри каждой пульсирует некая шипастая конструкция с четырьмя конечностями и рогатой головой. Точно — зародыши!

— Вы видите?!

— Я встречала гроздь еще больше — в центре.

— Это действительно «икра»!

— Что вы хотите сказать?

— Мы внутри корабля-матки! Либо просто внутри матки! Это не астероид. В училище вам должны были читать лекции о панспермии...

— Панспермия — лишь красивая гипотеза.

— Теперь уже не гипотеза. Перед вами прямое доказательство распространения жизни в космосе путем панспермии — переноса спор.

— Это сказка, мистер Молодцоув.

— Вовсе не сказка!

— Спорить будем потом, майор. Прежде давайте продолжим поиск коллег.

Буксир двинулся дальше.

Еще сто метров и еще пещера — гораздо больше, чем ранее встречавшиеся. «Гроздь винограда» в ней также была крупнее других, и в каждой «виноградине»...

— Ничего себе!

Денис остановил аппарат.

В огромном прозрачно-малиновом эллипсоиде «виноградины» величиной с железнодорожную цистерну плавали... самый настоящий динозавр! Только шестилапый и двухголовый! Глаз у него видно не было, но сомневаться в том, что он живой, не приходилось.

— Жуть! — с дрожью в голосе прокомментировала Кэтрин. Видимо, и до нее дошел смысл увиденного. Догадка Дениса отражала истину: астероид Ирод представлял собой гигантский транспортный корабль, несущий в своем чреве зародыши иной жизни.

— Ковчег! — повторил Денис. — Разве что не Ной. Остается только узнать, почему чужепланетный «Ной» выбрал для своего финиша Землю.

— Да! — очнулась американка. — То есть нет! У нас конкретная задача. Все остальное после. Идем дальше!

Буксир с трудом протиснулся между растяжками, вплыл в тоннель, ставший вдвое шире, чем прежние. Если Денис ориентировался правильно, они сейчас двигались по оси самой длинной перекладины креста, приближаясь к узлу пересечения перекладин. Вероятно, там располагалось центральное «спорохранилище» «ковчеха» или же рубка управления.

Шестнадцатая минута пути...

Еще одна полость.

«Гроздь винограда» с жуткими насекомовидными тварями внутри, готовыми, казалось, в любое мгновение вылезти из своих яиц.

Тоннель. На стенах — шрамы и сизые полосы пепла. Такое впечатление, что здесь произошло сражение с использованием лазерных излучателей.

— Уж не ваши ли ребята тут нашумели? — пробормотал Денис.

— С таким же успехом это могли быть и ваши! — огрызнулась Кэтрин. Позвала: — Бишоп! Гриффит! Где вы?

Тишина в ответ. Слабые щелчки и шелест на всех диапазонах связи. Только изредка доносится тихий вскрик ближайшего сброшенного радиомаяка.

Денис тоже попробовал позвать своих, но ни Зайцев, ни Глинич не отозвались.

Здесь их можно искать целый год! — пришла пугающая мысль. Он поспешил отогнать ее.

Двести метров... Восемнадцать минут пребывания в другом времени... Сколько же прошло времени на Земле? Ча-

сов пятнадцать? И на сколько хватит терпения у военачальников, держащих пальцы на кнопках пуска ядерных ракет?..

Гигантская — одним взглядом не объять — шаровидная полость, наполненная таинственной жизнью.

Традиционная «гроздь винограда» в центре, самая большая из всех, с оранжево-янтарными «виноградинами». Внутри — чешуйчатые твари с кожистыми крыльями. Перепонки. Растяжки. Плавающие бесцельно трехметровые шары, наполненные светящейся пылью или же прозрачной жидкостью желтого или — реже — голубоватого цвета. Шум в радиоэфире: будто недалеко кипит вода, проливаясь на раскаленную плиту.

Взгляд! Тяжелый, подозрительный, полный угрозы.

По спине между лопаток протекла холодная струйка.

Денис вспотел.

— За нами наблюдают!

— Посмотрите вниз! — возбужденно проговорила Кэтрин. — Видите?

Он посмотрел.

Выжженные лазером выбоины, какие-то льдистые натеки, брызги, сизо-белесые лохмотья, изогнутые рваные полупрозрачные куски стекла, похожие на остатки яичной скорлупы...

— Дьявольщина! Неужели здесь и в самом деле шел бой?! Кто же начал первым?

— Это неважно. Наши парни где-то здесь! Давайте искать!

Американка сбросила очередной бакен, славший в эфир призыв откликнуться всем, кто его слышит. Но никто на этот призыв не отвечал. Земляне его не слышали. Или не могли ответить, будучи давно погибшими.

К буксиру свалился сверху белый прозрачный шар, заполненный текучими светящимися вихриками. Ощущение взгляда усилилось.

Кэтрин достала оружие.

— Не стреляйте! — быстро проговорил Денис. — Попробуем договориться! Может быть, это наш последний шанс выволить ребят и убраться отсюда живыми!

— Как вы это сделаете, не зная, с кем имеете дело? Если хозяева уничтожили разведчиков, то уничтожат и нас!

— Уверен, наши ребята живы! Помните, когда мы освобождали буксир и разрезали растяжку? Нас ведь наверняка могли убить, но не убили! Просто вышвырнули вон!

— Почему же не вышвырнули парней?

— Не знаю. Но шанс найти их есть! Не стреляйте!

— Вы пацифист, мистер Молодцов. — Кэтрин после некоторых колебаний опустила пистолет, но не спрятала в захват. — Хорошо, действуйте. Однако я оставляю за собой право защищаться.

Денис хотел сказать, что это техника ковчега вынуждена защищаться от пришельцев, но прикусил язык. К тому же он не знал, что делать дальше. В его практике не было встреч с творениями чужих разумных существ.

Глава 10

Центр управления полетами Российских войск космического назначения располагался на территории бывшего испытательного полигона, а ныне космодрома Плесецк. Он вступил в строй всего два года назад и представлял собой суперсовременный компьютерный комплекс, принимающий информацию по сотням каналов связи со всеми объектами РВКН, обсерваториями страны, базами и пунктами наблюдения за космическим пространством на Земле и в космосе.

Главный зал Центра с рядами компьютерных терминалов напоминал зал ЦУПа в Подмосковье, но имел, кроме огромной — во всю стену — операционной планшет-карты Земли, еще и такой же огромный экран, способный синтезировать любое изображение — от мирного земного или космического пейзажа до панорамы планеты или звезды. В настоящий момент экран показывал угольно-черное небо со звездной полосой Млечного Пути и ползущий по нему черный крестик астероида Ирод.

В зале работали далеко не все терминалы, и народу в нем было немного, в основном — операторы в голубой форме космических войск. У центрального монитора стояла не-

большая группа людей — пять человек, концентрируясь вокруг мужчины в штатском, высокого, средних лет, с выразительным умным лицом и светло-голубыми глазами. Это был президент России. Он внимательно слушал командующего РВКН. Остальные молчали. Затем к группе присоединился начальник Центра экстремального оперирования в космосе генерал Лешенко.

— Они не выходят на связь уже больше суток, Александр Васильевич. Вокруг Ирода летает американский шаттл, но тоже молчит.

— Где «Ангара»? — тихо спросил президент.

— Наша птичка сидит на грани малой перекладины, у стыка ее с большой. Поэтому ни с Земли, ни с Луны она не видна, только с борта межпланетного зонда «Коперник».

— Вы думаете, они погибли?

— Если верить американцам, время внутри астероида течет в полсотни раз медленнее. Наши ребята могли просто не знать этого и спокойно заниматься разведкой.

— Все трое?

Лешенко вытер вспотевшее лицо платком.

— Судя по тем сведениям, что мы имеем, в астероид пошли командир корабля полковник Зайцев и бортинженер Глинич. Пилот должен был остаться на борту.

— Почему же не остался?

— После контакта с американцами он решил вернуть экипаж...

— И тем самым нарушил инструкцию! — буркнул командующий РВКН.

Лешенко сморщился, как от зубной боли.

— Денис Молодцов наверняка давал себе отчет, чем рискует. Но не попытаться найти своих он не мог.

— Все это романтика... Он не имел права рисковать в такой ситуации и покидать борт корабля... не посоветовавшись с нами!

— Может быть, майор и романтик, но прежде всего он человек долга! Никто не знал, что астероид — более сложный объект, а не простой булыжник.

— Когда американцы замолчали, уже тогда можно было предположить степень опасности Ирода и подстраховаться.

Я не понимаю, почему такой опытный специалист, как полковник Зайцев, допустил столь грубую ошибку.

— Степень его вины установит комиссия...

— Господа! — негромко, но твердо сказал президент; все замолчали. — Речь идет о судьбе миллионов людей! Что вы советуете делать? Американцы настаивают на запуске ракет для уничтожения Ирода.

Стало совсем тихо.

— До столкновения его с Землей осталось девять дней... — пробормотал министр обороны. — Надо стрелять! Иначе мы упустим возможность сбить астероид с траектории.

— Сколько мы можем еще ждать?

Все посмотрели на Лещенко. Генерал криво усмехнулся:

— Не более двенадцати часов. Взрыв ракет должен произойти не меньше чем в двух миллионах километров от Земли. Только тогда радиоактивное облако газа, пыли и осколков успеет немного рассеяться и по большей части миновать Землю.

Президент перевел взгляд на крест астероида, неспешно скользящий по звездному полю. Помолчал. Потом обронил одну фразу:

— Ждем еще шесть часов...

Глава 11

Шар со светящимися вихриками внутри, вызывающими ощущение недоброго взгляда, вдруг стремительно метнулся к буксиру.

— Прыгайте! — крикнул Денис, пытаясь развернуться и увеличить скорость одновременно.

Но буксир не умел маневрировать на форсаже, как гоночный катер, и успел лишь повернуться к приближающемуся шару боком.

Кэтрин свалилась с сиденья вправо, Денис — влево, включил движок скафандра. Они отлетели на несколько метров от косо уходящего вверх буксира, и в это мгновение аппарат настиг шар. В нем образовалась щель, и буксир очутился внутри шара!

Так лягушка глотает муху! — пришло на ум сравнение.

Шар с «орехом» внутри сделал петлю, всплыл над пытавшимися убраться с его дороги людьми. Снова «посмотрел» на них.

— Но-но, не подавись! — прошептал Денис. — Давай общаться по-мирному!

— Открываем огонь! — скомандовала Кэтрин.

— Не надо! Мы успеем скрыться в тоннеле.

— Он сейчас проглотит нас!

— Спокойно, отходите назад, я вас прикрою...

— Не мешайте, я буду стрелять!

— Наверное, то же самое делали и разведчики... и не вернулись!

— Я заставлю эту тварь отнестись к нам серьезнее! — Кэтрин навела на шар электроразрядник. Однако выстрелить не успела.

Шар вдруг сделал еще один разворот и поплыл через весь огромный шарообразный зал, заполненный таинственным движением.

— Не уйдешь! — опомнилась американка.

— Не стреляйте! — крикнул в ответ Денис, поймав спасительную мысль. — Быстро за ним! Может быть, он приведет нас туда, где находятся остальные!

— О чем вы? — не поняла Кэтрин.

— Давайте проверим мою догадку. наших ребят тоже могли захватить такие шары и поместить в какой-нибудь санитарный бункер. Все равно у нас уже не остается времени на их поиски.

Кэтрин размышляла несколько мгновений, опустила пистолет:

— Рискнем!

Они включили реактивные движки, с трудом догнали уносящийся прочь шар с буксиром внутри.

Шар провалился в тоннель, возникший в казавшейся сплошной стене полости. Космонавты нырнули за ним. Вход за их спинами тут же закрылся, но они не обратили на это внимания.

Полет длился всего одну минуту. Тоннель изогнулся как

живой и вывел шар с преследователями в узкий карман с угрюмо светящимися вишневым накалом стенами.

Здесь уже располагалось полтора десятка других таких же шаров, мирно сбившихся в кучу посреди кармана. Шар с «орехом» присоединился к ним и медленно погасил свечение, стал безжизненным. Он сделал свое дело.

— Бишоп! — воскликнула Кэтрин, тормозя.

— Командир! — в унисон воскликнул Денис.

— Они здесь!

— Наши! И китайский зонд!

В шарах, висящих с краю, виднелись неподвижные фигуры американских астронавтов и российских космонавтов в скафандрах, еще в одном торчал китайский модуль «Хуанхэ». В остальных Денис разглядел какие-то кристаллические золотые глыбы, несколько космических аппаратов явно земного происхождения, дикий агрегат из трех хитроумно соединенных конусов и нечто перисто-крылатое, напоминающее летающую черепаху. По-видимому, астероид захватил эти объекты, путешествуя через Солнечную систему, а может быть, и за ее пределами.

— Бишоп! Ты меня слышишь?! — Кэтрин устремила к шарам с американскими астронавтами. — Гриффит! Отзовись!

Никто ей не ответил. Фигуры в скафандрах, плавающие внутри шаров, никак не отреагировали на вызовы по рации.

Тогда американка достала пистолет.

Денис не успел остановить ее.

Сверкнул неяркий голубой лучик, полоснул по шару с астронавтом.

Шар бесшумно — здесь не было воздуха — лопнул, разбрызгивая прозрачно-желтые куски сферической оболочки. Вспухло и быстро рассеялось облачко светящегося дыма.

— Бишоп!

Фигура в скафандре шевельнулась. Поднялась рука, дернулись ноги.

— Бишоп, черт тебя возьми! Ты меня слышишь?!

— Кэт? — раздался в наушниках рации Дениса хриловатый мужской голос. — Что ты здесь делаешь?! Где мы?!

Американка вместо ответа выстрелила еще раз, вскрывая соседний шар.

Тогда и Денис достал свой лазерный бластер, до этого ни разу не использованный по назначению.

И Зайцев, и Глинич были живы! Правда, в отличие от командира бортинженер произнес вдвое меньше слов, осознав, что произошло, зато полковник говорил гораздо энергичней, перестав материться только тогда, когда узнал о присутствии среди спасителей дамы.

— Прошу прощения, мисс, — буркнул он, выслушав Дениса. — Я погорячился... но поверить в реальность события, как вы сами понимаете, трудно. По моим часам, мы пробывали внутри этого монстра всего двадцать минут... а вы говорите — несколько суток! Рехнуться можно! Объясните, что, собственно...

— Потом объясним, — перебила его американка и обратилась к Денису: — Наверное, время внутри шаров течет еще медленнее, чем в самом астероиде. Однако надо срочно выбираться отсюда! Боюсь, ракеты с ядерными боеголовками уже летят к астероиду!

— Не может быть!

— Может, командир, — сказал Денис. — Время здесь, в самом деле, в полста раз течет медленнее, и, кстати, это вовсе не астероид.

— А что?!

— Разве вы не видели, не догадались?

— О чем?!

— Это ковчег... или корабль-матка, несет внутри споры и зародыши каких-то существ.

— Зачем?!

— Чтобы засеять нашу планету.

— Чушь собачья!

— За мной! — скомандовала Кэтрин Бьюти-Джонс, оценив мыслительные способности командира российского шаттла.

Все устремились за ней, даже Зайцев. Однако тут же вынуждены были остановиться. В щель выхода навстречу им протиснулся знакомый шар с плавающими светящимися вихриками внутри, «посмотрел» на людей.

Кэтрин подняла лазерный пистолет.

— Не стреляйте! — одними губами выговорил Денис.

Внутри шара произошел бесшумный взрыв, всколыхнулись и размазались в пыль плавающие там вихрики.

И тотчас же в головах всех землян всплыл отчетливо слышимый бесплотный и бесполой г о л о с:

— Кто вы?

Космонавты оторопело переглянулись. Но Денис уже представлял, с кем имеет дело, да и реакция у него была побыстрей:

— Мы — земляне! А кто вы?

Новый взрыв внутри шара:

— Земля-не? Что есть земля-не?

— Жители третьей планеты Солнечной системы.

Внутри шара протаяла черная дыра, в ней вспыхнула звездочка — Солнце, вокруг звездочки появились светящиеся пунктирчики орбит и огоньки поменьше — планеты.

— Третья от центральной звезды, — сказал Денис.

Голубой огонек третьей планеты — Земли вспыхнул ярче.

— Третья есть оно?

— Оно, — хмыкнул Денис. — Наш дом. К которому, между прочим, летите вы.

Схематическое изображение Солнечной системы исчезло. Возникла пауза. Шар «размышлял». Потом зашелестел тот же голос:

— Ошибка пути... расчет неверен... зона должна свобода есть...

— К сожалению, эта зона несвободна! — послышался неприязненный голос Кэтрин Бьюти-Джонс. — Если вы не свернете, мы вас уничтожим!

— Трудность понимать...

— Мы запустили ракеты, скоро они долетят сюда и взорвутся!

Пауза.

— Карна невозможность уничтожение...

— Вряд ли ваш корабль выдержит две сотни ядерных взрывов!

Еще пауза.

— Неприятность...

— Еще бы!

— Мы не хотим...

— Выпустите нас и убирайтесь отсюда!

— Кэтрин, они ведь никого из наших коллег не убили, — вполголоса заметил Денис. — Может, обойдемся без угроз?

— У вас на Земле нет родных и близких? Друзей и знакомых?

— Есть...

— Тогда молчите!

— Просто я не привык разговаривать на повышенных тонах, — твердо добавил он. — Иной раз вежливостью можно добиться большего, чем грубостью и угрозами.

— Странно слышать это от...

— От кого?

— От русского!

Денис невольно качнул головой, но сдержался:

— Вы нас плохо знаете.

— Достаточно, чтобы...

— Уточнение возможность? — раздался голос шара.

— Да, — успел ответить Денис раньше американки.

— Вторая планета вашей система свободная зона есть?

— Венера? На ней нет жизни.

— Благодарность...

Шар попятился, исчез.

И тотчас же щель выхода раскрылась шире, неумолимая сила подхватила всех шестерых космонавтов и понесла по разворачивающемуся навстречу тоннелю. Через несколько секунд впереди протаяла дыра с иглами звезд, и шестерку землян вынесло в космос.

Послышались возгласы и ругательства опомнившихся от неожиданности космонавтов.

Денис первым сообразил, что означает уплывающее от них крестообразное тело «не Ноева ковчега».

— Быстрее к кораблям! Астероид разворачивается!

Кэтрин отреагировала на его слова с похвальной быстротой:

— За мной!

Тройка американских астронавтов понеслась было к ис-

кре своего шаттла, но вынуждена была притормозить. Мощности слабеньких скафандровых движков не хватило бы, чтобы догнать «Техас». Зато российская «Ангара» оказалась рядом.

— Летим к нам! — крикнул Денис. — Разместимся все!

Американцы сгрудились возле своего командира, перешли на другую частоту связи.

— Мы идем, — раздался через несколько секунд голос Кэтрин Бьюти-Джонс. А еще через мгновение прилетел — тоже на другой волне — недовольный голос полковника Зайцева:

— Майор, соблюдайте субординацию... советоваться надо... — и чуть тише: — Спасибо за помощь. Кажется, Феликс Эдуардович был прав, не следовало идти в астероид без подготовки.

Денис промолчал. Он был такого же мнения.

На то, чтобы достичь переходного тамбура «Ангары» и перейти в кабину, потребовалось четыре минуты.

За это время Ирод действительно изменил ориентацию в пространстве — это было видно по изменению положения Солнца — и начал разгон. Когда «Ангара» стартовала и отделилась от него, астероид исчез из поля зрения буквально за полчаса. Но это уже были «нормальные» полчаса, а не ползущие как улитка в утробе ковчега.

Земля ответила сразу же (через две минуты — из-за удаленности), как только корабль вышел на связь. Зайцев надел наушники.

— Ирод уходит! — доложил полковник, успевший со слов пилота разобраться, что происходит. — Дайте отбой ядерной атаке!

Он выслушал ответ, и брови полковника полезли на лоб.

— Что случилось? — не выдержала Кэтрин.

— Он... не уходит! Ракеты... запущены!

— То есть как не уходит? Он же повернул?

— Да, повернул... к Венере...

По кабине управления разлилась тишина. Потом раздался скрипучий голос Глинича:

— Поздравляю, господа. Кажется, в Солнечной системе скоро появится прибавление семейства.

Не поняли его только коллеги Кэтрин, плохо знавшие русский язык. Она же поняла все отлично.

— Его собьют...

— Вряд ли, — качнул головой Феликс Эдуардович.

Он оказался прав: ядерные ракеты, запущенные с Земли для перехвата Ирода, прошли мимо. И астероид, отвернув от колыбели человечества, направился ко второй планете системы, к Венере. Пока еще пустой, мертвой...

— Я должна поблагодарить вас, майор, — приблизилась к Денису Кэтрин Бьюти-Джонс. — Вы отличный напарник!

Не стесняясь никого, она поцеловала Дениса и улыбнулась.

Это была чудесная улыбка — мостик в будущее...

А Ирод летел к Венере, неся в своей утробе зародыши новой жизни...

ЗАПАСНЫЙ ВЫХОД

Центр управления РВКН

Главный оперативный зал Центра управления Российскими войсками космического назначения был заполнен деловой суетой, пронизанной тихим шелестом работающих систем, мониторов, пультов, панелей, экранов и негромкими человеческими голосами. Находящимися на рабочих местах операторами этот шум на слух не воспринимался, они давно привыкли к нему, как к стуку сердца в груди. Но редко появлявшимся в зале гостям этот специфический гул казался сродни морскому прибою, что заставляло их напрягать слух и ловить знакомые звуки. Впрочем, вошедшую в зал группу людей атмосфера Центра управления не напрягала и не отвлекала, все они были профессионалами РВКН и свободно ориентировались в пространстве зала.

Трое из них свернули к линиям мониторов контроля и связи, трое подошли к главному ситуационному экрану, за-

нимающему всю стену зала. Экран показывал космос: угольно-черное небо с россыпью звезд, яркий, но не режущий глаз огонек Солнца, цветные огоньки планет, нанизанные на пунктиры орбит, объединенные разноцветными трассами схем взаимодействия.

Гостей встретили двое мужчин: один в мундире генерала, тучный, с огромным брюхом, директор Центра экстремального оперирования, второй в штатском, седой, с длинным носом и узкими губами, начальник Центра слежения за космическим пространством. Прибывшие поздоровались с ними за руку. Седой посмотрел на генерала, тот кивнул.

— Это не комета, товарищ командующий, — проговорил седой.

На экране загорелся еще один огонек. Вокруг него образовалась алая окружность, и тотчас же в углу экрана отделилась часть изображения, внутри которой появилась белая капля с туманно-светящимся хвостиком. Больше всего этот объект напоминал зажженную свечу, а также дымящийся окурочок.

— Ракета? — удивленно проговорил сухошавый мужчина средних лет, которого называли «товарищ командующий».

— Нет, — качнул головой седой.

Размеры «окурка» в растворе экрана скачком выросли. Теперь стало видно, что это цилиндрической формы объект из серо-белого, пористого, с утолщениями и кавернами, материала, один конец которого постепенно терял плотность, превращаясь в дымно-серебристый хвост.

— Похоже на комету...

— И тем не менее этот «окурочек» — мы так его и назвали — не имеет с кометами ничего общего. Его хвост представляет собой сложный композит, теряющий плотность по мере удаления от головной части, но это не газ, хотя сам объект состоит из льда, правда не водяного. Да и направлен хвост не по радиусу от Солнца, а под углом в семьдесят градусов к нему и под углом в двадцать три градуса к траектории движения.

— Тогда что это?

Спутники командующего и хозяева Центра переглянулись.

— Точного ответа мы дать не можем, — пробасил генерал Лещенко. — Возможно, это экзотический оортид, одна из глыб протовещества, из которого сформировались планеты Солнечной системы, но возможно, что в Систему залетел чужой корабль.

Командующий хмыкнул, разглядывая «дымящий окуроч».

— Любопытно.

— Оортидом этот объект быть не может, — проворчал один из спутников командующего, пожилой, морщинистый, одетый в темно-коричневый костюм. — Параметры не те.

— Но и на космический корабль он не слишком похож.

— Диаметр Окурка — около километра, длина — более девяти, я имею в виду плотную часть, плюс хвост — около двух сотен километров.

— Да, это не ракета.

— Куда он движется? — спросил командующий.

— К сожалению, мимо. — Седой поймал красноречивый взгляд командующего, торопливо добавил: — Или скорее к счастью. Он пройдет в десяти миллионах километров от Земли, направляясь к созвездию Орла. Поэтому я предлагаю...

— Доложить президенту.

— Направить к нему наших парней.

Спутники командующего посмотрели на патрона. Один из них, в мундире генерала, что-то прошептал ему на ухо.

— Как давно вы следите за... гм-гм... этим Окурком? — спросил второй сопровождающий, в гражданском костюме.

— Двое суток.

— Американцы знают об этом?

— Думаю, знают, — кивнул Лещенко. — Хотя делиться с нами открытием не спешат.

— Можно подумать, мы спешим поделиться с ними.

— Объект настолько необычен, что мы не имеем права...

— Не стоит оправдываться, Георгий Степанович, — поморщился командующий РВКН. — Все и так понятно. Я доложу президенту о наших открытиях и предложениях. Вы уверены, что наши ребята достанут этот ваш Окуроч?

— Вполне, — осторожно сказал Лещенко.

— Кто именно?

— Группа майора Молодцова.

— Того, кто год назад командовал спас-операцией на астероиде Ирод?

— Так точно.

— Поднимите их по тревоге. Если американцы знают об Окурке и молчат, возможно, они тоже решают, что делать, или уже готовят экспедицию. Неплохо было бы их опередить.

— Подготовка нашего второго «челнока» уже началась.

— Действуйте, Георгий Степанович.

Командующий еще раз всмотрелся в изображение странного космического обломка и направился к выходу из зала.

База РВКН. Плесецк

Вставать не хотелось. Любая поза была приятной, тело нежилось под легким одеялом в расслабленном состоянии, и потребовалось некое усилие, чтобы заставить себя думать о работе.

Еще минуту, и встаю, решил Денис, закрывая глаза и блаженно вытягиваясь в постели во весь рост. И уснул. Однако через две минуты проснулся снова: сработал внутренний сторож организма, отвечающий за реакции хозяина. Пора было вставать и приводить себя в порядок.

— Не хочу! — вслух заявил Денис.

Но тело само сбросило с себя одеяло, ноги опустились на коврик, он встал и поплелся в душ, привычно настраиваясь на активное бодрствование.

Прошел почти год после спасательной экспедиции к астероиду Ирод.

Экипаж американского шаттла, спасенный русскими космонавтами, расформировали, но его командир — капитан Кэтрин Бьюти-Джонс получила новый «челнок» и продолжала трудиться на благо своей родины. Своего спасителя она отблагодарила забавным образом, пригласив к себе на ранчо в Техасе погостить, однако майора Молодцова не отпустили, и на этом его контакты с американкой заглохли.

По сведениям информслужбы РВКН, Кэтрин дважды побывала в космосе, доставляя грузы на МКС и на Луну, и готовилась к длительному полету на Венеру.

Почему именно на Венеру, Денис догадывался.

Ирод, изменивший траекторию после контакта с землянами, направился к Венере и скрылся под ее облачным слоем. Но не вонзился в нее на бешеной скорости, как ожидалось, а притормозил и скорее всего совершил мягкую посадку. А так как груз внутри он нес специфический — зародыши жизни, то интерес к себе вызывал огромный. Естественно, все ведущие державы мира мечтали теперь найти на Венере место его приземления и начать исследования, а то и вступить в контакт с пришельцами, которые решили остановиться в Солнечной системе на «постоянное место жительства».

Денис тоже был бы не прочь слетать на ближайшую соседку Земли, чтобы встретиться с удивительной формой жизни, спящей внутри астероида. Но он был не космонавтом-исследователем, а космическим спасателем и не имел возможности предложить свои услуги Российскому аэрокосмическому агентству.

В крохотной гостиной квартиры — во время двухнедельных дежурств Молодцов жил в общежитии базы — зазвонил интерком.

Денис вылез из-под струи душа и голым пошлепал в гостиную, оставляя на линолеуме лужицы и мокрые следы. Ткнул пальцем в клавишу ответа. Засветился тонкий, как лист бумаги, экран жидкокристаллического монитора, на нем появилось загорелое лицо полковника Зайцева, начальника группы АСС РВКН.

— Майор, срочный сбор! У тебя полчаса на завтрак!

— Что случилось, Андрей Петрович?

Полковник оглядел фигуру подчиненного, но на его лице не отразилось ничего.

— Тебя ждет генерал.

Денис подобрался.

— Спасательный рейд?

— Нет. — Зайцев пожевал губами. — Перехват. Но все подробности позже. Жду.

Экран погас.

Денис почесал затылок, глянул на часы и заторопился.

Через полчаса он входил в кабинет Лешенко, одетый в форму летного состава РВКН.

В кабинете директора Центра экстремального оперирования находились пять человек.

Генерал сидел за столом, остальные стояли: полковник Зайцев, капитан Абдулов, главный технический специалист АСС профессор Черников и полковник Матвейкин, начальник службы безопасности.

Денис поймал взгляд Славы Абдулова, кивнул. Приглашение капитана говорило о многом. Им действительно предстояла какая-то нестандартная экспедиция.

— Проходи, — буркнул Лешенко.

Висящий за его спиной плоский экран ситуационного контроля подернулся сизым дымком и протаял в глубину, показывая схематическое изображение Солнечной системы.

— Коротко о главном, — продолжал Лешенко. — В Системе появился еще один странный объект. Похож на комету. Предстоит догнать его и выяснить, что оно такое.

На схеме за орбитой Марса разгорелся огонек.

— В настоящий момент объект под названием Окуроч движется в направлении на созвездие Орла. Перехватить его можно будет только в одной точке. — Лешенко достал световую указку. — В десяти миллионах километров от Земли. А это значит, что старт вашего «челнока», майор, состоится уже через два часа. Вопросы?

— Разве нам предстоит кого-то спасать?

— Я тебя понимаю, майор, но ты самый опытный перехватчик в отряде, поэтому выбор пал на тебя. Конечно, ты имеешь право отказаться.

— Нет.

— Тогда у меня все. Остальные сведения вам сообщит Георгий Степанович.

Черников кивнул.

— Еще вопросы?

— Состав экипажа?

Лешенко посмотрел на Зайцева, криво улыбнулся:

— Похоже, для ваших парней главная проблема — состав экипажа.

Полковник философски пожал плечами:

— В таких операциях слаженность коллектива имеет частую решающее значение. С вами, Денис Андреевич, пойдут еще трое специалистов: капитан Абдулов, старший лейтенант Шилов и эксперт Глинич, с которым вы уже знакомы.

— С Шиловым я никогда раньше не ходил.

— Это мой человек, — сказал полковник Матвейкин.

— Понятно.

— Он не только профи службы безопасности, — добавил Зайцев, — но и прекрасный специалист, бортинженер и электронщик.

— Глинич тоже хороший специалист...

— Вы возражаете, майор?

— Нет, — стиснул зубы Денис, стараясь не выказывать своих чувств. Присутствие в экипаже еще одного работника спецслужб указывало на озабоченность командования сложившейся ситуацией. Оно явно подстраховывалось, вводя в экипаж еще одного чекиста. Но если Феликс Глинич, астрофизик и спец в области космического материаловедения, показал себя неплохо в прошлом полете к Ироду, несмотря на свой тяжелый характер, то присутствие в отряде нового человека вряд ли способствовало возникновению благоприятной атмосферы на борту корабля.

— Начинайте, Георгий Степанович, — сказал Лещенко. — Времени у нас мало.

Борт спасателя «Выстрый».

10 000 000 километров от Земли

С расстояния в сто километров Окуроч больше походил на космический корабль «Союз», разве что его дымный хвост был намного длиннее, чем выхлопная струя двигателей. И все же глаз невольно искал в этой незатейливой белой тростинке следы технологической обработки или намеки на то, что она действительно является звездолетом при-

шельцев. Однако в экране системы дальновидения, оборудованной телескопом и фотоэлектронным умножителем, «звездолет» превращался в цилиндр с дырчато-холмистой поверхностью, никаких следов обработки — кроме самой цилиндрической формы — он не демонстрировал, поэтому издали сделать какой-либо однозначный вывод о его принадлежности к тому или иному классу объектов не представлялось возможным. Одно было ясно: профессор Черников справедливо сомневался в том, что Окуроч является кометой.

— Идем на сближение, — сказал Денис, понимая чувства экипажа, не отрывающего взглядов от экрана. Ему самому не терпелось подстыковаться к Окурочу и «на ощупь» определить, что это такое.

Экипаж отреагировал благожелательным ворчанием. Даже Глинич, за все время полета не произнесший ни одной фразы длиннее, чем в три слова (типа: я хочу есть), разразился тирадой, из которой явствовало, что «давно пора нанести визит хозяину Окуроча и попросить его не дымить в Солнечной системе». По-видимому, главный эксперт по космическому мусору на борту «Быстрого» всерьез полагал, что пошутил.

Корабль устремился к белой тростинке, с одного конца твердой и четко видимой, с другого — расплывающейся сильным дымком длиной в две сотни километров. Вскоре ее размеры заметно возросли, Окуроч загородил почти всю переднюю полусферу обзора, и Денис включил торможение. Когда расстояние между кораблем и Окурочом достигло всего километра с небольшим, «Быстрый» остановился.

— Черт возьми! — произнес Абдулов, оглядываясь на командира; весь экипаж сидел на местах в скафандрах, «застегнутых на все пуговицы», и лица штурмана Денис видеть сквозь бликующее забрало шлема не мог, но и так было ясно, что штурман изумлен.

Впрочем, остальные были удивлены не меньше.

Корабль повис, уравнив скорость со скоростью мчавшегося через Солнечную систему Окуроча, возле его правого, самого твердого конца, имевшего почти строгую цилиндрическую форму, и теперь стало видно, что с торца этот ци-

линдр имеет впадину. Точнее — нечто вроде входа в тоннель. Окурки и в самом деле смахивали на выброшенную в космос каким-то гигантом папиросу!

— Мать честная! — сказал Алексей Шилов, маленький, кругленький, вечно что-то жующий, но подвижный и быстрый, отличный специалист и вообще веселый парень. — Кто сказал, что это комета? Это же издевательство над здравым смыслом!

— Феликс Эдуардович, что это, по-твоему? — спросил Абдулов.

Глинич не ответил. Он вообще говорил мало и в основном с аппаратурой, находя в ее лице приятного собеседника.

— Подходим ближе, — предупредил Денис, включая маневровые двигатели. — Слава, посмотри внимательнее, мы здесь одни?

— Так ведь темно, ничего не видно, — сострил Шилов.

— Похоже, мы подошли первыми, — отозвался Абдулов. — Ни американцев не видно, ни китайцев, ни прочих желтых и зеленых человечков.

Шилов фыркнул:

— Ралли Париж — Дакар неожиданно выиграл российский истребитель «Су-35»!

Абдулов засмеялся.

— Сообщение на базу, — сказал Денис. — Вышли к объекту, приступаем к изучению.

— Есть, командир!

«Быстрый» облетел бело-сизый, весь покрытый ямами, дырами и наплывами — ни дать ни взять стеариновая свеча — цилиндр Окурка, завис над краем торца. Стало и вовсе очевидно, что это колоссальная труба с толстыми стенами, начинающими терять плотность в девяти километрах от торца и расплывающимися в дымно-сверкающий «кометный» хвост.

— Да, такого я никогда не видел, — заговорил вдруг Глинич.

— Неужели? — притворно удивился Шилов. — А я думал, что ты видишь подобные «окурки» каждый день.

— Что вы имеете в виду, Феликс Эдуардович? — спросил Денис.

— Материал Окурка... посмотри на дисплей анализатора... никакой это не композит...

Денис хмыкнул:

— Газовый конденсат?

— Конгломерат из замерзших водорода и гелия, с вкраплениями лития и бора.

— Апейрон.

— Что?

— Первосубстанция древних греков.

— Вроде того.

— Внимание, радио с базы! — предупредил Абдулов.

В шлемах космонавтов после шелчка выплыл из тихого шелеста голос генерала Лещенко:

— Майор, будьте внимательны. Только что стало известно, что американцы запустили к Окурку свой новый шаттл, причем практически вслед за вами. Так что поторопитесь с исследованиями.

— Вот заразы! — пробормотал Шилов. — Нигде от них покоя нет.

— Берем объект на абордаж, — скомандовал Денис. — Начинаем работать.

«Быстрый» пошел на сближение с Окурком.

Труба

Что произошло, сразу толком никто не понял.

Корабль вдруг настигла какая-то чудовищная сила и понесла к устью трубы. Впечатление было такое, будто заработал пылесос, и поток всасываемого воздуха подхватил «челнок» с космонавтами, как соринку, втягивая его в трубу кормой вперед.

— Полная тяга на оси! — отреагировал Денис, дублируя голосовую команду компьютеру нажатием кнопки включения форсажного режима.

Удар ускорения вжал тела космонавтов в спинки противоперегрузочных кресел.

Движение замедлилось. Но «ветер» был все же сильнее и продолжал толкать корабль в отверстие трубы. Вокруг вы-

росли белесые, покрытые голубовато-сизой изморозью и вкраплениями сверкающих в лучах Солнца кристаллов стенки трубы. Плазменный маршевый двигатель «Быстрого» не справлялся с действующей на корабль силой, его продолжало сносить в глубь трубы, и Денис включил все пять жидкостно-реактивных маневровых двигателей, понимая, что рискует лишить спасательный корабль свободы маневра. Однако другого выхода не было. Надо было во что бы то ни стало выбраться на волю, в открытое пространство.

Корабль остановился, вибрируя всем корпусом. Ему не хватало какой-то малости, чтобы начать двигаться к близкому — всего в полукилometре — устью трубы, но этой малости энергоустановка «Быстрого» выжать из себя как раз и не могла.

Кончилось топливо в маневровых баках.

Корабль начал падать в глубь трубы.

И тогда Денис принял решение.

— Садимся! Слава — готовь гарпуны! Леха — аварийные комплекты! Феликс Эдуардович — дублирующие системы!

— Есть! — дружно рывкнул экипаж.

Приблизилась округлая, в наплывах и вмятинах, внутренняя поверхность трубы. Корабль выстрелил два гарпуна. Оба вонзились в бело-синеватые бугры. Вспухли и рассеялись облачка газа.

— Еще!

Абдулов навел кормовые гарпуны, предназначенные для аварийных ситуаций, выстрелил. Завизжали, разматываясь, тарконовые тросы, остающиеся и в вакууме упругими и гибкими.

Корабль ощутимо уперся в пространство, его понесло боком к волнистой впадине со множеством рытвин.

— Берегись!

Серия ударов, скрежет, затихающий свист. Погасли экраны обзора, мигнули и погасли светильники кабины, загорелись аварийные лампы. Последовало еще несколько толчков, и наступила тишина и неподвижность.

— Поздравляю, приокурились, — мрачно сплюнул Шолов.

Загорелись экраны обзора.

Перед глазами космонавтов развернулась панорама внутреннего пространства трубы и близкий черный круг с россыпью звезд — выход в космос.

— Интересно, как мы выберемся обратно? — поинтересовался Абдулов индифферентным тоном.

— Ползком, — тем же тоном ответил Шилов.

— Отставить разговоры! — бросил Денис. — Контроль функционирования, диагностика повреждений, оценка живучести. Феликс Эдуардович, можете объяснить, что произошло? Почему нас засосало в трубу Окурка?

— Не могу, — буркнул планетолог экспедиции. — Мало данных.

— Чем быстрее мы разберемся в причинах явления, тем быстрее выберемся отсюда. Слава, радио на базу...

10 000 000 километров от Земли.

Неожиданное

«Ветер», подхвативший корабль и занесший его в трубу Окурка, все еще продолжал дуть, хотя, по словам Глинича, никакой это был не ветер — какой уж тут ветер, в пустоте? — а некое силовое поле, которое Феликс Эдуардович называл «градиентом давления поляризованного определенным образом вакуума». Что планетолог имел в виду, вряд ли понимал и он сам.

Правда, сила, сносившая корабль в глубины трубы, у поверхности ее внутренней стенки действовала слабее, что позволило экипажу «Быстрого» выйти наружу и провести визуальный осмотр корпуса и кое-какой мелкий ремонт. Им удалось восстановить работу антенн систем связи и сменить панели плазменных накопителей, хотя установить связь с базой на Земле не удалось. То ли был поврежден передатчик, то ли стенки трубы не пропускали радиоволн в очень широком диапазоне электромагнитного спектра.

Прошли сутки. Экипаж выдохся в попытках оживить систему связи и впал в уныние. Единственным человеком на борту корабля, который был занят по горло работой, оказался Глинич, задействовавший всю имевшуюся в его рас-

поряжении научную аппаратуру и трижды вылезавший из корабля наружу для взятия проб «грунта».

На вторые сутки Денис решил провести совещание, чтобы определить дальнейшую стратегию поведения экипажа, попавшего в ситуацию, когда его самого надо было спасать.

— Своими силами нам отсюда не выбраться, — начал майор, оглядев невеселые лица подчиненных. — У кого какие соображения?

— Если бы наш «Быстрый» имел гусеницы, как у тягача, — проговорил Шилов робко, — мы бы вылезли.

— Вряд ли, — возразил Глинич. — Слишком скользко, а «ветер» продолжает дуть. Дернемся — нас унесет в трубу.

— Авось не унесет. Мы же выходили — и ничего. К сожалению, у нас нет гусениц и...

— Еще варианты? — перебил старлея Денис.

— Надо выбраться на край трубы Окурка и попытаться установить связь с базой, — предложил Абдулов; в полете он по обыкновению не брился и теперь был похож на молодого монаха.

— Скафандровый передатчик слишком слаб, — проворчал Глинич. — Нас не услышат.

— Можно попробовать протянуть антенну от главного передатчика к выходу из трубы.

— На восемьсот метров? Где ты найдешь такой кабель?

— Тогда давайте помигаем прожектором, — загорелся Шилов. — За Окурком сейчас следят в три глаза, нас наверняка заметят.

— Где вы возьмете прожектор?

— Что ты нам все обрезаешь? — возмутился старший лейтенант. — Сам предложи чего-нибудь дельное.

— Предлагаю провести разведку в глубь трубы, — буркнул Глинич. — Может быть, там тоже есть выход. Отцепимся, проскочим трубу и вылетим через другой конец в космос.

В кабине управления стало тихо. Все посмотрели на командира.

Денис хмыкнул:

— Идея неплохая.

— Какая?

— Обе. Надо попробовать дать световой сигнал SOS на

базу. И, наверное, действительно стоит разведать, что нас ждет в другом конце трубы. Начнем со связи.

— Я пойду, — вызвался Шилов.

— Идти надо как минимум двоим, для подстраховки.

— Тогда и мне придется, — пожал плечами Абдулов. — У нас в спецгрузе есть мощные фонари, возьмем пару и помигаем в унисон азбукой Морзе: спасите наши души.

Денис в задумчивости оттянул губу, прикидывая возможные варианты развития событий, кивнул через минуту:

— Хорошо, собирайтесь. Пойдем втроем: я подежурю снаружи, во избежание непредвиденных осложнений. Берем фонари, тарконовую бечеву, кошки, ледорубы и липучки.

— Ледорубы лучше не брать, — проворчал Глинич. — В невесомости они бесполезны, а в наших условиях опасны. От каждого удара вас будет относить от стены, можно сорваться.

— Возьмем вместо них малый гарпун.

Космонавты начали готовиться к выходу в космос.

Через час все трое открыли тамбур и выплыли в открытое пространство, подсоединив страховочные фалы к специальным скобам на корпусе корабля.

«Ветер», засосавший корабль внутрь трубы Окурка, продолжал «дуть» в том же направлении, пульсируя в такт каким-то перепадам давления в глубине трубы. У самой поверхности он почти не ощущался, но стоило подняться над слоем замерзших газов на один-два метра, как давление на скафандры резко усиливалось и риск быть подхваченным «воздушным» потоком увеличивался. Пришлось по большей части передвигаться ползком, не отрывая тела от сизобело-голубой, в потеках и рытвинах, местами прозрачной стенки трубы.

Корабль возвышался над буграми поверхности на восемь метров, поэтому «ветер» давил на него сильнее, и держался он исключительно на тросах, принайтовленных к гарпунам, вибрирующим от напряжения. Сколько могли выдержать тросы и гарпуны, вонзившиеся в лед стенки, было неизвестно.

Распаковали контейнер.

Перецепили карабинчики тросов со скоб на корпусе корабля на гарпуны.

Абдулов и Шилов укрепили в спецзажимах скафандров фонари, запасные батареи, комплекты липучек и острые крюки, медленно двинулись «вверх», к достаточно близкому выходу из трубы. Денис остался у кормы «Быстрого», приготовив на всякий случай запасную бухту бечевы, и стал ждать, изредка переговариваясь с оставшимся в кабине Глиничем и ползущими, как мухи по потолку, товарищами.

Прошел час.

Космонавты преодолели восемьсот метров, отделявшие корабль от торца трубы, перевалили за ее край. Их голоса стихли.

Денис вздохнул с облегчением, расслабился:

— Что там у вас?

Никто не ответил. Стенки Окурка экранировали радиоволны, и связь с десантниками прекратилась.

— Надо было предупредить... — начал Глинич и не договорил.

Беззвучный удар потряс вдруг стенку трубы!

Окурочок содрогнулся.

Корабль подбросило вверх!

Один за другим лопнули удерживающие его тросы. «Быстрый» дернулся, ударился носом о стену, его развернуло и потащило к оси трубы.

— Феликс Эдуардович! — крикнул Денис, подтягивая себя к ледяному вздутию: его тоже отбросило от поверхности трубы, но страховочный фал, прикрепленный к кормовому гарпуну, выдержал рывок. — Что случилось?!

— Откуда мне знать? — прилетел сдавленный голос Глинича. — Похоже, что-то врезалось в Окурочек. Может быть, астероид.

В наушниках рации раздались крики, ругань. В черном звездном окне торца трубы появились летящие «вниз» блестящие фигурки.

— Тихо! — рявкнул Денис. — Без паники! Что произошло?!

— Нас обстреляли! — завопил Шилов. — Сволочи!

— Кто?! — изумился майор, не веря ушам.

— Мы толком не разглядели. Возле Окурка висит чей-то шаттл...

— Американцы?!

— Не похоже, — заговорил Абдулов. — Скорее всего китайцы, судя по форме «челнока».

— Они что, совсем охренели?! Как они здесь оказались?

— Об этом ты у них спроси. Что нам делать?

— Включайте движки, догоняйте спасатель! Феликс Эдуардович, что там у тебя?

— Сейчас, снимаю блокировки, запускаю маршевый...

Из сопел «Быстрого» выткнулись струи газа, вспыхнуло неяркое пламя. Корабль кувыркнулся еще раз, однако Глинич вместе с компьютером корабля все же справились с управлением и не допустили катастрофы. Спасатель выровнялся, развернулся носом к выходу из трубы, включил полную тягу.

Капитан и старлей пролетели мимо Дениса, нанизанные на струйки газа систем маневрирования скафандров, с трудом изменили траекторию полета, нагоняя корабль. Обоим удалось вцепиться в скобы над треугольными крыльями «челнока», сползти по ним к люку. Тогда и Денис отцепил свой фал, оттолкнулся от скользкого ледяного бугра и прыгнул в глубину трубы, к кораблю.

Окно в Иномерье

Никто не знал, почему китайский «челнок», внезапно подкравшийся к Окурку, открыл огонь по космонавтам. Возможно, китайцы приняли их за хозяев странного объекта и перетрусили, но, возможно, они просто решили устранить конкурентов и объявить Окурок собственностью Китая.

Спасателям же в кабине «Быстрого», сумевшим забраться в корабль через оставшийся открытым люк, было не до размышлений о причинах конфликта. Они снова решали проблему спасения собственного корабля и своих жизней.

Главный двигатель корабля не справлялся с несущей его в глубь трубы силой. Несмотря на максимально допустимый

режим, тяги двигателя не хватало на торможение, и корабль продолжал неумолимо проваливаться «вниз», как затонувший парусник в пучину моря.

Денис попытался подвести «челнок» поближе к поверхности трубы, где сила воздействия на него была значительно меньше. Но тангенциальные рыскания корпуса «челнока» свели на нет все усилия пилота. Стукнувшись пару раз кормой о гладкие бугры внутренней стенки трубы, «Быстрый» потерял стабилизаторы, закрутился штопором, и экипажу с большим трудом удалось уравновесить его и развернуть кормой к засасывающей бездне.

Между тем корабль углубился в трубу уже на пять с лишним километров, и до конца ее плотной части осталось не более четырех километров. Дальше должен был начинаться хвост Окурка, состоящий из утратившего плотность материала, превращавшегося в постепенно редющую газовую струю. Чем грозило кораблю столкновение с этой странной субстанцией, можно было только гадать. Причин же силы, затягивающей «челнок» в трубу, не знал никто, в том числе и Глинич, единственный на борту специалист по метеоритам и космическим телам естественного происхождения. Область его компетенции не распространялась на объекты, подобные Окурку, так как теперь было понятно, что он скорее всего искусственное сооружение.

Пролетели еще один километр.

Стенки трубы стали сближаться, уменьшая ее внутренний диаметр. Гладкие вздутия и бугры на внутренней поверхности трубы обзавелись острыми гребнями и ложбинами наподобие русел рек и ручьев.

Скорость падения начала возрастать.

— Что будем делать, командир? — не выдержал Шилов. — Может, катапультируемся, пока не поздно?

— Чтобы разбиться об эти ребра? — кивнул на ледяные торосы Абдулов.

— Нас же засосет! Мы все равно разобьемся!

— Не психуй!

— Я не психую. Но что-то же надо предпринимать!

Денис вдруг в свете прожектора заметил нечто вроде гигантского рва, заканчивающегося фестончатым карнизом.

Медлить было нельзя, и он повел корабль ближе к стенке трубы, рискуя разбиться о торосы.

— Держитесь! Аварийная посадка!

«Быстрый» ударился о дно ложбины и заскользил по ней кормой вперед, ломая корпусом попадавшие на пути ледяные иглы, грибообразные наросты и сталактиты.

— Взорвемся к чертовой матери! — крикнул Шилов.

Денис облился холодным потом. Его пальцы забегали по клавишам ручного управления вектором тяги, словно он играл на пианоле.

Корабль вжался в поверхность рва плотнее, стал останавливаться, вздрагивая от ударов о препятствия.

— Слава, гарпун!

Абдулов, целившийся из последнего страховочного гарпунометателя, выстрелил.

Удар, рывок, грохот, треск лопающихся перегородок!

Корабль встал на дыбы, но трос не дал ему перевернуться, бросил на дно рва, лопнул от рывка. А затем «Быстрый» ударился соплами о карниз, корма смялась в гармошку, и корабль остановился.

Последним движением пальцев Денис отключил двигатель и потерял сознание...

В себя все пришли довольно быстро.

Кабина была разгерметизирована, воздух из нее вышел, но космонавты находились в скафандрах и не задохнулись. От удара же их спасли сработавшие системы защиты кресел, аналогичные воздушным подушкам в автомобилях.

— Все живы? — осведомился Денис, чувствуя во рту привкус крови.

В мигающем красном свете аварийного светильника стали видны летающие по кабине обломки приборов и технических конструкций. Зашевелился Шилов:

— Где я?

— Все там же, — отозвался невнятно Абдулов.

— Ничего не вижу...

— Сбрось подушку.

Из-под кресел вынеслись струи изморози — космонавты освобождались от оболочек противоударных систем.

— Ни фиги себе! — пробормотал Шилов, озираясь. — Крошево! Ни одного целого прибора!

— Похоже, приплыли, — угрюмо добавил Абдулов. — Отсюда мы уже не взлетим.

— Отставить панические вопли! — сказал Денис, пытаясь говорить уверенным голосом. — Мы пока живы, а это главное. Что произошло, когда вы увидели чужой «челнок»?

— Мы ничего не успели сообразить. Что-то сверкнуло, рядом с нами рвануло, и нас отбросило назад к трубе. Уже потом мы сообразили, что это был взрыв ракеты. Нас обстреляли из зенитно-ракетного комплекса!

— Никто вас не запрашивал по радио? Сразу обстреляли?

— Абсолютно!

— Ничего не понимаю!

— Мы тоже. — Шилов выругался. — Узнаю, кто это сделал, китайцы ли, исламисты, американцы, — башки откручу!

— Сначала выберись отсюда.

— Феликс Эдуардович, что молчишь?

— Дышу, — с кряхтением отозвался Глинич.

— Ну и отлично! Начинаем осматриваться и анализировать положение. Потом посоветуемся и решим, что делать дальше. Вопросы?

Вопросов не последовало. Даже оптимистично относящийся ко всем жизненным неурядицам старлей Шилов не смог заставить себя пошутить. Ситуация складывалась далеко не оптимистичная, и он это понимал.

На контроль состояния бортовых систем спасателя ушло чуть больше часа. Вывод был неутешителен: «Быстрый» уже не мог стартовать, потеряв почти всю свою электронику, а главное — он истратил почти все топливо. Его энергоресурса могло хватить максимум на пять суток при экономном расходовании энергии.

— Воду мы тоже потеряли, — добавил Абдулов. — Бак пробит, часть воды вылилась, остальное замерзло. Запасов еды хватит на месяц, но это нас не спасает.

— Какие будут предложения? — поинтересовался Денис.

— Придется ползти к открытому концу трубы, — криво усмехнулся Шилов, — и сдаваться китайцам в плен.

— Перспектива не из приятных. А если они снова начнут стрельбу?

— У тебя есть другой вариант?

— Почему бы нам не проверить, куда ведет другой конец трубы? — подал голос Феликс Эдуардович. — Ее твердая часть заканчивается всего в километре от нас. Вдруг повезет и мы вылезем в космос с другой стороны?

Стало тихо.

Потом раздался смешок Шилова:

— Безумству храбрых поем мы песню... А вы, однако, господин военный эксперт, рискованный парень.

Глинич промолчал.

— Хорошо, пойдем вниз, — подвел итоги совещания Денис. — Если не удастся пройти там, вернемся и поползем вверх. Берем только самое необходимое: НЗ, кислород, липучки, фонари.

— А оружие?

— Мы не воевать сюда прилетели.

— Но китайцы могут снова...

— Не стоит отвечать тем же, мы не китайцы. Возьмем еще пару ракетниц на всякий случай, выпустим несколько красных ракет, наши на базе поймут, в чем дело.

— Вряд ли они успеют снять нас с Окурка за пять дней.

— Будем надеяться на лучшее. Собираемся и выходим.

Космонавты принялись за экипировку и вскоре собрались у тамбура, увешанные спецконтейнерами, превращавшими их в диких иноземных существ. Выбрались через люк наружу и один за другим, связанные страховочными фалами, поползли на гребень рва, внутри которого лежал разбитый, изуродованный шрамами и пробоинами космический спасатель «Быстрый».

Сила, затянувшая корабль в трубу Окурка, продолжала действовать и здесь, поэтому решили не поднимать головы лишний раз, чтобы не подвергаться опасности быть подхваченными и унесенными «ветром». Остановились на несколько секунд, посмотрели сверху на брошенный корабль, выглядевший сиротливо и печально.

— Прощай, дружище... — пробормотал Абдулов.

Чем дальше в глубь трубы продвигались космонавты,

тем уже становилась труба. Через час она сузилась до сантиметрового диаметра, а потом и того меньше, превратилась в ледяной тоннель с изрезанными трещинами стенами. Мало того, твердая до этого момента поверхность льда начала терять плотность, превратилась в подобие желе, вздрагивающее от каждого прикосновения. Впереди же, как ни всматривались космонавты в надежде разглядеть черную бездну космоса, по-прежнему была видна сплошная белизна, испещренная синеватыми и бирюзовыми прожилками трещин.

— Ох, чует мое сердце, вляпаемся мы в какое-нибудь болото, — пропыхтел Шилов.

— Я бы тоже повернул назад, — признался Абдулов. — Чуете? Мы ползем по киселю — все трясется под руками.

— Кто еще за возвращение?

— Я против, — отозвался Глинич. — Столько ползли, мучились, и вдруг — назад? Давайте еще чуть-чуть продвигнемся, хотя бы на полкилометра.

— Что ты собираешься там обнаружить?

— Сам не знаю. Но Окурок — не просто кусок водородно-гелиевого льда, его создали искусственно для каких-то целей.

— Почему ты так решил?

— Потому что гелий практически невозможно заморозить до кристаллически твердого состояния, он при любых температурах остается жидким и сверхтекучим. Окурок же, как видите, состоит из льда.

— Почему же ты раньше об этом не сказал?

— Вы не спрашивали. Возможно, все дело в составе и количестве примесей, но, может быть, причина в том, что внутри Окурка вакуум поляризован, находится в другом фазовом состоянии.

— Ну и фрукт же ты, Феликс Эдуардович!

— Отставить препирательства! — остановил разошедшегося Шилова Денис. — Идем дальше. Если через полкилометра ничего не изменится — вернемся. Что ты там говорил насчет поляризации вакуума, Феликс Эдуардович?

Глинич помолчал, затем проговорил нехотя:

— Я еще не уверен... но впечатление такое, будто внутри трубы Окурка действуют другие физические законы.

— Какие?

— Градиент давления среды имеет ярко выраженный векторный характер... квантовые флуктуации вакуума имеют амплитуду на порядок выше, чем в обычной пустоте... волновой фон повышен...

— Ладно, потом разберемся, поплыли дальше.

Космонавты устремились вперед, вжимаясь телами в ставший податливым материал стенки трубы.

Впереди появилось кольцо, еще больше сужающее ледяной тоннель.

«Ветер», подгонявший экипаж потерпевшего кораблекрушение «Быстрого», усилился.

— К черту! — решил Денис. — Возвращаемся! Незачем рисковать...

Внезапно рука Глинича, ползущего последним, попала в пустоту, он приподнялся, собираясь податься в сторону, и тотчас же порыв «ветра» бросил его вверх и вперед.

— Держитесь! — запоздало рывкнул Денис. — Цепляйтесь кто за что может!

Скафандр Глинича пролетел над вжавшимися в «желеобразный лед» космонавтами. Последовал сильный рывок, и Шилов, связанный с Феликсом Эдуардовичем тарконовым фалом, не удержался, с криком взлетел над поверхностью тоннеля.

— Мать твою!..

Еще рывок, и теперь уже не удержался Абдулов, хотя какие-то мгновения сопротивлялся, раскорячившись, как лягушка, отчаянно вдавливая локти и колени с липучками в колеблющийся слой «желе». Однако липучки не выдержали, и капитан заскользил по сизо-белым торосам, выдав порцию мага.

Денис приготовился к рывку, по самую рукоять загоняя нож в ближайшую трещину. Вот когда пригодился бы ледоруб, мелькнула мысль.

Подчиненных пронесло над ним.

Удар, рывок!

Липучки отклеились. Руку пронзила боль. Но Денис не разжал пальцы, удерживаясь на месте за рукоять ножа.

— Работайте ножами!

Еще рывок!

Нож прорезал желеобразную стенку трещины, и вся связка барахтавшихся людей покатила по льду к сужению тоннеля.

— Ножи! — прохрипел Денис, распластавшись по скользкой поверхности. — Вбивайте ножи в пол!

Все замахали ножами, проделывая в подрагивающем материале «пола» шрамы и разрезы. Наконец усилия всех четверых сложились в дружное действие, и, ударившись о невысокий — полуметровый — кольцевой уступ, космонавты остановили скольжение.

— Уф! — выдохнул Шилов. — Зацепились! Ползем назад!

— У меня нет сил! — проговорил, задыхаясь, Абдулов.

— Отдыхайте, — сказал Денис, не поднимая головы. — Это я виноват. Не надо было разрешать этот эксперимент.

— Феликс Эдуардович виноват, его идея.

— Смотрите! — сдавленным голосом произнес Глинич.

Денис приподнял голову, напрягая мышцы рук, чтобы не сорваться с места.

— Что ты там увидел?

Эксперт, приподнявшись над уступом, смотрел в горло тоннеля, точнее, в окно, которым заканчивалась труба Окурка. Денис осторожно высунул голову и стиснул зубы, перекусывая изумленный возглас.

Подняли головы и Шилов с Абдуловым.

— Мать честная! — прошептал старлей.

Впереди простиралась... бездна!

То, что они принимали за продолжение тоннеля, за «газовый хвост кометы», изнутри представляло собой бездну пространства! Только не черную, а сияющую перламутром, усеянную мириадами искр! Возможно, это были звезды, образующие «небо», сплошную сферу вокруг окна, возможно, такова была структура этого пространства, но ощущение б е з д н ы не проходило, и у наблюдателей начала кружиться голова.

— Что это?! — просипел Шилов.

— Выход, — пробормотал Глинич.

— Какой выход?!

— Откуда мне знать? Запасный... или аварийный...

— Что ты мелешь, Феликс?

— Ну-ка, ну-ка, — хмыкнул Абдулов. — Продолжай, Феликс Эдуардович. О каком выходе речь?

— Это мои фантазии...

— Выкладывай, — поддержал штурмана Денис.

— Издеваться не будете?

— Клянемся!

— Окурочек не комета — искусственный объект, случайно залетевший в нашу Систему. Его создали не люди, и очень давно, на заре рождения Вселенной.

— Зачем?

— Ну, не знаю... может быть, для связи с другими Вселенными... надо думать... но факт налицо: перед нами выход в иной мир.

— М-да! — с чувством произнес Шилов. — Полная ши-за! По мне, лучше бы это был выход к базе.

— Интересная гипотеза, — искренне сказал Денис. — Запасный выход... вот только как он здесь оказался?

— Вопрос не ко мне.

— А вообще тебе не кажется, Феликс Эдуардович, что нам везет? Год назад мы наткнулись на один экзотический объект — Ирод, теперь на Окурочек...

— Везет.

— Господа, все это хорошо, — проговорил Шилов, — ваши восторги впечатляют, но не пора ли подумать о возвращении? Или вы собираетесь прыгнуть в эту дыру?

— Почему бы и нет? — философски отозвался Глинич.

— А я умом еще не тронулся, — фыркнул старлей. — Я домой хочу, к жене и детям, их у меня трое.

— Будем возвращаться, — тихо сказал Денис, добавив про себя: «Если хватит сил».

В наушниках вдруг раздался чей-то голос. Женский. Уверенный и насмешливо-сердитый. Говорили по-английски:

— Джентльмены, как долго вы собираетесь там сидеть, на дне?

Космонавты вздрогнули. Денис оглянулся.

В невероятной дали, там, где виднелась черная точка — выход из трубы Окурка в «нормальный» космос, замигал огонек.

— Кэтрин, вы?!

— Совершенно верно, майор Молодцоув. Кажется, теперь моя очередь вас вытаскивать. Не возражаете?

— Нет!

— Как вас угораздило?

— А как вы догадались, что мы в за... э-э... в яме?

— Вы стартовали чуть раньше, а поскольку, кроме китайского «челнока», возле Смока никого не видно, мы поняли, что вы нырнули внутрь. Ну и подстраховались.

— Так это не вы обстреляли моих парней?

— Что?! Вас обстреляли?!

— Значит, это все-таки сделали китайцы...

— Вас обстреляли китайцы?

— Похоже, они.

— Вот почему они так странно повели себя... Заявили, что Смок...

— Мы назвали эту штуковину Окурком.

— Оригинально, но не суть важно. В общем, они заявили, что Смок принадлежит им. Пришлось напомнить китайским коллегам Хартию космического сотрудничества: внутри Солнечной системы действует Устав ООН, ну и так далее. Они попытались нам помешать, но не смогли.

— Все это прекрасно, — не выдержал Абдулов, — однако нас вот-вот засосет в дыру. Как вы собираетесь вытаскивать нас отсюда?

— Держитесь, господа, что-нибудь придумаем.

Денис вспомнил улыбающееся красивое лицо Кэтрин Бьюти-Джонс, капитана американского шаттла, и подумал, во-первых, что долг платежом красен, а во-вторых, теперь его очередь приглашать спасительницу к себе в гости. Естественно, после того как они вылезут из трубы «запасного выхода», созданного неизвестно кем, неизвестно для каких целей и ведущего в иные Вселенные.

Но как принято говорить в таких случаях: это уже другая история.

ДЕСАНТ НА ПЛУТОН

1

Первыми заметили изменения блеска Плутона, самой дальней планеты Солнечной системы, чилийские астрономы из обсерватории Мелипаль в Паранале. Впрочем, к этому моменту двойная планета Плутон-Харон уже не считалась самой дальней, за ее орбитой были открыты и другие космические объекты, претендовавшие на звание планет: Квурорар, круглый кусок льда диаметром в тысячу триста километров, Томбо, также ледяная планетка диаметром чуть больше тысячи километров, и два десятка крупных астероидов из пояса Койпера диаметром от девятисот до тысячи километров. Астрономы утверждали, что со вводом в эксплуатацию новых телескопов они откроют еще не одно космическое тело за орбитой Плутона, и, вполне возможно, их заявления не были голословными. Пояс Койпера действительно таил в себе неизведанные запасы «строительного материала», из которого около четырех с половиной миллиардов лет назад создавалась Солнечная система. Однако речь в данном случае идет о Плуtone, долгое время считавшемся спутником Урана, который оторвался от него в результате какого-то катаклизма и стал самостоятельной планетой.

Плутон был известен еще древним шумерам пять тысяч лет назад. Однако для современников открыл его в тысяча девятьсот тридцатом году американский астроном Клайд Томбо. Спутник же Плутона Харон и вовсе был открыт лишь в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году астрономом Дж. Кристи, и стало ясно, что эту пару и в самом деле можно назвать двойной планетой. Во-первых, потому что Харон вращается вокруг Плутона, синхронно с вращением самого патрона, всего в двадцати тысячах километров от него. Во-вторых, потому что его диаметр всего вдвое меньше диаметра Плутона¹.

Благодаря длительным наблюдениям за планетой в начале двадцать первого века астрономам удалось установить

¹Диаметр Плутона равен 2245 км, Харона — 1130 км.

многие характеристики пары, в том числе состав пород, газовый состав атмосферы, альbedo и другие. Оказалось, что Плутон не похож на свой спутник, так как плотность его вдвое больше, а отражательная способность меньше. По сути Харон являлся куском водяного льда, в то время как Плутон имел каменное ядро и был покрыт не только толстым слоем льда, но и замерзшими газами и обломочным материалом — свалившимися на него за миллиарды лет осколками астероидов, метеоритов и ядер комет, а также кое-где слоем пыли, образующим своеобразные темные «моря».

И вот альbedo Плутона изменилось, планета стала менее контрастной и более светлой. Впечатление было такое, будто замерзшие на его поверхности газы вдруг испарились и одели Плутон (и Харон тоже) хорошо отражающим свет слоем тумана.

После того как сообщение об открытии распространилось в научном мире, в область пространства в направлении на созвездие Козерога, — именно там в это время находилась двойная планета относительно Земли, — были направлены телескопы большинства обсерваторий мира, в том числе такие крупные, как Субару в Японии, Хобби-Эберли и Кек-1 в США, Анту, Кьюен и Йепун в Чили, LZT в Канаде и БТА в России, в Симеизе. И уже через два дня наблюдений стало ясно, что у Плутона действительно появилась достаточно плотная атмосфера.

2

Они поссорились.

Денис даже не понял причины.

Ну, допустим, в беседе с друзьями — сидели вечером в его московской квартире на Воробьевых горах, пили вино, шутили — он позволил себе нелестно отозваться об американцах, великое ли дело? Беседа была не из разряда политических, тем более что все были навеселе после удачной спасательной операции: команда Славы Абдулова, ставшего командиром космического спасателя «Амур», вытащила экипаж корейского «челнока» «Ким Чен Ир» прямо из вне-

запно взорвавшегося ядра кометы Синити-Хоси. И тем не менее Кэтрин обиделась, резко заявила, что русские не лучше, что они до сих пор испытывают имперские амбиции, хотя сами не могут обойтись без помощи других стран, и хлопнула дверью. То есть ушла.

Денис думал, что это временное явление, так как ссоры с женой происходили и раньше — оба претендовали в семье на роль лидера, — но заканчивались мирно. Однако наутро он обнаружил, что Кэтрин уехала совсем. К себе домой, в Америку, в город Окленд, штат Калифорния, где у нее была своя квартира. Так началось утро пятнадцатого сентября для Дениса Молодцова, подполковника Российских войск космического назначения, начальника группы риска и заместителя начальника национального Центра экстремального оперирования в космосе (ЦЭОК), мастер-пилота, командира двадцати с лишним спасательных экспедиций.

Прошел год как он женился на Кэтрин Бьюти-Джонс, капитан-командоре Военно-космических сил США, командире шаттла «Техас», которую он спас во время рейда к астероиду Ирод и которая спасла его во время экспедиции к объекту Окурок. Двух встреч в экстремальных условиях оказалось достаточно, чтобы у молодых людей возникла симпатия друг к другу, а потом вспыхнула и любовь. На третьей встрече — Кэтрин пригласила его к себе в Окленд — Денис понял, что жить без нее не может. На четвертой — теперь майор пригласил ее в Россию, сначала в Москву, потом в деревню под Смоленском, где жили родители, — он сделал ей предложение. Через месяц они поженились.

Свадьбу играли дважды: по-русски — в России, по-американски — в Соединенных Штатах. Впрочем, и там и там свадьба была достаточно скромной, так как оба служили в космических войсках своих стран, оба подписывали обязательства хранить государственные тайны и оба имели друзей-военных, которых не слишком охотно отпускали со службы, а тем более за границу.

Год пролетел незаметно.

Денису — рост средний, метр восемьдесят, лицо худое, с упрямым подбородком, курносый нос, светло-серые глаза, шапка русых волос, делающая его похожим на поэта Сергея

Есенина, — исполнилось тридцать лет. Кэтрин — высокая, гибкая, красивая, черные брови дугой, пунцовые губы, темно-серые глаза, волосы до плеч — отстала от него на год, ей было двадцать девять.

Он получил звание подполковника и стал начальником группы риска российского ЦЭОК, а также заместителем начальника Центра, она продолжала летать на шаттлах, в том числе совершила месячную экспедицию на Венеру, на поверхность которой упал астероид Ирода.

Как оказалось, крестообразный объект, начиненный спорами чужой жизни, не разбился, доказав, что это не простой космический булыжник, и в горячей плотной атмосфере Венеры стали проявляться странные эффекты, говорящие о том, что зародыши Ирода ожили. Чем это могло закончиться, догадывались многие ученые, но точно не знал никто.

Другой необычный объект под названием Окурок, вторгшийся в Солнечную систему на полгода позже Ирода, — гигантская труба с выходом в «иное пространство», — также остался здесь, но пристроился он не к Венере, а к Меркурию, точнее, занял позицию между ним и Солнцем, направив один из концов трубы на светило. Подлететь к нему пилотируемым земным кораблям не удавалось, лишь автоматические зонды с трудом преодолевали огненное дыхание Солнца, но и они долго работать так близко от него не могли. Поэтому Окурок оставался пока осколком «терра инкогнита», давая обильную пищу ученым, журналистам и обывателям, часто обсуждавшим загадки природы на разного рода телешоу, которые поддерживали интерес к проблеме.

Год молодые прожили, как говорится, душа в душу. Не без трений и мелких обид, но с огромной радостью. Ничто не предвещало конфликтов и долговременных ссор, хотя опять же стоит подчеркнуть, что оба были лидерами и постоянно искали компромиссные решения. И находили. До последней минуты. А потом Кэтрин тихо собрала вещи и улетела к себе, оставив записку всего с двумя словами: «Не ищи». Что означало: она весьма сильно рассердилась на последние неосторожные заявления супруга, захмелевшего от бокала шампанского.

Впрочем, эту причину вообразил себе он сам, после долгих размышлений о смысле жизни, потому как, на его взгляд, других причин просто не существовало.

Последнюю неделю — начало июня — он находился в отпуске, собираясь показать жене прекраснейшие уголки России. Но она улетела, и план сорвался. Мучаясь от нерешимости вопроса: с одной стороны, хотелось немедленно мчаться в Окленд и помириться, с другой — гордость нашептывала: какого дьявола, пусть сама мирится, ты ни в чем не виноват! — Денис провел два дня в полном расстройстве чувств. На третий решил все-таки позвонить теще и выяснить, где ее дочь, но в это время в квартире раздался телефонный звонок.

Обрадованный — сама решила позвонить! — Денис схватил трубку и услышал глуховатый бас генерала Зайцева; генералом и начальником Центра он стал полгода назад, заменив на этом посту ушедшего в отставку генерала Лещенко.

— Не спишь, подполковник?

— Нет, — разочарованно ответил Денис.

— Что-то мне голос твой не нравится. Как настроение?

— Комси комса.

— С чего бы это?

— Так... долго рассказывать.

Зайцев хмыкнул:

— Надеюсь, ничего серьезного? А скажи-ка мне, дорогой Денис Васильевич, одну вещь: где твоя жена в настоящий момент?

— Зачем она вам? — пробурчал Молодцов, неприятно удивленный странным вопросом.

— Да, понимаешь, есть тут подозрение...

— Она... уехала... к себе домой...

— Когда?

— Два дня назад. А что? В чем дело, Константин Петрович?

— Черт! Все сходится!

— Да что произошло? — заволновался Денис, отгоняя недобрые предчувствия. — С Катей что-то случилось?!

— Ничего с твоей Катей не случилось. Похоже, амери-

канцы нас снова опередили. Слышал об испытаниях нового шаттла?

— Слышал. Мы и сами готовимся испытать новую «Ангару».

Речь шла о создании принципиально нового космического корабля, использующего принципы теории УКС — упругой квантованной среды. Эту теорию разработал известный российский ученый Владимир Леонов еще в начале девяностых годов двадцатого века. По его расчетам, корабли такого типа были способны облететь Солнечную систему за считанные месяцы.

— Так вот американцы запустили свою колымагу с леоновским двигателем, и не куда-нибудь, а к Плутону. Сообщаешь? И есть подозрение, что руководит экспедицией твоя жена.

— Не может быть!

— Может, подполковник, может, к великому прискорбию.

— Она мне ничего не сказала...

— Ну, это объяснимо, она человек военный, решительный и тоже связана гостайной. Ты бы ей сказал об испытаниях?

— Н-нет...

— Вот видишь. Короче, отпуск твой закончился, дуй на базу. Решено испытательный полет сто одиннадцатой «Ангары» направить к Плутону, из-за которого сейчас ломают копья все астрономы. Возглавишь экспедицию ты, как самый опытный драйвер.

Денис хотел было ляпнуть, что он не готов к такому длительному путешествию в космос, но вовремя прикусил язык. Генерал бы его не понял. Да и создатель новой «Ангары» уверял, что до Марса на его корабле можно долететь всего за двадцать два часа, а до Плутона, если не ограничивать скорость, за три-четыре дня.

Однако неужели это правда, что жена улетела на Плутон, воспользовавшись ссорой? Чтобы он не стал расспрашивать, по какому поводу ее вызывают в НАСА?

Новый российский «челнок» «Ангара-111» носил собственное имя «Амур». Он был создан всего месяц назад в условиях строжайшей секретности, что, как оказалось, вовсе не гарантировало России главенствующей роли в исследовании Солнечной системы. Американцы тоже владели новейшими технологиями конструирования космической техники, а старт их шаттла «Калифорния» только доказывал тот факт, что и они умеют пользоваться разработками ученых из России. Во всяком случае, позже стало известно, что главным конструктором «Калифорнии» стал белорусский ученый-физик Штамм, учитель Леонова, уехавший из Белоруссии еще в начале девяностых годов двадцатого столетия.

Его ученик Владимир Леонов, будучи еще кандидатом технических наук, примерно в те же годы разработал революционную теорию вакуума как упругой квантованной среды, позволявшую увязать воедино квантовую теорию поля, теорию струн, теорию гравитации и эйнштейновскую общую теорию относительности в одно целое. Естественно, его теория УКС была встречена в штыки ортодоксальной наукой, что, однако, не помешало ее творцу продемонстрировать реальные физические эффекты и разработать первый в мире антигравитационный двигатель. Впрочем, не первый, если учесть, что американцы сумели сделать то же самое в те же сроки.

Корабль был красив.

Денис восхищенно рассматривал крутые обводы корпуса «Амура», напоминающего две переходящие друг в друга «летающие тарелки», и верил, что это творение рук человеческих действительно способно летать, несмотря на отсутствие ракетных дюз и видимых двигательных гондол. Он уже знал, что принцип работы главной энергетической установки «Амура» основан на сферической деформации вакуумного поля, не имеющей ничего общего с реактивной отдачей, используемой в обычных ракетах, но это знание пока было чисто теоретическим. Теперь предстояло проверить принцип антигравитации на деле. Хотя, по утверждению разработчиков корабля, модели его уже летали.

Девятнадцатого июня в главном корпусе Центра экстремального оперирования, располагавшемся в Плесецке, собралась команда, которая должна была совершить испытательный полет — сверхдальний бросок к Плутону. В нее вошли, кроме Молодцова, проверенные в деле специалисты: капитан Вячеслав Абдулов и планетолог Феликс Эдуардович Глинич, а также один из разработчиков «Амура» инженер Михаил Жуков. На борту корабля он должен был выполнять роль бортинженера. Главный конструктор «Амура» Владимир Александрович Леонов тоже хотел войти в состав экипажа, но ему уже исполнилось семьдесят лет, и столь экстремальное путешествие он мог не выдержать. Главе службы безопасности РВКН генералу Матвейкину с трудом удалось отговорить его от этого шага.

Совещание экипажа с конструкторами, командованием РВКН и учеными, заинтересованными в изучении планет Солнечной системы, длилось недолго. Поджимало время. Уже было точно известно, что американцы и в самом деле запустили свой новый шаттл к Плутону, не поставив в известность своих коллег по освоению космоса из других стран, и российские специалисты не могли и не хотели оставаться в стороне от этого процесса. Полет «Амура» должен был утвердить амбиции России на звание передовой космической державы, а главное — мог послужить человечеству не меньше, чем грандиозные американские проекты, так как все хотели знать, что же все-таки происходит на окраине Солнечной системы, почему вдруг резко изменился блеск Плутона. По имевшимся у астрономов данным, эта небольшая планета состояла из льда и камня и была покрыта тонким слоем замерзшего азота с небольшой добавкой метана, поверх которого кое-где собрался значительный слой пыли. Температура на ее поверхности не превышала семидесяти градусов по Кельвину, то есть составляла минус двести три градуса по Цельсию. Харон же и вовсе представлял собой кусок льда сферической формы, не имеющий даже следов атмосферы, поэтому интерес ученых был оправдан. На границах Солнечной системы произошло необычное событие, и стоило проверить, что это за событие и чем вызвано.

Хотя в душе Денис понимал, что руководители Российского космического агентства, равно как и высшие чиновники, были просто уязвлены тем, что их опередили американцы.

— Цель ясна? — закончил совещание командующий РВКН.

— Так точно! — вытянулся Денис.

— На всякий случай повторю: главное — вернуться! Хрен с ним, с Плутоном, дождется своей очереди, еще успеем погулять по его равнинам. Понятно?

— Так точно, — повторил Денис, подумав, что для него теперь главное — найти американский «челнок» «Калифорния». Что он скажет при встрече его капитану Кэтрин Бьюти-Джонс, то есть своей законной супруге, Денис еще не знал.

4

Угольно-черное небо со всех сторон.

Сверкающая полоса Млечного Пути и звезды. Одна крупнее остальных — родное Солнце, видимое с расстояния в сорок астрономических единиц, или шесть миллиардов километров.

Денис переключил вектор системы обзора, и на передние экраны рубки выплыл туманно-голубоватый горб близкой планеты, из-за которого виднелся еще горбик, только туманно-белесый, похожий на шляпку шампиньона. Плутон и Харон. Но — оба с приличной атмосферой, сквозь которую ничего нельзя было разглядеть, что делается на поверхности планеты и ее спутника. Нельзя даже с уверенностью утверждать, что эта поверхность существует, хотя локаторы и фиксируют твердое и очень неровное дно на глубине в двадцать километров. И все же не видать ни зги, сплошной туман, газовый компот: азот — двадцать процентов, метан — около одного процента, чуть-чуть кислорода, совсем немного водорода, остальное — водяной пар.

— Ничего? — задал Денис сакраментальный вопрос.

— Ничего, — односложно отозвался бортинженер Миша Жуков, оказавшийся добрейшей души человеком.

Имелось в виду, что никаких следов пребывания возле Плутона шаттла «Калифорния» не наблюдалось. Американский «челнок» как в воду канул, несмотря на доказательства старта к Плутону, полученные с Земли благодаря работе спецорганов. Было известно, что «Калифорния» действительно стартовала к границе Солнечной системы с тремя астронавтами на борту и командовала экспедицией капитан Кэтрин Бьюти-Джонс, жена Дениса Молодцова. А поскольку по пути к Плутону корабль Кэтрин обнаружить не удалось, как и возле самого Плутона, приходилось предполагать, что он совершил посадку на поверхность планеты. Или ее спутника. Куда именно — еще предстояло выяснить.

Полет длился четверо суток.

Еще никогда прежде Денис не командовал кораблем, способным достигать половины скорости света без особых усилий. Конечно, все дело было в принципе работы двигателя, использующего напрямую энергию вакуума, и все же возможности «Амура» впечатляли даже опытных косменов, какими были Денис и Слава Абдулов. Единственным слабым местом «челнока» оказалась его защита: при скоростях в сто тысяч километров в секунду столкновение с любой песчинкой грозило ему катастрофой, не говоря уже о столкновении с более крупными небесными телами, обломками астероидов и комет. Но обошлось. Столкновения имели место, причем довольно часто, однако обтекаемый корпус «Амура», усиленный плазменным слоем и магнитным экраном, тормозящими и отбрасывающими мелкие камешки, пока выдерживал лобовые удары. Что будет, столкнись он с более крупным метеоритом, гадать не хотелось.

— Что будем делать, командир? — осведомился штурман корабля Слава Абдулов, отрачивающий во время экспедиций усы и бородку.

— Радио на базу, — буркнул Денис. — Мы на месте. Начинаем наблюдение за объектом. Аппарат ведет себя прилично, особых претензий не имеем.

— Есть претензии, — возразил ради объективности Миша Жуков, часто пропадавший в машинном отделении. — Генератор нужно дублировать и...

— Отставить возражения, подробностями будем делить-

ся на Земле. Главное — все работает. — Денис подумал. — Добавь еще: нет ли вестей от... Кэтрин? Впрочем, — он еще немного подумал, — не стоит, были бы новости, нам бы и так сообщили. Короче, парни, высовываем наружу все наши глаза и уши и смотрим, что здесь происходит. Выводы будем делать потом. Ясно?

— Так точно! — дружно ответил экипаж.

5

Конечно, основную нагрузку по наблюдениям за Плутон и его спутником взял на себя бортовой исследовательский компьютер. Но и экипажу пришлось поучаствовать в этом процессе, тем более что заниматься ему в принципе было больше нечем.

Спали по очереди, парами, и вели обзор тоже парами, изучив за три дня почти все видимые детали обеих планет. Впрочем, деталей этих набралось немного, поверхность Плутона и Харона по-прежнему скрывал густой белесо-голубой туман, поэтому удавалось лишь изредка увидеть что-либо поинтересней ровной пушистой пелены.

Фонтаны пара, достигавшие высоты в полтора десятка километров.

Смутные тени, снующие в бело-голубоватых глубинах атмосфер.

Стремительные голубые и зеленые струи, похожие на возникающие за самолетом в стратосфере Земли торсионные хвосты.

Возникающие и исчезающие геометрически правильные полупрозрачные фигуры.

Тусклые вспышки на дне появившейся атмосферы обоих партнеров — Плутона и Харона.

Гирлянды звездочек, медленно разгорающихся и медленно гаснущих, тоже образующих контуры неких геометрических фигур, кругов, овалов и квадратов.

Что за процессы шли в атмосферах планеты и спутника, догадаться было трудно, однако мнения всех членов экипажа «Амура» совпадали: здесь есть жизнь!

Спорили, конечно.

Роль зануды-скептика брал на себя Глинич, приводивший множество аргументов в пользу отсутствия жизни от: «атмосфера Плутона не имеет кислорода, да и температура здесь слишком низкая» до «раньше ведь никакой жизни не было, а то, что мы видим, является активизацией раскаленного ядра планеты». Но все его аргументы разбивались о факты, видимые невооруженным глазом, фиксируемые аппаратурой, от них невозможно было избавиться или отмахнуться. Плутон ожил! А вместе с ним и его ледяной собрат-спутник, никак не претендующий на роль планеты с раскаленным каменным ядром. Впрочем, и сам Плутон такого ядра не имел, судя по фактическим измерениям его характеристик. Да, температура приповерхностного газового слоя значительно повысилась — до минус шестидесяти — минус пятидесяти градусов по Цельсию, но все же о лавовых извержениях и горячих гейзерах речь не шла. Лед на поверхности планеты должен был оставаться льдом.

Три дня «Амур» наматывал витки вокруг Плутона на высоте тридцати тысяч километров, чтобы видеть сверху и Харон. Затем Денис повел его ниже, на двухсоткилометровую орбиту. Никаких свидетельств того, что в этом районе летает американский шаттл, по-прежнему добыть не удалось, и у командира зашевелилась шаткая надежда на «полное отсутствие всякого его присутствия» в системе Плутон—Харон. Возможно, «Калифорния» уже вернулась домой, а вместе с ней и Кэтрин и ничего плохого с ней не случилось. А помириться с женой он всегда успеет, лишь бы она была жива!

— Предлагаю приземлиться, — сказал Феликс Эдуардович Глинич, приросший к приборам бортового исследовательского комплекса; об опасности подобных мероприятий он по обыкновению не думал, считая, что безопасностью операций должны заниматься компетентные в этом вопросе люди. — Точнее, приплутониться. Или еще лучше — прихарониться. Спутник, на мой взгляд, интереснее патрона. Очень хочется посмотреть, что там творится.

— А что там творится? — осведомился Слава Абдулов,

занятый больше навигационными расчетами, чем визуальным наблюдением окрестностей Плутона.

— Посмотрите. Это синтез локационного сканирования.

Глинич развернул над пультом объемное изображение Харона, затем укрупнил одну его часть, убрал фон, и экипаж «Амура» увидел необычную картину: поверхность небольшой планетки покрывал геометрически правильный узор глубоких прямоугольных в сечении рвов.

С минуту все молчали, разглядывая ландшафт, скрытый от прямого наблюдения белой дымкой атмосферы, но доступный локаторам корабля. Потом Абдулов хмыкнул:

— Каналы, что ли?

— Не знаю. Раньше их не было. Я имею в виду, что с Земли их нельзя разглядеть в телескопы.

— Но они, похоже, прорублены во льду, уж больно правильная форма.

— Возможно, это просто система трещин...

— Разуй глаза, Эдуардыч! Рвы выглядят как искусственные каналы! Неужели будешь спорить?

— Не буду.

— Надо садиться, командир! — Абдулов оглянулся на бортинженера. — Миша, мы сможем нырнуть на дно атмосферы Харона?

— Хоть сто порций! — ответил жизнерадостный Миша Жуков: рот до ушей, нос пуговкой, азартные желтые глаза. — Машина работает как часы. Генератор, правда, пошел на снижение мощности... но это объяснимо, мы же на Земле не гоняли его так, как здесь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что генератор может гавкнуться в любой момент, — буркнул Денис. — Так, Михаил Батькович?

— Ага, — с той же жизнерадостностью ответил бортинженер.

— Ни фиги себе! В таком случае нам домой бы как-нибудь добраться, а не приплутониваться.

— Вот и я думаю...

— Сначала надо найти «Калифорнию», — мрачно сказал Денис. — Пока не найдем, на возвращение и не надейтесь.

— Да я что, как скажете...

— Есть! — вдруг издал восклицание Глинич; для обычно меланхолически настроенного планетолога такой взрыв эмоций был в диковину. — Вижу!

— Что ты там увидел? — посмотрели на него все.

— Металл! Локатор засек на поверхности Плутона металлический объект!

— Ну и что? — пожал плечами Абдулов.

— «Калифорния»? — мгновенно отреагировал Денис.

— Масса большая, может быть, и «Калифорния».

— Или большой железный метеорит, — возразил Абдулов.

— Сейчас Батя проверит параметры и даст заключение.

Батей все они называли бортовой компьютер.

Денис от волнения дернул рукой, всплыл над креслом: он не был пристегнут страховочным ремнем, а в кабине царил невесомость.

— Давай быстрее!

— Батя и так трудится вовсю.

— Засек координаты района?

— Обижаешь, командир, не промахнемся. На следующем витке покажу это место. Помните, мы зафиксировали самый большой паровой фонтан на экваторе? Это примерно в том районе. Потерпите двадцать минут.

В рубке «Амура» наступила тишина.

Денис и Абдулов не сводили с экранов глаз.

Миша Жуков порхал по кабине, как бабочка, то исчезая в люке, ведущем в соседний — приборно-агрегатный отсек, то появляясь вновь. Он работал с бортовой аппаратурой, контролирующей состояние систем и узлов корабля, поэтому не мог отвлекаться на созерцание космических панорам, однако иногда приклеивался к обзорным экранам, чтобы бросить заинтересованный взгляд на двойную планету, скрывающую под туманной воздушно-паровой оболочкой неведомые тайны.

Двадцать минут — именно столько требовалось «Амуру» на один виток вокруг Плутона на заданной высоте — истекли.

— Вот, смотрите. — Глинич подвел крестик курсора к вихревому облачному образованию на белом фоне атмосферы. — Даю обработку локационного поля.

Картина на главном обзорном экране изменилась.

Туманный слой стал почти прозрачным, позеленел, и сквозь него проявился необычный ландшафт — скопище гигантских снежинок размером с земной стадион, соединяющихся в удивительной красоте «снежную корочку». А в центре одной из «снежинок» торчало овальное черное пятнышко, похожее на арбузное семечко.

— «Калифорния»? — проговорил Денис пересохшими губами.

— Если это американцы, почему они не отвечают на запросы? — резонно заметил Абдулов.

— Не знаю... но это они! Будем садиться! Всем по местам, начинаем подготовку. Радио на базу: нашли шаттл, на вызовы не отвечает, идем на Плутон.

«Амур» уперся в пространство, замедляя скорость...

6

Белесая бездна без конца и края, ни одного ориентира не видно, сплошной туман, кое-где распадающийся на клочки и струи, расступавшийся пузырем и тут же расплзающийся пеленой.

Лед под ногами, то бугристый и волнистый, как стиральная доска, серый, запыленный, с вкраплениями мелких и крупных булыжников, то удивительно белый, ровный и гладкий, как каток.

И странные звуки, то и дело прилетающие из тумана: серии гулов и отголосков разного тембра, щелчки, свисты, скрежет, бульканье, шипение пара, удары, сотрясающие почву, вызывающие недолгое глухое эхо.

Они стояли втроем — Миша Жуков остался на борту — на синеватой пластине льда и озирались по сторонам, жадно всматриваясь в туман и вслушиваясь в долетавшие со всех сторон звуки. Молчали, ожидая появления из тумана неких чудовищ, издающих рев и гул. Но шумы продолжали доноситься отовсюду, а чудовищ все не было, вокруг завивались спиралями белесые струи тумана и ничего кроме.

— Парилка... — пробормотал Абдулов.

Никто ему не возразил. Атмосфера Плутона и в самом

деле на восемьдесят процентов состояла из водяного пара, хотя при этом температура приповерхностного слоя такого, с позволения сказать, воздуха не превышала минус двенадцати градусов по Цельсию.

«Амур» не подвел.

Посадка прошла удачно, несмотря на переживания бортинженера и опасения экипажа по поводу «ныряния в омут с непредсказуемыми последствиями». Корабль вел себя практически идеально, совсем не так, как те ракетные корабли, которыми командовал Молодцов до этого полета.

Сели они примерно в десяти километрах от «снежинки», в центре которой разместился американский шаттл, до сих пор не подающий признаков жизни. В том смысле, что он не отвечал на радиозапросы, хотя, судя по тепловому излучению и электромагнитному фону, был в исправном состоянии. Единственное, что настораживало: по анализу Бати выходило, что весь он покрыт сверху тонкой корочкой льда и изморози. А такое могло случиться лишь в одном случае: если на его борту не было людей, которые должны были контролировать состояние шаттла и включать время от времени системы внешней очистки корабля.

— Как там погода? — прилетел по рации голос Миши Жукова.

— Нормально, — очнулся Денис, — выходим в путь. Будь повнимательнее, если что-то произойдет непредвиденное, ори блagим матом.

— Можно и просто матом, — добавил Абдулов со смешком. — Мы пойдем.

— Идем уступом, — сказал Денис, унимая поднявшееся в душе волнение. — Первым я, замыкающим ты, Слава. Не забывай оглядываться. Мало ли что или кто появится. Вдруг здесь водятся злые крокодилы.

— Вряд ли, — меланхолично заметил Феликс Эдуардович Глинич, поглядывающий на экранчик органайзера, который поддерживал связь с исследовательским комплексом корабля. — Батя ничего опасного не видит в радиусе десяти километров. Докладывает о гейзерах и каких-то стенах.

— Что еще за стены?

— Локатор фиксирует стены, возможно — это ледяные образования, скалы.

— Где это?

— Да везде, ближайшая всего в километре от нас. Можем подойти посмотреть.

— Нам не стены нужны, а как раз наоборот — проходы между ними. Миша, ты видишь стены?

— Вижу, они действительно повсюду.

— А где же те «снежинки», что мы видели сверху? — поинтересовался Абдулов.

— Вот эти стены и образуют «снежинки», — сказал Глинич. — Точнее, мы с плоскости видим «снежинки» как изломы стен.

— Поехали, — решительно сказал Денис, делая шаг... и взлетел над ледяным бугром на полметра; сила тяжести на Плутоне была в десять раз меньше, чем на Земле.

— Оп-ля! — сделал такой же шаг-прыжок Абдулов. — Здорово! Однако так мы далеко не уйдем.

— Включаем «кузнечики». Держитесь в пределах прямой видимости.

«Кузнечиками» космонавты называли электроионные движки, встроенные в наспинные ранцы скафандров, которые использовались для перемещения в открытом пространстве. Однако слабая сила тяжести на Плутоне позволяла использовать «кузнечики» и здесь.

Поднялись над ледяной бугристой поверхностью на два метра, медленно двинулись в туман, определив направление на массив металла в десяти километрах, представляющий собой американский шаттл «Калифорния».

У Дениса снова сильно забило сердце, участилось дыхание — в преддверии встречи с Кэтрин (дай бог, чтобы она была жива!), что отметил и медицинский анализатор скафандра, проговорив заботливым женским голосом:

— Рекомендую успокоительные процедуры, полный покой, расслабление. Думайте о приятном. Для релаксации советую принять эуфан.

— Спасибо, — буркнул Денис, на мгновение отключив рацию, — я обойдусь.

Корпус «Амура» скрылся за пеленой тумана. Отряд оку-

нулся в бело-голубоватое и н и ч т о без дна и границ, глазу не за что было зацепиться в этом пространстве, и лишь тепло-визоры, изображение которых проецировалось на лицевую пластину шлема, помогали различать провалы и твердые предметы, возникавшие на пути в двадцати-тридцати метрах.

По-прежнему из глубин белесого н и ч т о, скрывающего ледяной ландшафт Плутона, доносились необычные звуки, и по-прежнему американский шаттл «Калифорния» не откликался на радиовывозы, будя у экипажа «Амура» мрачные предположения.

В белой мгле появилась более плотная тень, отвердела, превратилась в снежно-ледяной конус, издающий басовитое бульканье, будто в гигантской бочке кипела вода. Высота конуса, судя по оценке скафандровых компьютеров, достигала тридцати метров, диаметр — около сотни.

— Можно я посмотрю, что это такое? — спросил Глинич, не скрывая своей профессиональной заинтересованности.

— У нас мало времени на исследования, — пробурчал Денис, сам испытывая желание посмотреть на конус сверху; энергозапас скафандра был рассчитан всего на двое суток непрерывной работы, и сколько понадобится времени на изучение обстановки вокруг «Калифорнии», никто сказать не мог.

— Я мигом.

Феликс Эдуардович взмыл вверх, растаял в струях белесой пелены. Через полминуты в наушниках раций Дениса и Абдулова раздался его хрипловатый голос:

— Это дыра, ледяной вулкан, точнее — водяной. Из него идет пар с плюсовой температурой. Может быть, я схожу за датчиками и химанализатором? Надо бы установить здесь парочку.

— В другой раз. Возвращайся.

— Такая интересная дырка... я спущусь в нее на пару метров... — Голос Глинича ослабел, потерялся в тресках эфира.

Ландшафт под ногами опустившихся на лед космонавтов вздрогнул, из недр ледового щита донесся низкий прерывистый гул.

— Уходи оттуда к чертовой матери! — рявкнул Денис. — Феликс Эдуардович, быстро назад!

Еще один удар-толчок едва не сбил разведчиков с ног. Они вынуждены были включить «кузнечики», поднялись над содрогающейся бугристой равниной на несколько метров.

— ...тс я понял, — выплыл из шумов эфира голос планетолога. — Это действительно гейзер, сейчас он срабатывает.

Вверху сгустилась тень, превратилась в размытое пятно, затем в искаженную туманными струями фигуру человека в скафандре.

— Феликс, какого дья... — Денис не договорил.

С оглушительным шипением и клокотанием из отверстия конуса вверх вырвался столб разогретого пара, а за ним — трасса водяных капель, каждая — размером с земной корабль. Воздух вокруг плутонианского гейзера заходил ходуном, бросая висящих космонавтов из стороны в сторону. Совсем рядом на равнину упала огромная водяная капля, едва не похоронив их под собой.

— Сматываемся! — бросил Денис, устремляясь прочь от проснувшегося вулкана.

Один за другим они понеслись в туман, однако вскоре вынуждены были остановиться, наткнувшись на ледяную стену. В этот момент сверху на них посыпалась водяная пыль, превращаясь в град величиной с кулак человека, и закончилась эта водо-ледяная феерия густым снегопадом. Снежинки тоже были очень крупными, величиной с ладонь, и объемными, фестончатыми, ажурными, очень красивыми.

Пришлось пережить, когда закончится снегопад.

— Что там у вас? — донесся далекий голос Жукова. — Я вижу красивый фонтан высотой в десять километров. Странный такой фонтан. Такое впечатление, что...

— Ну?

— Сейчас с Батей посоветуюсь. — Пауза. — И он тоже подтверждает. Такое впечатление, что вода бьет не куда попало, а целенаправленно, порциями. Во всяком случае, струя

накрыла прямое солнечное восхождение¹, образуя цепочку валов... — Еще одна пауза. — Знаете, что получилось?

— Могу предположить, — отозвался Глинич. — Струя воды рисует «снежинки».

— Точно! Очень похоже! Мы видели скопище таких «снежинок» с орбиты, только эти грубее.

— Разве тебе оттуда видно? — засомневался Абдулов.

— Батя проанализировал картинку с локатора и дал изображение. Я вам точно говорю — «снежинки».

Денис посмотрел на висевшего в трех метрах от него на струе плазмы Глинич.

— Феликс Эдуардович, чтоб это было в последний раз. А если бы струя воды вырвалась в тот момент, когда ты был внутри? В лепешку бы расшибла!

— Она вообще всех нас могла замочить, — философски заметил планетолог, помолчал и добавил: — И у меня есть подозрение...

— Договаривай.

— Больно ровный конус у этого вулкана. А внутри вообще идеально круглая труба...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Природа такие идеальные формы не реализует, она принципиально фрактальна.

— Так что же, по-твоему, этот конус сделали плутонияне, что ли? — хмыкнул Абдулов.

— Не знаю. Но выглядит он искусственным сооружением. Да и струя воды, по словам Михаила, образовала цепь валов, близких по форме «снежинкам». Что это, если не водо-ледяной строительный комбинат?

— Чушь!

— Вовсе не чушь. Иначе как объяснить...

— Отставить споры, — прервал Глинич Денис. — Выводы будем делать после, имея на руках кучу данных. В настоящий момент мы заняты другим делом. Больше никаких

¹Плутон не имеет магнитного поля и полюсов, поэтому здесь нужны иные способы ориентации и указания направлений — вдоль экватора, по солнечному восхождению и перпендикулярно ему, то есть параллельно оси вращения.

отклонений от маршрута! Миша, сколько нам еще ползти до шаттла?

— Километра четыре.

— Конец разговорам. За мной.

Тройка космонавтов поднялась вдоль удивительно ровной ледяной стены на высоту в триста метров и направилась над ровной и гладкой, покрытой снегом и изморозью крышей уступа в направлении на «восток», в ту сторону, где вставало солнце.

7

Сначала они слышали странные звуки, вдобавок к тем, что доносились со всех сторон: тихий шелест, посвистывание, жужжание. Это жужжание периодически усиливалось, превращаясь в скрежет наподобие того, что издает щетка мусороуборочной машины, вращаясь по асфальту, и ослабевало.

Остановились, не понимая, откуда на Плутоне оказалась мусороуборочная машина.

— Миша, — позвал бортинженера Денис, — ничего не видишь по вектору движения?

— Нет, — отозвался через некоторое время Жуков. — Впереди скорее всего очередная «снежинка». А что?

— Слышим нечто странное...

— Нет, ничего не вижу, — после паузы сказал Жуков с сожалением. — Там пар струится... а может быть, не пар, а метель метет.

— Метель?!

— Струя какая-то более плотная, вращается, как смерч... и движется.

— Ладно, посмотрим, мы как раз на нее выходим. Держитесь плотней, мужчины.

Жужжание ушло влево, постепенно слабей.

Космонавты снова двинулись сквозь клубы тумана, вглядываясь в молочно-белую пелену, не пробиваемую лучами наשלемых фонарей. Туман впереди сгустился, приобрел материальную плотность снежно-белой стены. Точнее, низ этой стены был инеисто-белым, а верх — на высоте

двадцати метров — сверкал в лучах фонарей как полупрозрачная полированная глыба льда.

Зависли в воздухе, разглядывая стену.

Потом Глинич скользнул вперед, не обращая внимания на предостерегающий окрик Молодцова, дотронулся рукой в перчатке до бликующей гладкой поверхности.

— Кажется, я понял...

— Отойди от греха подальше, — посоветовал Абдулов. — Что ты понял?

Послышалось приближающееся тихое жужжание и потрескивание. «Мусороуборочная машина» возвращалась.

— Назад! — скомандовал Денис.

Космонавты отодвинулись подальше от стены, с опаской вглядываясь в струящееся марево тумана.

Жужжание усилилось до громкого непрерывного скрежета и треска. В тумане образовался крутящийся электрический смерч, скользнул по стене, сдирая с нее слой льда, и ушел вправо, скрылся в тумане, оставляя за собой гладкую блестящую поверхность.

— Матерь Божья! — пробормотал Абдулов.

— Все правильно, — сказал Глинич уверенным тоном. — Эта штука обрабатывает лед, чистит и формует. Я сразу догадался.

— Ты хочешь сказать...

— Это машина, — констатировал Денис. — Без сомнений. Теперь и я понял, что здесь происходит.

— Что?

— Стройка. Кто-то и в самом деле создал на Плутоне атмосферу и теперь строит из льда города. Или какие-то технические сооружения.

— Бред! Кому нужны ледяные города?

— Кому-то нужны. А чему ты удивляешься? Вспомни Ирод, транспортирующий внутри себя целый банк зародышей. Он сел на Венеру, и теперь там развернулся планетарный родильный дом. А здесь, очевидно, сел другой корабль, владельцы которого готовят новое обиталище для своих питомцев.

— Никакого чужого корабля мы не видели.

— Он мог разбиться или же был сделан из льда.

— Ну, это уж слишком... фантастично.

— Почему же? — поддержал Дениса Глинич. — Командир правильно мыслит. Мы присутствуем при реализации проекта панспермии, ничего экстраординарного.

— Ни фиги себе! Солнечную систему начинают заселять зеленые человечки, кстати, не спрашивая у нас разрешения, а ты говоришь — ничего экстраординарного!

— Еще не факт.

— Как же не факт, если ты сам только что утверждал обратное?

— Эй, орлы, — перебил спорщиков Денис, — не время для препирательств. У меня нехорошее предчувствие. Если это и в самом деле переселение — нас ждут неприятные сюрпризы. Надо быстренько добраться до «Калифорнии», выяснить причины молчания американцев и убратся отсюда подобра-поздорову. Поэтому на научные изыскания больше отвлекаться не разрешаю. Феликс Эдуардович, как понял?

— Нормально, — отозвался Глинич рассеянно. — Эх, нам бы установить здесь аппаратуру...

— Еще установим. Вперед!

Денис поднялся вдоль бликующей ледяной стены вверх, завис над ровной кромкой ледяной крыши, двинулся в прежнем направлении. Спутники последовали за ним, понимая, что, если предположения их верны, ситуация может измениться в любой момент, и смогут ли они достичь цели, гарантий никто дать не мог. Надо было спешить.

Оставшиеся три с лишним километра до места посадки американского шаттла они преодолели за полчаса, любясь проплывающими внизу ледяными башнями, геометрически правильными зубцами, стенами и шпилями, складывающимися в узор гигантской «снежинки». Туман слегка поредел, и горизонт видимости раздвинулся до пятидесяти метров. Впереди в развернувшемся кратере — в центре «снежинки» — появился синевато-серый горб. Приблизился, превращаясь в округлую гору, скрывающую внутри размытую слоем льда металлическую черепаху. Сомнений не оставалось: во льду был замурован космический корабль. А именно — американский «челнок» «Калифорния».

Денис сглотнул ставшую горькой слюну, беззвучно выговорил:

— Катя!

— Командир, что там у вас деется? — слышался голос Жукова. — Батя докладывает, что в вашем районе всплеск электромагнитных полей.

— Здесь летает полировщик льда, — ответил Абдулов.

— Что?! — не понял Жуков.

— Кто-то обрабатывает и полирует лед.

— Кто?!

— Пришелец в пальто! Потом объясним. Командир, что будем делать? Если мы и в самом деле попали на стройку, нас запросто может задавить какой-нибудь здешний «подъемный кран».

Вместо ответа Денис усилил тягу «кузнечика» и устремился к синевато-бликующему темному куполу американского шаттла. Завис над куполом, включил рацию:

— Кэтрин, ответь!

— Ответьте, кто на борту! — присоединился к нему Абдулов. — Есть кто живой?

Тишина, молчание на всех диапазонах, тихие шелесты эфира.

— Кэтрин, ответь! Почему молчите?! Что случилось?!

Ни звука в ответ.

Затем что-то хрустнуло, будто треснула стеклянная ваза, и в наушниках раций заговорил по-английски бестелесный голос:

— Борт шаттла «Калифорния». Экипаж отсутствует. Связи нет.

— Кто говорит?! — не сразу сообразил Денис. — Почему не отвечаете на аварийной волне? Где экипаж?

— Экипаж отсутствует. Вести переговоры не уполномочен.

— Это их компьютер, — мрачно сказал Абдулов, подплывая к Денису. — Вряд ли он сможет объяснить, что произошло.

— Кто командует кораблем?

— Вести переговоры не уполномочен...

— Капитан Кэтрин Бьюти-Джонс? Отвечай! Код вызова «три нуля»! Аварийная ситуация! Капитан — моя жена!

Пауза, тот же ровный, без интонаций, бесполоый голос:

— Сообщите дополнительный код доступа для прямой связи. Вести переговоры не...

— Идиот! — взорвался Абдулов. — Ситуация вышла из-под контроля! Твои хозяева пропали без вести и, может быть, уже погибли! Отвечай на вопросы!

— Вести переговоры не...

— Когда экипаж покинул борт корабля? — терпеливо повторил вопрос Денис. — Сколько прошло времени? Отвечай! Аварийная ситуация! Код «три нуля»!

«Хруст стекла», шелесты, молчание.

— Семьдесят четыре часа двадцать две минуты сорок секунд назад. Прошу сообщить дополнительный...

— Почему они это сделали? Что случилось? Почему ушел весь экипаж?

— Код...

— Сними ограничения и блоки! Экипаж может погибнуть! Отвечай на вопросы! Почему борт корабля покинул весь экипаж?! Сколько всего человек в экипаже?

Еще одна пауза, более длинная.

— Вводную аварийного положения принял. Включаю «красную тревогу». Корабль был сбит...

— Что?!

— Корабль был сбит струей горячей воды под давлением на высоте километра. Генератор поврежден, запасы энергии минимальны. Экипаж вышел для устранения повреждений. Потом член экипажа пилот-прима Майкл Паровски заметил неопознанный объект и решил выяснить, что это такое. Исчез. За ним отправился бортиженер Хьюба Паркер. Связь прервалась. Через восемь часов после прекращения связи корабль покинула командир Кэтрин Бьюти-Джонс.

Перехватило дыхание.

Денис с трудом взял себя в руки.

— Куда она направилась?

— Двадцать два градуса к прямому солнечному восхождению...

— Точнее! Есть какие-то ориентиры? На каком расстоянии от корабля с ней прервалась связь?

— Два километра.

— Так близко? И ты ничего не заметил?

Пауза.

— Примерно в том же направлении периодически работает гейзер. После одного выброса связь прекратилась.

— Дай ориентир.

— Двадцать два градуса...

— Это не ориентир. Нас ты видишь?

— Система обзора фиксирует три объекта в скафандрах российского производства...

— Это мы. В каком направлении нам двигаться?

— Под углом сорок градусов к линии, соединяющей объекты и шаттл «Калифорния».

— Давно бы так. — Денис сориентировался, используя компьютерную систему навигации. — Парни, расходимся цепочкой и следуем в направлении на вон тот шпиль. Все видите?

— Это не шпиль, — уточнил Глинич, — а палец.

Ледяная скала, о которой шла речь, действительно напоминала человеческий палец, только в диаметре он превосходил башни Московского Кремля.

— Соберитесь, парни. Вы устали, я тоже, но отдыхать будем потом. Чует мое сердце... — Денис не договорил.

Из белесой туманной бездны долетел гулкий удар, загремел отголосками в лабиринтах ледяных стен «снежинки». На одно мгновение показалось, что из тумана сейчас выбежит стадо слонов и растопчет попавшихся на пути людей.

— Поехали, — закончил Денис, преодолев паническое чувство п о т е р и.

8

Спешили, потому что приближалась плутонианская ночь: сутки на Плутоне равнялись шести с лишним земным суткам.

Вглядывались в туман и ледяные изваяния до рези в глазах.

За два часа преодолели всего полтора километра, консультируясь с бортовым компьютером «Калифорнии», который в аварийной, по сути, ситуации сохранил способность «трезво мыслить» и освободился от наложенных программой запретов на обмен информацией с «посторонними объектами».

Все чаще из тумана доносились гулкие трески и удары, от которых содрогались гигантские ледяные фигуры — кубы, пирамиды, тетраэдры, параллелепипеды, стены, слагавшиеся в геометрически правильную вязь «кварталов и комплексов» странного города на Плутоне. Температура воздуха в пределах данной местности постепенно повышалась, отчего туман стал редеть, в нем образовывались пузырчатые прозрачные полости либо, наоборот, сгущения и струи, что затрудняло ориентацию и снижало дальность прямого видения.

Наткнулись на приличной высоты ледяной купол — не менее шестисот метров, диаметр которого также впечатлял, достигая километра. Глинич вспомнил, что такие купола располагались в основном в центрах скопления «снежинок», и предположил, что это здание «местной администрации», так сказать, своеобразный «Белый дом». Никто с ним спорить не стал, тем более что купол блистал полированными боками и был бело-полупрозрачным.

Остановились, не зная, куда лететь дальше.

— Надо передохнуть, командир, — сказал Абдулов, — глаза устали.

Денис хотел было дать команду продолжать поиски, но промолчал. Он и сам держался из последних сил, несмотря на то, что «кузнечики» избавили их от необходимости идти пешком.

— Пятиминутный привал, горячий шоколад, тоник. Глаза закрыть, расслабиться. Эй, «Калифорния», твои хозяева не откликнулись?

— Нет, — лаконично ответил компьютер шаттла.

— А радиомаяки не слышны?

— Нет.

— Я тут погляжу, — пробормотал Глинич, направляясь к стене купола, — интересно...

— Командир, — прилетел голос бортинженера, — Батя отмечает какое-то шевеление неподалеку...

— Конкретнее: что за шевеление?

— Километрах в пятнадцати на схождение возникло уплотнение в форме сердца, оно дышит...

— Михаил, ты что там пил? — хмыкнул Абдулов.

— Что еще за сердце?

— Ну, у него такая форма — человеческое сердце, только высота около километра... и оно дышит, то есть то сокращается, то раздувается, как живое...

— Что говорит Батя?

— Ничего, мало информации.

— Ладно, наблюдай.

— Так возле вас тоже что-то происходит, столб пара крутится.

— Мы не видим.

— Может быть, это и не пар, а столб нагретого воздуха.

— Ладно, будем начеку. Феликс Эдуардович, отдыхать, я сказал!

— Да тут что-то во льду виднеется, — пробормотал Глинич, раскорячившись на ледяном боку купола на высоте двух десятков метров. — Не могу понять... похоже на человеческую фигуру.

— Где?! Покажи! — Денис, едва не поперхнувшись соком (шлем имел специальную соску фаст-фуда), метнулся к планетологу.

Действительно, в глубине синевато-белой полупрозрачной глыбы льда виднелась расплывчатая белая фигура, напоминающая человека в скафандре. Денису даже показалось, что она шевельнула рукой, хотя это просто был обман зрения, порожденный бликом фонаря.

— Не может быть... — прошептал Денис.

— А вдруг? — возразил Глинич философски. — Что, если американцы просто попали под водяной фонтан, под капель, и не смогли выбраться, вмерзли в лед?

— Не может быть...

— Командир, это они! — безапелляционно заявил прилипший к ледяной горе Абдулов. — Точно, кто-то из американцев. Видите? Под локтем слева искорка оранжевая моргает. Это аварийный маячок.

Денис взгляделся и невольно воскликнул:

— Катя!

— Ну, может быть, и не она, конечно, отсюда не видно, однако стоило бы раздолбать эту стенку и вытащить американца.

— Чем ты ее раздолбаешь? — поинтересовался Глинич. — Толщина льда в этом месте не менее десяти метров, никакой лазер не возьмет. Если только гранатами...

— Ага, с перспективой угрожать парня!

Гулкий треск разорвал воздух, скатился с горба купола, заставив всех замолчать.

— Миша, — позвал Денис, лихорадочно соображая, что делать. — Что у нас имеется на борту из оружия?

— Командир, ты не ушибся? — донесся удивленный голос бортинженера. — Сейф с оружием не в моей епархии.

— Я имею в виду дополнительные ракетные движки маневра. Их мы не использовали, но ведь они могут расплавить лед?

— В принципе могут, но мы же не испытывали...

— Поднимай «Амур» в режиме АС, лети сюда!

— Что?!

— Делай, как я сказал!

— Я же разобью машину...

— Не разобьешь, Батя поможет. У нас есть шанс спасти Кэ... американцев. Они заморожены в лед. Стартуй и...

— Командир! — перебил Дениса Абдулов. — Не нравится мне все это! Не сдать ли нам назад? Купол трескается!

Гулкий удар сотряс туман, рождая в ледяных лабиринтах стен серию отголосков.

Ледяная стена купола треснула сразу во многих местах.

— Назад! — рявкнул Денис. — Следите за стенами! Не попадите под обвал!

— Вообще надо убираться отсюда к ядреной бабушке! — предложил Абдулов. — Что происходит, Эдуардыч?

— Не знаю, — мрачно отозвался Глинич. — Может быть, плутонотрясение, может, сейчас начнется извержение водяного вулкана.

— Какой к дьяволу вулкан! Температура минусовая!

— Вулкан не обязательно должен испускать лаву и раскаленные камни, здесь он может выбрасывать горячую воду и пар.

— Тогда это гейзер.

- Не суть важно.
- Все равно это опасно. Командир, уходим.
- Там во льду люди! Их надо спасти!
- Как?

Еще один громовой удар разорвал недолгую тишину. По боку ледяного купола поползла еще одна трещина, пересекала смутно видимую белесую фигуру в толще льда.

— Катя! — бросился на стену Денис.

Еще удар и еще!

Множество родившихся трещин соединилось в густую сеть, скрывающую от взора глубины ледяного массива. Брызнула ледяная крошка, из стены начали вываливаться ледяные глыбы. Одна из них едва не сбила Дениса, вторая ударила в плечо Глинича, отбрасывая на десяток метров.

— Феликс Эдуардович! — крикнул Денис.

— Ничего, я в порядке, — прохрипел планетолог, — скафандр не поврежден.

— Отходим назад! Миша, ты где?

— Стартовал, на подъеме, — послышался слабый голос бортинженера. — В вашем районе наблюдается метель. Похоже, из почвы ударила струя пара, которая тут же замерзает... и еще что-то происходит... локатор показывает изменение форм рельефа.

— Давай быстрее! Нас видишь?

— Иду по пеленгу.

— Командир! — воскликнул Абдулов. — Берегись!

Ледяной купол, обвитый струями тумана, вдруг лопнул, разлетаясь разнокалиберными глыбами, неспешно развернулся красивым «тюльпаном». А вслед за глыбами полетели и вкрапленные в ледяной массив купола камни и заиндевевшие фигуры. Две! Одна из них врезалась в пятившегося Дениса, и он инстинктивно вцепился в нее руками, еще не понимая, зачем это делает.

Руки, ноги, ранец, шлем...

Человек в скафандре с эмблемой НАСА на плече и квадратиком американского флага!

Они закувыркались в воздухе, сталкиваясь с ледяными осколками стены купола, врезались в ближайшую стену.

Рация донесла тихий вскрик и неразборчивое бормотание.

— Катя! — заорал Денис, не обращая внимания на боль в ушибленном плече. — Катя, это я, отзовись!

Неровное дыхание, шорохи, всхлипы.

— Дэн?

— Я!

— О боже!

Человек в скафандре задвигал руками и ногами, мешая Денису взять ситуацию под контроль, нейтрализовать вращение и скольжение по льду. Летящие во все стороны глыбы то и дело толкали и били его в спину, не позволяя сориентироваться и прекратить неуправляемый полет.

Сверху свалилась еще одна глыба, превратилась в человека в скафандре.

— Держись, командир! — Это был Абдулов. — Сейчас я тебе помогу.

Однако «коровьи скачки» по льду удалось остановить только спустя минуту. Наконец карусель кончилась, верчение струй тумана, стен и летящих глыб льда прекратилось.

— Дэн, это ты?!

— Я, я, успокойся, все позади.

— Мы попали под струю воды...

— Об этом потом.

— Я думала, что никогда не выберусь...

— Где твои напарники?

— Один тут рядом со мной, — сообщил хладнокровно Глинич. — Не двигается, молчит. Другого не вижу.

— Идем к тебе. Миша, ты где?

— В километре от вас. Но посадить машину я не смогу, здесь сплошные стены, башни и летающие скалы. К тому же у вас там тоже появилось «сердце».

— Где?!

— Батя выдает изображение в виде сердца... оно пульсирует.

— Командир! — донесся голос Глинича. — Я понял, что это такое...

— Сейчас не до гипотез! Включи фонарь, помигай, я тебя не вижу.

Впереди, чуть левее, над стеной замигал в тумане огонек.

Денис, поддерживая Кэтрин на руках (хорошо, что сила тяжести на Плутоне так мала!), устремился к огоньку. Абду-

лов обогнал его, вернулся, описал круг, как бы охраняя командира и его драгоценную ношу.

Край стены, плоская поверхность — чистый каток, усеянный глыбами льда. Две фигуры на обрыве: Глинич и американец, не подающий признаков жизни. С высоты стены было видно, что на месте купола ворочается перламутровое сгущение неопределенных очертаний, исчезая где-то на большой высоте в пелене тумана.

— Командир, здесь самое удобное место для посадки, лучше не найдем. Пусть Миша попытается сесть.

— Я вас вижу!

В струях тумана проявилось серое пятно, уплотнилось, превращаясь в двойной синевато-белый плоский эллипсоид.

«Амур» завис над «катком». В его днище вспыхнула цепочка огней, обозначая люк.

— Вперед! — бросил Денис.

Глинич и Абдулов подхватили тело американского астронавта, метнулись к люку.

Денис, обливаясь потом, двинулся следом, молясь в душе, чтобы летящие глыбы льда не повредили обшивку корабля.

— Надо... найти... Майкла... — прошептала Кэтрин, пытаясь высвободиться из объятий Дениса.

— Это невозможно! Остаться здесь нельзя, мы все погибнем!

— Я... обязана...

— Закончится эта свистопляска, мы вернемся, обещаю. Вот и люк.

Глинич и американец уже исчезли в тамбуре. Абдулов отодвинулся в сторону, страхуя командира.

Вдвоем они втиснули Кэтрин в горловину люка, влезли сами.

— Подъем! — прохрипел Денис. — Слава, в рубку!

Пол тамбура ударил в ноги.

Толчки, рыскание, тонкий вой вентиляторов, вытесняющих чужой воздух из тамбура, тяжелая плита ускорения легла на грудь.

«Амур» пошел вверх, к границе атмосферы Плутона.

Через минуту, кое-как сняв скафандры, они гурьбой вва-

лились в кабину управления. Денис поцеловал жену, метнулся к командирскому креслу, нацепил дугу интеркома.

— По местам! Беру управление на себя! Миша, займись американцем в тамбуре. Батя — общий обзор!

Компьютер послушно выдал на экраны панораму Плутона.

Сплошное море тумана с более плотными струями и темными провалами. Нечто вроде огромного пульсирующего сердца, полускрытого туманной пеленой, светящегося изнутри опалом.

«Амур», вздрагивая и пошатываясь, всплыл над ледяными стенами и башнями «снежинки», пробил туманный слой, поднялся над морем тумана. «Сердце» стало видно отчетливей, хотя продолжало оставаться сгустком опалесцирующей субстанции, не имеющим аналогов среди природных образований.

— Что это?! — прошептала Кэтрин по-английски, бледная, измученная, потрясенная увиденным.

— Это семя, — ответил Феликс Эдуардович Глинич, спешно настраивая исследовательский комплекс корабля. — Или зародыш, спора, генетический файл. Выбирайте, что вам нравится.

— Ты хочешь сказать, — отозвался Абдулов, включаясь в систему связи и контроля, — что на Плутоне есть жизнь?

— Теперь есть.

— Не понимаю, — беспомощно пожала плечами Кэтрин. — Что происходит?

— Это десант, десант на Плутон.

— Какой десант?!

— Солнечная система атакована носителями иной жизни. Вспомните Ирод, Окурок, теперь вот Плутон. Кто-то решил заселить нашу родную систему, и процесс начался.

— Боже мой!

Словно в ответ на восклицание Кэтрин исполинское «сердце» под кораблем, уплывающим в космос, прочь от Плутона, развернулось красивым бутонем, и оттуда высунулась кошмарная рогатая голова.

На Плутоне, подготовленном неизвестными силами под инкубатор, родился первый его житель...

РАССКАЗЫ

БЕГЛЕЦ

Вертолет снизился до четырехсот метров и, накренившись, пошел по кругу.

— Видите желтое пятно? — прокричал пилот Березину. — Это и есть Драконья пустошь. Посередине — Клык Дракона.

Клык представлял собой совершенно гладкий каменный палец диаметром около полусотни метров и высотой чуть выше двухсот. Палец был окружен обширным песчаным оазисом, который с трех сторон охватывала тайга, а с четвертой ограждали пологие, израненные фиолетово-бурыми тенями бока Салаирского горного кряжа.

— Давай вниз, — показал рукой Березин.

Пилот утопил штурвал, и вертолет провалился вниз, взревев мотором у самой вершины скалы.

С двухсотметровой высоты Драконья пустошь выглядела бесконечной пустыней, ровной и гладкой на удивление. Ни камня, ни кустика Березин на ней не заметил, несмотря на свой двенадцатикратный бинокль. Негреющий желток солнца над горизонтом и белесый пустой небосвод довершали картину мертвого спокойствия, царившего в природе.

Счетчик Гейгера и дублирующий дозиметр Березин включил еще в воздухе, но они молчали — повышенной радиации над Драконьей пустошью не оказалось. Но что-то же было, раз его, эксперта Центра по изучению быстропеременных явлений природы при Академии наук России, послали сюда в командировку при полном отсутствии финансирования.

— Ты случайно не знаток местных легенд? — спросил Березин, подходя к краю площадки.

— Вообще-то не знаток, но слышал одну... Местные алтайцы говорят — дурная здесь земля. Зверь вокруг пустоши

не живет, люди тоже почему-то не селятся. По преданию, в этих краях обосновался дракон, дыханием своим иссушающий сердца и уносящий людей в ад...

— Поэтично... и загадочно. Радиоактивности нет, обычный фон, а это очень странно, если учесть одно обстоятельство: два дня назад...

Два дня назад в районе Салаира разразилась магнитная буря с центром в зоне Драконьей пустоши, а спутники отметили здесь еще и источник радиации. Березин вылетел к Салаирскому кряжу сразу же, как только в Центр пришла телеграмма, но выходит, пока он собирался, источник радиации исчез, а буря стихла. Чудеса...

— Очень странно... — повторил Березин задумчиво.

Пилот выглянул из кабины. На лице его, хмурым от природы, отразилось вдруг беспокойство.

— Ничего не чувствуешь? Мне почему-то хочется смотреть отсюда, и побыстрее.

От этих слов Березину стало не по себе, пришло ощущение неуютности, дискомфорта, и ему внезапно показалось, что в спину ему пристально смотрит кто-то чужой и страшный...

Впечатление было таким острым и реальным, что он невольно попятился к вертолету, озираясь и чувствуя, как потеют ладони. На многие десятки километров вокруг не было ни единой души, кроме них двоих, но ощущение взгляда не исчезало, усиливалось и наконец стало непереносимым.

— А, ч-черт, поехали!

Березин ретировался под сомнительную защиту вертолета, влез в кабину и захлопнул дверцу.

— Что, и тебя проняло? — пробормотал пилот.

Вертолет взмыл в воздух, мелькнули под ним и ушли вниз отвесные бока скалы, сменились желто-оранжевой, ровной как стол поверхностью песков. Клык Дракона отдался...

— Давай сядем поближе к нему, на песок, — предложил Березин, все еще глядя на таинственную скалу, странный каприз природы, воздвигшей идеальный обелиск в центре

песчаного массива. Уж не работа ли это человеческих рук? Но кто, когда сделал это и, главное, зачем?

Пилот отрицательно качнул головой:

— На песок нельзя.

Спустя несколько минут вертолет завис над узенькой полоской земли возле стены леса и спружинил на полозья.

Только теперь Березин обратил внимание на то, что лес, начинавшийся всего в сотне шагов, был какой-то странный — сплошной сухостой. Корявые стволы переплелись безлистыми ветвями, создавая мертвую серую полосу вдоль песчаного пляжа, насколько хватал глаз. Живой зеленый лес начинался за этой полосой не сразу, а как бы по мере отдаления от пустоши, вытягивающей из него всю воду.

Березин с недоумением разглядывал колючую поросль высохшего кедрового стланика, подумал: не пролетала ли здесь когда-нибудь стая саранчи? — но пилот окликнул его, и он поспешил на зов.

— Смотри. — Пилот подобрал камень, забросил на недалекую песчаную гладь. Камень упал и исчез из глаз, словно нырнул не в песок, а в воду. — Зыбун.

— Что?! — удивился Березин. — Зыбучие пески? То-то я смотрю, песок слишком гладкий — ни барханов, ни ряби... Зыбун! На все два десятка километров?

— Факт. Когда начинается ветер, песок аж течет, сам видел, я над этими местами пять лет без малого летаю. Ну что, будем брать пробы?

— Непременно будем. А завтра заберем помощника, перевезем палатку и все необходимые вещи, и я начну копать тут один целую неделю. Не забудь забрать.

Березин энергично принялся за работу.

А через полчаса, когда он взял необходимые пробы грунта, сделал замеры и собрался отнести приборы к вертолету, горизонт вдаль над центром мерцающей золотом песчаной плещи вспыхнул вдруг лиловым пламенем, песчаная равнина встала дыбом, и спустя несколько секунд жаркий ревущий вихрь обрушился на лес.

Воздушная волна отбросила Березина неглубоко в заросли колючего кустарника. Пока он выбирался, царапая тело острыми сучьями, рев ослаб, как бы отдалился. Теперь он напоминал шум водопада, слышимого с недалекого расстояния.

— Жив? — окликнул Березин пилота.

— Очень может быть, что и нет, — мрачно отозвался тот, невидимый из-за плотной желтой пелены пыли.

Березин пробрался на голос, зажимая нос платком, обошел смутно видимую тушу вертолета и сел рядом.

— Что это было?.. Ох и запах, чуешь?

— Еще бы! — Пилот закашлялся. — Вертолет вот повалило, винт помяло, придется теперь попотеть, пока поставим на полозья да винт починим. А рвануло как раз в районе Клыка, недаром меня тянуло выбраться оттуда.

— Метеорит? Или испытания баллистической?

— Почему испытания? У наших «вояк», случается, и сами ракеты летают. — Пилот снова закашлялся, прикрывая рот ладонью. — К чему гадать? Подождем, пока осядет пыль, поставим вертолет и слетаем туда. Ты эксперт, тебе и карты в руки.

Желтая мгла рассеялась настолько, что стали видны лес, пустыня и зеленоватое небо. В той стороне, где прогремел неожиданный взрыв, все еще гроыхало и в небо ввинчивался черный с синим столб дыма, подсвеченный снизу оранжевым. Дым с глухим ворчанием распухал в плотное облако, расплзавшееся, в свою очередь, по пустыне.

— Чему там гореть? — пробормотал пилот, глядя на тучу из-под козырька ладони. — Ведь пески одни... и куда-то подевался этот чертов Драконий Клык...

Березин постоял рядом, напрягая зрение, потом вспомнил о бинокле, кинулся было в кабину и неожиданно заметил невысоко над песком летящее по воздуху черное пятно. Оно медленно, плавно плыло сквозь марево, заметно снижаясь на ходу, и было в его очертаниях что-то необычное, притягивающее взор.

Не сговариваясь, они бросились к тому месту, где долж-

но было приземлиться пятно, и, еще не добежав, Березин решил, что это... человек, одетый в черный комбинезон.

Плыл он в очень неестественной позе метрах в трех от земли, словно ничего не весил, и пролетел бы мимо, если бы пилот, отломивший на бегу длинный сук, не остановил неуклонное скольжение незнакомца. Тело человека медленно обернулось вокруг конца ветки и вдруг тяжело рухнуло на землю, будто оборвав те невидимые нити, которые поддерживали его в воздухе.

Березин осторожно обошел тело, нагнулся, всматриваясь в лицо незнакомца, и едва не отшатнулся. Лицо упавшего, несомненно, принадлежало не человеку. Наметанный глаз эксперта отметил и безупречные овалы глаз, открытых, но темных, без зрачков и проблеска мысли, и прямой, едва выступавший нос, и слишком маленький рот, и чрезвычайно густые брови... Похож на человека, но не больше, чем кукла или робот. Впрочем, откуда здесь, в районе Салаира, роботы?

— Чудной какой-то, — буркнул пилот, встречая взгляд Березина. — Кукла, что ли?

И тут с глаз незнакомца исчезла темная пелена. Они стали прозрачными, наполнились желтым «электрическим» сиянием. Незнакомец неуловимо быстро изменил позу, точно перелился из положения «сидя» в положение «лежа», некоторое время не сводил своих чудных глаз с облака пыли и дыма на горизонте, потом непонятная гримаса исказила его правильное лицо, и низкий, чуть ли не уходящий в инфразвук, голос медленно произнес:

— Кажется, это была последняя ошибка...

В этом голосе было столько вполне человеческой горечи, что Березин проглотил вертевшиися на языке вопросы и молча стоял рядом, мучаясь от сознания своей беспомощности и непонимания ситуации. Выручил пилот.

— Кто вы? — спросил он хрипло.

Незнакомец повернул голову, оглядел обоих равнодушно, но голос снова выдал его душевные муки, потому что в нем звучала непередаваемая тоска и боль:

— Можете называть меня Последним. Я землянин, но предыдущий. Веселенькая ситуация, не правда ли?

— Ситуация, конечно, ого... — обрел дар речи Березин. — Но на человека вы... как бы это сказать... не очень-то...

Незнакомец с проблеском интереса оглядел Березина, пилота и внезапно улыбнулся. Во всяком случае, гримасу его можно было оценить как улыбку.

— Представляю, как я выгляжу. Я же сказал, что я — человек, землянин — и только. И я действительно Последний...

Прилетевший из пустыни словно погас, неожиданно лег, вернее, перетек в лежачее положение и продолжал уже лежа, значительно тише:

— Кроме того, я беглец.

Березин посмотрел на растерявшегося пилота, лихорадочно соображая, что делать дальше. Обстановка складывалась неординарная, даже исключительная, и хотя он и был подготовлен к неожиданностям — год работы экспертом в Центре приучил его ко всему, — такого поворота событий не ожидал.

— Что предлагаешь делать? — быстро спросил он, отводя пилота в сторону и понижая голос.

— Его бы надо в столицу, — робко предложил пилот. — Может, успеем спасти...

— Не успеете, — сказал сзади Последний, обладавший отменным слухом. — Время моей жизни истекает, я успею лишь ответить на ваши вопросы и объяснить, кто я такой. Если вы этого хотите. Остальное уже не имеет значения.

Березин слушал Последнего с неопределенным чувством — нечто среднее между иронией, изумлением и скепсисом. Поверить до конца в происходящее он не мог, не мог и решить, как относиться к пришельцу. Хотя пришельцем Последний не был.

По словам его, двести миллионов лет назад на Земле существовала цивилизация, по какой-то причине (по какой — Последний уточнить не захотел) исчезнувшая в веках. Лишь

немногие, в том числе и он сам, успели бежать в будущее от неизвестного катаклизма, найдя миллионы лет спустя новую цивилизацию, современную, молодую, горячую и... небезопасную.

— Да, небезопасную, — повторил Последний. — К сожалению, у нас не было выбора. Вы, люди, — диэнерги! Вы излучаете сразу два вида энергий: разрушения и созидания! Вам неведомо, что источниками энергии являются ваши эмоции: энергии разрушения — зло и ненависть, созидания — доброта и гуманизм. Источник один — эмоции, но виды излучений разнятся так же, как ваши машины для разрушения отличаются от машин для созидания, строительства. Вы даже не подозреваете, что обладаете исполинской силой, способной творить Вселенные! И тратите эту силу поистине с безумной щедростью, но главное — абсолютно бесполезно, даже не замечая ее существования. Кроме редких случайных проявлений — телепатии, например, ясновидения, телекинеза... Взамен над чувствами начинает преобладать трезвый расчет, и появляются на свет атомные бомбы, напалм и генераторы смерти...

Беглец из прошлого замолчал.

— Почему же наша цивилизация такая плохая? — спросил задетый Березин, когда молчание затянулось. — Только из-за совершенствования орудий истребления?

— В последнее время наши... назовем их приборами... стали фиксировать нарастающую волну бессмысленных трат энергий разрушения, а мы достаточно опытные, чтобы понимать, к чему это может привести.

— К чему же?

— Вы становитесь равнодушными... к природе, к себе... к разуму вообще. Равнодушие — худшая из бед! Природа не терпит пустоты, и, не встречая сопротивления, гипертрофически растет безликая энергия равнодушия, которую слишком просто обратить в энергию разрушения... к чему пришли и мы за двести миллионов лет до вашего рождения. Моим коллегам-беглецам повезло больше, многие из них прошли инверсию времени благополучно, выбрав другие отрезки вашей истории. Я же ошибся, ошибся дважды... — Голос Последнего понизился до шепота. — Уже само бегст-

во было ошибкой, трагической ошибкой, исправить которую я уже не могу.

— А взрыв? — не удержался пилот, не в пример Березину слушавший с жадным интересом и поверивший прищельцу сразу и безоговорочно.

— Инерция была слишком велика, когда я захотел остановиться, — прошептал едва слышно Последний, — и инвертор времени захлебнулся.

Через четверть часа им удалось поставить вертолет на полозья, и пилот снял переборку за сиденьями, куда они с превеликим трудом поместили Последнего: тело неожиданно беглеца из прошлого оказалось необычно тяжелым. Он не сопротивлялся, только сказал:

— Напрасно вы возитесь со мной, помочь мне не в силах ни один современный врач. Я не гуманоид, как вы считаете, хотя и похож на людей. Видимый мой облик, все эти «руки», «ноги», «голова» — порождение вашей фантазии, как и мой «русский» язык. Вы слышите не речь, а мысль! Вы, должно быть, и видите меня по-разному...

Березин не удивился, только кивнул, его уже трудно было чем-нибудь удивить, к тому же беспокоила одна идея.

— Излучение зла, — сказал он, кое-как усаживаясь рядом с Последним на пассажирское сиденье, — это, наверное, условность?

— Разумеется, термин относителен, — отозвался Последний. — Градации энергии эмоций вообще условны. Излучение имеет спектр, и каждая эмоция имеет свою полосу. Но какая ирония судьбы — вы, величайшие из творцов во Вселенной, не знаете своей огромной творящей силы!

— Да уж, силой бог нас не обидел! — пробормотал Березин, перед мысленным взором которого промелькнули картины человеческой деятельности. Подумал: одновременно это и страшная сила! Если, конечно, все это не розыгрыш или шутка гипнотизера... и не бред больного. Хотя на больного этот черный малый не похож. Знал бы он, сколько еще у человека злобы и ненависти, равнодушия и зависти, властолюбия и презрения! Может быть, и права эволюция, что

не раскрыла нам сразу всего нашего могущества — наделали бы дел! Прежде надо научиться жить по справедливости и излучать в одном диапазоне — доброты и отзывчивости. Почему же к нам бегут из бездны прошлого? Что за парадокс? Неужели там жизнь хуже? Или они сами оказались бессильными перед своим собственным могуществом?

— А что это означает — энергии зла или доброты? — спросил Березин. — Можно ли ими управлять, дозировать?

Последний повозился в своем импровизированном кресле, помолчал с минуту.

Фыркал мотор, пилот, не вмешивающийся в беседу, несколько раз выскакивал из кабины и возился наверху. Наконец он запустил двигатель, и кабина задрожала от вибрации ротора.

Наконец раздался невыразительный голос (мысль!) беглеца:

— Пожалуй, я рискну дать вам знание вашей собственной радиации доброты, хуже от этого никому не станет, тем более мне. Но предупреждаю: знание это вы сможете использовать только для себя и не во вред другим. Любое иное применение станет фатальным.

Глаза Последнего налились желтым сиянием, у Березина внезапно закружилась голова, и он судорожно ухватился руками за какую-то перекладину впереди. И в это время тело беглеца из прошлого стало распухать и распадаться черным дымом. Дым заполнил кабину, перехватил дыхание.

Березин ударил ногой в дверцу и вывалился из кабины на землю, задыхаясь от кашля и нахлынувшей слабости. Отползая на четвереньках от вертолета, из которого, как из кратера вулкана, валил дым, он увидел по другую сторону отчаянно ругавшегося пилота, проворно отбегающего к пескам.

Двигатель вертолета продолжал работать, лопасти вращались и прибавляли струи дыма к земле. Глаза начали слезиться, кашель выворачивал внутренности наизнанку, голова гудела, и Березин, судорожно загребая землю руками, отползал от вертолета все дальше и дальше, понимая, что Последний умер...

— И тут я потерял сознание окончательно. — Березин облизнул сухие губы и замолчал.

— Да-а, — пробурчал Богаев, избегая смотреть на пострадавшего. — Очень интересно... и очень правдоподобно. Однако вынужден тебя огорчить — все это тебе привиделось. Или почудилось, показалось, померещилось — выби-рай любую формулировку.

— Расспросите пилота, он подтвердит.

— Пилот до сих пор не найден. — Богаев нахмурился, встал со стула, поправил сползающий с плеч халат и подошел к окну палаты. — Когда взорвался этот проклятый газовый мешок, вертолет ваш, очевидно, перевернуло, и двигатель быстро загорелся. А пилот свалился в зыбун. Его еще ищут, но и так понятно.

— Какой газовый мешок? — прошептал Березин. — Почему загорелся вертолет? Не может быть!

— К сожалению, может. Тебя подобрала спасатели в глубине сухого леса, ты еще легко отделался. Скажи спасибо, что МЧС сработало оперативно и по звонку из Бийска — там зарегистрировали взрыв — послало спасателей.

— Значит, на Салаире взорвался газовый мешок?..

— Подземные пустоты, заполненные газом. Наверное, раньше запросто просачивался в районе Драконьей пустоши понемногу, а когда мешок взорвался, волна газа окатила все вокруг пустоши на десятки километров. Отсюда и твои красочные галлюцинации — надышался. «Излучение зла»... надо же придумать!

Березин посмотрел на свои забинтованные руки. Галлюцинации?! Ничего этого не было на самом деле?! Не было странного беглеца из страшно далекой эпохи, не было их разговора?.. И вдруг Березин вспомнил: «Я дам вам знание своей собственной радиации доброты»... Неужели и это — галлюцинации?..

— Разбинтуйте мне руки, — попросил Березин тихо.

— Зачем? — удивился Богаев, оборачиваясь.

— Разбинтуйте, пожалуйста.

— Ты с ума сошел! — Богаев с тревогой посмотрел в глаза Березину. — Зачем это тебе? Врач меня из окна выбросит, когда увидит! Несмотря на то, что ты мой подчиненный.

— Авось не выбросит, вы быстро.

Богаев помедлил, пожал плечами и стал неумело разбинтовывать руки пострадавшего, пропахшие антисептикой, в желтых пятнах ушибов, с узором царапин и ссадин.

— Ну и что дальше?

Березин тоже смотрел на свои руки, лицо его осунулось вдруг, стало строже и суровей.

А затем Богаев увидел, как руки эксперта посветлели, порезы, царапины и ушибы на них исчезли, словно с кожи смыли краску.

Березин без сил откинулся на подушку, лежал немного, отдыхая и весело глядя на побледневшего начальника. Потом неожиданно подмигнул ему и медленно воспарил над кроватью...

На высоте сорока двух километров десантный шлюп воткнулся в мощное струйное течение, охватывающее кольцом всю планету по экватору. Удар горизонтального воздушного потока кинул его в крутое пикирование, и, хотя экипаж не пострадал, все же прошло какое-то время, прежде чем шкипер выровнял шлюп. Произошло это на высоте трех километров. Остановив кораблик в воздухе, шкипер Диего Вирт включил системы обзора.

Под ними простиралась черная равнина с разбросанными кое-где по ней глыбами льда! А может быть, стекла — с высоты не очень-то разберешься в материале необычных образований. Каждая глыба занимала площадь от одного до четырех десятков квадратных километров и соединялась с соседними странного вида отростками, напоминающими известняковые натеки или трубы. Равнина уходила за горизонт, мрачная, выжженная, усыпанная пеплом и сажей, и лишь полупрозрачные молочно-голубые айсберги, игравшие в гранях холодным огнем, да веселое белое око светила вносили некоторое разнообразие в этот угрюмый пейзаж.

— Везде одна и та же картина, — сказал невозмутимый, собранный Денисов. — Все черное и фиолетовое и кое-где белое с голубым — потухший ад!

— Не знаю, потухший ли, — с сомнением покачал головой Эллина. — Температура поверхности плато под нами плюс сто сорок по Цельсию. И ледяные поля?

— Не знаю, ледяные ли, — в тон ему отозвался Диего Вирт. — Насколько мне известно, самый тугоплавкий из льдов, тритиевый, плавится при температуре плюс четыре градуса, а тут сто сорок!

— Значит, это не лед. Может быть, в самом деле стекло? Нужен анализ. Смотрите, отростки тянутся от одного ледяного массива к другому, как паутинные нити. Что это может означать?

— Филипп, сообщи главному, — сказал шкипер диспетчеру связи на корабле-матке, — идем на посадку. Никаких признаков «Ра» в этом районе пока не видно. До захода светила около трех часов, так что успеем сделать общегеологическую характеристику, радиолокационный зондаж материка и убраться отсюда до вечернего урагана. Зонды на поиски «Ра» высылай по пеленгу немедленно.

Крейсер управления аварийно-спасательной службы «Слава» продолжал накручивать на планету очередной виток, изредка выстреливая в черноту космоса автоматические зонды и десантные шлюпы, принимая вернувшиеся из очередной экспедиции.

Пошла вторая неделя поисков пропавшего в этом районе трансгалактического разведчика «Ра» со ста двадцатью шестью членами экипажа, вторая неделя разведки вблизи огромной желтой звезды, известной на Земле как фуор ипсилон Кормы Корабля.

— Данные земной астрономической службы подтверждаются, — проговорил начальник экспертной группы Сажин. — В атмосфере звезды аномально высокое содержание лития. Звезда молода, и совершенно непонятно, каким образом она приобрела эту единственную планету.

— Да еще почти на круговой орбите, — добавил командир «Славы» Чашин. — Будь у нее эллиптическая орбита с большим эксцентриситетом, можно было бы предположить, что планета захвачена звездой при прохождении возле старой системы, но круговая орбита...

— Уточнили, когда произошла вспышка? — спросил Джаваир, думая о чем-то своем и разглядывая покрасневший в объеме экрана шар звезды, окутанный колоссальными космами протуберанцев. Ответ он знал заранее, просто хотел услышать это из уст ученого.

— Почти два года назад, — сказал Сажин. — Точнее — двадцать два месяца шестнадцать дней.

— То есть практически в то же время, когда замолчал и «Ра». — Чашин встретил взгляд Джаваира и понял его мысль. — А период вспышек? — спросил он.

— Периода как такового нет, — с досадой произнес Сажин. — Процессы в атмосферах фуоров еще полностью не изучены, фуоры вспыхивают неожиданно, могут раз в год, могут раз в десять лет. По последним данным, до очередной вспышки нашего фуора осталось около двух недель.

— Понятно, — буркнул Джаваир. — Продолжаем работу по плану, информации недостаточно для определенных выводов. «Ра» не мог быть уничтожен вспышкой звезды, аппаратуру он имел не хуже нашей, и команда заранее узнала бы о вспышке, как и мы с вами. Хотя, конечно, не исключено, что я ошибаюсь. И все же, кроме пылевых облаков в радиусе трехсот астрономических единиц от звезды, мы имеем еще и загадочную планету, которая здесь не должна была находиться и в силу этого обстоятельства наверняка заинтересовала экипаж «Ра».

— Вполне вероятно, что загадки планеты связаны с тайной исчезновения разведчиков, — пробормотал Сажин. — Так?

— Именно так. В связи с чем исследования планеты придется вести ускоренными темпами, необходимо бросить на нее всю автоматику. За две недели до очередной вспышки мы должны, соблюдая максимальную осторожность, определить истину и найти пропавших без вести. Или... установить причины их гибели.

— Диего на приеме, — доложил диспетчер связи крейсера. — Они там открыли странный лед...

— Так что же это за вещество? — медленно проговорил Диего Вирт, приблизив к поверхности одного из стеклянноледяных «айсбергов» пластину шлема.

В полупрозрачной глубине он увидел какие-то голубоватые смутные тени, серебристые жилы, пятна, мерцающие искры, узоры неведомых цветов. Глядя на них, Диего не мог отделаться от ощущения, что внутри «льда» течет своя, таинственная, неправдоподобная, сказочная жизнь.

— Лазер его не режет, плазма не берет, аннигилятору оно не поддается, — начал перечислять Эллини. — Анализ

оно тоже не поддается... Нет, это не вещество, скорее, какое-то неизвестное силовое поле.

— Но ведь приборы не отмечают никаких электромагнитных и гравитационных аномалий.

— Ну и что же? Значит, это поле не порождает известных науке эффектов. Почему это тебя удивляет?

— Так и прикажешь докладывать на крейсер? Мол, неизвестное науке поле, ни одного параметра определить не удастся?

Эллини пожал плечами:

— Командир группы не я.

— Пора домой, — позвал товарищей Денисов, томившийся в шлюпе. — Зонды зарегистрировали фронт сухой грозы, движется в нашем направлении.

Диего оглянулся на ртутно блестящую пирамиду шлюпа, махнул рукой:

— Еще пару минут, Слава. Пройдемся к перемычке, соединяющей эти горы, интересно взглянуть поближе.

Перемычка вблизи напоминала обросшую известняковыми наростами прозрачную трубу диаметром около четырех метров. Диего прошелся вдоль нее, касаясь рукой в перчатке. Показалось ему, что внутри трубы движутся какие-то объемные фигуры, но так быстро, что глаза не успевают фиксировать их даже на мгновение... Он постоял немного, напрягая зрение, но понимание процессов, происходящих внутри трубы, ускользало от сознания, и в конце концов Диего с сожалением вынужден был констатировать: для изучения «айсбергов» нужна специальная экспедиция с соответствующим оборудованием, а не поисковая группа. Он оглянулся на черные бугры и рытвины бесконечной равнины: все тот же потухший ад... потухший... ад... Что-то было в этом словосочетании, отзвук какого-то бывшего воспоминания... Ах да, ну конечно, во время вспышки звезды тут, вероятно, ад настоящий!

— Пошли, — сказал наконец начальник группы, обернувшись к низкому светилу, над которым уже копилась грозная тьма черного урагана. — Продолжим съемку сверху.

Сажин ворвался в каюту Джаваира под утро, воплощая в себе чудом бежавшего из-под стражи пленника.

— Вот! — Он высыпал на стол пачку объемных фотоснимков. — Вчера Чашин с тоски предложил заложить все снимки в комп, чтобы тот нашел хоть какую-нибудь закономерность в расположении этих чертовых связанных друг с другом «айсбергов». Закономерности не нашлось, зато компьютер отобрал очень интересные кадры, полюбуйся... Извини, Доминик, разбудил?

Джаваир сел на магнитокойке, помял лицо ладонями, усмехнулся на последнюю реплику начальника экспертной группы и взял снимки. На первом из них располагалась глыба «льда», формой напоминавшая... пропавший космолет! На втором — тот же «айсберг» в другом ракурсе. Остальные голографии повторяли первые две.

— «Ра»! — пробормотал Джаваир, окончательно просыпаясь. — Ты думаешь...

— Похоже, — кивнул Сажин. — Глыба напоминает космолет до умопомрачения, по размерам же она в три с лишним раза больше.

— Та-ак. Неужели совпадение, каприз природы?

— Не знаю, не бывает таких совпадений, начисто опровергающих теорию вероятности.

— Не преувеличивай. И все же... Ладно, я сейчас оденусь и приду в рубку. Кто там внизу ближе всех к тому району?

— Группа Вирта.

— Свяжитесь с ним, пусть посмотрит.

В рубке Джаваир появился через четверть часа.

Объем экрана часто перекрывался полосами помех, внизу бесновался электрический ураган, поэтому казалось, что Диего Вирт смеется.

— Хорошо, — слышался сквозь водопад помех его слабый голос. — Проверим. Можно начинать прямо сейчас? Мы хотели возвращаться.

Джаваир заколебался: приходилось рисковать экипажем десантолета, но времени до очередной вспышки фуора оставалось совсем немного — меньше двух недель, к тому же ураганные ветры по всей планете не прекращались теперь и

днем из-за усилившейся солнечной активности, поэтому риск в общем-то был оправдан.

— Начинайте, но из шлюпа не вылезать ни под каким предлогом! Используйте только дистанционную технику. Через пару часов пришлю смену. Все.

На малой скорости, покачиваясь под боковыми ударами ветра, шлюп обогнул километровую, льдисто мерцавшую в полутьме гору, по очертаниям напоминавшую земной разведкрейсер, развернулся и пошел на посадку.

— Глазам не верится! — сказал в тишине кабины Эллина.

— «Если на клетке слона прочтешь надпись «Буйвол», не верь глазам своим», — процитировал Козьму Пруtkова образованный Денисов. — Кстати, что-то не вижу я перемычки, соединяющей эту гору с соседними «айсбергами».

— Мы только что прошли над ней, — буркнул Диего Вирт, сросшийся с пультом в одно целое. — Просто она почти совсем прозрачна. Вдобавок в этой черной круговерти немудрено потерять ориентацию.

Шлюп, содрогаясь, постоял в воздухе и спружинил на посадочную гармонику в полусотне метров от странной горы.

— Запускай зонд, — скомандовал Денисов Эллина. — Выходить будем, шкипер?

— Ты же слышал распоряжение начальства.

— Соблюдение СРАМ? СРАМ!

— Отставить пререкания! Если под слоем этой полупрозрачной гадости, которую ничто не берет, покоится космос... не вляпаться бы! Понятно?

— Так точно, енерал! — вытянулся Денисов, как мог, в кресле и скафандре. — Прикажете ползком? Осторожность в нашем деле еще никому не вредила, — добавил он фразу из лексикона начальника экспедиции.

— Словоблуд, — проворчал Диего.

— Рады стараться, вашбродь!

Полусфера зонда взмыла в небо по крутой параболе и пропала в черном смерче. На экране медленно проступила сияющая вершина горы.

— Ниже!

Зонд послушно пошел вниз.

— Еще ниже. Сканирование... Ничего не видите?

Часть поверхности горы под зондом вдруг потемнела, перестала светиться, впечатление было такое, будто из сияющих глубин «айсберга» всплывает какая-то спрутоподобная черная масса. Темнота в этом месте сгустилась до полного мрака, превратилась в дыру, и в тот же миг передача с зонда оборвалась.

— Дьявольщина! — выругался Денисов. — Что за фокусы? Шкип, я не виноват, честное слово, автомат вырубился сам.

— Выпускай второй, потом... — Диего не договорил.

— Смотрите! — крикнул обычно более сдержанный Эллини.

Прямо перед шлюпом в стене горы проявилось вдруг круглое темное окно, выросло до размеров десантного корабля, сгустило цвет. Пульт и экраны кабины странно исказились, потом вспучился пол, волна искривления obeжала рубку. Мягкая и неодолимая сила стала плющить десантолет, складывать его вдвое, втрое...

«Старт!» — хотел скоординировать координатору шлюпа Диего, а потом ему показалось, что «ледяная» гора выстрелила по ним черным сгустком смолы...

— Со вторым и третьим шлюпами то же самое, — угрюмо доложил Чашин. — На связь не выходят. Зонд облетел ту странную гору сто раз — никаких следов пребывания шлюпов!

— Зато на самой горе появились новые ледяные натеки, — сказал Сажин. — Предвижу вопрос: да, возможно, это наши зонды и шлюпы, но, может быть, и нет. Времени на обдумывание ситуации у меня нет. У вас тоже.

Джаваир с минуту рассматривал изображение, переданное зондом: километровый голубовато-белый пик, похожий по форме на земной космолет, и прилепившиеся сбоку три пятидесятиметровые скалы.

— Как прикажете классифицировать случившееся? — Начальник экспедиции поднял худое, резкое, как нефрито-

вая маска, лицо. — Как нападение? Нечто, чему мы даже не подобрали название, пожирает звездолет и десантные шлюпы и в память об этом вырашивает их скульптурные изображения? Так, что ли?

— Факт исчезновения шлюпов налицо, — сказал Чашин. — И, судя по всему, кроме как внутри «айсбергов», быть им негде. Вот только почему они там не видны? И как это проверить? Каким способом разбить эту «ледяную» корку?

— По-вашему, они замурованы? — иронически приподнял бровь Сажин. — Так сказать, заморожены в «айсберг»? Впрочем, извините мой скепсис, я тоже не вижу совершенно никакого выхода, кроме разрушения «ледяной» корки.

— Прошу внимания, — раздался в зале голос бортинженера крейсера. — Фуор увеличил выход жесткой компоненты в излучении. Вспышка по прогнозу через восемь-десять часов.

Джаваир не пошевелился, только закрыл глаза. Молчал Сажин, молчали шестнадцать человек экипажа спасательного корабля. Наконец начальник экспедиции очнулся от раздумья, заметил взгляды своих подчиненных и встал.

— Прошу подготовиться к посадке в район исчезновения шлюпов. Группе риска — готовность ноль. Иные мнения есть?

— Иных быть не должно, — с облегчением проворчал Чашин. — В случае чего стартуем в джамп-режиме прямо с поверхности, у меня опыт в этом деле немалый. Правда, надеюсь, до этого не дойдет.

Джаваир очень хорошо понял смысл его последней фразы: старт крейсера с поверхности планеты в джамп-режиме был бы равен природному катаклизму типа мощнейшего извержения вулкана Кракатау на Земле много лет назад.

Крейсер опускался, величественный и строгий, окутанный многоцветной радугой защитного поля. В десятке метров от черного обожженного холма он выбросил веер ослепительного бирюзового огня — холм расплылся алым озерцом и застыл. Ветер тут же бросил на гладкую поверхность

вновь образованного зеркала посадочной площадки поток сажи. Крейсер фыркнул ледяным облаком жидкого азота, подождал минуту и беззвучно опустился в центр озера.

— Давайте попробуем ударить по горе ходовым ФГ¹, — предложил Чашин, сбежавший перед посадкой из экспедиционного зала в ходовую рубку. — Пару выхлопов на минимуме тяги. Проверим на прочность. Аннигиляторы пасуют перед этим веществом. А лучше бы шваркнуть по горе из информационно-топологических преобразователей! Не впустую же мы их везли сюда.

— Какие мы грозные! — усмехнулся через силу Джаваир. — И откуда это в человеке? Бей-круши, ломать — не строить, пиф-паф, ой-ой-ой! Без анализа, без расчета последствий, без самого естественного в данной ситуации вопроса — зачем? Ползет из леса что-то непонятное — а давайте-ка ударим по нему из аннигилятора, чтобы надежно! Стена перед нами — трахнем по ней из носовой противометеоритки! Кричит кто-то страшным голосом в горах — шандарохнем по горам из гравипушки! На всякий случай, чтобы не кричало.

— Я этого не предлагал, — заявил озадаченный речью начальника экспедиции Чашин. — И никогда не был сторонником штурма и натиска, всем это известно. А если нет времени на размышления? Через несколько часов здесь будет Страшный Суд, найдем ли мы после этого своих ребят?

— И все же подождем, подождем. — Джаваир вздохнул. — Не обижайся, в данном случае не о тебе речь. Сначала пошлем поисковые группы, может быть, мы ошибаемся в оценках и шлюпы где-то рядом, провалились в ущелья или ямы. Поищем часа два обычными средствами. Потом пошлем группу риска, вооруженную... как на войну.

— Боюсь, обычными средствами все-таки не обойтись, — сказал задумчиво-мрачный Сажин. — Придется использовать более мощные инструменты. В том числе и наши излучатели.

Но люди не успели выслать десантолеты и выйти из крейсера. От исполинской сверкающей горы потянулся

¹ФГ — генератор фазового прокола пространства.

вдруг к кораблю радужный рукав, превращаясь в глотку колоссального удава. Пилот успел накрыть крейсер коконом аварийной защиты, а в следующий миг корабль оказался внутри ярко освещенного голубого пузыря.

Спустя несколько минут, в течение которых члены экспедиции приходили в себя, в одном месте пузыря открылось темное отверстие, и на оплавленную скалу ступил в скафандре Диего Вирт. За ним Денисов, мужчина в скафандре Даль-разведки и... нет, не человек, не землянин: иные пропорции тела, поза, одежда — гуманоид — да, но не человек.

— Бог ты мой! — прошептал Сажин. — Кто это с ними? Что происходит?

Никто ему не ответил.

Первым в экспедиционный зал вошел рослый рыжеватый молодой человек в командирском комбинезоне.

— Виктор Торанц, — представился он, пожимая руку Джаваиру. — Командир разведгала «Ра». А это Итин-Ис-Сорм. — Он повернулся к подошедшему следом существу. — Представитель цивилизации итинов, заведующий станциями внешней защиты.

Рука у итина оказалась вполне человеческой, пятипалой, жесткой и сильной. Он не казался смущенным или настороженным, наоборот, во взгляде его читалось понимание происходящего и едва заметное ироническое простодушие.

— Вы, очевидно, уже объяснились с нашими разведчиками, но мы в неведении, — сказал Джаваир. — Объясните все в двух словах. Почему вы не выходили на связь почти два года? Впрочем, расскажете потом, надо торопиться. Через пять часов фуор вспыхнет, и к этому времени мы должны быть за пределами системы.

— Торопиться не надо, — вмешался Диего Вирт, улыбаясь. — И не обязательно быть за пределами системы во время вспышки. Мы находимся под защитой векторно-временного континуума — так это переводится с языка итинов. Тайнственные «ледяные» горы и поля на самом деле — временно-пространственные объемы, в которых время течет под углом к потолку времени в космосе. Универсальная защита от любых катаклизмов, в том числе и от вспышек сверхновых. Итины включают ее, как только прогнозы предска-

вают год беспокойного Солнца. Командир, рассказывай дальше сам.

Торанц кивнул.

— Мы виноваты лишь в том, что не сразу уяснили разницу во времени: для нас внутри мира итинов прошло всего два месяца. Да и никого это не интересовало, мы были заняты контактом. Итины вышли на нас сами, когда мы произвели посадку на планете «айсбергов».

— Значит, каждый «айсберг» — область с иным ходом времени? — спросил заинтригованный Сажин, будучи скептиком по должности и ученым до мозга костей. — А перемычки?

— Туннели между закапсулированными районами. Сами понимаете, чтобы охватить временным полем всю планету, нужна колоссальная энергия, а ее у итинов не так уж и много, вот и приходится экономить, векторизовать лишь города и производственные центры. Советую дать сообщение на Землю, пока есть время до вспышки, пусть высылают экспедицию Комиссии по контактам, иначе управление снова пошлет сюда спасательную экспедицию. Дело серьезное, хотя и мы кое-что успели сделать.

Стоящий все это время совершенно неподвижно представитель цивилизации итинов вдруг пошевелился, по-птичьи быстро повернул голову к Чашину и спросил на чистом русском языке, почти без акцента:

— Что это вы заскучали, коллега Чашин?

Все остолбенели. Диего Вирт, успевший оценить умственные способности итинов, тихонько засмеялся. Лишь Джаваир, переживший беспощадные минуты взвешивания решения, но умевший держать себя в руках, остался бесстрастным. Он поглядывал на хмуро удивленного Чашина, хмыкнул и сказал серьезно:

— Командир Чашин обижен тем, что ему не дали продемонстрировать всю мощь крейсера для пробивания дырки в вашей защите. Но он отходчив. А мы все искренне рады познакомиться с вами!

Итин-Ис-Сторм улыбнулся: он умел ценить юмор.

МАЛЬЧИШКА ИЗ 22-го

Пушку привезли под вечер, когда старшина Агабаб Джавахишвили забеспокоился и собрался послать Курченко к комбату справиться — оставаться ли им на высоте или возвращаться в расположение батареи.

Новенькое стомиллиметровое орудие с трудом уместилось в естественном каменном окопчике, и пришлось сдать его назад, за нагромождение известняковых глыб, испятнанных сухим мхом.

Черная от грязи и копоти «тридцатьчетверка», разворачиваясь, задела пушкой скалу, и пожилой, промасленный до костей танкист зло и неслышно заорал что-то в люк.

— Нервничает, — философски заметил Антон Осинин, передвинув автомат на грудь, чтобы удобнее было лежать. — А чего, спрашивается, нервничать? Пешком не топтать, как нашему брату.

— Мели, Емеля... — Коренастый, заросший до бровей Сандро Куцов потянулся всем телом и встал. — Нашел кому завидовать. Ты везде себе укрытие найдешь, а он сидит как в консервной банке, и лупят по нему все кому не лень... Пошли поможем ему, разлегся тут.

Осинин лениво повернул голову и посмотрел на суетившийся у пушки расчет лейтенанта Белова. Самого лейтенанта еще не было, и командовал расчетом старшина Джавахишвили, которого никто никогда не называл по фамилии, даже комбат. Агабаб да Агабаб, в крайнем случае старшина Агабаб. А исполнилось старшине всего девятнадцать лет.

— Да-а-а, — пробормотал Осинин, — ежели такая дура по танку плюнет... Эй, дядя Сандро, а пулемет?

— Никуда не денется, не отставай.

До позднего вечера они устанавливали и маскировали пушку, выбирали позицию для пулеметчиков и рыли окопы. Лейтенант пришел, когда совсем стемнело. Был он не то чтобы юн, но достаточно молод, хотя до войны успел жениться и закончить институт, а за глаза его звали Профессором. Но то была не насмешка, а дань его знаниям, не раз приводившим в удивление бывалых солдат.

Он быстро оглядел усталых бойцов, освещенных пламенем костра, кивнул «вольно», похвалил за работу и отозвал в сторонку старшину.

Докладом Агабаба Белов остался доволен, насколько это было возможно в его положении. Пушку установили так, что вход и выход из лощины, похожей на ущелье, виден был как на ладони. Кроме того, слева и справа вставали крутобокие каменистые холмы, заросшие сосняком, а впереди склон был завален глыбами известняка. Танки подойти близко не смогут, а против пехоты у них имелись «станкач» и лучшие пулеметчики полка. Правда, смущало одно обстоятельство: вся батарея занимала позицию в пяти километрах отсюда, на берегу речки Ключевой, а они поставлены здесь были только на страх и риск комбата, узнавшего от разведчиков, что через расположение его батареи немцы наметили танковую атаку. Сведения эти впоследствии как будто не подтвердились, но комбат представил, что будет с батареей, если внезапно пойдут танки, и решил подготовить артзасадку в наиболее выгодном для атаки фашистов месте обороны. Белов знал об этом все, и тем не менее его не покидала тревога.

Агабаб понял его несколько прямолинейно. Сверкнув рысьим глазом, он стал перечислять достоинства позиции, нарочно усиливая свой природный грузинский акцент: он знал, что лейтенанту нравится его «русская» речь.

Издали они походили друг на друга, как братья: тонкие, гибкие, перетянутые в талии ремнями до скрипа, — но насколько Агабаб был смугл и черноволос, настолько лейтенант светился соломенно-белой головой, как одуванчик в поле.

— Ну вот что, — сказал он, прищурясь, внимательно вы-

слушав доводы старшины. — Ты за упокой раньше времени не пой, не к тому я тебе все рассказал, понял?

— Так точно, — виновато ответил Агабаб, вытягиваясь. — Нервничаю я, а? Может, сделать ложную позицию, для самолетов?

— Вот и займись. — Белов присел на снарядный ящик и достал планшет.

Агабаб постоял немного рядом и отошел.

— Курченко, Помозков, Осинин, срубите сухую сосну, очистите от сучьев и сделайте ложную позицию на соседнем холме.

— Темно уже... — начал было Осинин, но осекся, встретив тяжелый взгляд Куцова.

— Сержант, как позиция? — спросил Белов, искоса поглядывая на него.

— Да так, ничего, — неопределенно ответил Куцов, докуривая папиросу.

Под утро почти не спавший Белов спустился к пулеметчикам и наметанным глазом окинул и умело вырытый окоп, и ход сообщения, оценил и правильность выбора сектора обстрела. Хозяйская обстоятельность сержанта, спавшего чутко, вполуха, была ему по душе.

Куцову недавно исполнилось пятьдесят. В полку его звали просто — дядя Сандро, молодые бойцы слушались беспрекословно. Славился он не только медвежьей силой, но и неожиданной для его громоздкого тела реакцией и ловкостью. Говорили, что в прошлом он не то знаменитый охотник, не то не менее знаменитый борец. Но главное, конечно, было не в этом: от него исходила та спокойная внутренняя сила и уверенность, которая подчиняет даже таких острых на язык и одновременно ленивых людей, как Антон Осинин.

— Не спишь, дядя Сандро? — тихо спросил Белов, закуривая, и, опустившись на корточки, протянул вторую папиросу Куцову.

Тот взял папиросу короткими толстыми пальцами, размял и высунул голову из окопа.

— Гудят, гады, на левом крыле гудят... А нас не скоро снимут отсюда, лейтенант? Похоже, отдыхать сюда прислали... неизвестно за какие заслуги.

Белов докурил папиросу и вдавил окурочек в землю.

— Боюсь, отдыхать не придется, старшина, — сказал он, выпрямился и вернулся к орудию.

— Слухай, дядя Сандро, — раздался из окопа голос проснувшегося Осинина. — На фига надо было такую здоровенную пушку в засаду ставить? У ней же скорострельность — что у меня чих. Два раза выстрелит — и кранты, засекут.

Куцов помолчал, глядя, как загораются легким золотом верхушки сосен на дальних холмах.

— Готовь гранаты, парень. Может быть, и нам придется поиграть с танками в кошки-мышки.

— А мы так не договаривались, — протянул обескураженно Осинин.

В пять утра расчет был готов к стрельбе.

Белов прищурился на Помозкова, который вдруг затрясся в нервном ознобе, подмигнул ему:

— Тебя можно использовать вместо вибратора в лабораторных опытах, Толя.

— Не дрейфь, Помозок. — Курченко шлепнул подносчика по спине широкой ладонью. — Открой-ка лучше ящик с бронебойными.

— Туман не помешает? — пробормотал Агабаб, протирая окуляры дальномера.

Белов хотел ответить, но не успел.

Совсем рядом вдруг прозвучал треск, словно рухнуло дерево. А потом из-за кустов к пушке вышел юноша, почти мальчик, в новенькой гимнастерке с погонами сержанта и в залатанных на коленях галифе.

Оглянувшись, Осинин издал сиплый возглас и вскинул автомат. Куцов резко пригнул ствол вниз: человек без оружия.

Несколько мгновений солдаты и юный незнакомец стояли, вглядываясь друг в друга. Потом лейтенант вышел из-за щита пушки и отрывисто спросил:

— Кто такой? Как сюда попал?

Лицо сержанта побледнело, странным прерывающимся голосом он медленно проговорил:

— Я отстал от своих... разрешите... остаться с вами?

— А где оружие? — все так же резко спросил Белов.

Незнакомец на секунду замешкался, стал вдруг краснеть.

— У меня нет... оружия.

— Как это нет?! Бросил?!

— У меня... не было. — Незнакомец опустил голову, у него горели уши.

— Во дает! — сказал Осинин и покосился на Куцова. — Говорит вроде по-русски, а акцент фрицевский. Может быть, это фашист переодетый? Разведчик? Ну-ка, руки вверх, Ганс, или как там тебя!

— Я не разведчик, — не оборачиваясь в его сторону, сказал странный сержант. — Меня зовут Дан.

Белов хмыкнул. Поведение юноши казалось лишенным элементарного правдоподобия. Кто он? Немецкий разведчик? Не похоже. Стал бы разведчик краснеть и молотить чепуху... Парнишка, случайно переодевшийся в форму сержанта? Убежал от мамы на войну? Тоже не очень похоже...

— Курченко, обыщи его, — велел Белов, наблюдая за действиями незнакомца. Тот вздернул голову, но обыскать дал себя безропотно.

Курченко покачал головой:

— Гол как сокол. В карманах ничего.

— Так, — усмехнулся лейтенант. — Приключений захотелось? Сколько тебе лет?

Дан смутился, снова краснея, мучительно, до слез.

— Восемнадцать...

— Что-то мало верится. Придется доставить тебя... — Белов не договорил.

— Танк! — крикнул Куцов из своего укрытия.

В дальнем конце лошаины показалась тупорылая пятнистая машина и с ревом покатила вперед.

— Ложись! — рявкнул лейтенант. — Помозков, возьми его под свое командование, пусть подает снаряды. Бронебойным — заряжай!.. Да, как твоя фамилия, малый? Уж больно знакомая физия у тебя...

— Белов моя фамилия, — отозвался новоявленный помощник, неумело отползая за ящики со снарядами.

— Не нравится мне все это... — пробормотал Куцов и положил на бруствер тяжелые руки.

— Мне тоже, — протянул Осинин, думая о своем. — Что, у него на морде написано, что он свой? Сомневаюсь я. А лейтенант ему сразу поверил, видал? Он, конечно, ученый и все такое прочее... а ну как ошибся? Возьмет этот приبلудный да подаст сигнал фрицам...

— Помолчи, — буркнул Куцов. — И без твоего нытья на душе муторно...

Первый «тигр» был разведкой. Он остановился, поворачивал башней, выискивая цели на гребнях холмов, никого не обнаружил и тихонько пополз дальше, останавливаясь через каждые полсотни метров.

— Нервничают фрицы, — усмехнулся Белов, поглядывая на однофамильца и все больше убеждаясь, что не нюхал пороха этот парень. — Чуют свою смерть.

Старшина сделал глотательное движение и расстегнул ворот гимнастерки. Поймав взгляд лейтенанта, криво улыбнулся:

— Понимаешь, всегда перед боем горло пересыхает.

— Ты мне каждый раз говоришь об этом, — засмеялся Белов. — Ничего, сейчас твой мандраж как рукой снимет. «Тигра» пока не трогай, пойдут колонной — ударим сначала по хвосту, а этот никуда не денется.

Агабаб кивнул и припал к окуляру.

«Тигр» разведки прошел в конец лощины, поворачивал башней и остановился. До него было всего метров сто, и стоял он боком, так что у старшины даже руки похолодели от желания дернуть за спуск.

— Хорош зверинец! — прошептал Белов, считая начавшие выползать из-за холма танки. — Тут тебе и «тигры», и «пантеры», и «фердинанды»... Хорошую атаку наметили фашисты... Сначала замыкающего, Агабаб, потом эту сумасшедшую зверюгу впереди.

Старшина пошевелил лопатками и выстрелил.

Первым же выстрелом они с ходу проломили борт «пантере», замыкающей колонну. Следующими тремя подожгли злополучного «тигра» в авангарде и вторую самоходку. Остальные круто развернулись и стали расползаться по лошаине, отплеываясь огнем и дымом.

— Беглым — огонь! — Лейтенант махнул рукой и бросился к подносчику, который вдруг схватился за голову и упал. — Давай снаряд, пацан.

— Кажется, и наша очередь пришла, — спокойно заметил Сандро Куцов, глядя на замелькавшие на склоне соседнего холма зеленые мундиры.

Осколками близкого разрыва убило Курченко и ранило Агабаба. Белов, отброшенный взрывной волной на разбитые в щепу снарядные ящики, с трудом поднялся и поковылял к пушке.

— Снаряды! Огонь, старшина!

— Не могу, руку перебило! — простонал Агабаб. — Где же обещанная подмога, командир? Что они, не слышат?..

— Ползи к реке, доберись до комбата...

— А ты?

— Пока живы пулеметчики, жив и я. — Лейтенант оглядел панораму боя, и яростно-ликующая усмешка искривила его измазанное землей, пороховой гарью и кровью лицо.

В лошаине горело девять танков, но в дыму ползали еще столько же, и все стреляли сюда, и только удачно выбранная позиция не позволяла им расправиться с пушкой сразу.

— Уходи, старшина, а я еще задержусь. Забери с собой однофамильца. Эй, Дан Белов, за старшиной, живо!

— Не пойду! — прокричал испачканный чьей-то кровью и пятнами гари молодой сержант, добавил торопливо: — Пошли вместе, дед.

Лейтенант не расслышал последней фразы, он почувствовал толчок в спину и снова упал. Показалось, что он плывет в невесомости. Боли не было, только спине стало горячо, словно заалела гимнастерка. Склонилось над ним лицо странного парнишки, кого-то смутно напоминавшего, но у Белова уже не осталось сил вспоминать кого.

— Ты еще... здесь? — прошептал он, пытаясь подняться. — Жив? Помоги встать... ноги не слушаются... но у нас еще есть снаряды... Где Агабаб?

— Убит.

— Пулеметчики?

— Убиты.

Сердце отозвалось болью. Дан усадил его, испачкав руки в крови. Мальчишка словно повзрослел за минуту, сказал строго и просто:

— Я пришел за тобой, дед. Я не однофамилец, я твой правнук. Нас ждут там, пошли.

— Бред! — Белов сильно закашлялся кровавой пеной. — Откуда же ты свалился... такой?

— Не бред, Александр Иванович. У меня слишком мало времени на объяснения. А чтобы ты поверил...

Дан распахнул гимнастерку, под ней оказался сверкающий живым ртутным огнем костюм, обтягивающий тело, тяжелый на вид ремень с выпуклой пряжкой, в центре которой горели цифры: 1943.

— Это аппаратура перемещения во времени, настроена на возвращение двоих.

Рядом ударила автоматная очередь, Дан заторопился:

— Мы обнаружили в архивах твои работы, дед, о квантах времени и принципе обмена причинности. Идеи эти верны, ты обогнал эпоху на два столетия, и ты очень нужен там, где я живу, в двадцать втором веке. Ты... ты гений, дед!

Белов не двигался целую минуту, полужакрыв глаза.

— А почему ты решил прийти именно сейчас? Зачем нужно так рисковать? Тебя же могут убить...

— Я просил, чтобы послали именно меня. «Завтра» для тебя... не будет. Прошу тебя, поторопись.

Белов снова задумался на бесконечно долгую минуту, пытаясь представить тот самый век, век грядущий, в котором живет его правнук; он поверил ему сразу.

Дан выглянул из-за пушки. Танки не стреляли, по склону холма двигалась редкая цепочка зеленых фигур. Пулемет Куцова молчал.

Потом Белов зашевелился и медленно, напрягаясь, встал. Дан подставил ему плечо, но лейтенант покачал головой.

— Возвращайся один, правнук. Человечество без меня как-нибудь обойдется — там, у вас, но не обойдется здесь. У долга нет альтернативы, как и у совести. Я не имею права... уходить. Ты поймешь меня потом... к тому же у нас еще есть снаряды. Пока я жив, они не пройдут! Прощай...

— Это твое окончательное решение? — высоким звенящим голосом спросил Дан.

Лейтенант не ответил, нагибаясь к прицелу и стараясь не упасть. Он держался только потому, что рядом был мальчишка из двадцать второго века, который был обязан уйти живым, потому что не должны гибнуть дети, тем более дети будущего, ради спасения одного человека, кем бы он ни был!

— Уходи же!

— Я остаюсь. — Голос Дана дрогнул. — У нас еще есть снаряды, дед.

Они успели выстрелить. И еще раз. И еще...

ДВОЕ В ПУСТЫНЕ

Космической троллейбус задержался: впереди стояла желтая машина ремонтников, и двое угрюмых парней в спецовках не торопясь что-то подстукивали наверху в стыках проводов. Через минуту тронулись, а я вдруг перестал воспринимать действительность. Знакомое чувство повторения виденного охватило меня. Такое бывало и раньше: вдруг ни с того ни с сего начинает казаться, что тебе знакома та ситуация, которую ты только что пережил. Так и сейчас: все во мне напряглось, воспоминание рождается мучительно долго и безнадежно — такое уже было... такое или почти такое... но где и когда?

Едва осознавая себя, я сошел на следующей остановке, и тут это произошло...

Удар тишины! Встряска всего организма от чего-то непонятного, неподвижного и тем не менее яростно динамичного... Словно вихрь промчался надо мной и внутри меня, очистил от шелухи мыслей и чувств, и вот я уже стою онемевший, растерянный, в странном мире, где разлиты покой, тишина и неподвижность...

Нет-нет, я находился все там же: остановка «Проспект Героев», справа — стена десятиэтажного дома почти километровой длины, прозванного в быту «Китайской стеной», слева — высотный серый дом из сплошного унылого бетона, рядом почта, гастроном... Все то же и совсем не то! Ни людей, ни звуков их торопливой жизни! Застыли коробки троллейбусов и автобусов, пустые, как скорлупа съеденных орехов, совершенно обезлюдели тротуары, бульвары, подъезды, дороги. Ни одного пешехода, ни одной живой души! И над всем этим мертвым спокойствием разлит странный

розовый небосвод, струящий ровный, без теней, свет на опустевший жилой массив...

Первым инстинктивным движением моим был шаг назад, в салон троллейбуса, но скрип и шорох пустой, накрепившейся под моей тяжестью машины не отрезвил меня, а, наоборот, заставил сделать еще несколько нелепых движений: я выпрыгнул обратно, зажмурил глаза, надавил до боли на глазные яблоки, открыл и увидел тот же знакомый и одновременно чужой до жути пейзаж и закричал:

— Лю-ю-ди-и!..

— ...Уди-уди-уди-ди-и... — ответило долгое эхо.

И снова молчание, ни стука, ни гула моторов, ни шелеста шагов...

Как всегда, я просыпаюсь уже после того, как полностью постигаю всю глубину своего одиночества. Оно бьет по нервам так сильно, что я просыпаюсь в страхе и долго не могу прийти в себя, смотрю на смутно белеющий во тьме потолок и успокаиваю сердце по методу раджа-йоги. Потом, качая головой, произношу мысленно сакраментальную фразу: «Приснится же чепуха, господи! О толкователи снов, где вы?»

Однако с некоторых пор я перестал быть уверенным в том, что это чепуха. Сон мой — с опустевшим городом — донимает меня уже вторую неделю аккуратно через день. И если первые мои реакции на сон были еще более или менее положительными: любопытство не позволяло заниматься глубоким самоанализом, то в конце второй недели я стал досматривать сон с ужасом, не делая попыток рассмотреть подробности, как раньше, не умея отстраняться от тоски, страха и жуткого ощущения ирреальности происходящего, засасывающего в бездну небытия. Ребята на работе, врач-исследователи, как и я сам, посоветовали обратиться к психиатру, благо, что в институте их пруд пруди и все знакомы. И я согласился, хотя как врач-невропатолог всегда был высокого мнения о своей нервной системе — был уверен, что друзья не отправят меня на Игрень — известное в нашем городе место, где расположена психолечебница.

Я было совсем уже собрался на консультацию к психиатрам, их лаборатория находилась рядом, за стеной, как на-

чальство в лице заведующего лабораторией нервных заболеваний Пантелеева послало меня в командировку, и я решил понаблюдать за собой в иной обстановке: кто знает, может быть, от перемены местожительства исчезнут и мои сны?

Командировки, честно говоря, я не люблю, и если и терплю их, так это лишь за новые, неизвестные мне ранее и потому полные таинственного смысла и романтики дороги, след юношеского увлечения романтической литературой и туризмом...

Ехать нужно было в Кмиенск, во Всесоюзную лабораторию иглоукалывания и электропунктуры, куда я ездил до этого случая всего два раза, причем оба раза на автобусах — восемь часов качки и тряски, чем не тренажер для космонавтов? На сей раз автобус отпадал: он отправлялся на следующий день в семь утра, а мне нужно было в тот же день в девять утра быть в лаборатории. Пришлось ехать по железной дороге, вечером, с пересадкой в Черницах, чему я даже обрадовался, забыв ироническое напутствие Пантелеева, который почему-то всегда разговаривал со мной, как со студентом, а не научным сотрудником с полугодовым стажем.

Как я оказался на вокзале — не помню, увлекся, наверное, самоанализом, помогающим иногда коротать время в общественном транспорте. В кассе мне еще раз объяснили, что ехать надо с пересадкой: до Черниц на электричке, а дальше на любом проходящем до Кмиенска. Меня это вполне устраивало, и я приготовился к трем удовольствиям, доступным каждому командированному: созерцанию пейзажей за окном вагона, чтению книг или журналов, до которых дома просто не доходят руки, и случайным встречам.

Что касается встреч, то тут судьба уготовила мне именно то, чего я тщетно ждал последние два года. При посадке в электричку на перроне мелькнуло удивительно знакомое красивое девичье лицо. Я стремительно кинулся назад из вагона, по инерции оценил достоинства фигуры удалявшейся девушки, и тут меня как громом поразило — это была Алена. Девушка, с которой нас когда-то связывало нечто большее, чем знакомство. Лишь внезапный, неизвестно чем вызванный отъезд ее из города помешал мне предложить ей руку и сердце, и с тех пор я ждал встречи, исчерпав все воз-

возможности отыскать ее за пределами города. В одно мгновение регулятор моей жизни крутнулся с ускорением, исчезли спокойствие и уверенность, философское отношение к жизни, порядок в душе и здравый смысл.

Я успел заметить, что Алена садится в ту же электричку, и поблагодарил судьбу, не ведая, что приготовил мне его величество случай в лице Пантелеева.

Я мчался по вагонам так, словно гнался за собственной тенью. А заметив Алену в предпоследнем вагоне, остановился наконец и перевел дыхание.

«Остынь, ненормальный! — сказал во мне скептик оптимисту. — Прошло два года, тебе и ей уже по двадцать шесть, и если ты за это время не сумел найти пару, то ей-то необязательно ждать так долго. Будь уверен, у нее уже двое детей и лысый муж!»

«Почему лысый? — возмутился оптимист. — При чем тут лысый муж? Подойди к ней, дурак, это же Алена!»

«Ну да, как же, подойди, — насмешливо проговорил скептик. — Подойди давай. И что ты ей скажешь? «Привет, Аленушка? Как живешь? Как дети? Здоров ли лысый муж, холера его задави?!»

Ну да, ты искал ее, искал год, два, а потом? Потом смирился, успокоился. А если она не приехала сама, не дала о себе знать, значит, незачем было приезжать и писать. Ты забыт, давно и прочно, и не стоит напоминать ей о собственном существовании, приятного тут мало. Сиди спокойно, парень, твой шанс упущен два года назад, не стоит ворошить прошлое, любить можно только в настоящем...»

И я, совсем тихий и трезвый, сел неслышно на последнее сиденье вагона, чтобы не терять из виду ее милое лицо с челкой, со слегка оттопыренной в раздумье нижней губой, и смотрел, смотрел, все больше приходя к мысли, что она совершенно не изменилась. Или это шутки памяти? Но нет, она и раньше носила такую прическу... и не красила губы... Я успел отвернуться, когда она подняла голову.

Нет, я никогда не был робким, но в данный момент, несмотря на мучительное желание прижаться щекой к ее неж-

ной, хранящей теплоту моих и, может быть, чужих поцелуев щеке, обнять ее, зарыться лицом в разлив каштановых волос, я лишь судорожно сжимал в окаменевших руках «дипломат», мял душу в болезненный ком и всем телом чувствовал ее недоступную близость, рожденную пропастью времени и неизвестности.

А потом она встала и вышла через вторую дверь. Ноги сами вынесли меня в проход, но в голове пискнула задавленная эмоциями здравая мысль: «А командировка?» — и я смирился.

Наверное, я представлял собой довольно жалкое зрелище, потому что вошедший в вагон пожилой дядя внезапно предложил мне закурить. Я посмотрел сквозь него, и он куда-то испарился вместе с сигаретами и брюшком. Двери электрички захлопнулись, и я понял, что упустил этот последний шанс обрести ту, первую и единственную, о которой не устают писать поэты, а двадцатишестилетние мужики вроде меня вспоминают не раз и не два, но лишь в тех случаях, когда потеря бьет по сердцу до боли, до крови, до короткой, но звериной тоски...

Не помню, как я снова очутился на сиденье в вагоне. Мыслей не было, в голове царил фон серой, шемящей грусти, который пронзали чьи-то выкрики: «Кретин! Растяпа! Шляпа!» — и кое-что похлеще. Лишь сосредоточившись, понял, что оптимист во мне вопит победившему скептику, и приказал им обоим прекратить. Справиться с собой в момент эмоционального кризиса невероятно трудно, это я знаю как профессионал, но и тут я оказался на высоте, подтвердив собственное мнение о своей нервной системе. Горько усмехнувшись, я подумал, что могло бы случиться, если бы она — нервная система — была у меня ни к черту? О своих снах я в этот момент забыл начисто.

За окном бежала зубчатая кромка леса, пылал ало-розовый, в полнеба, закат, а я смотрел на все это великолепие природы и видел только лицо Алены, милое, уходящее, уплывающее, тонущее в розовом сиянии...

Через час, когда я более или менее успокоился, оказалось, что в вагоне, кроме меня, никого нет. Все вышли, и никто больше почему-то не входил. Правда, я и до этого не

помнил, были ли в нем пассажиры. Впрочем, были. Я пожал плечами, устраиваясь поудобнее у окна, потом смутная мысль заставила меня посмотреть на часы. Шел двенадцатый час ночи! По всем, даже самым пессимистическим подсчетам, Черницы я уже проехал! Но ведь... но Черницы — конечная?!

Я бросился к дверям.

Электричка продолжала свой стремительный бег сквозь ночь, словно во всем мире не существовало ничего, кроме звенящего гула рельс и перестука вагонных колес! Во всем мире только электричка и я! И ничего больше! Странное совпадение двухнедельных снов и реальности... Впрочем, почему я так уверен в реальности происходящего? А если это просто новый сон?!

Я выбежал в соседний вагон — пусто! Следующий — пусто, и дальше — никого, пусто, никого! И тогда я прислонился к косяку двери и засмеялся. Но смеялся недолго: смысл происходящего наконец дошел до меня во всей своей трагической нелепости. Я опомнился, сердце сжала холодная лапа тревоги. Дошел до двери тамбура, выглянул в окно. Там уже не было той зыбкой черноты, которая радовала меня час назад. Вместо мрака какой-то розовый отсвет ложился на мелькающие по сторонам кусты, деревья, на распаханное поле, на изгибы реки. Там, куда безудержно мчалась пустая электричка, разгорался странный — в двенадцать ночи! — розовый день.

Через несколько минут стало совсем светло, небо приобрело чистый розовый цвет, ни одно облачко не портило его безукоризненной чаши. Электропоезд проехал лес, вырвался на край долины, и в долине я увидел город. Город как город — многоэтажные дома, улицы в паутине проводов, скверы, заводские трубы, но я сразу понял — это город из моих прежних снов, *пустой* город! И ждет он меня. И снова, как в тех снах, предчувствие грядущего одиночества погнало меня по вагонам в поисках хотя бы одной живой души.

В кабине машинистов никого не оказалось, а добежать до хвоста поезда я не успел. Электричка замедлила бег, колеса дробно простучали по стрелкам, приблизился двух-

этажный, отражающий всеми стеклами чистый пламень неба вокзал. Двери открылись с шипением, я сошел.

Как и ожидалось, вокзал не встретил меня обычным шумом людской толпы, свистом тепловозов и вздохами громкоговорителей. У меня было такое ощущение, будто я с разбегу треснулся лбом о стену и оглох. Эхо моих шагов было единственным шумом, нарушившим покой вокзала. Впрочем... я замер... я услышал шаги, торопливые шаги одинокого человека. Метнулся обратно на перрон и увидел ее, Алену. Удивленное, слегка растерянное лицо, в глазах недоумение.

— Виктор, ты?

— Нет, — сказал я хрипло, отыскав сердце где-то в желудке. — То есть я. Ну здравствуй, Алена.

Она еще не поняла, что мы одни на вокзале, одни в городе, а может быть, и на Земле. Это понял пока лишь я один. И еще я понял, что мои недавние странные сны были только подготовкой к реальному событию, и событие это наконец произошло. Она же была занята встречей, остальное для нее отодвинулось на второй план... так, во всяком случае, я расшифровал ее взгляд. Надолго ли? Но возликовать мне помешала тишина.

— Ты так неожиданно уехал...

— Я?!

Она усмехнулась:

— Не я же. А я ждала, что напишешь... долго...

Я вдруг засмеялся против воли и тут же умолк. Оказывается, вопреки действительности, уехала не она, уехал я! Шутка? Или все это звенья цепи, приведшей нас сюда, в пустой город? И называется все это — умопомешательство? Мое?!

— Алена, — сказал я проникновенно. — Я не мог прийти раньше (а что еще можно сказать в данной ситуации? Выяснять отношения — кто из нас уезжал на самом деле — глупо). Но, как видишь, я все же нашел тебя (и это неправда, но кому-то из нас надо же взять ее на себя). Пошли?

— Куда? — спросила она доверчиво — это одно из главных ее достоинств, — протягивая руку.

Действительно, куда, подумал я, но вслух сказал:

— В город из сказки. В город, где мы будем только вдвоем.

Я вывел ее на привокзальную площадь, заполненную тишиной, как талой водой. Я делал вид, что пустой город сказочно красив и таинственен, что все идет по плану (чьему только, хотел бы я знать?), что впереди нас ждет море счастья и жизнь, полная радостных событий, а в сердце заползал удав тревоги, все громче звучал в душе голос стихийного протеста против этого затеянного неизвестно кем и неизвестно для чего безжалостного эксперимента, которому я уже придумал название: «Двое в пустыне», ибо что такое город, как не технологическая пустыня? Кстати, худшая из пустынь. И разве одиночество не есть пытка, даже если ты вдвоем с любимым человеком, который к тому же еще не понял всей трагедии случившегося?

Я все говорил и говорил, захлебываясь красноречием, чтобы отвлечь ее от дум, от размышлений, уберечь от того страха, который охватил меня с утроенной по сравнению с «сонными» страхами силой. Там я был одинок сам, один на один с собой, здесь мы были одиноки оба, помимо нашей воли, помимо нашего желания, и я уже страдал ее будущим страданием, которое вскоре поглотит все — и первую заинтересованность положением, и необычность встречи, и ощущение новизны. Я ведь знал, что не смогу заменить ей всех: друзей, подруг, товарищей по работе и просто людей, почти четыре миллиарда людей Земли, тех, о ком не имеешь ни малейшего представления, пока тебя с кровью не оторвут от них и не бросят в пустыне... Робинзон Крузо смог прожить двадцать восемь лет в одиночестве только потому, что у него была надежда на возвращение к людям. У меня такой надежды не было, таков был замысел тех, кто посадил нас с Аленой в клетку пустого города. Почему я знал об этом? Знал, и точка. Словно родился с этим знанием.

— Здесь все наше, понимаешь? — говорил я. — Считай, что нам преподнесли такой свадебный подарок — пустой город и вообще весь мир. Не возражаешь? Здесь мы будем только вдвоем, никто нам не помешает, не бросит укоризненного взгляда, ты не представляешь, как здорово быть вдвоем! Ты и я, город и небо.

— Не дурачься, Виктор, — сказала она вдруг. Глаза ее

расширились, недоумение плеснуло в них тяжелой волной. Пока лишь недоумение. — Что случилось, Виктор? Почему здесь никого нет? Тишина... как странно... Ты не шутишь? Мы действительно в пустом городе? Где мы?

— В пустыне! — воскликнул я тогда с отчаянием, уже ни на что не надеясь. Перед моим мысленным взором пронеслись картины нашей будущей жизни. Одни в пустом городе... сначала любопытство, попытки приспособиться к жизни в бетонном раю, потом скука, жизнь воспоминаниями... Что мы можем — одни? Чего мы стоим — только двое? Человек — существо общественное, кому же понадобилось убеждаться в противном? Пришельцам, коими забиты сборники фантастики? Соседям из «параллельного пространства»? Ну а если мы выдержим экзамен на одиночество? Что тогда? Ведь люди не раз доказывали, что способны на невероятное, казалось бы, терпение, не раз проявляли невероятную выдержку, силу воли. Что, если сможем и мы? Я же еще не проиграл такого варианта, не был готов, что же произойдет в этом случае?

Я остановился. Что-то происходило во мне помимо воли, прояснялось, словно проявлялась фото пленка и на ней проступали заснятые ранее кадры. Словно кто-то неведомый — не разобрать, друг или враг — оставил во мне след, таинственные письмена, которые стали вдруг мне понятными.

По-видимому, то же самое происходило и с Аленой.

— Как... Адам и Ева? — с запинкой произнесла она. — Ты это хотел сказать, Виктор? Мы с тобой — Адам и Ева новой цивилизации? Отвели нам свободное пространство — живите, дышите, любите, рожайте детей, а мы посмотрим. Так?

— Аленка! — крикнул я с болью и ненавистью к тем, кто все это затеял. — Я-то тут при чем? Мы ведь действительно одни! Ты и я! И я тоже не знаю — почему. Верить?

Эхо подхватило мой голос, понесло по улицам и переулкам пустого города и вернулось уже нечеловеческим смехом, перебранкой чужих голосов, ползучим шепотом.

— Верните нас! — крикнул я снова, обращаясь к невидимым экспериментаторам, наблюдавшим за нами, я верил,

что они существуют. — Верните хотя бы ее! — Я подтолкнул Алену вперед.

— Что ты делаешь? — гневно воскликнула девушка и схватила меня за руку. — Только вместе! Слышишь? — Это она мне. — Слышите? — Невидимым наблюдателям.

Она была так красива в этот момент, что я готов был на все — на бой с неясным, но всемогущим врагом, на пытку — на смерть, наконец! — лишь бы она была рядом со мной. Потерять ее в этот миг означало для меня покончить счеты с жизнью. И все же — пусть мы будем вдвоем — и со всеми, такой я сформулировал девиз, потому что только вдвоем мы не будем счастливы наверняка.

— Алена... — позвал я шепотом, протягивая к ней руки...

...Полумрак, белый потолок, тихое тиканье часов на буфете и шаги над головой. И сердце, занимающее полгруди...

Я приподнял гудящую голову над подушкой, бессмысленным взглядом окинул комнату.

— Алена... — машинально позвал я и осекся. — О боги!

Так это снова был сон? Сон, и больше ничего? До жути реальный, реальный до дрожи в руках, но все-таки сон? Но как же Алена? И командировка в Кмиенск?..

Я встал, прошлепал босиком до кухни, по пути посмотрел на часы — четыре утра, — напился воды, словно только что действительно вернулся из путешествия по пустыне, где едва не умер от жажды, и, сказав вслух: «С ума можно сойти!» — рухнул на кровать. Но до утра так и не уснул. Сон выбил меня из колеи окончательно. Я пытался найти хоть какую-нибудь логическую нить в посетивших меня сновидениях, но ассоциации уводили меня то в глухой ночной лес, то в пески, то в палату умалишенных, где я отвечал на вопросы лечащего врача, моего однокашника, путаясь в самых элементарных вещах, так что в конце концов меня стала колотить дрожь, и я прямо с утра решил пойти к психиатру. Откладывать визит не имело смысла, тем более что командировка мне действительно предстояла.

У двери нашей лаборатории я встретил двоих врачей-

практикантов, Сашу Круглова и Сашу Монахова, их интерн-сектор находился рядом с нашим отделением, за стеной.

— Привет интерн-шизикам, — шутливо приветствовал я их, останавливаясь, решив соблюдать хотя бы внешнюю бодрость при полном отсутствии внутренней. — Что это у вас вид похоронный?

— Кузя сдох, — угрюмо сказал Монахов, отличавшийся редким лаконизмом речи.

— Ах ты, несчастье какое! — посочувствовал я. Кузей звали нашего институтского кота. — Вероятно, от нехватки друг.

— Нет, — сказал Саша Круглов, обладавший редким даром принимать шутки всерьез. — Понимаешь, мы испытываем... с шефом, конечно, новый генератор психополя, сначала на крысах пробовали, а потом на... В общем, Кузя взял и сдох.

— Не рассчитали дозировку излучения, — небрежно сказал я. — Вот и сдох ваш несчастный Кузя, царство ему небесное, хороший был кот. Экспериментаторы! А какова программа?

— Психомотив одиночества, — буркнул малообщительный Монахов.

— Пси... мотив чего? — тупо переспросил я.

— Одиночества, — терпеливо повторил Круглов. — Программа включает гипноиндукционное вступление, то есть подавление воли перципиента, и волновую передачу, внушающую явление пассивной психоизоляции и прорыв подсознания во сне.

— Ну конечно, — сказал я, шалея. — Одиночество... аккурат через день.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно посмотрел на меня Монахов. — Валька растрепалась?

Валькой была новенькая лаборантка в их секторе, часто забегавшая к нам.

— Ага... то есть нет. — Я постепенно отошел. — Стена, понимаешь ли, тонкая, вот в чем дело, друг ты мой ситный. Психомотив одиночества. — Я вдруг захохотал с облегчением. — Основатели цивилизации Виктор-Адам, Алена-Ева... пришельцы... ха-ха-ха... Параллельное измерение! Паршивцы!

Я хохотал до колик в животе, а оба Александра тревожно рассматривали меня, явно вспоминая классификацию шизоидов и решая, к какому классу сумасшедших отнести меня.

— На крысах? — спросил я слабым голосом, изнемогая. — Гениально! Молодцы практиканты! Психомотив одиночества проверять на крысах и кошках — это гениальная мысль! Кто автор?

— Шур, — помолчав, сказал Монахов, — чего это его так развеселило? — Он снова оценивающе посмотрел на меня. — Не понял я его намеков на тонкую стенку.

— Эх вы, юмористы. — Я вздохнул. — Дело в том, что вы чуть было не отправили меня по пути кота Кузи. Так-то, экспериментаторы! Генератор ваш стоит небось у самой стены, справа от входа?

— Стоит, — подтвердил Круглов. — Ну и что?

— Ну вот, а с другой стороны стены — мое рабочее место!

Через час я стал знаменитостью института номер один.

Меня замучили расспросами девушки, выясняя в основном, кто такая Алена, постоянно донимали ехидными репликами друзья. А потом начальство в лице Пантелеева и директора института послало меня под неусыпным надзором в командировку в Киев вместе с результатами анализов и записями на пленке моих ответов на все существующие психотесты. В Киевском институте экспериментальной медицины меня ждали академики-психиатры с новейшей медицинской и вычислительной техникой.

В поезде я помог какой-то девушке внести в купе чемодан, а когда случайно вскинул на нее взгляд — даже не удивился, просто не поверил: это была Алена.

Мы стояли, оба одинаково потрясенные, и молчали. А я вспомнил сон с пустым городом и пожалел, что кругом полным-полно пассажиров, что мы не в пустыне, вдвоем, только она и я.

ОПЕРАЦИЯ «ТЕРПЕНИЕ»

С башни открывался вид на всхолмленную искусственными землетрясениями, обугленную излучением давних ядерных взрывов равнину полигона, на котором царили два цвета: черный и оранжевый. Черный — от сгоревших лесов и трав саванны, оранжевый — от проплешин ржавого песка. На Земле все больше черного и красного и меньше зеленого и голубого. А природа все терпит, терпит, и нет конца этому терпению...

Каудери обратил внимание на то, что склоны невысоких холмов кое-где отбрасывают яркие блики, подобно разбросанным в черной пустыне зеркалам, и полковник из бригады инженерного обеспечения пояснил:

— Это регистрирующая аппаратура, господин генерал. Датчики частиц, всеволновые измерители и все такое прочее...

Каудери кивнул, угрюмое лицо его с бойницами глаз не дрогнуло. В последний раз кинув взгляд на белесое небо, на плавающий над горизонтом багровый шар солнца, бросающий алые стрелы на приземистые купола дотов, он резко повернулся и шагнул в кабину лифта.

Через две минуты скоростной лифт унес его с двухсотметровой высоты наблюдательной вышки на полукилометровую глубину поста управления полигоном.

Пост представлял собой квадратный зал, три стены которого пестрели циферблатами и индикаторными панелями, а четвертая — экранами разного калибра и назначения. За пультами управления сидело всего пять человек — операторы связи, инженеры технического контроля и начальник полигона. Испытания проходили в условиях дикой секрет-

ности, поэтому в зале не было даже обычных военспецов, представляющих различные рода войск.

На лицах обслуживающего персонала, свыкшегося с постоянным риском ошибки в расчетах, лежала печать тщательно скрываемого страха, неуверенности и ожидания чего-то ужасного и непоправимого, от чего нет спасения и чему нет названия.

Очередная группа РУМО¹, подумал Каудери, не отвечая на приветствия. Все равно о результатах испытаний станет известно — и даже раньше, чем об этом думают разини из корпуса спецопераций. Если мощность гравитационной бомбы хотя бы вполтину такова, как обещали яйцеголовые², то твердь земная отзовется не хуже, чем «Нью-Йорк таймс» на появление прыщика на носу тещи президента. Толчок отметят все сейсмостанции мира, а заодно станут известны и координаты эпицентра, и — прости-прощай секретность.

— Все готово, сэр, — доложил длинный и худой, как антенна высокочастотной радиосвязи, генерал Баум, командующий испытаниями. — Старт по команде или вы?..

— По расписанию, — отрывисто бросил Каудери, со вздохом облегчения опускаясь в центральное кресло.

Генерал Баум остался стоять рядом, молча радуясь, что инспектором Пентагона оказался старый знакомый — педантичный, неразговорчивый, вечно угрюмый бригадный генерал Генри Каудери, слывший самым объективным из генералов комиссии по контролю за вооружением.

— Кто летчик? — спросил Каудери, поглядев на часы. До старта В-III оставалось еще пятнадцать минут.

— Майор Киллер.

— Дайте его на связь.

— Он, наверное, уже в самолете...

Каудери повернул голову к Бауму, и генерал, пожав плечами, дал команду оператору. Через две минуты на экране видеофона появилось взволнованное, слегка удивленное лицо майора.

¹Разведуправление министерства обороны США.

²Ироническое прозвище ученых.

«Совсем юнец! — подумал с долей досады и разочарования Каудери. — Еще не взлетел, а уже чувствует себя национальным героем!»

Полковник Тиббетс, наверное, когда-то тоже чувствовал себя героем, когда сбросил атомную бомбу на Хиросиму... И ничуть не терзался, узнав, чем кончился его налет... Судя по виду, майора Киллера тоже не станет мучить совесть, такой сбросит, не задумываясь, все, что угодно и куда угодно...

— Вот что, сынок, — пробормотал генерал. — Тебе уже все объяснили, не буду повторяться. В случае... сам понимаешь, всякое может случиться... В общем, желаю удачи.

— О'кей, генерал, — несколько развязно ответил пилот. — Все будет о'кей! — Удивление в его глазах не ушло.

— Тогда с нами бог, сынок! Не промахнись.

Киллер покривил губы, и оператор поспешно вырубил связь, опасаясь за не слишком сдержанный язык майора.

Спустя несколько минут с одного из аэродромов Невады стартовал стратегический бомбардировщик В-III с первой гравитационной бомбой на борту. Операция «Терпение» началась.

В посту зажглись все экраны, и генералы вместе с многочисленной свитой могли теперь видеть пустыню Мохаук (бывшую плодородную саванну Мохаук) во всем ее великолепии, со всех ракурсов и высот, хотя изображения на экранах почти ничем не отличались друг от друга: на них были все те же черные с красным увалы, холмы и хаос черно-бурых теней.

И над всем этим мрачным миром, невольно воскрешавшим в памяти картины Дантова ада, раскинулся голубой невесомый купол неба с багровым шаром солнца, стремящегося скрыться за горизонтом до начала «эксперимента».

— Две минуты до цели, — доложил инженер радарного сопровождения. — Высота тридцать четыре пятьсот.

— Он что же — с такой высоты и будет бросать? — поинтересовался Каудери, расстегивая воротничок: ему вдруг стало жарко.

— Нет, бомба автоматически отделяется на высоте девяти километров и планирует на цель самостоятельно. — Баум

подумал и добавил: — Самолет как раз будет выходить из пикирования.

— Мы его увидим?

— Что?.. Нет, только на экране радара.

— Хорошо. Как далеко эпицентр?

Баум ухмыльнулся одной половиной лица.

— Триста километров. По расчетам, сейсмические волны от бомбы образуются только поперечные, пойдут в глубь земли, а к нам придет один-два балла, пустяки.

— Я не о том, — буркнул Каудери, недовольный, что позволил посторонним усомниться в собственной храбрости. — Жаль, что ничего не будет видно с вышки.

— Мы все увидим на экранах. — Баум пустился в объяснение тонкостей работы систем контроля, но в это время инженер оповестил:

— Самолет над целью! Ноль с момента пуска!

— Один, два, три... — начал отсчет оператор за пультом...

На счете «тринадцать» черная равнина на экране вдруг встала вертикально, в месте падения супербомбы поднялся гигантский черный столб, окутанный странной светящейся сеткой. Это были электрические разряды. Вздрыгнул пол центра управления, динамики донесли страшный вопль потревоженной взрывом атмосферы.

Экраны погасли один за другим, динамики смолкли, и в наступившей тишине люди слышали отдаленный подземный гул, последовавший за первым толчком. А затем снова качнулся пол зала, новый мощный толчок расколол пульт и стену напротив, и началось светопреставление!

— Ничего не понимаю! — кричал, стоя на коленях у пульта, генерал Баум. — Мощность бомбы мизерная, такого эффекта не должно было быть!..

— С базы передают — там творится нечто невероятное! — вторил ему оператор связи. — Рушатся дома, землетрясение силой до десяти баллов!

В зал ворвался полковник охраны.

— Все наверх, живо! Господин генерал, надо немедленно покинуть пост! Здесь нас задавит в два счета, не поможет и двухметровая броня!

— Они передают — землетрясение распространяется по всей Америке! — рыдал сквозь грохот ломающихся конструкций и бьющейся аппаратуры связист. — Города погребены под обвалами, идет цунами... Все, нет связи!

— Этого не должно было быть, не должно! — причитал генерал Баум, ползком направляясь к шахте лифта. За ним, цепляясь за неровности пола, потянулись объятые ужасом операторы и инженеры, в глазах которых росло безумие.

«Не должно!» — подумал Каудери, хватаясь за протянутую руку полковника. Он вдруг вспомнил когда-то прочитанный им доклад ученого-эколога Артура Блисса на ассамблее ООН по вопросам охраны экологической среды. «За последние тридцать лет, — докладывал Блисс, — увеличилось не только количество землетрясений, но и их сила и соответственно ущерб, наносимый человечеству. Замечена тенденция роста количества землетрясений из года в год, и невольно напрашивается вывод — не связано ли это с деятельностью человека?»

Вот и ответ.

Каудери смотрел на единственный уцелевший экран, на котором ворочались жуткие багрово-черные тени: землетрясение словно нарочно пощадило его: мол, смотрите, что вы натворили. Генерал не мог отвести взгляда.

Реакция природы на нашу «цивилизационную» деятельность когда-нибудь должна была превысить безобидный уровень. Мало мы ее били, кромсали, резали и рвали своими взрывами? Ядерными, термоядерными, нейтронными, лазерными... А теперь и гравитационными! Последняя капля... Надо же, как «удачно» подобрали яйцеголовое название испытаниям — «Терпение»! Вот и лопнуло терпение природы... Господи, неужели это конец?!

Зал разорвала еще одна трещина, и генерал Баум с воппем исчез в ее алой глубине вместе со свитой. Та же участь постигла и полковника безопасности вместе со взводом охраны.

«Все кончено. Все!..» — Каудери в оцепенении смотрел, как сближаются стены. Со всем миром покончено! Происходит очищение цивилизации!.. В огне и разгуле стихий родится новый мир, который, возможно, будет счастливей... Что ж, тем лучше, не надо теперь постоянно ждать конца

света и мучиться этим ожиданием. Права была жена, предупреждая, что вся жизнь военного эксперта — ожидание конца...

Все, ждать больше нечего!

Отколовшаяся от стены плита придавила генерала к полу, и он закричал...

* * *

...и почувствовал, что его трясут за плечо. Он открыл глаза и увидел над собой испуганное лицо жены.

— Проснись, Генри, что с тобой?

— Я... кричал? — вяло спросил Каудери, возвращаясь к действительности из кошмарного сна. — Который час?

— Три часа ночи.

Генерал откинул одеяло и сел в кровати, через пижаму помассировал сердце, посидел, глядя на выключенный ночник.

— Опять снилось, что я на полигоне, — пробурчал он наконец. — На испытании бомбы... будь она неладна!

— Но ведь ты же отказался от инспекции. — Успокоенная жена присела рядом, кутаясь в плед.

— Отказался, — усмехнулся Каудери. — И в результате я — генерал в отставке. Разве это меняет дело? Кто-то другой в это время... Кстати, который час, ты сказала? Ага, вот мои часы, упали... Так, пять минут четвертого. А в три вылет... сейчас самолет над пустыней... Дай Бог, чтобы ее терпение оказалось беспредельным!

— Чье? — не поняла жена. — Чье терпение?

В тот же момент слабо дрогнул пол комнаты, качнулась и упала с тумбочки ваза с цветами.

— Что это?! — шепотом спросила жена.

— Что? — глухо повторил генерал и вдруг с ужасающей отчетливостью представил себе, как за тысячи километров от Индианаполиса, в центре черно-оранжевой пустыни вырастает ослепительно белый, с желтым, смерч, и голубизна неба сменяется багрово-черной, грохочущей, ядовитой для всего живого мглой...

ПЕРЕВОРОТ

Этот новый рассказ Василий Головачев написал специально для читателей московского выпуска «Комсомолки»

Эти люди не знали, что передают и кому, а некоторые из них вообще не были посвящены в тайну процесса передачи. В их задачу входило «обслуживание» передатчика и приемника. Главное — сохранить ретранслируемые «пакеты» знаний неискаженными. За исполнение функций ретранслятора они получали неплохое вознаграждение: здоровье, долголетие, благополучие, достаток, моральное удовлетворение... Но случались и накладки...

* * *

Константин Алексеевич Лемехов осведомленностью не тяготился и шел по жизни уверенно: окончил университет и стал юристом, в наследство ему досталась трехкомнатная квартира, ему легко удалось пережить период ломки государственного строя и в двадцать восемь лет стать преуспевающим адвокатом. И, наконец, Константин был очень здоровым и сильным человеком, способным ломать пальцами гвозди и подковы.

И еще он был посвященным второго уровня — принципалом, то есть человеком, соблюдающим принципы, который знал об истинном предназначении разумных существ больше других. Посвящение произошло в двадцать один год. Сначала он стал слышать голос, а потом видеть странные сны, большинство которых не помнил, но точно знал, что это — информация не для него.

Беда пришла неожиданно: что-то случилось там, в горних высях, откуда по незримому лучу приходили сигналы и куда потом уходили, после усиления в «генераторе», коим служила голова Лемехова. В результате он впервые в жизни запомнил удивительный яркий сон. Константин мчался сквозь пустоту и мрак космоса, пока не вонзился в сияющую сферу, которая развернулась в планету.

Он приземлился на берегу неширокой прозрачной реки. За спиной начинался угрюмоватый лес, другой берег был выше, и над ним возносился частокол жутких статуй. Здесь были драконы с почти человеческими головами, гигантские полульвы-полулягушки, ягуары со слоновьими ногами и кошмарные твари, не похожие ни на одно живое существо. Но самым высоким среди них было каменное изображение лемура с умными, словно живыми, глазами, взиравшего на статуи пониже с видом утомленного полководца.

И вдруг эта каменная скульптура ожила и повернула голову. Затем протянула через реку длинную лапу, покрытую блестящей серо-седой шерстью, и раскрыла почти человеческой формы ладонь, на которой лежал мерцающий кристалл с мигающей сиреневой искрой внутри.

— Передай преемникам, — гулко пророкотала «статуя» лемура.

Константин, не спрашивая ни о чем, взял кристалл, превратившийся вдруг в мохнатого таракана. В данный момент он знал, что это за «таракан» и кому предназначена информация.

В следующий миг его подхватила неведомая сила и унесла в космос. Сон закончился. Когда Константин проснулся, то обнаружил, что з н а е т, что именно должен был передать «преемникам». Это был массив информации о готовящемся на Земле «биологическом перевороте». Человек должен был исчезнуть как господствующий вид, а его место должен был занять другой разумный вид — насекомые.

И еще одну интересную вещь осознал Лемехов: статуи на другом берегу реки в его сне означали программу смены цивилизаций на Земле. Гигант-лемур был очередным пред-

ставителем господствующего вида. А за его спиной стоял незримый режиссер, облик которого был так ужасен, что сознание отказывалось его воспринимать.

* * *

Лемехова прошиб холодный пот. Уснуть в эту ночь он так и не смог. Мозг то и дело включал развернувшийся в глубинах психики «кристалл» информации, перед глазами оживали картины будущей экспансии Земли, и душа Лемехова корчилась и сжималась от страха: гибель человечества была действительно запрограммирована.

Утром он автоматически сделал зарядку, позавтракал, попрощался с женой и поехал на работу. До обеда разбирался с делами, поражая коллег отсутствующим выражением лица. В конце концов плюнул на дела и поехал к отцу, заведовавшему в университете кафедрой лингвистики. Посоветоваться больше было не с кем, приятели и друзья едва ли поверили бы Лемехову.

Отец Константина, Алексей Петрович, профессор и доктор наук, выслушал сына внешне спокойно. Затем вызвал секретаршу, попросил приготовить кофе и посмотрел на сына из-под широких бровей.

— Ну, что? — криво улыбнулся Костя. — Я тебя шокировал?

— Почти что и нет, — качнул тяжелой головой Алексей Петрович. — Я знал, что ты ретранслятор, потому что сам в свое время был им.

— Ты серьезно?! Почему же никогда мне об этом не рассказывал?

— Ты был не готов. То, что ты узнал, к сожалению, правда. Человек слишком сильно вмешался в Природу, чтобы она позволила ему бесчинствовать и дальше. Хочешь, приведу статистику? Ежегодно на Земле площадь лесов сокращается на одиннадцать миллионов гектаров, теряется двадцать шесть миллиардов тонн плодородной почвы. В течение ближайших двадцати лет пятая часть всех живых видов исчезнет, парниковый эффект неизбежен, а потом — таяние ледников и подъем уровня морей. Еще?

Константин молчал.

— Могу добавить, — продолжал старший Лемехов. — За короткий срок человек создал огромный запас токсичных веществ, из-за пестицидов и диоксинов постоянно увеличивается число детей с генетическими отклонениями, человечество радикально глупеет, особенно в индустриально развитых странах. Компенсаторные способности природы практически утеряны. Человека не спасут никакие новые технологии. Поэтому и прошла информация о смене разумного вида. Такие, какие есть, мы Природе не нужны.

— Вряд ли речь идет о Природе, нами кто-то управляет... извне... я это почувствовал.

Взгляд Алексея Петровича стал острым.

— Ты видел Его?

— Кого ты имеешь в виду? Никого я не видел, я же говорю — почуял присутствие. И почему именно насекомые должны сменить человека?

— На Земле сменилось два десятка цивилизаций, и ни одна не смогла реализоваться этически. Новый виток эволюции не всегда отказывает в праве жить старым видам. Через сто лет мы исчезнем, и на сцену выйдет коллективный разум пчел, ос, муравьев и комаров.

Константин усмехнулся, поежился:

— Хорошо, что это будет только через сто лет. Но что делать сейчас?

— Прежде всего никому не рассказывай о том, что узнал. Если Там не спохватятся, все останется на своих местах. Но если утечка информации обнаружится... Тебя нейтразуют.

— Меня... убьют?

Алексей Петрович усмехнулся:

— Необязательно. Я ведь остался жив.

— Ты хочешь сказать...

— Я в свое время тоже получил несанкционированный доступ к секретной информации. Со мной поговорили, и я согласился не разглашать сведения. С тех пор я молчу.

— Па, ты терпеливый человек! Что же ты узнал? Не расскажешь?

— Может быть, позже, когда помирать буду. — Алексей

Петрович засмеялся, потом посерьезнел. — Обещай молчать, как молчал я.

— Но мне никто не...

— Обещай!

Константин поежился и нехотя кивнул.

— Хорошо, обещаю. Хотя не понимаю, что в этом секретного. Мне ж никто не поверит.

— Ты забыл об одном: силы, пересылающие знания через мозг ретрансляторов, принадлежат разным уровням разума, причем зачастую конкурентным. Если о полученном тобой файле узнают другие, тебя просто ликвидируют.

Константин вздрогнул.

— Ничего себе подарочек судьбы! На фига мне это? Я же не просил...

— Никто не просил, но свобода выбора не в наших руках. Эту свободу надо заработать.

Константин с интересом заглянул в глаза отца.

— Ты уже... заработал?

— Иди, мне надо подготовиться к встрече. Вечером поговорим.

Костя кивнул и вышел.

* * *

Два дня он крепился, пребывая в состоянии ступора, что было немедленно замечено женой и оценено как попытка скрыть увлечение другой женщиной. Загнанный в угол Константин плюнул и рассказал Лере все, что знал. Рассказ на жену не произвел впечатления, она обиделась и в тот же вечер уехала к маме в Уссурийск. А ночью к нему заявился гость.

Сначала Костя не понял, что его разбудило, — какой-то странный дребезжащий звук. Затем послышалось шуршание и шипение. Костя дернул за шнур торшера и увидел стоявшую на хвосте тройную змею. Это был ромбический гремучник, укус которого смертелен, а дребезжание создавал его хвост, состоящий из роговых чехликов.

Константин сунул руку под подушку, где у него лежал пистолет (он имел право носить оружие) и тут же отдернул:

змея мгновенно выросла над краем кровати, угрожающе поводя из стороны в сторону ромбовидной головой. Костя замер. Мыслей не было, в душе гнезвился страх, а в ушах раздавался голос отца: «Тебя нейтрализуют... молчи... никому не говори...» Не надо было рассказывать жене, мелькнула запоздало трезвая мысль.

Раздалось шелестящее дребезжание, и Константин осознал, что это дребезжание складывается в подобие слов.

— С-с-слуш-ш-шай... — отчетливо прозвучало в ночи. — Мы с-с-сзнаем... с-с-скоро с-с-соберутс-ся с-с-обрат-тя... от-тдай с-с-с-знание... будеш-ш-шь ш-ш-шжить...

— Какое знание? — пискнул Константин.

— Ты вс-с-се с-с-сзнаеш-ш-шь... с-с-сон... ш-ш-шжди... мы вернемс-с-ся...

Дребезжание прекратилось. Змея перестала гипнотизировать, струей жидкого металла пересекла спальню и исчезла. Это не было ни бредом, ни сном. А главное, Костя понимал: змея представляла ту силу, которой информация не предназначалась, но которая была заинтересована в ее получении.

Он поплелся на кухню, включил свет и увидел на столе нечто вроде пупырчатого черно-коричневого подноса. «Вечно жена забывает прибрать», — подумал он и вдруг с омерзением понял, что идеальной формы «поднос» на самом деле скопище тараканов! И тут круг «подноса» распался, тараканы разбежались по столу и тут же собрались в новую конфигурацию. Константин ошеломленно раскрыл рот: насекомые образовали слово «привет».

— Привет, — вслух проговорил он.

Тараканы сломали строй, засуетились и сложились в целую фразу: «Просим прощения. Получился сбой».

— Не понял... — выдавил Костя.

Новая перестановка.

«Тебе нельзя было делиться информацией».

— Я никому... только жене...

«Мы заберем информацию после достижения объема».

— К-какого объема?

«Объема памяти эгрегора данного дома не хватает для перезаписи твоей информации мы соберемся вместе жди».

— Вы хотите сказать, что все... э-э... тараканы соберутся у меня дома?! Сколько же вас будет?

«Полноценный эгрегор объединяет десять в двенадцатой степени ячеек памяти».

— Господи, биллион, что ли?!

«Жди мы собираемся ни с кем не контактируй иначе погибнешь».

— Я понимаю... Сколько вас ждать?

«Уже недолго ляг в постель вспоминай сон».

И Костя понял, что шансов выжить у него почти нет. В его памяти содержалась важная информация о том, как легко и просто уничтожить человечество. Эту информацию нельзя было передавать никому. Людям нужно было дать шанс.

В прихожей раздался звонок.

Костя вздрогнул, подумал: наверное, это отец, и пошел открывать. Но это был не отец.

* * *

Дверь распахнулась от удара, в прихожую ворвались двое мужчин в одинаковых костюмах, с пистолетами в руках, оттерли хозяина в кухню, один быстро осмотрел комнаты, вернулся и позвал кого-то с лестничной площадки:

— Заходите, Владислав Адамович.

В прихожую шагнул еще один гость, невысокого роста, но очень широкий, с квадратным мясистым лицом и редкими волосами. Глаза у него были прозрачные, умные, мерцающие иронией.

— Здравствуйте, Константин Алексеевич, — сказал он негромко. Ворвавшиеся мужчины бесшумно испарились. — Поговорим?

— Проходите, — промямлил Костя, вспоминая, что у него под подушкой лежит пистолет.

Они прошли в гостиную.

— А теперь выкладывайте все, что знаете.

— Что я знаю?

— Не прикидывайтесь, вы принципал и знаете, о чем я

говору. Вы получили интенционал о некоем событии, мы хотим знать, что содержится в нем. Вопрос понятен?

— Понятен. — Костя вдруг заметил вползающую в комнату скользкую текучую струю: гремучник уже был здесь и привел с собой свою «гвардию». — А если я откажусь?

— Мы все равно добьемся своего, а вы в лучшем случае станете идиотом. Подходит вам такая перспектива?

— Нет, — сжал челюсти Костя. — Кого вы представляете?

— Какое это имеет значение? Ну, скажем, конкурирующую структуру.

— Конкурирующую с кем?

Гость нахмурился и, почувствовав в голосе хозяина подозрительные нотки торжества, огляделся.

— Мы чего-то не учли, Константин Алексеевич? Что-то вы оживились.

— Вы многое не учли, — кивнул Лемехов, наблюдая краем глаза за передвижением змеи. — Например, вмешательства еще одной конкурирующей структуры.

Гость сунул руку под мышку, но достать пистолет не успел: гремучник сделал выпад и укусил его в подбородок. Короткая агония, хрипы, конвульсии. Змей сполз на пол и застыл.

Константину стало плохо, мысли в голове бежали торопливо. Оставалось одно средство, гарантирующее срыв передачи тараканам или змеям полученной информации: самоубийство. Но хотелось жить!

— Там... на лестничной площадке... — сипло проговорил он, — двое других.

Змея остановилась напротив, заработала погремушка хвоста:

— Вс-с-се в порядке... они нейт-трализованы... мы с-с-собралис-сь...

— Вовремя вы собрались, — пробормотал Константин, и тут его посетила идея. Можно было попытаться натравить змей на тараканов. Пусть воюют. А он посмотрит, чем это все закончится. Терять ему нечего, кроме жизни.

— Вас ждут еще одни конкуренты, — сказал он, кивая на кухню.

Гремучник повернул голову в ту сторону. Он услышал шуршание прибывающих тараканов.

* * *

«С этого и началась великая битва двух ждущих своего часа царств: земноводных и насекомых. Вы знаете, чем она закончилась».

Поставив точку, Хмар-а-Птах подошел к выходу из пещеры и с высоты обрыва посмотрел на реку, над которой металась стая молодняка. Пора было давать свисток на урок, начинался новый учебный год. Год третьего тысячелетия после Исхода — полного исчезновения змей, насекомых и людей. Год осознания Летучими Мышами своего великого предназначения.

КРАЙ СВЕТА

В поселок Уэлькаль, по сути, стойбище морских охотников — эскимосов и чукчей, расположенное на берегу Восточно-Сибирского моря, Дмитрий завернул не потому, что этого требовал маршрут экспедиции, а по причине более прозаической: кончились запасы соли. Задавшись целью в одиночку обойти все побережье Северного Ледовитого океана, Дмитрий сильно рисковал, несмотря на то, что за его спиной были десятки других экспедиций по Крайнему Северу России, по островам северных морей и по горным странам. Однако он был не только известным путешественником, учеником знаменитого Виталия Сундакова, названного королем путешественников, но и специалистом по выживанию в экстремальных условиях и никого и ничего не боялся.

Дмитрию Храброву исполнилось тридцать лет. Он был высок, поджар, сухошав, изредка отпускал усы и бородку — особенно во время экспедиций, носил длинные волосы и выглядел скорее монахом-отшельником, чем мастером боя и выживания, способным без воды и пищи пройти сотни километров по пустыне. В двадцать два года он окончил журфак Московского госуниверситета, полтора года работал в одной из подмосковных газет, женился, но потом увлекся путешествиями, и семейная жизнь его закончилась. Жена не захотела ждать мужа, заработка которого не хватало даже на косметику, по месяцу, а то и по два-три и ушла.

Дмитрий переживал потерю долго, он любил Светлану и даже подумывал бросить свою карьеру путешественника и исследователя, но учитель и он же инструктор по русбою помог ему развеять тоску, познакомив с археологами, ис-

следовавшими поселения древних гиперборейцев в Сибири. Дмитрий, загоревшись историей их расселения по территории России, три года провел за Уралом, раскапывал Аркаим, Мангазею и другие поселения русов, потомков гиперборейцев, много тысяч лет назад высадившихся на севере Евразии.

Он, и покинув археологов, остался исследователем-этнографом, а не просто любителем путешествий, продолжая искать материальные и культурные следы предков там, где в настоящее время редко ступала нога человека.

Дмитрий неплохо знал фольклор народов Крайнего Севера, поэтому, планируя экспедиции, руководствовался не своими желаниями, а легендами и мифами, передающимися из рода в род. Мечта Дмитрия обойти северное побережье России опиралась на не менее сумасшедшую идею найти легендарный Рамль, или Ракремль, — древнюю гиперборейскую крепость, около двадцати тысяч лет назад якобы располагавшуюся где-то на Чукотском побережье. Об этом говорили легенды олочей и юкагиров, чукчей и эскимосов. А узнал об этих легендах Дмитрий от своего знакомого, охотно спонсировавшего его экспедиции, который, в свою очередь, был знаком с членами фольклорно-этнографической экспедиции профессора Демина, несколько лет исследовавшей Чукотку.

Рамль искали и до Дмитрия, причем по всему побережью Северного Ледовитого океана, от Мурманска до Уэлена, но Дмитрий почему-то был уверен, что повезет именно ему.

Высадившись в Уэлене в начале июня, когда в этих местах начиналась весна, Дмитрий за два летних месяца прошел около восьмисот километров вдоль побережий Чукотского и Восточно-Сибирского морей, но короткое северное лето кончилось, в конце августа температура воздуха упала до минус восьми градусов, начались снегопады, и темпы движения снизились. Однако отказываться от продолжения пути Дмитрий не собирался и упорно двигался дальше, надеясь к лютым холодам дойти до устья Колымы — в том слу-

чае, если не повезет и он не отыщет следы самого южного¹ форпоста Гипербореи.

В Уэлькаль Дмитрий попал к обеду.

Солнце висело низко над горизонтом и готовилось спрятаться за гряды дальних холмов, с которых начиналось Чукотское нагорье. Близилась полярная ночь, и дни становились все короче и темней. Дмитрию это обстоятельство не мешало, а вот стойбище готовилось к длинной зиме и дорожило светлым временем суток, чтобы успеть выйти лишний раз в море и сделать запасы на зиму.

Охотники Уэлькаля смогли возродить забытый национальный промысел — охоту на гренландского кита — и за смехотворно короткий летний сезон успевали обеспечивать стойбище уймой деликатесов — мясом нерпы, лахтака, белухи, моржа, китовым мясом и жиром и прочими дарами моря. Но Дмитрию в общем-то эти деликатесы были ни к чему, во время экспедиций он и сам охотился на зверя, лесного и морского, и не переживал, что останется без пищи.

Уэлькаль представлял собой полсотни яранг — конусовидных строений из деревянных шестов и оленьих шкур, в искусстве возведения которых чукчам и эскимосам не было равных, и деревянных домиков более цивилизованного вида. Домиков насчитывалось с десятков, и четыре из них принадлежали местной власти — жилищно-коммунальному хозяйству, магазину, школе и детскому саду. Все они располагались в сотне метров от берега не как попало, а по кругу, точнее — тремя почти точными кругами с общественными строениями в центре, и хотя население стойбища насчитывало всего триста пятьдесят человек, выглядел Уэлькаль не временным лагерем, а чуть ли не городом, выросшим на краю света. Впереди — берег и ледяное море, за спиной — вечно мерзлая тундра с редкими холмами. Ни дорог, ни тропинок, только будто утюгом выглаженное побережье Восточно-Сибирского моря.

Связь Уэлькаля с большим миром случается не чаще пяти-шести раз в год, когда сюда прилетают самолеты с гума-

¹Гиперборейская цивилизация располагалась на материке, который занимал бассейн Северного Ледовитого океана, и Крайний Север России для него был югом.

нитарной помощью, топливом для местного «флота» — двух моторных вельботов и карбаса и кое-какими товарами для магазина. Но гости в поселок заявляются чаще, особенно когда кончается охотничий сезон. Тогда в Уэлькаль приезжают на вездеходах посланники губернатора и барыги, которые за бесценок скупают, а то и на бутылку разведенного китайского спирта выменивают пушнину и драгоценное мясо морских белух.

Обо всем этом Дмитрию поведал Миргачан, местный шаман, ламут или эвен по национальности, который первым встретил путешественника на берегу моря и пригласил в гости. Жил он в просторной яранге, покрытой двумя слоями оленьих шкур. Шкурами его жилище было устлано и внутри, так что представляло собой роскошную мягкую спальню, способную вместить сразу две-три семьи. Однако шаман — еще не старый человек лет пятидесяти пяти — жил один и жену заводить не собирался. Много лет назад он был охотником, неудачно бросил гарпун в моржа, и тот едва не убил его во время схватки. С тех пор Миргачан хромот, плохо видел правым глазом и сторонился людей. Почему он решил стать шаманом, Миргачан и сам не помнил, но прошел посвящение и поселился в Уэлькале, где нашел понимание и покой.

Дмитрий с интересом оглядел внутреннее убранство яранги, потрогал на полочках вырезанные из китового уса и моржовых клыков фигурки зверей, птиц и людей, бросил взгляд на самые настоящие батареи водяного отопления: поселок имел центральную котельную, начальник которой, он же кочегар, пользовался у жителей огромным авторитетом. Цивилизация пришла и в этот богом забытый уголок, что подтверждали стоящий у стенки яранги японский телевизор и электроплита.

Запахи в жилище шамана вполне соответствовали его образу жизни — запахи трав, шкур, китового жира и паленой шерсти. Однако приходилось терпеть, чтобы не обидеть хозяина.

Лошадь Дмитрий накормил и оставил рядом с оленями, принадлежащими Миргачану; ее он использовал только в качестве вьючного животного, передвигаясь преимущественно пешком. В яранге было тепло, но раздеваться Дмит-

рий не стал, надеясь лишь на беседу с шаманом, а не на ночлег. Миргачан достал початую бутылку настоящей кристалловской водки, вяленую рыбу и особым образом приготовленное нерпичье мясо. От водки Дмитрий отказался, сославшись на веру, запрещающую ему употреблять алкогольные напитки (что в общем-то соответствовало истине), а рыбу и мясо попробовал.

Миргачан почти свободно владел русским языком и разговаривался, обрадованный возможностью пообщаться с человеком с Большой земли. Он рассказал немало любопытных историй, две из которых Дмитрий даже записал на диктофон.

Первая повествовала о встрече охотников с каким-то диковинным «шибко большим» зверем с огромной драконьей головой и длинным костяным гребнем по спине, вторая уходила в дебри времен. Ее якобы рассказал Миргачану старый шаман, у которого он учился, и говорила она о появлении в стойбищах охотников каких-то странных людей с двумя лицами, ищущих «дыру в светлый мир».

Дмитрий, заинтересованный историей, начал было выяснять у хозяина подробности, но в этот момент где-то за стенами яранги зародился неясный шум, раздались далекие и близкие крики, и в ярангу, откинув полог входа, нырнул худенький мальчишка с глазами на пол-лица. Он что-то выкрикнул на эскимосском языке, глянул на Дмитрия и шмыгнул вон.

— Что случилось? — спросил Дмитрий.

Миргачан, кряхтя, поднялся:

— Опять барыги свару затеяли, однако. У нас всегда так: стоит только охотникам получку получить — они тут как тут. Спирт продают, водку, а кто отказывается — того бьют.

Дмитрий непонимающе посмотрел на шамана:

— То есть как бьют? Разве они имеют право принуждать человека покупать у них товар?

Миргачан махнул рукой:

— Многие и не хотели бы связываться с ними, да выпить любят. К тому же барыги почти ничего не продают, а меняют.

— Тем более. А власть как на это смотрит?

— Какая у нас власть? — снова махнул рукой шаман. —

Главный бухгалтер, что получку выдает, кочегар Палыч, который тоже пьет много, однако, да я вот.

— А милиция? Участковый?

— Нету милиции, однако. В Ирпени есть, у нас нету. А барыги все здоровые, их боятся. Посиди пока, я попробую их успокоить.

— Я с вами, — встал Дмитрий.

Они вышли из яранги.

Было светло, белесое небо казалось покрытым изморозью. Температура в это время года здесь держалась на уровне минус пяти-шести градусов по Цельсию, но сильный ветер заставлял ежиться и поворачиваться к нему спиной...

По стойбищу бродили стайки детей, мужики в засаленных телогрейках и кирзовых сапогах, старухи и молодые женщины в национальных костюмах, отделанных таким потрясающей красоты орнаментом и мехом, что на их фоне поблекли бы и столичные красавицы в дорогих шубах. По случаю выдачи зарплаты в стойбище начался самый настоящий праздник, никто не работал, а самая большая толпа жителей поселка собралась на центральной площади, у магазина. Там же стоял вездеход приезжих менял, возле которого толклись охотники, пожелавшие обменять пушнину и мясо на водку, курево и другие «блага цивилизации».

В тот момент, когда Дмитрий и шаман подошли к вездеходу, трое молодцов в черных кожаных куртках били какого-то мощнотелого, но безвольного мужчину в старом десантном комбинезоне. Жители Уэлькаля молча наблюдали за избиением. Лишь женщины иногда начинали кричать на молодых людей и умолкали испуганно, когда четвертый приятель менял, не принимавший участия в расправе, с угрозой оглядывался на кричащих.

Мужчина упал. Молодые атлеты продолжали сосредоточенно бить его ногами, норовя попасть по голове.

— Прекратите! — сказал Миргачан, выходя из-за спин соплеменников. — Нехорошо, однако.

— Отойди, хромой, — брезгливо оттолкнул шамана четвертый парень, в танкистском шлеме. — Мы только поучим этого, чтобы знал, с кем связался.

Миргачан не удержался на ногах, упал, и Дмитрий не выдержал:

— Эй, чемпионы, может, хватит?

Молодцы прервали избиение, оглянулись. Тот, что толкнул шамана, поднял редкие белесые брови.

— А ты откуда такой выискался, оглобля волосатая? То же хочешь получить отпущение грехов?

Не говоря ни слова, Дмитрий помог подняться Миргачану, подошел к мужчине в комбинезоне, скорчившемуся на утоптанном галечнике, протянул ему руку:

— Вставайте, я вам помогу.

На миг показалось, что сквозь черные спутанные волосы на затылке незнакомца на Дмитрия глянули удивленные глаза, но потом это ощущение прошло. Мужчина зашевелился, отнял руки от небритого лица, посмотрел на Дмитрия, прищурясь, молча вцепился в протянутую руку и с трудом встал. Рука у него была горячая и влажная, как у больного гриппом.

Молодцы с вездехода, ошеломленные вмешательством Дмитрия и его спокойствием, опомнились.

— Ты чо, ох...л?! — выдохнул «танкист» в шлеме. — Ты за кого заступаешься?! Он же ворюга!

— Он человек, — хмуро сказал Дмитрий. — А если что и украл, то давайте разберемся.

— Да не хрен нам разбираться! Не вмешивайся не в свое дело, а то не ровен час волосы потеряешь!

— Я ими не дорожу. А вам советую: забирайте свой товар и уезжайте отсюда.

Стало совсем тихо. Затем «танкист» изумленно присвистнул, махнул рукой своим заржавшим приятелям, и те бросились на Дмитрия, поддерживающего под локоть избитого незнакомца. Что произошло в следующее мгновение, не понял никто.

Дмитрий вроде бы и не двинулся с места, и не махал руками, и не прыгал, но все трое нападавших вдруг оказались лежащими на земле лицами в гальку и мерзлую землю, и драка закончилась, не успев начаться. Дмитрий повернул голову к «танкисту», сузил похолодевшие глаза.

— Уходите отсюда! Мое терпение имеет пределы. Еще

раз приедете в поселок — разговор будет другим. Же не компран?

— Чо? — вылупил глаза «танкист».

— Понял, мурло?

«Танкист» облизнул губы, внезапно сунул руку за пазуху и выхватил пистолет. Но воспользоваться им не успел. Дмитрий буквально исчез в том месте, где стоял, оказался вдруг рядом с молодцем в шлеме, вывернул у него пистолет и направил ствол в лоб.

— Понял, спрашиваю?

— По-по-по-нял... — вспотел «танкист».

— Убирайтесь! Живо!

Вдруг распахнулась дверца вездехода, со звоном ударилась о борт, из кабины на землю прыгнул какой-то чумазый подросток в ватнике и джинсах, бросился к Миргачану и Дмитрию с криком:

— Помогите! Я не хочу жить с ними! Они забрали меня насильно!

Подросток вцепился в шамана, залился слезами, и Дмитрий вдруг понял, что это девушка, очень юная, почти девчонка.

— Успокойся, однако, — проговорил Миргачан, погладив волосы девчушки заскорузлой ладонью. — Кто ты и откуда?

— Я из Колабельды, — выговорила она, глотая слезы. — Меня зовут Инира, они схватили меня и увезли... четвертый день уже...

Миргачан поймал взгляд Дмитрия, покачал головой:

— Она из поселка Кола, километров сто отсюда, однако. Инира по-русски — звезда. Родители небось ищут...

— Нет у меня родителей, я у кайат жила, у тетки...

— Сколько же тебе лет?

— Восемнадцать... скоро будет...

Дмитрий перевел взгляд на «танкиста», и тот отпрянул, поднимая руки, изменился в лице, заскулил:

— Это не я... это Вахида идея, он взял... а я даже не прикасался к ней...

Молодцы с исцарапанными о камни и мерзлые комья

земли лицами начали подавать признаки жизни, озирались, переглядываться. Толпа жителей Уэлькаля вокруг загудела.

— Их убить надо! — выкрикнула какая-то старуха в дра-
ной шубе. — Сколько людей они обманули! Мужей спаива-
ли! А теперь еще и детей крадут!

Шум усилился.

— Тихо! — рывкнул Миргачан на сородичей, посмотрел на Дмитрия. — Бандиты, однако. Их в милицию бы надо. Да только где она, милиция?

Дмитрий поднял пистолет, посмотрел вверх ствола на побледневшего «танкиста».

— Будь моя воля, я бы их всех утопил! — Он посмотрел на спасенного мужчину с заросшим седой щетиной лицом, перевел взгляд на девочку по имени Инира. — У вас есть связь с губернским центром?

— Есть, — вышла вперед женщина средних лет.

— Позвоните, передайте приметы этих... продавцов. Их найдут. А я, когда доберусь до места, продублирую. А теперь пусть убираются!

— Идите, однако, — махнул рукой Миргачан. — Сюда больше не приезжайте.

— Тебя не спросили... — «Танкист» осекся, глянув на Дмитрия. — Пушку-то отдай, оглобля, не твоя она.

Тот подошел к нему вплотную, сказал раздельно:

— Я человек мирный, но если надо — всех вас в тундре положу! Понял? Лучше убирайтесь из этого края. Вернусь — найду!

Молодцы в куртках попятились к вездеходу, опасливо поглядывая на пистолет в руке Дмитрия, забрались по одному в кабину.

«Танкист» залез последним, приоткрыл дверцу, ощерился:

— Мы тебя сами найдем, паря! Пожалеешь, что встрял не в свое дело!

Вездеход заворчал мотором, крутанулся на месте, распу-
гивая жителей стойбища, брызнул струями гальки и песка из-под гусениц и помчался вдоль берега, огибая поселок.

Спасенный Дмитрием незнакомец бросил на него косой

взгляд и молча, припадая на левую ногу, поплелся прочь, боком протиснулся сквозь толпу, исчез. Что такое благодарность, он, очевидно, не знал.

Люди начали расходиться, оживленно обсуждая происшествие на смеси эскимосско-чукотского и русского языков. Жены потащили домой упиравшихся мужей, не успевших выменять свои товары на спирт. Дети, с уважением глядя на Дмитрия, загалдели, затем разбежались в разные стороны, продолжая свои игры. На площади перед магазином остались четверо: Храбров, шаман, девочка Инира и женщина, оказавшаяся главным бухгалтером стойбища по имени Валентина Семеновна.

— Спасибо вам, что вступились, — сказала она виноватым тоном. — Наши мужики трусоваты, да и зависят от барыг, им невыгодно ссориться и заступаться за других. Надолго к нам? Где остановились?

— У меня, — сказал Миргачан.

— Я всего на минутку сюда заскочил, — развел руками Дмитрий. — За солью да за спичками. Пойду дальше. Позаботьтесь о девчонке. Ее бы к тетке вернуть.

— Поживет пока у меня, а через неделю из центра прилетит вертолет за рыбой, и мы ее отправим домой.

— Не хочу! — выпалила Инира, вырываясь из рук шамана. — Можно, я с вами пойду? — Она умоляюще прижала кулачки к груди.

Дмитрий отрицательно качнул головой, поежился под взглядом огромных, с косым разрезом, карих глаз.

— К сожалению, это невозможно. Поход — не прогулка, а мне не нужны проводники и... — Дмитрий хотел добавить: и лишние рты, но сдержался.

— Пойдем, милая. — Валентина Семеновна взяла Иниру под руку. — Умoeшьcя, переоденeшьcя, согpeeшьcя. Естb хочeшь?

Они пошли прочь. Девушка упиралась, оглядывалась, в ее глазах стояли слезы, но Дмитрий покачал головой и отвернулся, понимая, что с такой обузой далеко не уйдет. Да и ситуация складывалась бы двусмысленной: здоровый мужик вдруг решил взять в спутницы молодую девчонку...

— Спасибо, гирки¹, — сказал шаман. — Барыги теперь к нам не приедут, однако. Но будь осторожен, это плохие люди.

Дмитрий кивнул. Он не был уверен, что менялы не вернутся. Они контролировали, наверное, все стойбища побережья и вряд ли согласны были отказаться от части прибыли, которую получали с «торговой точки» в Уэлькале. Законы здесь, на краю земли, не действовали, и рэкетирующие молодчики устанавливали свои правила.

У яранги шамана стали прощаться.

— Возьми олешка, однако, — предложил Миргачан. — Лошадь твой далеко не уйдет, замерзнет, а олешек нет.

— Это было бы неплохо, — с сомнением проговорил Дмитрий, — да ведь мне нечего за оленя дать. Лошадь — равноценный обмен.

— Бери даром, — великодушно махнул рукой шаман. — Я не обеднею. Если надо, мне охотники любого олешка приведут.

— Ну, тогда, пожалуй, можно.

Дмитрий перегрузил тюки с походным имуществом с лошади на красивого оленя, погладил его по шее:

— А он не убежит?

— Смирный, однако, не убежит, — осклабился Миргачан.

— Тогда я двинулся дальше. Спасибо за гостеприимство, за беседу, за оленя. В долгу не останусь. Прощайте.

Шаман мелко-мелко закивал, сунул Дмитрию вырезанную из китового уса темную фигурку, напоминающую зверя и человечка одновременно.

— Это шипкача, добрый дух. Помогать будет, однако, тугныгаков отгонять.

— Кого?

— Тугныгаков, злых духов.

Дмитрий взвесил в руке ставшую теплой фигурку, положил в карман на груди, поклонился (благодарить за такой подарок не полагалось по местным поверьям) и дернул за кожаный пояс, заменявший узду. Олень послушно тронулся с места.

Никто Дмитрия не провожал. Барыги уехали, ажиотаж с

¹Гирки — друг.

обменом и торговлей спал, жители стойбища разошлись по домам. Лишь стайки детей продолжали суетиться то там, то здесь, изредка появляясь у яранги Миргачана.

Дмитрий оглянулся на краю поселка, но шамана не увидел. «Духовный наставник» стойбища не любил долгих прощаний и скрылся в своем жилище. Зато появился откуда-то тот самый мужчина в камуфляже, которого избили менялы. Он догнал Дмитрия с непокрытой головой, исподлобья глянул на оленя, на путешественника, на море.

— Я знаю, что ты ищешь. — Голос у незнакомца был тонкий, гортанный, необычный. — Могу показать дорогу.

— Это интересно, — сказал Дмитрий хладнокровно. — Мне казалось, я сам не знаю, куда иду и что ищу.

— Ты ищешь Рамль. Я знаю дорогу.

Дмитрий подобрался, ощупал недоверчивым взглядом темное лицо незнакомца, разукрашенное синяками и царапинами, не похожее ни на лицо тунгуса, ни на лицо русско-го, ни на «лицо кавказской национальности». Снова пришлось ощущение, что у мужика не два глаза, а четыре.

— Откуда вам известно... о Рамле?

Губы незнакомца исказила усмешка.

— Это неважно. Ты хочешь найти крепость?

— Хочу, — подумав, ответил Дмитрий.

— Я отведу тебя. Ты помог мне, я помогу тебе. Но идти надо быстро.

— Почему?

— Они могут вернуться.

Дмитрий понял, что речь идет о барыгах, избивших собеседника.

— За что они вас били?

Та же кривая ухмылка.

— Кто-то украл у них банку кофе, подумали, что это я.

— Понятно. А откуда вам все-таки известно о Рамле?

— Я тут давно... — Черноволосый здоровяк неопределенно пожал плечами. С виду он был силен как бык, и Дмитрию было непонятно, почему верзила не дал отпора парням с вездехода.

— Почему я должен вам верить?

— Как хочешь. Можешь не верить...

— Как вас звать?

— Эвтанай.

— Далеко нам идти до Рамля, Эвтанай?

Мужчина посмотрел на низкое солнце, бросил взгляд на оленя, на ноги Дмитрия, словно что-то прикидывая.

— Два дня.

— Как же вы дойдете, если у вас нет ни припасов, ни оружия, ни походного снаряжения? Или болтовня о Рамле только прикрытие? И ночью вы меня ограбите и скроетесь?

— У меня есть оружие. — Эвтанай сунул руку за пазуху и вытянул длинный нож, сверкнувший ярким голубым блеском. — Мне ничего не надо. Я дойду.

— Ладно, присоединяйтесь, — согласился наконец заинтригованный Дмитрий. — Но предупреждаю: замечу что подозрительное — церемониться не буду. Это я с виду только смиренный, но вы видели, как я могу защищаться.

— Мне нет смысла хитрить. До Рамля одному не дойти.

— Почему? Я бы дошел, если бы знал координаты.

— Рамль защищен... он окружен ведьминым кольцом... Нужен такой человек, как ты, чтобы никого и ничего не бояться.

Дмитрий хмыкнул, с сомнением оглядел ничего не выражающее лицо Эвтаны и дернул за оленью узду.

— Ну что ж, потопали.

Вскоре поселок охотников скрылся из виду.

За два часа путники отмахали вдоль берега моря около десяти километров, остановились перевести дух, и в это время сзади на серо-белой глади берега появилась точка, превратилась в догоняющего их человека, и человеком этим оказалась девушка Инира, одетая в оленью парку, ичиги и нерпичью шапку, раскрасневшаяся, умытая, причесанная и невероятно красивая. В руке она держала небольшую меховую сумку.

— Я с вами! — выпалила она, останавливаясь, запыхавшись от бега. — Пожалуйста, возьмите меня с собой.

Глаза Эвтаны недобро сверкнули.

— Уходи! — бросил он неприветливо. — Тебе нельзя там, где мужчины. Плохо будет.

Инира умоляюще посмотрела на Дмитрия.

— Я вам не помешаю, я выносливая. Вот, даже еду взяла. — Она приподняла сумку. — Сушеное мясо и хлеб.

Дмитрий улыбнулся:

— Этого не хватит даже на день пути, а до ближайшего стойбища километров триста. Ты не дойдешь. Возвращайся.

Инира гордо вскинула голову:

— Я в школе бегала быстрее всех! Я дойду! Не захотите меня взять, я пойду за вами сама.

Дмитрий и Эвтанай переглянулись. Черноволосый проводник покачал головой:

— Она совсем молодая, глупая, нельзя ей с нами. Со всем нельзя.

— Прогоним — она пойдет за нами.

— Я отведу ее в поселок и оставлю.

— Не подходи, двулицый! — Инира проворно достала из-под полы парки нож с изогнутым лезвием. — Глаз выколю!

Дмитрий поднял бровь, посмотрел на спутника, ничуть не смутившегося угрозы, на девушку.

— Почему ты назвала его двулицым?

— Я видела его в Колабельды, он ссорился с какими-то парнями, и они называли его двулицым.

— Может быть, двуличным?

— А какая разница? — удивилась Инира.

Дмитрий усмехнулся:

— Действительно, почти никакой. Давай договоримся, путешественница. Мы возьмем тебя с собой только при одном условии: не жаловаться! И слушаться. Иначе лучше отправляйся обратно. Договорились?

— Да-да, — радостно закивала девушка. — Я буду послушная.

— Кстати, нехорошо, что ты убежала от приютивших тебя людей да еще забрала у них продукты и одежду.

Инира вспыхнула, понурила голову. Потом посмотрела в глаза Дмитрию:

— Я все верну! И я написала Валентине Семенне записку, чтобы она не беспокоилась.

— Мы теряем время, — угрюмо проговорил Эвтанай. — Я против, чтобы она шла с нами, хлопот не оберешься.

Дмитрий и сам думал так же, но и прогонять упрямую

аборигенку (интересно, кто ее родители? По всему видно, кто-то из них был эскимосом, а кто-то русским) не спешил. И смотрела она так жалобно и вместе с тем с таким вызовом, что можно было не сомневаться: она и в самом деле способна сопровождать их в отдалении.

— Присоединяйся, — сказал Дмитрий со вздохом.

Глаза девушки просияли. Она бросилась к нему, но застеснялась, остановилась и, повернувшись к Эвтанаю, показала ему язык.

* * *

За два дня они преодолели шестьдесят два километра и приблизились к отрогам Чукотского нагорья, скрывшим за собой низкое солнце. День от ночи теперь можно было отличить только по светящемуся небосводу, да и длилось светлое время суток всего около четырех часов. Столько же продолжались сумерки, а остальное время занимала надвигающаяся полярная ночь.

Чем руководствовался Эвтанай, ведя небольшой отряд зигзагом, никто не знал. Однако на исходе вторых суток он свернул на юго-запад, и отряд стал удаляться от ровного берега моря. Начались пологие холмы, гряды, долины, болотистая, еще не окончательно заledenевшая тундра сменилась каменистыми осыпями и голыми проплешинами с редким кустарником и куртинами трав.

Комары, в летний период — настоящее бедствие для животных и человека, с наступлением холодов исчезли, а за ними ушли и птичьи стаи. Лишь изредка встречались полярные совы, гонявшиеся за леммингами и зайцами, малые веретенники, пуночки и белые куропатки, остающиеся на зиму, и Дмитрий изредка охотился, добывая по несколько штук для обеда или ужина.

Олень, подаренный Дмитрию шаманом Уэлькаля, оказался смирным и выносливым животным, успевавшим насытиться лишайником во время стоянок. Люди, естественно, питались разнообразнее, но ненамного: вяленое и сушеное мясо — пеммикан, рыба, которую очень ловко ловил Эвтанай, да мясо куропаток, приготовленное на костре. Хлеб

Иниры был съеден давно, поэтому обходились без него. Костры разводили из плавника на берегу и сухих лепешек лишайника, иногда подбрасывая встречавшиеся на пути ставшие рыхлыми кости животных.

Дмитрий походную жизнь переносил абсолютно спокойно, как и полагается путешественнику с его стажем. Эвтанай также шагал неустойчиво и быстро, не обращая внимания на условия сурового края, хотя ел он редко и только рыбу, когда случалось ее поймать. Однако и девушка Инира, оказавшаяся наполовину украинкой, наполовину эскимосской, не жаловалась на трудности похода, держалась бодро и жизнерадостно, часто пела заунывные эскимосские песни и не донимала своих спутников расспросами или пустопорожней болтовней.

Ее ичиги из оленьих шкур, подшитые снизу вторым слоем кожи, к счастью, оказались прочными, и Дмитрию, знавшему, как быстро изнашиваются ботинки в здешних условиях, заботиться о смене обуви не пришлось. Да и температура воздуха пока держалась на отметке минус восьмидесяти градусов, не заставляя путешественников кутаться в меха и закрывать лица шарфом.

Дмитрий не раз потом размышлял о причине, заставившей его взять с собой Иниру, и пришел к выводу, что он сделал это вопреки желанию Эвтаны, который таинственным образом узнал о цели путешествия Храброва и вел себя подозрительно. О том, что девушка просто понравилась Дмитрию, он не решился признаться даже себе самому.

На третьи сутки Эвтанай впервые начал проявлять беспокойство. То и дело останавливаясь, он подолгу разглядывал сопки и склоны холмов, всматривался в землю, поглядывал на небо и что-то ворчал под нос. За этот день они прошли всего километров пятнадцать и достигли первых скал и каменистых осыпей края плато, постепенно поднимавшегося в горы. Эвтанай некоторое время изучал местность, сунулся к одной группе скал, к другой и глухо проговорил:

— Меня сбивают... уводят от цели... не могу найти тропинку...

Дмитрий и сам видел, что они кружат на месте, несколь-

ко раз меняя направление пути, но считал, что проводник просто вспоминает приметы и ищет кратчайшую дорогу к цели.

— Кто сбивает? — поинтересовался он.

— Духи крепости...

— Чем я могу помочь? Что нужно делать?

— Надо идти прямо... эти скалы — ключ к воротам в долину, где стоит... стояла крепость.

— Прямо — это куда? На юг? На запад? На восток?

Эвтанай посмотрел на темное небо, затянутое пеленой облаков, на скалы, ткнул пальцем справа от них:

— Туда.

— Значит, строго на юго-запад, — уточнил Дмитрий. — Что ж, завтра отправимся в ту сторону. Ты уверен, что Рамль стоит именно там?

— Он скрыт от глаз... но вход в долину, где он стоял, там.

— Хорошо. Ищем место для ночевки, собираем все, что горит, и отдыхаем.

Они выбрали ровную площадку за группой огромных каменных глыб, так, чтобы они защищали их от ветра, разбили палатку, развели костер. Палатка была небольшая, одноместная, Дмитрий во время походов спал в ней один, теперь же их было трое, и первое время они спали вдвоем, в тесноте, оставляя припасы и походный инвентарь снаружи. Потом Эвтанай стал отказываться от совместного размещения, спал он плохо, метался, вскрикивал по ночам, и в конце концов Дмитрий махнул на него рукой. Уже третью ночь они с Инирой проводили вместе, она — в его спальнике, он — закутавшись в одеяло, и это устраивало обоих. Инира оказалась неглупой и начитанной девчонкой, жадной до расспросов о столичной жизни и о мире вообще, и Дмитрий с удовольствием отвечал на ее вопросы, чувствуя растущее влечение, но пресекая все нескромные мысли.

Он не удивился, когда она, тихонько раздевшись в спальном мешке, скользнула к нему под одеяло, но преодолел желание и долго рассказывал девушке о своей личной жизни, чтобы не обидеть и в то же время не совершить ошибку. Вскоре она доверчиво уснула у него на груди, а он, обнимая ее юное, вкусно пахнущее тело, с удивлением и трепе-

том вслушивался в ее дыхание и думал, что никогда не поверил бы тому, кто рассказал бы ему подобную историю. Но твердо знал, что поступил правильно. Инира была достойна большего, чем то, что он мог ей предложить в данный момент.

Потрескивал костер. Посвистывал ветер в скалах. Эвтанай уходил куда-то, возвращался, ворчал, подбрасывал в костер ветки. По пологую палатки бродили тени. Дмитрий поцеловал Иниру в ухо и уснул...

Встали в начале девятого утра, хотя было еще темно: рассветало здесь после десяти. Позавтракали и выступили в путь, держа курс на юго-запад: впереди Дмитрий с Инирой, сзади Эвтанай, сторбившийся, мрачный, не смотрящий по сторонам.

Таким образом прошагали несколько километров, выбирая более или менее ровные участки, огибая скалы и длинные каменистые языки моренных гряд. К двенадцати часам окончательно рассвело, хотя солнце так и не показалось над горизонтом. На Чукотском нагорье начались долгие осенние сумерки.

Дмитрий внезапно заметил, что отклонился от выбранного направления к северу. Стал чаще поглядывать на компас. Однако и это не помогло. Стоило немного отвлечься, задуматься о чем-нибудь другом, как траектория их движения сворачивала в сторону и отряд начинал идти зигзагом, петлять, словно его сбивала с пути какая-то недобрая сила. Дмитрий поделился своими наблюдениями со спутниками, и Эвтанай глухо произнес:

— Это ведьмино кольцо... духи не пускают нас в крепость... может быть, мы вообще туда не попадем...

Дмитрий внимательно посмотрел на него:

— Ты уже пробовал найти Рамль?

Эвтанай отвернулся, затем нехотя признался:

— Много раз... со всех сторон... неудачно...

— И что же ты рассчитываешь там найти?

Глаза черноволосого проводника — он так и шел без шапки — сверкнули. Он долго не отвечал, ковыряя носком мокасины мерзлый лишайник, покосился на Иниру, взобравшуюся на камень.

— В крепости много всего...

— Точнее?

Снова долгое молчание.

— Вот что, дружище, — рассердился Дмитрий, — или выкладывай все, что знаешь, или я поворачиваю обратно!

Эвтантай вскинул голову, оценивающе посмотрел на путешественника и понял, что тот не шутит.

— Там... сокровища... всякие... По легендам, Рамль накрыла волна цунами, и все так и осталось нетронутым... А оставшиеся в живых потом договорились с духами об охране крепости.

— Ты так уверенно говоришь, будто присутствовал при этом.

Эвтантай глянул на Дмитрия исподлобья, хотел что-то сказать, но в этот момент раздался звонкий голосок Иниры:

— Там впереди что-то светится!

Эвтантай вздрогнул, бросился к растрескавшейся глыбе камня, на которую взобралась девушка, в мгновение ока залез наверх. Дмитрий присоединился к ним, козырьком приставил ко лбу ладонь и увидел среди пирамидальных скал в пяти-шести километрах на юго-западе какое-то призрачное свечение.

— Что это может быть?

— Крепость! — выпалила Инира. Она не вмешивалась в разговоры мужчин, но прислушивалась к ним и знала о цели похода.

— Странно... — глухо буркнул Эвтантай, неотрывно глядя на облачко свечения. — С такого расстояния крепость не должна быть видна... но, может, что-то изменилось...

Волосы на затылке проводника шевельнулись, в них что-то блеснуло; Дмитрию показалось — глаз! Но в это время Эвтантай вдруг спрыгнул со скалы на землю и, ни слова не говоря, бросился между каменными глыбами по направлению к светящимся скалам.

— Ты куда, Эвтантай? — окликнул его Дмитрий. — Подожди!

Проводник не ответил, исчезая из виду.

— Что это с ним? — удивилась Инира. — С ума сошел?

— Он решил, что может теперь обойтись без нас, — про-

бормотал Дмитрий, переживая неприятное чувство гадливости; перед мысленным взором все еще стоял влажный блеск глаза на затылке проводника.

— Надо его догнать! А то он все себе присвоит!

— Не присвоит, — усмехнулся Дмитрий. — Я вообще не уверен, что мы что-нибудь найдем.

Инира удивленно подняла брови:

— Зачем же тогда ты согласился искать эту гипробейскую крепость?

— Гиперборейскую, — поправил ее Храбров. — Однако уж очень хотелось бы, чтобы местные легенды отражали реальные события прошлого. Если мы обнаружим остатки Рамля — войдем в историю, как Шлиман! Их многие искали, да так и не нашли.

— Кто такой Шлиман?

— Ученый, который нашел и раскопал Троя.

— Что такое Троя? Тоже крепость?

— Нечто вроде этого.

Дмитрий слез со скалы, подал руку Инире, но она легко прыгнула сама.

— Пошли посмотрим, что там светится.

Они двинулись вслед за Эвтанаем, прислушиваясь к шорохам ветра в скалах. Где-то далеко закричала не то чайка, не то сова. Откуда-то прилетел странный звук, похожий на рычание мотора. Стих. Дмитрий и Инира переглянулись. У обоих мелькнула одна и та же мысль: вездеход! Однако звук больше не повторился, и Дмитрий зашагал дальше, выдвинув из седельной сумки на всякий случай приклад охотничьего карабина «сайгак».

Тропинка, по которой они двигались в сторону свечения, вскоре превратилась в расщелину, а затем и в самое настоящее ущелье, прорезавшее скалы и горные склоны. Оно было почти прямое и узкое — двоим не разойтись, но все же достаточной ширины, чтобы по нему могли двигаться люди и даже олень с поклажей.

Преодолев несколько километров в сгущающихся сумерках, они вышли на край долины и остановились, не веря глазам. Перед ними на дне чашеобразной впадины стоял светящийся призрачный замок, чем-то напоминающий древ-

ние русские крепости — кремли: московский, нижегородский, смоленский и другие. Рамль! Его стены и башни зыбились, переливались волнами света, словно сотканые из световых вуалей, испускали серебристое лунное сияние, подрагивали, сказочно красивые и гармоничные. Но стоило путешественникам сделать еще один шаг, как сияние вдруг погасло, башни и стены Рамля исчезли, и перед глазами ошеломленных путников предстали... развалины!

— Ой! — испуганно остановилась Инира.

Дмитрий замер, глядя на зубцы и неровные линии кладки и остатков стен. Затем попятился и вздрогнул, снова увидев сияющие стены и башни крепости.

— Дьявольщина!

— Что? — оглянулась девушка.

— Подойди ко мне.

Инира послушно вернулась к нему и не удержалась от изумленного вскрика:

— Кана иктлынут! — Виновато посмотрела на Дмитрия. — Извини, я от неожиданности...

Он понял, что девушка выругалась на своем языке. Сделал несколько шагов вперед и уже спокойнее воспринял происшедшую метаморфозу сверкающего древнего кремля в развалины. Прделав ту же процедуру еще раз, Дмитрий определил границы таинственного превращения крепости в руины и понял, почему Эвтанай говорил о ведьмином кольце, отводящем путников от древнего сооружения: увидеть Рамль таким, каким он был когда-то, можно было только в пределах этого самого кольца.

Окончательно стемнело. Олень вдруг заупряился и наотрез отказался следовать дальше за хозяином. Пришлось оставить его у внешней границы магического кольца, привязав за ногу к камню. Дмитрий взял карабин и направился к величественным даже в нынешнем состоянии стенам гиперборейского форпоста, сложенным из гранитных блоков и базальтовых плит. Сбитая с толку, зачарованная Инира вцепилась в рукав его куртки, пытаясь не отстать.

В свете фонаря показались уложенные в шахматном порядке шестиугольные плиты — темные и светлые. Очевидно, это были остатки дороги, ведущей в крепость. Прибли-

зились гигантские, внушающие трепет, каменные ворота с покосившейся, готовой свалиться балкой, на выпуклых ромбических пластинах которых были вырезаны какие-то письмена и геометрические фигуры. Некоторые буквы письмен походили на старославянские «г», «р» и «а». Однако прочитать, что начертано на воротах, Дмитрий не сумел.

— Надо пройти туда, посмотреть... — прошептала Инира, вздрагивая в нервном ознобе.

Дмитрий осветил груды каменных блоков, за которыми начинались остатки стен. Некоторые были достаточно низкими, чтобы через них можно было попытаться перелезть, цепляясь за неровности, выбоины и выступы. Интересно, как пробрался в крепость Эвтанай? — пришла мысль. И почему он так спешил, бросив спутников? Что надеялся найти здесь? И вообще, кто он такой на самом деле, двулицый? Почему иногда действительно кажется, что на затылке Эвтаная есть еще два глаза?..

— Ну что, полезли? — Инира нетерпеливо дернула Дмитрия за рукав, не понимая, почему он медлит. — Здесь, по-моему, можно подняться.

— Давай обойдем развалины, попробуем найти более удобный проход. Знать бы, где прошел наш угрюмый спутник...

— Лучше не надо, — быстро сказала Инира и нервно засмеялась. — Он странный... чужой... и недобрый! Я его боюсь!

Дмитрий двинулся влево, выбирая дорогу между камнями. Луч фонаря то и дело выхватывал из темноты вставшие торчком плиты, погруженные в каменно-песчаные осыпи блоки и камни, рваные земляные валы и языки щебня. Взобраться по ним на мощную стену Рамля было проблематично. Повинуясь голосу интуиции, Дмитрий вернулся к воротам в крепость.

Правая сторона древнего сооружения сохранилась лучше, хотя ни одна из башен не уцелела. Зато вторая от ворот башня оказалась расколотой снизу доверху, и в эту щель можно было пролезть, взобравшись на груды рухнувших сверху блоков. Возможно, через эту брешь на территорию древней крепости проник и Эвтанай.

— Странно... — пробормотала Инира.

— Что? — не понял Дмитрий, прикидывая, как легче пробраться в башню.

— Почему развалины не светятся?... Издали светятся, а вблизи...

— Возможно, срабатывает какой-то эффект...

— Колдовство?

Дмитрий улыбнулся:

— Кто знает? Может быть, и колдовство. Существует гипотеза, что древние гиперборейцы, населявшие десятки тысяч лет назад северный континент — где теперь льды, были магами. Волшебниками.

— А если они здесь прячутся?! — наивно испугалась Инира.

— Этой крепости не менее двадцати тысяч лет. Так долго не живут даже волшебники.

Взобравшись на вал из обломков стен и башни, они через щель, оказавшуюся достаточно широкой, проникли внутрь основания башни. Обломков и камней и здесь хватало, однако между ними все же оставались проходы, по которым путешественники и двинулись в обход помещения, форму которого понять было трудно из-за нагромождения рухнувших стен и свалившихся с потолка глыб. А затем в толстом слое пыли, покрывавшем пол помещения, Дмитрий увидел следы.

— Мы не ошиблись, — сказал он негромко, разглядывая нечеткие — человек бежал — следы. — Двумицый тоже выбрал этот путь.

— Эвтанай?

— Больше некому. Да и следы свежие.

Дмитрий направился по следам, пересекающим низкое помещение в основании башни почти точно по прямой. Складывалось впечатление, что Эвтанай знает, куда идет. Возможно, он уже бывал здесь, пришла неожиданная и неприятная мысль.

Следы привели к внутренней стене башни, и в свете фонаря показались ступени лестницы, винтом уходящие вниз. Пыли на них почему-то не было, словно ее собрали пылесосом, и они отсвечивали полупрозрачным черным стеклом и

такой полировкой, будто были только что уложены. Дмитрий посветил в проем, но лестница закручивалась по спирали, и увидеть, что там находится внизу, не удалось.

— Мне... страшно! — поежилась Инира. — Разве обязательно туда лезть, за двумяцым?

Дмитрий осветил пол, потолок помещения, поддерживаемый плитами и балками из все того же похожего на черное стекло материала, перевел луч на стену и увидел невдалеке аркообразную нишу. Это был выход из башни во двор, точнее, на территорию крепости. Когда-то он закрывался деревянной дверью, но время не пощадило дерево, и от двери остались всего несколько толстых поперечных перекладин, висящих на почерневших металлических петлях.

— Давай посмотрим, что там снаружи. Потом вернемся.

Дмитрий углубился в нишу высотой в два человеческих роста, зашагал к двери, разгребая пыль. Дотронулся стволom карабина до расщепленных заостренных перекладин (возможно, дверь была взорвана), попытался толкнуть их, и они рассыпались в труху. Луч фонаря осветил каменные плиты площади, в трещинах и выбоинах, груды камней и осколков стен. За ними виднелись смутные силуэты каких-то куполов и рухнувших башен, горы камней, шпили, огромные арки, но света фонаря не хватало, чтобы рассмотреть всю обширную территорию крепости. Это можно было сделать только днем.

— Там что-то светится... — прошептала Инира.

Дмитрий выключил фонарь и увидел встающее над пирамидальными горами камней облачко тусклого серого свечения.

— Что это может быть?..

Дмитрий погладил вздрагивающие пальцы девушки, вцепившиеся в его локоть.

— Туда нам по этим горам не добраться. Тут сам черт ногу сломит!

— Тогда давай вернемся и дождемся утра... — робко предложила Инира.

— Раз уж пришли, проверим, куда ведет лестница, — решил Дмитрий, сам не испытывая особого желания лезть в

темноте неизвестно куда. — Эвтанай тоже спустился вниз, вот и посмотрим, куда он направился.

Они начали спускаться по лестнице, считая ступени и стараясь ступать бесшумно. На сорок девятой ступеньке — ступени были очень высокими, чуть ли не полуметровыми, идти по ним было нелегко — лестница закончилась, и разведчики оказались в сыром шестиугольном помещении с низким сводчатым потолком и квадратными в сечении колоннами из все того же материала, похожего на черное стекло.

Пол помещения, сложенный из шестиугольных каменных плит, был покрыт зеленым налетом, скользким и неприятным на вид — не то плесенью, не то слизью, — и на нем отчетливо отпечатались следы сапог Эвтаная, ведущие в коридор через арочный проход. Переглянувшись, Дмитрий и спутница шагнули в коридор.

Луч фонаря отразился от стен тоннеля, сложенных из глыб черного стекла, покрытых трещинами и серыми натеками. Кое-где в стенах зияли вывалы и бреши, но пол коридора тем не менее был чист, не считая плесени, будто выпавшие из стен блоки кто-то унес. Коридор был пирамидальным в сечении и довольно высоким. По нему мог бы проехать и трамвай. Вел он к центру крепости, как прикинул Дмитрий, но оказался гораздо более длинным, если судить по размерам долины, в которой покоились руины Рамля. Путники отмахали по нему километра три, не встретив никаких препятствий, пока он не свернул, а затем пошел в обратном направлении — по первому впечатлению. Однако и этот коридор вскоре повернул, и, насчитав несколько таких колен, Дмитрий понял, что подземный ход представляет собой спираль или скорее меандр и что они все еще находятся под территорией крепости.

Инира притихла, придавленная тяжелой атмосферой подземелья. Дмитрий и сам чувствовал растущее беспокойство и дискомфорт, но следы Эвтаная все так же вели в таинственную темноту подземного коридора, проложенного в незапамятные времена, и сворачивать с полпути не хотелось. Еще через несколько минут впереди забрезжил слабый свет.

Дмитрий замедлил шаг, взвесил в руке карабин, успокаивающе погладил плечо девушки:

— Не бойся, наш проводник не спешил бы туда, зная, что развалины опасны.

— Все равно страшно, — несмело улыбнулась Инира. — Странно, что коридор так хорошо сохранился... наверху все разрушено...

— Да, странновато, — согласился Дмитрий. — Меня тоже кое-что смущает. Например, почему развалины Рамля до сих пор не найдены? Ведь они должны быть хорошо видны с высоты.

— Может быть, ведьмино кольцо отводит взгляд?

— Взгляд — да, но не аппаратуру аэрокосмической съемки. Может быть, Эвтанай объяснит нам эти загадки? Если мы его догоним...

Коридор свернул в очередной раз, и Дмитрий выключил фонарь. Впереди стал виден светлый прямоугольник входа в какое-то подземное помещение, откуда и струился в тоннель зеленовато-серый свет.

Внезапно раздался шелест крыльев, и на замерших людей с пронзительными криками бросилась стая летучих мышей. Инира вскрикнула, закрывая лицо руками, и присела. Дмитрий отмахнулся карабином — раз, другой, третий... В кармашке на груди шевельнулся вдруг и стал горячим подаренный шаманом оберег — шипкача. И тотчас же летучие мыши пропали, будто их и не было. Дмитрий опустил карабин, покрутил вокруг себя лучом фонаря, сказал глухо:

— Кажется, начинается...

— Что?! — вскинулась Инира, озираясь.

— Ничего... это было просто наваждение.

— Это было колдовство! — покачала головой девушка.

Через минуту, набравшись храбрости, они двинулись дальше и вскоре подошли к сводчатому проему в тупике тоннеля, из которого сочилось пепельно-зеленоватое свечение. Дмитрий сунул в проем карабин, собираясь отскочить назад в случае каких-то угрожающих реакций со стороны невидимых защитников подземелья. Ничего не произошло. Тогда он шагнул вперед и оказался в гигантском квадратном зале с пирамидальным потолком из черного стекла, под

сводом которого висел странный корявый нарост в форме двойного косоного креста из ослепительно белого — после темного коридора — материала. Этот крест и испускал тусклое мерцание, едва освещавшее зал. Но главным объектом подземелья был не он, а прозрачный купол в центре под крестом, накрывающий какое-то огромное сложное сооружение из перламутровых чешуй, ребер и ажурных «снежинок», напоминающее одновременно ковчег и трон.

— Вот это да! — не удержался от восхищения Дмитрий. — Глазам не верю! Неужели здесь уцелела такая ценная конструкция?!

— Может быть, мы спим? — слабым голосом отозвалась Инира. — Или с ума сошли?

— С ума поодиночке сходят, — вспомнил Дмитрий известный старый мультик. — Но свихнуться от таких находок недолго.

Он осторожно двинулся к прозрачному куполу, внимательно глядя под ноги, чтобы избежать каких-либо ловушек. Пол в подземном зале был черный, гладкий, чистый, и следов Эвтаны на нем видно не было. И в какой-то миг вдруг произошла удивительная метаморфоза: Дмитрий сделал шаг, и выпуклый бликующий купол с отчетливо видимым сооружением внутри как бы провалились под пол и превратились в нечто противоположное тем объектам, которые видел глаз. Купол стал чашевидным углублением, а «ковчег-трон» «вывернулся наизнанку» и образовал в этом идеальной формы «кратере» еще одно углубление, поверхность которого отпечатала все детали прежнего объемного сооружения.

Дмитрий вздрогнул, замер на месте.

Что-то прошептала Инира.

В тишине раздался странный звук, напоминающий короткий раскатистый смешок. Дмитрий обвел стены зала лучом фонаря, но ничего и никого не увидел.

— Давай вернемся... — почти беззвучно проговорила Инира. — Здесь прячутся духи... они нас сожрут... или превратят в камни...

— Пусть попробуют, — пробормотал Дмитрий, выключая фонарь, затем приблизился к краю чашевидной полости

и стал разглядывать «отпечаток трона». — Туда можно спуститься. Видишь ребра? Чем не ступеньки?

— Не надо! — испугалась девушка, замотала головой. — Вдруг проснется хозяин и рассердится на нас?

— Какой хозяин? — не понял Дмитрий.

— Ну, кто здесь живет... я его чувствую... лучше ничего не трогать.

— Подожди меня здесь, я спущусь и посмотрю этот «трон» изнутри. Не бойся, никого здесь нет.

— А двулицый?

— Эвтанай наверняка был здесь и, может быть, еще объявится. Из карабина стрелять умеешь?

— Не пробовала.

— Вот предохранитель. В случае чего сдвинь его, отожми вот эту скобу и стреляй.

— А ты как же?

— Во-первых, ничего опасного я не вижу. Во-вторых, скоро вернусь. В-третьих, оружие не всегда гарантирует безопасность. К тому же у меня есть пистолет, который я отобрал у бандитов.

Дмитрий стал осторожно спускаться по гладкой поверхности «кратера» к ребристому отпечатку, похожему на лестницу. Но глубоко проникнуть в «наизнанку вывернутый трон» не успел. Внезапно в зале появились какие-то люди, бросились к чашевидной впадине. Инира обернулась, подняла карабин, но ее сбили с ног, и на краю впадины объявились четверо парней в черных кожаных куртках. Барыги с вездехода, безжалостно избивавшие Эвтанаю в поселке Уэлькаль.

— Привет, оглобля, — раздался насмешливо-издевательский голос парня в танкистском шлеме. — Давно не виделись. Что это ты там потерял?

Дмитрий оглядел фигуры парней, держащих в руках пистолеты; у «танкиста» был автомат — десантный «калашников», что говорило о серьезности намерений этих людей.

«Имея такой арсенал, они спокойно могли уложить всех нас еще в Уэлькале, — пришла трезвая мысль. — Почему же они так поспешно ретировались?»

— Ну, что, мастер, не хочешь потягаться с нами еще раз?

Ты тогда так наглядно продемонстрировал нам свое мастерство.

Инира пошевелилась, протянула руку к карабину, и «танкист» ударил ее ногой в бок, отбрасывая в сторону.

Дмитрий потемнел.

— Не бей ее, скотина!

— А то что? — осклабился «танкист». — Ты позвонишь в милицию? Или попытаешься самолично защитить ее честь и достоинство?

Троица его спутников заржала. «Танкист» снова ударил Иниру ногой, и Дмитрий начал бой в самом невыгодном положении, какое только можно представить.

Он находился в «кратере» на глубине примерно четырех метров, и для того, чтобы уравновесить шансы, ему надо было сократить число противников и подняться вверх по гладкой поверхности чаши. Но за ним следили четыре пары глаз и четыре дула, и начинать движение первому было безумством.

И в этот момент снова заставила обратить на себя внимание Инира. Она откатилась в сторону и приглушенно крикнула:

— Иктлынкут!

«Танкист» невольно отвлекся на мгновение, озадаченно оглядываясь, и Дмитрий включил т е м п.

Он выстрелил в крайнего слева парня из пистолета, отобранного у «танкиста» еще в Уэлькале, мигом взлетел вверх по довольно крутой стене углубления, выбил из руки второго верзилю в коже его оружие, обернулся к третьему и внезапно понял, что не успевает обезвредить его!

Время как бы застыло.

Дмитрий, напрягаясь до красного тумана в глазах, рванулся к парню, но медленно-медленно... Тот начал поворачиваться, направил ствол пистолета в грудь Храброву, курок под давлением пальца по миллиметру двинулся к концу своего пути, медленно и плавно, однако остановить его было уже невозможно... ну же!.. И в это мгновение с противным чавкающим звуком из груди парня вылезло окровавленное острие длинного кинжала или ножа.

Он тупо посмотрел на свою грудь, упал лицом вниз.

И Дмитрий увидел того, кто спас его от верной смерти. Это был Эвтанай.

Спутник Храброва выглядел экзотически, одетый в какой-то блестящий балахон со множеством светящихся полосок и глазков, но спутать его с кем-нибудь было трудно. Лицо его не изменилось, темное, угрюмоватое, заросшее седой щетиной, лишь глаза горели зловещим черным огнем. Дмитрий замер, но тут же прыгнул к «танкисту», поднимающему автомат, и жестоким ударом отправил его в глубокий нокаут.

Стало тихо.

— Вы зря пошли по моим следам, — проговорил Эвтанай гортанным голосом, вытирая кинжал о кожаную куртку убитого им парня. — Это была ошибка. Вы не должны были увидеть то, что увидели.

Дмитрий опустил руки, успокаивая сердце, посмотрел на лежащих на полу подземелья охотников за наживой.

— А разве мы должны были просить у кого-нибудь разрешение? Ведь это ты привел нас к крепости.

— Это была ошибка, — повторил Эвтанай, внезапно вонзая свой тесак в спину парня, которого обезвредил Храбров.

Вскрикнула Инира.

Дмитрий сжал кулаки, сделал шаг вперед, но остановился, увидев вытянутый в его сторону нож.

— Стой, где стоишь! — скривил губы Эвтанай.

— Зачем ты это сделал? — глухо спросил Дмитрий.

— Они свидетели, — пожал плечами черноволосый проводник. — Как и вы. Я не оставляю свидетелей.

Инира подковыляла к Дмитрию, вцепилась в его плечо, кривясь от боли в избитом теле.

— Ты убийца, двулицый тугныгак! Ты и нас хочешь убить?

— У меня нет другого выбора.

Эвтанай оскалится, неуловимо быстро переместился к «танкисту» и ударил его ножом в горло.

Дмитрий выстрелил из пистолета. Пуля попала в лезвие ножа Эвтаная, выбила его из руки. Нож зазвенел по полу, высекая из него длинные желтые искры.

Эвтанай замер, затем повернулся к бывшим спутникам спиной, волосы на его затылке встопорщились, и на Дмитрия с девушкой глянул длинный щелевидный глаз, залитый чернотой и угрозой.

Пистолет вдруг вырвался из руки Храброва, пролетел несколько метров и упал возле мертвого «танкиста». А нож Эвтаная подскочил с пола как живой и сам прыгнул к нему в руку. Двумицый повернулся к оцепеневшим путешественникам «первым» лицом, направил нож на Иниру:

— Ты умрешь первой, эмээхсин!¹

Дмитрий сделал усилие, дотронулся до кармашка с фигуркой шипкачи и освободился от оцепенения.

— Может быть, договоримся, друг? Мы не претендуем на сокровища.

Эвтанай усмехнулся:

— Это не сокровища.

— А что?

Двумицый махнул ножом на чашевидную впадину в полу зала, и тотчас же произошла мгновенная обратная трансформация вогнутой поверхности в трехмерный выпуклый объект. Прозрачный купол восстановился, а внутри его выросла необычная ажурно-чешуйчатая конструкция — не то древний ковчег, не то летательный аппарат, не то трон.

— Это преодолеватель запретов. Или, говоря современным языком, темпоральный транслятор, с помощью которого я освободился. Вот она знает, что это такое. — Эвтанай махнул рукой на Иниру, оскалился. — Потому что она не та, за кого себя выдает.

Дмитрий посмотрел на девушку и поразился перемене в ее облике. Инира выпрямилась, лицо ее из детски беспомощного стало гордо-независимым, глаза вспыхнули, на щеки лег румянец. Она перехватила взгляд Храброва, кивнула с решительно-виноватым видом:

— Прошу прощения, Дмитрий Олегович, он прав. Знакомьтесь: это Эвтанай Черногаад, бывший маг, преступник, осужденный за преступления против народа Гипербореи и сбежавший в будущее. Мы искали его долго, пока наконец

¹Эмээхсин — старуха (якут.).

не нашли здесь, на краю света, возле геопатогенной зоны, где он оставил свой... хм... преодолеватель.

— Вы? — Дмитрий с недоумением посмотрел на спутницу, перевел взгляд на убитых.

Инира подошла к «танкисту», нагнулась над ним, потрогала лоб и разогнулась.

— Нам пришлось долго играть роль барыг, рэкетиоров, чтобы выйти на беглеца, и нам это удалось.

Дмитрий ошеломленно перевел взгляд с убитых на лицо Иниры и обратно.

— Они... тоже ваши... сотрудники?! Что вообще происходит?!

Эвтантай не обратил на его вопрос внимания, подходя к прозрачному куполу и вонзая в него нож. Лезвие пробило пленку, засветилось голубым сиянием, вокруг этого места по поверхности купола побежали сеточки молний. Затем нож сам собой выскочил обратно.

— Вы же знаток легенд, Дмитрий Олегович, — улыбнулась Инира. — Вспомните. Двадцать тысяч лет назад произошла великая битва магов Атлантиды и Гипербореи, изменившая реальность. Эвтантай был гиперборейским магом и тоже принимал участие в войне, но предал своих, и во многом благодаря этому война приняла масштабы глобальной катастрофы. Погибло множество людей, по сути — обе цивилизации, на волю вырвались колоссальные деструктивные силы... В общем, мы захватили Эвтантая...

— Кто — мы все-таки?

— Скажем так, силы безопасности. Эвтантай был осужден и помещен в изолятор, но магом он был сильным, да и подельников имел много, поэтому и сбежал в будущее. Мы искали его сотни лет, нашли его преодолеватель и закрыли район, однако надо было заставить его вернуться. Он нашел вас и наконец прошел сквозь магическое кольцо защиты, надеясь сбежать еще дальше.

— А на этом месте действительно стоял Рамль?

— Да, это не миф, на этом месте действительно когда-то располагался форпост Гипербореи на Азиатском материке.

— Значит, ты... вы — представительница сил... э-э... безопасности?

— Тийт магадара, — смущенно улыбнулась Инира. — В переводе на русский — полковник контрразведки. И лет мне не восемнадцать, а... гораздо больше.

— Но если он знал, что ты... что вы — полковник...

— О, если бы Эвтанай знал или хотя бы догадывался, меня уже не было бы в живых.

— Но он убил ваших помощников и грозит убить вас!.. Э-э... нас...

Инира посмотрела на Эвтаная. Гиперборейский колдун снова и снова пытался пробить прозрачную стену купола, но у него ничего не получалось. Купол стрелял молниями, вздрагивал как живой, дымился, разворачивался в «кратер», снова превращался в трехмерное сооружение, но не пропускал двулицего к «трону». Волосы на затылке Эвтаная разошлись, открывая третий глаз, пылающий черным огнем ненависти, испускающий физически ощутимые потоки энергии.

В ярости Эвтанай полоснул ножом по стене купола, пространство зала искривилось, судорожно вздыбились стены зала, по полу побежали трещины, и купол наконец лопнул. Исчез!

С радостным воплем двулицый метнулся к «трону», коснулся его чешуй ножом, и «ковчег» развернулся диковинным светящимся бутонем с когтистыми лепестками.

— Он уйдет! — встревожился Дмитрий.

Эвтанай обернулся, улыбка сбежала с его губ. Он нахмурился, несколько мгновений всматривался в своих спутников, потом направился к ним, поигрывая ножом.

— Теперь меня никто не остановит, — сказал он уверенно и высокомерно. — Даже служба магадара. Этот преодолитель — мой закон! Вы не сможете его просто отменить. И мы не на гиперборейской земле. Прощай, приятель. Как говорится — ничего личного. Просто ты оказался не в то время и не в том месте.

Эвтанай направил нож в грудь Дмитрию.

— Шипкача! — вскрикнула Инира.

Лезвие ножа удлинилось, превращаясь в ручей бледно-голубого пламени, и в то же мгновение фигурка доброго духа, подаренная шаманом, раскалилась, прожгла карман и преградила путь продолжавшему двигаться лезвию. Нож на-

ткнулся на засиявшую нестерпимым блеском фигурку, произошло нечто вроде вспышки электросварки, раздался резкий стеклянный звук, и лезвие ножа обломилось, упало на пол с металлическим звоном. Шипкача исчез.

Эвтантай озадаченно посмотрел на погасший обломок ножа, на Дмитрия, на Иниру, проворно сунул руку за ворот своего блестящего комбинезона. Дмитрий прыгнул к нему и ударил ногой в грудь, выплеснув весь свой гнев и вспыхнувшую жажду воздаяния по справедливости. Двуми-цый отлетел на несколько метров назад, упал на спину со звучным шлепком, как большой пласт глины.

Что-то звонко щелкнуло. Из алой глубины «бутона», в который превратился «трон» «преодолевателя запретов», вылетело колеблющееся полупрозрачное облачко, подлетело к Эвтантаю и втянуло его в себя. Направилось обратно, провалилось в недра «бутона». Затем появилось снова и подобрало одно за другим тела погибших напарников Иниры.

Дмитрий и девушка молча наблюдали за этим процессом, пока в зале не осталось никого, кроме них.

— Вот и все, — с грустной полуулыбкой проговорила гиперборейская контрразведчица. — Прощайте, Дмитрий Олегович. Спасибо за помощь... и за то, что не тронули меня тогда, помните?

Дмитрий порозовел.

— Я не... думал...

Инира засмеялась.

— Наоборот, вы думали, а надо было просто чувствовать. Вы очень чистый человек, Дмитрий Олегович, таких на Земле не так уж и много, к сожалению. Я буду помнить вас, и кто знает, может быть, мы еще встретимся?

— Когда? — вырвалось у Дмитрия.

Инира задумчиво оглядела его лицо.

— Вы этого хотите?

— Хочу!

— Тогда мы встретимся скоро. Эвтантай не единственный, кто сбежал в будущее ради достижения своих личных целей. И во многом бедственное положение у вас в стране является результатом действий бывших магов, нашедших у вас приют. А теперь прощайте.

— Минуту! — взмолился Дмитрий, протягивая к ней руку. — Только один вопрос... если можно...

Инира, сделавшая шаг к «бутону преодолевателя», остановилась.

— Слушаю.

— Если гиперборейская цивилизация погибла... какой вам смысл искать преступников, сбежавших в будущее? Ведь вам это уже не поможет.

— Гиперборейская цивилизация не погибла, — качнула головой девушка. — Ну, или, скажем так, она исчезла, передав свой потенциал потомкам, переселившимся на южный материк по Уральскому хребту.

— В Россию!

— Кстати, Урал — результат войны магов. На его месте когда-то был южный пролив, образующий вместе с тремя другими проливами коловорот — символ могущества Гипербореи. Потенциал потомков гиперборейцев еще не раскрыт, это очень опасное знание, в руках маньяков оно уничтожит род человеческий окончательно, но мы надеемся, что когда-нибудь Россия вернет свое бывшее духовное могущество. Однако опираться оно должно только на таких людей, как вы, чистых и справедливых, добрых и готовых постоять за себя и своих друзей.

Инира быстро подошла к Дмитрию, поцеловала его горячими пунцовыми губами и направилась к «бутону». Оглянулась, махнула рукой:

— До встречи, путешественник! Мой регион ответственности — край света...

Гулкий удар поколебал подземелье. «Бутон» и все, что его окружало, провалились под землю, исчезли. Свет в зале погас. Только некоторое время рдело пятно в центре, в том месте, где стояла гиперборейская «машина времени».

Дмитрий дотронулся пальцами до своих губ, на которых сохранился вкус губ Иниры, улыбнулся и заторопился к выходу из зала. Он совершенно точно знал, чем будет заниматься после возвращения из экспедиции. На краю света...

УХО, ГОРЛО, ГЛАЗ

В поселке Талгой больше всего Северцева поразило наличие самого настоящего салуна, какими их показывали в американских вестернах.

В принципе цивилизация добралась и до этого небольшого — в тридцать дворов — алтайского поселка, если судить по телеантеннам и тарелке спутниковой связи на здании управы, однако российской глубинке больше приличествовало бы наличие бара или на худой конец русского бистро, ставшего модным заведением почти во всех городах страны, но никак не салуна с гордой вывеской «Белый бык». Естественно, Северцев не преминул завернуть в это заведение, чтобы, во-первых, поужинать по-человечески после двухдневной сухомятки, во-вторых, выяснить историю появления в здешних краях, расположенных всего в сорока километрах от монгольской границы, «американского» салуна.

В Талгой Северцев прибыл из Акташа, а туда — из Горно-Алтайска, прожив в этом небольшом городке около двух недель. А вообще он путешествовал по Алтаю уже третий месяц, безуспешно пытаясь разыскать следы «клада», якобы оставленного здесь Александром Македонским. Точнее, одним из полководцев Александра, завернувшим на Алтай во время Индийского похода.

Легенду о «кладе» Северцев услышал сначала от своего приятеля-археолога, исходившего Алтай вдоль и поперек в поисках древних курганов. Приятель раскопал около двух десятков курганов, нашел множество ценнейших свидетельств существования на земле Алтая древней цивилизации «белых ведунов», потомков гиперборейцев, но «клада» не обнаружил. Однако был уверен, что сокровища, награб-

ленные армией Александра во время военных походов по Ближнему Востоку, существуют, и привел несколько фактов, свидетельствующих, по его мнению, в пользу этого предположения.

Во-первых, в некоторых курганах были найдены древнеперсидские монеты, которые могли попасть в эти края только с армией Александра. Во-вторых, кое-где в курганах были похоронены воины, опять-таки судя по их доспехам и одежде, явно служившие в армии Александра. В-третьих, легенда о «кладе» передавалась из уст в уста на протяжении по крайней мере трех последних столетий, а такие легенды на пустом месте не рождаются.

А поскольку Северцев был «птицей свободного полета» — то есть делал то, чего желала его душа, он вдруг заинтересовался рассказами приятеля и решил заняться поисками «клада Александра» вплотную.

Олегу Северцеву пошел тридцатый год. Он окончил Московский инженерно-физический институт, отработал полгода в Курчатовском ядерном центре и ушел из него после аварии на одном из подземных исследовательских реакторов, получив приличную дозу радиации. Ему грозили лейкоз, лейкемия и в конце концов тихая смерть от острого лейкоза. Однако к нему в больницу из Ярославской губернии приехал дальний родственник дед Пахом, которому исполнилось более ста лет, осмотрел тающего на глазах парня, ощупал его тело и уехал, не сказав ни слова. А на другой день Северцев почувствовал прилив сил и желание жить.

Тогда он стал бороться, занялся изучением методик оздоровления, в том числе школ Кудряшова и Шерстенникова, и через два месяца встал на ноги. Сам, без помощи врачей, изумленных его успехами не меньше, чем он.

Вскоре после выписки Северцев уехал из Москвы в Питер и три года занимался практикой целостного движения, одновременно изучая и боевые аспекты «вибрационного тренинга» под руководством мастера Николая. В двадцать шесть лет Северцев достиг шестой ступени самореализации и мог уже почти на равных тягаться с мастером, хотя, несмотря на свой рост, не выглядел ни атлетом, ни бойцом-адептом воинских искусств. Впрочем, таковым он себя не

считал и знания свои применять в обыденной жизни не собирался.

К двадцати восьми он увлекся экстремальными видами спорта, освоил дельтапланы, прыжки с парашютом с высоких скал и гор, спуск на горных лыжах по «безнадежникам» — горным склонам с затаившимися под снегом валунами, ямами и деревьями, затем бросил это занятие и неожиданно для всех посвятил себя археологии.

Первая археологическая экспедиция забросила его в Зауралье, где отыскиались, вслед за Аркаимом, и другие следы поселений древних гиперборейцев — общих предков славян, русичей, ариев, индийцев, беланов, аланов, этрусков и десятка других веточек гиперборейского родового древа.

Вторую экспедицию возглавил приятель Северцева, который, собственно, и соблазнил его романтикой походов и поисков древних цивилизаций. Они прошли по Камчатке, познакомились с бытом камчадалов, полюбовались на вулканы, в том числе действующие, много раз купались в горячих источниках исключительно чистых минеральных вод, нашли следы двух кораблекрушений и стоянки доисторических людей, скорее всего — тоже потомков гиперборейцев.

Однако свободолюбивая натура Северцева не терпела кропотливого и занудного изучения каждого найденного черепка, и он ушел из экспедиции, стал «свободным художником», искателем приключений, благо был независим и не стеснен в средствах: отец Олега работал одним из директоров нефтяной компании «ЭКСМОЙЛ» и ничего для сына не жалел. А матери у Северцева не было, она умерла, когда ему исполнилось девять лет. Воспитывали парня в основном деды и бабушки, как по отцовской линии, так и по материнской.

Поначалу Северцев действовал наобум, используя накопившиеся за время двух предыдущих экспедиций сведения о поселениях древних народов на территориях, считавшихся потенциальными источниками наследия южных культур, особенно в Приазовье и у границ Казахстана. Ему повезло лишь однажды, когда он в степях Тувы обнаружил остатки крепости древних Моголов, в подвалах которой сохрани-

лись кое-какие ценные раритеты: ножи, мечи, хозяйственная утварь.

Затем по совету спасшего его когда-то деда Пахома Северцев начал собирать легенды, мифы и сказания коренных народов о деяниях предков, и удачливых походов стало больше. Так в Сибири, в устье Лены, он обнаружил «второй Аркаим» — кольцевые структуры и валы, сохранившиеся на месте поселений древних потомков гиперборейцев. Возраст находки насчитывал не менее десяти тысяч лет. А на мысе Хорго на берегу моря Лаптевых Олег отыскал следы крепости, стены которой оказались сложенными из базальтовых блоков весом в полторы тонны каждый. Чем древляне, основавшие крепость, обрабатывали такой крепкий материал, как базальт, и потом перетаскивали блоки от мест выработки к морю за три десятка километров, осталось загадкой.

На Алтай Северцева привела легенда о «кладе» Александра Македонского, трактуемая в разных районах края по-разному. Исходив «самые верные» места, где должен был храниться «клад»: по одной версии — под курганом, по второй — в пещере, — Северцев добрался до Талгоя, нашел местного старожила, дедушку Пуктума, бурята по национальности, подарил ему свой плеер, и дед в благодарность за подарок поведал ему еще один вариант легенды о сокровищах Александра.

По этому варианту выходило, что сокровища спрятаны в ущелье, недалеко от горы Иикту, и что якобы стережет их бог-зверь Ширем Мината, чей лик высечен над входом в пещеру.

— Но тебе туда лучше не ходить, однако, — добавил коричневолицый, морщинистый дед Пуктум, посасывая трубочку, вырезанную из корня вишни. — Плохое место. Ширем Мината иногда вылезает из своей могилы на божий свет, и от его страшного голоса люди и звери умирают.

Северцев с любопытством посмотрел на невозмутимую физиономию старика, хмыкнул:

— Откуда вам это известно, аксакал? Если от голоса этого Ширема умирают звери и люди, как свидетелю удалось выжить?

— Я сам видел, однако, — с достоинством ответил ста-

рик. — Охотился с сыном там, где начинается река Талдура. Видел мертвых. Видел Бабу-скалу, охраняющую вход в ущелье. Дальше не ходил, однако.

— Может быть, покажете это место?

Пуктум выпустил клуб дыма, размышляя, глаза его, и без того узкие, превратились в щелочки.

— Старый я стал, однако. Давно не охотился. Вот если сын согласится.

— Он здесь живет, в Талгое?

— Нет, в Барнауле.

Северцев разочарованно махнул рукой:

— Слишком долго ждать, пока он приедет, даже если согласится. Попробую сам. Расскажите хотя бы, как добираться до этого ущелья.

Пуктум пососал трубку, не торопясь отвечать, похожий на тенгри, меднолицего бурятского божка, качнул головой:

— Пропадешь, однако. Подождать надо. Ширем Мината давно не вылезал из нижнего мира. Вылезет — худо будет.

Северцев попытался было уговорить старика пойти с ним, предлагал деньги и вещи, заинтересовавшие Пуктума, но тот согласился лишь показать на карте место, где началось ущелье, охраняемое Бабой-скалой. Место это располагалось на северном склоне Южно-Чуйского хребта, в двадцати километрах от Талгоя. Там же находился исток речки Талдуры, берущей начало из-под фирновых полей и вечных снегов хребта.

С этими «достоверными» сведениями Северцев и собрался в путь, будучи абсолютно уверенным, что все легенды основываются на реальных фактах. Надо только отделить зерна от плевел, то есть реальные данные от фантазий и выдумок, и определить координаты местонахождения объекта, давшего обширную пищу для умов и воображения предков, которые создавали легенды.

На второй день после беседы с Пуктумом он еще раз посетил салун. Решил отдохнуть, а заодно и послушать, о чем говорят аборигены, посещавшие заведение. К тому же было любопытно поглядеть на хозяев салуна, отважившихся потратить деньги на создание столь экзотического для местного населения объекта отдыха.

Салун «Белый бык» располагался на площади, единственной для всего Талгоя, от которой отходили три улочки. Одна из них, самая длинная, шла по берегу Талдуры, две другие поднимались на холмы, за которыми начиналась тайга. Дорога, соединявшая поселок с Акташом и другими селами края, начиналась от «набережной» и уходила в горы. По ней Северцеву предстояло пройти километров пять, прежде чем свернуть на юг, к горе Иикту, высота которой достигала почти четырех километров. Белоснежный конус горы был виден с любого холма вокруг Талгоя, однако дойти до него было непросто, не зная троп, и Северцев не обольщался насчет «краткости» маршрута.

Экипирован он был отлично, имел карабин «тайга-2», стреляющий и дробью, и разрывными пулями, нож, эргономичный рюкзак, аптечку, две смены белья, запас концентратов, сушеное мясо и сухари, хотя никогда не страдал от отсутствия пищи. Карабин обеспечивал его и мясом, и птицей, да и мог послужить неплохой защитой от тех, кто позарился бы на его скарб.

В салун, однако, он пошел без оружия, оставив вещи у Пуктума. Июль на Алтае выдался жарким, и, если бы не слепни днем и не комары ночью, ходить можно было в легкой рубашке и шортах. Однако Северцев от жары не страдал, умея регулировать тепловой обмен тела, и в походах носил удобные штаны свободного кроя из мягкой, но прочной вологодской ткани скинь зеленоватого цвета, рубашку из такой же ткани и десантную безрукавку со множеством кармашков, в которых лежали всякие необходимые в походах мелочи от спичек до набора иголок и обеззараживающих таблеток. А так как Северцев был высок и худ, этот костюм болтался на нем как на пугале, и вид он имел соответствующий: не то интеллигентного бомжа, не то сторожа, не то мелкого клерка, не то водителя катафалка, не то охотника или рыбака. Что помогало ему найти общий язык со всеми слоями населения: всюду он был свой.

В походах он не брился, только подравнивал бородку и усы. И не стригся, отпуская волосы до плеч, а чтобы они не падали на лоб и не мешали, перетягивал их красной повязкой.

Губы у Олега были прямые, решительного рисунка, а глаза светились голубизной горного снега, вполне соответствуя фамилии. Не красавец, но и не урод, как он сам оценивал свою внешность. Хотя женщины, лучше мужчин разбиравшиеся в мужской красоте, видели в нем главное — отвагу, доброту, уверенность и силу. Сам же он относился к женщинам с некоторой опаской, не чураясь встреч с ними, но и не доводя знакомства до опасной черты — женитьбы. Он считал, что жениться надо только по любви и только обеспечив будущую семью. А так как в настоящее время доходы Северцева составляли ноль целых хрен десятых — жил он, по сути, на дотации отца, считавшего, что сын пока учится жизни, ищет свой путь, — то и встречи с женщинами были у него короткими.

Салун «Белый бык» действительно был салуном со всеми соответствующими его статусу отличиями и особенностями. Разве что его завсегдатаи не походили на ковбоев, хотя среди разношерстной публики, заполнявшей довольно приличное помещение — всего в заведении сидели человек двадцать, — Северцев заметил и двух парней в шляпах.

Оглядевшись, он взял у стойки кружку пива и сел за свободный столик недалеко от низкой входной двери, распахивающейся двумя половинками, как и у настоящего американского салуна. Пиво оказалось холодным и свежим, что порадовало. Северцев с удовольствием отпил полкружки, не чувствуя привычной горечи хмельного напитка. Пиво он вообще-то не любил, но в жару оно все-таки неплохо утоляло жажду.

Дверь открылась, пропуская еще одного посетителя. Это был молодой человек лет двадцати восьми, возможно, даже ровесник Северцева, худой, невысокого роста, вихрастый и скуластый, с реденькой растительностью на лице, в очках. Одет он был почти так же, как и сам Северцев: брюки неопределенного цвета, рубашка и безрукавка, на ногах особые горные ботинки, что Северцева удивило. Парень явно походил на путешественника или в крайнем случае на альпиниста. Он робко подошел к стойке, взял пиво, завертел головой в поисках места и подошел к столику Северцева.

— Можно присесть с вами?

— Валяй, — радушно кивнул Олег.

Парень подсел к столу, с видимым удовольствием отпил пенящийся напиток и вдруг вздрогнул, согнулся, поставил кружку на стол. Глаза его за стеклами очков сделались беспомощными и растерянными.

Северцев оглянулся.

В салун ввалилась веселая компания гогочущих парней в количестве пяти человек, по-хозяйски согнала со столика у стойки двух пожилых мужчин. Помещение заполнили хохот, ругань, шутки, плоские остроты и крики. Затем вдруг двое из весельчаков заметили сжавшегося соседа Северцева, начали показывать на него пальцами, встали и подошли с кружками пива в руках.

Одеты они были в старые, застиранные джинсы и куртки с кожаными заплатами на локтях, а также носили «настоящие ковбойские» шляпы.

В глазах парня в очках появился тоскливый блеск.

— Эй, сморчок, — обратился к нему первый «ковбой», заросший рыжей щетиной. — Тебе же было велено не ходить сюда. Или забыл?

— У него ранний склероз, — хохотнул второй, с черными усами а-ля Михаил Боярский.

— Придется подлечить, — хмыкнул рыжий, отбирая у очкастого кружку с пивом и выливая ее ему за шиворот.

— Я вас не трогал, — пискнул парень, закрывая голову руками. — Отстаньте!

— Зато мы тебя потрогаем. — «Ковбой» сцапал парня за шиворот, дернул вверх. — Выметайся отсюда, нюхач, пока цел, и побыстрей!

— Оставьте его! — ровным голосом обронил Северцев, продолжая потягивать пиво.

Рыжий «ковбой» с недоумением посмотрел на него:

— Чего ты сказал?!

— Оставьте его, — тем же спокойным тоном проговорил Северцев. — Он со мной.

— А ты откуда такой крутой выискался, скелет? Что-то я тебя раньше не видел. Тоже нюхач, как эта сопля?

Северцев уперся взглядом в мутные глаза рыжего, послал ему затемнение.

— Отпусти его!

«Ковбой» вздрогнул, выпустил ворот рубахи парня в очках, помотал головой. Его усатый напарник ошалело посмотрел на Северцева, перевел взгляд на рыжего:

— Ты чего, Кирпич?

— Идите к своим! — с тихим нажимом добавил Северцев, надеясь, что инцидент закончится мирно. — Никто ничего никому не должен, все нормально.

Рыжий «ковбой» покорно поплелся к столику своих шумных приятелей. Черноусый открыл рот, глядя ему в спину, бросил подозрительный взгляд на Северцева и тоже поспешил за напарником. Компания притихла, с недоумением прислушиваясь к невнятной речи рыжего и сбивчивой жестикуляции усатого.

Парень в очках пошевелил лопатками, ожил, с опаской посмотрел на «ковбоев», сказал с кривой улыбкой:

— Вот обормоты, я теперь весь мокрый. Ну, все, я погулял, можно сказать.

— Успокойтесь, — мягко произнес Северцев. — Они больше не полезут. По крайней мере сейчас. За что они вас?

— Если бы я знал, — пожал плечами парень. — Я ученый, физик, сотрудник Федерального центра по изучению непознанных явлений природы. — Он привстал, протянул руку. — Зеленский, Костя. Я здесь уже третий день, ищу проводника в горы. Вчера зашел сюда пивка хлебнуть, а они меня избили и выбросили.

— А нюхачом прозвали за то, что вы ищете проводника?

Костя снова криво улыбнулся:

— Я еще собираю фольклор, хожу по домам...

— Понятно, — усмехнулся, в свою очередь, Северцев. — Мы, оказывается, почти что коллеги.

— Да? — с радостным удивлением сказал Константин. — Вы тоже ученый? В какой области? Из какого института?

— Я индивидуал. Ищу древности. Сюда меня привела легенда о «кладе Александра Македонского», слышали о таком?

Костя закивал:

— Еще бы, это старое предание, мне его многие аборигены рассказывали, в разных вариациях. По моим подсче-

там, армия Александра побывала здесь в триста двадцать девятом году до нашей эры. Но лично я в «клады» не верю. А вы считаете, что Александр оставил клад в окрестностях Талгоя?

— Нет, где-то в районе горы Иикту.

— Ух ты, как интересно! И я туда иду, в ту сторону! Проводника вот ишу. Может быть, пойдем вместе?

Северцев допил пиво.

— Почему бы и нет? Но что вы там такое обнаружили непознанное? Что в горах может заинтересовать ученых из Федерального центра?

Костя покосился на разглядывающую их компанию «ковбоев», понизил голос:

— Мы работаем по данным спутниковой сети мониторинга за поверхностью Земли, ищем аномалии, потом посылаем экспедиции. В районе горы Иикту недавно обнаружены гравитационная и электромагнитная аномалии, вот меня и послали...

— Одного?

— Обычно посылают по двое, но мой спутник заболел, а ждать нельзя, аномалия может уйти в фон, надо изучать такие явления сразу после фиксации. Пришлось срочно лететь сюда. Я взял только самое необходимое: универсальный эмскан, счетчики частиц, радиометры, мерник, звукоуловитель.

— Мерник, наверное, что-то меряет?

— Интенсивность полей. А эмскан — это электромагнитный сканер.

— Я догадался. — Олег улыбнулся. — Восемь лет назад окончил МИФИ. Правда, по специальности работал всего полгода.

— Все равно мы действительно почти коллеги, — обрадовался Костя. — Я окончил физтех. Мне бы только до места добраться, там я уже король.

Он посмотрел на притихших, о чем-то совещавшихся «ковбоев», и лицо физика омрачилось.

— Вы их не боитесь? Вон какие бугаи здоровые все... Говорят, они появились здесь недавно и затерроризировали

весь поселок. А местный шериф — участковый, — Костя бледно улыбнулся, — сам их боится.

— Ничего, прорвемся, — спокойно сказал Северцев. — Я выхожу завтра утром, часов в семь. Присоединяйтесь, если хотите. Только уговор — не отставать. Лето кончается, и мне необходимо успеть обследовать район.

— Не беспокойтесь, не отстану, — торопливо закивал Константин. — Я привычный, не смотрите, что худой и звонкий. Как говорит моя мама: у тебя не телосложение, а теловычитание. Но вообще-то я выносливый. — Он вдруг огорчился. — А вот драться не умею.

— Я тоже не умел до окончания института, — утешил его Северцев.

— А потом?

— Потом жизнь научила отстаивать свои интересы. Ну что, пойдете?

Костя с готовностью поднялся.

Вскочили и «ковбои», первыми вышли из салуна.

Физик нерешительно посмотрел на Олега, но тот остался невозмутим, и Костя успокоился.

Шумная компания пришлых парней ждала их у крыльца заведения, окружив его цепью и встав в картинные позы. Им не хватало только поясов с револьверами.

Северцев усмехнулся, зорко оглядев каждого и определяя главаря. Парни были вооружены ножами, а огромный как бык, заросший до бровей, низкорослый главарь явно прятал под курткой огнестрельное оружие — пистолет или обрез. Его следовало нейтрализовать в первую очередь.

Северцев заглянул ему в глаза и понял, что никакие уговоры и проникновенные речи не помогут. Интеллект главаря не превышал интеллекта гориллы, озабоченной самоутверждением в стаде, и достучаться до его светлых мыслесфер вряд ли было возможно. А поскольку любая попытка договориться расценивалась такими людьми как слабость, следовало действовать быстро, жестко и надежно.

Северцев ушел в пустоту и исчез! Для всех, в том числе и для обескураженного Константина. Затем Северцев возник перед главарем «ковбоев», сделал незаметный выпад кос-

тяшками пальцев в шею бородача, и тот мягко осел на подкосившихся ногах, улегся под крыльцо и затих.

— Все понятно? — невозмутимо осведомился Северцев в наступившей тишине. — Вопросы есть? — Он подождал. — Вопросов нет. Пошли, Константин.

Они миновали расступившихся «ковбоев», провожаемые взглядами случайных свидетелей конфликта, и свернули на набережную, в конце которой стоял старенький домик Пуктума.

Преследовать их «ковбои» не решились.

Константин наконец опомнился, с уважением и недоверием посмотрел на задумчиво шагавшего рядом Олега.

— Как вам удалось уронить такого слона? Его же только ломом свалить можно!

— Такие слоны уязвимы так же, как и другие люди, — усмехнулся Северцев. — Будет время, я тебе дам несколько уроков защиты. Где ты остановился?

— Тут недалеко, у бабушки Юрасы. Третий дом от угла.

— Я зайду за тобой в семь утра, будь готов.

Костя прижал руку к груди:

— Как штык!

На том они и расстались в начавшихся сумерках. Северцев проводил взглядом фигурку физика, заметил появившуюся в конце улицы пятерку парней в шляпах, но они тут же скрылись, и он зашагал домой, оценивая в душе свою странную решимость вступить за очкарика. Подходя к дому Пуктума, он сделал вывод, что поступил правильно.

* * *

Никто их не провожал.

Дед Пуктум снова предостерег Северцева от похода к горе Иикту, однако тот был достаточно заинтригован ситуацией и отказываться от своих планов не собирался.

Костя Зеленский не заставил себя ждать и вышел на улицу, как только у дома появился Северцев. На нем был точно такой же рюкзак, что и у Олега, а вся научная аппаратура умещалась в спортивной сумке и специальном мягком контейнере, закрепленном на груди. Поэтому физик напо-

минал в профиль букву «ф» и мог согнуться с большим трудом.

— Так ты далеко не уйдешь, — покачал головой Северцев, не зная, сразу отказаться от спутника или погодить.

— Не переживайте, — торопливо сказал Константин, понимая его чувства. — Я человек привычный, не отстану, вот увидите. Я и не такие тяжести таскал.

Северцев оглянулся.

В конце улицы мелькнула человеческая фигура и пропала. Но ощущение взгляда в спину осталось. Кто-то следил за путешественниками и не хотел, чтобы те его увидели.

— Давай сумку.

— Я сам! — Костя отодвинулся. — Она не тяжелая.

— Как знаешь.

Северцев зашагал к выходу из Талгоя, чувствуя спиной чей-то недружелюбный взгляд. Следить за ними мог кто угодно, однако Олег был уверен, что это обиженные им в салуне «ковбой». Они тоже были чужими для поселка, и стоило на досуге поразмышлять, какая причина заставила их остановиться здесь.

Вскоре путешественники поднялись на холм, спустились в долину, и поселок скрылся из глаз.

Погода изменилась по сравнению со вчерашней. На небе появились облака, скрывшие солнце, хотя было тепло, а свежий ветерок, приносивший запахи с цветущих лугов, подбадривал и остужал разгоряченные движением тела.

Костя не отставал, двигаясь легко и быстро, и Северцев проникся уважением к этому худенькому, нескладному и несильному с виду парню, несшему на себе груз весом не менее полусотни килограммов.

Разговаривали мало, берегли дыхание.

Физик коротко рассказал о своих прошлых экспедициях, о встречах с НЛО и НЯП — непознанными явлениями природы и умолк. Заинтересованный Северцев хотел было продолжить расспросы, но в это время они уже свернули с дороги к горам, и он отложил разговор до привала.

К полудню они поднялись по склону Южно-Чуйского хребта к проходу между горами, ведущему к ущелью, кото-

рое начиналось недалеко от кривобокого конуса Иикту, устроили первый привал.

Костя развернул свою походную лабораторию, достав ее из контейнера, и сделал первые замеры полевой обстановки. Северцев с любопытством смотрел за его манипуляциями, затем предложил свою помощь — почти все приборы были ему знакомы, — и они вдвоем управились с замерами за полчаса.

Радиационный фон на перевале оказался в пределах нормы, как, впрочем, и электромагнитный. Никаких аномалий приборы не отметили. Однако физик не смутился, упаковал свое драгоценное научное оборудование и уверенно провозгласил:

— Через пять-шесть километров выйдем к узлу Хартмана, и все станет ясно.

— Что ясно? — не понял Северцев.

— Там начинается граница геопатогенной зоны, в центре которой спутник и обнаружил аномалию. Она еще скрыта горами. Подойдем поближе и определимся.

— Я не знал, что здесь есть геопатогенная зона, — сказал Северцев, вспоминая слова Пуктума: «Плохое место, однако». На душе стало тревожно, зашевелилась интуиция, предсказывая какие-то недобрые события. Снова показалось, что в спину смотрит кто-то злобный и ждущий, как змея в траве.

Спутнику о своих ощущениях Северцев, однако, говорить не стал. Развел костер, вскипятил чай, сварил гречневую кашу из концентрата, и они пообедали. Затем свернули лагерь, загасили костер и снова двинулись в горы, постепенно приближаясь к горбу Иикту, возвышавшемуся над остальными вершинами хребта и горными стенами.

Занялись сумерки, когда они взобрались на очередной перевал, с которого до Иикту было рукой подать. Но спешить не стали. Снова разбили лагерь — две одноместные палатки «Север-3», легкие и прочные, хорошо защищавшие от дождя и ветра, — развели костер и поужинали.

Спать решили по очереди, первым Северцев, вторым Константин. Однако Олег встал раньше — зазвонил «будильничек» тревоги, и он проснулся. Посмотрел на засве-

тившийся циферблат часов: шел третий час ночи — и тихо вылез из палатки.

Костер догорел, а Костя мирно спал на подстилке из елового лапника, свернувшись калачиком.

Алтайские ночи на высоте километра над уровнем моря были холодными, неопытный путешественник запросто мог окочуриться, не имея средств для согревания. Северцев накинул на физика спальник, подбросил в костер веток и поднялся на невысокую скалу за палатками, прислушиваясь к тишине вокруг и всматриваясь в темноту. Небо оказалось затянуто тучами, и темень стояла глухая и ватная, словно горы были накрыты одеялом.

Олег огляделся и чуть в стороне от белеющего в темноте конуса Иикту увидел столб призрачного зеленоватого свечения, напоминающий луч прожектора, упиравшийся в облака. Тревожно кольнуло сердце. От столба веяло холодом и чужеродностью. Казалось, он смотрит на человека, смотрит пристально, тяжело, без угрозы, но требовательно и неприветливо.

Вздрыгнула под ногами скала.

Издалека на перевал прилетел низкий подземный гул.

Свечение на миг усилилось и тут же почти сошло на нет. Ощущение чужого взгляда исчезло.

Северцев хмыкнул, постоял немного, ожидая продолжения явления, потом спустился к палаткам и разбудил компаньона.

Костя проснулся не сразу, но все понял с полуслова и моментально развернул на скале свою походную лабораторию. Северцев помогал ему, подсвечивая фонариком. Поколдовав над аппаратурой с полчаса, физик потер ладонь о ладонь и глубокомысленно изрек:

— Сверхнизкие частоты... офигеть можно! Если это не активизация глубинника, я съем собственный язык!

Северцев с интересом посмотрел на светящиеся экранчики приборов, по которым бежали алые и синие цифры, перевел взгляд на Константина:

— Такое впечатление, что ты понимаешь суть явления. Может, поделишься знаниями?

— Я еще не вполне уверен... — прикусил язык физик,

подкручивая верньеры звукорегистратора. — Обычно пакет низкочастотных эм-волн сопровождается инфразвуком, а тут ничего... Конечно, я все вам расскажу, только давайте сначала подойдем к горе поближе.

Северцев не возражал.

Они свернули аппаратуру, Костя залез в свою палатку и снова уснул с выражением удовлетворения на лице.

Северцев развел костер, посидел немного, греясь и разглядывая языки пламени, потом еще раз залез на скалу и долго смотрел на конус Иикту, возле которого все еще подрагивал бледный зеленоватый лучик, постепенно втягивающийся в землю. Через час он окончательно исчез.

* * *

В путь они вышли с первыми лучами солнца, осветившего западные склоны гор и тут же спрятавшегося за надвигавшуюся с севера пелену облаков. Спустились с перевала в небольшую долину, вышли к неглубокой прозрачной речке и наткнулись на труп медведя. Сначала не поняли, что это именно труп, а не живой царь леса. Остановились, заметив на галечном откосе бурую тушу, и лишь по ее неподвижности определили, что медведь мертв. И тогда Северцев вдруг услышал странную тишину вокруг — журчание речки ее не нарушало — и насторожился.

Природа замерла, придавленная надвигавшейся грядой облаков.

Не было слышно птичьих трелей, птицы не летали над головами и не сновали в ветвях деревьев. Ветер — и тот стих, словно испугавшись разлитой в воздухе угрозы.

— Медведь! — прошептал встревоженный Константин. — Мертвый!

Северцев не ответил, приглядываясь к ландшафту, и увидел между кустами багульника какое-то рыже-серое пятно. Приблизился, на всякий случай сняв с плеча карабин.

Пятно оказалось охотничьей собакой. Мертвой! Чуть поодаль лежала еще одна, а поближе к холму, за которым начинались скалы и горы хребта, лежал ничком человек в брезентовой куртке, в меховой шапке и в сапогах. Рядом ва-

лялось ружье, в двух шагах — старенький рюкзак. Это явно был охотник.

Северцев подбежал к нему, перевернул на спину и встретил мертвый взгляд серых остекленелых глаз, в которых застыл ужас. Челюсти мужчины — на вид ему можно было дать лет пятьдесят — были судорожно сжаты, в ушах запеклась кровь, пальцы на руках были скрючены, и было видно, что он перед смертью царапал грудь, пытаясь разорвать рубаху и снять боль.

— Он еще... живой? — подошел Костя.

Олег молча качнул головой, закрывая глаза мертвецу, разогнулся. Сказал сквозь зубы:

— Что здесь происходит, черт побери?! Может быть, никакой аномалии нет, а есть какой-то военный полигон? Может, ты вообще и не физик, господин Зеленский?

— Физик, — буркнул Костя, мрачней. — Я здесь ни при чем. — Он показал пальцем на уши мертвого охотника. — Это инфразвук. Его накрыла инфразвуковая волна, как и весь район. Значит, источник совсем близко.

— Источник чего?

Костя прикусил губу, отвел взгляд.

— Здесь где-то выход глубинника... больше я пока ничего сказать не могу. Найдем «глаз», тогда и объясню.

Северцев хотел было рывкнуть на спутника, заставить его сообщить все, что он знает, но передумал. До цели — какого-то таинственного выхода глубинника, осталось совсем немного, километра два, если считать таковым место, откуда ночью светил неведомый «прожектор». Можно было потерпеть.

Северцев обыскал труп охотника, не нашел ни одного документа, раскрывающего личность мертвеца, достал небольшую саперную лопатку.

— Тащи камни. Прикопаем и завалим камнями, чтобы звери не тронули. Вернемся в Талгой, сообщим властям.

Через полчаса, оставив над телом погибшего охотника нечто вроде кургана, они двинулись в путь, находя все новые и новые подтверждения гипотезы Константина об инфразвуковом ударе. Появились мертвые ящерицы, змеи и птицы, лежащие на галечнике и на песчаных откосах: зуй-

ки, ласточки, щеглы, серпоклювы, затем встретился беркут, распростерший по камням крылья, в кустах — кабан, а ближе к выходу из долины — горный козел с красивыми витыми рогами.

Это было настоящее обиталище смерти, и настроение у путешественников упало до минорного. В подавленном состоянии они поднялись на очередной перевал и увидели странной формы скалу, нависающую над входом в узкое ущелье. Больше всего скала напоминала снежную бабу без рук, только темного цвета и в двадцать раз больше. Это и была Баба-скала, о которой говорил дед Пуктум.

Северцев внимательно взгляделся в нее, отмечая какое-то несоответствие в повороте каменного тела скалы, и понял, что она расколота трещиной снизу доверху. Вполне возможно, виной тому послужил ночной подземный толчок, совпавший с появлением светящегося столба.

Сжалось в тревоге сердце.

Тишина угнетала. Казалось, под землей или в ущелье затаился какой-то огромный зверь, ожидающий добычу, который вот-вот выскочит из засады и бросится на людей.

Костя оглянулся, по бледным губам его скользнула кривая усмешка.

— Тебе не хочется драпануть отсюда?

— Нет, — коротко ответил Северцев.

— А мне хочется. Что означает — где-то рядом эпицентр аномалии. Я уже проверял: если мне становится страшно, значит, в этом месте геопатогенная зона.

Северцев направился к Бабе-скале, обходя груды камней и огромные валуны. Вход в ущелье приблизился. Стал виден нависающий над расщелиной бок еще одной скалы со множеством бугров, ям и трещин, складывающихся в изображение дьявольского лица. Вполне вероятно, это и был лик бога-зверя Ширем Мината, охранявший вход в пещеру с «кладом Александра».

— Не обманул старик, — проговорил с некоторым удивлением Северцев, поднимаясь на очередной каменный язык, и остановился, увидев у подножия Бабы-скалы нечто вроде круглого холма невероятно чистого белого цвета, до

того чистого, что даже снег, наверное, не смог бы сравниться с ним белизной.

— Господи, это все-таки глубинник! — произнес поднявшийся следом Костя с дрожью в голосе. — Я не ошибся!

— Где глубинник? — поинтересовался Северцев. — Это же просто снежная шапка, свалившаяся с гор.

Физик не ответил, как зачарованный разглядывая искрящийся белоснежный холм. Потом начал стаскивать с себя рюкзак и контейнер с аппаратурой, опустил их на ровную площадку и начал спускаться к холму. Внезапно он взмахнул руками и с криком сорвался вниз, однако в самый последний момент успел вцепиться в ребро скалы и удержался. Северцев в одно мгновение сбросил свой рюкзак, метнулся к спутнику, поймал его за ворот куртки и одним рывком выдернул вверх. И лишь потом глянул вниз.

Сердце прыгнуло к горлу, дыхание перехватило.

За крутым склоном обрывалась вниз пропасть невероятной глубины. Но самое интересное, что эта пропасть имела четкие геометрические формы и больше походила на квадратную в сечении шахту со стороны в пятьдесят метров. Стены шахты были гладкими, словно облитыми глазурью, и было совершенно непонятно, каким инструментом их обрабатывали. На ум приходили только экзотические лазеры и плазменные пушки.

— Мать честная! — сказал Северцев озадаченно. — Только шахт нам не хватало! Здесь что, рудник был?

— Это ларинг-тоннель... — пробормотал Костя, приходя в себя и высовывая голову над обрывом.

— Что-что?

— Слуховая труба.

— Не мнись, выкладывай что знаешь.

— Конечно, расскажу. — Константин дрожащими руками достал из кармашка радиационный счетчик. В окошечке счетчика заскакали рубиновые цифры.

— Шестьдесят микро рентген... тютелька в тютельку...

Северцев сгреб физика за грудки:

— Начинай, не то сброшу вниз! Что это за колодец? Что за снежный холм? Какую аномалию ты ищешь на самом деле?

Костя снял очки, близоруко сощурился, протер линзы и водрузил очки на нос.

— Отпусти... я тебя не обманывал. Просто не все говорил, потому что и сам не был уверен... Но давай сначала измерим фон, — взмолился физик, — сфотографируем выход, а потом я тебе все обязательно расскажу. Хотя если честно — не имею права, это, можно сказать, государственная тайна.

— Хорошо, — согласился Северцев. — Займемся делами. Ты начинай свои замеры, а я пока пройду к ущелью, посмотрю, нет ли там пещер. Надеюсь, таких сюрпризов, как эта шахта, здесь больше не попадется?

— В принципе не должно, — отозвался Костя, суетливо распаковывая аппаратуру. — Обычно выход глубинника состоит из связки ото-бугор — ларинг-тоннель. Однако бывают и исключения.

— Какие?

Костя не ответил, устанавливая и настраивая приборы. Он уже ушел в процесс и ничего не слышал.

Северцев кинул взгляд на отвесные стены шахты, отблескивающие перламутром, и ему вдруг показалось, что блики отбрасываются не стенами, а слоем воздуха над краем шахты. Он замер, вглядываясь в глубины колодца, и снова поймал призрачный блик, отразившийся от не видимого глазом слоя над устьем шахты. Поразмыслив, Северцев осторожно спустился вниз, к краю шахты, и опустил ногу в пропасть. И едва не вскрикнул от неожиданности, отдергивая ногу.

Подошва наткнулась на невидимое препятствие, твердое, как стекло или камень.

— Дьявольщина!

— Что случилось? — высунулась из-за каменного ребра голова Константина.

Северцев снова опустил ногу вниз, дотрагиваясь до абсолютно невидимого слоя, попробовал его на прочность, потрогал рукой — ни тепло, ни холодно, гладкая поверхность — и встал на него во весь рост.

— Ёлки-моталки! — пробормотал Костя, округлив глаза. — На чем ты стоишь?!

— На честном слове, — спокойно отозвался Северцев,

опускаясь на корточки и ошупывая руками невидимую поверхность. — Это не пустота, нечто вроде стекла, только абсолютно прозрачного.

Он прошелся «по воздуху», ощущая слабый протест желудка словно от падения в бездну, подпрыгнул, не обращая внимания на вскрик спутника. «Стекло» плита отозвалась глухим стуком и даже не вздрогнула. По-видимому, этой прозрачной массой был заполнен весь колодец, уходящий в неведомые недра горных пород.

— Эффектно, — пробормотал Северцев, разглядывая гладкие стены шахты, сложенные из слоев разного цвета. — Интересно, что это за стекло такое сверхпрозрачное? Его же здесь десятки тысяч тонн... если не сотни. Постой, ты говорил о выходе глубинника... — Олег уже уверенней прошелся по «стеклу». — Может быть, это вещество действительно выдавлено из центра Земли?

— Не из центра, — покачал головой Костя, — скорее из слоя над ядром. И это не ларинг-тоннель, как я думал.

— А что?

— Ово-телескоп.

— Что-что?!

Голова Кости скрылась, донесся его удаляющийся голос:

— Иными словами — «глаз глубинника». Очень редкое явление.

— Что-то я ни разу не слышал о таком явлении.

— Я же сказал, оно очень редкое.

— Какое бы редкое ни было, за тысячи лет изучения гор люди наверняка натыкались бы на него и сообщили бы об этом.

— Во-первых, такая информация может быть засекречена, как была засекречена информация об НЛО. Во-вторых, глубинники начали проявляться недавно, всего лет двадцать назад, статистика явления еще не вышла из-под контроля секретных служб. Лично я вижу «глаз» впервые, а вот мой напарник уже встречал такие образования — на Таймыре, в зоне вечной мерзлоты. А шведы описали «глаз», наткнувшись на него в Антарктиде.

Северцев стукнул пяткой в «стекло», покачал головой и взобрался обратно на скалы.

— Насколько я знаю латинский, «ларинг» означает — «горло», «ово» — «глаз», «ото» — «ухо»... Если это так, то твой глубинник — какое-то гигантское живое существо. Нет?

— Почти угадал, — рассеянно отозвался Костя, продолжая возиться с приборами. — Глубинник — это результат действия неких существ, живущих в глубинах Земли.

Северцев засмеялся:

— Ну-ну, шути дальше.

— Я не шучу. Этот колодец — самый настоящий телескоп или, скорее, световод, а вот тот «снежный» холм — вероятнее всего, «ухо». Чего здесь не хватает, так это «горла», а оно должно быть непременно, так как мы видели последствия его работы — трупы зверей и птиц.

— Ты серьезно?

Костя с треском захлопнул футляр радиометра, отключил регистраторы частиц, нахохлился над экранчиком сканера. Речь его стала невнятной:

— Пусть теперь попробуют сказать, что я неудачник!.. Такое гнездо!.. Это же сказка, а не параметры!..

Северцев сплюнул в сердцах, потом засмеялся, махнул рукой и направился к Бабе-скале, чтобы поближе рассмотреть «снежный» холм ото-бугра, или «уха глубинника».

Диаметр ото-бугра достигал тех же пятидесяти метров, что и сторона квадрата шахты. Он высился перед Северцевым ощутимо холодной массой, ослепительно белый даже в тени скал. Однако вблизи он уже не казался снежным сугробом, так как был сложен из ажурного плетения легких и пушистых перепонок и ворсинок. Больше всего он напоминал шапку пещерного мха, обесцвеченного темнотой.

Северцев дотронулся до «сугроба» пальцем и отдернул руку, получив весьма ощутимый электрический укол.

— Вот зараза!

— Не трогай ничего руками, — посоветовал появившийся следом Константин. — У меня есть шуп и перчатки.

Он дотронулся до ворсинок «сугроба» тонким металлическим прутом на рукояти, вызывая поющий звук, напоминающий звон столкнувшихся хрустальных бокалов.

— Ты смотри, оно твердое...

— Как сталь, — подтвердил Северцев, осматривая сдвинувший палец.

— Отломить бы кусочек для анализа.

Костя еще раз дотронулся до сплетения волокон «сугроба», ковырнул их прутом, но отломать не сумел. «Мох» был прочнее.

— Ладно, возьму пробник и отгрызу.

Он вернулся к шахте, заполненной стекловидной массой, которая была видна только тогда, когда отражала свет. С опаской спустился на невидимую поверхность «стекла» и прогулялся по ней, всматриваясь в головокружительную глубину колодца, дно которого скрывалось во мраке.

Северцев понаблюдал за ним и двинулся ко входу в ущелье, над которым нависала скала с ликом бога-зверя Ширем Мината.

Дорогу преградила трещина, разорвавшая впадину перед ущельем, склон горы и Бабу-скалу. Северцев проследил ее начало и увидел треугольное отверстие в боку противоположной скалы на высоте семи-восьми метров. Очевидно, трещина образовалась при выходе глубинника, расколола скальное основание и обнажила вход в пещеру, который ранее был закрыт языком свалившихся сверху камней.

Северцев прикинул свои возможности, вернулся к рюкзаку и достал моток альп-шнура с кошкой, а также фонарь.

— Я поднимусь, посмотрю, что за дырка, пока ты здесь будешь заниматься своим глубинником.

— Я с тобой, — объявил Костя, фотографируя обнаруженные объекты. — Вдруг это выход ларинг-тоннеля?

— Тогда сначала рассказывай, что здесь происходит.

Костя дощелкал и сменил пленку, хотел было продолжить занятие, но заметил сдвинутые брови Северцева и опустил аппарат.

— Никому об этом не расскажешь?

— Зуб даю! — серьезно пообещал Северцев.

— Тогда... в общем, можешь верить, можешь не верить, но на Земле существует еще одна цивилизация.

— Это ты дельфинов имеешь в виду? — хмыкнул Олег.

— При чем тут дельфины? — удивился Костя. — Эта ци-

визация обитает в глубинах Земли, вероятнее всего, на ядре. Я не знаю, как на самом деле выглядят глубинники, да и никто не знает, но они должны быть очень плотными и горячими, и при их движении там, на ядре, возникают латеральные струи и течения, волны давления, плотностные перепады, которые потом отзываются на поверхности землетрясениями.

— Бред! — улыбнулся Северцев. — Там же, в центре Земли, огромные давления и температуры...

— Глубинники могут быть плазменными сгустками или нейтронными кластерами. Хотя это неважно. Главное, что они живут на ядре и пытаются изучать свой космос — мантию Земли, как и мы свой, с помощью приборов. То, что мы здесь обнаружили — «глаз» и «ухо», — и есть такие приборы, понимаешь?

— Не может быть!

— Ты не веришь своим глазам?

— Своим верю. Но твои гипотезы... как бы это помягче сказать... притянуты за уши.

— И вовсе не притянуты, — обиделся Константин. — Существует особая программа изучения феномена глубинников и даже контакта с ними. При обнаружении выхода глубинника я должен немедленно доложить в институт, и сюда сразу примчится контактная группа.

Северцев покачал головой, разглядывая «сугроб» отобугра, перевел взгляд на покрасневшее лицо спутника, взволнованного открывающимися горизонтами.

— Значит, вы уже контактировали с ними?

— Я лично встречаюсь с выходом глубинника всего второй раз, а вообще существует определенная статистика: всего наш центр изучил одиннадцать выходов, этот будет двенадцатым. Хотя о контакте пока речь не идет, глубинники не отвечают на наши сигналы и призывы. Ну ладно, я побежал менять кассеты в регистраторах, а потом радирую своим в центр, что я нашел выход.

— У тебя есть рация?

— А как же, с выходом на спутник. — Костя посмотрел на часы. — Над Алтаем спутник пролетит через час сорок

пять минут, так что мы успеем еще в пещеру слазить. Подожди, я быстро.

Северцев проводил глазами шустрого физика, почесал затылок. Ни в какую «цивилизацию на ядре Земли» он не верил, но и просто отмахнуться от гипотезы Зеленского не мог. Явление глубинника, кем бы он там ни оказался впоследствии, имелось в наличии, и даже если это было просто новое чисто физическое явление, не связанное с разумной деятельностью мифических «плазменных сгустков», все равно его ценность была велика.

Костя вернулся к Бабе-скале через пять минут, и они начали восхождение к треугольному зеву пещеры, где мог вполне храниться какой-нибудь клад.

* * *

Пещера оказалась огромной, состоящей по крайней мере из десятка залов, соединенных довольно широкими круглыми тоннелями. Вся система залов более всего напоминала кишечник, с чем не преминул сравнить ее Константин, и Северцев с ним согласился. Если бы не упавшие со сводов пещер и коридоров глыбы, загромождавшие проходы, все залы можно было бы обойти за час, однако уже в пятом зале Костя сдался и запросил пощады:

— Все, я больше не могу! Ни хрена здесь нету, даже следов не видно. Наверное, клад спрятан в другой пещере, а эта скорее всего представляет собой ларинг-тоннель, «горло» глубинника. Давай вернемся, не ровен час, глубинник проснется, крикнет, и нам хана!

Северцев, привычный к нагрузкам и уставший несравненно меньше спутника, поворочал лучом фонаря, освещая удивительно гладкие стены очередного зала, напоминающего изнутри грушу. Появилось ощущение, что за ними наблюдают чьи-то внимательные недобрые глаза. Это мог быть и какой-то зверь, обитатель пещеры, либо летучая мышь, но Олегу стало неприятно, и он рывкнул в темноту:

— Эй, выходи!

Со всех сторон донеслось множественное дребезжащее эхо.

— Ты что?! — вздрогнул Константин, хватаясь за локоть Северцева. — Кого ты там увидел?

— Никого, — спокойно ответил тот, — это для профилактики. Ты посиди здесь, отдохни, а я все-таки пройду дальше, пока не найду мои сокровища.

— Их здесь нет.

— Вот я и проверю.

— Я один не останусь!

— Тогда пошли вместе. Пещера не может быть бесконечной.

— Если это «горло» глубинника — оно уходит в недра Земли на тысячи километров. Заметил, какие здесь гладкие стены?

— Ну?

— Породы проплавлены недавно, причем с помощью плазменной струи. Уверяю, на сей раз это точно ларингтоннель, и никаких «кладов» здесь и в помине нет.

— Не расстраивай меня.

Северцев направился к тоннелю, соединявшему грушевидный зал со следующим. Костя вынужден был присоединиться к нему, так как фонаря у него не было, а остаться одному в темноте он боялся.

Очередной зал имел форму лепешки и был пуст, если не считать свалившихся со свода каменных глыб. Затем шел зал в форме морковки, за ним — дынеобразный, еще один эллипсоидальный и последним — сферический. В нем путешественники обнаружили огромную воронку, уходящую вниз, в неведомые глубины Земли. Ее диаметр равнялся все тем же пятидесяти метрам, и предположение Константина, что это настоящее «горло» глубинника, обрело силу доказательства. Размеры остальных выходов глубинника — «глаза» и «уха» — также были близки к пятидесяти метрам.

Возвращались молча, с трудом проползая по каменным россыпям под сводами залов и тоннелей. А в самом первом зале, с которого начиналась цепь пещер, Северцева внезапно потянуло осмотреть его дальнюю стену, и он обнаружил дыру в стене, которую они с Костей не заметили, когда пробились к проходу в соседний зал.

Усмирив поднявшееся в душе волнение, Северцев освe-

тил кучу камней, почти закрывавших дыру, и понял, что камни некогда были уложены рядами и рассыпались скорее всего от подземного толчка. Если бы не это обстоятельство, дыру со стороны заметить было бы невозможно.

— Кладка! — с удивлением сказал Костя, вздрогнув от собственного же эха. — Неужели легенда о сокровищах отражает реальные события?

Северцев взобрался на груды каменных обломков, пролез в дыру и почти сразу же наткнулся на тускло просиявшую в луче фонаря монету. Поднял ее, покрутил в пальцах, прочитал надпись на русском языке, хмыкнул и спрятал монету в карман.

— Ну что там? — послышался приглушенный голос физика. — Пора возвращаться, а то я пропущу спутник.

Северцев прошагал несколько метров по довольно узкому лазу, заметил сероватый отсвет на полу прохода, выключил фонарь. Впереди явно что-то светилось, словно лаз выходил на поверхность земли. Олег сделал еще несколько шагов и очутился в огромном бесформенном зале, освещенном через круглый пролом в потолке. Такой же пролом правильной круглой формы располагался и посреди зала, уходя в гибельный мрак подземных пустот.

А по краям этой дыры, диаметр которой достигал никак не менее сотни метров, у стен зала были видны какие-то тюки, мешки, полуистлевшие ящики зеленоватого цвета и груды черепков, из-под которых просверкивали какие-то блестящие предметы.

— Лопни мои глаза! — раздался позади хриплый голос Константина.

Северцев оглянулся.

Но физик смотрел не на тюки и разбитые ящики, из которых высыпались целые водопады монет, а на отверстие в полу пещеры.

— Еще один выход! — продолжал Константин в волнении. — За всю историю открытия глубинников это второй случай, когда они образуют четыре волновода. Обычно отверстий три: «ухо», «горло» и «глаз».

— А четвертое тогда что — «нос»? — пошутил Северцев.

— Не знаю, — пожал плечами Костя, не отрывая взгляда

от дыры в полу. — Может быть, и «нос». — Он спохватился. — Жди здесь, я сообщу в центр о находке и вернусь с аппаратурой. Спутник вот-вот пролетит над хребтом. Дай фонарь.

Северцев засмеялся.

Костя, протянувший руку за фонарем, с недоумением посмотрел на него:

— Ты чего?

— А кроме своего «носа», ты ничего не замечаешь?

Костя завертел головой, разглядывая зал с проломленным сводом, и только тут до него дошло, что у стен зала сложены целые ряды тюков и горы ящиков.

— Что это? Неужели... сокровища Александра?!

Северцев протянул ему найденную монету:

— Это серебряный полтинник шестнадцатого года. Если здесь и спрятали клад, то далеко не воины Александра Македонского. Таких ящиков в его времена не делали.

— А кто, если не он?

— Может быть, белые, может быть, красные, бандиты или чекисты. Какая разница? Но захоронка приличная.

— Здесь же груза на несколько вагонов!

— Возможно, было еще больше. Дыра-то свежая, видишь, как блестит?

Северцев осветил края отверстия.

— Да, ты прав, этот выход образовался недавно, а ящикам уже много десятков лет.

Северцев протянул физику фонарь:

— Дуй к рации, сообщай своим в центр и возвращайся. Я пока осмотрю находку.

Костя направился к выходу, подсвечивая дорогу фонарем.

Северцев подошел к ящикам, многие из которых были разбиты упавшими сверху глыбами, дотронулся до верхнего, и тот рассыпался в труху, обнажая тускло блеснувшие слитки золота. Северцев присвистнул, беря в руки один тяжеленький слиток с вычеканенной на нем славянской вязью надписью: «Банк России. 1882».

— Да здесь же не меньше тонны золота!

Что-то вдруг заставило его насторожиться. Он оглянулся.

В зал пятился Константин с поднятыми вверх руками. За ним на свет вышли трое парней в пятнистых куртках и шляпах. Это были «ковбой» из талгойского салуна «Белый бык». У одного из них, приземистого бородача, в руках был карабин Северцева, двое других держали пистолеты.

— Привет, кладоискатели, — сказал рыжий «ковбой», ухмыляясь. — Долго же вы нас за собой водили, терпение лопнуло. Но все же спасибо, вывели-таки на бункер Колчака. Мы его давно разыскиваем, а повезло вам.

— Нам, — поправил рыжего черноусый.

Рыжий хохотнул:

— Прошу пардону, действительно нам.

Северцев приготовился было прыгнуть за ящики, чтобы попытаться скрыться потом в дальнем конце зала, и замер, увидев движение ствола карабина в руках заросшего главара «ковбоев».

— Стой смирно, — мрачно посоветовал ему вожак. — От пули не убежишь, хоть ты и каратист. Вовик, обыщи-ка кладоискателей и свяжи покрепче.

Черноусый с готовностью вышел вперед, снял с плеча моток альп-шнура.

— Чего с ними возиться? — скривил губы рыжий. — Сбросим в эту шахту, — он подошел к дыре в полу зала, заглянул в нее, — и дело с концом. Никто никогда не найдет.

— Не стоит брать грех на душу, — буркнул вожак. — Сами подохнут.

Черноусый «ковбой» обыскал Костю и Северцева, нашел у него нож.

— Ух ты, какое жало! Фирма! Я его себе оставлю, уважаю такие вещи.

Он отрезал ножом два куска шнура, ловко связал Северцеву руки за спиной, затем ноги и толчком в спину свалил на пол.

— Лежи, отдыхай.

Та же участь постигла Константина.

Появился четвертый участник компании, худой и высокий. Вдвоем с черноусым они оттащили связанных пленников к стене зала, бросили за груду камней, загораживающих

обзор. Пленники остались в одиночестве, прислушиваясь к доносившимся голосам, смеху, скрежету разбиваемых ящиков, звукам шагов, стуку скатывающихся в пропасть камней.

— Сволочи! — скрипнул зубами Костя. — Они следили за нами! Если бы я успел передать нашим о находке, спецгруппа была бы здесь уже часа через четыре.

Северцев промолчал. Он ругал себя за то, что оставил карабин у входа в пещеру и позволил себе расслабиться. Интуиция подсказывала ему об опасности, но он пренебрег ее советами, теперь предстояло выкручиваться из неприятного положения.

— Что будем делать? — не унимался Костя. — Они ведь не остановятся на достигнутом. Тут же тонны золота и серебра царской чеканки! Вряд ли они рискнут оставить нас в живых.

Северцев снова промолчал, напрягая мышцы на руках и ногах особым образом, чтобы затем ослабить шнур и освободиться.

Шум в пещере не ослабевал. «Старатели», следовавшие за Олегом и его спутником по пятам, радовались найденным сокровищам и высчитывали прибыль по нынешним ценам. Затем начали таскать золотые слитки и монеты из пещеры наружу. О пленниках они не вспоминали, что было на руку Северцеву, разработавшему план спасения. За полчаса он так ослабил шнур на запястьях рук, что смог его снять. Освободил ноги, развязал Костю, обалдевшего от такого неожиданного подарка. Однако развить успех не успел.

Внезапно под ногами вздрогнул пол пещеры. Из глубин гигантского колодца, являвшегося, по предположению физика, четвертым выходом глубинника, донесся глухой низкий гул. Со стен и сводов зала посыпались камни, с шумом рухнула одна из стен, погребая под собой ряд холщовых тюков. Послышались испуганные возгласы «ковбоек».

Северцев и Костя переглянулись.

— Что это? — одними губами спросил Олег.

— Не знаю, — почти беззвучно выдохнул Константин. — Возможно, глубинник активизируется перед тем, как исчезнуть.

— В чем заключается его активизация?

— Обычно это сопровождается подземными толчками, электромагнитным и тепловым излучением в инфракрасном диапазоне и инфразвуковым ударом.

— Тогда нам срочно надо убираться отсюда.

— Как? Они нас сразу заметят... и у них твое ружье...

Северцев высунул голову из-за груды камней.

Паника среди «ковбоев» улеглась. Они занимались теперь выносом золотых слитков, используя вместо тары собственные куртки. Пробраться мимо них к выходу представлялось делом безнадежным.

Северцев осмотрел зал пещеры, задержал взгляд на проломе, сквозь который виднелось вечеряющее небо. Можно было попытаться выбраться наверх, используя неровности стен, однако и этот вариант был чреват риском сорваться в пропасть, к тому же беглецов могли заметить мечущиеся туда-сюда «ковбой» и снять их из карабина.

— Ну что? — дернул Олега за ногу Константин.

Северцев сполз вниз:

— Плохо дело. Мимо них нам не просочиться без боя, но другого выхода просто нет. Оружие у тебя отобрали?

— У меня его и не было, даже перочинный ножик никогда не носил.

— Придется использовать подручный материал.

— Что ты задумал?

— Я пойду первым, ты за мной. — Северцев нашел в осыпи несколько удобных для метания камней. — Держи парочку, в случае необходимости кидай что есть мочи.

— Я не попаду.

— Захочешь выжить — попадешь. За мной!

Северцев обогнул груды камней, держась ближе к стене зала, вышел на узкий карниз между стеной и шахтой глубинника. «Ковбой» продолжали лихорадочно выносить золото, и существовал шанс, что в суматохе беглецам повезет проскользнуть мимо них незамеченными, особенно если Северцеву удастся тихо нейтрализовать главаря с карабином. Но судьбе угодно было распорядиться иначе.

Еще один подземный толчок едва не сбросил беглецов в

пропасть. Константин вскрикнул, неловко взмахнул руками, роняя камни, и, если бы не Северцев, успевший удержать его за рукав куртки, свалился бы в колодец.

Их заметили.

Бородатый вожак «кладоискателей» выронил из рук куртку с золотыми слитками, сдернул с плеча карабин и выстрелил в беглецов с расстояния в полсотни метров. Пуля с жужжанием отскочила от валуна, за которым успел спрятаться Северцев, толкнув туда же замешкавшегося Константина.

Еще выстрел, за ним противный визг рикошета.

И в этот момент произошло неожиданное.

Из огромной дыры посреди зала выметнулась вверх гибкая, чешуйчатая, дымящаяся труба, напоминающая шланг и змею одновременно, прошла вдоль кромки шахты, сметая все на своем пути; так человеческий палец скользит по краю бокала, стирая пыль.

В пропасть полетели тюки, ящики, посыпались камни. С криком один из «ковбоев» сорвался вниз и исчез в глубине шахты. Бородач направил на «змею» карабин, его подчиненные выхватили пистолеты и открыли стрельбу.

«Змея» дернулась, запульсировала, как резиновая кишка, и снова прошла вдоль края шахты, захватывая все, что находилось на ее пути, и сбрасывая в пропасть. «Ковбои» с воплями попадали вниз вместе с сокровищами клада. Северцева же и Костю спасло то, что они оказались в естественной нише, и «голова змеи» их не задела, зато сгребла груды каменных обломков и очистила карниз.

Поворочавшись еще немного в теснине зала, «змея» вылезла через пролом в потолке пещеры — туловище ее при этом стало тоньше, — поискала что-то наверху и начала со свистом и гулом втягиваться в шахту. Исчезла. В последний раз дрогнули стены и пол пещеры, все стихло. Лишь из глубин пропасти еще некоторое время доносилось стихающее громыхание, будто удалялся поезд.

Зашевелился Костя, потерявший очки. Глаза у него стали круглыми и беспомощными.

— Что это было?!

— Это я тебя должен спросить, — буркнул Северцев, прислушиваясь не столько к доносившемуся гулу, сколько к своим ощущениям. Интуиция советовала бежать из пещеры как можно быстрее. — Может быть, это «язык»?

— Какой язык?! — опешил Костя.

— Твой глубинник имеет не только «ухо», «глаз» и «горло», но и «рот» — вот эту дырку. В таком случае «змея», выскочившая оттуда, представляет собой не что иное, как своеобразный «язык».

— Но ведь это лишь аналогии...

— Естественно, это не настоящий язык, а нечто вроде щупальца или щупа, с помощью которого глубинники пытаются изучать наш поверхностный мир.

— Логично. — Костя отыскал свои очки, водрузил на нос. — Ты гений, Олег! Как же я сразу не...

— Идем отсюда, — перебил Северцев физика. — У меня дурные предчувствия.

Не слушая Костю, он быстро направился вдоль обрыва к выходу из зала. Споткнулся об один из золотых слитков, рассыпанных по полу, но не остановился. Щупальце глубинника сбросило в шахту практически все, что находилось в зале, но все же слитков и монет оставалось еще достаточно, чтобы ими можно было набить пару ящиков.

— Давай подберем, — заикнулся Костя, нагибаясь за слитками.

Пол вздрогнул. Откуда-то издалека донесся низкий, раскатистый, сотрясающий все внутренности рык.

— Не останавливайся! — рявкнул Северцев, бросаясь к выходу.

Они промчались по кромке шахты, нырнули в проход, соединяющий зал с первым залом пещеры, промчались через него стремглав и ценой многих ушибов выбрались на свободу.

Пейзаж перед пещерой несколько изменился, что было видно и в сгущающихся сумерках.

Во-первых, исчез белоснежный «сугроб» — «ухо» глубинника, а «глаз» его, как бельмом, покрылся сетью трещин. Во-вторых, у приборов, оставленных Константином, стояли

пять оседланных лошадей, на которых прибыли «ковбои». Тут же высилась груда золотых слитков.

Северцев сразу оценил этот подарок судьбы и направился к лошадям.

— Садись!

— Я не умею ездить, — пискнул Костя.

— Садись, если хочешь жить!

— Надо забрать аппаратуру...

— Потом вернемся, если уцелеем.

Северцев помог физику взобраться на лошадь, вскочил в седло сам, взял в руку узду Костиной лошади и стукнул пятками в бока своего коня:

— Н-но, родимый, аллюр три креста!

Такой скачки в жизни Северцева еще не было.

Он гнал лошадей так, что камни, скалы и деревья слились по сторонам в одну полосу. Лошади, умницы, понимали, что спасают не только всадников, но и себя, и мчались изо всех сил, инстинктивно выбирая единственно правильный путь.

Баба-скала и лик бога-зверя Ширем Мината остались за спиной, скрылось из глаз ущелье, ушла назад долина, а Северцев все гнал и гнал лошадей, пока не почувствовал границу опасной зоны.

На перевале они остановились.

Костя, скакавший с закрытыми глазами, вцепившись обеими руками в шею лошади, зашевелился и выпрямился:

— Что... уже приехали?

Северцев оглянулся.

Над горной грядой, в той стороне, откуда они бежали, встали дуги и струи бледного сияния, складываясь в морду зверя, чем-то напоминающего бога Ширем Мината. А затем прилетел гулкий, очень низкий, почти неслышимый ухом, звуковой удар.

Больно рванулось сердце в груди, заложило уши, глаза застлала красная пелена.

Вскрикнул Костя, испуганно заржали лошади. Однако беглецы были уже далеко от «горла» глубинника, и инфразвуковая волна потеряла свою смертельную силу.

Свет над горами погас.

Но Северцев и его спутник продолжали смотреть на конус горы Иикту и ждать появления новых чудес. Ждали долго, пока совсем не стемнело. Потом поняли: глубинник втянул все свои измерительные инструменты под землю и больше не появится. Последний инфразвуковой удар был его криком прощания.

Но Северцев чувствовал, что прощался с ними глубинник ненадолго.

Пришла пора контакта.

СМОТРИТЕЛЬ ПИРАМИД

Глава 1

Известие о гибели Рощина застало Олега Северцева во время подготовки к новой экспедиции: вернувшись из очередного похода, он собирался отправиться на атомной исследовательской подводной лодке «Пионер» в Северный Ледовитый океан.

Николай Рошин был геофизиком, в связи с чем довольно часто участвовал в экспедициях и выезжал в командировки во все уголки необъятной России. Познакомились Рошин и Северцев несколько лет назад, еще в Санкт-Петербурге, когда вместе начали заниматься практикой целостного движения у мастера Николая. С тех пор они, оба москвичи, сдружились и нередко отдыхали вместе, выбираясь на лодках в Мещеру с ее великолепными лесами, реками и болотами, придающими краю особый колорит.

Николай, как и сам Северцев, еще не женился и был увлекающейся натурой, цельной и сильной. Вывести его из себя было трудно, а справиться с ним не смог бы, наверное, и профессионал-каратэк. Рошин с детства занимался воинскими искусствами и мог за себя постоять в любой компании и в любой ситуации. К тому же он был специалистом по выживанию в экстремальных условиях. И вот Николай Рошин погиб. Погиб в двадцать девять лет и при странных обстоятельствах, как сообщалось в письме его матери, во время очередной экспедиции в Убсу-Нурской котловине, расположенной в центре Азии, на границе Республики Тува и Монголии, где он искал воду вместе с группой ученых из Института физики Земли. Кроме того, мать Николая, Людмила Павловна, в письме сообщала, что сын обнаружил нечто совершенно необычное и, как он выразился во время

телефонного разговора, «тянувшее на сенсацию». Однако что именно нашли геофизики в Убсу-Нурской котловине, зажатой со всех сторон горами, мать не сообщала.

Северцев дважды перечитал письмо, переживая тоскливое чувство растерянности и утраты, затем достал справочники и карты Азии и долго изучал рельеф и географические особенности Убсу-Нура, пытаясь догадаться, что же необычного, «тянувшего на сенсацию», могли открыть геофизики вместе с Николаем в этом месте.

По географическим справочникам выходило, что в Убсу-Нурской котловине на относительно небольшой по площади территории встречаются пустыни, полупустыни и сухие степи, а на окружающих ее хребтах лесостепи, смешанные и лиственные леса, горные тундры, альпийские луга, снежники и ледники. Однако эти особенности котловины еще не говорили о характере изысканий геофизиков, а найти они могли все, что угодно, от естественных природных аномалий до древних курганных захоронений.

Северцев и сам подумывал об экспедиции в эти края, богатые на историко-архитектурные и археологические памятники, тем более что после находки в горах Алтая выхода глубинника ему на правительственном уровне практически дали карт-бланш на любые частные исследования на территории России, а также обещали спонсировать все исследовательские инициативы.

Еще раз перечитав письмо матери Николая, жившей в Рязани, он позвонил ей, принес свои соболезнования и попросил рассказать о случившемся поподробней.

Оказалось, Николай погиб две недели назад, в июне, когда сам Олег еще находился на Чукотке. Похоронили Николая в Рязани, где жили мать и родственники, не сумев отыскать Северцева, а письмо написать заставили Людмилу Павловну обстоятельства его гибели.

— Я не могу тебе сказать, что это за обстоятельства, — тусклым голосом сообщила Людмила Павловна, — но я уверена, что Колю убили.

— За что?! — поразился Северцев. — И кто?!

— Не знаю, Олег. Никто не захотел мне объяснить, как

это случилось. Тело Коли нашли в пустыне... с открытой раной на затылке. Говорят — он упал со скалы.

— Колька не тот человек, чтобы падать со скалы.

— А его коллеги молчат, словно боятся чего-то. Привезли тело и сразу уехали.

— Что же они обнаружили? Какую воду искали? Может быть, золото или алмазы? Старинный клад?

— Не знаю, Олег, — повторила Людмила Павловна. — Но из его друзей и сотрудников института н и к т о не приехал на похороны. Никто! Понимаешь?

— Меня не было в Москве, я был в это время на Чукотке...

— Я тебя не виню, а написала, чтобы ты разобрался в смерти Коли. Неправильно это. Просто так он погибнуть не мог.

— Я тоже так считаю. Хорошо, Людмила Павловна, сделаю, что смогу, и позвоню.

После разговора Северцев еще с час обдумывал свое решение, потом позвонил в штаб подводной экспедиции, находившийся в Североморске, и сообщил, что не сможет принять участие в походе под льды Арктики по личным обстоятельствам. Объяснять ничего не стал, сказал только, что обстоятельства действительно возникли особые.

Конечно, приятели и друзья, спонсирующие участие Олега в арктической экспедиции, могли и не понять мотивов его отказа, но это было не главным. Душа вдруг ясно и четко потянула Северцева в Азию, предчувствуя некие удивительные события и открытия.

К вечеру этого же дня он был почти готов к вылету на место гибели Рощина. Оставалось найти требуемую сумму денег, кое-какое дополнительное снаряжение и поговорить с коллегами Николая, участниками последней экспедиции в Убсу-Нур.

Деньги он надеялся занять у отца, главного менеджера нефтяной компании «ЭКСМОЙЛ», а снаряжение — новейший горно-спасательный костюм «Сапсан» — одолжить у приятеля Димы Курловича, инструктора службы спасения в горах, недавно прилетевшего в Москву в отпуск.

Вечер Северцев посвятил изучению добытых через Интернет материалов об Убсу-Нурской котловине.

Она была невелика по российским масштабам: сто двадцать километров с севера на юг, более трехсот — с востока на запад. Окружена горами: с севера — хребтами Восточный и Западный Танну-Ола и нагорьем Сангилен, с юга — хребтом Хан-Хухей, с запада — хребтом Цаган-Шибэту и массивом Тургэн-Ула и, наконец, с востока — небольшим поднятием Барун-Ула. Роль внутреннего «моря», куда стекают все воды с гор, выполняло соленое озеро Убсу-Нур, давшее название всей котловине.

Кроме того, Северцев выяснил, что растет в котловине и какие животные ее населяют. Хищников было немного: бурый медведь, снежный барс, россомаха, волк — однако встреча с ними не сулила ничего хорошего, и Северцев решил не отказываться от карабина. Охотничья лицензия и документы на владение оружием — карабином «тайга-2» тридцать восьмого калибра¹ — у него имелись.

Позвонив отцу и договорившись с ним о встрече на утро, Олег собрался лечь спать, и в это время телефон зазвонил сам. Недоумевая, кто бы это мог звонить так поздно, он снял трубку.

— Олег Николаевич Северцев? — раздался в трубке сухой мужской голос.

— Он, — подтвердил Северцев, невольно подбираясь; голос ему не понравился. — Слушаю вас. Кто говорит?

— Не важно, — ответили ему. — Вы сегодня звонили в Рязань. Так вот хотим предупредить: не суйте нос не в свои дела — и будете жить долго и счастливо. В противном случае вас ждет судьба вашего друга. Договорились?

Северцев помолчал, пытаясь представить облик говорившего; иногда ему это удавалось.

— Это вы убили Николая?!

— Bravo, путешественник! — хмыкнул собеседник. — Вы быстро ориентируетесь. И хотя вашего друга ликвидировал не я, вам от этого легче не станет. Мы найдем вас везде. Надеюсь, вы понимаете, что мы не шутим?

¹9 мм.

Северцев снова помолчал. Перед глазами возникло полупрозрачное бледное лицо с квадратной челюстью и хищным носом.

— За что?

На том конце линии снова хмыкнули.

Северцев пожалел, что не поставил определитель номера.

— Уважаю профессиональные вопросы. Скажем так: ваш друг пострадал за то, что оказался не в том месте и не в то время. Этого достаточно? Надеюсь, мне вам звонить больше не придется. Летите в Североморск, как собрались, поезжайте в свою арктическую экспедицию, она даст вам много пищи для размышлений, а Убсу-Нур забудьте. Договорились?

Северцев положил трубку.

Незнакомец, имевший прямое отношение к гибели Николая, просчитался. Его предупреждение только добавило Олегу решимости раскрыть тайну. Испугать человека, прошедшего, как Северцев, огни и воды, прыгавшего с парашютом с отвесных скал и спускавшегося с гор внутри огромного пластикового шара, было невозможно.

Утром он, все еще размышляя над вечерним звонком, поехал к отцу, поговорил с ним пять минут о том о сем и направился в Институт геофизики, расположенный на Ростовинской улице, чтобы встретиться с коллегами Николая и выяснить подробности случившейся трагедии. Он уже бывал здесь с Рошиным, да и сам не раз консультировался с учеными, изучавшими такие электромагнитные явления, как сеть Хартмана, подкорковые токи и другие, поэтому пропуск ему выдали без предварительной заявки отдела, в который он направлялся.

Николай Рошин работал в секторе геомагнетизма, где занимался проблемами поиска и изучения «блуждающих эльфов», как сами физики называли источники СВЧ-излучения. Чем были необычны и интересны такие источники, Северцев у друга не спрашивал, хотя из бесед с ним уяснил, что исследования «эльфов» имеют прикладное значение: зачастую в местах их появления находили подземные резервуары пресной воды, а то и целые озера.

В лаборатории, где обычно сидел Николай, работали четверо молодых людей и женщина в возрасте, Полина Андреевна, много лет занимавшаяся проблемами волновых колебаний магнетизма земной коры, но так и оставшаяся младшим научным сотрудником. Почему она не стала защищать диссертаций, Северцев не понимал и с Николаем на эту тему не разговаривал, однако знал, что с ней считаются даже академики. Полина Андреевна являла собой тип женщины, страстно влюбленной в свое дело и потому не заводившей семьи.

Северцев поздоровался со всеми, подошел к Полине Андреевне, худой, высокой, с костистым, по-мужским твердым лицом, с волосами, уложенными в жидкий пучок на затылке.

— Доброе утро, Полина Андреевна. Владислава Семеновича еще нет?

— Привет, — буркнула женщина прокуренным голосом, держа в пальцах сигарету: курила она нещадно. — Скоро придет.

Северцев посмотрел на экран компьютера, в растворе которого плавала объемная топологическая структура волнового фронта интрузии, понизил голос:

— Вы случайно не знаете, как погиб Николай?

— Не знаю, — так же отрывисто ответила сотрудница лаборатории, не глядя на него, потом подняла глаза, проговорила недовольным тоном: — Я там не была. Поговори с Лившицем.

Северцев кивнул.

Владислав Семенович Лившиц заведовал сектором и был вместе с Роциным в той злополучной экспедиции в Убсу-Нуре.

— Но, может быть, слышали что-либо не совсем обычное? Ведь Коля был сильным и подготовленным специалистом, не мог он погибнуть случайно.

Полина Андреевна хотела ответить, но посмотрела за спину Северцева и отвернулась к компьютеру. Северцев оглянулся.

В лаборатории появился маленький лысый человечек с

бородкой в сопровождении крупногабаритного парня со специфически равнодушным лицом. Это был начальник сектора геомагнитных исследований кандидат физико-математических наук Лившиц.

— Почему в лаборатории посторонние? — сухо сказал он, не обращаясь ни к кому в отдельности и не отвечая на приветствие Северцева. — Кто впустил?

— Вы меня не помните, Владислав Семенович? — постарался быть вежливым Олег. — Я друг Николая Рощина. Узнал о его гибели и решил уточнить кое-какие детали. Как он погиб?

— Выведите его, — тем же тоном сказал Лившиц, поворачиваясь к Северцеву спиной.

Молодой человек в черном костюме двинулся к Олегу, взял его за локоть, но рука соскользнула. Парень снова попытался взять гостя за руку и снова промахнулся. На лице его шевельнулось что-то вроде озадаченности. Северцев обошел парня, как пустое место, догнал начальника сектора.

— Прошу прощения, Владислав Семенович. Я знаю, что вы были с Николаем в Убсу-Нуре и привезли его тело. Он мой друг, я хочу знать, как он погиб.

Лившиц вышел в коридор, оглянулся на своего сопровождающего:

— Я же сказал — вывести этого гражданина с территории института.

Парень в черном схватил Северцева за плечо и через пару мгновений оказался притиснутым лицом к стене с вывернутой за спину рукой.

— Я бы очень хотел обойтись без скандала, — проникновенно сказал Олег. — Если вы не ответите на мои вопросы, я этот скандал вам обещаю. У меня найдется пара хороших журналистов, способных раздуть эту историю, а я обвиню вас в гибели Николая.

В глазах Владислава Семеновича мелькнула озабоченность. И неуверенность. И страх.

— Отпустите его, я позову охрану!

— Отпущу, только пусть не хватает меня за интимные части тела. — Северцев отпустил руку парня. — Итак?

— Я ничего не знаю, — с неожиданной тоской проговорил Лившиц. — Николай отправился к шурфу... а потом...

Молодой человек, сопровождавший его, помассировал кисть руки, поправил пиджак, бросил на Олега взгляд исподлобья, и тот понял, что нажил себе врага.

— Минутку, к какому шурфу отправился Николай?

— Мы обнаружили цепочку «эльфов», разделились и начали бить шурфы.

— Зачем?

Владислав Семенович посмотрел на Северцева с недоумением.

— Наша задача была — поиск пресных колодцев. Но воды мы так и не нашли. Зато нашли...

— Владислав Семенович, — со скрытой угрозой произнес парень в черном.

— Да, конечно, — опомнился Лившиц, лицо его стало деревянным, в глазах всплыла обреченность. — Николай свалился в шурф и... и сломал шею. Больше я ничего не знаю. Мы свернули экспедицию и вернулись.

Он повернулся и зашагал по коридору прочь от лаборатории, в которой работал Рошин. Северцев остался стоять, не обратив внимания на многообещающий взгляд телохранителя Лившица. Или, может быть, надзирателя. Очень было похоже, что парень не столько охранял его, сколько контролировал контакты начальника сектора с посторонними людьми.

— А как насчет «эльфов»? — негромко спросил Олег спину удалявшегося Владислава Семеновича. — Может быть, это они убили Николая?

Тот споткнулся, но не оглянулся и не ответил.

Северцев вернулся в лабораторию, подошел к Полине Андреевне, провожаемый любопытными взглядами молодых сотрудников: двух парней и двух девушек. Одна из них, симпатичная, с косой, голубоглазая, с ямочками на щеках, смотрела на Северцева с каким-то странным значением, и он отметил это про себя.

— Полина Андреевна, последний вопрос: кто еще был с Николаем в экспедиции?

— Звягинцев и Белянин, — буркнула женщина, не поднимая головы. — Но они сейчас в экспедиции за Уралом.

— И все? Они вчетвером были в Убсу-Нуре?

— Машавин еще был, но он в больнице.

— Что с ним? — удивился Северцев, вспоминая сорокалетнего здоровяка, бывшего борца, а нынче — младшего научного сотрудника института.

— Отравление, — сказала та самая девушка с русой косой и голубыми глазами. — Володя грибами отравился, еле спасли.

— Понятно, — пробормотал Северцев, подумав, что надо бы съездить в больницу и поговорить с Машавиным. — Что ж, извините за беспокойство. Все это печально. До свидания.

Он вышел в коридор, спохватился было, что забыл выяснить адрес больницы, где лежал Машавин, и в это время в коридор выскользнула голубоглазая с косой.

— Вы расследуете обстоятельства гибели Коли? — быстро сказала она.

— Не то чтобы расследую, — ответил Северцев, — но хотел бы знать, как он погиб. И что нашел.

— Они нашли пирамиды.

— Какие пирамиды?!

— Такие же, что и в Крыму нашли два года назад, подземные. Не слышали? Они заплыли почвой и все находятся в земле, некоторые совсем неглубоко. В Убсу-Нуре мальчики тоже обнаружили три пирамиды. Все три — в кластере Цутер-Элс. Коля погиб у одной из них, его нашли в шурфе.

— Я знаю, он упал в шурф и сломал шею.

— Игорь и Вася говорили, что Коля не мог свалиться в шурф вниз головой, для этого ему надо было связать руки. Вы поедете в Убсу-Нур?

— Почему вас это волнует? Вы с Николаем... э-э... дружили?

Девушка смутилась.

— Я работаю в лаборатории недавно, просто мы были знакомы. Коля был очень хорошим парнем, всегда выручал и... в общем, это не важно. Если поедете в Убсу-Нур, возьмите с собой оружие и будьте осторожны.

— Обещаю, — улыбнулся Северцев. — Как вас зовут?

— Катя. Я не верю, что Коля погиб случайно, его убили. Кстати, экспедиции в Убсу-Нур отменили все до одной и даже не докладывали о результатах на ученом совете. Это подозрительно.

— Согласен. У вас есть мобильник?

— Есть.

— Дайте номер и возьмите мой на всякий случай, будем держать связь, если не возражаете. Почему я вас не видел здесь раньше?

— Я недавно закончила инженерно-физический, устроилась сюда.

— Ждите. Приеду, мы встретимся. Надеюсь, я узнаю, почему Колю... и что это за пирамиды открыли ваши коллеги. В какой больнице лежит Володя?

— В сорок пятой, на Бакановской.

— До встречи.

Он пожал Кате руку и поспешил к выходу, жалея, что не может встретиться с ней сегодня же вечером. После обеда он собирался ехать в аэропорт Домодедово и вылететь в Туву.

* * *

К Машавину Олега не пустили.

Точнее, в больницу он прошел свободно, а у двери палаты дежурил молодой человек в черном костюме, с длинными волосами и цепким взглядом, чем-то напоминавший телохранителя Владислава Семеновича Лившица. Объяснять, почему посетителям нельзя встретиться с больным, он не стал. Просто преградил путь Северцеву и сказал два слова:

— Сюда нельзя.

На все вопросы Олега он не ответил, стоял перед дверью, заложив руки за спину, и смотрел на него, прищурясь, будто ничего не слышал и не видел.

Оглядевшись, Северцев достал пятисотрублевую купюру, однако на стража она не произвела никакого впечатления. Вел себя он как робот, запрограммированный на одно действие: никого в палату не впускать и, возможно, не выпускать. Тогда обозлившийся Северцев решил на экстре-

ординарный шаг и стремительным уколom пальца в горло парня привел его в бессознательное состояние. Поддержав, буквально внес его в палату и усадил на пол у рукомойника.

Володя Машавин, бледный, спавший с лица, лежал на кровати с забинтованной головой и безучастно смотрел в потолок. На приветствие Северцева он не ответил, но, когда Олег подошел к кровати, перевел на него взгляд, и лицо его изменилось, оживилось, в глазах зажегся огонек узнавания.

— Олег... — проговорил он с радостным недоверием.

— Привет, спортсмен, — быстро сказал Северцев. — Как здоровье?

— Поправляюсь.

— Ты действительно грибами отравился?

— Кто тебе сказал?

— Твои коллеги по работе.

— Мне по затылку чем-то врезали. Хорошо, что там кость одна, — пошутил Машавин. — Башку, конечно, пробили, но жить буду.

— За что?

Владимир потемнел, круги под глазами обозначились четче.

— Точно не знаю, но подозреваю... — Глаза его вдруг расширились: он увидел прислоненного к стене охранника. — Кто это?!

— Парню стало плохо, — отмахнулся Северцев. — Наверное, съел что-то. Не бери в голову, оклемается. Так что ты подозреваешь?

— К нам в экспедицию приезжали люди...

— Какие?

— Я их никогда раньше не встречал. Двое. Один похож на монгола или скорее индейца, второй вроде наш, с бородой и с лысиной на полчерепа. Глаза у него... — Машавин пожевал губами, поежился, — какие-то пустые, равнодушные... и в то же время жестокие...

— Что они от вас хотели?

— Предложили свернуть экспедицию и уехать. Мы посмеялись. А потом...

— Погиб Николай, так?

— Да. И Ваську Звягинцева кто-то избил ночью. Потом

Владиславу Семеновичу позвонили... Короче, уехали мы отсюда.

— А на тебя за что напали?

Машавин поморщился:

— Выпил я лишку... в компании друзей... что-то сболтнул, наверно...

— Понятно. Язык мой — враг мой. — Северцев прислушался к своим ощущениям — спину охватил озноб — и понял, что пора уходить. — Спасибо за информацию. Вы действительно нашли пирамиды?

— Целых три. — Машавин оживился. — Начали бить шурфы в точках с «эльфами»... знаешь, что это такое?

— Зоны СВЧ-излучения.

— Ну, и наткнулись на пирамиды. Громадины! Но все заплыли песком и глиной. Вершина ближайшей к поверхности лежит на глубине двух метров. Колька начал ее исследовать, нашел какой-то нарост на грани, похожий на каплю или гриб-чагу на стволе дерева...

— В отчетах есть информация об этом?

— В каких отчетах? — усмехнулся Машавин. — Владислав Семенович сдал только один отчет: подземных источников пресной воды в Убсу-Нуре не обнаружено. И все. О пирамидах — ни слова. И нам запретил говорить о них.

— Странное дело. Однако мне пора. Говорят, такие же пирамиды найдены в Крыму, не знаешь, где об этом можно почитать?

— Разве что в Интернете. Там обо всем материал можно найти.

— Отлично, поищу. Не говори никому, что я у тебя был и о чем расспрашивал. Скажешь, если придется, что я заглянул, поинтересовался здоровьем и ушел. Выздоровливай.

Олег пожал вялую руку больному, вышел из палаты, не глянув на зашевелившегося охранника.

На выходе из больницы он едва не столкнулся с двумя спешащими мужчинами в темных костюмах, один из которых был похож на монгола, но дверь тут же закрылась за ними, а выяснять, что это за люди и к кому спешат, Северцев не стал. Сел в свою выдавшую виды «Хонду» и уехал.

Глава 2

Дома он сел за компьютер и через час поисков необходимой информации нашел целый пакет сведений о Крымском феномене, как авторы статей окрестили находку тридцати с лишним подземных пирамид на Крымском полуострове.

Пирамиды были найдены группой геофизиков Украины под руководством кандидата технических наук Виталия Гоха, искавших пресную воду (!) на полуострове. Во время поиска они наткнулись на узконаправленные пучки сверхвысокочастотного излучения — «эльфы», по терминологии русских ученых, пробурили несколько пробных скважин и обнаружили пирамиды. После тестирования и анализа полученных данных выяснилось, что почти все найденные пирамиды (группа обнаружила всего семь пирамид, остальные были найдены другими исследователями) имеют одинаковую высоту — сорок пять метров и длину стороны основания — семьдесят два метра. Таким образом, оказалось, что соотношение высоты и стороны основания — 1 к 1,6 — является неким стандартом для всех древних пирамид на Земле, хотя найденные в Крыму были «допотопными», то есть созданными до Великого потопа, случившегося около 10850 года до нашей эры, как считали ученые. Самая древняя из египетских — пирамида Джосера, «мать египетских пирамид», была на пять тысяч лет моложе.

Однако основное открытие ждало геофизиков впереди.

Заинтересовавшись первыми пирамидами, они начали копать колодцы и наткнулись на странные наросты полусферической формы на гранях пирамид из серого стекловидного материала. Первую полусферу разбили и едва не поплатились за это: она была заполнена углекислым газом под давлением. Первооткрыватели еле успели выбраться из шурфа. Исследовав осколки полусферы со слоеными стенками: снаружи — гипсосиликатная обмазка и белок, затем кварц, — они поняли, что перед ними самая настоящая капсула-антенна, имеющая свойства полупроводника. Мало того, таких капсул оказалось много! Они были расположены в строгом порядке по граням пирамиды, образуя нечто вро-

де кристаллической решетки. Вся же пирамида, таким образом, представляла собой огромную сложную «микросхему», элемент антенной системы, настроенной на передачу энергии в космос. Хотя сначала исследователи этого не знали. Это стало ясно после открытия и анализа расположения других пирамид.

Как предположил начальник экспедиции Виталий Анатольевич Гох, система крымских пирамид обеспечивала когда-то энергообмен земного ядра с одной из звезд созвездия Киля, а именно — с Канопусом. И он же разработал гипотезу, по которой выходило, что другие земные пирамиды также связаны со звездами: гималайские и пирамиды Бермуд — с Капеллой, мексиканские и английские — с Вегой, египетские и полинезийские — с Сириусом¹. Что это был за обмен: передавалась энергия или принималась, — в сообщении не говорилось.

Не было там сказано и о каком-либо давлении на ученых, принявших участие в изучении пирамид. Хотя сами пирамиды реагировали на это. Сначала они были настроены дружелюбно, и все участники экспедиции даже почувствовали улучшение самочувствия, а у одного прошла стенокардия. Но когда ученые начали долбить стену пирамиды, ее излучение усилилось, начала засвечиваться фотопленка, батарейки в фонарях разряжались, а часы перестали показывать точное время, то отставая, то спеша вперед.

Несладко пришлось и людям: у них появились головные боли, головокружение, расстройство желудка, рвота. По-видимому, сработала какая-то система защиты пирамиды, предупреждающая о негативных последствиях нарушения целостности сооружения.

Северцев дважды перечитал найденный в Интернете материал, задумался. Обычно сенсации подобного рода быстро становились достоянием гласности, о них начинали говорить газеты и телевидение, а заинтересованные в заработке комментаторы устраивали яркие шоу. О крымских пирамидах знали только специалисты, судя по отсутствию сведений

¹Капелла — альфа Возничего, Вега — альфа Лиры, Сириус — альфа Большого Пса.

в прессе. А о находке подземных пирамид молчали даже научные издания.

Возможно, и тут сработала система защиты пирамид, пришла на ум неожиданная мысль. Тем, кто эти пирамиды использовал, шум вокруг них был не нужен. Но почему же защитная система сработала так жестко в Убсу-Нуре? Чем убсу-нурские пирамиды отличаются от крымских?

Северцев отпечатал на принтере найденный пакет информации о Крымском феномене и начал собираться. Его интерес к Убсу-Нуру достиг апогея. Тайну гибели Николая Рощина можно было раскрыть только там.

Когда Олег уже выходил из квартиры, зазвонил телефон. Обострившимся чутьем он определил, что звонят те же люди, которые предупреждали его «не совать нос не в свои дела». Поколебавшись немного, он трубку не снял. Закрыв дверь и вышел.

* * *

Путь из Москвы в Убсу-Нурскую котловину оказался неблизким, хотя это и не было неожиданностью для Северцева, привыкшего пересекать Россию из конца в конец. Шесть часов он летел до Кызыла, столицы Тувы, а также географического центра Азии, а потом еще шесть часов добирался на машине до поселка Эрзин, располагавшегося в предгорьях хребта Восточный Танну-Ола. Здесь находился административный центр заповедника, где ему предстояло выяснить маршрут группы геофизиков под руководством Лившица и попытаться найти проводника.

Однако и в этом богом забытом краю деньги имели вполне конкретное материальное значение и сделали свое дело: через двадцать часов после прибытия в Эрзин Северцев сидел на лошади и трусил вслед за проводником из местных старожилов, тувинцем Мергеном Касыгбаем, согласившимся за небольшую для москвича сумму денег — всего за полторы тысячи рублей — сопроводить путешественника до пустыни Цугер-Элс.

С погодой Северцеву повезло. По словам Мергена, конец июля в Убсу-Нуре обычно ветреный, а что такое ветер в

пустыне, Северцев знал не понаслышке: дважды ему пришлось пересекать Гоби и выдерживать удар песчаной бури под Карагандой. Но день двадцать седьмого июля начался солнечный и тихий, температура воздуха к полудню достигла тридцати градусов, и от жары спасало только движение.

Свой универсальный эргономический рюкзак «пилигрим», рассчитанный на все случаи походной жизни, Северцев приторочил к седлу сзади себя, карабин в чехле прикрепил к седлу справа, у ноги, чтобы его можно было достать одним движением, и всадники, выехав за пределы поселка, направились на запад, где начиналась самая северная в мире песчаная пустыня кластера Цугер-Элс.

Некоторое время Северцев любовался дюнами — от полностью лишенных растительности и развеваемых ветрами барханов до закрепленных кустарником караганой и другими пустынными растениями в подобие курганов и островков, потом заметил мелькнувший в дюнах силуэт тушканчика и догнал проводника.

— Как вы относитесь к охоте, уважаемый Мерген?

— Э, — ответил Касыгбай, не вынимая трубки изо рта.

Мергену Касыгбаю пошел восемьдесят второй год, но это был еще крепкий старик с морщинистым темным лицом и вечно прищуренными глазами, выразившими стоически философское отношение к жизни. По-русски он разговаривал с акцентом, но больше молчал или пел какие-то свои национальные заунывные песни. Курил трубку, молчал, изредка поглядывал по сторонам и снова курил, молчал и пел. Разговорить его Северцеву не удавалось, несмотря на все старания. Старик на все вопросы отвечал односложно, а о пирамидах вообще ничего не знал. Хотя и не удивился, услышав из уст московского гостя историю геофизиков, искавших в Убсу-Нуре воду, а нашедших пирамиды. Зато он отлично знал местность и мог ориентироваться на своей земле с завязанными глазами. Взять его проводником посоветовал Иван Хаев, заместитель начальника администрации Убсу-Нурского заповедника, располагавшейся в Эрзине, куда сразу заявился Северцев. Хаев, среднего пенсионного возраста мужчина, еще бодрый и подвижный, не удивился появлению Северцева, представившегося путешественни-

ком, исследователем местных легенд и фольклора, и после обязательного чаепития и расспросов гостя о столичном житье-бытье проникся к нему уважением. А когда Северцев намекнул о вознаграждении за предоставление нужной информации, заместитель и вовсе сделался словоохотливым, рассказав Олегу все, что знал сам. Получив от него пятьсот рублей одной купюрой, он самолично начертил на карте края путь экспедиции Лившица, что намного упрощало поиски пирамид. Правда, о пирамидах Хаев тоже ничего не слышал, и в душе Северцева даже шевельнулось сомнение, уж не оказался ли он жертвой изощренного розыгрыша. Однако смерть Николая Рощина в схему розыгрыша не вписывалась, а выяснить все обстоятельства его гибели, связанные с находкой подземных пирамид, можно было только на месте.

К двум часам пополудни всадники достигли буферной зоны Цугер-Элса, соединявшей собственно песчаную пустыню с предгорьями Танну-Ола. Здесь располагалось уникальное по всем параметрам, как говорили Северцеву, пресное озеро Торе-Холь — настоящее птичье царство. На его берегах устроили гнездовья множество видов водоплавающих птиц: лебеди, гуси-гуменники и серые, бакланы, озерные и сизые чайки, черноголовые хохотуны, кулики и даже цапли. Такого разнообразия птиц Северцев еще не встречал в столь пустынных местах, а заметив низко летящего красного ястреба, понял, почему озеро считается уникальным: оно поило птиц, наверное, чуть ли не всей Убсу-Нурской котловины.

Проехали курган с каменной глыбой на вершине, затем несколько возвышенностей с цепочкой стел. Северцев не выдержал, свернул к этим стелам и некоторое время изучал выбитые на плоских боках стел изображения диковинных животных. По рассказу Хаева он знал, что территорию котловины заселяли еще с каменного века и что здесь обнаружено более трех тысяч памятников культуры различных эпох: курганов, могил, поминальных сооружений, стел, поселений, временных стоянок, петроглифов, — но встречался с ними впервые. Не верилось, что эти памятники никем

не охраняются и до сих пор не разграблены, хотя многие из них имели весьма почтенный возраст — до сорока тысяч лет.

Проехали еще один курган с округлой каменной насыпью и цепочкой стел. Это был херексур — поминальный памятник, свидетельствующий о заслугах похороненного здесь человека.

— Могила? — кивнул на курган Северцев.

— Э, — ответил проводник равнодушно. — Хунны. Везде много.

Северцев его понял. Кочевников, пусть и древних, аборигены-тувинцы, обосновавшиеся в этих местах в пятом веке до нашей эры, не шибко уважали.

К вечеру небольшой отряд достиг подножия горы Улуг-Хайыракан и остановился на ночлег у священного для всех тувинцев источника Ак-Хайыракан, где была оборудована специальная стоянка. По преданию, его вода излечивала все болезни, но чтобы духи источника не прогневались, возле него нельзя было шуметь, мусорить и пачкать воду.

Стоянка оказалась пустой, хотя, если судить по следам, недавно здесь располагался целый цыганский табор: тут и там виднелись брошенные пустые банки из-под пива, обрывки газет, кости и прочие «следы цивилизации». Отдыхавшие здесь явно не соблюдали законов чистоты и порядка, оставив после себя мусор. Северцев пожалел, что не застал туристов во время ухода. Он нашел бы способ заставить их убрать территорию стоянки.

Чтобы не чувствовать себя грязным, он решил поставить палатку подальше от источника, в сотне метров, гостеприимно предложил проводнику поселиться в ней, но старик отказался.

— Буду костер, — сказал он. — Ночь теплый. Спи, однако.

Олег настаивать не стал. Палатка была односпальная, и двоим в ней спать было бы тесно. Он сходил к источнику, напился, отмечая своеобразный вкус воды, набрал полную флягу и котелок Мергена — для чая. Поужинали овсяной кашей, которую ловко сварил Касыгбай, и вяленым заячьим мясом домашнего приготовления. Северцев с удовольствием осушил кружку чаю, разглядывая звезды, прогулялся с карабином под мышкой по террасе, за которой начиналась

гора Улуг-Хайыракан — темная глыба на фоне закатного неба, напоминающая голову слона, поднялся повыше. Пришло неуютное ощущение, что за ним наблюдают. Северцев повертел головой, ища направление взгляда, и в это время в кармане куртки зазвонил мобильный телефон. Не веря ушам, он вытащил трубку, озадаченно глянул на засветившийся экранчик. Номер абонента не идентифицировался. И вообще было невозможно представить, чтобы в Убсу-Нуре стояли ретрансляторы московской сотовой связи да еще чтобы кто-то здесь знал номер сотовика Северцева.

Он включил телефон.

— Олег Николаевич? — раздался тихий женский голос.

— Катя?! — удивился Северцев. — Вы где?!

— В Москве, конечно, — прилетел серебристый смешок девушки. — Хорошо, что я до вас дозвонилась.

— Каким образом? Разве в Убсу-Нуре есть пункты связи МСС?

— Московская сотовая имеет свой спутник, и он сейчас как раз пролетает над Кызылом и теми местами.

— Ах вон в чем дело! А я голову ломаю — кто мне звонит?.. Откуда вы знаете о спутнике? — спохватился он.

— У меня подруга в МСС работает, я узнавала.

— Слушаю вас. Что-нибудь случилось?

— Володя Машавин умер. И вас ищут.

— Умер?! Володя?! Когда?!

— Сегодня после обеда.

Сраженный известием, Северцев не сразу нашелся что сказать.

— Черт побери! Как же это?! Я же с ним разговаривал... он был почти в норме...

— Я не знаю подробностей. Но будьте осторожны. К нам в лабораторию приходили какие-то незнакомые люди и спрашивали о вас.

— Что за люди? Из милиции?

— Не похоже. Один бронзоволицый, узкоглазый, похож на... — голос девушки стал слабеть, потом и вовсе исчез. По-видимому, мобильник Северцева вышел из зоны устойчивого приема спутника. В трубке остался лишь пульсирующий шелест фона. Затем канал связи отключился.

— Похож на монгола, — закончил Северцев за Катю, вспоминая встречу в больнице с двумя спешащими мужчинами, один из которых тоже был похож на монгола. Если к этому прибавить еще и слова Машавина о незнакомцах (один — похож на монгола или индейца, второй — лысый, с бородой), приходивших в лагерь геофизиков, то вывод напрашивается сам собой: за геофизиками, открывшими в Убсу-Нуре пирамиды, установлено наблюдение. Кто-то очень не хочет, чтобы информация об этом выходила за пределы узкого круга людей, и убирает источники утечки этой информации. А поскольку Олег Николаевич Северцев, «вольный старатель» и путешественник, в этот круг не входит, следовательно, он также является потенциальным источником утечки информации... со всеми вытекающими. — Ну, суки! — проговорил Олег сквозь зубы, пряча мобильник. — Я до вас доберусь!..

На душе стало муторно и беспокойно. Пришло ощущение, будто он упустил из виду нечто важное. Однако мысли были заняты другим, было жаль Машавина, в душе зрел гнев на неизвестных убийц, и к палатке Северцев пришел в состоянии раздрая и злости, твердо решив довести дело до конца.

Мерген сидел у костра в позе лотоса и курил трубку, глядя на огонь непроницаемыми глазами. Олег присел рядом, хотел рассказать старику о смерти приятеля, но передумал. Тувинцу его переживания были ни к чему. Посидев немного, Северцев забрал карабин и полез в палатку, мечтая побыстрее выйти в путь. Включив фонарик, он долго разглядывал карту Убсу-Нура и пунктир экспедиции Лившица. Судя по карте, до первой найденной геофизиками пирамиды оставалось всего с полсотни километров.

Уснул он сразу, как только затянул «молнию» спальника.

А проснулся через два часа от острого чувства тревоги. Прислушался к тишине ночи.

Костер горел все так же, постреливая искрами, бросая на полотно палатки движущиеся отблески и тени. Но проводника не было видно, хотя до того, как уснуть, Олег ясно видел на стенке палатки его тень.

Где-то в отдалении скрипнул под чьей-то ногой камешек.

Олег выбрался из спальника, взял карабин, отстегнул клапан в торце палатки, выполняющий в случае необходимости функцию запасного выхода, и выглянул наружу. Палатка стояла входом к костру, и ее задник находился в тени. Никто к ней с этой стороны не подкрадывался. Северцев заставил сопротивляющийся со сна организм перейти в боевое состояние и, как был — в одних плавках и босиком, тенью метнулся в темноту, за несколько секунд преодолев около полусотни метров. Припал к земле, ощупывая окрестности всей сферой чувств.

Вокруг по-прежнему царила тишина, если не считать тихого фыркания лошадей, однако в ней явственно ощущалось движение. К лагерю путешественников подбирались с двух сторон какие-то люди. Трое. Если не считать еще одного человека, находящегося в отдалении, у источника Ак-Хайыракан, в сотне метров от палатки. Возможно, это был проводник Северцева Мерген Касыгбай.

— Спасибо, Катя, — проговорил Северцев беззвучно, вдруг осознавая, что предупреждение девушки заставило его мобилизовать интуитив-резерв и почувствовать опасность еще до момента ее физического проявления.

Везет тебе, парень, мелькнула мысль. До чего удачно все сложилось: и она позвонила вовремя, и спутник пролетал над Убсу-Нуром в нужный момент...

Мысль ушла. Пришла пора действовать. Люди, подкрадывающиеся к палатке, вряд ли имели добрые намерения.

Северцев снова уск ори л с я, сделал изрядный крюк, заходя в тыл неизвестным охотникам, и бесшумно скользнул за ними, пока не подобрался почти вплотную. Они были хорошо видны на фоне догорающего костра, в то время как он был практически невидим в ночной темноте, на фоне гор.

Двое незнакомцев двигались очень тихо, профессионально, и были одеты в пятнистые маскировочные комбинезоны. Оружия их видно не было, но вряд ли они шли невооруженными. С другой стороны палатки показался третий участник «десанта». В руке его блеснул металл.

Все трое остановились в десяти шагах от костра, вслушиваясь в тишину, затем тот, что шел один, бросился к палатке, дернул за «молнию» и одним движением распахнул полог, в то время как двое его сподвижников прыгнули вперед, вытягивая руки с пистолетами, целя в глубь палатки.

Немая сцена длилась ровно одну секунду.

Северцев клацнул затвором карабина и негромко командовал:

— Стоять! Оружие на землю!

Дальнейшее произошло в течение трех-четырех секунд.

Ночные гости в камуфляже были профессионалами и отреагировали на окрик с похвальной оперативностью и слаженностью. Все трое мгновенно отпрянули от палатки, умело растягивая фронт обороны, и начали стрелять, еще не видя противника. Северцев был вынужден ответить и нырнул на землю, обдирая грудь о мелкие камешки.

Один из визитеров вскрикнул: заряд картечи нашел его в темноте. Северцев выстрелил еще раз. Попал. С криком второй визитер выронил оружие, согнулся и, прихрамывая, рванул в спасительную темноту. За ним метнулись остальные, почувствовав серьезность намерений противника, растаяли за барханами пустыни. Наступила тишина. Полежав еще пару минут на холодной земле, Северцев встал и подошел к палатке, поднял пистолет.

Это был двенадцатизарядный «форт-12» калибра девять миллиметров, созданный оружейниками Украины. С виду он напоминал российский «макаров», да и по некоторым параметрам не уступал ему, но был далеко не лучшим типом оружия индивидуальной защиты, а уж для штурмовых операций и вовсе не годился. Почему ночные визитеры пользовались именно таким оружием, было непонятно. Разве что они представляли собой некое «самостийное» спецподразделение.

Послышались чьи-то шаркающие шаги.

Северцев поднял ствол карабина, готовый открыть огонь.

Но это оказался проводник, ничуть не изменивший своего меланхолического отношения к происходящим в мире событиям.

— Зачем стрелял? — спросил он равнодушно.

— Дикие гуси пролетали, — хмыкнул Северцев, имея в виду ночных охотников.

— Ночь гусь не летит, — не понял юмора Касыгбай. — Не надо шум. Спокойно, однако.

— А разбойников у вас не водится? — поинтересовался Олег.

— Был мулдыз, кочевник, давно. Сейчас нет. Спи, однако.

— Ошибаешься, отец. Есть тут разбойники, и вооружены прилично. — Северцев взвесил в руке пистолет, бросил в палатку. — Хотелось бы знать, что им было нужно.

Не глядя на застывшего старика, он достал из рюкзака клочок ваты, намочил водой из фляги и осторожно протер ищарапанную грудь. Затем залез в палатку и лег спать, справедливо полагая, что второй раз раненные картечью «спецназовцы» не сунутся. Олег наглядно показал им, что обладает немалым боевым опытом и способен защищаться.

Глава 3

Лошади во время ночного инцидента, к счастью, не пострадали.

Северцев обошел территорию лагеря вплоть до источника, никаких следов, кроме нескольких гильз, не обнаружил и влез на своего низкорослого, но крепкого конька, которого уже оседлал Мерген. Проводник ни словом не обмолвился о ночной перестрелке, будто ему это происшествие было глубоко безразлично. А Северцев пришел к выводу, что за ним идут те же люди, что убили Николая Рощина и Володю Машавина. Они знали, куда и зачем направился известный своими открытиями путешественник, и явно хотели его остановить. Любыми способами. Не учли они только одного: их объект был не просто путешественником, но специалистом по выживанию в экстремальных условиях.

Снова перед всадниками распростерся пустынный пейзаж до горизонта с редкими скальными останцами, барханами и мелкими ложбинами. Проехали два херексура с кольцевыми каменными оградами, в окружении стел, но оста-

навливаясь Северцев не стал. Для изучения херексуров и стел нужна была специальная экспедиция, а у него была другая цель. К тому же ощущение взгляда в спину не проходило, и это обстоятельство подстегивало желание Олега быстрее добраться до конечного пункта пути.

Датчики магнитного поля и СВЧ-излучения он включил сразу же, как только сел в седло. Однако не ожидал, что они сработают задолго до того, как отряд приблизится к первому месту стоянки экспедиции Лившица. Впрочем, самым удивительным фактом оказался не момент срабатывания датчиков, а ощущения самого Северцева. Когда проводник свернул к возникшей справа террасе, за которой начинались отроги Танну-Ола, Олег вдруг почувствовал странный беззвучный удар, встряхнувший голову изнутри, и лишь потом включились датчики, отметив резкое возрастание интенсивности электромагнитного фона. А потом Северцев сообразил, что они с Мергеном стоят уже на террасе с крутыми глинисто-скальными склонами, хотя еще минуту назад находились от нее на расстоянии никак не менее пяти-шести километров.

— Здесь, однако, — сказал Касыгбай, ничуть не удивившись «подпространственному» скачку, перенесшему всадников на террасу.

Правда, Северцев подозревал, что он просто отвлекся, занятый созерцанием пейзажа и оценкой обстановки, поэтому и не заметил, как они взобрались на террасу, где почти месяц назад располагался первый лагерь геофизиков.

Терраса представляла собой плоское пространство до ближайших горных откосов, поросшее травой и редким низкорослым кустарником. Сложена она была из глинисто-песчаного материала осадочного происхождения с тонким слоем почвы, на котором хорошо были видны следы раскопок. Подъехав поближе, Северцев увидел кучи песка с вкраплениями камней и дыру шурфа, спешил.

Шурф был глубокий — около шести метров, в нем еще торчала сухая лесина, игравшая, очевидно, роль лестницы. СВЧ-датчик в этом месте показывал интенсивность излучения, в двадцать раз превышающую природный фон.

— Злой дух, однако, — сказал Касыгбай, не торопясь слезать с коня. — Дышит. Светисса. Плохой место. Нельзя.

— Тут ты прав, — кивнул Северцев. — Долго здесь находиться нельзя, импотентом можно стать.

— Палатка тут ставить? Дальше ты сам?

— Нет еще. — Северцев достал карту, расстелил на куче песка. — Мне надо попасть примерно вот сюда. — Он ткнул пальцем в точку на маршруте экспедиции Лившица, где, по его расчетам, находилась вторая пирамида. Ее-то и исследовал Николай Рошин.

— Совсем плохой место, однако, — бесстрастно сказал Мерген. — Там Бурхан живет, шибко сердисса.

— Я доплачу, — быстро сказал Северцев. — Еще пятьсот рублей.

— Зачем, однако, — покачал головой старик. — Бурхан шибко злой, плохо всем. Жертвы приноси, однако.

— Что ему надо? — поинтересовался Северцев, зная, что Бурханом тувинцы зовут местное божество, родственника русскому Перуну.

— Пить, еда, молисса надо.

— С едой и питьем проблем не будет, а молиться я не умею. Может, ты попробуешь?

— Зачем пробоват? — с достоинством проговорил проводник. — Мерген молитва много знай, петь хоомей¹ всегда.

— Ну и отлично. Вот тебе пятьсот наших, еще столько же получишь, когда доберемся до места. А о пирамидах ты так-таки ничего и не слышал? Неужели никто из жителей края не знает о подземных пирамидах?

Касыгбай спрятал купюру в карман халата, снял шапку с меховой оторочкой (он носил ее даже в жару), погладил макушку и снова надел.

— Ничего не знай, однако. Земля есть много все, зачем копать? Пусть лежит. Предки ушел, нужный все с собой забрал. Нам совсем другой нада.

Северцев с любопытством посмотрел на разговорившегося Мергена. Показалось, что старик нарочно коверкает слова для придания речи местного колорита. Касыгбай от-

¹Хоомей — горловое пение.

ветил ему непроницаемым взглядом и направил коня в обход брошенного шурфа. Северцев пожал плечами, взобрался на своего скакуна, двинулся вслед за проводником. Ощущение скрытого наблюдения не проходило, хотя вокруг до самого горизонта не было видно ни одной живой души. Если за всадниками и следили, то издали, в бинокли, а может быть, и со спутника.

Улыбнувшись предположению, Северцев поднял голову, но увидел лишь медленно кружащего над горами черного коршуна.

Через два часа пустынный пейзаж Цугер-Элса сменился степью. Поднявшись на высокую террасу реки Тес-Хем, Северцев увидел несколько разномастных курганов, соединенных цепочками стел и скальных выступов. Проводник поехал медленнее, разглядывая почву под ногами лошади, затем свернул к небольшой возвышенности с группой скал на вершине.

Копыта лошадей зацокали по камням. Трава почти исчезла. Возвышенность была сложена из обломков камней и песка, напоминая моренный язык. На самой ее вершине красовался угловатый камень с выбитыми на боках изображениями странных многоногих животных. Недалеко от камня виднелись свежие кучи песка и щебня, вынутые из неглубокого — в два метра — колодца.

— Сдеся пришел, однако, — сказал Мерген. — Ищи свой пирамит. Деньги давай. Бурхана жди. Я уходить, однако.

— Мы так не договаривались, — возразил Олег. — Ты должен ждать меня, пока я закончу свои поиски. Мне в любой момент может понадобиться лошадь. К тому же, возможно, придется идти дальше, искать другие «эльфы».

— Искать твой проблем. Эльф тут нет, однако. Место плохой, гудит, Бурхан сердисса.

— Ничего, переживет твой Бурхан. А сунется — у меня найдется для него подарок. — Северцев красноречиво хлопал по прикладу карабина. — Не разочаровывай меня, дедушка. Ты согласился помогать мне. Кстати, здесь убили моего товарища, и мне очень хочется узнать — за что.

Глаза Касыгбая сверкнули. Но тон его речи не изменился.

— Смерть причина знать, — сказал он с философским безразличием. — Ничего нет без причина. Однако я остаюсь. Подождать день.

— И на том спасибо, — с облегчением прыгнул с лошади Северцев.

Он поставил в двадцати шагах от шурфа — рядом с камнем — палатку, переоделся в спортивное трико, взял датчики, лопату, воду и поспешил к полутораметровой ширины яме, вырытой месяц назад геофизиками.

Датчики по-прежнему фиксировали высокую ионизацию воздуха в радиусе двадцати метров от шурфа, да и сам Олег чувствовал себя неуютно. Во рту появился железистый привкус, в ушах поселился надоедливый комар, мышцы желудка то и дело сжимались в предчувствии спазмов, сердце порывалось работать с частотой пулемета, и успокоить его было непросто. Все эти признаки прямо и косвенно указывали на некую физическую аномалию, в эпицентр которой попал Северцев, и он, не раз испытывавший на себе давление геопатогенных зон, перестал сомневаться в успехе своего предприятия. Даже если в этом месте располагалась не пирамида, все равно это явно был экзотический объект, информация о котором тщательно скрывалась. Кем и для чего — предстояло выяснить. А поскольку Северцев был упрям, остановить его мог, наверное, только взвод спецназа или сам Бурхан, злой дух этих мест.

Такой аппаратуры, какую имели геофизики Лившица, у Олега не было. Но и с помощью той, какая была: датчики магнитного поля, радиации и СВЧ-излучения, электромагнитный сканер, УКВ-локатор, ультразвуковой локатор, шупы, компьютер для анализа и обработки данных полевой обстановки, все — современное, миниатюрное, легкое, — он уже к вечеру определил контуры находки. Это действительно была пирамида, заплывшая песком, глиной, осадочно-обломочным материалом и почвой. Вершина ее скорее всего находилась именно в точке, где Николай Рошин начал долбить шурф, но до нее он так и не добрался. Помешала смерть.

— Хрен вам! — показал кулак неизвестно кому Север-

цев, выбираясь из ямы. — Не дождетесь! Я все равно докопаюсь до истины!

Вечерело, и углублять шурф он решил утром, хотя руки зудели от нетерпения, а душа жаждала деятельности. Тем не менее Олег заставил себя успокоиться, собрал приборы, оставив в земле шупы для определения узлов сети Хартмана, и вернулся к палатке, где проводник, с любопытством наблюдавший издали за его деятельностью, уже развел костер.

Ночь прошла спокойно.

Мерген никуда не уходил, сидел у костра, поджав под себя ноги, подбрасывал в огонь ветки, курил и пел. На горловое пение его заунывные мелодии походили мало, но злых духов оно, очевидно, отгоняло. Никто к костру за ночь не подошел. Северцев же провел ночь в полудреме, с карабином под рукой, готовый в случае опасности дать отпор любым ночным визитерам.

Наутро после завтрака он начал углублять и расширять шурф Николая и почти сразу же наткнулся на камень, оказавшийся вершиной пирамиды. К полудню Северцеву удалось очистить эту четырехгранную вершину почти на метр. Однако о полном освобождении пирамиды можно было только мечтать. Для такой операции требовались люди, время и техника — экскаваторы и бульдозеры, а этого как раз у Северцева и не было. Может быть, какие-то хозяйства или строительные организации на окраинах Убсу-Нурской котловины и имели экскаваторы, но их еще надо было отыскать, а главное — каким-то образом уговорить или заинтересовать владельцев начать раскопки. Но таких полномочий и связей Олег не имел. Прикинув свои возможности, он все же решил добраться до капсулы антенного излучателя, какие обнаружили геофизики Гоха в Крыму, и рассчитал точку, где надо было бить шурф.

В этом месте в террасе наблюдалась неглубокая низинка, что немного сокращало глубину шурфа, хотя Северцев понимал, сколько сил и времени придется потратить на это мероприятие. Но отступать он не любил. Цель была поставлена, и ее надо было осуществить, пусть и ценой тяжелой работы.

После обеда он начал рыть новый колодец, ощущая не-

обычный подъем энергии. Вспомнились высказывания украинских геофизиков об улучшении самочувствия в местах расположения пирамид. Эффект был тот же, а это уже указывало на взаимосвязь пирамид, сетью опутавших всю Землю. Для чего древним строителям понадобилось создавать такую сеть, трудно было представить, но глобальные масштабы явления говорили сами за себя. Тот, кто проектировал пирамиды, знал их предназначение и смотрел в будущее. Даже после катастроф и природных катаклизмов, заплыв песком, осадочными породами и почвой, пирамиды продолжали работать! Неясным оставалась главная цель их создателей: созидать или разрушать. Отсасывать энергию ядра Земли для своих нужд и тем самым снижать сейсмическую и вулканическую активность, стабилизировать положение или насыщать ядро энергией, заставлять планету вибрировать, создавать энергетические резонансы и, как следствие, доводить ситуацию до катастрофических последствий. Таких, к примеру, как Всемирный потоп. Или «ядерная зима»!

Задумавшись, Северцев не сразу уловил изменения в окружающей среде, а когда спохватился, почуяв спиной дуновение холодного ветра угрозы, было уже поздно.

Он выкопал яму глубиной по грудь: грунт в низинке оказался мягким, песчано-гумусным, и работа шла споро. Карабин Олег оставил неподалеку от шурфа, прислонив к глыбе камня, на которую положил мобильник и повесил футболку — день выдался жарким. Но когда Северцев захотел вылезти из ямы и взять карабин, его остановил металлический лязг затвора. Он поднял голову и увидел в десяти шагах Мергена, направившего на него ствол карабина. Замер, еще не понимая смысла происходящего.

— Эй, дедушка, не балуйся! Он заряжен.

— Сиди там, не вылезай, — сказал Касыгбай равнодушно. — Ты быстрый, я знаю, но пуля быстрее.

— Понятно, — усмехнулся Северцев. — Оказывается, ты вполне сносно говоришь по-русски, практически без акцента. Пришла пора снимать прикуп? Показывай свои два туза.

— Ты умный, но недалекий, — усмехнулся в ответ ста-

рик. — Зачем не послушался совета? Сидел бы у себя дома в Москве, живой и здоровый, или ехал бы сейчас в Североморск. Там тоже интересно. А теперь вот придется мучиться, искать компромисс.

— Неужели компромисс возможен?

— Не знаю пока. Я только смотритель пирамид Убсу-Нурской системы, защищаю ее от любопытных, а решают судьбы другие люди.

— Люди?

В глазах Касыгбая зажегся и погас огонек.

— Может, и не люди.

— Не те ли молодцы, что вчера ночью хотели меня ликвидировать?

— Хотели бы — ликвидировали бы. Ты был нужен им живой.

— Зачем?

— Они все сами скажут, потерпи немного. Скоро они будут здесь.

Северцев прикинул свои шансы выбраться из шурфа и отнять у проводника карабин, но с грустью констатировал, что не успеет. Судя по хватке Мергена, рука у него была твердая, и он наверняка выстрелил бы раньше. Влип, что называется! Но кто же знал, что этот древний абориген окажется стражем пирамид?!

Северцев снова огляделся. Чем бы его отвлечь?..

— Что ж, давай поговорим... смотритель. Или ты не уполномочен вести переговоры?

— Ты слишком любопытен.

— Такая натура, — сокрушенно развел руками Северцев. — Но ведь я в твоей власти, разве нет? Куда сбегу? Почему бы тебе не удовлетворить мое законное любопытство?

Мерген сел на камень, продолжая держать Олега под дулом карабина, сунул в рот трубку, закурил.

— Меньше знаешь — дольше живешь.

— Я предпочитаю жить иначе. Итак, по всему миру найдены сотни пирамид, половина которых, если не больше, сидит в земле. Теперь я понимаю, что это система. Зачем вы ее создавали?

— Не мы, — качнул головой Касыгбай. — До нас.

— Хорошо, ваши предки десять тысяч лет назад.

— Еще раньше. Многие пирамиды созданы миллионы лет назад.

— Даже так? Любопытно. Однако я о другом. Зачем она вам? Для чего служит? Для раскочки глубинных процессов в ядре Земли или для успокоения?

— Ты догадливый, догадайся сам, — раздвинул губы в ироничной усмешке проводник.

Северцев прищурился. Его вдруг осенило:

— Десять тысяч лет назад случился Всемирный потоп. Как говорят ученые — из-за резкой смены полюсов. Цивилизация погибла, началась новая эра. Вероятно, старая цивилизация чем-то вас не устраивала, вот вы ее и угробили. Может быть, и новая тоже не устраивает? И вы готовите еще один потоп? Или что-то пострашней? Апокалипсис? Всеобщее тектоническое светопреставление?

— Браво, Олег Николаевич! — раздался за спиной Северцева чей-то хрипловатый бас. — Вы просто гений!

Он обернулся.

К нему подходили трое мужчин в камуфляже: один молодой, с квадратным лицом, на котором выделялись тонкие усики, и с пустыми глазами лакея, второй — лысый, широкий, мощный и третий — похожий на монгола, с косыми глазками-щелочками и бронзовым лицом. Все трое держали в руках знакомые пистолеты «форт-12», а у «монгола» в руках была еще черная сумка.

— Спасибо, Мерген, — продолжал лысый с цепкими и умными, но злыми глазами. — Можешь возвращаться.

— А он? — Касыгбай отложил карабин, не торопясь встал.

— Он останется. — Лысый нехорошо улыбнулся. — Возможно, навсегда.

Проводник молча повернулся и двинулся к палатке Северцева, возле которой стояли лошади. Сел на коня и, все так же не оглядываясь, направился по склону возвышенности к горам. Пропал за курганами.

— Что же нам с тобой делать, орел? — присел на корточки у шурфа лысый. — Ты же нам всю обедню испортил, за-

ставил пересмотреть планы, гоняться за тобой. Потерпел бы месяц...

— Свон! — произнес «монгол» гортанным голосом.

Лысый отмахнулся:

— Помолчи, Улар! Не надо было убивать геофизика! Ничего особо секретного он бы не нашел. А так мы всполошили спецслужбы и усугубили ситуацию. На активацию системы уйдет не меньше трех недель, а за нами уже началась охота.

— Мы успеем.

— Боюсь, ты ошибаешься. — Лысый сплюнул в шурф, изучающе разглядывая невозмутимого Северцева. — С кем еще ты поделился своими гениальными умозаключениями, мистер одиночка?

— С кем надо, — ответил Олег, глянул снизу вверх на «монгола»; впрочем, парень и в самом деле больше был похож на индейца — разрезом глаз и крупным хищным носом. — Это ты убил Колю Рошина? И Володю Машавина?

«Индеец» ответил безразличным взглядом, промолчал.

— Рошин оказался здесь в момент настройки антенны, — сказал лысый. — Мы не могли оставить его в живых. Так получилось.

— Значит, я прав? Вы действительно готовите потоп?

— Всего лишь очередной переворот земной оси. Который повлечет за собой очищение планеты от агрессивной и жестокой цивилизации.

— Так это вы уничтожили Атлантиду?

— Не мы — наши предшественники. И не только Атлантиду, но и Гиперборею — там теперь роскошный Ледовитый океан, и Лемурию, и Мерию, и Славь, и Ланну, и около двух десятков других культур. Что поделаешь, человечество не желает учиться на своих ошибках, вот и приходится корректировать эволюцию. Для вашего же блага.

— Откуда вы такие добрые, ребята? — усмехнулся Северцев. — С Канопуса? С Веги? С Сириуса?

— Нет, мы местные, — покачал головой лысый, не поняв юмора. — Но, как вы верно заметили, не люди. Однако пора прощаться, Олег Николаевич. Может, все же скажете,

с кем вы поделились информацией? Мы вас и не мучили бы, просто пристрелили бы, и все.

— Спасибо за гуманизм, господин нелюдь. Что-то мне не хочется облегчать ваш нелегкий труд.

— Жаль, придется идти по пути допроса третьей степени. Могилу вы себе выкопали не очень глубокую, но тем не менее уютную. Да и недолго лежать в ней будете. Через месяц все здесь над генератором геоконтроля превратится в излучение. Надеюсь, вам будет приятно осознавать, что вы станете частицей этой энергии.

— Дайте его мне, — сделал шаг вперед молодой человек с усиками. — Он мне ногу прострелил, все расскажет.

Лысый разогнулся:

— Займись им, Кут. Прощайте, Олег Николаевич. Вы сами выбрали свою дорогу.

— Мерген возвращается, — сказал вдруг «индеец». — Что-то случилось.

Все трое посмотрели на горы.

В то же мгновение Северцев выпрыгнул из ямы и ударил парня с усиками по колену, добил на лету ребром ладони по горлу. «Индеец» обернулся, выстрелил в него, не попал. И вдруг захлопали выстрелы, «индеец» схватился за плечо, выронил пистолет, бросился бежать. Лысый оглянулся, направил свое оружие на Северцева, но выстрелить не успел. Олег прыгнул, перехватил руку противника, вывернул — и пули прошли мимо. Лысый ударил его кулаком в затылок, выхватил нож, однако Северцев уклонился — лезвие ножа процарапало живот — и ударил противника в лицо растопыренной ладонью. Тот отлетел назад, снова бросился на Олега и вздрогнул, широко раскрывая глаза. Выронил нож, повернулся вокруг своей оси, повалился на землю лицом вниз.

Северцев увидел на его спине след пули, поднял голову. Из-за курганов вывернулся еще один всадник со снайперской винтовкой в руке. Выстрелил в «индейца». Тот упал. Мерген в это время приблизился, и Северцев не поверил глазам: это был не проводник.

— Катя?! — поразился Олег. — Какими судьбами?!

Девушка спрыгнула с коня, одетая в халат и шапку с ме-

ховой оторочкой. Издали ее действительно можно было спутать с Мергеном.

— Простите, Олег Николаевич, что пришлось задействовать вас в операции без вашего ведома. Но обстановка требовала нестандартных решений, и мы воспользовались нечаянно дарованной ситуацией.

Она подошла к лысому, наклонилась:

— Помогите.

Вдвоем они перевернули тело на спину, Олег дотронулся пальцами до шеи лысого:

— Жив.

— Котов стрелял издали, оберегая вас, мог и промахнуться. — Она достала брусок рации, вытащила антенну. — Седьмой, отбой прикрытие. Срочно подавайте вертолет, у нас раненые.

— Кто вы? — спросил Северцев оторопело.

Катя сняла шапку, устало провела по лицу ладонью.

— Не догадались?

— Федералы?

— Особое управление по исследованию и использованию эзотерических ресурсов. Я действительно работаю в секторе Лившица недавно, хотя переведена туда вовсе не из геофизического института. Но это детали.

— Вы знали о существовании... этих людей?

— Положение серьезное, Олег Николаевич. На Земле существует некая организация, контролирующая развитие человечества, и она давно готовит... м-м, скажем так, переворот. То есть готовится резкая смена угла наклона вращения планеты для сброса накопившейся энергии через пирамиды.

— Вы и это знаете?!

Катя улыбнулась, подошла к нему:

— У вас кровь на груди. Вы ранены?

— Пустяки, оцарапался о камни. Но у меня вопрос...

— Нам предстоит долгий разговор, Олег Николаевич. Система пирамид существует в реалиях. Только на территории нашей страны обнаружено около сотни пирамид, а по всей Земле их насчитывается около тысячи. Люди, а точнее — нелюди, которые убили Николая и хотели ликви-

ровать вас, уже почти настроили систему, синхронизировали и готовят к запуску. Их надо остановить. В связи с чем у нас к вам есть деловое предложение. Я знаю, что вы являетесь «свободным художником», искателем приключений и не работаете на какую-либо государственную или частную контору. Не хотите поработать у нас? Приключения я вам гарантирую.

Северцев, ошеломленный не столько быстрой сменой событий, сколько открывшейся ему перспективой, услышал далекий рокот винтов, оглянулся.

Над пустыней Цугер-Элс летел вертолет.

— А если я не соглашусь, вы меня... убережете?

Катя улыбнулась, становясь юной и красивой, как фея.

— Вы согласитесь, Олег Николаевич.

Северцев улыбнулся в ответ, зная, что она права. Одиночество уже начинало ему надоедать. Да и кто на его месте отказался бы спасти мир?..

Я ВАС ПРЕДУПРЕДИЛ

Эскадра черных «драконов» в количестве двадцати шести боевых единиц вторглась в Солнечную систему перпендикулярно плоскости эклиптики двадцать второго июня в четыре часа утра по времени Москвы.

Первым эскадру заметил патруль Пограничной службы, контролирующей окраины жилой зоны Системы, база которого располагалась над северным полюсом Солнца на расстоянии ста миллионов километров от него. Мгновенно определив, что за гости пожаловали во владения человечества, командир патруля Петер Пршибил доложил о случившемся на базу и повел свою малочисленную — в четыре единицы — эскадрилью навстречу врагу. Входили в эскадрилью рейдер «Югославия» — флагман, бриг «Сербия», корвет «Словакия» и шлюп «Единая Корея».

Однако пока эскадрилья мчалась на перехват «драконов», чужаки успели разнести в пыль знаменитый телескоп «Хаббл-10», обсерваторию «Киевская» и физический ядерный центр «Европа», вынесенные подальше от человеческих поселений над плоскостью эклиптики. Бросившийся им наперерез пограничный эсминец «Палестина» был также уничтожен, успев лишь дать один залп из плазменных орудий, не принесяший успеха.

Затем черная эскадра разделилась: дюжина «драконов» — а корабли агрессивной цивилизации действительно напоминали по форме чудовищных драконов со сложенными крыльями, какими их описывали земные литераторы, — метнулась к Марсу, уже обжитому землянами, а остальные нацелились на Землю, прикрытую достаточно мощным космическим флотом.

— Атакуем первую группу! — принял решение Петер Пршибил, выводя свой отряд навстречу отделившимся пришельцам. — Включаем маскиры! Маневр!

И корабли патруля, накрытые силовым полем, поглощающим практически любые виды излучений, словно растворились в космосе, исчезли, в то время как хищные «драконы» продолжали оставаться доступными средствам наблюдения землян. Почему они не маскировались, используя поляризационные свойства вакуума, осталось тайной. Впрочем, пограничников это в данный момент не интересовало. Патруль вышел на ударную позицию и дал залп из аннигиляторов, в первые же секунды боя уничтожив и повредив три головных «дракона».

Однако силы были слишком неравными. К тому же «драконы» почему-то легко находили спрятавшиеся за маскировочным полем земные корабли.

Ответный залп пришельцев развалил надвое шлюп «Единая Корея» и разрезал на три части рейдер «Югославия». Затем наступила очередь брига «Сербия», от которого осталась лишь головная часть обтекателя. Дольше всех сражался корвет «Словакия», успевший повредить еще два «дракона». Но и он не выдержал очередной огненной атаки и превратился в яркую вспышку света.

К тому времени, когда к месту сражения прибыла марсианская эскадра Погранфлота, от патруля не осталось ничего, кроме мелких обломков и пыли.

Между тем разгорелось сражение и между основным ядром чужой эскадры и боевыми силами Земли. Чужаки успели нанести удар по международным энергостанциям и, по бесстрастным подсчетам компьютеров, погубили более двух тысяч человек, работающих в космосе...

Владимир Сергеевич Лукьянов-Васильченко перестал стучать по клавишам компьютера и с удовлетворением откинулся на спинку кресла, взирая на свой труд: он сочинял очередной роман из цикла «Завоеватели». Подумав, решил немного «усилить» эффект нападения вражеского космфлота на Землю и переправил цифру «две тысячи» — в смысле потерь человечества — на «десять тысяч». Радостно потер руки: сцена боя, описанная в романе, впечатляла.

— Теперь можно и водочки рюмашку пропустить, — сказал он сам себе, отправляясь на кухню.

Включил свет... и замер с открытым ртом, глядя на сидевших за столом мужчин.

Один из них был сед, величав и удивительно похож на известного актера, сыгравшего в знаменитом сериале Штирлица. У него были прозрачно-серые глаза и тяжелый подбородок.

Второй казался моложе, голубоглазый и абсолютно лысый, точнее — бритоголовый, но его прямые жесткие губы говорили о большой воле и сильном характере.

— В-вы кто?! — опомнился Владимир Сергеевич. — К-как вы здесь оказались?!

Гости встали. Одеты оба были в блестящие комбинезоны наподобие летных, пряжки ремней мигали разноцветными огнями.

— Писатель Владимир Сергеевич Лукьянов-Васильченко? — проговорил седой старик.

— По кличке На-Воху-Доносор? — добавил голубоглазый.

У Владимира Сергеевича отвисла челюсть: кличкой его наградили друзья, и знали ее совсем немногие.

— Д-да... Откуда вы зна... Вы из КГБ?! То есть из ФСБ?

— Мы из будущего. Присядьте, есть разговор.

Ноги Владимира Сергеевича ослабли, и он буквально рухнул на подставленный стул. Сердце дало сбой.

Ему подали стакан воды.

Он залпом выпил. Голова слегка прояснилась.

— Надо следить за собой, — укоризненно покачал головой седой.

Владимир Сергеевич посмотрел на свое отражение в дверце кухонного шкафа, и ему на мгновение стало стыдно. Выглядел он хреново, лет на пятьдесят с гаком, хотя недавно ему стукнуло тридцать четыре года: толстый, обрюзгший, пузо на коленях, лицо в складках, неухоженные усы, да и не брился три дня...

— Я... начну... это... зарядкой... по утрам...

— К делу, — перебил его голубоглазый.

— Чего вы хотите? — вздрогнул писатель.

— Владимир Сергеевич, вы обвиняетесь в намеренной маргинализации будущего, описывая в своих произведениях сплошные войны и криминальные разборки! К сожалению, вы являетесь не просто писателем, а магическим оператором, и ваши тексты реализуются в будущем. Прекратите уничтожать вселенные!

Владимир Сергеевич обалдел.

— Вы че, мужики, серьезно?!

— Более чем. Вы даже не представляете, насколько серьезно.

— Бред! — засмеялся Владимир Сергеевич.

— Некоторых ваших коллег мы уже предупредили, — ровным голосом продолжал голубоглазый. — Двое из них прекратили футур-экспансию, еще двоих пришлось нейтрализовать.

— К-как нейтрализовать?!

— Способов воздействия много, — спокойно ответил старик. — От психических до физических. К примеру, один небезызвестный вам писатель тяжело заболел...

— Б.К. Пушкин! — прошептал Владимир Сергеевич, бледнея. — В психушку положили...

— Есть и другие примеры.

— Саша Пупченко... свалился с крыши девятиэтажки... Не может быть! Он просто перепил...

— Итак, вы принимаете наше предложение?

Кухня закачалась перед глазами писателя.

— Бред! Вы издеваетесь... не имеете права...

— Мы вас предупредили. — Голос старика превратился в гулкий бас, лампочка под потолком кухни лопнула.

Владимир Сергеевич вздрогнул и потерял сознание.

Очнулся он утром.

Вскинулся, тараща глаза, вспоминая встречу с посланцами из будущего, огляделся.

Он лежал поперек кровати прямо на одеяле. Часы показывали десять утра. Пора было вставать и садиться за компьютер.

— Мы вас предупредили... — передразнил Владимир Сергеевич пришельцев из сна. — Чушь собачья! Надо же,

сны какие снятся после одной стопки водки! Ну, погодите, засланцы из будущего, я вам покажу маргинализацию!

Он сполз с кровати, подумал было о зарядке, потом махнул рукой: к черту, лень!

Кое-как умылся, позавтракал бутербродами с салом, сел за стол. С минуту соображал, о чем писать, и начал...

Стая «драконов» нанесла удар по столицам европейских государств, в том числе и по Москве, прежде чем земному флоту удалось отогнать ее в космос. Но потери среди мирного населения были ужасающи! Погибли миллионы людей. Были разрушены знаменитые памятники архитектуры, загорелся Кремль...

Владимир Сергеевич поежился, представляя себе эту картину, собрался было продолжать... и упал навзничь от сильного удара в грудь! Поднял глаза к потолку, не понимая, в чем дело, но вместо потолка увидел небо в серых и красных дымах, услышал грохот и рев близких и далеких взрывов и понял, что лежит на асфальте улицы, а не на полу кабинета! Приподнялся на локтях, разглядывая жуткую картину разрушения.

Слева горел красно-кирпичный дом, справа — какое-то суперсовременное здание из металла и стекла. Над зданием в небе шло сражение между гигантскими летательными аппаратами в виде жутких черных драконов и земными истребителями. Изредка молнии, которыми стреляли «драконы», устремлялись к земле, и тогда в небо ввинчивался очередной дымно-огненный смерч.

Мимо пробежала группа молодых людей в странных одеждах. За ними ковылял старик в зеркальном балахоне, держа под мышкой нечто вроде огнемета.

— Постойте! — остановил его Владимир Сергеевич. — Скажите, где я?!

Старик бегло оглядел писателя, скривил губы.

— Ты что, паря, проснулся? Или память отшибло? Впрочем, неудивительно. А проснулся ты в Москве, аккуратно на Охотном Ряду, с чем тебя и поздравляю.

— Что... происходит?!

Старик втянул голову в плечи от близкого взрыва, затропился прочь, оглянувшись.

— Война идет, паря! С пришельцами. Так что лучше бы тебе не просыпаться.

Глаза старика вспыхнули пронзительной синью, и Владимир Сергеевич, холодея, вспомнил слова одного из недавних гостей:

— Мы тебя предупредили...

Не оставалось сомнений: его нейтрализовали! Причем очень просто — послали в то будущее, которое он описал...

Над площадью раздался рыдающий вопль:

— Я больше не буду-у-у... Верните меня домой!..

Может быть, и в самом деле стоит писать о будущем только хорошо? С надеждой, верой и любовью?..

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

ОТКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ	7
КОНСЕРВНЫЙ НОЖ	144
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕНИСА МОЛОДЦОВА <i>(повесть в новеллах)</i>	
Ошибка в расчетах	397
Запасный выход	439
Десант на Плутон	464

РАССКАЗЫ

БЕГЛЕЦ	499
ФУОР	510
МАЛЬЧИШКА ИЗ 22-го	521
ДВОЕ В ПУСТЫНЕ	530
ОПЕРАЦИЯ «ТЕРПЕНИЕ»	542
ПЕРЕВОРОТ	548
КРАЙ СВЕТА	557
УХО, ГОРЛО, ГЛАЗ	592
СМОТРИТЕЛЬ ПИРАМИД	627
Я ВАС ПРЕДУПРЕДИЛ	662

Литературно-художественное издание
Головачев Василий Васильевич

КРАЙ СВЕТА

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *Е. Самолетова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Лео Хао*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 21.11.2006.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 35,28.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 5195.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

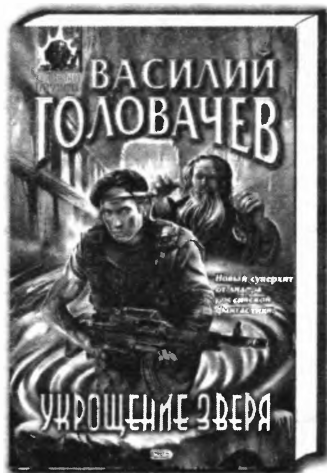
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Новый роман
«Укрощение зверя». Завершающая
третья часть цикла «Евангелие от зверя».

Василий Головачев входит в пятерку
самых известных и продаваемых авторов
отечественной фантастики.

Суммарные тиражи его книг
превышают 18 миллионов
экземпляров!

Новая книга Василия Головачева
завершает одну
из его самых известных трилогий

«УКРОЩЕНИЕ ЗВЕРЯ»

ТЕПЕРЬ У СТРАХА ЕСТЬ ИМЯ

ДИН КУНЦ

В США Дина Кунца ставят на один уровень со Стивеном Кингом. Спор, чьи книги страшнее, продолжается около 20 лет и до сих пор остаётся открытым. По мнению «New York Times»: «Люди боятся читать Стивена Кинга, а сам Стивен Кинг боится читать Дина Кунца».

Книги «Дверь в декабрь»
и «Франкенштейн: Блудный сын»
выходят на русском языке впервые!

Суммарный мировой тираж книг
Дина Кунца
превышает 200 миллионов
экземпляров.

*Мировой
Бестселлер*

www.koontz.ru
www.eksmo.ru

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАСТЕР ТОНКОГО ЮМОРА И ГЛУБОКОЙ ИРОНИИ

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Миллиарды тонких замечаний,
необыкновенных ситуаций и ни одного
повторения за все время
головокружительного путешествия

по книгам ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА!

«Собирая мир, Создатель выдал на-гора массу выдающихся
и в высшей степени оригинальных идей. Однако сделать мир
понимаемым в его задачу не входило»

Из романа «Мор»

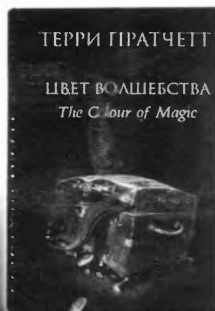
«Кольчуга не слишком защищает от стрелы, особенно если та
нацелена вам между глаз».

Из романа «Дамы и Господа»

« – А кто такой философ?

– Тот, у кого хватило ума подыскать себе непыльную работенку,
не связанную с подъемом тяжестей».

Из романа «Мелкие боги»

КАЧЕСТВЕННАЯ ПРОЗА
ТОЛЬКО ДЛЯ НАСТОЯЩИХ ЦЕНИТЕЛЕЙ ЖАНРА

<http://pratchett.info>

www.eksmo.ru

ISBN 5-699-18252-7

9 785699 182527 >